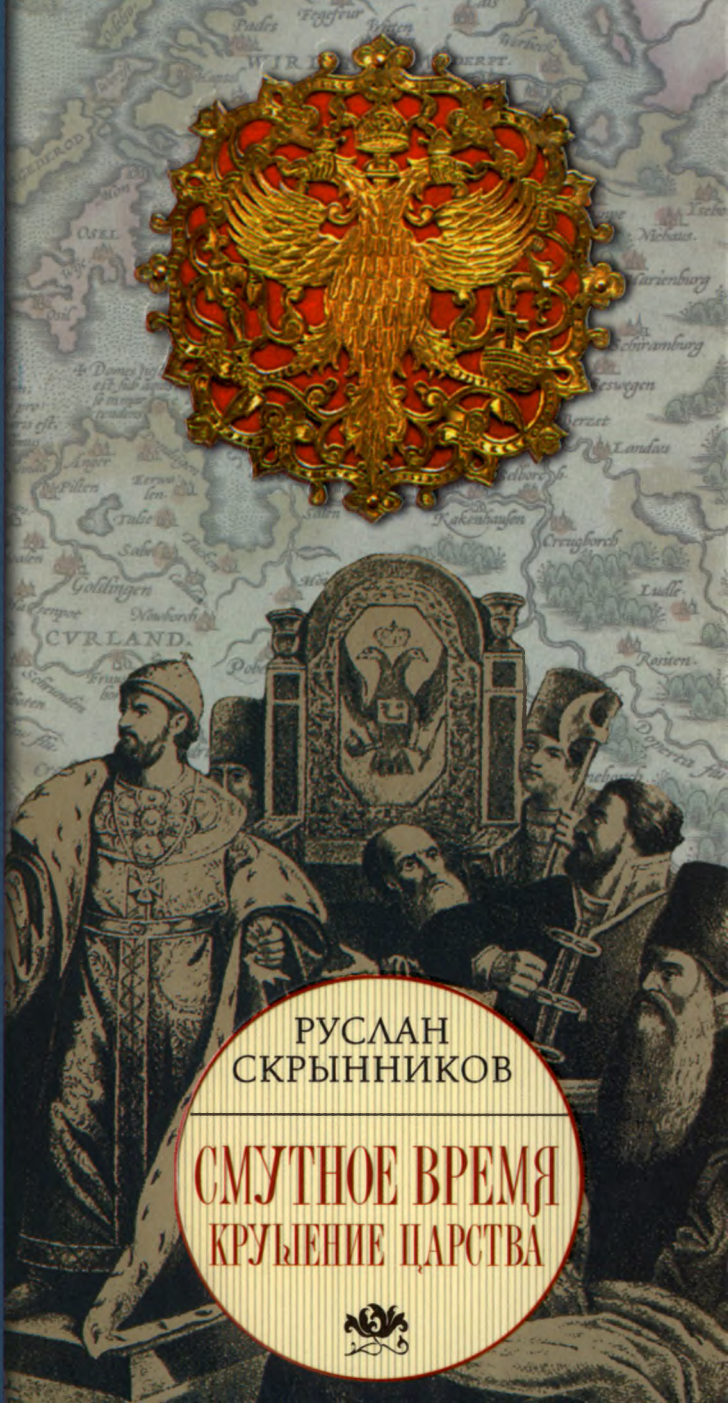
Историческая библиотека



РУСЛАН СКРЫННИКОВ

СМУТНОЕ ВРЕМЯ
КРУШЕНИЕ ЦАРСТВА

РУСЛАН
СКРЫННИКОВ

РУСЛАН
СКРЫННИКОВ

СМУТНОЕ ВРЕМЯ
КРУШЕНИЕ ЦАРСТВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХРАНИТЕЛЬ
МОСКВА

УДК 94(47)(092)
ББК 63.3(2)45
С45

Компьютерный дизайн В.С. Петрова

Скрынников, Р.Г.
С45 Смутное время: Крушение царства / Руслан Скрынников. — М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2007. — 542, [2] с.

ISBN 978-5-17-043660-6 (ООО «Изд-во АСТ»)(С.: Ист.библ.(новая))
ISBN 978-5-9713-6331-6 (ООО Изд-во «АСТ МОСКВА»)
ISBN 978-5-9762-3290-7 (ООО «ХРАНИТЕЛЬ»)
Серийное оформление С.Е. Власова

ISBN 978-5-17-045994-0 (ООО «Изд-во АСТ»)(С.: ПКДВ(84))
ISBN 978-5-9713-6330-9 (ООО Изд-во «АСТ МОСКВА»)
ISBN 978-5-9762-4304-0 (ООО «ХРАНИТЕЛЬ»)
Серийное оформление А.А. Кудрявцева

Смутное время.

Гражданская война, постигшая Россию в начале XVII века.

Что стало ее главной причиной?

Страшная эпоха правления Иоанна Грозного? «Великий голод», в котором доведенный до отчаяния народ обвинил узурпатора Бориса Годунова?

Изощренная польско-литовская интрига, в результате которой на престоле оказался самозванец Лжедмитрий? Или что-то еще?

Вот лишь немногие из вопросов, на которые отвечает увлекательное историческое повествование Р.Г. Скрынникова, посвященное причинам и событиям Смутного времени.

УДК 94(47)(092)
ББК 63.3(2)45

© Р.Г. Скрынников, 2007
© ООО «Издательство АСТ», 2007

ВВЕДЕНИЕ

В начале XVII века Россия пережила первую в своей истории гражданскую войну, названную современниками Смутой. Причиной катастрофы явился кризис, поразивший Московское царство в период правления Ивана Грозного и Бориса Годунова.

В годы опричнины царь Иван IV разделил дворянское сословие надвое, пожаловал охранному корпусу опричников большие привилегии и натравил их на земских дворян. Непосредственный эффект его политики был огромен. Царь утвердил свою неограниченную личную власть. Но долговременные последствия его политики были катастрофическими. Опора монархии оказалась расщеплена, вследствие чего политическая структура власти утратила всякую стабильность. Отныне Грозный мог управлять государством только с помощью террора и насилия. Погромы и резня деморализовали опричную гвардию, превратив ее в банду мародеров. Царю пришлось трижды менять состав своего охранного корпуса. Верхушка опричнины была физически истреблена руками так называемых «дворовых» людей, а затем руководители «двора» были уничтожены «удельными» слугами самодержца. Масштабы террора Грозного были сравнительно невелики (погибло примерно 4000 человек; в междоусобицах Смуты — десятки и сотни тысяч). Но террор оставил глубокий след в русской истории. Раскол дворянства, вызванный учреждением опричнины, сохранялся в разных формах не менее двадцати лет и исподволь подготовлял почву для Смуты.

В дореволюционной историографии сложилась концепция, согласно которой государство в XVI веке закрепостило все слои русского общества, прикрепив дворян к службе, а крестьян — к земле. В действительности государство не обладало необходимым для этого могуществом. Без заключения своего рода договора государство не могло навязать дворянству принцип обязательной военной службы. Такой договор сложился после завоевания Новгорода, конфискации колоссального фонда боярских земель и организации поместной системы. В первой половине XVI века сложился порядок, при котором казна взяла на себя обязательство обеспечивать поместьями как дворянина, так и его потомков — детей и внуков по достижении ими совершеннолетия. Только после этого государство смогло ввести принцип обязательной службы дворян с земли. Новая военно-служилая система была, по существу, грандиозной утопией, несостоятельность которой стала очевидна уже к началу XVII века. Рождаемость в дворянских семьях была очень высока. Завоевания прекратились после поражения России в Ливонской войне. Изыскивать землю для новых поколений дворянских недорослей стало все труднее. Следствием нараставшего дробления поместий стало дворянское оскудение. Кризис дворянского сословия явился главнейшей предпосылкой Смуты.

С отменой Юрьева дня рухнул традиционный уклад жизни русских крестьян. Страшный голод 1601—1603 годов принес смерть сотням тысяч людей. Усилился приток беглых на окраины, где быстро набирало силу вольное казачество. Борис Годунов попытался подчинить казацкие окраины, выстроив на них цепь крепостей.

«Великий голод» обрек низы на безмерные страдания. Народ винил во всем «несчастливого» царя Бориса. В таких условиях раскол дворянства и вооруженных сил, а также восстания казачества ввергли государство в пучину гражданской войны. Толчком к Смуте послужило вторжение в страну самозваного царевича Дмитрия.

Истории самозванцев посвящена обширная литература. Первоначально все внимание историков было сосредоточено на вопросе о том, кто скрывался под личиной Лжедмитрия I.

Большинство историков придерживалось мнения, что имя сына Грозного принял беглый чудовский монах Григорий Отрепьев. Но самый крупный знаток Смутного времени — С. Ф. Платонов пришел к заключению, что вопрос о личности самозванца не поддается решению. Подводя итог своим наблюдениям, историк с некоторой грустью писал: *«Нельзя считать, что самозванец был Отрепьев, но нельзя также утверждать, что Отрепьев им не мог быть: истина от нас пока скрыта»*.

Столь же осторожной была точка зрения В. О. Ключевского. Как отметил этот историк, личность неведомого самозванца остается загадочной, несмотря на все усилия ученых разгадать ее; трудно сказать, был ли то Отрепьев или кто другой, хотя последнее менее вероятно. Анализируя ход Смуты, В. О. Ключевский с полным основанием утверждал, что важна была не личность самозванца, а роль, им сыгранная, и исторические условия, которые сообщили самозванческой интриге страшную разрушительную силу.

В советской историографии события начала XVII века стали рассматривать в рамках концепции классовой борьбы, в результате чего возникла концепция крестьянской войны в России. Эта концепция отличается стройностью, но ее трудно согласовать с фактами. Полагают, что самозванство в России возникло на почве своеобразной социальной утопии, веры крестьян в «доброго» царя. Самозванство стали рассматривать как особую форму антифеодального движения в России. В силу своеобразного положения крестьяне значительно дольше других сословий сохраняли веру в «доброго» царя. Однако это не значит, что вера в пришествие «хорошего» царя возникла как своеобразная крестьянская утопия.

В начале XVII века такая вера распространилась не только среди угнетенных низов — крестьян, холопов и проч., но и в других социальных слоях и группах, включая казаков, стрельцов, торговое население городов, наконец, служилых детей боярских, для которых царская власть была источником всех благ.

Попытаемся подробнее исследовать исторические условия, вызвавшие к жизни самозванство — одно из самых удивительных явлений русской средневековой истории, порожденных условиями гражданской войны.

Часть I
ХОЛОП НА ТРОНЕ

Глава 1
КОНЕЦ ЗАКОННОЙ ДИНАСТИИ

Династия Ивана Калиты, внука Александра Невского, правила Московским государством в течение почти трехсот лет. Основы ее могущества были заложены в то время, когда над Русью тяготело проклятие татарского ига. При Иване III, в конце XV века, Россия наконец освободилась от господства иноземных завоевателей. Иван Грозный, внук Ивана III, довершил разгром татарских ханств, образовавшихся на развалинах Золотой Орды. Рухнули Казанское и Астраханское ханства. Земли в низовьях Волги, на которых чужеземные завоеватели некогда основали столицу Золотой Орды, оказались навсегда и бесповоротно включены в состав единого Русского государства. Вслед за этим Россия нанесла сокрушительный удар Крымской орде, положив конец разорительным набегам крымцев на Москву. В Ливонской войне Иван IV не добился успеха. Но поражение не могло уничтожить популярность, приобретенную им в годы «казанского взятия».

В народной памяти Иван IV остался грозным, но справедливым государем. То, что царь пролил немало крови своих подданных, ничего не меняло. Обездоленные низы винили во всех бедах «лихих» бояр и приказных чиновников — своих притеснителей, но не православного государя, стоявшего на недоступной взору высоте. Государь сам казнил изменников-бояр, всенародно объявлял их вины и даже обращался к народу за одобрением своих действий. Помимо того, Иван IV не раз жестоко наказывал приказных судей, уличен-

ных во взятках и мошенничестве. В глазах народа Иван IV был не только представителем законной династии Ивана Калиты, но и последним царем, при котором масса народа — феодально зависимые крестьяне — пользовалась правом выхода в Юрьев день.

Бедствия, обрушившиеся на страну при Годунове в начале XVII века, придали особую прелесть воспоминаниям о благоденствии России при «хорошем» царе Иване Васильевиче. Чем мрачнее становилось время, чем меньше оставалось надежд, тем пышнее расцветали всевозможные утопии.

Иван IV был последним потомком Калиты, имевшим многочисленную семью. Его первая жена, Анастасия Романова, родила трех сыновей — Дмитрия, Ивана, Федора и нескольких дочерей. Вторая царица, Мария Темрюковна, родила сына Василия, последняя жена, Мария Нагая, — сына Дмитрия. Все дочери Грозного, как и царевич Василий, умерли в младенческом возрасте. Оба Дмитрия — первенец царя и его младший сын — погибли из-за несчастной случайности. Царевич Иван Иванович, достигший двадцатисемилетнего возраста и объявленный наследником престола, умер от нервного потрясения, претерпев жестокие побои от отца. Единственный внук Грозного появился на свет мертворожденным, и в этом случае виновником несчастья оказался царь, подверженный страшным припадкам ярости. Род Грозного был обречен на исчезновение. Причиной послужило не только несчастное стечение обстоятельств, но и факторы природного характера. Браки внутри одного и того же круга знатных семей имели отрицательные биологические последствия. Уже в середине XVI века стали явственно видны признаки вырождения царствующей династии. Брат Ивана IV Юрий Васильевич, глухонемой от рождения, умер без потомства. Сын Грозного царь Федор Иванович был слабоумным и хилым и тоже не оставил детей. Младший сын царя Ивана Дмитрий страдал эпилепсией. Шансы на то, что царевич доживет до зрелых лет и оставит наследника, были невелики. Но как первенцу Грозного — Дмитрию-старшему, так и его младшему сыну Дмитрию суждена была нечаянная и преждевременная смерть.

Царевич Дмитрий-старший родился тотчас после взятия Казани. Благочестивый отец, поклявшийся в случае победы совершить паломничество в Кириллов монастырь на Белоозере, взял в путешествие новорожденного младенца. Родня царевича бояре Романовы сопровождали богомольца и в дни путешествия бдительно следили за неукоснительным соблюдением церемониала, подчеркивавшего их высокое положение при дворе. Где бы ни появлялась нянька с царевичем на руках, ее неизменно поддерживали под руки двое бояр Романовых. Царская семья путешествовала на богомольях в стругах. Боярам случилось однажды вступить вместе с кормилицей на шаткие сходни струга. Все тут же упали в воду. Для взрослых купание в реке не причинило вреда. Младенец же Дмитрий захлебнулся, и откачать его так и не удалось. В честь первенца Иван IV назвал именем Дмитрий младшего сына.

Умирая, царь передал трон любимому сыну Федору, а Дмитрию выделил удельное княжество со столицей в Угличе. Федор отпустил младшего брата на удел *«с великой честью», «по царскому достоянию»*. В проводах участвовали бояре, двести дворян и несколько стрелецких приказов. Царице было назначено содержание, приличествовавшее ее сану. Но никакие почести не смогли смягчить унижение вдовствующей царицы. Удаление Нагих из столицы за неделю до коронации Федора имело символическое значение. Власти не пожелали, чтобы вдова-царица и ее сын присутствовали на коронации в качестве ближайших родственников царя.

Прошло несколько лет, и Борис Годунов, управлявший государством от имени недееспособного Федора, прислал в Углич дьяка Михаила Битяговского. Дьяк был наделен самыми широкими полномочиями. Фактически царевич Дмитрий и его мать царица Мария Нагая лишились почти всех прерогатив, которыми они обладали в качестве удельных владык. Битяговский контролировал все доходы, поступавшие в удельную казну.

Дмитрий-младший погиб в Угличе 15 мая 1591 года. Согласно официальной версии, он нечаянно нанес себе рану, которая оказалась смертельной. Комиссия боярина Шуйско-

го, расследовавшая дело по свежим следам, пришла именно к такому заключению. «Обыск» (следственное дело) Шуйского сохранился до наших дней. Но вид неловко разрезанных и склеенных листов давно вызывал подозрения у историков.

По слухам, царевич Дмитрий был злодейски зарезан людьми, подосланными Борисом Годуновым. Версия насильственной смерти Дмитрия получила официальное признание при царе Василии Шуйском и при Романовых. Она оказала огромное влияние на историографию. Это влияние сказывается и по сей день.

Смерть Дмитрия Угличского сопровождалась бурными событиями. В Угличе произошло народное восстание. Подстрекаемые царицей Марией и Михаилом Нагим, угличане разгромили Приказную избу, убили государева дьяка Битяговского, его сына и др. Четыре дня спустя в Углич прибыла следственная комиссия. Она допросила сто сорок свидетелей. Протоколы допросов, а также заключение комиссии о причинах смерти Дмитрия сохранились до наших дней. Однако существует мнение, что основная часть угличских материалов дошла до нас в виде беловой копии, составители которой то ли ограничились простой перепиской имевшихся в их распоряжении черновых документов, то ли произвели из них некую выборку, а возможно, и подвергли редактированию. Тщательное палеографическое исследование текста «обыска», проведенное В. К. Клейном, в значительной мере рассеивает подозрения насчет сознательной фальсификации следственных материалов в момент составления их беловой копии. Основной материал переписан семью разными почерками. Входившие в комиссию подьячие провели обычную работу по подготовке следственных материалов и судопроизводству. В подавляющем большинстве случаев показания свидетелей-угличан отличались краткостью, и подьячие, записав их, тут же предлагали грамотным свидетелям приложить руку. По крайней мере двадцать свидетелей подписали на обороте свои «речи». Их подписи строго индивидуализированы и отражают разную степень грамотности, довольно точно соответствовавшую их общественному положению и роду занятий. В след-

ственную комиссию вошли очень авторитетные лица, придерживавшиеся разной политической ориентации. Скорее всего по инициативе Боярской думы руководить расследованием поручили боярину Василию Шуйскому, едва ли не самому умному и изворотливому противнику Годунова, незадолго до этого вернувшемуся из ссылки. Его помощником стал окольничий А. П. Клешнин. Он поддерживал дружбу с правителем, хотя и доводился зятем Григорию Нагому, состоявшему при царице Марии в Угличе. Вся практическая организация следствия лежала на главе Поместного приказа думном дьяке Е. Вылузгине и его подьячих. По прошествии времени следователь В. Шуйский не раз менял свои показания относительно событий в Угличе, но комиссия в целом своих выводов не пересматривала.

Составленный следственной комиссией «обыск» сохранил не одну, а по крайней мере две версии гибели царевича Дмитрия. Версия насильственной смерти всплыла в первый день дознания. Наиболее энергично ее отстаивал дядя царицы Марии Михаил Нагой. Он же назвал убийц Дмитрия: сына Битяговского — Данилу, его племянника — Никиту Качалова и др. Однако Михаил не смог привести никаких фактов в подтверждение своих обвинений. Его версия рассыпалась в прах, едва заговорили другие свидетели. Когда позвонили в колокол, показала вдова Битяговского, *«муж мой Михаила и сын мой в те поры ели у себя на подворьишке, а у него ел священник... Богдан»*. Поп Богдан был духовником Григория Нагого и изо всех сил выгораживал царицу и ее братьев, утверждая, что те непричастны к убийству дьяка, погубленного посадскими людьми. Хотя показания попа откровенностью не отличались, он простодушно подтвердил перед Шуйским, что обедал за одним столом с Битяговским и его сыном, когда в городе ударили в набат. Таким образом, в минуту смерти царевича его «убийцы» мирно обедали у себя в доме вдалеке от места преступления. Они имели стопроцентное алиби. Преступниками их считали только сбитые с толку люди.

Показания свидетелей позволяют выяснить еще один любопытный факт: Михаил Нагой не был очевидцем происше-

ствия. Он прискакал во дворец *«пьян на коне», «мертв пьян»*, после того как ударили в колокол. Протрезвев, Михаил осознал, что ему придется держать ответ за убийство дьяка, представлявшего в Угличе особу царя. В ночь перед приездом Шуйского он велел преданным людям разыскать несколько ножей и палицу и положить их на трупы Битяговских, сброшенные в ров у городской стены. Комиссия, расследовавшая дело по свежим следам, без труда разоблачила этот подлог. Городовой приказчик Углича Русин Раков показал, что он взял у посадских людей в Торговом ряду два ножа и принес их к Нагому, а тот велел слуге зарезать курицу и вымазать ее кровью оружие. Михаил Нагой был изобличен, несмотря на запирательство. На очной ставке с Раковым слуга Нагого, резавший курицу в чулане, подтвердил показания приказчика. Михаила Нагого окончательно выдал брат Григорий, рассказавший, как он доставал из-под замка «ногайский нож» и как изготовлены были другие «улики».

Версия нечаянного самоубийства Дмитрия исходила от непосредственных очевидцев происшествия. В полдень 15 мая царевич под наблюдением взрослых гулял с ребятами на заднем дворе и играл ножичком в тычку. При нем находились боярыня Волохова, кормилица Арина Тучкова, ее сын Баженко, молочный брат царевича, постельница Марья Колобова, ее сын Петрушка и еще два жильца (придворные служители, отобранные в свиту царевича из числа его сверстников). Шуйский придавал показаниям мальчиков исключительное значение и допрашивал их с особой тщательностью. Прежде всего он выяснил, *«хто в те поры за царевичем были»*. Жильцы отвечали, что *«были за царевичем в те поры только они, четыре человека, да кормилица, да постелница»*. На заданный «в лоб» вопрос, *«были ли в те поры за царевичем Осип Волохов и Данило Битяговский»*, они дали отрицательный ответ. Мальчики прекрасно знали людей, о которых их спрашивали (сын дьяка был их сверстником, а Волохов и Качалов служили жильцами в свите царевича и были постоянными товарищами их игр). Они кратко, точно и живо рассказали о том, что произошло на их глазах: *«...играл-де царевич в тычку ножиком с ними на заднем*

дворе, и пришла на него болезнь — падучей недуг — и набросился на нож».

Может быть, мальчики сочинили историю о болезни царевича в угоду Шуйскому? Такое предположение убедительно опровергается показаниями взрослых свидетелей.

Трое видных служителей царицына двора — подключники Ларионов, Иванов и Гнидин — показали следующее: когда царица села обедать, они стояли *«в верху за поставцом, ажно, деи, бежит в верх жилец Петрушка Колобов, а говорит: тешился, деи, царевич с нами на дворе в тычку ножом и пришла, деи, на него немочь падучая... да в ту пору, как ево било, покололся ножом сам и оттого умер»*. Итак, Петрушка Колобов сообщил комиссии то же самое, что и дворовым служителям через несколько минут после гибели Дмитрия.

Показания Петрушки Колобова и его товарищей подтвердили Марья Колобова, мамка Волохова и кормилица Тучкова. Свидетельство кормилицы отличалось удивительной искренностью. В присутствии царицы и Шуйского она назвала себя виновницей несчастья: *«...она того не уберегла, как пришла на царевича болезнь черная... и он ножом покололся...»*

Спустя некоторое время нашелся восьмой очевидец гибели царевича. Приказной царицы Протопопов на допросе показал, что услышал о смерти Дмитрия от ключника Толубеева. Ключник, в свою очередь, сослался на стряпчего Юдина. Всем троим тотчас устроили очную ставку. В результате выяснилось, что в полдень 15 мая Юдин стоял в верхних покоях «у поставца» и от нечего делать смотрел в окно, выходившее на задний двор. По словам Юдина, царевич играл в тычку и накололся на нож, а *«он* (Юдин. — *Р. С.)... в те поры стоял у поставца, а то видел»*. Юдин знал, что Нагие толковали об убийстве, и благоразумно решил уклониться от дачи показаний следственной комиссии. Если бы его не вызвали на допрос, он так ничего бы и не сказал.

Версия нечаянной гибели царевича содержит два момента, каждый из которых поддается всесторонней проверке. Во-первых, — болезнь Дмитрия, которую свидетели называли «черным недугом», «падучей болезнью», «немочью падучею».

Судя по описаниям припадков и их периодичности, царевич страдал эпилепсией. Как утверждали свидетели, *«презже тово... на нем* (царевиче. — *Р. С.) была ж та болезнь по месяцем безпрестанно»*. Сильный припадок случился с Дмитрием примерно за месяц до его кончины. Перед «великим днем», показала мамка Волохова, царевич во время приступа *«объел руки Ондрееве дочке Нагова, одва у него... отнели»*. Андрей Нагой подтвердил это, сказав, что Дмитрий «ныне в великое говенье у дочери его руки переел», а прежде *«руки едал»* и у него, и у жильцов, и у постельниц: царевича *«как станут держать, и он в те поры ест в нецывенье за что попадетца»*. О том же говорила и вдова Битяговского: *«Многажды бывало, как его* (Дмитрия. — *Р. С.) станет бити тот недуг и станут ево держати Ондрей Нагой, и кормилица, и боярони, и он... им руки кусал или, за что ухватил зубом, то объест»*.

Последний приступ эпилепсии у царевича длился несколько дней. Он начался во вторник. На третий день царевичу *«маленько стало полехче»*, и мать взяла его к обедне, а потом отпустила на двор погулять. В субботу Дмитрий второй раз вышел на прогулку, и тут у него внезапно возобновился приступ.

Во-вторых, согласно версии о самоубийстве, царевич в момент приступа забавлялся с ножичком. Свидетели описали забаву подробнейшим образом: царевич *«играл через черту ножом»*, *«тыкал ножом»*, *«ходил по двору, тешился сваею* (остроконечный нож. — *Р. С.) в кольцо»*. Правила игры были несложными: в очерченный на земле круг игравшие поочередно втыкали нож, который следовало взять за острие лезвием вверх и метнуть так ловко, чтобы он, описав в воздухе круг, воткнулся в землю торчком. Следовательно, когда с царевичем случился припадок, в руках у него был остроконечный нож. Жильцы, стоявшие подле Дмитрия, показали, что он *«набросился на нож»*. Василиса Волохова описала случившееся еще точнее: *«...бросило его о землю, и тут царевич сам себя ножем поколол в горло»*. Остальные очевидцы утверждали, что царевич напоролся на нож, *«бьючися»* или *«летячи»* на землю. Таким образом, все очевидцы гибели Дмитрия единодушно утверждали, что эпилептик уколол себя в горло, и расходились толь-

ко в одном: в какой именно момент царевич уколол себя ножом — при падении или во время конвульсий на земле. Могла ли небольшая рана повлечь за собой гибель ребенка? На шее непосредственно под кожным покровом находятся сонная артерия и яремная вена. При повреждении одного из этих сосудов смертельный исход неизбежен. Прокол яремной вены влечет за собой почти мгновенную смерть, при кровотечении из сонной артерии агония может затянуться.

После смерти Дмитрия Нагие сознательно распространили слух о том, что царевича зарезали подосланные Годуновым люди. Правитель Борис Годунов использовал первый же подходящий случай, чтобы предать Нагих суду. Таким случаем явился пожар Москвы. Обвинив Нагих в поджоге столицы, власти заточили Михаила Нагого и его братьев в тюрьму, а вдову Грозного насильно постригли и отправили *«в место пусто»* — на Белоозеро.

В момент смерти Дмитрия никто из современников не подозревал о том, что десять лет спустя *«убиенному младенцу»* суждено будет стать героем народной утопии.

Выбор имени первого на Руси *«доброго царя»* — героя легенды — был во многих отношениях случайным.

Даже среди столичного народа очень немногие видели младшего сына Грозного. В небольшом городе Угличе его знали лучше. Но там очень многим было известно, что царевич унаследовал от отца его жестокость. Дикие забавы Дмитрия приводили в смущение современников. Восьмилетний мальчик приказывал товарищам игр лепить снежные фигуры, называл их именами первых бояр в государстве, а затем рубил им головы или четвертовал. Дворянские писатели осуждали подобные *«детские глумления»*. Однако в народе жестокость по отношению к «лихим» боярам воспринималась совсем иначе. Дмитрий обещал стать таким же хорошим царем, как и его отец. Подверженные суевериям современники считали, что больные эпилепсией («черным недугом») одержимы нечистой силой. Царевич Дмитрий страдал жестокой эпилепсией. Но это не помешало развитию легенды о добром царевиче. Борис Годунов запретил поминать имя Дмитрия в молитвах о здравии чле-

нов царской семьи на том основании, что царевич, рожденный в шестом браке, был, по тогдашним представлениям, незаконнорожденным. Но в годы Смуты об этом забыли.

Смерть Дмитрия вызвала многочисленные толки в народе. Однако в Москве правил законный царь, и династический вопрос никого не занимал. Но едва царь Федор умер и династия Калиты пресеклась, имя Дмитрия вновь появилось на устах.

Глава 2
РОЗЫСК О САМОЗВАНЦЕ

В период короткого междуцарствия после смерти Федора литовские лазутчики подслушали в Смоленске и записали молву, в которой можно было угадать все последующие события Смутного времени. Толки были на редкость противоречивыми. Одни говорили, будто в Смоленске были подобраны письма от Дмитрия, известившие жителей, что *«он уже сделался великим князем»* на Москве. Другие толковали, что появился не царевич, а самозванец, *«во всем очень похожий на покойного князя Дмитрия»*. Борис будто бы хотел выдать самозванца за истинного царевича, чтобы добиться его избрания на трон, если не захотят избрать его самого.

Молва, подслушанная в Смоленске, носила недостоверный характер. Боярин Нагой, говоря о смерти Дмитрия, будто бы сослался на мнение своего соседа — *«астраханского тиуна»* (слуги) Михаила Битяговского. «Тиуна» вызвали в Москву и четвертовали после того, как он под пыткой признался, будто сам убил Дмитрия.

Лазутчики записали скорее всего толки простонародья, имевшего самые смутные представления о том, что происходило в столичных верхах. Низы охотно верили слухам, порочившим правителя Бориса Годунова и проникнутым живым сочувствием к Романовым. Может быть, их распускали сами Романовы или близкие к ним люди? Ответить на этот вопрос трудно. В народных толках о младшем сыне Грозного невоз-

можно уловить никаких похвал в его адрес. О том, что царевич жив, говорили как бы мимоходом, без упоминаний о его достоинствах, законных правах и проч. Куда подробнее обсуждали вторую версию, согласно которой «Дмитрий» был самозванцем и пешкой в политической игре правителя.

Итак, борьба за обладание троном и вызванные ею политические страсти, а не крестьянская утопическая идея о «добром царе» оживили тень Дмитрия. После избрания Бориса на трон молва о самозваном царевиче смолкла. Зато слух о спасении истинного Дмитрия — «доброго царя» — в народе получил самое широкое распространение. Служилый француз Я. Маржарет, прибывший в Москву в 1600 году, отметил в своих записках: *«Прослышав в тысяча шестисотом году молву, что некоторые считают Дмитрия Ивановича живым, он* (Борис. — *Р. С.) с тех пор целые дни только и делал, что пытал и мучил по этому поводу»*.

Оживление толков о Дмитрии едва ли следует связывать с заговором Романовых. Эти бояре пытались заполучить корону в качестве ближайших родственников последнего законного царя Федора. Появление «законного» наследника могло помешать осуществлению их планов. Совершенно очевидно, что в 1600 году у Романовых было столь же мало оснований готовить самозванца Дмитрия, как у Бориса Годунова в 1598 году.

Если бы слухи о царевиче распространял тот или иной боярский круг, покончить с ними для Годунова было бы нетрудно. Трагизм положения заключался в том, что молва о спасении младшего сына Грозного проникла в народную толпу, и потому никакие гонения не могли искоренить ее. Народные толки и ожидания «создали почву для появления самозванца. В свою очередь, деятельность самозванца оказала огромное воздействие на дальнейшее развитие народных утопий.

Самозванец объявился в пределах Речи Посполитой в 1602—1603 годах. Им немедленно заинтересовался Посольский приказ. Не позднее августа 1603 года Борис обратился к первому покровителю самозванца — князю Острожскому с требованием выдать «вора». Но «вор» уже переселился в имение Адама Вишневецкого.

Неверно мнение, будто Годунов назвал самозванца первым попавшимся именем. Разоблачению предшествовало самое тщательное расследование, после которого в Москве объявили, что имя царевича принял беглый чернец Чудова монастыря Гришка, в миру — Юрий Отрепьев.

Московским властям нетрудно было установить историю беглого чудовского монаха. В Галиче жила вдова Варвара Отрепьева, мать Григория, а родной дядя Смирной-Отрепьев служил в Москве как выборный дворянин. Смирной преуспел при новой династии и выслужил чин стрелецкого головы. Накануне бегства племянника он был «голова у стрельцов». Как только в ходе следствия всплыло имя Отрепьева, царь Борис вызвал Смирного к себе. Власти использовали показания Смирного и прочей родни Отрепьева и в ходе тайного расследования, и при публичных обличениях «вора». Как значилось в Разрядных книгах, Борис посылал в Литву *«в гонцех на обличенье тому вору ростриге дядю ево родного галеченина Смирного-Отрепьева»*. Современник Отрепьева троицкий монах Авраамий Палицын определенно знал, что Гришку обличали его мать, родные брат и дядя и, наконец, *«род его галичане вси»*.

Московские власти сконцентрировали внимание на двух моментах биографии Отрепьева: его насильственном пострижении и соборном осуждении «вора» в московский период его жизни. Но в их объяснениях по этим пунктам были серьезные неувязки. Одна версия излагалась в дипломатических наказах, адресованных польскому двору. В них значилось буквально следующее: Юшка Отрепьев, *«як был в миру, и он по своему злодейству отца своего не слухал, впал в ересь, и воровал, крал, играл в зернью, и бражничал, и бегал от отца многажда, и заворовався, постригсе у черницы...»*.

Нетрудно установить, с чьих слов был составлен этот убийственный отзыв о Юрии Отрепьеве. Незадолго до посылки наказа в Польшу в Москву вернулся Смирной-Отрепьев, ездивший за рубеж по заданию Посольского приказа для свидания с Григорием-Юрием. Очевидно, он и был автором назидательной новеллы о беспутном дворянском сынке.

Юшка отверг сначала родительский авторитет, а потом авторитет самого Бога. После пострижения он *«отступил от Бога, впал в ересь и в чорнокнижье, и призываше духов нечистых и отреченья от Бога у него выняли»*. Узнав об этих преступлениях, патриарх осудил его на пожизненное заключение в тюрьму.

Посольский приказ фальсифицировал биографию Отрепьева в двух самых важных пунктах. Цели фальсификации предельно ясны. Посольскому приказу важно было представить Отрепьева как одиночку, за спиной которого нет никаких серьезных сил, а заодно изобразить его изобличенным преступником, чтобы иметь основание потребовать от поляков выдачи «вора».

С дружеским венским двором царь поддерживал куда более доверительные отношения, чем с польским. Поэтому в письме к императору Борис позволил себе некоторую откровенность по поводу Отрепьева. Русский оригинал послания Бориса австрийскому императору, датированного 1604 годом, хранится в Венском архиве и до сих пор не опубликован. Приведем здесь полностью разъяснения царя по поводу личности Отрепьева. До своего пострижения, утверждал Борис, Юшка *«был в холопех у дворянина нашего у Михаила Романова и, будучи у него, учал воровати, и Михайло за его воровство велел его збити з двора, и тот страдник учал пуще прежнего воровать, и за то его воровство хотели его повесить, и он от тое смертные казни сбежал, постригся в дальних монастырех, а назвали его в чернецех Григорием»*.

Почему царь Борис решился связать имя Отрепьева с именем Романовых? Быть может, он желал скомпрометировать своих противников? Но почему Годунов не назвал имена старших братьев — знаменитых бояр Федора и Александра Никитичей Романовых, а указал на младшего брата Михаила, которого мало кто знал даже в России и который двумя годами ранее умер в царской тюрьме? В венском наказе видно то же настойчивое стремление, что и в польском. Царские дипломаты старались рассеять подозрения относительно возможной поддержки самозванца влиятельными боярами. От поляков вовсе скрыли, что Отрепьев служил Романову. Австрий-

цев убеждали в том, что Романов не был пособником «вора», а, напротив, изгнал его за воровские проделки.

Внутри страны появление самозванца долго замалчивалось. Толки о нем беспощадно пресекались. Наконец Лжедмитрий вторгся в пределы страны, и молчать стало невозможно. Тогда с обличением Отрепьева выступила церковь.

Жизнеописание Отрепьева, составленное в патриаршей канцелярии, разительно отличалось от версии Посольского приказа. Враг оказался гораздо опаснее, чем думали в Москве. Самозванец терпел поражение в открытом бою, но посланная против него многочисленная армия не могла изгнать его из пределов страны. Попытки представить Отрепьева юным негодяем, которого пьянство и воровство довели до монастыря, никого больше не могли убедить. Дипломатическая ложь рушилась сама собой. Патриаршие дьяки принуждены были более строго следовать фактам. Патриарх Иов известил паству о том, что Отрепьев *«жил у Романовых во дворе и заворовался,* [спасаясь] *от смертные казни, постригся в черньцы и был по многим монастырям»,* позже служил у него, патриарха, *«а после того сбежал в Литву с товарищами своими, с чюдовскими черницы»*.

Власти не настаивали на первоначальной версии, будто Отрепьева постригли из-за его безобразного поведения и восстания против родительской власти. Юшка заворовался, живя на дворе у Романовых. Как видно, патриарх умышленно не называл имени окольничего Михаила: он хотел бросить тень разом и на старших Романовых! Но подобные побуждения имели все же второстепенное значение. Царские опалы, казалось бы, навсегда покончили с могуществом Романовых: старший из братьев принял монашество и сидел под стражей в глухом монастыре, трое других погибли в ссылке. Никто не предвидел, что один из уцелевших сыновей Никитичей взойдет со временем на трон.

Посольский приказ старался скрыть от иноземцев определенную связь между пострижением Отрепьева и службой его опальным Романовым. Но уже в разъяснениях патриарха можно уловить намек на такую связь.

После смерти Годунова и гибели Лжедмитрия I царь Василий Шуйский произвел новое дознание по поводу самозванца. Его следователи имели одно важное преимущество перед Борисовыми. Они видели самозванца наяву. Новый царь опубликовал результаты расследования с большими подробностями, чем Борис. Его разъяснения при польском дворе отличались сдержанностью. Любые неточности могли быть легко опровергнуты в Кракове. Между тем самый вопрос о самозванце приобрел теперь государственное значение.

В инструкциях дипломатам Посольский приказ больше не скрывал факта службы Отрепьева у Романовых. На этот раз царские дьяки сообщили полякам даже больше, чем Патриаршая канцелярия. Юшка, писали они, *«был в холопах у бояр у Микитиных детей Романовича и у князя Бориса Черкаскова и, заворовався, постригся в чернцы...»*. Точности ради дьяки должны были указать, что Отрепьев служил окольничему Михаилу и не имел отношения к Филарету и другим Никитичам, в то время вернувшимся в Москву. Заявления насчет связи самозванца со всей семьей Романовых имели политическую подоплеку. Едва приверженцы Шуйского выкрикнули на площади имя нового царя, как в боярской среде возник заговор. К нему примкнули Никитичи, не оставившие надежды занять трон. Тогда на их голову посыпались удары. Филарет Романов, которого нарекли в патриархи, лишился сана. Царская немилость обрушилась и на ближайших родственников Филарета — князей Черкасских.

В царских наказах Отрепьев назван боярским холопом. Можно ли верить этому? Юрий Отрепьев поступил на службу к Михаилу Романову как добровольный слуга. Однако царское уложение о холопах 1597 года предписывало всем господам в принудительном порядке составить кабальные грамоты на всех добровольных «холопов», прослуживших у них не менее полугода. Боярин Черкасский стоял в боярской иерархии значительно выше молодого окольничего Михаила Романова. Поэтому Юрий Отрепьев имел причины для перехода во

двор к Черкасскому. Там он, возможно, и дал на себя кабальную запись.

В поздних летописях умалчивается о службе Отрепьева у Романовых и их родни. В царствование Романовых было небезопасно или, во всяком случае, неприлично вспоминать этот факт из биографии вора и богоотступника. Поэтому история пострижения Юрия Отрепьева получила совершенно превратное истолкование в поздних летописных сочинениях. Автор «Иного сказания» сочинил романтическую сказку о том, как четырнадцатилетний Юшка случайно повстречал в Москве безвестного вятского игумена Трифона и под влиянием душеспасительной беседы с ним принял схиму. Отзвук подлинных событий находим в одном компилятивном сказании, автор которого изложил причины пострижения Юшки следующим образом. Царь Борис послал в заточение и на смерть великих бояр Федора Никитича Романова и Бориса Камбулатовича Черкасского. Юшка часто приходил в дом к Черкасскому и был у него в чести, *«и тоя ради вины на него царь Борис нвгодова, той же лукав сый вскоре избежав от царя, утаився во един монастырь и постриженся...»*. Автор сказания усердно пытался смягчить неприятные для новой династии факты. Он умалчивает о том, что Юшка служил Михаилу Никитичу Романову и его шурину Черкасскому. Юшка будто бы лишь захаживал на двор к боярину Борису Черкасскому и от него «честь приобретал». Как бы то ни было, но в намеках сказания все же проглядывает истина.

Юшка не затерялся среди многочисленной холопской дворни, а сделал карьеру при дворе боярина Черкасского, вошел у него «в честь». При боярских дворах дети боярские такого ранга и происхождения служили обычно дворецкими, конюшими, воеводами в боярских городах.

После ареста Романовых и Черкасского их слуга Юрий Отрепьев, не желая разделить участь своих господ, постригся в монахи и взял имя Григорий. За пострижением последовали скитания по монастырям. Этот период жизни черница Григория Отрепьева стал предметом всевозможных легенд. Поздние летописи противоречат друг другу, едва толь-

ко начинают перечислять обители, в которых побывал новоиспеченный монах. Современники не знали толком, где постригся Юшка Отрепьев. Автор «Нового летописца», близкий к Филарету Романову, откровенно признается, что Юшка *«во младости постризжеся на Москве, не вем где»*. И даже Посольский приказ, расследовавший дело по свежим следам, не мог добиться истины. При Шуйском установили только, что постригал Юшку *«с Вятки игумен Трифон»*. Обряд был совершен, как видно, в спешке на каком-нибудь монастырском подворье.

Посольский приказ был лучше всего осведомлен о столичном периоде жизни Григория. Имея под рукой множество свидетелей, приказ смог установить срок пребывания чернеца в кремлевском Чудове монастыре. Отрепьев, значилось в посольской справке, был *«в Чюдове монастыре в дияконех з год»*. Это известие следует признать единственной достоверной хронологической вехой в ранней биографии Отрепьева.

Если мы теперь обратимся к сказаниям современников, то увидим, какие любопытные метаморфозы претерпели в них сведения о чудовском периоде жизни Отрепьева. Один из летописцев сообщал, будто Гришка *«пребываша и безмолствоваше в Чудове года два»*. Те же данные приведены в поздней «Истории о первом патриархе Иове», составленной после 1652 года. Троицкий монах Авраамий Палицын считал, что чернец Григорий два лета стоял на клиросе в Чудовском монастыре, а потом служил во дворе у патриарха более года. Таким образом, летописцы продлили срок пребывания Отрепьева в столичном монастыре с одного года до двух лет.

Аналогичным образом современники описывали «житие» монаха Григория в провинциальных обителях. По свидетельству «Нового летописца», чернец Отрепьев жил год в Спасо-Ефимьеве монастыре и еще *«двенадесять недель»* в соседнем монастыре на Куксе. По словам другого летописца, Григорий прибыл *«во обитель Живоначальные Троицы на Железный Борок, ко Иякову святому и в том монастыре постризается, и пребыша ту три лета»*. Летописец ошибся, назвав монастырь

на Железном Борку Троицким. На самом деле то был монастырь Иоанна Предтечи. Ошибка выдает малую осведомленность автора летописи.

Пребывание в провинциальных монастырях явилось в действительности лишь кратким эпизодом в жизни Григория Отрепьева. В посольской справке, составленной при Василии Шуйском, сообщалось без особых подробностей о том, что *«был он, Гришка, в чернцах в Суздале в Спаском в Ефимьеве монастыре и в Галиче у Иоанна Предтечи и по иным монастырем...»*. Но в справке не сказано, сколько времени провел Отрепьев в провинциальных монастырях. Заполнить этот пробел помогает осведомленный современник — автор «Повести 1626 года». Он категорически утверждает, что до водворения в столичном монастыре Григорий носил рясу очень недолго. *«По мале же времяни пострижения своего изыде той чернец во царствующий град Москву и тамо доиде пречистые обители архистратига Михаила»*. Если верно то, что пишет названный автор, значит, Отрепьев не жительствовал в провинциальных монастырях, а бегал по ним.

Приведенные факты позволяют установить главнейшие даты в жизни Отрепьева. Чудовский монах отправился в Литву в феврале 1602 года, после того как пробыл год в Чудовом монастыре. Следовательно, он обосновался в Чудове в начале 1601 года. Если верно, что Отрепьев прибыл в Москву «по мале времени» (вскоре) после своего пострижения, значит, он постригся в конце 1600 года. Именно в это время Борис Годунов разгромил заговор бояр Романовых и Черкасских. Приведенные факты полностью подтверждают версию, согласно которой Отрепьев принужден был уйти в монастырь в связи с гонениями на Романовых в ноябре 1600 года. В то время Отрепьеву было примерно двадцать лет. По понятиям XVI века молодые люди достигали совершеннолетия и поступали на службу в пятнадцать лет. Это значит, что до своего пострижения Григорий успел прослужить на боярских подворьях около пяти лет.

Установив все эти факты, попробуем заполнить самые первые страницы биографии Отрепьева.

Глава 3

ЖИЗНЬ ЮРИЯ ОТРЕПЬЕВА

Юрий Богданович Отрепьев родился в небогатой дворянской семье. Предки Отрепьевых выехали из Литвы на службу в Москву. Отец Юрия Богдан Отрепьев, достигнув совершеннолетия в пятнадцать-шестнадцать лет, получил поместье вместе со старшим братом Никитой Смирным. Произошло это в феврале 1577 года. Дворянские недоросли, начиная служить, вскоре же заводили семью. Так поступил и Богдан Отрепьев. На рубеже 70—80-х годов XVI века в его семье родился сын Юрий. Это значит, что он был примерно одного возраста с царевичем Дмитрием. Юшка достиг совершеннолетия в самые последние годы царствования Федора.

Отец Юшки Богдан служил в стрелецких войсках, но выслужил только чин стрелецкого сотника. Он рано умер. Согласно посольской справке, Богдана зарезал литвин на Москве в Немецкой слободе. Там, где иноземцы свободно торговали вином, нередко случались уличные драки. Московские летописцы помнили, что Юшка *«остался после отца своего млад зело»* и воспитанием его занималась мать. От нее мальчик научился читать Божественное Писание, *«часовник и псалмы Давидовы»*. Как видно, возможности домашнего образования были быстро исчерпаны, и Юшку послали *«к Москве на учение грамоте»*. Семья Отрепьевых имела прочные связи в столице. Там обретался дед Юшки, там служили его родной дядя Смирной и «свояк» семьи дьяк Семейка Ефимьев. Вероятно, кто-то из приказных и выучил Юшку писать. В приказах ценили хороший почерк, и при них существовали школы, готовившие писцов-каллиграфов. Отрепьев усвоил изящный почерк, что позволило ему позже стать переписчиком книг на патриаршем дворе.

Только в ранних посольских наказах юного Отрепьева изображали беспутным негодяем. При Шуйском этого уже не было. Поздние летописцы не скрывали удивления по поводу способностей Отрепьева. Правда, при этом они выражали бла-

гочестивые подозрения, не вступил ли Юшка в союз с нечистой силой, будучи еще подростком. Учение в самом деле давалось Отрепьеву очень легко. В непродолжительное время Юшка стал *«зело грамоте горазд»*. Бедность и сиротство отнимали у способного ученика надежды на выдающуюся карьеру. На царской службе он едва ли мог надеяться выслужить воеводский чин. Честолюбивый провинциал искал более легких путей и поступил на службу к брату царя Михаилу Никитичу. В то время, когда многие считали Никитичей единственными законными претендентами на царский трон, служба при их дворе сулила массу выгод.

Выбор Юшки кажется случайным. Но так ли было на самом деле? Отрепьевы издавна сидели целым гнездом на берегах реки Монзы, притоке Костромы. Там же располагалась знаменитая костромская вотчина боярина Федора Никитича — село Домнино. Родители Отрепьева жили неподалеку от монастыря, на Железном Борку. Менее чем в десяти верстах от монастыря стоял романовский починок Кисели.

За несколько лет службы Отрепьев занял при дворе Никитичей достаточно высокое положение. Это обстоятельство едва не погубило Юшку в тот момент, когда Романовых постигла царская опала. В окружении бояр Романовых, кроме таких преданных слуг, как Отрепьев, нашлись также и предатели. Мелкий помещик Бартенев, служивший казначеем у боярина Александра Никитича Романова, донес царю, что его господин хранит в казне волшебные коренья, с помощью которых намерен извести Бориса и всю его семью. Донос положил начало одному из самых громких колдовских процессов XVII века. После ареста Романовых в их казне действительно был найден мешок с кореньями, предъявленный Боярской думе в качестве решающей улики. Борис мог казнить Романовых за самое тяжкое государственное преступление. Но он предпочел отправить их в ссылку. Приставы, сопровождавшие опальных, говорили: «Вы, злодеи-изменники, хотели достать царство ведовством и кореньем!»

Обвинение в колдовстве явилось не более чем предлогом к расправе с Романовыми. Польские послы, находивши-

еся в то время в Москве, потратили немало усилий на то, чтобы установить причины опалы Романовых. Собранная ими информация особенно интересна потому, что она исходила от людей, симпатизировавших родне царя Федора. *«Нам удалось узнать,* — читаем в польском дневнике, — *что нынешний великий князь* (Борис. — *Р. С.) насильно вторгся в царство и отнял его от Никитичей-Романовичей, кровных родственников умершего великого князя. Названные Никитичи-Романовичи усилились и, возможно, снова предполагали заполучить правление в свои руки, что и было справедливо, и при них было достаточно людей, но той ночью великий князь* (Борис. — *Р. С.) на них напал».*

Отрепьев поступил на службу к Романовым, ожидая их скорого восшествия на трон. Его мечты казались близки к осуществлению. В 1600 году здоровье Бориса резко ухудшилось. Как отметили поляки, русским властям не удалось сохранить в тайне болезнь царя, и в городе по этому поводу поднялась большая тревога. Для обсуждения сложившейся ситуации была спешно созвана Боярская дума. Бориса по его собственному распоряжению отнесли на носилках из дворца в церковь, чтобы показать народу, что он еще жив.

Ввиду близкой кончины Бориса возобновление борьбы за трон казалось неизбежным. Польские послы, наблюдавшие развитие кризиса, утверждали, будто у Годунова очень много недоброжелателей среди подданных, их преследуют, подвергают строгим наказаниям, но это не спасает положения. *«Не приходится сомневаться,* — писали поляки, — *что в любой день там должен быть мятеж».*

Последующие события показали, что наибольшую угрозу для неокрепшей династии, как и прежде, таят в себе притязания бояр Романовых. По сравнению с худородным Годуновым Романовы имели гораздо больше прав на трон в качестве ближайших родственников — двоюродных братьев последнего царя из династии Калиты.

Своими поспешными и преждевременными действиями Романовы сами навлекли беду на свою голову. Ожидая близкой кончины Бориса, они собрали на своем подворье много-

численную вооруженную свиту. В воздухе запахло мятежом. Малолетний наследник Бориса имел совсем мало шансов удержать трон после смерти отца. Новая династия не укоренилась, и у больного царя оставалось единственное средство ее спасения. Борис должен был пресечь боярский заговор, разгромить отряды, с помощью которых заговорщики рассчитывали осуществить переворот, и, наконец, устранить с политической арены главных претендентов на трон.

Силы, собранные Романовыми, были столь значительны, что у стен боярского подворья произошло форменное сражение. 26 октября 1600 года в польском дневнике появилась следующая запись: *«Этой ночью его сиятельство канцлер сам слышал, а мы из нашего двора видели, как несколько сот стрельцов вышли ночью из замка* (Кремля. — *Р. С.) с горящими факелами, и слышали, как они открыли пальбу, что нас испугало»*. Вскоре поляки узнали подробности ночного нападения. *«Дом, в котором жили Романовы,* — отметили они, — *был подожжен; некоторых* (опальных. — *Р. С.) он* (Борис. — *Р. С.) убил, некоторых арестовал и забрал с собой...»*

Вооруженная боярская свита оказала стрельцам отчаянное сопротивление. Царь Иван в таких случаях подвергал дворню поголовному истреблению. Годунов не хотел следовать его примеру. Он ограничился казнью ближних слуг опальных Романовых. Подобная участь угрожала и Юрию Отрепьеву. По словам патриарха, Отрепьев постригся, спасаясь *«от смертные казни»*. Царь Борис выражался еще более определенно. Боярского слугу ждала виселица!

Не благочестивая беседа с вятским игуменом, а страх перед виселицей привел Отрепьева в монастырь. Двадцатилетнему дворянину, полному сил и надежд, пришлось покинуть свет и забыть свое мирское имя. Отныне он стал смиренным чернецом Григорием.

Спасаясь от пыток и казни, Отрепьев скрылся в провинции. Из посольской справки следует, что он побывал в суздальском Спасо-Ефимьевом монастыре и монастыре Ивана Предтечи в Галиче. Оба названных монастыря лежат на одной прямой, связывающей Москву с имением семьи Отрепь-

евых в Галичском уезде. Чернец Отрепьев не жительствовал в этих монастырях, а искал в них временное пристанище в дни бегства из Москвы в свое имение.

Сохранились известия, будто во время пребывания Отрепьева в суздальском Спасо-Ефимьевом монастыре тамошний игумен, видя его *«юна суща»*, отдал *«под начало»* некоему старцу. Жизнь «под началом» оказалась стеснительной, и чернец поспешил проститься со спасскими монахами. В прочих обителях Отрепьев задерживался и вовсе ненадолго. Контраст между жизнью в боярских теремах и прозябанием в монашеских кельях был разительным. Очень скоро чернец Григорий решил вернуться в столицу.

Как мог опальный инок попасть в аристократический кремлевский монастырь? Поступление в такую обитель обычно сопровождалось крупными денежными вкладами. Дьяки Шуйского дознались, что при поступлении в Чудов монастырь Гришка Отрепьев воспользовался протекцией: *«Бил челом об нем в Чюдове монастыре архимандриту Пафнотию (что ныне Крутицкой митрополит) богородицкой протопоп Еуфимий, чтоб его велел взяти в монастырь и велел бы ему жити в келье у деда у своего у Замятни»*.

Дед Григория Елизарий Замятня был примечательной фигурой. Полгода спустя после коронации Бориса Годунова он получил самое ответственное в своей жизни поручение: новый царь назначил его «объезжим головой» в Москве. Замятня должен был охранять порядок в «меньшой» половине Белого города — от Неглинной реки до Алексеевской башни. «Объезжими головами» в столице служили обычно дворяне, хорошо зарекомендовавшие себя по службе и лично известные государю. Вскоре после московской службы Замятня по старости удалился на покой в Чудов монастырь. Три года спустя Замятня, заручившись поддержкой влиятельного лица — протопопа кремлевского Успенского собора Евфимия, определил в Чудов монастырь внука Григория. Как свидетельствует посольская справка 1606 года, *«архимандрит Пафнотий для бедности и сиротства взяв его* (Григория. — *Р. С.) в Чудов монастырь»*.

Отрепьев недолго прожил под надзором деда. Архимандрит вскоре отличил его и перевел в свою келью. Там чернец, по его собственным словам, занялся литературным трудом. *«Живучи-де в Чудове монастыре у архимандрита Пафнотия в келии,* — рассказывал он знакомым монахам, — *да сложил похвалу московским чудотворцам Петру, и Алексею, и Ионе»*. Пафнутий приметил инока, не достигшего двадцати лет, и дал ему чин дьякона. *«...По произволенью тоя честныя лавры архимандрита Пафнотия,* — писали летописцы, — (Отрепьев. — *Р. С.) поставлен бысть во дьяконы рукоположеньем святейшего Иова патриарха...»*

История последующего взлета Отрепьева описана одинаково в самых различных источниках. Патриарх Иов в своих грамотах писал, будто взял Отрепьева на патриарший двор «для книжного письма». На самом деле Иов приблизил способного инока не только из-за его хорошего почерка. Чернец вовсе не был простым переписчиком книг. Его ум и литературное дарование доставили ему более высокое положение при патриаршем дворе. У патриарха Григорий продолжал *«сотворяти каноны святым»*.

Прошло совсем немного времени с тех пор, как Отрепьев являлся во дворец в свите окольничего Михаила Никитича. Теперь перед ним вновь открылись двери кремлевских палат. На царскую думу патриарх являлся с целым штатом писцов и помощников. Отрепьев оказался в их числе. Патриарх в письмах утверждал, что чернеца Отрепьева знают и он сам, святейший патриарх, и епископы, и весь собор. По-видимому, так оно и было. Сам Отрепьев, беседуя с приятелями, говорил им: *«Патриарх-де, видя мое досужество, учал на царские думы вверх с собою водити и в славу-де есми вшел великую»*.

Фраза Отрепьева насчет «славы» не была простым хвастовством. Карьера его на монашеском поприще казалась феерической. Сначала он оставался служкой у монаха Замятни, затем келейником архимандрита и дьяконом и наконец стал придворным патриарха. Надо было обладать незаурядными способностями, чтобы сделать такую карьеру в течение одного только года. Не подвиги аскетизма помогли выдвинуться

юному честолюбцу, а его необыкновенная восприимчивость к учению. В несколько месяцев он усваивал то, на что у других уходила вся жизнь. Примерно в двадцать лет Отрепьев стал заниматься литературными трудами, которые доверяли обычно убеленным сединой подвижникам.

При царе Борисе Посольский приказ пустил в ход версию, будто чернец Григорий бежал от патриарха, будучи обличен в ереси. Церковные писатели охотно подхватили официальную выдумку. Согласно «Истории о первом патриархе», Отрепьев *«разсмотрен бысть»* как еретик *«от некиих церковных»* (имена их не указаны), и тогда патриарх отослал чернеца обратно в Чудов монастырь *«в соблюдение»* до сыску царя Бориса. В летописях этот эпизод описан со множеством подробностей. Явление еретика якобы предсказал ростовский митрополит Варлаам. Летописец вложил в уста митрополита яркую обличительную речь. Суровое обличение как нельзя лучше подходило случаю, но автор не знал даже имени ростовского владыки. Он назвал Варлаама Ионой. Последующая история Отрепьева излагалась следующим образом. Царь Борис поверил доносу митрополита и велел сослать чернеца *«под крепкое начало»*. Получив царское повеление, дьяк Смирной-Васильев поручил дело дьяку Семейке Ефимьеву, но тот, будучи свояком Гришки, умолил Васильева отложить на некоторое время высылку Отрепьева. Прошло время, и Смирной будто бы забыл о царском указе. После того как в Литве объявился самозванец, Борис призвал к ответу Смирного, но тот *«аки мертв пред ним стояша и ничего не мог отвещати»*. Тогда царь велел забить Васильева до смерти на правеже. История, которую поведал летописец, вполне легендарна.

Предания об осуждении Отрепьева не выдерживают критики. Борисова версия сводилась к тому, что патриарх, узнав о «воровстве» чернеца, *«со всем вселенским собором, по правилом святых отец и по соборному уложенью, приговорили сослати с товарищи его... на Белое озеро в заточенье на смерть»*. Однако уже при Шуйском власти сильно смягчили прежнюю версию. В новых посольских наказах весь эпизод изложен как бы скороговоркой в одной-единственной строчке: злодей впал

в еретичество и его *«с собору хотели сослать в заточение на смерть»*. Тут не было и речи о формальном соборном суде и приговоре «по соборному уложенью». Еретика хотели сослать, и не более того! Но одно дело — дипломатические разъяснения за рубежом, а другое — справки внутреннего назначения.

Сразу после переворота в пользу Шуйского посольские дьяки составили подборку документов, включавшую секретную переписку Лжедмитрия. Эту подборку они сопроводили следующей краткой справкой о самозванце: *«...в лето 7110-го убежал в Литву изо обители архангела Михаила, яже ся нарицает Чудов, диакон черной Григорей Отрепьев, и в Киеве и в пределах его и тем во иноцех дьяконствующую и в чернокнижество обратился, и ангельский образ сверже, и обруга, и по действу вражию отступив зело от бога»*.

Итак, в документах, составленных для внутреннего пользования, посольские дьяки вовсе отбросили ложную версию об осуждении еретика. Отрепьев отступил от Бога и занялся чернокнижием после побега за рубеж, а следовательно, до побега у патриарха и священного собора попросту не было оснований для осуждения Отрепьева «на смерть».

Почему же московские епископы и при Шуйском продолжали писать в Польшу, будто Отрепьев был обличен на соборе и осужден на смерть? Отцы церкви грешили против истины. В их показания закралась неточность. Они в самом деле осудили и прокляли Отрепьева, но не в лицо, а заочно. Произошло это, когда в Польше объявился самозванец, которого в Москве назвали именем Отрепьева.

На том же соборе выступили свидетели, «провожавшие» Отрепьева за рубеж и общавшиеся с ним в Литве. Ими были бродячие монахи Пимен из Днепрова монастыря и Венедикт из Троице-Сергиева монастыря. Из их показаний следовало, что Отрепьев ушел в Литву не один, а в компании двух своих сотоварищей — Варлаама и Мисаила. Пимен «познался» с Отрепьевым и его компанией в Спасском монастыре в Новгороде-Северском и сам проводил их в Стародуб, а оттуда — за литовский рубеж до села Слободки. Монах Венедикт стал свидетелем метаморфозы Отрепьева в Литве. Он видел «вора»

Гришку в Киево-Печерском монастыре, в Никольском монастыре и в дьяконах у князя Острожского. Как видно, он довольно точно назвал места скитаний Отрепьева в Литве. Но в самом важном пункте его показаний угадывается вымысел. Бродячий троицкий монах, сбежавший в Литву, явно сочинил историю того, как он пытался изловить «вора» Гришку. По его словам, печерский игумен послал старцев, слуг и его, Венедикта, «имать» Гришку, но тот ушел к Адаму Вишневецкому, по «воровскому» умышлению которого и стал зваться князем Дмитрием.

Помимо старцев перед собором выступил еще один беглец, вернувшийся из-за рубежа, — Степанко-иконник. Когда-то он жил на посаде в Ярославле, но затем ушел в Литву и завел лавочку в Киеве. Степанко сказал, что Гришка заходил в его лавку, будучи в чернеческом платье, что он был в дьяконах в Печерском монастыре. Обо всем же остальном он знал, как видно, с чужих слов.

Власти выступили с разоблачением самозванца как Гришки Отрепьева на основании показаний двух беглых монахов. Но бродяги, неизвестными путями попавшие из-за рубежа в руки властей, были ненадежными свидетелями. Если они и знали кремлевского дьякона, то знали плохо, в течение совсем недолгого времени. Монахи не внушали доверия никому, включая правительство, которое, не церемонясь, звало бродяг «ворами».

Нужны были более авторитетные свидетели, но они объявились в Москве только через два года, когда в столице произошел переворот, покончивший с властью и жизнью Лжедмитрия I.

Глава 4

ПОХОЖДЕНИЯ В ЛИТВЕ

Новому царю Василию Шуйскому нужны были материалы, неопровержимо доказывавшие самозванство свергнутого «Дмитрия». В этот момент в Москве появился чернец Варла-

ам, подавший царю Василию «Извет» с обличением зловредного еретика Гришки. Продолжительное время историки считали сочинение Варлаама литературной мистификацией, предпринятой в угоду властям предержащим. Но под влиянием новых находок эти сомнения в значительной мере рассеялись. Прежде всего в старинных описях архива Посольского приказа обнаружилось прямое указание на подлинное следствие по делу Варлаама: *«Роспрос 7113 году старца Варлаама Ятцкого про Гришку постригу, как он пошел с ним с Москвы, и как был в Литве»*. Очевидно, Варлаам Яцкий именно в ходе «роспроса» или следствия и подал властям знаменитую челобитную, которая получила не вполне точное наименование — «Извет».

Со временем текст челобитной был включен в состав летописи, автор которой подверг его литературной обработке и снабдил обширными цитатами из грамот Лжедмитрия I. Именно эти дополнения и побуждали исследователей считать «Извет» скорее любопытной сказкой, чем достоверными показаниями свидетеля. Отношение к «Извету» решительно переменилось после того, как Е. Н. Кушева доказала, что «Извет» — это подлинная челобитная Варлаама, и обнаружила текст челобитной в списке ранней редакции.

Историки выражали крайнее удивление по поводу того, что Варлаам помнил точную дату выступления самозванца из Самбора в московский поход — «августа в пятый на десять день». На этом основании автора «Извета» подозревали в использовании документов и в литературной мистификации. Но точность Варлаама в этом случае легкообъяснима. Старец никак не мог забыть день выступления самозванца из Самбора, так как именно в этот день за ним захлопнулись двери самборской тюрьмы.

В рассказе Варлаама можно обнаружить одну второстепенную деталь, которая позволяет окончательно опровергнуть предположение о том, что «Извет» является литературной мистификацией. Речь идет о пятимесячном сроке заключения Варлаама в самборской тюрьме. Варлаам считал, что своим освобождением из тюрьмы после пяти месяцев заключения

он был обязан доброте жены Мнишека. Тюремный сиделец не догадывался о подлинных причинах происшедшего.

Самозванец выступил из Самбора в середине августа, а через пять месяцев потерпел сокрушительное поражение под Добрыничами. Его армия перестала существовать. Казалось бы, авантюре пришел конец. При таких обстоятельствах вопрос о безопасности самозванца перестал волновать Мнишеков, и они «выкинули» Варлаама из самборской тюрьмы. Таковы были подлинные причины освобождения московского монаха, оставшиеся неизвестными ему самому.

Варлаам оказался сущим кладом для московских судей, расследовавших историю самозванца. Выгораживая себя, он старался возможно более точно передать подробности событий.

После перехода границы Отрепьев и его товарищи, по словам Варлаама, жили три недели в Печерском монастыре в Киеве, а затем «летовали» во владениях князя Константина Острожского в Остроге. В этом пункте показания Варлаама подтверждаются неоспоримыми доказательствами. В книгохранилище Загоровского монастыря на Волыни была обнаружена отпечатанная в типографии князя Острожского в Остроге в 1594 году книга со следующей надписью: *«Лета от сотворения миру 7110-го месяца августа в 14-й день, сию книгу Великого Василия дал нам, Григорию с братиею с Варлаамом да Мисаилом, Константин Константинович, нареченный во святом крещении Василей, божиею милостию пресветлое княже Острожское, воевода Киевский».*

Примечательно, что дарственная надпись на книге была сделана не Острожским и не его людьми, а самими монахами. Позднее кто-то дополнил дарственную надпись, пометив подле слова *«Григорию» — «царевичу Московскому»*. Дополнение к надписи чрезвычайно интересно, хотя само по себе оно не доказывает тождества этих двух личностей — монаха и «царевича». Скорее всего поправку внес один из трех бродячих монахов, может быть, сам Отрепьев. Надпись на книге ценна тем, что подтверждает достоверность рассказа Варлаама о литовских скитаниях Отрепьева.

Рассказ Варлаама находит поразительную аналогию в «Исповеди» Лжедмитрия, записанной его покровителем Адамом Вишневецким в 1603 году. В «Исповеди» причудливо соединялись вымыслы и реальные биографические сведения.

«Царевич» знал немало того, что касалось угличской трагедии и дворцовых дел. Но едва он начинал излагать обстоятельства своего чудесного спасения, как его рассказ на глазах превращался в неискусную сказку. По словам «царевича», его спас некий воспитатель, имя которого он не называет. Проведав о планах жестокого убийства, воспитатель якобы подменил царевича другим мальчиком того же возраста. Несчастный был зарезан в постельке царевича. Когда мать-царица прибежала в спальню, она, обливаясь слезами, смотрела на лицо убитого, покрытое свинцово-серой бледностью, и не могла распознать подмену.

В момент, когда решилась судьба интриги, «царевич» должен был собрать воедино все доказательства своего царского происхождения, какие у него только были. Вот тут и обнаружилось, что доказательствами «Дмитрий» и не располагает, что он не может назвать ни одного свидетеля. В его рассказе фигурируют двое воспитателей, умерших до его побега в Польшу, и еще безымянный монах, который узнал в нем царевича по царственной осанке!

Самозванец избегал называть какие бы то ни было точные факты и имена, которые могли быть опровергнуты в результате проверки. Он признавал, что его чудесное спасение осталось тайной для всех, включая и его собственную мать, томившуюся в монастыре в России.«Исповедь» самозванца обнаруживает тот поразительный факт, что он явился в Литву, не имея хорошо обдуманной и правдоподобной легенды. Как видно, на русской почве интрига не получила развития, а «царевич» — подготовки. Его россказни кажутся неловкой импровизацией. На родине самозванцу подсказали одну лишь мысль — о царственном происхождении.

В речах «царевича» были, конечно, и достоверные факты, которые он не мог скрыть, не рискуя прослыть явным обманщиком. В частности, в Литве знали, что он явился туда в мо-

нашеской одежде, ранее служил в киевских монастырях и наконец сбросил рясу. Расстрижение ставило претендента в очень щекотливое положение. Не имея возможности скрыть этот факт, он должен был как-то объяснить возвращение в мир. Прежде всего «царевич» сочинил сказку, будто Годунов убедил царя Федора сложить с себя государственные заботы и вести монашескую жизнь в Кирилло-Белозерском монастыре и будто Федор сделал это тайно, без ведома опекунов. Младший «брат», таким образом, лишь шел по стопам старшего. О своем пострижении «царевич» рассказал в самых неопределенных выражениях. Суть его рассказа сводилась к следующему. Перед смертью воспитатель вверил спасенного им мальчика попечению некоей дворянской семьи. «Верный друг» держал воспитанника в своем доме, но перед кончиной посоветовал ему, чтобы избежать опасности, скрыться в монастыре и вести жизнь инока. Следуя благому совету, юноша принял монашеский образ жизни и в чернеческом платье прошел почти всю Московию. Наконец один монах опознал в нем царевича, и тогда юноша решил бежать в Польшу.

Можно констатировать совпадение биографических сведений, относящихся к Отрепьеву и самозванцу, почти по всем пунктам. Оба воспитывались в дворянской семье, оба приняли вынужденное пострижение, оба исходили Московию в монашеском платье.

Описывая свои литовские скитания, «царевич» упомянул о пребывании у князя Острожского в Остроге, переходе сначала к пану Габриэлю Хойскому в Гощу, а затем к Адаму Вишневецкому в Брачин. Там, в имении Вишневецкого, в 1603 году и был записан его рассказ.

Примечательно, что спутник Отрепьева Варлаам, описывая их странствия в Литве, назвал те же самые места и даты. П. Пирлинг, впервые обнаруживший это знаменательное совпадение, увидел в нем бесспорное доказательство тождества личности Отрепьева и Лжедмитрия.

В самом деле, можно выяснить шаг за шагом историю реального лица — Григория Отрепьева вплоть до того момента, как он пересек границу. С другой стороны, хорошо известен

путь Лжедмитрия от Брачина до Московского Кремля. Превращение бродячего монаха в царя произошло на отрезке пути от границы до Брачина. По словам Варлаама, Григорий Отрепьев прошел через Киев, Острог, Гощу и Брачин, после чего объявил себя царевичем. Из «Исповеди» Лжедмитрия следует, что после пересечения границы он прошел те же самые пункты, в той же последовательности и в то же время. Возможность случайного совпадения исключается, как и возможность сговора между автором «Извета» и Лжедмитрием. Варлаам не мог знать содержание секретного доклада Вишневецкого королю, а самозванец не мог предвидеть того, что напишет Варлаам после его смерти.

Загадка самозванца... В истории русского средневековья можно назвать совсем немного сюжетов, которые вызвали бы столь глубокий интерес у читателей и столько споров среди ученых. И все же загадку Лжедмитрия I едва ли следует считать неразрешимой. Если обратиться к самым ранним источникам и следовать строго установленным фактам, личность самозванца на глазах начинает утрачивать ореол таинственности. Современники многократно называли Лжедмитрия беглым монахом Григорием Отрепьевым, и в этом случае они не ошиблись.

Глава 5
РОЖДЕНИЕ ИНТРИГИ

По образному выражению В. О. Ключевского, Лжедмитрий *«был только испечен в польской печке, а заквашен в Москве»*.

Царь Борис считал причиной всех бед боярскую интригу. По свидетельству царского телохранителя К. Буссова, при первых же известиях об успехах самозванца Годунов сказал в лицо боярам, что это их рук дело и задумано оно, чтобы свергнуть его.

Известный исследователь Смуты С. Ф. Платонов возлагал ответственность на бояр Романовых и Черкасских. *«...Под-*

готовку самозванца, — писал он, — *можно приписывать тем боярским домам, во дворах которых служивал Григорий Отрепьев».* Но это не более чем гипотеза. Отсутствуют какие бы то ни было данные о непосредственном участии Романовых в подготовке Лжедмитрия. И все же следует иметь в виду, что именно на службе у Романовых и Черкасских сформировались политические взгляды Юрия Отрепьева. Под влиянием Никитичей и их родни Юшка увидел в Борисе узурпатора и проникся ненавистью к «незаконной» династии Годуновых.

Множество признаков указывает на то, что самозванческая интрига родилась не на подворье Романовых, а в стенах Чудова монастыря. В то время Отрепьев уже лишился покровительства могущественных бояр и мог рассчитывать только на свои силы. Авторы сказаний и повестей о Смутном времени утверждали, что именно в Чудове монастыре инок Григорий *«начал в сердце своем помышляти, како бы ему достигнути царского престола»,* и сам сатана *«обеща ему царствующий град поручити».* Составитель «Нового летописца» имел возможность беседовать с монахами Чудова монастыря, хорошо знавшими черного дьякона Отрепьева. С их слов он записал следующее: *«Ото многих же чюдовских старцев слышав, яко* (чернец Григорий. — *Р. С.) в смехотворие глаголаше старцев, яко «царь буду на Москве».*

Кремлевский Чудов монастырь, расположенный под окнами царских теремов и правительственных учреждений, давно оказался в водовороте политических страстей. Благочестивый царь Иван IV желчно бранил чудовских старцев за то, что они только по одежде иноки, а творят все, как миряне. Близость к высшим властям наложила особый отпечаток на жизнь чудовской братии. Как и в верхах, здесь царил раскол. Среди чудовской братии можно было встретить и знать, и мелких дворян. Были среди них добровольные иноки. Но большинство надели монашеский клобук поневоле, потерпев катастрофу на житейском поприще. Вступив на порог Чудова монастыря, чернец Григорий вскоре же попал в компанию Варлаама Яцкого и Мисаила Повадьина, которые в недавнем прошлом владели мелкими поместьями и несли службу как

дети боярские. Как и Отрепьев, они принадлежали к числу противников выборной земской династии Годуновых.

Монахи, знавшие Отрепьева, рассказывали, будто в Чудове *«окаянный Гришка многих людей вопрошаше о убиении царевича Дмитрия и проведаша накрепко»*. Однако можно догадаться, что Отрепьев знал об угличских событиях не только со слов чудовских монахов. В Угличе жили его близкие родственники.

Учитывая традиционную систему мышления, господствовавшую в средние века, трудно представить, чтобы чернец, принятый в столичный монастырь, «ради бедности и сиротства», дерзнул сам по себе выступить с претензиями на царскую корону. Скорее всего он действовал по подсказке людей, остававшихся в тени.

В Польше Отрепьев наивно рассказал, как некий монах узнал в нем царского сына по осанке и «героическому нраву». Безыскусность рассказа служит известной порукой его достоверности. Современники записали слухи о том, что монах, подучивший Отрепьева, бежал с ним в Литву и оставался там при нем.

Московские власти уже при Борисе объявили, что у «вора» Гришки Отрепьева «в совете» с самого начала были двое сообщников — Варлаам и Мисаил Повадьин. Из двух названных монахов Мисаил был, кажется, ближе к Отрепьеву. Они вместе жительствовали в Чудовом монастыре, вместе решили отправиться за рубеж. Варлаам, по его собственным словам, лишь присоединился к ним.

Наибольшую осведомленность по поводу Мисаила проявил автор «Сказания и повести, еже содеяся в царствующем граде Москве, и расстриге Гришке Отрепьеве». Он один знал полное мирское имя Мисаила — Михаил Трофимович Повадьин, сын боярский из Сериейска. Автор «Сказания» несколькими меткими штрихами рисует характер Мисаила. Когда Отрепьев позвал его в северские украинные города, Мисаил обрадовался, так как был *«прост сей в разуме, не утвержден»*. Сказанное рассеивает миф, будто интригу мог затеять Мисаил. Чудовский чернец оказался первым простаком, поверив-

шим в Отрепьева и испытавшим на себе его гипнотическое влияние.

Варлаам был человеком совсем иного склада, чем Мисаил. Его искусно составленный «Извет» свидетельствует об изощренном уме. Варлаам Яцкий, по его собственным словам, постригся «в немощи». Отсюда можно заключить, что он был много старше двадцатилетнего Отрепьева.

Несколько помещиков Яцких служили в Коломенском уезде, как и отец Юрия Отрепьева. Вообще члены этой семьи не отличались благонравным поведением. В коломенской десятке, где записан был Богдан Отрепьев, против имени двух Яцких значилась помета: *«бегают в разбое»*.

Обстоятельства пострижения Варлаама Яцкого неизвестны. Во всяком случае, постригся он не в Москве, а в провинции. Как и другие монахи, Варлаам немало исходил дорог, прежде чем осел в столице. Бродячие монахи были повсюду желанными гостями, поскольку от них люди узнавали всякого рода новости, слухи и проч. Будучи человеком острого ума, Варлаам, по-видимому, первым оценил значение толков о чудесном спасении законного наследника Дмитрия, захвативших страну.

Бродячее духовенство не случайно стало средой, в которой окончательно сформировалась самозванческая интрига. Монахи знали настроения народа и в то же время были вхожи в боярские дома. В своей челобитной Варлаам рассказывает, что познакомился с Мисаилом в доме князя Ивана Ивановича Шуйского. В «Извете» царю Василию Шуйскому Варлаам по понятным причинам назвал лишь имя опального князя Ивана Шуйского. Кем были другие покровители Варлаама? Кто из них инспирировал интригу? Ответить на все эти вопросы невозможно. Ясно, что враждебная Борису знать готова была использовать любые средства, чтобы покончить с выборной земской династией. Чернецы оказались подходящим орудием в ее руках. Борис Годунов был опытным и прозорливым политиком, и его догадки насчет подлинных инициаторов интриги имели под собой достаточно оснований.

Кремлевские монахи и недовольные царем бояре не предвидели последствий дела, которое они сами же и затеяли. Когда появление «Дмитрия» вызвало повсеместные восстания черни, они отшатнулись от него и постарались доказать свою преданность Борису.

Рассказ Варлаама о том, что он впервые увидел Отрепьева на улице накануне отъезда в Литву и последний назвался царевичем только в Брачине у Вишневецкого, звучит как неловкая ложь. «Извет» Варлаама проникнут страхом, ожиданием суровой расправы, а это как нельзя лучше подтверждает предположение, что именно Варлаам подсказал Отрепьеву его роль.

Слухи о чудесно спасшемся сыне Грозного захлестнули страну, и инициаторы авантюры рассчитывали использовать народную утопию в затеянной игре. Но они были столь далеки от народа, что их планы потерпели крушение при первых же попытках практического осуществления.

Когда Отрепьев пытался открыть свое «царское» имя сотоварищам по Чудову монастырю, те отвечали откровенными издевательствами — *«они же ему плеваху и на смех претворяху»*. В Москве претендент на трон не нашел ни сторонников, ни сильных покровителей. Отъезд его из столицы был, по-видимому, вынужденным. Григория гнали из Москвы воцарившийся там голод, а также страх разоблачения.

В своей челобитной Варлаам Яцкий старался убедить власти, будто он предпринял первую попытку изловить «вора» Отрепьева уже в Киево-Печерском монастыре. Но его рассказ не выдерживает критики.

В книгах московского Разрядного приказа можно найти сведения о том, что в Киево-Печерском монастыре Отрепьев пытался открыть монахам свое «царское» имя, но потерпел такую же неудачу, как и в московском Чудовом монастыре. Чернец будто бы прикинулся больным (разболелся «до умертвия») и на духу признался печерскому игумену, что он — царский сын, *«а ходит бутто в ыскусе, не пострижен, избегаючи, укрывался от царя Бориса...»*. Печерский игумен указал Отрепьеву и его спутникам на дверь.

В Киеве Отрепьев провел три недели в начале 1602 года. Будучи изгнанными из Печерского монастыря, бродячие монахи весной 1602 года отправились в Острог *«до князя Василия Острожского»*. Князь Острожский, подобно властям православного Печерского монастыря, не преследовал самозванца, но велел выгнать его за ворота.

С момента бегства Отрепьева из Чудова монастыря его жизнь представляла собой цепь унизительных неудач. Самозванец далеко не сразу приноровился к избранной им роли. Оказавшись в непривычном для него кругу польской аристократии, он часто терялся, казался слишком неповоротливым, при любом его движении *«обнаруживалась тотчас вся его неловкость»*.

Изгнанный из Острога, самозванец нашел прибежище в Гоще. Лжедмитрий не любил вспоминать о времени, проведенном в Остроге и Гоще. В беседе с Адамом Вишневецким он упомянул кратко и неопределенно, будто бежал к Острожскому и Хойскому и «молча там находился». Совсем иначе излагали дело иезуиты, заинтересовавшиеся делом «царевича». По их словам, «царевич» обращался за помощью к Острожскому-отцу, но тот якобы велел гайдукам вытолкать самозванца за ворота замка.

Два года спустя Острожский попытался уверить Годунова, а заодно и собственное правительство в том, что он ничего не знает о претенденте на царский трон. Сын Острожского Януш был более откровенным в своих «объяснениях» с королем. В письме от 2 марта 1604 года он писал, что несколько лет знал москвитянина, который называет себя наследственным владетелем Московской земли: сначала он жил в монастыре отца в Дермане, затем у ариан — представителей одной из христианских сект, обосновавшейся в Польше. Письмо Януша Острожского не оставляет сомнения в том, что уже в Остроге и Дермане Отрепьев называл себя московским царевичем. Самозванцу надо было порвать нити с прошлым, и поэтому он решил расстаться с двумя своими сообщниками, выступившими главными свидетелями в пользу его «царского» происхождения. Побег в Гощу к арианам объяснялся так-

же тем, что Отрепьев изверился в возможности получить помощь от православных магнатов и православного духовенства Украины.

Покинув сотоварищей, Отрепьев, по словам Варлаама, скинул с себя иноческое платье и «учинился» мирянином. То был опрометчивый шаг. Монах-расстрига тотчас лишился куска хлеба. Иезуиты, интересовавшиеся первыми шагами самозванца в Литве, утверждали, что расстриженный дьякон, оказавшись в Гоще, принужден был на первых порах прислуживать на кухне у пана Габриэля Хойского.

Гоща была центром секты ариан. По словам Януша Острожского, самозванец пристал к сектантам и стал отправлять арианские обряды, чем снискал их благосклонность. В Гоще Отрепьев получил возможность брать уроки в арианской школе. По словам Варлаама, расстриженного дьякона учили «полатынски и по-польски». Одним из учителей Отрепьева был русский монах Матвей Твердохлеб, известный проповедник арианства.

По свидетельству польских иезуитов, гощинские ариане снискали расположение «царевича» и даже «хотели совершенно обратить его в свою ересь, а потом, смотря по успеху, распространить ее и во всем Московском государстве». Те же иезуиты, не раз беседовавшие с Отрепьевым на богословские темы, признали, что сектантам удалось отчасти заразить его ядом неверия. Отрепьев жил у еретиков в Гоще до марта — апреля 1603 года, *а «после Велика дни* [из] *Гощи пропал»*. Имеются данные о том, что самозванец ездил в Запорожье и был с честью принят в отряде запорожского старшины Герасима Евангелика. Прозвище старшины указывает на принадлежность его к гощинской секте. Если приведенные данные достоверны, то отсюда следует, что ариане помогли Отрепьеву наладить связи с их запорожскими единомышленниками. Когда начался московский поход, в авангарде армии Лжедмитрия I шел небольшой отряд казаков во главе с арианином Яном Бучинским. Этот последний стал ближайшим другом и советником самозванца до его последних дней.

Поддержка ариан упрочила материальное благополучие Отрепьева, пошатнувшееся после разрыва с православным духовенством, но нанесла его репутации огромный ущерб. Самозванец не предвидел всех последствий своего шага. В глазах русских людей «хороший царь» не мог исповедовать никакой иной религии, кроме православия. Московские власти, заслышав о переходе Отрепьева в арианскую «веру», навеки заклеймили его как еретика.

После отъезда из Запорожской Сечи ничто не мешало Отрепьеву вернуться в Гощу и продолжать обучение в арианских школах. Однако самозванец должен был уразуметь, что он не имеет никаких шансов занять царский трон, будучи еретиком. Столкнувшись в первый раз с необходимостью уладить свои отношения с православным духовенством, «царевич» решил искать покровительства у Адама Вишневецкого, ревностного сторонника православия. «Новый летописец» подробно рассказывает, как Отрепьев прикинулся тяжелобольным в имении Вишневецкого и на исповеди открыл священнику свое «царское» происхождение. История «болезни» самозванца, впрочем, слишком легендарна. В отчете Вишневецкого королю никаких намеков на этот эпизод нет.

Вишневецкий признал «царевича» не потому, что поверил его бессвязным и наивным басням. В затеянной игре у князя Адама были свои цели. Вишневецкие враждовали с московским царем из-за земель. Приняв самозванца, князь Адам получил возможность оказать давление на русское правительство.

В конце XVI века отец Адама князь Александр завладел обширными украинскими землями по реке Суле в Заднепровье. Сейм закрепил за князем Александром его новые приобретения на правах собственности. Занятие территории, издавна тяготевшей к Чернигову, привело к пограничным столкновениям. Вишневецкие отстроили городок Лубны, а затем поставили слободу на Прилуцком городище. Адам Вишневецкий унаследовал от отца вместе с новопостроенными городками вражду с царем. Дело закончилось тем, что Борис в 1603 году велел сжечь спорные укрепления Прилуки и Снетино.

Люди Вишневецкого оказали сопротивление. С обеих сторон были убитые и раненые.

Вооруженные стычки во владениях Вишневецкого могли привести к более широкому военному столкновению. Надежда на это и привела Отрепьева в Брачин. Самозванец рассчитывал, что Вишневецкий поможет ему втянуть в военные действия против России татар и запорожских казаков.

Борис Годунов обещал князю Адаму щедрую награду за выдачу «вора». Получив отказ, царь готов был прибегнуть к силе. Опасаясь этого, Вишневецкий увез Отрепьева подальше от границы, в Вишневец, где тот «летовал и зимовал».

В имении Адама Вишневецкого Отрепьев добился прочного успеха. Магнат велел оказывать московскому «царевичу» полагавшиеся ему по чину почести. По свидетельству Варлаама, он *«учинил его* (Гришку. — *Р. С.) на колесницах и на конех и людно»*. Князь Адам имел репутацию авантюриста, бражника и безумца, но он был известен также и как защитник православия. Признание со стороны Вишневецкого имело для Отрепьева неоценимое значение. Покровительство князя Адама сулило самозванцу большие выгоды, поскольку эта семья состояла в дальнем родстве с Иваном Грозным. После того как Вишневецкий признал безродного проходимца «своим» по родству с угасшей царской династией, самозванческая интрига вступила в новую фазу своего развития.

Глава 6

ПРАВЛЕНИЕ ГОДУНОВА

Борис Годунов был фактическим преемником Грозного, и ему пришлось столкнуться с теми же проблемами, что и Ивану IV. Годунов сознавал, сколь необходимы для России торговые и культурные связи со странами Западной Европы, и деятельно заботился о расширении торговли с Западом. В 1603 году русское правительство вело в Москве переговоры с посольством Любека и Штральзунда. Немецкие города доби-

вались права беспошлинной и свободной торговли на всей территории России. Они желали открыть немецкие торговые дворы в Москве, Новгороде, Пскове, Ивангороде и просили разрешить немецким купцам чеканить монету на русских денежных дворах.

С помощью ганзейских городов русское правительство надеялось наладить морские сообщения с западноевропейскими странами через Ивангород и устье Наровы. Однако Швеция, располагавшая первоклассным флотом на Балтике, решительно препятствовала всем попыткам такого рода. Ссылаясь на условия Тявзинского вечного мира, шведы блокировали Ивангород с моря.

Главными морскими воротами страны в начале XVII века оставались пристани в устье Северной Двины. По-прежнему основным торговым партнером России была Англия. Однако торговля английской компании в Москве клонилась к упадку.

Будучи осведомлен об убытках московской компании, Борис был не прочь предоставить англичанам некоторые дополнительные льготы, с тем чтобы оживить англо-русскую торговлю. Кроме того, он подтвердил торговые привилегии, ранее предоставленные московской компании. В начале XVII века англичане держали свои торговые дома (фактории) в Москве, Ярославле, Вологде, Холмогорах и Архангельске. На Севере за членами компании были закреплены пять пристаней (в Корельском Устье, на Печенге, Варзуге, Мезени и Шунге), тогда как за голландскими купцами — только две (на Коле и в Пудожском устье Двины). На Коле получили право приставать также и французские корабли.

Развитие торговли со странами Запада способствовало знакомству русских с достижениями западноевропейской культуры. В Москве возникли проекты преобразований, имевшие целью развитие просвещения в России. По свидетельству современников, Борис Годунов лелеял планы учреждения в Москве университета и школ, в которых преподавали бы ученые, приглашенные из-за рубежа. По словам Конрада Буссова, Годунов предполагал выписать знающих людей из всех главней-

ших европейских стран — Англии, Германии, Испании, Италии, Франции, с тем чтобы с их помощью наладить преподавание в Москве и обучить русских людей всем основным европейским языкам. Отпуская за рубеж разного рода иноземцев, царь нередко поручал им приискивать за границей ученых людей, согласных поехать в Москву.

Приглашая иностранных специалистов в Россию, Борис использовал методы личной дипломатии. Он прибегал к посредничеству частных лиц, реже вел переговоры с западными властями. Впрочем, власти пограничных с Россией государств, опасаясь усиления ее военного могущества, слишком часто чинили помехи мастерам, пытавшимся пробраться в Москву. Даже медики, следовавшие в Россию, вынуждены были выдавать себя за купцов, оставлять на родине медицинские книги, опасаясь разоблачения на границе.

Внутри России проекты учреждения университета и приглашения западных ученых неизменно наталкивались на сопротивление духовенства. Руководство православной церкви упорно не желало допустить в Москву иноверных ученых людей и доверить им дело образования и воспитания русской молодежи. По словам современников, монахи говорили, что земля Русская велика и обширна и ныне едина в вере, в обычаях и в речи; если же появятся иные языки, кроме родного, то в стране возникнут распри и раздоры.

В конечном итоге попытки Годунова привлечь в Россию большое число западных специалистов не увенчались успехом. Немалую роль в этом сыграли финансовые трудности, вызванные трехлетним неурожаем. Затратив на борьбу с голодом огромные суммы, казна не смогла выделить средства для осуществления проектов развития просвещения в России. Не имея возможности воспользоваться услугами видных западных ученых, московские власти в ряде случаев довольствовались приглашением студентов из западноевропейских университетов.

С первых лет царствования Бориса в правительственных кругах обсуждались проекты посылки на Запад русских студентов. В 1600 году при обсуждении проекта унии России и

Речи Посполитой польские дипломаты предложили включить в договор следующий пункт: *«Свободно посылать в обе стороны для обучения юношей, как москвитов к нам, так и наших в Москву»*. В ходе переговоров русские выразили согласие на то, чтобы после заключения договора разрешить русским посылать детей в Речь Посполитую «в службу и в науку».В связи с развитием русско-английских торговых и дипломатических отношений возник замысел обмена учащимися с целью подготовки знающих переводчиков. План был осуществлен благодаря усилиям Д. Мерика, агента торговой компании. В 1600 году в Лондон с Мериком выехали двое иностранных студентов, обучавшихся русскому языку в Москве. Через два года русские власти направили в Англию четырех русских студентов «для науки розных языков и грамотам». То были дети боярские из дьяческих семей: Никифор Алферьев сын Григорьев, Софон Михайлов сын Кожухов, Казарин Давыдов, Федор Семенов Костомаров. Московские приказные люди принадлежали к наиболее образованной части русского общества. Царь Борис сам представил Мерику русских юношей и просил королеву, чтобы им позволено было получить образование и при этом сохранить свою веру. Мерик согласился взять на себя «заботу о их воспитании». Личное обращение царя к королеве возымело действие. В Лондоне студентам из Москвы был оказан наилучший прием. Осенью 1602 года Д. Чемберлен сообщил, что прибывшие юноши будут обучаться английскому языку и латыни и с этой целью их предполагается определить в различные школы: Винчестер, Итоп, Кембридж и Оксфорд. Перед русскими «робятками» открылись двери лучших учебных заведений Англии.

Год спустя московское правительство решило направить за рубеж вторую группу учащихся. На этот раз местом обучения была избрана Германия. После успешных переговоров с царем послы города Любека в июне 1603 года выехали на родину. В пути к ним присоединились пять студентов, имевших при себе грамоту от Бориса Годунова. Царь просил послов представить русских учащихся городскому совету в Любеке и поместить в школу для обучения немецкому и латинскому

языкам. Он выразил пожелание, чтобы русские юноши оставались в православной вере и не забывали русских обычаев, и сообщал, что берет на себя все расходы по их содержанию. В ответном письме царю послы обещали поместить московских учащихся в учебные заведения в Любеке под присмотром добрых и почтенных людей.

Учителя немецкой школы в Москве располагали достоверной информацией о проекте Годунова в области образования. С их слов Конрад Буссов записал сведения о том, что русские студенты были направлены не только в Англию и Любек, но и во Францию. Однако никаких подробностей о лицах, посланных во Францию, не сохранилось. По данным Петра Петрея, несколько русских учеников находились в Стокгольме. Буссов засвидетельствовал, что один из учеников по имени Дмитрий позже вернулся на родину из Стокгольма.

Судьба русских студентов за рубежом сложилась неудачно. В России наступила Смута. Борис Годунов умер, и царская казна перестала отпускать средства на содержание студентов за границей. Заброшенные на чужбину «робятки» вынуждены были искать свои пути в жизни. Немногим довелось вернуться на родину. Среди них был Игнатий Алексеев, сын Кучкин, посланный для обучения в Вену и Любек. По возвращении в Москву он рассказал о себе, что «в *учении он был в Цесарской земле и в Любках восемь лет, и... во 7119 (1610—1611) году поехал из Цесарской земли, научась языку и грамоте, опять к Москве, и на море-де его переняли ис Колывани* (Таллина) *свейские люди*». С большим трудом Кучкину удалось освободиться из шведского плена и вернуться в Россию.

Борис Годунов не жалел средств, когда речь шла о приглашении искусных докторов и аптекарей. При нем в Москве возник Аптекарский приказ, выделившийся из состава дворцового ведомства. По свидетельству Якова Маржарета, главой приказа был «аптечный боярин», ведавший всеми врачами и аптекарями в государстве. Новая должность считалась одной из высших в Боярской думе. Аптекарский приказ был придворным учреждением и обслуживал царскую семью и близкий к ней круг боярской знати.

Борис ценил своих ученых докторов и много времени проводил в их обществе. Он расспрашивал их об иноземных порядках, советовался о важных государственных делах, особенно религиозных. Сближение православного царя с иноземными докторами вызывало осуждение со стороны приверженцев старины. Русские писатели считали этот грех Годунова едва ли не худшим: *«Едино же имея неисправление и от Бога отличение, ко врачем сердечное прилежание...»*

Правление Бориса было временем расцвета Немецкой слободы на Кокуе, в предместье Москвы. Среди нескольких сот жителей этой слободы преобладали выходцы из Ливонии, принадлежавшие к протестантскому вероисповеданию. По просьбе немецких врачей Годунов позволил им выстроить себе кирху. Члены немецкой колонии в Москве собрали столь много денег на строительство кирхи, что на оставшиеся после окончания постройки деньги открыли школу в слободе.

Под влиянием немцев в московский быт стали проникать некоторые новшества. Самым пагубным из них поборники православия считали обычай брить бороду. К великому возмущению монахов, Борис не только не осуждал, но и поощрял брадобритие.

Годунов проявил исключительную заботу о благоустройстве столицы, строительстве и укреплении городов. При нем в жизнь Москвы вошли неслыханные новшества. В Кремле был сооружен водопровод с мощным насосом, благодаря которому вода из Москвы-реки поднималась «великой мудростью» по подземелью на Конюшенный двор. Борис велел выстроить каменный мост «з зубцы» через Неглинную против Тверской улицы. Сооружение использовали для устройства плотины и мельницы, расположенной под мостом. По аналогичному проекту был построен мост-плотина через Волхов в Новгороде.

Архитекторы Бориса приступили к сооружению нового царского дворца в Кремле. Строители успели заложить фундамент — *«взруб каменной за Сретением, от Москвы-реки, а на том было взрубе ставити хоромы»*. Подле Архангельского собора были выстроены обширные палаты для военных приказ-

ных ведомств. За Неглинной мастера поставили новый земский двор, служивший управой благочиния. Посреди Красной площади сделали *«лобное место каменное, резана, двери-решетки железные»*. После большого пожара в Китай-городе Годунов выделил из казны средства для постройки там каменных торговых рядов.

Строительство превратилось в подлинную страсть Бориса Годунова. По его приказу надстроили столп колокольни Ивана Великого и «подписали» на нем имя Бориса. Искусные мастера отлили для колокольни огромный колокол — *«таков колокол весом не бывал»*. Из-за неслыханной тяжести его так и не смогли поднять наверх и сложили для него особую деревянную «колокольницу». Царские архитекторы приступили к возведению грандиозного каменного собора «святая святых» на площади за Иваном Великим. Рабочие успели забить сваи и завезти на строительную площадку камень и известь. Смерть Бориса помешала довести дело до конца.

К числу шедевров русской архитектуры принадлежат каменные церкви, воздвигнутые в годуновских вотчинах — в селах Хорошево и Вяземы под Москвой.

В строительной деятельности Годунова примечательны два момента. Во-первых, его постройки оставили заметный след в развитии русской архитектуры. Во-вторых, Годунов нередко подчинял свои проекты благотворительным целям. В годы голода он продолжал строительство в столице, чтобы обеспечить заработок для неимущей бедноты.

Борис Годунов покровительствовал талантливым строителям и архитекторам. Благодаря его поддержке в полной мере раскрылся талант Федора Коня. Под руководством этого замечательного мастера строители опоясали Белый город в Москве мощными каменными стенами с двадцатью семью башнями. Федор Конь руководил возведением грандиозных крепостных сооружений в Смоленске. Борис сам участвовал в закладке смоленской крепости. По его приказу крепость строили *«все города Московского государства»*. Строительство велось с неслыханным размахом. Спеша с завершением работ, власти в 1600 году временно запретили по всему государству

все каменные постройки, не связанные с нуждами казны, с тем чтобы собрать каменщиков и мастеров в Смоленске. Тем, кто нарушал государеву «заповедь», грозила смертная казнь. Каменный город в Смоленске стал твердыней русской обороны на западных подступах к Москве.

Современники с похвалой отзывались о приверженности Бориса делу просвещения, о его обширном строительстве и многом попечении «о державе своей». Люди, знавшие Годунова, считали его редким оратором и восхищались его речами. Как писал англичанин Джером Горсей, Борис одарен хорошими способностями, неучен, но быстрого ума; от природы красноречив и имеет звучный голос. Будучи человеком «сладкоречивым», Борис не любил тратить время в пустой болтовне. Как отметили послы из Любека, на царских аудиенциях в Кремле *«пространные разглагольствования не допускаются, так как государь не любит подолгу оставаться в сидячем положении»*.

Обладая несокрушимой волей, Годунов производил впечатление мягкого человека. В минуты душевного волнения он давал волю слезам. В 1602 году Борис посетил смертельно больного герцога Ганса Датского, прибывшего в Москву в качестве жениха царевны Ксении Годуновой. Каждый раз при появлении царя у постели герцога разыгрывалась одна и та же сцена. Борис рыдал, вместе с ним выли и причитали все бояре. В комнате стоял невообразимый шум. Один из членов датской свиты услышал и записал в дневнике «плач» Бориса у постели Ганса. *«Заплакала бы и трещина в камне, что умирает такой человек, от которого я ожидал себе величайшего утешения,* — причитал царь. — *В груди моей от скорби разрывается сердце!»* В отличие от Ивана IV Борис проявлял редкое постоянство в семейной жизни, был привязан к детям. Перечисляя добродетели Годунова, современники подчеркивали его отвращение к богомерзкому винопитию.

Русским писателям принадлежат лучшие словесные портреты Годунова. По словам одного из них, Борис имел облик благородный и благообразный, *«благолепием цветущ и образом своим множество людей превзошед»*.

Англичанин Джером Горсей отметил величественные манеры Годунова, красоту его лица и приветливость в обращении с людьми. Английские послы, побывавшие в Москве в 1604—1605 годах, утверждали, что царь был рослый и дородный человек, выделявшийся своей представительностью, имел правильные черты лица, черные редкие волосы, отличался в упор смотрящим взглядом. Голландец Исаак Масса, живший в России, писал, что Борис Годунов был дороден и коренаст, невысокого роста, лицо имел круглое, волосы и бороду — поседевшие, обладал превосходной памятью и *«знал все лучше тех, которые много писали»*.

В полной мере современники оценили мудрость Бориса в годы Смуты, когда трон достался его ничтожным преемникам. Хотя и были после Бориса другие умные цари, дипломатично заметил дьяк Иван Тимофеев, но их разум лишь тень по сравнению с его разумом. Даже враги, отдавая должное Борису, писали, что у него было множество великих замыслов и только неблагоприятные обстоятельства помешали ему их осуществить.

Царствование Бориса имело благополучное начало. Но в народе зрело недовольство. Холопы, крестьяне, посадские люди покидали обжитые места и бежали на окраины, за пределы пограничных оборонительных линий — «засек». В глубинах «дикого поля» образовались казацкие общины, которые успешно вели борьбу с кочевниками. Отражая частые нападения со стороны степных кочевников, донские казаки продвинулись к устью Северного Донца и основали там свою столицу — Раздоры. Успехи казацкой вольницы вызывали глубокую тревогу в московских верхах; пока Дон служил прибежищем для беглых, крепостной режим в центре не мог восторжествовать окончательно. Борис прекрасно понимал это, и его политика в отношении окраины отличалась решительностью и беспощадностью.

Шаг за шагом продвигаясь вслед за казаками, воеводы строили средь «дикого поля» новые городки и укрепления, определяли на государеву службу вольное население. После коронации Бориса в степях был основан город Царев-Борисов.

Новая крепость отстояла на сотни верст от старых русских рубежей. Зато из нее открывались кратчайшие пути к Раздорам. Противостояние крепости с царским именем и казачьей столицы имело символический смысл. Название крепости показывало, что взаимоотношения с казачеством стали для Бориса не только источником постоянных тревог, но и вопросом престижа.

Казачье войско не могло существовать без подвоза боеприпасов и продовольствия из России. Стремясь подчинить казачью вольницу, Годунов запретил вольную торговлю с Доном, объявил, что лишь казна может отправлять донским атаманам оружие и порох, и стал преследовать тех, кто нарушал его указ. Царь Борис сознавал, какую опасность таит в себе бурлящая окраина. Но предпринятые им попытки стеснить казачью вольность обернулись против него самого. Донские казаки поддержали восстание в пользу самозванца.

При вступлении на престол Борис торжественно обещал покончить с нищетой народа в своем царстве. После коронации он не раз повторял, что готов разделить с подданными последнюю сорочку. Как доносили из Москвы иноземные послы, Годунов намеревался облегчить участь крестьян, регламентировать их платежи в пользу дворян. Но какими бы ни были помыслы Бориса, он никогда их так и не осуществил. Отмена Юрьева дня и проведение в жизнь указа о сыске беглых крестьян безмерно расширили власть феодальных землевладельцев над сельским населением. Дворяне все чаще вводили в своих поместьях барщину, повышали оброки. Крестьяне с трудом приспосабливались к новому порядку.

В начале XVII века на Россию обрушились неслыханные стихийные бедствия, вызвавшие массовое разорение деревни. В аграрной России сельскохозяйственное производство целиком зависело от погодных условий. Изучение климатических изменений привело ученых к выводу, что на протяжении последнего тысячелетия самое значительное похолодание произошло во второй половине XVI — начале XVII века. В различных уголках Европы, от Франции до России, земле-

дельцы сталкивались с одними и теми же явлениями: сокращением продолжительности теплых летних сезонов, необычайными морозами и обильными снегопадами. Климатические перемены не были столь значительными, чтобы вызвать общее снижение сельскохозяйственного производства. Но некоторые области Европы на рубеже веков пережили аграрную катастрофу.

Ухудшение климатических условий совпало в ряде случаев с нарушением погодных циклов. На каждое десятилетие приходились обычно два-три неблагоприятных в климатическом отношении лета. Как правило, плохие годы чередовались с хорошими, и крестьяне компенсировали потери из следующего урожая. Но когда бедствия губили урожай на протяжении двух лет подряд, мелкое крестьянское производство терпело крушение.

В начале XVII века сельское хозяйство России испытало последствия общего похолодания в Европе и нарушения погодного цикла. Длительные дожди помешали созреванию хлебов во время холодного лета 1601 года. Ранние морозы довершили беду. Крестьяне использовали незрелые, «зяблые», семена, чтобы засеять озимь. В итоге на озимых полях хлеб либо вовсе не пророс, либо дал плохие всходы. Посевы, на которые земледельцы возлагали все свои надежды, были погублены морозами в 1602 году. В 1603 году крестьянам нечем было засевать поля. Наступил страшный голод.

По обыкновению, цены поднимались к весне. Нечего удивляться, что уже весною 1601 года *«хлеб был дорог»*. Через год рожь стали продавать в 6 раз дороже. Затем эта цена возросла еще втрое. Не только малоимущие, но и средние слои населения не могли покупать такой хлеб.

Исчерпав запасы продовольствия, голодающие принялись за кошек и собак, а затем стали есть траву, липовую кору. Голодная смерть косила население по всей стране. Трупы валялись по дорогам. В городах их едва успевали вывозить в поле, где закапывали в большие ямы. Только в Москве власти за время голода погребли в трех больших «скудельницах» (на братских кладбищах) сто двадцать тысяч мертвых. Эту цифру

приводят в своих записках и иноземцы (Я. Маржарет) и русские (А. Палицын).

Правительство Бориса Годунова не жалело средств на борьбу с голодом. В Москве голодающим были розданы огромные суммы денег. Но деньги теряли цену день ото дня. На казенную копейку не могла более прокормиться не только семья, но даже один человек. По всему государству были разосланы чиновники для выявления хлебных запасов. Годунов приказал продавать народу зерно по умеренным ценам. Но запасы в царских житницах истощились довольно быстро. Немало хлеба, проданного по твердым ценам, попало в руки хлебных скупщиков. Чтобы пресечь хлебную спекуляцию, царь велел казнить нескольких столичных пекарей, мошенничавших на выпечке хлеба. Но это не привело к желаемой цели.

Меры правительства, может быть, и имели бы успех при кратковременном голоде. Повторный неурожай свел на нет все усилия.

Городское население было малочисленным. Но государственных запасов не хватило даже для горожан. Благотворительность не распространялась на деревню. Крестьянское население было предоставлено своей судьбе. Многие годы закрепощенные крестьяне жили надеждами на *«государевы выходные лета»*. Своим указом о сыске беглых Борис нанес смертельный удар их надеждам. Но три года спустя он выказал гибкость, отступив от принятого курса. 28 ноября 1601 года страна узнала о восстановлении сроком на год крестьянского выхода в Юрьев день.

Не следует думать, что голод сам по себе мог привести к столь крутому социальному повороту. К осени 1601 года последствия первого неурожая не обнаружили себя в полной мере. Население еще не исчерпало старых запасов. Трехлетний голод был впереди, и никто не мог предвидеть его масштабов. Годунов боялся не голода, а социальных потрясений, давно предсказанных трезвыми наблюдателями. Каким бы ничтожным ни был царь Федор, народ верил ему. Администрация всех рангов сверху донизу правила его именем. Все ее

распоряжения исходили от законного государя. Борис же не был прирожденным царем. Восстановив Юрьев день, Борис пытался одним ударом завоевать привязанность сельского населения. Его указ понятными словами объяснял крестьянам, сколь милостив к ним «великий государь», который пожаловал их и *«во всем своем государстве от налога и от продажи велел крестьянам давати выход»*.

Боясь вызвать гнев знати, Борис сопроводил закон о восстановлении Юрьева дня множеством оговорок. Действие закона не распространялось на владения бояр, столичных дворян, князей церкви. Жившие на этих землях крестьяне оставались крепостными. Право выхода получили лишь жители мелких провинциальных имений. Речь шла не столько о выходе крестьян, сколько о свозе их уездными дворянами. Можно было ожидать, что с восстановлением Юрьева дня крестьяне хлынут на земли привилегированных землевладельцев, имевших возможность предоставлять новоприходцам большие ссуды и льготы. Правительство отвело эту угрозу, запретив богатым землевладельцам звать к себе крестьян. Что касается провинциальных дворян, то они получили право вывозить разом не более одного-двух крестьян из одного поместья. Такое распоряжение заключало в себе определенный экономический смысл.

При Борисе Годунове Россия впервые пережила общий голод в условиях закрепощения крестьян, что создало особые трудности для мелкого крестьянского производства. На протяжении века Юрьев день играл роль своего рода экономического регулятора. При неурожае крестьяне немедленно покидали помещиков, отказывавшихся помочь им, и уходили к землевладельцам, готовым ссудить их семенами и продовольствием. В условиях закрепощения небогатые поместья превращались в своего рода западню: крестьянин ни подмоги не получал, ни разрешения уйти прочь. Законы Годунова открыли двери ловушки. В то же время они мешали предприимчивым дворянам переманить к себе от соседей многих крестьян, на подмогу которым у них не было средств.

Дворяне противились любым уступкам в пользу крепостных. Их бесчинства достигли таких масштабов, что при повторном издании закона о восстановлении Юрьева дня в 1602 году власти внесли в него пункт против помещичьего самоуправства: *«Сильно бы дети боярские крестьян за собой не держали и продаж им никоторых не делали, а кто учнет крестьян грабити и из-за себя не выпускати, и тем от нас быти в великой опале»*. Все эти угрозы не могли испугать дворян, коль скоро дело касалось доходов. Без крестьян мелкого помещика ждала нищенская сума. А о каких-либо серьезных санкциях против дворянской массы, составлявшей социальную опору крепостнического государства, не могло быть и речи. Попытки облегчить положение голодающей деревни, как видно, не удались.

В 1603 году закон о Юрьеве дне не был подтвержден. Борис Годунов признал неудачу своей крестьянской политики. Знать оценила меры царя, всецело отвечавшие ее интересам. Зато в среде мелкого дворянства популярность династии Годуновых стала быстро падать. Это обстоятельство немало способствовало успеху самозванца.

Борису не удалось завоевать народные симпатии. Голод ожесточил население городов и деревень. К 1602—1603 годам во многих уездах России появились отряды повстанцев. Самый крупный из них — отряд Хлопка — действовал в окрестностях Москвы. По мнению И. И. Смирнова, выступления низов явились грозными предвестниками крестьянской войны, а главную роль в них сыграли голодающие холопы, которых господа отказывались кормить и гнали со двора. А. А. Зимин считал, что выступления 1602—1603 годов знаменовали начало крестьянской войны, сразу охватившей многие уезды страны. Разрядные книги, казалось бы, давали прочную основу для такого предположения. На протяжении года власти направили по крайней мере два десятка дворян в такие города, как Владимир, Рязань, Вязьма, Можайск, Волок Ламский, Коломна, Ржев, поручив им борьбу с действовавшими там разбойниками. Было высказано предположение, что выступления «разбоев» в разных уездах являлись частью общего дви-

жения (восстания Хлопка), охватившего весь центр государства. Критический анализ источников позволяет опровергнуть это предположение. Обнаружить истину помог несложный прием — проверка служебных назначений дворян, руководивших поимкой разбойников. Оказалось, что дворян посылали в разные места на короткое время за год до восстания Хлопка, за полгода и т. д. Иначе говоря, действия разбойников в городах не были связаны с восстанием Хлопка в Подмосковье осенью 1603 года. Можно ли видеть в «выступлениях» разбойников борьбу угнетенных масс против феодалов? Такая оценка, утвердившаяся в литературе, ошибочна. В 1602—1603 годах московское население переживало неслыханный голод. Надеясь на помощь казны, множество голодающих крестьян из Подмосковья и десятка других уездов хлынули в столицу, но там их ждала голодная смерть. Власти предпринимали отчаянные попытки наладить снабжение города, но их усилия не дали результатов. Запасы хлеба в стране были почти полностью исчерпаны, а то немногое, что удавалось заготовить в уездах, невозможно было доставить в Москву. На дорогах появились многочисленные шайки «разбоев», которые отбивали и грабили обозы с продовольствием, направлявшиеся в столицу. Действия «разбоев» усугубляли народные бедствия, обрекали на гибель тысячи крестьян-беженцев.

Критическая ситуация определила характер правительственных мер. Чтобы обеспечить беспрепятственную доставку грузов в Москву, власти направили дворян на главнейшие дороги — владимирскую, смоленскую, рязанскую, связывавшие город с различными уездами. «Разбои» действовали не только в провинции, но и в столице. 14 мая 1603 года Борис Годунов поручил охранять порядок в Москве виднейшим членам Боярской думы. Москва была разделена на одиннадцать округов. Кремль стал центральным округом, два округа были образованы в Китай-городе, восемь — в Белом и Деревянном «городах». Округа возглавили бояре князь Н. Р. Трубецкой, князь В. В. Голицын, М. Г. Салтыков, окольничие П. Н. Шереметев, В. П. Морозов, М. М. Салтыков, И. Ф. Басманов и трое Годуновых. Бояре вместе со своими помощниками —

дворянскими головами — регулярно совершали объезды отведенных им кварталов.

Описанные меры носили чрезвычайный характер. Они явились прямым следствием той критической ситуации, которая сложилась в Москве к 1603 году. Возможности помощи голодающим были исчерпаны, и раздача денег бедноте полностью прекращена. В наихудшем положении оказались беженцы, которых было едва ли не больше коренных жителей Москвы. Беженцы заполнили площади и пустыри — «полые места», пожарища, овраги и лужки. Они жили либо под открытым небом, либо в наспех сколоченных будках и шалашах. Лишенные помощи, беженцы были обречены на мучительную смерть. Каждое утро по московским улицам проезжали повозки, в которых увозили трупы умерших за ночь людей.

Угроза голодной смерти толкала отчаявшихся людей на разбой и грабеж. Летописцы очень точно охарактеризовали положение, сложившееся в разгар голода, когда *«бысть великое насилие, много богатых домы грабили, и разбивали, и зажигали, и бысть страхование великое и умножишася неправды»*. Беднота громила хоромы богачей, поджигала дома, чтобы легче было грабить, набрасывалась на обозы, едва те появлялись на столичных улицах. Перестали функционировать рынки. Стоило торговцу показаться на улице, как его мгновенно окружала толпа, и ему приходилось думать лишь об одном: как спастись и не быть раздавленным. Голодающие отбирали хлеб и тут же поедали его.

Грабежи и разбои в Москве по своим масштабам, по-видимому, превосходили все, что творилось в уездных городах и на дорогах. Именно это и побудило Бориса возложить ответственность за поддержание порядка в столице на высший государственный орган — Боярскую думу. Бояре получили наказ использовать любые военные и полицейские меры, чтобы *«на Москве по всем улицам, и по переулкам, и по полым местам, и подле городов боев, и грабежей, и убийства, и татьбы, и пожаров, и всякого воровства не было никоторыми делы»*. Пока в окрестностях столицы действовали малочисленные шайки «разбоев», правительство гораздо больше опасалось восстания

в городе, нежели нападения шаек извне. Но положение переменилось, когда «разбои» объединились в крупный отряд. Его предводителем был Хлопко. По словам современников, среди «разбоев» преобладали беглые боярские холопы. Прозвище атамана указывает на то, что он также был холопом. В сентябре 1603 года Хлопко действовал на смоленской и тверской дорогах. В то время в Москве порядок в западных кварталах «по Тверскую улицу» охранял воевода Иван Басманов. Понадеявшись на свои силы, он вышел из городских ворот и попытался захватить Хлопка. Пятьсот повстанцев приняли бой. Басманов был убит. Лишь получив подкрепление из Москвы, правительственные войска разгромили восставших. Хлопка и других пленных привезли в столицу и там повесили.

В выступлениях 1602—1603 годов трудно провести разграничительную черту между разбойными грабежами и голодными бунтами неимущих. Социальный характер движения проявлялся прежде всего в том, что порожденное голодом насилие было обращено против богатых. В разгар восстания Хлопка царь Борис издал указ о немедленном освобождении всех холопов, незаконно лишенных пропитания их господами. Царский указ подтверждает слова современников о том, что на разбой шли прежде всего холопы, служившие в вооруженных боярских свитах.

Среди зависимого населения боевые холопы были единственной хорошо вооруженной и имевшей боевой опыт группой. События 1603 года показали, что при определенных условиях боевые холопы могут стать ядром повстанческого движения. Это обстоятельство и вынудило власти пойти на уступки холопам в ущерб интересам дворян.

После разгрома Хлопка многие повстанцы бежали на окраины — в Северскую землю и в Нижнее Поволжье. Прямым продолжением выступления «разбоев» в центре стали разбойные действия казаков на Нижней Волге в 1604 году. Все эти события предвещали гражданскую войну.

В 1602—1603 годах молва о чудесно спасшемся Дмитрии не стихла, а усилилась. Но эта молва не заключала в себе идеи «доброго царя». Выступления низов в 1602—1603 годах также

никак не были связаны с этой идеей. Никаких следов веры в доброго царя-избавителя до вступления Лжедмитрия I в Россию обнаружить не удается.

Пережив опалу, Григорий Отрепьев с котомкой бродячего монаха обошел половину России. Он видел голодающий и недовольный народ, видел гибель неимущих в Москве. Опальный боярский слуга чутьем уловил, какие огромные возможности открывает перед ним сложившаяся историческая ситуация. Страна стояла на пороге гражданской войны, и авантюрист использовал все средства, чтобы ускорить ее начало.

Глава 7
ВЕРООТСТУПНИК

В конце XVI века Речь Посполитая переживала острый внутренний кризис. Магнаты и шляхта столкнулись с открытым сопротивлением угнетенного крестьянства на Украине и в Белоруссии. По стране прокатилась волна казацко-крестьянских восстаний, запылали дворянские усадьбы. В 1603 году брожение вновь охватило украинские земли. В любой момент можно было ждать нового взрыва. Наибольшее беспокойство властей вызывала Запорожская Сечь, средоточие казацкой вольницы. Казаки закупали оружие, вербовали охотников, заготовляли продовольствие. Их приготовления вызвали тревогу польских властей, опасавшихся, как бы выступление запорожцев и донцов не стало сигналом к новым массовым восстаниям на Украине. 12 декабря 1603 года король Сигизмунд III издал грозный универсал, под страхом казни запрещавший продавать казакам оружие и порох. Но на универсал никто не обратил внимания.

Самозванец пытался склонить казаков на свою сторону и с этой целью ездил в Сечь. Имеются сведения о том, что Отрепьев просил запорожцев *«насадить его на Путивле»*, самом крупном городе Северской земли, после чего обещал их щед-

ро пожаловать. Однако самозванцу не удалось вовлечь Сечь в свою авантюру.

Московские послы не раз приезжали в Сечь, чтобы договориться о совместной борьбе с Крымской ордой. В 1600 году Борис принял в Москве запорожских послов. Четыре года спустя он направил в Запорожье посланца Ивана Солонину с оружием и денежным жалованьем. Борис призвал казаков выступить против бусурман — турок и татар. Отрепьев убеждал запорожцев объединиться с крымцами и напасть на православную Русь. Его доводы не достигли цели. Отрепьев не скупился на обещания, но у него не было денег на организацию экспедиции. В первом столкновении с Борисом самозванец потерпел поражение.

Запорожцы помогли Отрепьеву установить связи с донскими казаками. Осенью 1603 года его послы посетили Раздоры на Дону. «Царевич» обещал донцам волю, и те немедленно отозвались на его обещание. *«Писал ты до нас,* — значилось в казацкой отписке, — *...святой памяти отца своего и нашего прирожденного царя... Ивана Васильевича... относительно полных вольных лет».* Донцы были первыми в России, кто решительно заявил о поддержке «законного монарха». *«Мы, холопы твои, подданные государя прирожденного, все радуемся такому долгожданному утешению...»* Слухи о чудесном спасении Дмитрия подготовили почву для признания самозванца. Казаки поверили тому, чего давно ждали. Их ответ «государю» был проникнут удивительной наивностью. В заголовке казачьей грамоты читаем: *«По воле и благословлению бога дарованному государю царевичу, воскресшему как Лазарь из мертвых».*

Борис стеснил донских казаков. На Дону все чаще появлялись его воеводы. Царские крепости были воздвигнуты на казацких землях — на Осколе и Северском Донце. Казаки понимали, что их вольностям приходит конец. По этой причине обещания *«полных вольных лет»* при всей их неопределенности произвели на донцов почти магическое действие.

Круг постановил признать прирожденного государя, и атаманы Корела и Межаков взялись доставить приговорную грамоту «Дмитрию». Миссия завершилась провалом. Донцы были

взяты под стражу, а находившийся в их руках пакет попал к князю Янушу Острожскому. Князья Острожские знали беглого московского инока и считали его обманщиком. Они не желали войны с Россией, но более всего боялись нового взрыва казацких восстаний на Украине. Допросив Корелу, князь Януш дознался, что на помощь «царевичу» скоро придут две тысячи донцов и других «злодеев». Встревожившись, воевода обратился с письмом к королю. Он предлагал с помощью военных мер пресечь назревавшее «воровство», в результате которого казаки, *«соединившись, или вторгнутся в Московскую землю, или получат возможность произвести великие беспорядки на Украине»*. В последующих письмах Острожский выражал опасения, что казаки, поддерживающие «царевича», того и гляди затеют бунт, наподобие бунта Наливайки.

В 1600 году Россия и Польша подписали договор о двадцатилетнем перемирии. Мир был настоятельной необходимостью как для русских, так и для поляков. Самые дальновидные политики Речи Посполитой выступали за сближение с восточным соседом. Коронный гетман Ян Замойский предлагал скрепить мир с Россией браком короля с Ксенией Годуновой. Против войны высказалась большая часть сенаторов Речи Посполитой.

Но князь Адам Вишневецкий вел свою, особую, войну с царем Борисом из-за спорных городков на левобережье Днепра. В пылу борьбы он стал собирать войско для самозванца в пределах своей вотчины на Суле. Самозванец и его покровитель рассчитывали навербовать несколько тысяч казаков и вторгнуться в пределы России в тот момент, когда русские полки будут связаны борьбой с крымцами. Весной 1604 года вторжения орды в пределы России ждали со дня на день. Но Крым так и не решился на войну с царем, а вольница не собралась под знаменами самозванца. Военные планы Отрепьева потерпели полное крушение. Силы, собранные в имении Вишневецкого, были слишком невелики, чтобы начинать войну. Донские казаки обещали помощь. Но их письмо не попало в руки к «царевичу», и он ничего не знал о планах Войска Донского. Князь Адам Вишневецкий должен был считаться с

позицией коронного гетмана и большинства других сенаторов. Его воинственный задор все больше охладевал. В этот момент Отрепьев вновь обнаружил поразительную способность приспосабливаться к обстоятельствам. Польские порядки значительно отличались от русских. Король обладал ограниченной властью. Оппозицию его власти возглавлял не кто иной, как коронный гетман Замойский. В окружении гетмана проекты войны с Россией не встретили сочувствия. Зато Сигизмунд III давно лелеял планы похода на восток. Его воинственные замыслы разделял сенатор Юрий Мнишек, связанный с влиятельными католическими кругами. Родней сенатора был примас Польши кардинал Б. Мациевский.

Отрепьев недолго пробыл в Литве, но успел многое узнать. Не получив поддержки в Сечи и не имея вестей с Дона, авантюрист решил порвать со своим православным покровителем и искать помощи в тех католических кругах, которые известны были своей крайней враждебностью к России. Из имения Вишневецкого Отрепьев перебрался к Юрию Мнишеку в Самбор. Еще недавно беглый монах рассчитывал водвориться в Москве с помощью казаков и татар. Новый покровитель самозванца отверг эти планы. Он надеялся на помощь короля и обещал посадить претендента на царский трон с помощью коронной армии. Мнишек не принадлежал к числу влиятельных государственных деятелей. Но он знал, что король Сигизмунд III давно ищет повода к войне с Россией, и твердо рассчитывал на его покровительство. Гетман С. Жолкевский, наблюдавший за интригами сторонников войны, писал, что Мнишек действовал посредством лести и лжи и что особенно важна была для него помощь его родственника кардинала Мациевского, имевшего в то время большой вес при дворе короля. Мнишек помог самозванцу заручиться поддержкой литовского канцлера Льва Сапеги. Канцлер во всеуслышание заявил, что «Дмитрий» очень похож на покойного царя Федора, и пообещал снарядить и прислать в помощь «царевичу» две тысячи всадников. Готовясь представить самозванца королевскому двору, покровители Отрепьева организовали неловкую инсценировку. На службе у Сапеги в течение двух лет

подвизался некий холоп Петрушка, московский беглец, по происхождению лифляндец, попавший пленником в Москву в детском возрасте. Тайно потворствуя интриге, Сапега объявил, что его слуга, которого стали величать Юрием Петровским, хорошо знал царевича Дмитрия по Угличу. Петрушка-Петровский был спешно отправлен к Вишневецкому, чтобы удостоверить личность претендента. Встреча произошла в Жаложницах, куда самозванца доставил зять Мнишека Константин Вишневецкий. По словам Мнишека, Петровский сразу признал московита за истинного царского сына, указав на знаки, «которые он на его теле видел».

На самом деле встреча в Жаложницах едва не кончилась скандалом. «Пан Петровский» при виде самозванца не нашелся что сказать. Тогда Отрепьев, спасая дело, громогласно заявил, что узнает бывшего слугу, и с большой уверенностью стал продолжать с ним беседу. Холоп тут же «узнал царевича». В имении Вишневецкого Отрепьева видели убогим расстригой. Там он оставался ряженой куклой. Князь Адам снабдил самозванца богатой одеждой и велел возить в колымаге. Он мог отнять и то и другое в любой момент. В Самбор Отрепьев явился как царевич. Там проведены были новые «смотрины», о которых Мнишек рассказывал следующее: *«В Самборе некоторый слуга господина воеводы* (Ю. Мнишека. — *Р. С.), который под Псковом пойман был и, несколько лет находясь в Москве в неволе, знал его* (царевича Дмитрия. — *Р. С.) еще в детстве и признал его* (самозванца. — *Р. С.) за того же».

При Шуйском произошло любопытное объяснение между царскими послами и поляками. Объясняя причины, побудившие короля поверить самозванцу, польские дипломаты писали: *«И для таковых всих мер, а не за свидетельством Петровского, и двух чернцов* (!), *и хлопца пана воеводиного* (Мнишека. — *Р. С.), яко есте написали, склонившись веру дать тому* (Дмитрию. — *Р. С.)».* Несколько иначе очертил круг свидетелей старец Варлаам. Князя Угличского, по его словам, узнали *«пять братов Хрыпуновых, да Истомин, человек Михнева, Петрушка* (Петровский. — *Р. С.), да Ивашко, что вож, да мужики посадские киевляне».* По понятным причи-

нам Варлаам не назвал в числе свидетелей себя и второго чернеца — Мисаила.

Князь Адам Вишневецкий еще в ноябре 1603 года известил короля, что к «царевичу» прибежали двадцать «москалей», приветствовавших его как законного государя. Все они были из простонародья. Если бы среди беглецов нашелся хотя бы один дворянин, Вишневецкий упомянул бы об этом. Иезуиты назвали имя первого «видного» лица, прибывшего на помощь к Лжедмитрию. То был Иван Порошин, происходивший скорее всего из мелких служилых людей. В отличие от Порошина братья Дубенские-Хрипуновы принадлежали к числу видных уездных дворян. Но их измена не имела никакого отношения к самозванцу. Хрипуновы были подкуплены Львом Сапегой и успели передать ему немало московских секретов. Они бежали за рубеж, спасаясь от разоблачения. Там поступили на службу к Сапеге и в угоду ему «вызнали» в Отрепьеве законного царевича. Такими же подставными свидетелями были «пан Петровский» и холоп Мнишека.

Первые приверженцы «царевича» — посадские мужики-киевляне, донские и украинские казаки — все принадлежали к низам общества. Именно низы стали питательной средой, в которой окончательно сформировалась идея «доброго царя».

Что побудило Мнишека оказать покровительство сомнительному проходимцу, бежавшему из России? Его мотивы не имели никакого отношения к русским утопиям. Престарелый Юрий Мнишек пользовался дурной репутацией. Он снискал расположение слабого короля Сигизмунда II Августа, оказывая ему самые разные, подчас сомнительные услуги. После смерти короля из дворца исчезли все его драгоценности. Ораторы сейма открыто обвинили в грабеже Юрия Мнишека. Последнему с трудом удалось избежать судебного разбирательства.

Благодаря связям при дворе Мнишек добился должности воеводы сандомирского и старосты львовского и самборского. Под его управление поступили доходные королевские имения в Червонной Руси. Однако Мнишек распоряжался королевскими доходами столь плохо, а его страсть к роскоши и ра-

сточительству была столь велика, что к концу жизни он совершенно запутался в своих финансовых делах и оказался на грани полного разорения. Постоянные задержки с уплатой сборов в казну привели к тому, что в 1603 году королевские чиновники явились в Самбор, угрожая наложить арест на имущество Мнишека. Воеводе пришлось спешно продать одно из своих имений, чтобы уплатить неотложные долги. Но поправить дела ему не удалось, и осенью 1603 года Мнишек обратился к Сигизмунду III со слезной просьбой позволить ему на год задержать выплату королевских доходов с Самбора.

Современники утверждали, что разорившийся магнат оказал покровительство самозванцу из самых корыстных побуждений, «ослепленный корыстолюбием и гордостью». Зная замыслы короля, Мнишек надеялся вернуть себе его милость и тем самым разрешить вопрос о недоимках и долгах. Его расчеты вполне оправдались. Сигизмунд III давно потерял надежду получить недоимки с самборской экономии и потому охотно согласился предоставить «царевичу» помощь в четыре тысячи флоринов в счет доходов с Самбора. Таким образом, вопрос о выплате очередных годичных сборов в королевскую казну и недоимок разрешался сам собой.

Мнишек спешил взять интригу в свои руки. Он не только принял Отрепьева с царскими почестями, но и решил породниться с ним. Поощряемый Мнишеком, самозванец сделал предложение его дочери Марине. Отец встретил новость благосклонно, но объявил, что даст ответ после того, как «царевич» будет принят королем в Кракове.

Сватовство дало Мнишеку благовидный повод для обращения Отрепьева в католичество. Находившиеся в Самборе монахи-бернардинцы пришли ему на помощь. Отрепьеву волей-неволей пришлось участвовать в ученых диспутах с ними. «Царевич» защищал православие без всякого воодушевления и, более того, дал понять собеседникам, что за ним дело не станет и вопросы веры могут быть решены к общему удовольствию.

В своей рискованной игре Мнишек добился бесспорного успеха. Воспитанник иезуитов, Сигизмунд III был ревност-

ным поборником католической контрреформации. Обещания Мнишека относительно перехода московского «царевича» в католичество усилили его интерес к интриге.

Сигизмунд III вел дело к войне, не имея на то согласия сенаторов и сейма и грубо попирая интересы страны. 5(15)* марта 1604 года он велел арестовать московского «канцлера» дьяка А. Власьева, возвращавшегося из Дании в Россию через польские владения. Расчет состоял в том, чтобы осложнить русско-польские отношения. В тот же день Отрепьев получил частную аудиенцию в королевском замке на Вавеле. Претендент поцеловал руку короля, после чего, *«дрожа всем телом, рассказал ему в кратких словах, за кого себя считает...»*. Выслушав сбивчивый рассказ, Сигизмунд выслал самозванца и стал совещаться с глазу на глаз с папским нунцием Рангони. Затем Отрепьева повторно ввели в зал, и король обратился к нему с милостивым словом, обещая свое покровительство. Претендент не смог вымолвить ни слова в ответ и лишь угодливо кланялся.

Сигизмунд III согласился предоставить самозванцу помощь на определенных условиях, зафиксированных в письменных «кондициях». Этот документ обнаруживал истинную цену рассуждений короля о «русской угрозе». С помощью самозванца Сигизмунд III рассчитывал перекроить русские границы и добиться от России значительных территориальных уступок, а кроме того, получить от Москвы военную помощь для овладения шведской короной.

Перспектива победы контрреформаций в Швеции и насаждения католичества в Москве вызывала воодушевление в Кракове и Риме. В марте 1604 года папский нунций Рангони имел длительную беседу с Отрепьевым. Воспользовавшись поддержкой Рангони и иезуитов, Ю. Мнишек быстро завершил дело обращения самозванца в католическую веру. Смена веры не принесла самозванцу существенных материальных

---

* В польских документах приводятся даты по новому календарю, принятому поляками в конце XVI века. Здесь и далее в скобках даты по новому стилю. — *Примеч. автора.*

выгод. Горсть золотых, полученных от иезуитов, была истрачена очень быстро. Но в политическом отношении Отрепьев добился очень многого. Перейдя в католичество, «царевич» предал своих недавних союзников — православную украинскую чернь, киевских мужиков, донских казаков, признавших «православного государя». Предательство должно было убедить покровителей самозванца в том, что он никогда не станет вторым Наливайкой — вождем мятежных запорожцев и украинских мужиков.

Заключив «кондиции» с королем, Отрепьев обязался уступить Речи Посполитой Чернигово-Северскую землю. Обязательство было затем подтверждено особым договором о передаче короне и Речи Посполитой шести городов (очевидно, Чернигова, Новгорода-Северского, Путивля и др.) в княжестве Северском «со всем, что к оным принадлежит».

Однако еще раньше Отрепьев обещал передать Северскую землю Юрию Мнишеку. Оказавшись в трудном положении, претендент на трон решил любой ценой удовлетворить обоих своих покровителей. Было выработано соглашение о разделе Северской земли между королем и Мнишеком. Беглый монах согласился передать Мнишеку в виде компенсации за северские города Смоленскую землю. Тогда Сигизмунд III в нарушение «кондиций» потребовал себе половину Смоленской земли.

Поскольку Мнишек находился ближе к самозванцу, чем король, он должен был получить большую добычу при грядущем разделе России. «Царевич» подписал грамоту о передаче Мнишеку и его наследникам на вечные времена Северской земли (без шести городов) и Смоленщины (включая *«самый замок с городом Смоленском и со всем, что к половине онаго принадлежит»)*, а также смежных земель *«из другова государства, близь Смоленской земли, еще много городов, городков, замков»*. На какие именно города претендовал еще Мнишек, неясно. Как видно, он хотел получить компенсацию за «уступленную» королю половину Смоленщины.

Одним из пунктов «кондиций» Сигизмунда III был брак самозванца. Речь шла не столько о разрешении, сколько об

обязательстве Лжедмитрия жениться на подданной короля: *«Позволяем ему жениться в наших государствах, чтобы с королевой* (так Сигизмунд III в привычных для него словах назвал будущую московскую царицу. — *Р. С.) на то дал присягу»*. Имя Марины Мнишек не было названо в «кондициях». Но именно королевское повеление определило ее дальнейшую судьбу. По возвращении в Самбор Мнишек без помех довел дело до конца. Под страхом проклятия Отрепьев обещал жениться на панне Марине. *«А не женюся,* — значилось в его записи, — *яз проклятство на себя даю»*.

Условия брачного контракта сводились к следующему. Самозванец обязался выплатить Мнишеку миллион польских злотых из московской казны на уплату долгов и переезд в Москву. Марина в качестве царицы должна была получить на правах удельного княжества Новгородскую и Псковскую земли с думными людьми, дворянами, духовенством, с пригородами и селами, со всеми доходами. Самозванец торжественно обещал Мнишекам, что Новгород и Псков фактически будут выведены из-под юрисдикции Москвы. *«А мне* (царю. — *Р. С.),* — значилось в документе, — *в тех обоих государствах, в Новгороде и во Пскове, ничем не владети и в них ни во что не вступаться»*. Удел закреплялся за Мариной «в веки».Царица получала право *«приказати наместником своим* (родне. — *Р. С.) владети ими* (Новгородом и Псковом. — *Р. С.) и судити»,* давать поместья и вотчины своим служилым людям с правом купли и продажи земли, строить римские монастыри и костелы, без помех исповедовать католическую веру.

В вопросе о религии набожные Мнишеки поставили беглому монаху самые строгие условия. Он должен был привести все православное царство Московское в католическую веру за год. В случае несоблюдения срока Марина Мнишек получала право «развестися» с царем, разумеется, сохранив при этом все земельные пожалования. Воевода милостиво соглашался, если ему будет угодно, подождать обращения Московии в истинную веру «до другого году», но никак не позже.

Таким было содержание удивительного брачного контракта, подписанного самозванцем в Самборе 25 мая 1604 года.

В дни пребывания в Кракове Мнишек устроил парадный банкет, на котором были многие сенаторы и придворная знать. «Царевич» присутствовал в зале инкогнито. Но именно он был героем празднества. Очевидцы спешили описать свои впечатления в письмах. Позже художник Лука Килиан выгравировал портрет «царевича». Судя по всему, Отрепьев обладал характерной, хотя и малопривлекательной внешностью. Приземистый, гораздо ниже среднего роста, он был непропорционально широк в плечах, почти без талии, с короткой шеей. Руки его отличались редкой силой и имели неодинаковую длину. В чертах лица сквозили грубость и сила. Признаком мужества русские считали бороду. На круглом лице Отрепьева не росли ни усы, ни борода. Волосы на голове были светлые с рыжиной, нос напоминал башмак, подле носа росли две большие бородавки. Тяжелый взгляд маленьких глаз дополнял гнетущее впечатление.

После свидания с королем самозванец через своих покровителей заказал парадный портрет. Надпись к портрету была продиктована, по-видимому, им самим. Она гласила: *«Дмитрий Иванович, великий князь Московии, 1604 г. В возрасте своем 23»*. Надпись доказывает, что Отрепьев не знал точного времени рождения Дмитрия Угличского. Летом 1604 года младшему сыну Ивана Грозного исполнился бы *двадцать один год*. Между тем люди, близко знавшие претендента, утверждали: *«Дмитрию на вид около двадцати четырех лет»*. Вполне возможно, что в надписи к портрету самозванец указал собственный возраст. Если так, то Отрепьев был по крайней мере на два года старше сына Грозного. На парадном портрете изображен молодой человек с темными волосами и волевым лицом. Облик самозванца явно идеализирован по сравнению с реалистическим изображением Луки Килиана.

Аудиенция в королевском замке стала важной вехой в жизни Отрепьева. Сигизмунд III, не считаясь с мнением сената и всей страны, вел дело к решительному разрыву с Россией. 13 марта 1604 года он предложил Яну Замойскому возглавить поход коронной армии в Россию. Однако гетман категориче-

ски отверг планы войны и подчеркнул, что авантюра, кроме ущерба, ничего не принесет Речи Посполитой.

Сторонники мира с Москвой одержали бесспорную победу. Сигизмунд отказался от сумасбродной идеи посылки польской армии в пределы России. Потерпев неудачу, король велел Мнишеку навербовать для претендента «частную» наемную армию.

Самборская казна была постоянно пуста, и Мнишек не мог выделить Отрепьеву даже тех четырех тысяч злотых, которые король пожаловал «царевичу» на содержание. Тем не менее ему удалось получить кое-какие ссуды, и он приступил к сбору наемников.

К середине августа 1604 года покровители самозванца собрали в окрестностях Львова отряд конницы и пехоты. Под знамена самозванца слетались наемники, оставшиеся без дела после прекращения боевых действий в Ливонии. Среди тех, кто намеревался запродать свое оружие московскому «царевичу», можно было встретить и ветеранов Батория, и всякий сброд — мародеров и висельников.

Ставки на солдат держались в Европе на высоком уровне, и Мнишеку труднее было оплачивать услуги наемного воинства. Не получая денег, «рыцарство» принялось грабить львовских мещан. Дело дошло до убийств.

Несмотря на заверения канцлера Льва Сапеги, самозванец не получил никакой помощи из Литвы. Не желая войны с Россией, литовские магнаты решительно отказались поддержать авантюру. В противовес знати мелкая шляхта с энтузиазмом поддержала планы войны с Россией. Обедневшие дворяне, находившиеся на грани разорения, надеялись поправить свои дела с помощью военной добычи и не желали слышать о том, чтобы отложить поход.

Политика Сигизмунда III была двуличной. На словах глава государства выступал за соблюдение существующих мирных соглашений, а на деле готовил войну. Пока наемное войско находилось во Львове, король оставлял без ответа жалобы местного населения на грабежи и насилия. Прошло полторы недели после того, как Мнишек покинул Львов и выступил в

поход, и лишь тогда Сигизмунд III издал запоздалое распоряжение о роспуске собранной им армии. Папский нунций Рангони получил при дворе достоверную информацию о том, что королевский гонец имел инструкцию не спешить с доставкой указа во Львов.

Тем временем армия самозванца медленно приближалась к русским границам. Иногда отряды делали в день по две-три мили, иногда останавливались в одном месте на несколько дней.

Самозванец щедро одаривал своих кредиторов долговыми расписками. Погасить их предполагалось за счет богатой московской казны. Пока же все тяготы по содержанию наемного сброда должны были нести украинские крестьяне из тех имений, где останавливались солдаты.

К концу первых двух недель похода самозванец оставался в пределах Львовщины. Во время остановки в Глинянах в начале сентября был проведен смотр, на котором шляхта выбрала себе командиров. В полном соответствии с волей Мнишека сам он был избран главнокомандующим, а Адам Жулицкий и Адам Дворжецкий — полковниками, сын Мнишека Станислав стал командиром гусарской роты. Таким образом, Мнишек, его ближайшие друзья и родственники сосредоточили в своих руках все командование армией самозванца.

К началу сентября армия Мнишека насчитывала около двух с половиной тысяч человек. В нее входили пятьсот восемьдесят гусар, пятьсот человек пехоты, тысяча четыреста двадцать казаков. К моменту перехода границы численность казаков увеличилась до трех тысяч. Лжедмитрия поддержали главным образом реестровые казаки, находившиеся на службе у короля. Запорожцы отклонили сомнительную честь участия в войне с Россией. Летом 1604 года запорожский старшина Семен Скалозуб, получив казну от Бориса, собрал три тысячи семьсот казаков и ушел в поход на Черное море, к турецким берегам.

Арест атамана Корелы и других послов Войска Донского помешал самозванцу получить своевременную помощь от воль-

ных казаков с Дона. Однако по настоянию короля Острожский освободил Корелу из-под стражи и отпустил его восвояси.

Вскоре из Самбора на Дон выехал литвин Счастный-Свирский с запорожцами. Он отвез казакам «царское» знамя — красное полотнище с черным двуглавым орлом посредине. Донцы снарядили в Польшу новых послов. Они явились в лагерь самозванца 25 августа 1604 года. В грамоте казаки подтвердили свою готовность выступить на помощь своему «прирожденному государю». Чтобы ободрить своих сторонников, Юрий Мнишек распустил слух о найме «царевичем» десяти тысяч донцов.

Московские власти направили на Дон дворянина Петра Хрущева, с тем чтобы предотвратить смуту среди донских казаков. Прошло десять лет с тех пор, как правитель Борис Годунов предлагал донцам принять Хрущева в их столице Раздоры в качестве головы. В то время вольные казаки категорически отвергли домогательства Москвы. В 1604 году миссия Хрущева также завершилась провалом. Казаки связали царского посланца и увезли в Польшу, где выдали Отрепьеву. Как выяснилось на допросах, Хрущев должен был склонить донцов к участию в войне с «царевичем».

Канцелярия Мнишека подвергла «допросные речи» Хрущева тенденциозной обработке, превратив их в памфлет, который был немедленно использован для воздействия на польское общественное мнение. Авторы памфлета приписали Хрущеву басню о том, что вдова Федора царица Ирина признала «царевича» природным государем и за это, по слухам, была убита своим братом Борисом Годуновым, а в Москве царь приказал умертвить «двух главных господ» — Смирного-Васильева и Меньшого-Булгакова — только за то, что те пили у себя дома за здоровье царевича Дмитрия. «Главные господа» были в действительности царскими дьяками: Васильев служил в приказе Большого двора, а Булгаков — в Казенном приказе. Оба благополучно пережили и Годунова, и самозванца. Примечательно, что Булгаков пользовался полным доверием царя Бориса до самой смерти последнего. 19 марта 1605 года «подказначей», как его именовали англичане, Меньшой-Бул-

гаков привез английским послам царские подарки. Приведенный факт обнаруживает лживость составленных людьми Мнишека «допросных речей» Хрущева. Ни малейшего доверия не внушает воспроизведенная в памфлете запись разговора между Хрущевым и знатным воеводой Петром Шереметевым, который будто бы заявил: *«Трудно против прирожденного государя воевать»*.

Небылицы насчет жестоких казней в Москве понадобились Мнишеку для того, чтобы изобразить Бориса тираном и оправдать вторжение в Россию, предпринятое в защиту справедливости, в интересах законного государя московского.

Мнишек самовластно распоряжался делами в стане «царевича». Он бдительно следил за московским православным людом, пополнявшим ряды сторонников самозванца. В свою очередь, русские с тревогой наблюдали за действиями католиков-«латынян» и прочих врагов «истинной веры», окруживших их «законного государя» со всех сторон. Неблагоприятные толки дошли до Юрия Мнишека, и он решил прибегнуть к строгостям, чтобы поставить московитов на место. Воспользовавшись доносом одного из русских, сенатор велел схватить сына боярского Якова Пыхачева и без суда казнил его. Мнишек сам сообщил об этой казни папскому нунцию, пояснив при этом, будто Пыхачев был подослан в Самбор Борисом Годуновым для убийства «царевича». Однако поверить его версии трудно. Сандомирский воевода не упускал случая очернить Бориса, чтобы оправдать войну с ним. По словам Варлаама, Пыхачев пострадал из-за того, что называл «царевича» Гришкой Отрепьевым, иначе говоря, усомнился в его царственном происхождении.

Даже ближайшие сподвижники Отрепьева из числа православных монахов чувствовали себя не слишком уютно среди самборских католиков. Привлеченный слухами об успехах своего друга, «московского царевича», Варлаам Яцкий покинул владения православного магната Острожского и поспешил в Самбор. Он рассчитывал пожать плоды затеянной им интриги, но жестоко просчитался. С ведома самозванца Юрий Мнишек приказал заточить Варлаама в самборскую тюрьму.

Варлаам знал слишком много об Отрепьеве и его истинном происхождении, а главное, он слишком долго был его наставником.

Противники войны с Россией, Ян Замойский и другие, не только протестовали против действий Мнишека, но и предпринимали практические меры, чтобы не допустить нарушения мирного договора с Москвой. Еще в мае 1604 года Януш Острожский известил короля, что он применит насилие, чтобы задержать продвижение отрядов самозванца к русской границе. У краковского кастеляна были собственные войска, и его поддерживали другие магнаты с Украины. Не позднее июня Януш Острожский предупредил «царевича», что не допустит его к Днепру. С этой целью он собрал южнее Киева значительные воинские силы. Острожский действовал в полном согласии с Замойским. Один из участников московского похода, служивший в царской роте, записал в своем дневнике: *«Идя к Киеву, мы боялись войска краковского кастеляна князя Острожского, которого* (войска. — *Р. С.) было несколько тысяч и которое стерегло нас до самого Днепра, поэтому мы были очень осторожны, не спали по целым ночам и имели наготове лошадей»*.

Киевский воевода Василий Острожский и черкасский староста Януш Острожский опасались, как бы соединение воинства самозванца с казаками не вызвало казацко-крестьянского восстания по всей Украине. Расположив свои войска к югу от Киева, князь Януш перерезал пути, которые вели через Запорожье на Дон. Военные меры Острожских преследовали и другие цели. Зная о насилиях наемников во Львове, они пытались предотвратить грабежи и бесчинства в Киеве и его округе.

В посланиях королю Януш Острожский подробно изложил план действий против «своевольников», нарушивших мир и спокойствие на Украине. Однако, зная о присутствии сенатора в армии самозванца и боясь вызвать гнев Сигизмунда III, он не решился осуществить этот план. Свою угрозу Острожский выполнил лишь частично: он велел угнать все суда и паромы с днепровских переправ под Киевом.

В течение нескольких дней войска Лжедмитрия I оставались на берегу Днепра, не имея средств для переправы. Самозванца выручили те самые православные «киевские мужики», которые первыми «вызнали» в нем истинного царевича. В грамоте, подписанной после переправы через Днепр, значилось, что «для перевозу войска нашего через реку Днепр тые ж мещане киевские коштом и накладом своим перевоз зготовавши».

Проделав за два месяца путь от Львова до Днепра, армия Мнишека собралась на берегах Десны, изготовившись к вторжению в пределы России.

Глава 8

ВТОРЖЕНИЕ

Нарушение договора о перемирии и поддержка, оказанная Лжедмитрию I Сигизмундом III, побуждали Бориса Годунова искать союзников в разных концах Европы. Летом 1604 года он обратился с предложением о союзе к австрийским Габсбургам. Царские дипломаты разработали проект передачи польского трона австрийскому эрцгерцогу Максимилиану и присоединения Литвы к России. Проект включал пункт о браке между Максимилианом и Ксенией Годуновой.

Не имея сил вести борьбу с Речью Посполитой один на один, Швеция тоже домогалась союза с Габсбургами. Шведы предлагали австрийцам объединить усилия, изгнать Сигизмунда III из Польши и возвести на трон Максимилиана. Согласно шведскому проекту, в отвоеванной у поляков Ливонии предполагалось образовать немецкое вассальное княжество, которое перешло бы под протекторат Габсбургов. Борис Годунов готов был согласиться со шведским проектом и взять на себя уплату военных издержек при условии, что «немецкий» князь из Габсбургской императорской фамилии вступит в брак с царевной Ксенией.

Планы заключения тройственного союза, однако, потерпели полную неудачу. Австрийские Габсбурги отклонили предложение России и Швеции.

В феврале 1605 года шведский король Карл IX предложил прислать в Россию войска для совместных действий против Речи Посполитой. В обмен на «дружескую» помощь русские должны были уступить союзнику важнейшие пограничные крепости на северо-западе (Ивангород, Ям, Копорье и Корелу). Некоторое время спустя Карл IX составил новые инструкции послам, поручив им добиваться уступки Корелы.

Наибольших успехов московские дипломаты добились в переговорах с Данией. Зимой 1603/04 года главный посольский дьяк А. Власьев ездил в Копенгаген, чтобы ускорить заключение русско-датского союза, имевшего антишведскую направленность. Однако идея создания антишведской коалиции на Балтике вскоре утратила актуальность для России. Союз с Данией приобрел характер торгового соглашения. В Москве знали о том, что Ян Замойский и другие ведущие политики Речи Посполитой решительно отвергли планы войны с Россией. Мнишек не успел собрать войско к лету, и самое удобное время для вторжения было упущено. Никто не думал, что «вор» начнет войну в разгар осенней распутицы. Борис Годунов, надеясь избежать войны с помощью дипломатических средств, в 1604 году направил в Краков стрелецкого голову Смирного-Отрепьева, дядю самозванца. Он должен был собрать сведения о своем беглом племяннике, а затем, добившись личной встречи с ним, публично изобличить самозванца. Осенью 1604 года московское командование не приняло никаких мер к усилению западных пограничных гарнизонов и не собрало полевую армию. Все это подтверждает вывод о том, что вторжение застало страну врасплох.

Самозванец был прекрасно осведомлен о положении дел в России. Он решил наступать на Москву не по старой смоленской дороге, а кружным путем, через Чернигов. В Северской земле царскому правительству не удалось насадить поместную систему и создать себе прочную опору в лице уездных дворян. Северские дети боярские были плохо обеспечены землей и крепостными, и число их было невелико. Со времен Грозного власти ссылали в Севск и Курск опальных холопов с наказом *«писать их в казаки»*. После разгрома от-

ряда Хлопка в Северскую землю бежало немало *«злодейственных гадов»* (так называли повстанцев дворянские писатели) и всякого рода «черни», искавших на юге спасения от голодной смерти.

Черниговская земля была населена украинцами, поддерживавшими тесные связи с украинским населением в пределах Речи Посполитой. Именно поэтому слухи о появлении «доброго царя» на Киевщине мгновенно распространились по Северской Украине. В течение многих месяцев сторонники самозванца употребляли всевозможные средства, чтобы привлечь на сторону «доброго царя» жителей Черниговщины. Они засылали в Чернигов лазутчиков, разбрасывали «прелестные» грамоты. Агитация в пользу «доброго царя» принесла свои результаты. Во всех несчастьях, обрушившихся на страну, народ винил царя Бориса. Уповая на «доброго Дмитрия», люди с нетерпением ждали его «исхода» из-за рубежа.

13 октября 1604 года войско самозванца, перейдя границу, стало медленно продвигаться к ближайшей русской крепости — Монастыревскому острогу. Нападая на соседнее дружественное государство, Мнишек сознавал, что не сможет в случае неудачи и пленения воспользоваться защитой Речи Посполитой. По этой причине он принимал всевозможные меры предосторожности.

Приказав атаману Белешко с казаками двигаться по дороге прямо к Монастыревскому острогу, Мнишек углубился в лес, раскинувшийся кругом на много верст. При нем находились самозванец, шляхта, отряды наемных солдат, экипажи и обозы. Сопровождавшие армию Мнишека иезуиты подтвердили в своих письмах, что шли к Монастыревскому острогу не по дороге, а *«через леса и болота»*. Ротмистр С. Борша вспоминал, как его солдаты нашли в лесу множество вкусных ягод.

Атаман Белешко беспрепятственно подошел к Монастыревскому острогу и выслал гонца для переговоров. Казак подъехал к стене крепости и на конце сабли передал жителям письмо «царевича». На словах он сообщил, что следом идет сам «Дмитрий» с огромными силами. Застигнутый врасплох

воевода Б. Лодыгин пытался организовать сопротивление. Но в городке началось восстание. Жители связали Б. Лодыгина и его помощника М. Толочанова.

При всем своем усердии восставшие сдали острог «Дмитрию» с большим запозданием. Мнишек так углубился в леса и болота, что ему понадобилось несколько дней, чтобы выбраться из чащи и прибыть к стенам сдавшейся крепости. Посланец Белешка привез весть о победе 18 октября 1604 года. На другой день восставшие жители доставили самозванцу захваченных воевод, и лишь 21 октября в 7 часов вечера Лжедмитрий вместе со своим главнокомандующим принял острог из рук восставших.

Захлестнувшие Северщину слухи о скором появлении избавителя — «хорошего» царя — расчистили путь самозванцу. Мнимый сын Грозного был встречен ликующими возгласами: «Встает наше красное солнышко, ворочается к нам Дмитрий Иванович!»

Известия о сдаче Монастыревского острога и приближении «царевича» вызвали волнения в Чернигове. Простой народ требовал признать власть законного государя. Среди местных служилых людей царили разброд и шатания. Воевода князь И. А. Татев заперся со стрельцами в замке и приготовился к отражению неприятеля. Но он оставил посад в руках восставшего народа, что решило исход дела. Чтобы справиться с воеводой, черниговцы призвали на помощь прибывший в окрестности города казачий отряд атамана Белешко.

Русское командование использовало задержку самозванца на границе и проявило исключительную расторопность. На выручку к черниговским воеводам стремительно двигался окольничий П. Ф. Басманов с отрядом стрельцов. Он находился в пятнадцати верстах от города, когда там произошел мятеж. Казаки атамана Белешко, впущенные в город черниговцами, пытались штурмовать замок, но были отбиты залпами стрельцов. Раздосадованные потерями казаки и прибывшие следом наемные солдаты самозванца бросились громить посад. Все воинские заслуги армии Мнишека при взятии Чернигова свелись к грабежу города. События в замке развива-

лись своим чередом. Князь Татев не смог удержать в повиновении находившихся при нем казаков, стрельцов и служилых людей.

В русских и иностранных источниках обстоятельства падения Чернигова описаны одинаково. По свидетельству «Нового летописца», Татев пытался оборонять крепость, но тут открылась измена, *«и приидоша ж еси ратные люди, и его поимаше, и сами здалися к ростриге...»*. Черниговцы захватили и выдали самозванцу воевод князя И. А Татева, князя П. М. Шаховского и Н. С. Воронцова-Вельяминова. Мятеж начали «черные люди» Чернигова: *«...смутишася черные люди и перевязаша воевод...»* Иезуиты, вступившие в Чернигов вместе с самозванцем, отметили, что восставшие черниговцы с ожесточением напали на воевод, одних ранили, других повлекли в тюрьму. Среди дворян лишь немногие упорно сопротивлялись.

Отрепьев вступил в Чернигов на другой день после его сдачи. Он выразил гнев по поводу разграбления города, но не смог или не захотел заставить солдат и казаков вернуть награбленное.

Уже в Чернигове обнаружилось, сколь различным было отношение к самозванцу со стороны верхов и низов русского общества. Народ приветствовал вновь обретенного царевича, невзирая на грабежи его солдат. Знатный дворянин Н. С. Воронцов-Вельяминов наотрез отказался признать расстригу своим государем. Отрепьев приказал убить его. Казнь устрашила дворян, взятых в плен. Воеводы Татев, Шаховской и другие поспешили принести присягу Лжедмитрию. На пути от Львова до Киева немало крестьян «показачились» и вступили в войско «царевича». Киевские мужики помогли ему переправиться за Днепр. Совершенно так же встречало войско Лжедмитрия украинское население Северщины.

Заняв Чернигов, Мнишек с самозванцем оставался там некоторое время, явно боясь углубляться на территорию России. Находившиеся при нем иезуиты писали 1 ноября 1604 года: *«Два или три дня спустя войско двинется отсюда в глубь Московии, где, как говорят, путь будет идти миль на 30 лесами к Белгороду»*. Верный себе Мнишек вновь решил углубиться в

леса и, обходя крепости, двигаться вдоль кромки русских земель к Белгороду, где можно было ждать помощь с Дона. Однако под влиянием благоприятных вестей Мнишек вскоре же изменил свои планы и выступил к Новгороду-Северскому. В авангарде его армии шли две сотни казаков во главе с Я. Бучинским. Казаки пытались вести переговоры с жителями Новгорода-Северского, грозили воеводам жестокой расправой в случае неповиновения. Но в Новгороде-Северском они не добились успеха. Оборону города возглавил энергичный воевода П. Ф Басманов. Не успев оказать помощь Чернигову, он отступил в Новгород-Северский и в течение недели подготовил крепость к обороне. Гарнизон города был невелик, не более трехсот ратных людей. Небольшой отряд воевода привел с собой. Кроме того, он успел вызвать пополнения из соседних крепостей. Теперь гарнизон Новгорода-Северского включал полторы сотни дворян, более четырехсот пятидесяти стрельцов, почти триста пятьдесят казаков, а кроме этого, до пятисот человек, набранных из крестьян соседней Комарицкой волости.

Когда авангарды Лжедмитрия подступили к городу, Басманов приказал стрелять по ним и отогнал от стен крепости.

Узнав о неудаче, Мнишек два дня не решался идти вперед. Его армия стояла обозом в поле. Наконец самозванец и его покровитель преодолели замешательство и 11 ноября приступили к осаде Новгорода-Северского. При первой попытке взять крепость приступом солдаты потеряли пятьдесят человек и отступили. В ночь с 17 на 18 ноября последовал генеральный штурм. Басманов имел лазутчиков во вражеском лагере и успел хорошо подготовиться к отражению нападения. Солдаты забросали ров хворостом и попытались использовать этот «примет», чтобы поджечь деревянные стены замка. Но приступ вновь не удался. Понеся большие потери, наемники отступили.

Никогда прежде Отрепьев не нюхал пороха, и первая же неудача повергла его в уныние. Он был близок к обмороку, проклинал наемных солдат. Поражение посеяло в его лагере страх и неуверенность. В войске назревал мятеж. После недол-

гих совещаний наемники решили немедленно отступить от города и вернуться на родину. Однако они не успели осуществить свое намерение, поскольку в этот самый момент в лагере стало известно о сдаче Путивля.

Путивль был ключевым пунктом обороны Черниговской земли и единственным из северских городов, имевшим каменную крепость. Лишь заняв Путивль, самозванец мог добиться подчинения Северской Украины. Кто владел Путивлем, тот владел Севрщиной. Отрепьев понимал это и уже при составлении военных планов в 1603 году наметил занятие Путивля как первоочередную задачу. Однако собранные силы были столь ничтожны, что воеводы Лжедмитрия не посмели напасть на главную крепость Севрщины. Сдача города воочию показала, что фактор интервенции имел небольшое значение даже в первые недели войны. Иноземные наемные войска не сыграли никакой роли в борьбе за Путивль. А между тем это событие круто изменило весь ход военных действий.

В Путивле — главном торговом центре Северской Украины — было многочисленное посадское население. Основу гарнизона составлял отряд конных самопальников (воинов, вооруженных огнестрельным оружием). За десять лет до вторжения власти объявили о наборе в отряд пятисот человек из мелкопоместных детей боярских. Но помещиков в Путивле было немного, и воеводам удалось набрать лишь одну дворянскую сотню. Большинство в отряде составляли путивльские казаки (севрюки), стрельцы, пушкари, белодворцы и посадские люди. Положение путивльских самопальников было незавидным. Им приходилось распахивать целину, обрабатывать надел и одновременно нести службу. Неудивительно, что вести о появлении «доброго царя» вызвали в их среде брожение.

В Путивле произошло то же самое, что ранее случилось в Чернигове. Народ поднял восстание, а служилые люди поддержали чернь. Выдающуюся роль в путивльских событиях сыграли сын боярский Ю. Беззубцев и его сотня конных самопальников, укомплектованная за счет путивльских казаков и стрельцов. Не случайно Ю. Беззубцев стал одним из главных сподвижников Отрепьева.

Современники подозревали, что сдаче Путивля способствовала измена воевод. Шведский агент Петр Петрей сообщал, будто царь Борис поручил князю В. М. Мосальскому отвезти в Путивль казну, а тот доставил деньги в лагерь самозванца, где был встречен с барабанным боем. Однако Исаак Масса утверждал, что с казной к Лжедмитрию бежал дьяк Б. Сутупов, посланный Годуновым к войску. По-видимому, И. Масса располагал более надежной информацией. В Разряде, датируемом весной 1604 (7112) года, против имени Сутупова сделана помета: *«Богдан послан з государевым денежным жалованьем в северские города»*. Авторы русских сказаний давали неодинаковые оценки поведению путивльских воевод. По свидетельству «Нового летописца», *«в Путивле окаянный князь Василей Рубец Масальской да дьяк Богдан Сутупов здумаша также (как* черниговцы. — *Р. С.)... послаша (к* расстриге. — *Р. С.) с повинною»*. В «Сказании о Гришке Отрепьеве» можно прочесть, что Мосальский примкнул к изменникам вместе с Сутуповым. Из «Повести 1626 г.» следует, что Мосальский вместе с Салтыковым выступил против мятежников, называя «царевича» вором Гришкой Отрепьевым.

Письмо неизвестного поляка, находившегося под Новгородом-Северским в дни мятежа в Путивле, не оставляет сомнения в достоверности второй версии. Поляк писал, что двое путивльских воевод (один из них — сенатор и любимец Бориса) сохраняли верность царю, но их связали и увезли в лагерь самозванца. Только один воевода из трех примкнул к черни и добровольно встал на сторону Лжедмитрия. Этим воеводой был, очевидно, дьяк Сутупов, человек незнатного происхождения. Член Боярской думы М. М. Салтыков решительно отказался присягнуть самозванцу, чем навлек на себя гнев народа. Путивляне поволокли воеводу к «царевичу» на веревке, привязанной к его бороде.

Самозванец узнал об аресте путивльских воевод 18 ноября. День спустя жители города дали знать о *«поимании 200 стрельцов московских»*. 21 ноября повстанцы выдали «царевичу» стрелецкого голову с сотниками. Как видно, посланные

в Путивль московские стрельцы оказывали сопротивление восставшим в течение одного-двух дней.

В Путивле в воеводской казне хранились крупные суммы, предназначенные для выплаты жалованья служилым людям. Во время восстания дьяк Б. Сутупов уберег казну, а затем доставил ее в лагерь к самозванцу.

Пять недель шла борьба за Северскую Украину, после чего восстание распространилось на смежные русские города Рыльск, Курск и далее на северо-восток.

В самом начале кампании московское командование направило в Рыльск триста московских стрельцов. Однако этих сил оказалось недостаточно. Весть о восстании в Рыльске была получена в лагере под Новгородом-Северским 25 ноября. Пять арестованных воевод были доставлены к «царевичу» 1 декабря. В тот же день стало известно о мятеже в Курске.

Летом 1604 года Разрядный приказ назначил воеводой Курска князя Г. Б. Рощу-Долгорукова. Его помощником был голова Я. Змеев. Куряне связали воевод и доставили их к Лжедмитрию. Воеводам пришлось выбирать между милостями нового государя и тюрьмой, и они поспешили присоединиться к тем, кто согласился служить «вору». Прошло совсем немного времени, и Лжедмитрий назначил Г. Б. Рощу-Долгорукова и Я. Змеева своими воеводами в Рыльск. Восставший народ нападал на воевод, московских стрельцов и других лиц, выступавших против «доброго царя», но принимал их в свою среду и даже подчинялся им, коль скоро те переходили на сторону Лжедмитрия.

Ход гражданской войны зависел от того, поддержат ли самозванца народные массы, служилые и посадские люди, казаки, крестьяне и др. Настроения народа определялись тем, что осенью 1604 года деревня еще не преодолела последствия трехлетнего неурожая и голода. На плодородных землях юго-запада крестьяне пострадали в меньшей мере. Но именно поэтому казна отказывала им в каких бы то ни было податных льготах, стремясь компенсировать огромные недоимки в других уездах. Из-за осенней распутицы власти не имели возможности своевременно набрать в армию даточных и посошных

людей* из отдаленных уездов, поэтому тяжесть воинской повинности испытали на себе прежде всего крестьяне юго-западных районов, ближе всего расположенных к театру военных действий.

Первой крестьянской волостью, примкнувшей к восстанию, была обширная Комарицкая волость на Брянщине. 25 ноября автор польского дневника записал: *«Из Комарицкой волости люди приехали с объявлением о подданстве и двух воевод привели»*. Борьба в волости продолжалась по крайней мере пять дней. 1 декабря в дневнике появилась запись еще о двух воеводах, приведенных «из Комарицкой волости» в лагерь самозванца. При царе Борисе Комарицкая волость находилась в ведении Дворцового приказа. Дворцовые крестьяне были в лучшем положении, нежели закрепощенные частновладельческие крестьяне. По словам И. Массы, в Комарицкой волости жили богатые мужики. Русские источники подтверждают это. Хотя трехлетний неурожай сказался на положении богатой волости, все же комаричи не испытали тех бедствий, которые выпали на долю населения многих других районов.

Невзирая на плохой урожай, комаричи платили в казну подати, несли всякого рода натуральные повинности. Когда воеводы из Севска, служившего административным центром волости, обязали комаричей выставить для войны с «Дмитрием» пятьсот человек даточных людей, негодование крестьян достигло предела. Как следует из польского дневника, комаричи захватили и выдали самозванцу воеводу и трех других волостных чиновников.

3 декабря 1604 года в лагере Лжедмитрия стало известно, что *«волость Кромы поддалась»*. Службу в Кромах несли в 1603—1604 годах осадный голова Иван Матов и городовые приказчики Осип Виденьев и Иван Грузинов. Власти не ждали нападения на Кромы и ослабили его и без того малочисленный гарнизон. Дело дошло до того, что Матову пришлось отослать в действующую армию четырех своих конных боевых слуг.

---

* Население было обязано посылать в походы даточных и посошных людей. Они несли службу во вспомогательных отрядах, обозах, перевозили пушки. — *Примеч. автора.*

Согласно польскому дневнику, на сторону «Дмитрия» перешла «волость Кромы». Иначе говоря, восстание в небольшой крепости было поддержано населением сельской округи.

Уцелевший фрагмент разрядных документов, посвященный военным действиям в районе Кром и Орла, показывает, какую роль играло крестьянское население в распространении восстания от уезда к уезду. В конце 1604 года власти города Орла донесли в Москву, что пришли *«на орловские места войною Околенские волости мужики и кромчане»*. Кромы располагались к югу от Орла, на дороге Курск — Орел. Околенки — центр Околенской волости — находился к западу от Орла, на расстоянии сорока двух верст от Карачева. Через Околенки проходила прямая дорога из Орла на Карачев. Восставшие «мужики» из Околенской волости объединились с отрядами из Кромской волости и попытались поднять против царя Бориса население Орла. Если бы кромчанам удалось «смутить» Орел, это открыло бы восставшим прямой путь на Тулу и Москву. Оценив опасность, командование перебросило в Орел голов Г. Микулина и И. Михнева с дворянскими сотнями. Кроме того, туда были вызваны дворяне и дети боярские из Козельска, Белева и Мещовска, несшие годовую службу в Белгороде. Имея в своем распоряжении дворянские отряды, Микулин предотвратил мятеж в Орле. Высланная из города дворянская конница наголову разгромила отряды повстанцев и отбросила их от Орла. Несмотря на неудачу под Орлом, восстание на Брянщине и Орловщине существенно изменило ситуацию на театре военных действий. Теперь самозванец имел обеспеченный тыл и возможность пополнить свои ресурсы.

Вести об успехах «истинного царя» проникли в осажденный Новгород-Северский и посеяли там семена смуты. Воеводе П. Ф. Басманову с трудом удалось справиться с кризисом. После отступления Лжедмитрия власти щедро наградили всех участников обороны крепости. Не были забыты ни стрелецкие дети, ни бортники, ни монахи, ни слепой старец, ходивший лазутчиком в «воровской» стан, но среди награжденных не оказалось посадских людей, комаричей. С. Ф. Пла-

тонов объяснял этот факт отсутствием сколько-нибудь значительного посада в Новгороде-Северском. Однако с таким объяснением трудно согласиться. Современники отмечали, что Басманов, прибыв в город, приказал сжечь примыкавший к крепости посад, а жителей загнал в острог. Польский дневник дает ключ к отмеченному С. Ф. Платоновым парадоксу. 28 ноября, записал автор дневника, *«передалось москвы* (русских. — *Р. С.) из замка 80»*. Как видно, среди населения Новгорода-Северского произошли волнения. Сторонники «царевича» пытались поднять мятеж, но потерпели неудачу и бежали из крепости.

Начиная с 1 декабря 1604 года осаждавшие стали обстреливать Новгород-Северский из тяжелых орудий, привезенных из Путивля. Канонада не прекращалась ни днем, ни ночью. Гарнизон нес большие потери. После недельного обстрела противник сровнял стены крепости с землей — *«разбиша град до обвалу земляного»*. Чтобы выиграть время, Басманов начал переговоры с Лжедмитрием о перемирии, будто бы необходимом для принятия решения о сдаче крепости. Мнишек и Отрепьев удовлетворили просьбу воеводы. Басманов использовал перемирие, чтобы укрепить гарнизон. 14 декабря *«москвы* (русских. — *Р. С.) 100 вошло в замок»*. Не располагая крупными силами, московское командование вынуждено было посылать против Лжедмитрия разрозненные отряды. Вслед за П. Ф. Басмановым в пределы Северской Украины вступил М. Б. Шеин. На помощь орловским головам прибыл Ф. И. Шереметев. Воевода А. Р. Плещеев был послан через Карачев в Комарицкую волость для подавления восстания. Однако малочисленные отряды правительственных войск не могли справиться с народом.

Когда в Москве узнали о вторжении самозванца, Борис призвал под знамена все воинские силы государства. То была первая всеобщая мобилизация, объявленная в стране после тринадцатилетней мирной передышки. Разрядный приказ получил распоряжение собрать полки в течение двух недель. Царское повеление было повторено трижды, но выполнить его не удалось. Осенняя распутица затрудняла мобилизацию. Дво-

ряне неохотно покидали свои сельские усадьбы. Сбор поместного ополчения отнял два месяца.

В октябре Разрядный приказ составил две росписи. Согласно первой князь Д. И. Шуйский с тремя полками должен был выступить к Чернигову, согласно второй — к Брянску. Однако даже армию из трех полков удалось укомплектовать лишь в ноябре. Д. И. Шуйский покинул Москву и начал поход в Северскую землю только 12 ноября, *«на Дмитриев день»*. Участник похода К. Буссов называет ту же дату. По его словам, Борис сурово наказал тех, кто уклонялся от службы. Некоторые были доставлены в полки под стражей, у других отписали поместья, третьих били батогами.

В Брянске армия сделала длительную остановку, ожидая пополнений. Туда прибыл главнокомандующий князь Ф. И. Мстиславский. Собранная в Брянске армия была разделена на пять полков.

Анализируя первые распоряжения Бориса Годунова, С. Ф. Платонов сделал вывод, что его ошибка весьма способствовала успеху самозванца. Опасаясь вторжения королевской армии со стороны Орши, царь назначил сборным пунктом для армии Брянск, одинаково близкий к Смоленску и к Орше, вследствие чего воеводы потеряли много времени. По-видимому, это не совсем верно. Брянск был выбран местом сосредоточения по той простой причине, что через этот город проходила большая дорога, издавна связывающая Москву с Северской землей.

Несмотря на все старания Разрядного приказа, главные силы русской армии смогли войти в соприкосновение с противником лишь через два месяца после начала интервенции.

Царские воеводы действовали вяло и нерешительно. Они прибыли в окрестности осажденного Новгорода-Северского 18 декабря 1604 года и провели три дня в полном бездействии. 20 декабря войска выстроились друг против друга на поле, но дело ограничилось мелкими стычками. Самозванец старался оттянуть битву переговорами, и это ему отчасти удалось. Мстиславский ждал подкреплений и не спешил с битвой.

В составе царской армии насчитывалось 25 336 человек, а вместе с боевыми холопами — до 40—60 тысяч. Без сомнения, у Мнишека было значительно меньше сил. Самозванец оказался в трудном положении, имея в тылу осажденную крепость, а перед фронтом — превосходящие силы неприятеля. Накануне битвы Басманов велел палить из всех пушек и делал частые вылазки, вследствие чего Мнишеку пришлось отрядить против него часть казацкого войска. Однако Мстиславский не сумел использовать всех выгод своего положения. Мнишек перехватил инициативу. 21 декабря польские гусарские роты стремительно атаковали правый фланг армии Мстиславского. Полк правой руки, не получив помощи от других полков, в беспорядке отступил, увлекая за собой соседние отряды.

Среди общего смятения одна из гусарских рот, следуя за отступавшими, повернула вправо и неожиданно оказалась в расположении ставки Мстиславского. Посреди ставки высился большой золотой стяг, укрепленный на нескольких повозках. Гусары подрубили древко стяга, сбили с коня Мстиславского и нанесли ему несколько ударов по голове. Безрассудно храбрый налет не мог дать больших результатов. Подоспели стрельцы. Кто из гусар успел вовремя поворотить коня, спасся. Прочие же вместе с их капитаном Домарацким попали в плен.

Царские воеводы имели возможность использовать свое огромное численное превосходство, но они так и не ввели в дело главные силы. Ранение Мстиславского вызвало растерянность воевод, которые поспешили отвести свои полки и полностью очистили поле боя.

Самозванец мог праздновать победу. По утверждению его соратников, поляки потеряли убитыми около ста двадцати человек, тогда как русских полегло до четырех тысяч человек. Данные о русских потерях были сильно преувеличены. Кроме того, надо иметь в виду, что поляки считали всех убитых русских вместе — и государевых ратников, и «воровских» людей. Хоронили их без разбору в трех больших могилах. Опытный солдат Я. Маржарет, участвовавший в битве, отметил, что

обе армии после двух-трехчасовой стычки разошлись без особых потерь.

Успех Мнишека носил частный, преходящий характер. Общее положение на театре военных действий не изменилось. Утомительная и бесплодная осада Новгорода-Северского продолжалась. Со дня на день можно было ждать нового натиска многочисленной царской рати. Самозванца одолевало безденежье. Одержав верх над Мстиславским, наемники немедленно потребовали денег. Казна, привезенная из Путивля, была истрачена. Но «рыцарство» не желало слышать ни о каких отсрочках. Чтобы успокоить недовольных, «царевич» тайно выдал деньги роте, заслужившей его особую милость. Об этом немедленно узнали другие роты. 1 января 1605 года в лагере вспыхнул открытый мятеж. Наемники бросились грабить обозы. Они хватали все, что попадало им под руки: продовольствие, снаряжение, всякого рода скарб. Мнишек пытался прекратить грабеж, но добился немногого. Следующей ночью грабежи возобновились. Тщетно самозванец ездил между солдатскими палатками, падал на колени перед «рыцарством» и умолял не оставлять его. Наемники вырвали у него знамя, а под конец сорвали с него соболью ферязь. Отрепьева осыпали площадной бранью. Кто-то крикнул ему вдогонку: «Ей-ей, быть тебе на колу!» Наемная армия стала распадаться. Большая часть солдат, по словам очевидцев, покинула лагерь и 2 января 1605 года отправилась к границе. В этот же день Отрепьев сжег лагерь и отступил из-под Новгорода-Северского по направлению к Путивлю. Мнишек, еще недавно призывавший солдат остаться на «царской» службе, внезапно сам объявил об отъезде из армии. 4 января главнокомандующий и его люди *«разъехались с его милостию царевичем»*. Престарелый магнат не желал более испытывать судьбу. Бегство Мнишека в Польшу дало новое направление самозванческой интриге. До поры до времени Отрепьев оставался не более чем куклой в руках польских покровителей. Теперь же интрига стала ускользать из-под контроля тех, кто стоял за его спиной.

Мятеж в польском войске, по-видимому, был ускорен прибытием в район Новгорода-Северского сильного войска из

Запорожской Сечи. Польским шляхтичам и вольным казакам было трудно ужиться в одном лагере. Мятеж в войсках и появление запорожцев были главными причинами отъезда Мнишека. Сенатора пугало то, что «царевича» поддерживала преимущественно чернь. Надежды на содействие бояр не оправдались. Грамоты, адресованные главными московскими боярами лично Мнишеку, были полны брани и угроз. Королевский сенатор чувствовал себя неуютно среди восставшего простонародья. Он утратил надежду склонить на сторону «царевича» московскую знать. Уезжая в Польшу, Мнишек уверял нареченного зятя, что на сейме в Кракове он будет защищать дело «царевича», пришлет ему подкрепление и проч. Лжедмитрию удалось удержать при себе пана Тышкевича, Михаила Ратомского и некоторых ротмистров. Немалую помощь ему оказали иезуиты, находившиеся в войске. На развилке дорог они последовали не за Мнишеком, а за «царевичем». Их пример подействовал на многих колеблющихся солдат. Благодаря помощи ротмистров и капелланов Отрепьев удержал при себе от полутора до двух тысяч солдат.

С отъездом Мнишека среди повстанцев взяли верх сторонники решительных действий. Покинув лагерь под Новгородом-Северским, «царевич» мог затвориться в каменной крепости Путивля или уйти в Чернигов, поближе к польской границе. Вместо этого он двинулся в глубь России. В начале января 1605 года самозванец беспрепятственно занял Севск, посреди Комарицкой волости. Восставшая волость предоставила его войску не только теплые квартиры, продовольствие и фураж, но и воинские контингенты. По словам Я. Маржарета, под Севском самозванец *«набрал доброе число крестьян, которые приучались к оружию»*. Данные о потерях в битве под Добрыничами показывают, что повстанческая армия достигла наибольшей численности как раз во время пребывания Лжедмитрия в Комарицкой волости. В ее составе было четыре тысячи запорожцев, несколько сот донских казаков и несколько тысяч вооруженных чем попало комаричей, путивлян и черниговцев. Армия Лжедмитрия была вновь готова к

бою. По своему обличью она значительно отличалась от армии Мнишека.

После неудачной битвы под Новгородом-Северским царь Борис не только не объявил опалу Мстиславскому, но, напротив, пожаловал его — *«велел о здравии спросить»* — и прислал придворного врача для его излечения. В особом послании Годунов поблагодарил боярина за то, что тот, помня Бога и присягу, пролил свою кровь. Борис оказал честь всем ратным людям, участвовавшим в битве, повелев здравствовать их. Прошел месяц, прежде чем Мстиславский оправился от ран. Разрядный приказ использовал затянувшуюся паузу для того, чтобы пополнить таявшую армию свежими силами. В январе 1605 года на помощь Мстиславскому прибыл князь Василий Шуйский с царскими стольниками, стряпчими и «большими» московскими дворянами. Первостатейная столичная знать должна была разделить с уездным дворянством тяготы зимней походной службы. 20 января Мстиславский разбил свой лагерь в большом комарицком селе Добрыничах неподалеку от Чемлыжского острожка, где находилась ставка Лжедмитрия.

Узнав о появлении царской рати, самозванец созвал военный совет. Наемные командиры предлагали не спешить с битвой, а начать переговоры с боярами. Но в повстанческой армии их голос уже не имел решающего значения. Ротмистр С. Борша записал, что «царевич» перед битвой долго советовался с окружающими, в особенности же с казаками, «потому что в них полагал всю надежду». Атаманы высказывались за то, чтобы немедленно атаковать воевод, не вступая с ними ни в какие переговоры.

Повстанцы вели войну своими способами. С наступлением ночи комарицкие мужики только им известными тропами провели ратников Лжедмитрия к селу Добрыничи. Восставшие намеревались поджечь село с разных сторон и вызвать панику в царских полках накануне решающей битвы. Однако стража обнаружила их на подступах к селу.

Рано утром 21 января 1605 года армии сблизились и завязали бой. Гетман Дворжецкий решил в точности повторить

маневр, который обеспечил успех самозванцу под Новгородом-Северским. Гусары должны были опрокинуть правый фланг русских, а пехота, оставленная в тылу, довершить победу. Запорожская конница имела задачу сковывать силы русских в центре. Пешие казаки прикрывали пушки, стоявшие позади фронта.

Следя за передвижениями противника, Мстиславский выдвинул полк правой руки под командой Шуйского, а также отряды Маржарета и Розена, составленные из служилых иноземцев. Гетман Дворжецкий немедленно атаковал Шуйского, собрав воедино свою немногочисленную польскую конницу. В атаке участвовало около десяти конных отрядов: двести гусар, семь рот конных копейщиков, отряд шляхты из Белоруссии и отряд русских всадников. Не выдержав яростной атаки, воевода Шуйский дрогнул и стал отступать. Расчистив себе путь, конница Дворжецкого повернула к селу, на окраине которого стояла русская пехота с пушками. Тут она была встречена мощным орудийным и ружейным залпом и повернула назад. Отступление завершилось паническим бегством.

Взаимная независимость и недоверие шляхты и вольных запорожцев подтачивали армию самозванца изнутри. Ротмистры в один голос с «царевичем» утверждали, будто виновниками катастрофы были запорожцы. Когда ветер принес со стороны русского лагеря клубы дыма, писал С. Борша, запорожцы будто бы испугались и побежали, а гусары бросились вслед, убеждая их вернуться. На самом деле в поражении повинны были не казаки. Свидетельство участника боя Маржарета позволяет точно определить, кто побежал с поля битвы первым. Залп из десяти — двенадцати тысяч ружейных стволов, писал Маржарет, поверг атакующую конницу в ужас, и она в полном смятении обратилась в бегство. Участники атаки единодушно утверждали, что пальба сама по себе причинила немного вреда нападавшим: было убито менее десятка всадников. Однако поляки хорошо помнили, чем кончилась безрассудно лихая атака капитана Домарацкого под Новгородом-Северским. На поддержку запорожцев они не рассчитывали, не доверяя им. Оставшиеся у самозванца конница и пехота пыта-

лись поддержать атаку гусар и с редким проворством двинулись им на помощь, думая, что дело выиграно. Однако, столкнувшись со своей конницей, отступавшей в полном беспорядке, казаки повернули вспять. Вопреки утверждению самозванца именно казаки предотвратили полное истребление его войска. Преследуя гусар, русские натолкнулись на батарею, которую прикрывала пехота. По признанию Борши, казаки, оставленные при орудиях, хорошо держались против русских. Брошенные на произвол судьбы, они почти все полегли на поле боя, самозванец потерял всю свою пехоту. Конница понесла меньшие потери, чем отряды казаков и комарицких мужиков. Поляки исчисляли свои потери в три тысячи человек, Маржарет считал, что у противника было пять-шесть тысяч убитых. В официальных отчетах воевод фигурировала еще большая цифра. Согласно Разрядной записи, на поле боя было найдено и предано земле одиннадцать с половиной тысяч трупов. Большинство из них составляли будто бы «черкасы» (украинцы). В руки победителей попали пятнадцать знамен и штандартов и вся артиллерия — пятьдесят пушек.

Отрепьев возглавил атаку гусар вместе со своим гетманом Дворжецким. Первая и последняя в его жизни атака закончилась позорным бегством. Во время отступления под ним была ранена лошадь, и он чудом избежал плена. Самозванец сначала укрылся на Чемлыже, а затем скрытно от всех покинул лагерь и ускакал в Рыльск.

Запорожцы, узнав о его бегстве, пустились по его следам, *«но под стенами Рыльска их встретили ружейной пальбой и поносными словами как предателей государя Дмитрия Ивановича»*. Некоторые русские источники подтверждают польскую версию о том, что запорожцы хотели расправиться с самозванцем и отомстить за своих погибших товарищей.

Дворянские полки устроили повстанцам кровавую баню на поле боя. Но этим дело не ограничилось. В руки воевод попало множество пленных. Они были разделены на две неравные части. Полякам была дарована жизнь, и их вскоре увезли в Москву. Всех прочих пленных — стрельцов, казаков, комаричей — повесили посреди лагеря. Воеводы не удовольство-

вались казнью «воров», захваченных с оружием в руках. Как поведал Буссов, царские дворяне, заняв Комарицкую волость, *«стали чинить над бедными крестьянами, присягнувшими Дмитрию, ужасную беспощадную расправу»*. По словам того же автора, экзекуции подверглось несколько тысяч крестьян, их жен и детей. Несчастных вешали за ноги на ветвях деревьев, а затем *«стреляли в них из луков и пищалей, так что на это было прискорбно и жалостно смотреть»*. Согласно Разрядной росписи, в полку Мстиславского находилось *«татар касимовских, царева двора Исеитова полку старых и новиков 450 чел.»*. После разгрома Лжедмитрия воеводы отдали им на поток и разграбление мятежную крестьянскую волость. Слухи о погроме в Комарицкой волости распространились по всей земле. Автор «Иного сказания» записал, что царь приказал опустошить Комарицкую волость и воеводы убивали *«не токмо мужей, но и жен и безлобивых младенцев, сосущих млека, и поби* (все живое. — *Р. С.) от человека до скота»*. Террор против населения Комарицкой волости имел ярко выраженную социальную окраску. То был первый случай в истории Смуты, когда мужики подняли оружие против властей, пренебрегли присягой московскому царю, взяли под стражу его воевод и приказных людей. Власти проявили неслыханную жестокость при подавлении мужицкого бунта.

Вторжение войска Мнишека в пределы России явилось следствием внешнего вмешательства в русские дела. Ответственность за интервенцию несли король Сигизмунд III и его ближайшее окружение. Вторжение развязало гражданскую войну внутри страны. Но даже на первом ее этапе роль иноземных наемных отрядов была весьма ограниченной. Все успехи самозванца были связаны с поддержкой украинского и русского населения. После отъезда Мнишека из-под Новгорода-Северского вмешательство извне пошло на убыль. Вслед за поражением под Севском остатки иноземных наемных отрядов бежали за пределы России. Фактор интервенции в основном исчерпал себя.

Подавление очагов восстания и фактическое прекращение иноземного вмешательства неизбежно отразились на даль-

нейшем ходе гражданской войны. Факторы, консолидировавшие феодальное дворянство в первые месяцы иноземного вторжения и Смуты, стали ослабевать.

Глава 9
МЯТЕЖ В СТЕПНЫХ ГОРОДАХ

Воеводы Мстиславский и Шуйский одержали победу над самозванцем, но не осмелились преследовать его армию и довершить ее уничтожение. Иезуиты Чижовский и Лавицкий, находившиеся в лагере Лжедмитрия под Севском, записали в своем дневнике: *«Враг мог гнаться за нами, догнать, перебить и сжечь лагерь, но он остановился от нас, не дойдя мили, и не решился воспользоваться своей удачей»*. Причиной медлительности явилось не предательство, а, скорее, бездарность бояр. Князь Мстиславский, князья Василий и Дмитрий Шуйские были представителями самых родовитых семей, но они не обладали воинскими доблестями.

Воеводы могли двинуться к границе, чтобы изгнать самозванца из страны. Но, оставаясь под впечатлением одержанной победы, бояре считали, что самозванцу никогда более не удастся собрать новое войско и что война практически уже закончена.

Мстиславский прибыл в окрестности Рыльска на другой день после бегства оттуда Отрепьева. Лишившись армии, Лжедмитрий не мог укрепить гарнизон Рыльска сколько-нибудь значительными силами. Покидая город, он поручил его оборону местному воеводе князю Г. Б. Долгорукому, в распоряжении которого были стрельцы и казаки. Имея несколько десятков тысяч человек, бояре рассчитывали быстро покончить с сопротивлением Рыльска. Но они ошиблись. В обороне города участвовало все население. Горожане знали, что им нечего ждать пощады, и сражались с исключительной стойкостью. На все предложения о сдаче они отвечали, что стоят *«за прирожденного государя»*. В течение двух недель царские

воеводы бомбардировали город, пытаясь поджечь деревянные стены крепости. Однако выстрелы пушек с городских стен не позволили им придвинуться вплотную к городу. Общий штурм крепости не удался, и на другой день после приступа Мстиславский снялся с лагеря и отступил к Севску.

Выждав, когда воеводы покинули окрестность Рыльска, жители города произвели вылазку и разгромили русский арьергард, который должен был оставить лагерь в последнюю очередь. В их руки попало немало имущества, которое воеводы не успели вывезти из лагеря.

Дворянское ополчение не привыкло вести войну в зимних условиях, среди заснеженных лесов и полей. После трехмесячной трудной кампании царские полки стали таять. Не спрашивая «отпуска» у воевод, дворяне толпами разъезжались по своим поместьям. Трудности усугублялись тем, что армии приходилось действовать в местности, охваченной восстанием, среди враждебного населения. Повстанцы отбивали обозы с продовольствием, чинили помехи заготовке провианта и фуража.

Находясь в окрестностях Рыльска, армия не имела надежных коммуникаций. Она оказалась в полукольце крепостей, занятых неприятелем. Сторонники Лжедмитрия удерживали в своих руках на севере Кромы, на юге Путивль, на западе Чернигов. В таких условиях главные воеводы Мстиславский, Шуйский и Голицын приняли решение вывести армию с территории, охваченной восстанием, и распустить ратных людей на отдых до новой летней кампании.

Отступление воевод от Рыльска вызвало гнев царя Бориса. Не теряя времени, он направил в полки окольничего П. Н. Шереметева и главного дьяка А. Власьева с наказом сделать выговор воеводам: *«...пенять и роспрашивать, для чего от Рыльска отошли»*. Годунов строжайше запретил боярам распускать ратных людей, что вызвало открытый ропот в армии.

Царские воеводы разгромили плохо вооруженную армию Лжедмитрия в открытом полевом сражении. Но все их попытки занять восставшие крепости неизменно терпели не-

удачу. То, что произошло под Рыльском, повторилось под Кромами.

В Кромах засел изменник Григорий Акинфиев. Подобно рыльскому воеводе Долгорукому, он успел доказать преданность самозванцу. Силы кромского гарнизона были невелики до того времени, пока на помощь ему не прибыли донские казаки. Если верить Буссову, Корела с четырьмястами — пятьюстами донскими казаками отступил под Кромы после битвы под Добрыничами. Приведенное известие вызывает сомнение. После поражения Лжедмитрий намеревался бежать в Польшу, считая свое дело проигранным. В такой ситуации Корела едва ли стал бы искать убежище в крепости, расположенной вдали от границы, Кромы могли легко превратиться для него в мышеловку. Возникает вопрос, не послал ли Лжедмитрий казаков в Кромы перед битвой, когда он находился в Севске, и не рассматривал ли Кромы как форпост повстанческих сил?

Готовя поход Шереметева к Кромам, Разрядный приказ уже в январе распорядился придать ему осадную артиллерию. В его лагерь были доставлены две мортиры — «верховые пищали» — и пушка «Лев Слободской». В феврале Мстиславский направил под Кромы стольника В. И. Бутурлина с дворянскими сотнями. Подкрепление оказалось недостаточным. Отряд Шереметева в ходе четырехнедельной осады понес большие потери, и его положение стало критическим. В таких условиях русское командование направило к Кромам армию Мстиславского.

Поражение Шереметева под Кромами оказало определенное влияние на настроение служилых людей в южных крепостях. Однако значение неудач отдельных воевод и просчетов командования не следует преувеличивать. Решающее влияние на ход гражданской войны все больше оказывали не столько военные, сколько социальные факторы. Это объясняет, почему после битвы под Добрыничами, сопровождавшейся почти полным истреблением повстанческой армии, восстание не только не прекратилось, но, напротив, охватило новые обширные районы. С Украины оно перебросилось в южные уез-

ды, которые по составу населения значительно отличались от северских. Из степных крепостей лишь в Воронеже было более или менее значительное посадское население. Города Елец и Белгород имели небольшие посады. Прочие южные крепости были типичными военными городками с крупным гарнизоном и малочисленным городским населением.

С момента основания Ельца и Ливен в 80-х годах XVI века началось заселение окрестных земель крестьянами. В районе старых засечных линий (Елец, Ливны, Воронеж) крестьянское население было малочисленным, к югу же от Воронежа в районе Оскола, Белгорода, Валуек и Царева-Борисова располагались одни лишь редкие заимки вольных казаков. После основания Царева-Борисова московские писцы провели перепись казацких «юртов» на Осколе и Северском Донце и вменили в обязанность станичников несение сторожевой службы.

Малочисленность дворян в степных крепостях, ненадежность казачьих и стрелецких сотен, набранных в основном из крестьян и вольных казаков, брожение в среде вольного казачьего населения на Осколе и Северском Донце — все эти факты объясняют, почему южные крепости были потеряны для правительства без какой бы то ни было серьезной борьбы.

Самые ранние и достоверные сведения о восстании на юге заключены в письмах иезуитов Чижовского и Лавицкого, написанных в феврале — марте 1605 года. Иеизуиты, близкие ко двору самозванца, сообщили в письме от 27 февраля (8 марта), что в Путивль приведены пленные из пяти крепостей, сдавшихся светлейшему князю: Оскола, Валуек, Воронежа, Борисовграда и Белгорода. Названные города стояли друг от друга на огромном расстоянии, и восстание в них, по-видимому, произошло в разное время. Повстанцам пришлось затратить не одну неделю, чтобы доставить пленных воевод в Путивль через местности, занятые правительственными войсками. Все это позволяет заключить, что повстанческое движение в степных крепостях началось либо в первые недели февраля, либо в конце января 1605 года.

Русские источники сообщают о мятеже в южных гарнизонах кратко и без всяких подробностей. В Разрядных книгах можно найти запись о том, что «польские» города «смутились» и целовали крест «вору» и *«воевод к нему в Путивль отвели: из Белгорода князя Бориса Михайловича Лыкова да голов, из Царева Нового города князя Бориса Петровича Татева да князя Дмитрия Васильевича Туренина»*.

Царев-Борисов служил форпостом московской обороны на юге, и командование постоянно держало там крупные военные силы. Падение крепости поразило Бориса как гром среди ясного неба. Годунов возлагал особые надежды на пятьсот дворовых стрельцов, находившихся в Цареве-Борисове. Но стрельцы сами приняли участие в мятеже и после ареста воевод немедленно покинули город. По свидетельству очевидцев, столичные стрельцы явились в Путивль и присягнули там на верность Лжедмитрию.

При Борисе Годунове южные пограничные города были связаны между собой единой системой обороны. Переход в руки повстанцев Курска поставил под угрозу Воронеж и Оскол. Мятеж в Кромах создал опасность для Ливен и Ельца. Командование значительно ослабило гарнизоны названных крепостей. Оно отозвало в полки к Мстиславскому четыреста конных казаков с пищалями, сто пеших стрельцов из Ельца и двести конных казаков из Ливен. Несмотря на это, гарнизоны Ельца и Ливен держались дольше, чем гарнизоны Оскола, Белгорода и других степных городов. Поражение отряда Шереметева под Кромами благоприятствовало мятежу в Ельце и Ливнах.

7 (17) марта 1605 года Чижовский и Лавицкий сообщили своим корреспондентам свежую новость о переходе на сторону «Дмитрия» крепостей Елец и Ливны. От себя иезуиты добавили, что Ливны не уступают по размерам Путивлю и значение этого города в военное время исключительно велико.

В степных крепостях произошло то же, что и ранее в Северской земле. Казаки и стрельцы вязали воевод и дворян, заставляли их присягать на верность «Дмитрию». Мятеж в гар-

низонах, по-видимому, не сопровождался большими кровопролитиями. Жертв народного гнева было немного.

Восстание в южных крепостях ухудшило военную ситуацию, смешав планы московского командования. Из-за смуты на юге России воеводы не смогли окружить столицу Лжедмитрия Путивль и подвергнуть ее осаде.

Шереметев недаром слал в Москву отчаянные призывы о помощи. Русское командование вовремя оценило опасность. В случае окончательного поражения Шереметева и снятия осады с Кром возникла бы угроза слияния двух очагов восстания — на Северщине и в южных крепостях «на поле».

4 марта 1605 года армия Мстиславского разбила лагерь в районе Кром. Воевода князь И. М. Барятинский, находившийся в Карачеве, получил приказ везти всю осадную артиллерию к Кромам, чтобы соединиться с главными воеводами, *«не доходя Кром версты за три или четыре, где пригоже»*. Позиция под Кромами имела большие преимущества. Путь через Орел и Тулу надежно связывал главную армию с Москвой, откуда можно было беспрепятственно получать подкрепления и провиант. Армия Мстиславского имела возможность прикрыть подступы к Москве в том случае, если бы восстание перебросилось из района Ливен и Ельца еще дальше на север.

Кромы относились к числу второстепенных крепостей. Но кромский острог был выстроен из дуба всего лишь за десять лет до Смуты. Главное преимущество городка состояло в его исключительно выгодном положении на местности. Крепость стояла на вершине холма подле реки, и ее со всех сторон окружали болота и камыши. Наверх вела единственная узкая тропа. С наступлением весны топи вокруг Кром становились непроходимыми.

Следуя приказу из Москвы, воеводы Мстиславский и Шуйские предприняли попытку штурма Кром еще до того, как ввели в дело тяжелую артиллерию. По свидетельству летописи, деревянные стены крепости были подожжены пехотой. Посреди ночи боярские холопы, казаки и стрельцы подобрались к стенам Кром и «зажгоши град». Атаман Корела с донскими казаками принуждены были покинуть горящий город и отсту-

пили в острог. Ратные люди заняли вал с обрушившейся стеной. Но закрепиться на пожарище им не удалось. Вал и посад простреливались с цитадели. Штурмующие несли огромные потери.

Боярин М. Г. Салтыков, руководивший штурмом, не стал дожидаться приказа главных воевод и подал сигнал к отступлению, чтобы спасти отряд от полного истребления. Современники подозревали, что Салтыков тайно сочувствовал — «норовил» окаянному «вору» Гришке Отрепьеву. Однако подлинные причины неудачи были другими.

Кромы занимали столь выгодное положение, что Мстиславский и Шуйские не могли использовать все находившиеся в их распоряжении громадные силы. В армии Мстиславского М. Г. Салтыков был вторым воеводой передового полка. А это значит, что в штурме участвовали лишь отряды из состава передового полка.

Неудача повлияла на весь ход осады. Воеводы установили батареи, придвинули пушки к городу и стали бомбардировать Кромы изо дня в день, не жалея пороха. Никто не спешил повторить опыт Салтыкова и предпринять новый штурм.

В Кромах сгорело все, что могло гореть. Цитадель была разрушена до самого основания. На месте, где проходил пояс укреплений, осталась одна земляная осыпь. Но казаки решили не даваться живыми в руки воевод и сражались с яростью обреченных. Они углубили рвы, вырыли глубокие окопы и лазы, по которым могли теперь незаметно покидать крепость и возвращаться обратно. Свои жилища — «норы земные» — казаки устроили под внутренним обводом вала. Во время обстрела они отсиживались в лазах, а затем проворно бежали в окопы и встречали атакующих градом пуль.

В ходе боев не только осаждавшие, но и осажденные понесли большие потери. Атаман Корела предупредил Лжедмитрия, что сдаст крепость, если не получит подкреплений в ближайшие дни. Руководители повстанческих сил уяснили опасность и не побоялись пойти на риск. Собрав сколько можно ратных людей, они отправили их на помощь Кромам. Главный центр восстания — Путивль — остался почти без воин-

ских сил, необходимых для его обороны. Лжедмитрий назначил командовать отрядом путивльского сотника Юрия Беззубцева.

В лагерь Мстиславского, занимавший огромное пространство, постоянно прибывали подкрепления. Караулы приняли казаков Беззубцева за своих, и отряд беспрепятственно проскользнул в крепость, проведя обозы с продовольствием. Бои под Кромами продолжались несколько недель, но затем атаман Корела был ранен, и осажденные прекратили вылазки. Со своей стороны воеводы отказались от попыток возобновить штурм. В военных действиях наступило затишье.

Приказ царя Бориса, воспретивший Мстиславскому распустить дворян на отдых, вызвал в полках возмущение. Весной в лагере вспыхнула эпидемия дизентерии («мыта»). Борис послал в армию лекарей *«со многим зельем и питием»*. Невзирая на грозные приказы, приходившие из Москвы, дворяне покидали полки и разъезжались по домам. Чтобы пополнить убыль в людях, Разрядный приказ провел новые наборы ратных людей по всей стране и прислал подкрепление Мстиславскому.

Глава 10

В ПУТИВЛЬСКОМ ЛАГЕРЕ

Потерпев сокрушительное поражение в битве под Добрыничами, Отрепьев намеревался бежать из России вслед за своим наемным войском. Однако путивляне помешали осуществлению его планов. Они «со слезами» просили «царевича» оставаться в городе, говорили, что не желают разделить участь комаричей, претерпевших «лютые и горькие муки» за верность своему государю. Самозванец не слушал их. Тогда повстанцы пригрозили ему арестом, чтобы Борису *«добити челом, а тобою заплатите вину свою»*. Лжедмитрий подчинился, опасаясь, что путивляне выполнят свою угрозу и выдадут его правительству.

Восставший народ выражал готовность продолжать борьбу. Жители Путивля добывали оружие и вступали в повстанческое войско, заявляя «царевичу»: *«Пойдем мы с тобой все своими головами»*. Торговые люди вносили деньги в казну самозванца.

Можно установить имена главных руководителей повстанческих сил в Путивле. Ими были мелкопоместные дети боярские Сулеш Булгаков и Юрий Беззубцев, несшие службу в местном гарнизоне. В критической для него ситуации Лжедмитрий поручил первому из них ехать за помощью в Польшу, а второму — идти на выручку гарнизону Кром.

Отрепьев был далек от понимания того, что только народное восстание может помочь ему одолеть Бориса Годунова. В Путивле самозванец вернулся к своим старым планам, суть которых сводилась к тому, чтобы поднять против России всех ее соседей. Столкновение России с Турцией на Северном Кавказе подало Лжедмитрию надежду на то, что ему удастся подтолкнуть Крым к нападению на Русское государство. В конце апреля его гонцы повезли дары крымскому хану. Еще раньше посланцы Отрепьева выехали к князю Иштереку в Большую Ногайскую Орду.

Будучи в Путивле, Отрепьев предпринимал отчаянные усилия, чтобы добиться вмешательства Речи Посполитой в русские дела. Он послал к королю Сигизмунду Булгакова в качестве представителя восставшей Северской земли. Позже польские власти напомнили московским дипломатам, что при царе «Дмитрии» к королю приезжал посол *«ото городов и мест, яко от Путивля и инших от духовных и свецких людей московских Сулеш Булгаков з грамотою»*.

Текст письма от имени северских городов сохранился в копии. В конце письма имеется помета: «Из Путивля лета 7113 месяца января 21 дня». Публикуя грамоту, А. Гиршберг вполне основательно выразил сомнение насчет аутентичности указанной в тексте даты. По его предположению, дата на письме была искажена при копировании русского оригинала: переписчик прочел 27 января как 21 января из-за сходства в написании единицы и семерки. Однако Гиршберг не учел, что для

обозначения чисел русские употребляли буквенную систему, в которой единица нисколько не напоминает семерку.

Самозванец сознательно поставил в письме неверную дату, чтобы обосновать ложную версию о своей непричастности к поражению под Добрыничами 21 января 1605 года. Очевидно одно: письмо появилось на свет в момент наибольших неудач Отрепьева, когда он прибыл в Путивль, потеряв всю свою армию. Грамота заканчивалась отчаянным призывом, чтобы король *«соизволил как можно быстрее дать помощь нам* (городам Северской земли. — *Р. С.) и государю нашему»*.

Текст письма был составлен от имени *«жителей земли Северской и иных замков, которые ему* (царевичу. — *Р. С.) поклонились»*. В грамоте к королю *«убогие сироты и природные холопы государя Дмитрия Ивановича»* просили с плачем, покорностью и унижением, чтобы король смиловался над ними и взял их, убогих, *«под крыло и защиту свою королевскую»*. Письмо жителей заканчивалось словами: *«При том сами себя и убогие службы наши под ноги Вашего королевского величества отдаем»*. Поскольку жители Путивля и прочих восставших городов ничего не знали о тайном договоре Лжедмитрия с Сигизмундом III, для них обращение имело совсем иной смысл, чем для «царевича». Последний был связан с королем обязательством о передаче под власть короны главных северских городов. Путивльской грамотой Отрепьев дал понять королю, что готов выполнить свое обязательство. Авантюрист сознательно старался разжечь конфликт между Россией и Польшей. В случае, если бы Сигизмунд III принял под свое покровительство отвоеванные Лжедмитрием города, конфликт между Речью Посполитой и Русским государством стал бы неизбежен.

Вторжение самозванца, поддержанное королем, закончилось полным крахом. Это смешало все планы и расчеты военной партии при королевском дворе. Не только Мнишек, но и Сигизмунд III оказался в двусмысленном положении. Опозоренный Мнишек подвергался нападкам с разных сторон. Доверившиеся его обещаниям кредиторы жалели о деньгах, потраченных на самозванца. Ведущие политические деятели спешили напомнить о своих предостережениях против участия в

авантюре, повлекшего за собой нарушение мирного договора с Россией. В таких условиях Сигизмунд III не осмелился использовать благоприятную ситуацию и на основании тайного договора присоединить к коронным владениям северские города.

Лжедмитрий направил в Варшаву для переговоров с Сигизмундом и членами сейма князя Ивана Татева. Однако посла демонстративно задержали на границе до окончания сейма. Гонец с письмом от города Путивля был принят при дворе, но его миссия не привела к желаемым результатам.

Польский сейм, открывшийся 10 января 1605 года, решительно высказался за сохранение мира с Россией. Канцлер Замойский резко осудил авантюру Отрепьева. Этот враждебный набег на Московию, говорил он, губителен для блага Речи Посполитой. Самого претендента канцлер осыпал язвительными насмешками: *«Тот, кто выдает себя за сына царя Ивана, говорит, что вместо него погубили когда-то другого. Помилуй Бог, это комедия Плавта или Теренция, что ли? Вероятное ли дело: велеть кого-то убить, а потом не посмотреть, тот ли убит... Если так, то можно было подготовить для этого козла или барана»*. Литовский канцлер Лев Сапега поддержал Замойского. Он осудил затею Мнишека и заявил, что не верит в царское происхождение «Дмитрия», ибо законный наследник царя Ивана нашел бы иные средства для восстановления своих прав. Воевода Януш Острожский требовал, чтобы сейм наказал виновных.

Из-за противодействия сейма Сигизмунд III не мог принять предложения самозванца и оказать ему прямую военную поддержку. Но по его милости эмиссары Лжедмитрия имели возможность свободно действовать в пределах Речи Посполитой.

Тем временем гражданская война в России вступила в новую фазу. Восставшие жители Путивля, Курска и других городов помогли самозванцу развернуть агитацию по всей стране. Гонцы с письмами Лжедмитрия появлялись в казачьих станицах, пограничных городах и даже в столице. В «прелестных» письмах Отрепьева трудно уловить какие-то социальные мо-

тивы. Всех подданных без различия чина и состояния «Дмитрий» обещал пожаловать *«по своему царскому милосердному обычаю и наипаче свыше, и в чести держати, и все православное християнство в тишине, и в покое, и во благоденственном житии учинить»*.

Бедствия породили в народе глубокое недовольство, а потому люди воспринимали обличения самозванца против злодея-царя, сидевшего в Москве, как откровение. Вчерашний боярин Борис Годунов был, как утверждал «царевич», изменником и убийцей, желавшим предать «злой смерти» их законного, «прирожденного государя». Уставшие от бедствий и гнета низы охотно верили обличениям Лжедмитрия и связывали с именем законного царя надежды на перемену к лучшему.

Участие в восстании принесло определенные материальные выгоды податному населению. Сбор тяжелых государевых податей был сорван по всей Северской земле. С наступлением весны казаки северских и южных степных городов перестали пахать государеву десятинную пашню.

Самозванец не мог предложить никакой программы общественного переустройства. Но народные массы, не надеясь на собственные силы, ждали спасения от царя-избавителя.

Претендент на трон мало походил на реформатора. Он был не слишком образованным человеком. В период своего недолгого монашества он успел заучить несколько текстов из Нового Завета и еще из двух-трех священных книг. Его познания в области истории и географии были отрывочными и путаными. Пользуясь досугом в Путивле, «царевич» решил заняться своим образованием. 10 (20) апреля 1605 года он вызвал в избу своих тайных духовников-иезуитов и объявил им, что намерен брать у них уроки. С утра час отводился изучению философии, вечером наступала очередь грамматики и литературы. Во время занятий Отрепьев стоял с непокрытой головой, твердя урок, слово в слово, за своими учителями. Самозванцу хватило терпения и прилежания на три дня, после чего он распростился со школой раз и навсегда.

После трапезы Отрепьев охотно проводил время в обществе польских «товарищей» и капелланов. Чаще всего он об-

суждал с ними две темы. Первой было невежество, праздность и беспутная жизнь русских монахов, о которых он не мог говорить без отвращения, второй — необходимость просвещения для русских. Самозванец старался выставить себя рьяным поборником просвещения. В России, говорил он, следует создать школы и академии, для чего надо выписать в Москву учителей, а заодно и учеников; русские молодые люди отправятся для обучения за границу и проч.

Отрепьев вел двойную жизнь, рассчитывая обмануть всех разом. При русских он прилежно играл роль ревнителя православия, при поляках столь же усердно поклонялся католическим святыням, пил за здоровье генерала ордена иезуитов. Еще будучи в Севске, самозванец в письмах к своим покровителям в Польшу сетовал на то, что среди русских распространился слух о его отречении от православия. Чтобы прекратить неблагоприятные для него толки, Лжедмитрий стал выказывать особое почтение православным святыням. Когда из Курска в Путивль привезли икону Божьей матери, он велел устроить крестный ход, затем поместил икону в своих покоях.

Между тем московскому правительству удалось заслать в путивльский лагерь лазутчиков. Сведения об этом эпизоде можно обнаружить в письмах иезуитов из Путивля и записках Г. Паэрле.

В письме от 7 (17) марта 1605 года иезуиты Чижовский и Лавицкий сообщили о том, что неделю назад, то есть 7 марта, в Путивль явились три монаха, подосланные Годуновым. Они доставили грамоты от царя и патриарха. Иов грозил путивлянам проклятием за поддержку беглого расстриги. Борис Годунов обещал им полное прощение и милость, если они убьют «вора» вместе с окружившими его ляхами или выдадут его в цепях законным властям. Однако иноки были арестованы еще до того, как успели обнародовать привезенные грамоты. Лжедмитрий велел пытать монахов, и они во всем сознались.

Со слов находившихся в Путивле поляков Г. Паэрле записал подробную версию происшедшего. По его словам, Борис прислал в Путивль трех монахов кремлевского Чудова монастыря, хорошо знавших Отрепьева. Чернецы должны были

обличить перед населением беглого дьякона. После ареста два инока были подвергнуты пытке, но ни в чем не признались. Третий лазутчик, чтобы избегнуть пытки, донес, что его сотоварищи имели поручение отравить «царевича» ядом. Монахи якобы успели втянуть в свой заговор двух придворных самозванца. Последний велел выдать изобличенных бояр на расправу народу. Их привязали к столбу посредине рыночной площади, и путивляне расстреляли изменников из луков и пищалей.

О казнях в Путивле упоминают как иностранные, так и русские источники. По данным А. Поссевино, «царевич» передал на суд народу одного из находившихся при нем московитов, который в секретном письме к Борису просил дать ему войско и обещал живьем захватить самозванца. Путивляне расстреляли московита. В русских источниках можно обнаружить данные о том, что в 1605 году в Путивле был казнен тульский дворянин Петр Хрущев. Его взяли в плен еще в сентябре 1604 года, и тогда же он признал самозванца царевичем. Таким путем Хрущев попал в число придворных Лжедмитрия. Подлинные обстоятельства его гибели, однако, неизвестны.

В Самборе Мнишек велел обезглавить сына боярского Пыхачева, обвинив его в покушении на жизнь «царевича». В Путивле Отрепьев действовал не менее жестоко и вероломно. Он велел казнить нескольких «придворных», чтобы терроризировать тех, кто знал правду о его происхождении и тайном обращении в католичество.

Отрепьев понимал, что одни жестокости и преследования не помогут рассеять неблагоприятные для него толки. Поэтому он прибегнул к новой мистификации, пытаясь отделаться от своего подлинного имени с помощью двойника. 27 февраля (8 марта) 1605 года иезуиты, бывшие с Лжедмитрием в Путивле, записали: *«Сюда привели Гришку Отрепьева, известного по всей Московии чародея и распутника... и ясно стало для русских людей, что Дмитрий Иванович совсем не то, что Гришка Отрепьев»*. Факт появления Лжеотрепьева был широко известен современникам. Польские дипломаты в переговорах с Шуйским не раз ссылались на то, что подлинного Отрепьева

выставили в Путивле *«перед всеми, явно обличаючи в том неправду Борисову»*. Появление «Отрепьева» в лагере самозванца было еще одной загадкой в истории Лжедмитрия. Французский историк де Ту отметил, что знаменитого чародея Гришку Отрепьева захватили в Лихвине и оттуда привели в Путивль. Но француз писал с чужих слов. А очевидцы происшествия иезуиты, близкие к особе самозванца, предпочли выразиться неопределенно: *«Отрепьева привели невесть откуда»*.

Появление Лжеотрепьева при особе «царевича» на время прекратило нежелательные для самозванца толки. Капитан Маржарет, служивший позже телохранителем при царе «Дмитрии», писал: *«...дознано и доказано, что разстриге было от 35 до 38 лет; Дмитрий же вступил в Россию юношею и привел с собой разстригу, которого всяк мог видеть...»* Инициаторы фарса не позаботились о том, чтобы придать инсценировке хотя бы внешнее правдоподобие: отец истинного Отрепьева был всего лишь на восемь лет старше Лжеотрепьева.

В конце концов, чтобы лучше укрыть обман, Отрепьев решил упрятать своего двойника в путивльскую тюрьму. Со временем московские власти дознались, что под личиной Лжеотрепьева скрывался старец-бродяга Леонид.

Самозванец позаботился о том, чтобы известить о появлении «истинного» Отрепьева Годуновых. Наконец он нанес последний удар властителю Кремля. Содержавшиеся в путивльской тюрьме монахи написали письмо Борису и патриарху Иову о том, что «Дмитрий есть настоящий наследник и московский князь, и поэтому Борис пусть перестанет восставать против правды и справедливости».

Мистификация с Лжеотрепьевым произвела огромное впечатление на простой народ. Но она привела в замешательство также и Годуновых. Официальная пропаганда с ее неизменно повторявшимися обличениями против расстриги оказалась парализованной. В борьбе за умы самозванец одержал новую победу над земской династией.

Отрепьев овладел северскими городами исключительно благодаря восстанию низов и мелких служилых людей. Одна-

ко его нисколько не привлекала роль народного вождя. При первой же возможности он стал формировать свою Боярскую думу и двор из захваченных в плен дворян.

Не следует представлять себе дело так, будто народ бил и вязал воевод, тащил их к самозванцу, а последний тут же возвращал им воеводские должности, жаловал в бояре и проч. Не все пленные дворяне сделали карьеру при дворе Лжедмитрия, некоторые из них поплатились головой за отказ присягнуть «истинному» государю. Среди пленников Отрепьева только один М. М. Салтыков имел думный чин окольничего и далеко продвинулся по службе. Он рано попал в руки «воровских» людей, но не оказал самозванцу никаких услуг и не удостоился его милостей.

В Путивле Лжедмитрий пытался опереться на людей, которые были всецело обязаны ему своей карьерой. Самой видной фигурой при его дворе стал князь Мосальский. В отличие от высокородного Салтыкова Мосальские, несмотря на свой княжеский титул, не принадлежали к первостатейной знати. Про Мосальского говорили, будто он спас самозванца, отдав ему своего коня во время бегства из-под Севска. Скорее всего этот рассказ является легендой. Так или иначе Мосальский не покинул Лжедмитрия после разгрома под Севском. Лжедмитрий оценил это, тем более что при нем осталось совсем немного старых советников. Мосальский едва ли не первым получил от «вора» чин ближнего боярина.

Дьяк Богдан Сутупов, занимавший самое скромное положение в московской приказной иерархии, добровольно перешел в «воровской» лагерь, за что был удостоен неслыханной чести. Отрепьев сделал его своим канцлером — главным дьяком и хранителем царской печати.

Благодаря подобным пожалованиям дворяне, различными путями попавшие в Путивль, вполне оценили возможности, которые открывала перед ними служба у новоявленного царя.

Воевода князь Г. Б. Роща-Долгорукий был арестован народом в Курске. После присяги самозванцу его направили на воеводство в Рыльск. По приказу царя Бориса бояре вешали всех изменников, поступивших на службу к «вору». Страшась

опалы и казни, Долгорукий упорно оборонял Рыльск. За это самозванец пожаловал ему чин окольничего.

Козельский дворянин князь Г. П. Шаховской в начале войны собирал детей боярских в Курске. Вероятно, там он и попал к повстанцам. К моменту восстания в Белгороде Шаховской успел прослужить Лжедмитрию несколько месяцев. Самозванец пожаловал Шаховскому чин воеводы и послал управлять Белгородом. Знатный дворянин князь Б. М. Лыков и головы А. Измайлов и Г. Микулин, захваченные в Белгороде, после присяги были оставлены Лжедмитрием в Путивле. Со временем они также получили от самозванца думные или воеводские чины.

Под Новгородом-Северским к «вору» перебежали дети боярские из Алексина А. Арцыбашев и М. Челюскин. Были и другие случаи измены. Но они, по-видимому, носили единичный характер. Пока Борис Годунов занимал трон и положение династии казалось прочным, дворянские полки оставались надежной опорой правительства.

Если в первые месяцы войны Отрепьев именовал себя царевичем и великим князем всея Руси, то в Путивле он присвоил себе титул царя. Первые достоверные разряды путивльского государя, содержащие сведения о пожаловании думных чинов, датируются концом мая — июнем 1605 года. Пленные воеводы из южных крепостей были приведены в Путивль не ранее второй половины марта 1605 года. Если большинство из этих пленников (князья Б. М. Лыков, Б. П. Татев и Д. В. Туренин, голова А. Измайлов) получили от самозванца думные чины два месяца спустя, то на это были свои причины.

Весной 1605 года положение дел в России решительно изменилось. Борис Годунов умер, и знать подняла голову. Многие бояре, прежде поневоле терпевшие худородного царя, стали искать пути, чтобы избавиться от выборной земской династии. Лжедмитрий сумел использовать наметившийся поворот. Спешно формируя свою думу из знатных московских дворян, он старался расчистить себе путь к соглашению с правящим московским боярством.

Глава 11

КОНЕЦ ЦАРСТВОВАНИЯ БОРИСА

В течение двадцати лет Годунов управлял Россией сначала как правитель, а затем как самодержец. В последние годы его жизни все большую роль в делах управления играла ближняя дума («Тайный совет»). Среди ее членов трое лиц из числа родственников Бориса занимали высшие должности в России: конюший боярин — глава Конюшенного приказа Д. И. Годунов, аптечный боярин — глава Аптечного приказа С. Н. Годунов, дворецкий боярин — глава Дворцового приказа С. В. Годунов. После смерти престарелого конюшего С. Н. Годунов стал фактически главой ближней думы. Современники записали прозвище Семена Никитича — «правое ухо царя». В Москве он слыл крайне жестоким человеком. Семен Годунов постарался расширить систему сыска в стране. Польские послы, побывавшие в Москве в дни суда над Романовыми, писали, что у Бориса среди подданных много недоброжелателей, строгости по отношению к ним растут с каждым днем, так что москвитянин шага не сделает, чтобы за ним не следовало два-три соглядатая. Послы получали информацию от недоброжелателей Бориса, а потому и допустили большое преувеличение.

Известный русский историк Н. М. Карамзин считал, что Борис Годунов мог быть великим государем, если бы был рожден на троне, но он узурпировал власть, пролив кровь последнего отпрыска законной династии, и само провидение осудило его на погибель; что бы ни делал Борис, каждый шаг приближал его к неизбежному концу; возмездие неотвратимо. Н. М. Карамзин натолкнул А. С. Пушкина на мысль изобразить в характере царя Бориса «дикую смесь: набожности и преступных страстей». Под влиянием этих слов Пушкин, по его собственному признанию, увидел в Борисе поэтическую сторону. Разумного и твердого правителя не страшит бессмысленная и злобная клевета, но его гнетет раскаяние. Тринад-

цать лет кряду ему все снится убитое дитя. Муки совести невыносимы:

...Как молотком стучит в ушах упрек,
И все тошнит, и голова кружится,
И мальчики кровавые в глазах..

Но Пушкин понимал характер Годунова несравненно глубже, чем Карамзин. Мелодрама отступала на задний план. Трагедия Бориса — это трагедия правителя, от которого отвернулся собственный народ. В этом смысл знаменитого монолога Годунова:

Мне счастья нет. Я думал свой народ
В довольствии, во славе успокоить,
Щедротами любовь его снискать,
Но отложил пустое попеченье.
Живая власть для черни ненавистна,
Они любить умеют только мертвых...

Когда при Грозном случился большой неурожай, тот не сделал ничего, чтобы спасти умиравший от голода народ. Борис действовал совсем иначе. Он не жалел казны, помогая голодающим. Он раскрыл перед народом царские житницы. И все же не Борис, а Иван оставил по себе добрую память в народе. Годунов имел все основания сетовать на черную неблагодарность своих подданных.

Некогда Годунов снискал поддержку страны, распустив «двор» — последыш опричнины — и тем самым покончив с политическим наследием Грозного. Правитель справился с боярской оппозицией, не прибегая к погромам и казням. Но все переменилось, едва в стране началась гражданская война. Тысячи казаков и комарицких мужиков, попавших в плен к воеводам после битвы под Севском, были повешены. Множество мирных крестьян, их жен и детей в Комарицкой волости были перебиты без всякой вины с их стороны.

Жестокость стала неизбежным спутником гражданской войны. По словам проживавшего в Москве Исаака Массы, стоило человеку произнести имя Дмитрия, как царские слуги

хватали его и предавали смерти вместе с женой и детьми: *«...и вот день и ночь не делали ничего иного, как только пытали, жгли, и прижигали каленым железом, и спускали людей в воду, под лед»*. Яков Маржарет обвинял Годунова в том, что после появления «Дмитрия» Борис *«только и делал, что пытал и мучил по этому поводу», «тайно множество людей было подвергнуто пытке, отправлены в ссылку, отравлены в дороге и бесконечное число утоплены»*. Чем больше людей подвергалось гонениям, тем больше ожесточался народ. Вдумчивый наблюдатель дьяк Иван Тимофеев писал, что к концу жизни Бориса надоело его притеснительное, с лестью, кровожадное царство, и не из-за податных тягот, а из-за пролития крови многих неповинных.

Проводившиеся в обстановке гражданской войны репрессии царя Бориса отличались от опричного террора. Царь Иван казнил бояр и их «сообщников» за участие в мнимых заговорах. Гонения Бориса носили совсем иной характер. Своими успехами Лжедмитрий был обязан более всего поддержке низов общества. Годунов сознавал, с какой стороны ему грозит смертельная опасность, и стремился силой подавить выступления черни. В конце концов правительство утратило популярность и лишилось поддержки большинства народа.

Отношение к дворянству было совсем иным. Борис щадил дворянскую кровь совершенно так же, как и самозванец. Крайние меры применялись лишь к немногим дворянам-перебежчикам, к лицам, захваченным на поле боя с оружием в руках, посланцам «вора», подстрекавшим народ к мятежу. Последних вешали без суда на первом попавшемся дереве.

Сыскное ведомство постоянно расширяло свою деятельность. И все же ему не удалось искоренить надежды и иллюзии, все шире распространявшиеся в обществе. Народ ждал пришествия законного «доброго» царя, и с этим ничего нельзя было поделать.

Нарастание репрессий привело к тому, что сыскное ведомство расширило свои политические функции. Сохранились сообщения о том, что глава этого ведомства Семен Годунов настаивал на казни заподозренных в измене руководителей Боярской думы. Между тем дума была высшим органом государства, а Сыскной приказ — лишь одной из ее многочисленных комиссий.

Прежде деятельный и энергичный, Борис в конце жизни все чаще устранялся от дел. Он почти не покидал дворец, и никто не мог его видеть. Прошло время, когда Годунов охотно благотворил сирым и убогим, помогал им найти справедливость и управу на сильных. Теперь он лишь по великим праздникам показывался на народе, а когда челобитчики пытались вручить ему свои жалобы, их разгоняли палками.

Фатальные неудачи порождали подозрительность, столь чуждую Борису в лучшие времена. Царь перестал доверять своим боярам, подозревал в интригах и кознях своих придворных и все чаще обращался за советами к прорицателям, астрологам, юродивым. Еще Горсей отмечал склонность Бориса к чернокнижию. Один из членов польского посольства в Москве в 1600 году писал: *«Годунов полон чар и без чародеек ничего не предпринимает, даже самого малого, живет их советами и наукой, их слушает...»* Однажды Борис пригласил в Москву некоего немца-астролога из Ливонии. Когда в небе над Москвой появилась яркая комета, царь попросил составить ему гороскоп. Астролог посоветовал Борису *«хорошенько открыть глаза и поглядеть, кому же он оказывает доверие крепко стеречь рубежи»*. Годунов обращался к знаменитой в Москве юродивой Олене, предсказавшей ему близкую кончину. Царь приглашал во дворец для ворожбы и другую «ведунью» — Дарьицу.

Члены английского посольства, видевшие Годунова в последние месяцы его жизни, отметили многие странности в его характере. Будучи обладателем несметных сокровищ, царь стал выказывать скупость и даже скаредность в мелочах. Живя отшельником в кремлевском дворце, Борис по временам покидал хоромы, чтобы лично осмотреть, заперты ли и запечатаны ли входы в дворцовые погреба и в кладовые для съестных припасов. Скупость, по словам очевидцев, стала одной из причин утраты им популярности.

Многие признаки в поведении Годунова указывали на его преждевременно наступившее одряхление. На торжественной аудиенции во дворце в честь посла английского короля Якова I царь, говоря об умершей королеве Елизавете, ударился в слезы. В конце жизни Годунов, тревожась за будущее сына, дер-

жал его при себе безотступно, *«при каждом случае хотел иметь его у себя перед глазами и крайне неохотно отказывался от его присутствия»*. Один из ученых иноземцев попытался убедить Годунова, что ради долголетия царевича и просвещения его ума надо предоставлять ему некоторую самостоятельность в занятиях. Однако Борис неизменно отклонял такие советы, говоря, что *«один сын — все равно что ни одного сына»* и он не может и на миг расстаться с ним.

В последние дни Годунова более всего мучили два вопроса. Твердо зная, что младший сын Грозного мертв, царь все же по временам впадал в сомнение, *«почти лишался рассудка и не знал, верить ли ему, что Дмитрий жив или что он умер»*. Другой вопрос заключался в том, сподобится ли он вечного блаженства на том свете. По этому поводу Годунов советовался не только со своим духовником, но и с учеными немцами. Невзирая на различие вер, царь просил их, *«чтобы они за него молились, да сподобится он вечного блаженства»*. После таких бесед Борис нередко приходил к мысли, что для него *«в будущей жизни нет блаженства»*.

Современники говорили, что Годунов, будучи на троне, *«не царствовал, но болезновал»*. Недуг едва не свел царя Бориса в могилу в 1600 году, когда по всей Москве распространилась весть о его кончине. После выздоровления он ходил, подволакивая ногу. Пользовали царя как европейские врачи, так и народные знахари. В письме к королеве Елизавете Борис писал, что присланный ею в Москву доктор Кристофер Рихтингер, «венгерец» родом, излечил его от опасной болезни. Одновременно с «венгерцем» Бориса лечил крестьянин Гриша Меркурьев, приведенный из глухих северных погостов в Заонежье. По случаю выздоровления царь в 1601 году выдал знахарю грамоту, освободив его деревню от всех податей на веки вечные. В семье знахаря сохранилось предание, что тот *«зализал раны на ноге Бориса»*.

В последние годы жизни Борис под влиянием неудач и по причине недомогания все чаще погружался в состояние апатии и уныния. Физические и умственные силы его быстро угасали.

Недруги распространяли всякого рода небылицы по поводу смерти Бориса, последовавшей 13 апреля 1605 года. Го-

дунов будто бы принял яд ввиду безвыходности своего положения. По другой версии, он упал с трона во время посольского приема и проч. Осведомленные современники описывают кончину Годунова совсем иначе: *«Царю Борису, вставши из-за стола после кушанья, и внезапу прииде на нево болезнь люта, и едва успе поновитись и постричи, и два часа в той же болезни и скончась»*. Как записал автор «Хронографа», Годунов скончался после обеда *«по отшествии стола того, мало времени минувшю: царь же в постельной храмине сидяшу, и внезапу случися ему смерть»*. Борис умер скоропостижно, и монахи лишь *«успели запасными дары причастити»* умирающего.

Члены английского посольства описали последние часы Годунова со слов лечивших его медиков. По обыкновению, врачи находились при царской особе в течение всего обеда. Борис любил плотно поесть и допускал излишества в еде. Убедившись в добром здравии государя, доктора разъехались по домам. Но через два часа после обеда Борис почувствовал дурноту, перешел в спальные хоромы и сам лег в постель, велев вызвать врачей. Тем временем бояре, собравшиеся в спальне, спросили государя, не желает ли он, чтобы дума в его присутствии присягнула наследнику. Умирающий, дрожа всем телом, успел промолвить: *«Как Богу угодно и всему народу»*. Вслед за тем у Бориса отнялся язык, и духовные особы поспешно совершили над умирающим обряд пострижения. Близкий к царскому двору Я. Маржарет передает, что Годунов скончался от апоплексического удара.

Смерть Бориса дала новый толчок развитию Смуты в Русском государстве.

Глава 12

МЯТЕЖ ПОД КРОМАМИ

После своего избрания на трон Борис Годунов сделал сына соправителем и приказал именовать его государем, царевичем «всеа Руси». Поэтому передача власти Федору Годунову

не вызвала осложнений. Бояре и духовенство нарекли царевича Федора на царство через три дня после кончины Бориса. После этого бояре, дворяне, купцы и простой народ были вызваны в Кремль и приведены к присяге.

Вслед за тем царица Мария и царь Федор Борисович разослали в города наказ, повелев созвать в церковь дворян, служилых и посадских людей, пашенных крестьян и прочую чернь, чтобы привести их к присяге. Приказные чиновники записывали имена присягнувших в особые книги, подлежавшие отправке в Москву.

В главных городах — Новгороде, Пскове, Казани, Астрахани, городах Замосковья, Поморья и Сибири — присяга прошла без затруднений. Составленные там книги были спешно присланы в столицу. В царском архиве хранилась *«свяска, а в ней записи целовальные... после царя Бориса царице Марьи и царевичу Федору всяким людем по чином, а записи шертовальные по чином иноземцом»*. Православные целовали крест, иноземцев приводили к шерти (присяга для иноверцев) в соответствии с их обрядами и вероисповеданием.

«Подкрестная запись» царя Федора полностью повторяла текст присяги, составленный при воцарении Бориса Годунова. Он содержал непомерно длинный перечень обязательств, ограждавших безопасность царской семьи. Подданные обещали царице и ее детям *«в еде и питье, ни в платье, ни в ином чем лиха никакого не учинить и не испортить и зелья лихого и коренья не давать»*, *«и людей своих с ведовством и со всяким лихим зельем и с кореньем не посылать и ведунов не добывать на* (царское. — *Р. С.) лихо»*, когда государь куда пойдет, *«на следу* (его. — *Р. С.) всяким ведовским мечтанием не испортить и ведовством по ветру никакого лиха не насылать»*.

Некогда царь Иван возвел на московский трон своего вассала Симеона Бекбулатовича. Претензии служилого хана давно утратили значение. Тем не менее советники Федора упомянули его имя в тексте присяги, запретив подданным всякие сношения с ним. Реальная угроза династии исходила от самозванца. Но в «целовальной записи» пояснения насчет самозванца были краткими и маловразумительными. Поддан-

ные клятвенно обязывались *«к вору, который называется князем Дмитрием Углицким, не приставать и с ним и с его советники ни с кем не ссылатись ни на какое лихо и не изменити и не отъехати...»*.

Текст присяги отразил замешательство кремлевских властителей. Длительное время церковь предавала анафеме «вора» и самозванца Гришку Отрепьева. Затем в Путивле на всеобщее обозрение был выставлен Лжеотрепьев, а чудовские монахи, посланные для обличения расстриги, прислали царю Борису письмо, подтверждавшее истинность сына Грозного. В Москве не могли сразу разобраться в новых мистификациях и не знали, что думать. Вместо того чтобы следовать раз принятой линии обличения «вора», царица и ее советники решили вовсе не упоминать в «записи» имени Отрепьева. Составители присяги сделали худшее, что могли, сведя на нет успехи официальной пропаганды.

Династия Годуновых имела мало шансов на то, чтобы уцелеть в обстановке кризиса и гражданской войны. Федор получил превосходное для своего времени образование, но в шестнадцать лет ему недоставало политической опытности и самостоятельности. Царица Мария Григорьевна была фигурой крайне непопулярной. Знать и население столицы не забыли массовых избиений и казней, организованных ее отцом — опричным палачом Малютой Скуратовым. По Москве ходила молва о крайней жестокости царицы.

Борис наводнил Боярскую думу своими родственниками. Но к началу 1605 года все наиболее значительные деятели из рода Годуновых сошли со сцены. Оставшиеся не пользовались никаким авторитетом, несмотря на свои блистательные титулы. В трудный час подле Федора не оказалось никого, кто мог бы твердой рукой поддержать пошатнувшуюся власть.

Прошло несколько дней после присяги, и бессилие правительства перед лицом глубокого кризиса обнаружилось с полной очевидностью. Крушению власти немало способствовало то, что в решающий момент в столице не оказалось достаточных военных сил, ибо в течение многих месяцев царь Борис отправлял всех способных носить оружие в действую-

щую армию, включая стольников, жильцов (дворцовую охрану), конюхов и псарей.

Еще при жизни царь Борис стал жертвой политической клеветы. Его обвиняли в убийстве последних членов законной династии, включая царя Ивана, царя Федора и царевича Дмитрия. Клевета подготовила почву для торжества сторонников Лжедмитрия. По Москве распространялись самые невероятные слухи. Упорно толковали, будто Борис сам наложил на себя руки в страхе перед сыном Грозного.

Волнения в Москве нарастали с каждым днем. Следуя традиции, новый царь объявил о прощении всех преступников и опальных. Однако амнистия не распространялась на политических противников Годунова. Жители столицы не желали мириться с такой несправедливостью. Как записал очевидец, *«народ становился все бесчинней, большими толпами сбегался ко дворцу, крича о знатных боярах, бывших при Борисе в немилости и ссылке, другие кричали о матери Дмитрия, старой царице, что ее надобно посадить у городских ворот, дабы каждый мог услышать от нее, жив ли еще ее сын или нет»*. Власти принуждены были уступить требованиям народа. Они вернули в столицу Б. Я. Бельского, находившегося в ссылке в деревне, удельного князя И. М. Воротынского, бывшего в опале и изгнании, и других бояр. В лице Бельского династия приобрела опаснейшего противника, великого мастера политических интриг, озлобленного преследованиями со стороны царя Бориса. Правительство могло бы использовать Марфу Угличскую для обличения самозванца. Но царица Мария Годунова и слышать не желала о ее возвращении в Москву.

Воеводы расставили заставы на всех дорогах и отдали приказ вешать гонцов Лжедмитрия без промедления. Тем не менее лазутчики продолжали проникать в столицу и доставлять «прелестные» листы. Царь Федор предпринимал отчаянные усилия, чтобы прекратить беспорядки в столице. Казна раздала населению огромные суммы на помин души Бориса, на самом же деле, чтобы успокоить население. Но щедрая милостыня не достигла цели. Не видя иного выхода, царица Мария и ее сын срочно вызвали из армии в Москву руководите-

лей Боярской думы Мстиславского и братьев Шуйских. Подобная мера казалась вполне оправданной. Страх перед назревавшим выступлением низов побуждал бояр заботиться о порядке и действовать в интересах династии, невзирая на собственные политические симпатии.

Когда толпа в очередной раз заполнила площадь перед кремлевским дворцом, князь В. И. Шуйский вышел на крыльцо и долго увещевал народ одуматься и не требовать перемен, которые приведут к распаду царства и ниспровержению православия. Боярин поклялся самыми страшными клятвами, что царевича Дмитрия давно нет на свете, что он сам своими руками положил его в гроб в Угличе, а путивльский «вор» — это беглый монах и расстрига Отрепьев, подученный дьяволом и посланный в наказание за грехи. Возвращение главных бояр в Москву и речи Шуйского внесли успокоение в умы. Волнения в столице на время утихли.

Почти сразу после смерти Бориса правительство осуществило смену высшего командования в армии под Кромами. Среди Годуновых и их родни не оказалось никого, кто мог бы взять на себя руководство военными действиями, и царю Федору поневоле пришлось вверить свою судьбу людям, не связанным с династией родством. Новым главнокомандующим в армию был назначен князь Михаил Петрович Катырев-Ростовский, его помощником — боярин Петр Федорович Басманов.

Наибольшие надежды Годуновы возлагали на П. Ф. Басманова, пользовавшегося особой популярностью среди населения столицы. По словам английских современников, простой народ *«считал его единственным своим защитником»*. Карьеру Басманов сделал в считанные месяцы, благодаря успешной обороне Новгорода-Северского. Услуги, оказанные им династии, имели особый характер. Общее руководство обороной крепости осуществлял старший воевода. У младшего воеводы П. Ф. Басманова была своя роль. Он своевременно обнаружил измену в гарнизоне Новгорода-Северского и железной рукой подавил мятеж. Отправляя воеводу в действующую армию весной 1605 года, власти руководствовались несложным расчетом. Они имели много соглядатаев в лагере и

своевременно получили сведения о «шатости» в людях. Басманову отводилась та же роль, какую он уже сыграл однажды при обороне Новгорода-Северского.

Явившись в лагерь под Кромы, Катырев и Басманов привели армию к присяге. Патриарх Иов по немощи не мог покинуть Москвы, и поэтому церемонией присяги руководил новгородский митрополит Исидор — второе в церковной иерархии лицо. Полки повиновались воеводам. Но, по свидетельству русских летописей, некоторые ратные люди в общей сутолоке уклонились от церемонии крестоцелования.

После смерти Бориса вопрос о единстве в думе и высшем военном командовании приобрел первостепенное политическое значение. Новому руководству надо было любой ценой избежать раскола. Но правительство не имело авторитетного вождя, и раскол оказался неизбежным. Катырев и Басманов, прибыв в лагерь под Кромами, объявили о новых назначениях воевод. Однако тотчас после их отъезда из Москвы Семен Годунов пересмотрел эти назначения, не согласовав дело с боярами. Своей властью глава сыскного ведомства назначил первым воеводой сторожевого полка своего зятя князя Андрея Телятевского, бывшего опричника.

Пока положение династии казалось прочным, знать не выступала против нее. Преданность Годуновым более всего поддерживал страх перед восстаниями низов в пользу самозванца. Однако смерть Бориса и появление знатных дворян в Путивле изменили ситуацию.

Родовитая знать не смирилась со своим поражением в период династического кризиса, и ей не всегда удавалось скрыть свое истинное отношение к выборному земскому царю Борису. За два-три года до вторжения самозванца власти получили донос о том, что князь Борис Михайлович Лыков, *«сходясь с Голицыными да с князем Борисом Татевым, про него, царя Бориса, разсуждает и умышляет всякое зло»*. Круг названных лиц был связан тесной дружбой, а отчасти и родственными узами.

В силу превратностей гражданской войны одни члены этого кружка оказались заброшенными в путивльский лагерь, где их обласкал самозванец, другие же остались в царских пол-

ках. В былые времена злые речи Голицыных и их друзей против царя Бориса не были подкреплены никакими практическими шагами, а потому Годунов не придал доносу никакого значения. После смерти Бориса недовольные от слов перешли к делу. Голицыны вели свой род от литовской великокняжеской династии. По знатности они превосходили главу Боярской думы — Мстиславского, из младшей линии династии. Но к концу XVI века местническое положение Голицыных пошатнулось: попытки тягаться с Трубецкими и Шуйскими закончились для них полной неудачей. После смерти царя Федора Ивановича Голицыны не попали в число претендентов на трон. Кончина Бориса пробудила в них честолюбивые надежды. Положение династии Годуновых стало непрочным, и Голицыны первыми из бояр покинули ряды ее сторонников.

В течение долгого времени Голицыны командовали передовым полком, в составе которого числилось не менее тысячи рязанских дворян. Рязанцы не скрывали своего негодования на Бориса, запретившего им зимовать в своих поместьях. Голицыны могли рассчитывать на их помощь. Не случайно одним из главных инициаторов заговора под Кромами стал видный рязанский дворянин Прокопий Ляпунов.

Заговорщики поспешили установить связи со своими давними друзьями и единомышленниками в Путивле. Князья Борис Петрович Татев и Борис Михайлович Лыков оказали Лжедмитрию исключительные услуги, поскольку первый вскоре же получил боярство, а второй стал кравчим самозванца. Вероятно, Лыков поддерживал наиболее тесные связи с заговорщиками, поскольку именно ему Лжедмитрий вскоре же поручил организовать присягу в сдавшихся царских полках.

В числе других лиц повстанцы захватили в южных городах Артемия Измайлова. Очень скоро этот пленник получил от Лжедмитрия чин дворецкого, думного дворянина и ближнего человека. Измайлов был рязанским дворянином и приятелем Ляпунова. Многие его родственники служили в армии Мстиславского. Скорее всего именно он помог организовать заговор среди рязанских помещиков, за что и был удостоен исключительных милостей.

Переговоры между советниками самозванца и заговорщиками под Кромами были окружены глубочайшей тайной. Но некоторые подробности все же стали известны в Польше. Некто Петр Арсудий, подвизавшийся в Польше в качестве доверенного лица Ватикана по делам восточной церкви, получил подробные сведения о секретных переговорах «царевича» с боярами от виленского епископа Войны. Покровители самозванца попытались заручиться поддержкой Войны в начальный момент организации самозванческой интриги. С тех пор епископ имел возможность получать доверительную информацию от лиц, окружавших «царевича».

По словам епископа, заговорщики обещали «истинному» Дмитрию престол на следующих условиях: православная вера остается нерушимой, самодержавная власть сохраняется и «Дмитрий» будет пользоваться теми же правами, что и Иван IV; царь не будет жаловать боярского чина иноземцам и не назначит их в Боярскую думу, но волен принимать иноземцев на службу ко двору и даст им право приобретать земли и другую собственность в Русском государстве; принятые на службу иноземцы могут строить себе костелы на русской земле.

Приведенные сведения позволяют сделать интересные выводы. По-видимому, соглашение о будущем устройстве Русского государства было в основных чертах выработано в результате переговоров между членами «воровской» Боярской думы и польскими советниками самозванца. Вместе с Мнишеком лагерь Отрепьева покинула почти вся польская знать, принимавшая участие в авантюре. Это обстоятельство должно было облегчить сговор. Московская знать, оказавшаяся в Путивле, заботилась о сохранении своих привилегий. Немногие польские советники (Бучинский, Дворжецкий, Иваницкий), остававшиеся при особе «царевича» в Путивле, выговорили себе право служить при царском дворе, владеть вотчинами и поместьями, устроить церкви по своему вероисповеданию.

В последних числах апреля 1605 года к самозванцу в Путивль из-под Кром прискакал сын боярский арзамасец Абрам Бахметев и сообщил, что царь Борис умер, Петр Басманов при-

был под Кромы и 19 апреля привел полки к присяге. Аналогичное известие путивляне получили из Кром. Казаки атамана Корелы сделали вылазку из крепости и захватили языков, от которых узнали, что «Бориса не стало и что в войске их великое смятение: одни держатся стороны Борисова сына, а другие — нашей».

Положение в царских полках стало критическим к началу мая. Когда Басманов прибыл под Кромы, он горячо убеждал войско служить Федору Годунову. Одновременно в лагере началась охота за тайными приверженцами Лжедмитрия. Что ни день воеводы рассылали *«по всему лагерю людей, которые подслушивали, что там говорили, и доносили обо всем ему, так что открылось, что больше* (людей. — *Р. С.) на стороне Дмитрия, чем на стороне московитов»*. Сведения Басманова полностью совпадали с показаниями языков, захваченных казаками Корелы. Воеводе предстояло железной рукой покарать сторонников Лжедмитрия в интересах Годуновых. Но положение династии было шатким.

Сохранив верность Годуновым, Басманов должен был бы пролить потоки крови. В числе первых ему пришлось бы арестовать воевод князей Голицыных, истинных вдохновителей заговора. Однако по матери Голицыны доводились братьями Басманову, и он издавна привык считаться с авторитетом старшей по знатности родни. Все это не могло не повлиять на исход дела.

Голицыны понимали, что рискуют головой, и не жалели сил, чтобы втянуть Басманова в заговор. Кроме милостей Бориса, ничто не привязывало Басманова к правящей династии. Переход власти к царице Марии Скуратовой и Семену Годунову не мог не поколебать его верности трону. Между родом Бельских и родом Басмановых существовала кровная вражда. Именно отец царицы Малюта Скуратов положил конец блестящей карьере Басмановых в опричнине. По его навету инициатор опричнины А. Д. Басманов был казнен, а его сын Ф. А. Басманов умерщвлен в тюрьме. П. Ф. Басманов не имел оснований щадить дочь Малюты и его внука царевича Федора Борисовича.

Получив предложение примкнуть к заговору, Басманов недолго колебался. Сын знаменитого опричника, он был всецело поглощен собственной карьерой и плохо помнил благодеяния. После взлета в опричнине Плещеевы-Басмановы надолго сошли со сцены, и воеводе предстояла жестокая борьба, чтобы возродить былую «честь» фамилии. Разрядная роспись, присланная в полки после присяги, нанесла удар честолюбивым надеждам П. Ф. Басманова. Когда дьяк огласил роспись в присутствии бояр и воевод, Басманов, *«патчи на стол, плакал с час, лежа на столе, а встав с стола, евлял и бил челом боярам и воеводам всем: «Отец, государи мои, Федор Алексеевич точма был дважды больши деда князя Ондреева... а ныне Семен Годунов выдает меня зятю своему в холопи, князю Ондрею Телятевскому, и я не хочю жив быти, смерть приму лутче тово позору»*. Басманов не мог смириться с «потерькой» фамильной чести. Но вернее будет предположить, что он искал благовидный предлог для предательства.

Примкнув к заговорщикам, Басманов быстро привел дело к решительной развязке. Гражданская война расколола русское общество. Низы (горожане, крестьяне, холопы, стрельцы) были главной силой, выступившей в пользу «доброго царя Дмитрия». Затем заколебалось дворянство. Этому способствовали существенные перемены в структуре и составе дворянского ополчения, наметившиеся к концу правления Бориса Годунова.

В связи с развитием поместной системы на южных окраинах государства возникла категория детей боярских, владевших мелкими поместьями и несших службу не в конном дворянском ополчении, а с пищалями в пехоте. Такие помещики получали нераспаханные земли без крестьян и должны были сами обрабатывать пашню. Власти принимали на службу не только мелких безземельных детей боярских, но и казаков, крестьян и их детей. По своему положению степные помещики резко отличались от старого дворянства, владевшего большими земельными богатствами в центральных и западных уездах государства. Не случайно в мятеже под Кромами наиболее активно участвовали помещики южных уездов, тогда как

московские, новгородские, суздальские дворяне сохранили верность династии.

Запустение поместных земель и дробление поместий побудили правительство провести реформу: если при Иване IV каждый феодальный землевладелец был обязан снарядить в поход одного боевого холопа со ста четвертей пашни, то при Борисе Годунове — по два холопа с той же пашни. Традиционное соотношение численности дворян и воинов-холопов в армии оказалось нарушено.

Дисциплина в царских полках держалась, пока дворяне громили «воров»-казаков и комарицких мужиков. Неудача под Кромами и бездеятельность деморализовали армию. Помещики осуждали приказ Бориса, воспрещавший воеводам распускать ратных людей на отдых. Они не понимали, зачем царю понадобилось держать пятидесятитысячную армию под стенами крохотной крепости, для осады которой достаточно было небольшого отряда.

Мелкие помещики не могли оправиться от последствий трехлетнего голода. Многие опасались, что из-за их длительного отсутствия дела в поместьях придут в полное расстройство. С наступлением весны бегство землевладельцев из армии усилилось. Немало столичных дворян использовали смерть Бориса в качестве предлога, чтобы выехать в Москву «на царское погребенье».

Дворянское ополчение таяло, тогда как число даточных людей и посошных мужиков в лагере росло. Под Кромы были доставлены огромный артиллерийский парк, большие запасы пороха и ядер. Лагерь оказался наводнен посошными людьми, занятыми перевозкой пушек и подвозом боеприпасов. При военном лагере возникло торжище. Каждый день окрестные и дальние крестьяне везли на продажу продукты питания и разные товары. Вместе с ними на торг беспрепятственно проникали лазутчики из Путивля с «воровскими» листами. Чем больше ратники в сермягах заполняли лагерь, тем успешнее шла агитация в пользу «истинного» царя Дмитрия.

Отрепьев не имел ни сил, ни решимости, чтобы отважиться на новое сражение с воеводами. Но когда Корела сообщил ему

о заговоре в царских полках, он тотчас отдал приказ о выступлении в поход. Войск в Путивле было совсем немного, и капитан Ян Запорский, возглавивший поход, получил в свое распоряжение всего двести — триста наемных солдат и восемьсот донских казаков. С такими силами нечего было и думать о битве с царскими полками. Тогда Запорский прибегнул к хитрости. Он послал трех лазутчиков с письмами к Кореле с тем расчетом, что кто-нибудь из них попадет в руки бояр. Так оно и случилось. Из захваченных писем воеводы узнали, что «царевич» послал на помощь Кромам сорок тысяч войска при трехстах орудиях. Весть о приближении войска «Дмитрия» укрепила решимость заговорщиков. Они вошли в тайный сговор с атаманом Корелой в Кромах и подали сигнал к мятежу, не дожидаясь подхода поляков.

Басманов, Голицын и Ляпунов вовлекли в заговор дворян из Рязани, Тулы, Алексина, Каширы. Подавляющая часть дворянского ополчения вместе с главнокомандующим М. П. Катыревым, боярами А. А. Телятевским, И. И. Годуновым, М. Г. Салтыковым остались верны присяге. Князь Василий Голицын был настолько не уверен в успехе предприятия, что в первые же минуты мятежа велел слугам связать себя, чтобы иметь возможность оправдаться в случае провала. Мятеж в расположении многотысячной армии казался безрассудной авантюрой. Верные воеводы без труда раздавили бы его, если бы армия не вышла из повиновения. События в лагере развивались с той же неумолимой последовательностью, что и события в северских городах. Дворянские конные сотни разгромили бы мятежников, если бы на стороне тех не выступила лагерная чернь — многочисленные посошные мужики, холопы, казаки и проч. В обстановке общего хаоса дворянские отряды оказались разобщены и дезорганизованы.

Лагерь был разбужен на рассвете 7 мая. Заговорщики сделали все, чтобы посеять в полках панику. Их люди подожгли лагерные постройки в нескольких местах. Ратные люди выбегали из палаток и землянок, не успев как следует одеться. Поднялась страшная суматоха. Как говорили очевидцы, никто «не мог уразуметь, как и каким образом это случилось, и не зна-

ли, кто враг и кто друг, и метались, подобно пыли, ветром вздымаемой». Одни кричали: «Да хранит Бог Дмитрия!», другие: «Да хранит Бог нашего Федора Борисовича!» Очень многие старались как можно быстрее покинуть лагерь. Они бросали оружие, оставляли повозки и телеги, выпрягали лошадей, чтобы бежать скорее.

Ляпуновы позаботились о том, чтобы захватить наплавной мост через реку и соединиться с войском, выступавшим из Кром. Вскоре на мосту собралось так много народу, что мост стал тонуть. Много людей оказалось в воде. Конные пытались переправиться за реку вплавь.

Среди общей неразберихи одни немцы-наемники сохраняли некоторый порядок. В Большом полку с начала кампании числилось до тысячи иноземцев. Они выстроились под знаменем и приготовились к отпору. Басманов послал свой шишак со значками капитану иноземцев Вальтеру фон Розену и потребовал, чтобы он присягнул «законному» государю. Немцы колебались и выжидали. Верные воеводы не использовали их колебаний. Басманов оказался расторопнее их.

Главный воевода Сторожевого полка князь А. Телятевский пытался воодушевить сторонников Федора Годунова. Он «до последней возможности оставался у пушек, крича: «Стойте твердо и не изменяйте своему государю!» Главный воевода «у наряда» (артиллерии) был заодно с Телятевским. Воеводы могли пустить в ход пушки, разбить наплавной мост, рассеять собравшуюся на нем толпу и помешать соединению мятежников с гарнизоном Кром. Однако Телятевский не решился начать кровопролитие. По молчаливому согласию обе стороны, по-видимому, так и не пустили в ход оружие. Переворот был бескровным. Мятежники беспрепятственно переправились за реку Крому и соединились с кромчанами, *«даша им путь скрозь войско свое»*.

Пропустив нестройную толпу ратников, Корела с донскими и путивльскими казаками и «с кромляны» ворвался в лагерь, и *«на достальную силу московскую ударишася»*. Даже после соединения восставших отрядов с кромским гарнизоном численное превосходство оставалось на стороне верных пра-

вительству войск. По словам современников, мятежников было полторы сотни на тысячу. Однако нападение казаков усугубило панику в полках и помешало Катыреву, Телятевскому и другим воеводам организовать сопротивление и удержать лагерь за собой. Характерно, что Корела отдал приказ не применять оружие. Деморализованные изменой ратники *«плещи даша и побегоша»*, донцы же *«гонеще их, сетчи же их щадяху»*, *«в сечи же и убиства место плетми бьюще их и, гоняще, глаголюще: «Да потом на бой не ходите противу нас!»* Как отметил П. Петрей, казаки выбили воевод из лагеря, воспользовавшись возникшей там смутой и суматохой.

Верные правительству бояре и воеводы бежали в Москву. Вместе с ними лагерь покинуло много тысяч дворян, детей боярских и прочих ратных людей. В течение трех дней беглецы шли через Москву толпами, возвращаясь в замосковные и северные города. Когда бояре спрашивали их, почему они так поспешно бежали из-под Кром, они *«не умели ничего ответить»*.

Руководители мятежа предпринимали энергичные усилия к тому, чтобы удержать инициативу в своих руках. Без армии династия Годуновых была обречена на гибель. Голицын и Басманов сделали все, чтобы ускорить ход событий в Москве. Они отправили с тайной миссией к столичным боярам — противникам Годуновых несколько знатных лиц, чтобы привлечь думу и население Москвы на свою сторону. Мятеж под Кромами обнаружил, что процесс разложения в рядах армии резко усилился. Восстание южных помещиков фактически привело к распаду дворянского ополчения, а это оказало огромное влияние на весь ход гражданской войны в России.

Главные вожди переворота не спешили на поклон к самозванцу. Располагая многотысячной армией, они имели все основания считать себя господами положения. Самозванец сознавал это и сделал все, чтобы не попасть в западню. По свидетельству поляков, в походе на Москву «царевич», не доверяя *«тому войску* (бояр Голицыных и Басманова. — *Р. С.)*, *приказывал ставить его в полумиле от себя, а иногда в расстоянии мили, а около царевича при остановках и в пути до самой*

столицы были мы — поляки; ночью мы ставили караул по 100 человек».

Настроения в лагере под Кромами были неопределенными и изменчивыми. Среди ратников внезапно распространился слух, будто царь бежал в Польшу, что он *«не истинный* (Дмитрий. — *Р. С.), а злой дух, смутивший всю землю».* После пира наступило похмелье. Трудно сказать, от кого исходили неблагоприятные для самозванца слухи. Голицын и прочие бояре, унимая ратников, были, во всяком случае, весьма немногословны. *«Дождитесь конца,* — будто бы говорили они, — *а до тех пор молчите».*

На пятый день после переворота в Путивль явился брат В. В. Голицына князь Иван. С ним прибыло несколько сот дворян, стольников и *«всяких чинов людей»,* представлявших дворян разных уездов и городов. Объясняя свой переход на сторону «Дмитрия», Голицын ссылался на двусмысленность присяги, данной им и другими воеводами царевичу Федору Годунову. Прежде и патриарх, и царь Борис неизменно называли «царевича» Отрепьевым. В присяге это имя вовсе не было названо. Если «царевич» — не Гришка, то почему он не может быть настоящим сыном царя Ивана Васильевича?

Голицын клеймил Бориса Годунова самыми бранными словами, клялся в вечной верности «прирожденному» государю и умолял немедленно идти в Москву и занять престол. Отрепьев, как видно, не слишком доверял словам Голицына и не спешил в Кромы. Через несколько дней после переворота он прислал туда князя Б. М. Лыкова, который привел к присяге полки.

Отрепьев сделал то, что ждали от него уставшие ратники. Он приказал немедленно распустить на отдых (на три-четыре недели) всех дворян и детей боярских, у которых были земли *«по эту сторону от Москвы».* Иначе говоря, отпуск получили прежде всего дворяне из заокских городов — Рязани, Тулы, Алексина, Каширы и проч. Самозванец велел отпустить со службы также многих стрельцов и казаков. Это имело самые губительные последствия для Годуновых: *«А стрельцов и казаков, приветчи к крестному целованью, отпустили по городам,*

и от того в городех учинилась большая смута». Половина армии была распущена по домам, а оставшаяся отправлена из лагеря на Орел и далее на Тулу. Названные города были заняты без всякого сопротивления, и их воеводы присягнули на верность Лжедмитрию.

Отрепьев покинул Путивль 16 мая, на девятый день после мятежа. 19 мая он прибыл в лагерь под Кромами, где уже не было никаких войск. Сопровождавший самозванца капитан С. Борша утверждал, будто в войске у «царевича» было две тысячи поляков-копейщиков и около десяти тысяч русских. В своих записках Борша желал доказать, что именно поляки сыграли решающую роль в московском походе, и потому преувеличил численность польского войска. На самом деле силы Отрепьева были весьма невелики. Уже после мятежа под Кромами пан Ратомский привел в Путивль пятьсот конных шляхтичей. Никакого участия в военных действиях они не принимали. Кроме семисот — восьмисот поляков при особе самозванца находились восемьсот донских казаков и несколько русских отрядов, численность которых не установлена. Я. Маржарет утверждал, что «царь Дмитрий» держал при себе поляков и казаков и лишь «немного» русских, так что общая численность его войска не превышала двух тысяч человек.

Самозванца окружали его «думные» люди, которые, однако, не занимали никаких постов в его польско-казацком войске. Согласно «воровским» Разрядам, при нем были путивльские бояре князья Б. Татев, В. Мосальский и Б. Лыков, окольничий князь Д. Туренин, думные дворяне А. Измайлов и Г. Микулин. Что касается царских бояр из кромского лагеря, они присоединились к свите Лжедмитрия где-то на пути между Путивлем и Орлом.

В Кромах самозванец оставался несколько дней. Его спутники с удивлением разглядывали лагерные укрепления, множество палаток и брошенные русскими пушки. Лжедмитрию достались семьдесят больших орудий, значительные запасы пороха и ядер, войсковая казна, много лошадей и прочее имущество.

Будучи под Орлом, Отрепьев устроил судилище над теми из воевод, которые, попав в плен, отказались ему присягать: *«...приидоша ж под Орел и, кои стояху за правду, не хотяху на дьявольскую прелесть прельститися, оне же ему оклеветаны быша, тех же повеле переимати и разослати по темницам»*. Среди других в тюрьму был отправлен боярин И. И. Годунов. На всем пути до Орла бесчисленное множество народа из всех сословий и званий собиралось большими толпами, чтобы увидеть новообретенного государя. Имеются сведения о том, что первая делегация от москвичей явилась к Отрепьеву уже во время его остановки в Орле. Посланцы из Москвы заявили, что столица готова признать своего «прирожденного государя». Вскоре после этого Лжедмитрий решил послать в Москву своих гонцов с обращением к московской думе и чинам. Выполнить опасное поручение взялся дворянин Гаврила Григорьевич Пушкин. Современники подчеркивали, что Г. Г. Пушкин сам напросился («назвался») на «воровство».

Лжедмитрий поручил Пушкину доставить в Москву грамоту, в которой он требовал от москвичей покорности и старался убедить их, что провинция уже прекратила всякое сопротивление. Чтобы подтвердить эту ложь, Лжедмитрий послал вместе с Пушкиным захваченного царицынского воеводу Наума Плещеева, велев ему *«на Москве объявить, что ему* (Дмитрию. — *Р. С.) низовые города добили челом»*.

Самозванец приказал своим войскам войти в Москву. Но сделать это оказалось не так-то просто. В распоряжении правительства оставалось несколько тысяч дворовых стрельцов. Царь Федор отправил их на Оку и приказал занять все переправы под Серпуховом. 28 мая стрельцы дали бой отрядам Лжедмитрия и отбили все их попытки перейти Оку. По словам очевидцев, московские стрельцы, *«пребывая верными до конца, сражались за Москву»*. Приведенные из-под Кром войска самозванца, выступившие на завоевание Москвы, обнаружили полную небоеспособность: свой первый и единственный бой они проиграли.

Глава 13
ПЕРЕВОРОТ В СТОЛИЦЕ

Лишившись армии, династия Годуновых оказалась в критическом положении. Окончательный удар ей нанесло восстание в Москве.

В конце мая 1605 года по Москве распространился слух о приближении войск «царя Дмитрия». В городе тотчас же вспыхнула паника. Толпа горожан, собравшихся на площади подле Серпуховских ворот, внезапно бросилась бежать, увлекая за собой встречных. *«Всяк бежал своим путем, полагая, что враг гонится за ним по пятам, и Москва загудела, как пчелиный улей»*. Царь Федор Годунов и его мать долго не могли узнать толком, что происходит в городе. Наконец они выслали ближних бояр к народу на Красную площадь. После долгих увещеваний толпа нехотя разошлась по домам.

Последующие события развивались стремительно и неудержимо. С некоторой наивностью И. Масса повествует о том, что 1 июня около 9 часов утра в Москву смело въехали два гонца «Дмитрия», что *«поистине было дерзким предприятием»;* на площади гонцы огласили грамоту «Дмитрия», после чего толпа пала ниц, и проч. Совершенно так же описывают события русские летописцы, назвавшие по именам гонцов Лжедмитрия. Зачитав «прелестные» грамоты «вора» на Красной площади, дворяне Г. Пушкин и Н. Плещеев «смутили» население столицы.

Приведенные рассказы были некритически восприняты историками, несмотря на их очевидную легендарность. В самом деле, как могли двое дворян проникнуть через тройное кольцо крепостных укреплений? Как могли распоряжаться в городе, в котором функционировало правительство, опиравшееся на преданный стрелецкий гарнизон?

Лжедмитрий не раз посылал своих гонцов в Москву, но все они неизменно оказывались в тюрьме или на виселице. Что же позволило Пушкину и Плещееву добиться успеха? Чтобы ответить на этот вопрос, надо установить последовательность и связь событий.

Очевидцы засвидетельствовали, что донской атаман А. Корела с отрядом, обойдя заслоны правительственных войск на Оке, 31 мая разбил лагерь в шести милях от Москвы. Сопоставление дат позволяет сделать важные выводы. Корела появился в окрестностях столицы 31 мая, а Пушкин и Плещеев вошли в город на другой день рано утром. По-видимому, эти события были неразрывно связаны между собой. Трудно предположить, чтобы Корела и Пушкин, присланные под Москву одним и тем же лицом, в одно и то же время, с одной и той же целью, действовали при этом независимо друг от друга. Как видно, именно казаки доставили посланцев Отрепьева в окрестности столицы.

Если бы у стен Москвы появились полки П. Ф. Басманова и братьев Голицыных, они не произвели бы такого переполоха, какой вызвали казаки. Само имя Корелы было ненавистно боярам и столичному дворянству, пережившим много трудных месяцев в лагере под Кромами. Власть имущие имели все основания опасаться того, что вступление казаков в город послужит толчком к общему восстанию.

Как только богатые («лучшие») люди узнали о появлении Корелы, они тотчас начали прятать имущество, зарывать в погребах деньги и драгоценности. Правительство удвоило усилия, чтобы как следует подготовить столицу к обороне. Весь день 13 мая по городу возили пушки и устанавливали их на крепостных стенах. Военные меры по поддержанию порядка в столице и предотвращению народных волнений отрабатывались в течение многих лет, в особенности же после восстания Хлопка. Тем не менее эти меры не помешали Пушкину и Плещееву «бесстрашно» войти в Москву. Кто же помог им?

В свое время Пушкин и Плещеев попали в лагерь самозванца в качестве пленников. Лжедмитрий не имел оснований доверять им в такой мере, в какой он доверял Кореле. Именно казаки Корелы обеспечили ему победу своей неслыханной храбростью. Многие вопросы получат простейшее объяснение, если предположить, что самозванец, задумав «смутить» столицу, поручил дело Пушкину и Плещееву вместе с казаками Корелы.

Пушкин и Плещеев прибыли в Подмосковье из района Орла и Тулы. Но в столицу они вошли не по Серпуховской или Рязанской, а по Ярославской дороге из района Красного Села. Это село располагалось за рекой Яузой, к северо-востоку от Москвы. Отмеченный факт можно поставить в прямую связь с действиями отряда Корелы. По свидетельству Я. Маржарета, «Дмитрий» послал войско к столице, чтобы *«отрезать съестные припасы от города Москвы»*. Заокские города были охвачены смутой, и Москва не могла рассчитывать на подвоз хлеба с юга. Зато замосковные города сохраняли верность династии, так что обозы шли оттуда непрерывным потоком. Особенно оживленной была дорога из Ярославля, проходившая через Красное Село. Чтобы выполнить приказ Лжедмитрия, Корела должен был перерезать прежде всего эту дорогу. По-видимому, он так и сделал.

По некоторым сведениям, Лжедмитрий обратился к жителям Красного Села с особым посланием. Самозванец писал, что не раз посылал своих гонцов к ним в село и в Москву, но все они были убиты. Наконец он требовал, чтобы красносельцы явились к нему «с повинной», и грозил в случае сопротивления истребить их всех, включая детей.

Присутствие казаков Корелы спасло Пушкина и Плещеева от участи предыдущих гонцов. Красносельцы, как повествует К. Буссов, с уважением выслушали послание «Дмитрия» и решили собрать народ, чтобы проводить его гонцов в столицу. Как значится в Разрядных записях, Пушкин и Плещеев приехали *«с прелестными грамотами сперва в Красное Село и, собрався с мужики, пошли в город...»*. По русским летописям, гонцы Лжедмитрия *«стали в Красном Селе и почали грамоты ростригины честь... что он прямой царевич, и иные многие воровские статьи»*. Обращение *«прирожденного государя»* привело к тому, что *«красносельцы, смутясь сами, и привели их* (гонцов. — *Р. С.) к Москве на Лобное место с теми воровскими грамотами»*.

Правительство заблаговременно подготовилось к отражению казаков. Более того, Годуновых своевременно известили о том, что красносельские *«мужики изменили и хотяху быти в*

городе (Москве. — *Р. С.)*». Власти тотчас послали в Красное Село ратников, но те, *«испужався, назад воротишася»*. Невероятно, чтобы воеводы испугались горстки красносельских мужиков, вооруженных чем попало. Остается предположить, что они столкнулись с организованным войском, каковым был, по-видимому, отряд Корелы.

На столичных улицах к красносельцам *«пристал народ многой»*, массовое восстание москвичей началось уже после оглашения письма Лжедмитрия на Красной площади. До того посланцам «вора» надо было прорваться через усиленно охраняемые городские укрепления. Без казаков Корелы они бы, безусловно, не добились успеха. После переворота под Кромами повстанцы установили прямые связи со сторонниками Лжедмитрия в Москве. Корела мог рассчитывать на их помощь.

В окружении казаков и красносельцев Пушкин и Плещеев около 9 часов утра проникли в Китай-город. Взойдя на Лобное место, они огласили текст обращения «Дмитрия» к столичному населению. Письмо было адресовано Мстиславскому, Шуйским и прочим боярам, дворянам московским и городовым, дьякам, гостям и торговым «лучшим» людям, а также и всему народу — *«середним и всяким черным людем»*. Самозванец клеймил как изменников Бориса, Марию Григорьевну — жену Бориса и сына ее Федьку, напоминал, какое «утеснение» претерпели от Годуновых бояре, какое «разорение, и ссылки, и муки нестерпимые» были от него дворянам и детям боярским, каким поборам подвергал он купцов, лишая их «вольности» в торговле и забирая в счет пошлин *«треть животов ваших, а мало не все иманы»*. Лжедмитрий обещал сохранить за боярами прежние вотчины, а также учинить им «честь и повышение»; дворян и приказных прельщал царской милостью, торговых людей — льготами и облегчением в поборах и податях. Что касается народа, то ему Лжедмитрий обещал кратко и неопределенно *«тишину, покой и благоденственное житье»*. Непокорным, писал Отрепьев, наказания от Бога и *«от наше царские руки нигде не избыть»*. Царицу Марию Григорьевну и ее сына он обвинял в том, что они «о *нашей земле не жа-*

леют, да и жалети было им нечево, потому что чужим владели». Северские города были разорены войной, развязанной самозванцем. Но он возлагал всю вину на Федора Борисовича. Что касается главных бояр, громивших Севершину, Лжедмитрий громогласно оправдывал их, ссылаясь на то, что делали они это по незнанию («неведомостию») и боясь казни от Годуновых. По той же причине Отрепьев оправдывал разгромивших его воевод, обещая им полное прощение. Самозванец лицемерно сожалел о происшедшем кровопролитии и требовал, чтобы его признали царем и тем положили конец братоубийственной войне.

Весть о появлении гонцов «Дмитрия» распространилась по всему городу. Вскоре толпа заполнила Красную площадь. Ближайшие советники царя и Боярская дума собрались в Кремле с раннего утра. Источники сохранили несколько версий относительно позиции Боярской думы в день переворота. По одной версии, народ ворвался в Кремль *(«миром же приидоша во град»)* и, захватив бояр, привел их на Лобное место.

Разрядные записи содержат известие, согласно которому сигнал к мятежу подал окольничий Богдан Бельский. Он будто бы поднялся на Лобное место и «учал говорить в мир»: «Яз за царя Иванову милость ублюл царевича Дмитрия, за то я и терпел от царя Бориса».

Записки К. Буссова позволяют установить происхождение ошибки в русских Разрядных записках. Окольничий Богдан Бельский в самом деле выходил к народу на Лобное место и, поцеловав крест, поклялся, что государь — *«прирожденный сын царя Ивана Васильевича: он* (Бельский. — *Р. С.) сам укрывал его на своей груди до сего дня».* Но все это произошло не в момент появления в Москве Гаврилы Пушкина, а три недели спустя, когда Лжедмитрий прибыл в Кремль. Таким образом, в Разрядных записках перепутана последовательность событий.

Тот же очевидец К. Буссов, находившийся в Москве, писал, что царица Мария Григорьевна сама выслала на площадь бояр, сохранивших верность ее сыну. Чтобы пресечь агита-

цию посланцев «Дмитрия», бояре пригласили их в Кремль. Однако толпа помешала попытке убрать Пушкина и Плещеева с площади.

Ни в русских летописях, ни в сообщениях иностранцев (К. Буссова, Я. Маржарета, И. Массы) не упоминается о переходе на сторону восставшего народа кого-нибудь из бояр. По словам Я. Маржарета, *«Мстиславский, Шуйский, Бельский и другие были посланы* (на площадь к народу. — *Р. С.), чтобы усмирить волнение»*. Впрочем, сановники не проявляли рвения, защищая дело Годуновых. Как отметил английский очевидец, по тому, каким безразличным тоном они уговаривали народ, *«видно было, что при этом участвует один язык»*. Современники подозревали бояр в двуличии. Немногие из бояр обладали красноречием. При виде разбушевавшегося народа они и вовсе лишились дара речи.

Под конец к народу обратился лучший оратор думы дьяк Афанасий Власов. Он просил толпу разойтись, указывал на то, что в государстве объявлен траур, и обещал рассмотреть любые просьбы и ходатайства народа после коронации царевича Федора.

Очевидцы упомянули об инциденте, послужившем последним толчком к восстанию. Гаврила Пушкин не успел прочесть грамоту Лжедмитрия и до половины, когда москвичи доставили на площадь двух прежних «воровских» гонцов, вызволенных ими из тюрьмы.

Свидетельство англичан позволяет объяснить непонятное известие Конрада Буссова. По словам Буссова, в письме к москвичам «Дмитрий» требовал прежде всего ответить ему, куда они дели его предыдущих посланцев, убили ли их сами, или это тайком сделали господа Годуновы и проч. Парадокс состоит в том, что в подлинной грамоте Лжедмитрия не упоминалось ни о каких гонцах. Очевидно, в памяти Буссова события сместились, и он стал приписывать освобождение гонцов воле Лжедмитрия.

Дополнительные сведения о роли выпущенных из тюрем арестантов можно обнаружить в польских источниках. Иезуит А. Лавицкий, прибывший в Москву в свите самозванца,

сообщает, что в день восстания народ открыл тюрьмы, благодаря чему *«наши поляки, взятые в плен во время боя под Новгородом-Северским и заключенные в оковы Борисом, избавились от темничных оков и даже оказали содействие народу против изменников»*.

Приведенные факты имеют решающее значение для реконструкции событий, послуживших сигналом к выступлению народа в столице. Согласно английскому источнику, тюремных сидельцев стали освобождать еще до того, как Пушкин дочитал грамоту Лжедмитрия и собравшийся на площади народ взялся за оружие. Отсюда следует, что восстание в Москве началось с разгрома тюрем. Кому принадлежал почин в этом деле? На этот вопрос источники не дают прямого ответа. Можно предположить, что нападение на тюрьмы осуществили те же люди, которые опрокинули охрану у городских ворот и провели Пушкина и Плещеева на Красную площадь, т. е. атаман Андрей Корела с донскими казаками. Разгром тюрем позволил им достичь разом двух целей. В московских тюрьмах к лету 1605 года собралось огромное число «воров» из простонародья, а также пленных поляков и других лиц, захваченных на поле боя. Освобожденные от оков, они немедленно присоединились к казакам. Еще большее значение имел моральный эффект. «Воры», подвергавшиеся избиению и пыткам в царских застенках, стали живым обличением годуновской тирании. Недаром англичане писали, что появление узников на площади явилось как бы искрой, брошенной в порох. Толпа вооружилась чем попало и бросилась громить дворы Годуновых.

Пушкин, Плещеев, другие дворяне, перешедшие на сторону самозванца, сыграли немалую роль в московских событиях. Но подлинными героями восстания были все же не они, а «черные люди» — низы столицы и вольные донские казаки во главе с атаманом Андреем Корелой.

По словам московского летописца, на Годунова ополчились *«чернь вся, и дворяня, и дети боярские, и всякие люди москвичи»*. Современники единодушно свидетельствуют, что московское население поднялось на Годуновых «миром». Собравшаяся на Красной площади толпа разделилась надвое: *«Одни*

учали Годуновых дворы грабить, а другие воры с миром (все вместе. — *Р. С.) пошли в город* (Кремль. — *Р. С.), и от дворян с ними были, и государевы хоромы и царицыны пограбили».*

Согласно летописи, восставшие захватили во дворце царя Федора и его мать царицу Марию, отвели их на старый двор Бориса Годунова и приставили к ним стражу. Однако более достоверным следует признать свидетельство англичан. По их словам, царица Мария воспользовалась суматохой и в самом начале мятежа укрылась в безопасном месте. По пути с нее сорвали жемчужное ожерелье. Этим и ограничились ее злоключения в день восстания. Федору Борисовичу, совещавшемуся с думой, помогли укрыться его рабы, т. е. дворцовые служители. Низложенный царь и его семья подверглись аресту, по-видимому, не в самый день восстания, а позже.

Дворцовая стража разбежалась, не оказав нападавшим никакого сопротивления. Толпа ворвалась в опустевший дворец и принялась яростно крушить «храмины» и уничтожать все, что попадалось под руку. Народ разгромил не только дворец, но и старое подворье Бориса Годунова. Не обнаружив нигде царскую семью, восставшие бросились в вотчины Годуновых, находившиеся в окрестностях столицы. Там они *«не только животы пограбили, но и хоромы разломаша и в селех их, и в поместьях, и в вотчинах также пограбиша».*

Разгромив владения царской семьи, толпа напала на дворы, принадлежавшие боярам Годуновым. Тесно связанные с династией, бояре Годуновы олицетворяли в глазах народа феодальную власть и богатство. Труднее объяснить нападение москвичей на Сабуровых и Вельяминовых. К моменту восстания никто из них не входил в Боярскую думу и не принадлежал к высшему правительственному кругу. В грамоте к московскому населению Лжедмитрий обличал одних Годуновых и не называл по имени ни Сабуровых, ни Вельяминовых. Вся вина их заключалась в отдаленном родстве с низложенной династией.

Погрому подверглись дворы многих столичных дворян и приказных чиновников. Как записали дьяки Разрядного приказа, люди *«миром, все, народом грабили на Москве многие дво-*

ры боярские, и дворянские, и дьячьи, а Сабуровых и Вельяминовых всех грабили».

Сколь бы разнородными ни были силы, выступившие против Годуновых, движение сразу приобрело социальную окраску. В отчетах англичан этот момент получил наиболее яркое отражение. *«...Весь город,* — писали англичане, — *был объят бунтом; и дома, погреба, и канцелярии думных бояр, начиная с Годуновых, были преданы разгрому»; «московская чернь без сомнения сделала все возможное»; «толпа сделала что только могла и хотела: особенно досталось наиболее сильным мира, которые, правда, и были наиболее недостойными»; «более зажиточные подвергались истязанию, жалкая голь и нищета торжествовала»;* с богатых срывали даже одежду.

Во время бунтов толпа обыкновенно требовала выдачи ненавистных чиновников и жестоко расправлялась с ними. В дни переворота 1605 года народ никого не казнил. В свою очередь, Годуновы не предприняли никаких попыток подавить мятеж вооруженной рукой. И все же переворот не обошелся без жертв.

Добравшись до винных погребов, люди разбивали бочки и черпали вино кто шапкой, кто башмаком, кто ладонью. *«На дворах в погребах,* — записал летописец, — *вина опилися многие люди и померли...»* Исаак Масса, любивший всякого рода подсчеты, записал, что после мятежа в подвалах и на улицах нашли около пятидесяти человек, упившихся до смерти. Англичане утверждали, что после бунта в Москве было не менее сотни умерших от пьянства и помешавшихся в уме людей.

Внезапно вспыхнув, восстание так же внезапно прекратилось после полудня того же дня. На улицах появились бояре, хлопотавшие о наведении порядка.

С падением Годуновых закончилась целая полоса в политическом развитии Русского государства. Прошло всего семь лет с того дня, когда столичный народ — «всенародное множество» — помог Борису утвердиться на троне. Придя к власти, выборный земский царь обещал, что будет править по справедливости, с пользой для всего народа, чтобы все его подданные пользовались изобилием и покоем «у всех равно». Го-

дунов обещал благоденствие для всех, но трехлетний голод развеял в прах иллюзии, порожденные его обещаниями. Вслед за тяжким экономическим потрясением страна испытала ужасы гражданской войны, в ходе которой земская династия окончательно утратила поддержку народа.

Глава 14
БОЯРЕ И САМОЗВАНЕЦ

Восстание в Москве покончило с земской выборной династией. Наступило короткое междуцарствие. Летописцы утверждали, будто Боярская дума принесла присягу Лжедмитрию в день переворота. В действительности дело обстояло куда сложнее. Дума не сразу приняла решение направить своих представителей к «царевичу». Никто из старших и наиболее влиятельных бояр не согласился ехать на поклон к нему.

Со времени избрания Бориса Годунова Боярская дума во второй раз должна была согласиться на передачу трона неугодному и, более того, неприемлемому для нее кандидату. Как и в 1598 году, вопрос о престолонаследии был перенесен из дворца на площадь. Но в 1605 году передача власти была осложнена кровопролитной гражданской войной.

Борису Годунову помогли народные манифестации на Новодевичьем поле. Лжедмитрий пришел к власти благодаря восстаниям на южных границах и в столице. Годунов не смог добиться присяги от бояр после наречения на царство в Новодевичьем монастыре. Отрепьев пересилил бояр и заставил их явиться к нему в лагерь.

Английские известия довольно точно очертили круг лиц, добившихся от думы признания самозванца. Соответствующее решение, по словам англичан, было принято внезапно, *«благодаря тому, что члену Боярской думы Богдану Бельскому с некоторыми другими частным образом стало известно об отъезде Дмитрия из лагеря»*.

Как видно, именно Бельский поддерживал тайные связи с боярами, перешедшими на сторону Лжедмитрия. У Бельского было немного приверженцев в годуновской думе. Тем не менее ему удалось запугать членов думы известием о наступлении армии Лжедмитрия на Москву.

С военной точки зрения наступление «вора» не представляло большой опасности. Поражение войск самозванца на переправах под Серпуховом показало, что сдавшиеся под Кромами отряды деморализованы и не способны вести боевые действия в условиях гражданской войны. Ввиду этого Лжедмитрий после серпуховской неудачи распустил многие из этих отрядов. Оставшиеся силы он подчинил П. Ф. Басманову.

Внук главного опричного боярина Басманова вел войска к Москве, тогда как племянник Малюты Скуратова готовил почву для торжества самозванца в самой столице.

Будучи в Туле, Отрепьев потребовал, чтобы Мстиславский и прочие бояре немедленно ехали к нему в лагерь. Дума постановила послать в Тулу князя И. М. Воротынского, двадцать лет бывшего не у дел, а также бояр и окольничих князя Н. Р. Трубецкого, князя А. А. Телятевского, Н. П. Шереметева, думного дьяка А. Власьева и представителей других чинов — дворян, приказных и купцов.

Делегация Москвы выехала в Серпухов 3 июня. Вместе с представителями столичных «чинов» туда же отправились все Сабуровы и Вельяминовы, чтобы вымолить себе прощение Лжедмитрия. Но П. Ф. Басманов успел занять Серпухов и не пустил родню Годуновых в Тулу. Он заслужил милость у самозванца тем же способом, что и у Годунова. Боярин повсюду искал изменников и беспощадно карал их. По его навету все Сабуровы и Вельяминовы были ограблены донага и брошены в тюрьму.

Лжедмитрий был взбешен тем, что главные бояре отказались подчиниться его приказу и прислали в Тулу второстепенных лиц. На поклон к Отрепьеву в начале июня приехал атаман вольных казаков Смага Чертенский с Дона. Чтобы унизить посланцев Боярской думы, самозванец допустил к руке донцов раньше, чем бояр. Проходя мимо бояр, казаки ругали

и позорили их. «Царь» обратился к Чертенскому с милостивым словом. Допущенных же следом Воротынского с товарищами он бранил последними словами *«яко же прямый царский сын»*. Боярина Телятевского выдали казакам головой. Казаки били его смертным боем, а затем едва живого отвезли в тюрьму. События, разыгравшиеся в Туле, были последним отзвуком того периода самозванщины, когда поддержка восставшего народа и донцов имела для «вора» решающее значение.

Из Тулы Лжедмитрий выступил в Серпухов, где к нему явились глава думы удельный князь Ф. И. Мстиславский, князь Д. И. Шуйский, стольники, стряпчие, дворяне, дьяки и столичные купцы — гости. Московские власти сделали все, чтобы облегчить соглашение с путивльским «вором», которого они в течение семи месяцев безуспешно пытались уничтожить. В Серпухов заблаговременно прибыли служители Сытенного и Кормового дворов, многочисленные повара и прислуга с запасами. Бояре и московские чины дали пир Лжедмитрию. Они велели извлечь на свет Божий огромные шатры, в которых Борис потчевал дворян в дни серпуховского похода накануне своей коронации. Шатры имели вид крепости с башнями и были весьма поместительными. Изнутри их стены украшало золотое шитье. По словам очевидцев, на пиру присутствовали разом пятьсот человек. Пиры и приемы были не более чем декорацией, скрывавшей от посторонних глаз переговоры между самозванцем и московскими чинами. Прибытие в Тулу главного дьяка А. Власьева и других приказных людей привело к тому, что управление текущими государственными делами начало переходить в руки самозванца.

Находясь в Туле, Лжедмитрий I известил страну о своем восшествии на престол. Рассчитывая на неосведомленность населения дальних городов, Отрепьев утверждал, будто его узнали как прирожденного государя Иов — патриарх московский, весь Священный собор, дума и прочие чины. 11 июня Лжедмитрий был еще в Туле, но на своей грамоте пометил: *«Писана на Москве»*. Вместе с окружной грамотой самозванец разослал по городам текст присяги. Она представляла собой

сокращенный вариант присяги, составленной при воцарении Бориса Годунова и Федора Борисовича.

Самозванец повторил прием, к которому прибегли Борис Годунов, а затем его сын. Добиваясь трона, Борис велел составить текст присяги на имя вдовы царицы Ирины, свое же имя поставил вторым. Федор Борисович последовал примеру отца и первым упомянул имя вдовы царицы Марии Годуновой.

Ни в Самборе, ни в Путивле самозванец не ссылался на «мать» — старицу Марфу, заточенную в глухом северном монастыре. После переворота в Москве он решил использовать авторитет вдовы Грозного, чтобы навязать свою власть стране. Присяга на имя вдовы Грозного была еще одной попыткой самозванца мистифицировать страну. Готовясь к неизбежной встрече с мнимой матерью, самозванец приблизил первого же ее родственника, попавшего к нему в руки. В Туле он пожаловал чин постельничего дворянину Семену Ивановичу Шапкину потому, *«что он Нагим племя»*.

Дьяки Отрепьева исключили из нового текста присяги упоминание о колдунах, а пункт о Симеоне Бекбулатовиче и «воре», назвавшемся Дмитрием Углицким, заменили пунктом о «Федьке Годунове». Подданные обещали не «подыскивать» царство под государем *«и с изменники их, с Федкою Борисовым сыном Годуновым, и с его матерью, и с их родством, и с советники не ссылаться письмом никакими мерами»*. Членам низложенной царской семьи удалось спастись в день восстания. Но вскоре их убежище было открыто, и тогда Боярская дума распорядилась заключить их под домашний арест. Московская знать, презиравшая худородного Бориса, пожелала посмертно лишить его царских почестей. Свежая могила Годунова в Архангельском соборе была раскопана, труп умершего удален из церкви. Очевидец событий Я. Маржарет засвидетельствовал, что все это сделано было *«по просьбе вельмож»*. Своими действиями руководители думы надеялись заслужить милость самозванца. Фактически же их инициатива развязала руки Отрепьеву.

По словам К. Буссова, в Серпухове царь «Дмитрий» объявил, что он не приедет в Москву *«прежде, чем не будут унич-*

тожены те, кто его предал, все до единого, и раз уж большинство из них уничтожено, то пусть уберут с дороги также и молодого Федора Борисовича с матерью, только тогда он приедет и будет им милостивым государем». Известие Буссова находит неожиданное подтверждение в английском сочинении 1605 года. По словам англичан, царь «Дмитрий» отправил к москвичам князей Ф. И. Мстиславского и Д. И. Шуйского с поручением *«лишить его врагов занимаемых ими мест, заключить в неволю Годуновых и иных, пока он не объявит дальнейшей своей воли, с тем чтобы истребить этих чудовищ, кровопийц и изменников...».* Ф. И. Мстиславский и Д. И. Шуйский были как раз теми боярами, которые ездили в Серпухов. Взявшись выполнить поручение Лжедмитрия, руководители думы фактически санкционировали расправу над царской семьей.

Завершив переговоры с Мстиславским, Лжедмитрий отправил в столицу особую боярскую комиссию. Формально ее возглавлял князь В. В. Голицын, имевший боярский чин. Фактически же главными доверенными лицами самозванца в московской комиссии стали члены путивльской «воровской» думы В. М. Мосальский и Б. Сутупов. Вместе с комиссией в Москву был направлен П. Ф. Басманов с отрядом служилых людей и казаков.

Прибыв в Москву, боярская комиссия тотчас выполнила приказ самозванца о казни царской семьи. Казнью непосредственно руководили дворяне М. Молчанов и А. Шерефединов, имевшие за спиной опыт опричной службы. Они явились на старое подворье Бориса Годунова в сопровождении отряда стрельцов, захватили царицу и ее детей и развели *«по храминам порознь».* Царица Мария Скуратова обмерла от страха и не оказала палачам никакого сопротивления. Федор Годунов, несмотря на молодость, отчаянно сопротивлялся, так что стрельцы долго не могли с ним справиться.

После казни боярин В. В. Голицын велел созвать перед домом народ и, выйдя на крыльцо, объявил «миру», что царица и царевич со страху, *«испиша зелья и помроша, царевна же едва оживе».* Новые власти сделали все, чтобы утвердить офици-

альную версию смерти царя Федора и его матери. Но столичное население не поверило им.

Когда два простых гроба с убитыми были выставлены на общее обозрение, народ нескончаемой толпой двинулся на подворье Годуновых. Как записал шведский агент, он видел собственными глазами вместе с тысячами москвичей следы от веревок, которыми были задушены царица Мария и царь Федор Годуновы. Следуя версии о самоубийстве, бояре запретили традиционный погребальный обряд. Трупы отвезли в женский Варсонофьев монастырь на Сретенке и там зарыли вне стен церкви, внутри монастырской ограды. В одну яму с ними было брошено и тело Бориса Годунова.

Распоряжавшийся в Кремле Б. Я. Бельский не принимал непосредственного участия в расправе над царицей Марией, которая была ему двоюродной сестрой. Басманов также оставался в стороне. Но именно эти лица довершили разгром Годуновых, их родни и приверженцев в Москве. Имущество Годуновых, Сабуровых и Вельяминовых было отобрано в казну. Бояр Годуновых отправили в ссылку в Сибирь и в Нижнее Поволжье. Исключение было сделано лишь для недавнего правителя — С. М. Годунова. Его отправили в Переяславль-Залесский. Везти боярина в дальние города не имело смысла. Пристав имел приказ умертвить его в тюрьме, что он и выполнил.

Самозванец не мог занять трон, не добившись покорности от Боярской думы и церковного руководства. Между тем патриарх Иов не желал идти ни на какие соглашения со сторонниками Лжедмитрия. Неразборчивый в средствах Отрепьев пытался вести двойную игру. Провинцию он желал убедить в том, что Иов уже «узнал» в нем прирожденного государя. В столице Лжедмитрий готовил почву для расправы с непокорным патриархом. Иов сохранил верность Годуновым до последнего момента и потому должен был разделить их участь. В прощальной грамоте 1607 года он живо описал свои злоключения в день переворота 1 июня. *«...Множество народа царствующего града Москвы,* — писал он, — *внидоша во святую соборную и апостолскую церковь* (Успенский собор. — *Р. С.) с оружием и дреколием, во время святого и божественного пения...*

и внидоша во святый олтарь и меня, Нева патриарха, из олтаря взяша и во церкви и по площади таская, позориша многими позоры...»

Судьба патриарха решилась, когда Лжедмитрий был в десяти милях от столицы. Самозванец поручил дело Иова той самой боярской комиссии, которая должна была произвести казнь Федора Годунова. Церемония низложения Иова как две капли воды походила на церемонию низложения митрополита Филиппа Колычева опричниками. Боярин П. Ф. Басманов препроводил Иова в Успенский собор и там проклял его перед всем народом, назвав Иудой и виновником «предательств» Бориса по отношению к прирожденному государю Дмитрию. Вслед за тем стражники содрали с патриарха святительское платье и «положили» на него «черное платье». Престарелый Иов долго плакал, прежде чем позволил снять с себя панагию. Местом заточения Иова был избран Успенский монастырь в Старице, где некогда он начал свою карьеру в качестве игумена опричной обители.

Казнь низложенного царя и изгнание из Москвы патриарха расчистили самозванцу путь в столицу. По дороге из Тулы в Москву путивльский «вор» окончательно преобразился в великого государя. В Серпухове его ждали царские экипажи и двести лошадей с Конюшенного двора. На пути к Коломенскому бояре привезли Отрепьеву *«весь царский чин»:* кое-какие регалии и пышные одеяния, сшитые по мерке в кремлевских мастерских.

В окрестностях Москвы Лжедмитрий пробыл три дня. Он постарался сделать все, чтобы обеспечить себе безопасность в столице и выработать окончательное соглашение с думой. В московском манифесте Лжедмитрий обязался пожаловать бояр и окольничих их «прежними отчинами». Это обязательство составило основу соглашения между самозванцем и думой. Другие пункты соглашения касались состава думы. Самозванцу пришлось удовлетвориться изгнанием Годуновых. Зато он получил возможность пополнить думу своими ближними людьми.

Несмотря на двукратные похороны Бориса, страну захлестнули слухи о его чудесном спасении. Толковали, будто Годунов жив, а вместо него в могилу положили его двойника. На улицах люди под клятвою утверждали, будто своими глазами видели старого царя, который бежал то ли в Англию, то ли в Швецию, то ли к татарам. Толки о спасении Бориса не слишком беспокоили Лжедмитрия. Куда больше его тревожила опасность разоблачения.

В России Отрепьев успел обратить на себя внимание не только редкими способностями, но также и запоминающейся внешностью. Московские летописцы утверждали, будто уже в Путивле многие люди догадывались, с кем имеют дело. Когда же «вор» вступил в Москву, некоторые из москвичей *«его узнали, что он не царьский сын, а прямой вор Гришка Отрепьев ростригa...»*. Оценивая известия летописцев об опознании самозванца, надо иметь в виду, что они были составлены задним числом, уже после гибели Лжедмитрия.

Опасность разоблачения угрожала Отрепьеву уже в Путивле. В черте небольшого городка он жил у всех на глазах, не имея возможности отгородиться от людей дворцовыми стенами. Там его преследовали поражения и неудачи. Можно установить, что уже в Путивле самозванец столкнулся лицом к лицу с некоторыми дворянами, хорошо его знавшими.

В росписи армии Мстиславского против имени дворянина И. Р. Безобразова имеется помета: *«В полон взят»*. Плененный под Новгородом-Северским, Безобразов узнал в путивльском «воре» товарища детских игр. Со слов Безобразова поляк Я. Собеский записал в своем дневнике следующее: *«Дом отца и деда Отрепьева был в Москве рядом с домом Безобразова: об этом говорил сам Безобразов. Ежедневно Гришка ходил в дом Безобразова, и всегда они вместе играли в детские годы, и так они вместе росли»*. Если бы Безобразов попытался обличить своего давнего приятеля, его мгновенно бы уничтожили. Но он не помышлял о раскрытии обмана и сделал превосходную карьеру при дворе Лжедмитрия.

Утверждение летописцев, будто москвичи, опознав Отрепьева после его водворения в Кремле, горько плакали о своем

прегрешении, не соответствует истине. Напротив, в столице после переворота преобладала атмосфера общей экзальтации по поводу обретения истинного государя и наступления счастливого царства. Впрочем, даже среди общего ликования ничто не могло заглушить убийственную для Лжедмитрия молву. Эта молва возродилась не потому, что кто-то «вызнал» в царе беглого чудовского дьякона. Причина заключалась совсем в другом. В борьбу включились могущественные силы, стремившиеся помешать Лжедмитрию занять трон. Бояре не для того избавились от худородных Годуновых, чтобы передать власть темному проходимцу. Отрепьев понимал, что в думе и среди столичных дворян у него больше врагов, чем сторонников. Опасаясь попасть в западню, он три дня стоял у ворот Москвы.

Наконец 20 июня самозванец вступил в Москву. Во время движения стража внимательно осматривала путь, чтобы предотвратить возможное покушение. Гонцы поминутно обгоняли царский кортеж, а затем возвращались с донесениями. Самым знатным боярам Отрепьев велел быть подле себя. Впереди и позади «царского поезда» следовали польские роты в боевом порядке. Очевидцы утверждали, будто кругом царя ехало несколько тысяч поляков и казаков. Боярам не дозволено было иметь при себе вооруженную свиту. Дворяне и войска растянулись на большом пространстве в хвосте колонны. По приказу самозванца строй московских дворян и ратников был распущен, едва кортеж стал приближаться к Кремлю.

Узкие городские улицы были забиты жителями. Чтобы лучше разглядеть процессию, люди забирались на заборы, крыши домов и даже на колокольни. При появлении самозванца толпа потрясала воздух криками: «Дай Господи, государь, тебе здоровья!» Колокольный звон и приветствия москвичей катились за царской каретой, подобно волне. Как писал один из участников процессии, люди оглохли от колокольного звона и воплей.

На Красной площади подле Лобного места Лжедмитрия встретило все высшее московское духовенство. Архиереи отслужили молебен посреди площади и благословили самозван-

ца иконой. По словам Массы, «царь» приложился к иконе будто бы не по православному обычаю, что вызвало среди русских явное замешательство. Приведенное свидетельство сомнительно. Будучи протестантом, Масса не слишком разбирался в тонкостях православной службы и не понял того, что произошло на его глазах. Архиепископ Арсений, лично участвовавший во встрече, удостоверил, что все совершилось без каких бы то ни было отступлений от православного обряда. Возмущение москвичей вызвали бесчинства поляков. Едва православные священнослужители запели псалмы, музыканты из польского отряда заиграли на трубах и ударили в литавры. Под аккомпанемент веселой польской музыки самозванец прошел с Красной площади в Успенский собор. Русские священники, писал иезуит А. Лавицкий, подвели «царя» к их главному собору, но *«в это время происходила столь сильная игра на литаврах, что я, присутствуя здесь, едва не оглох»*. Музыканты старались произвести как можно больше шума, радуясь замешательству москвичей.

Вопреки легендам никаких речей при встрече Лжедмитрия сказано не было. Лишь в Архангельском соборе Отрепьев собрался с духом и произнес несколько слов, которых от него все ждали. Приблизившись к гробу Ивана Грозного, он сказал, *«что отец его — царь Иоанн, а брат его — царь Федор!»*. Православных немало смутило то, что новый царь привел «во церковь многих ляхов» и те «во церкви Божии сташа с ним». Отрепьев боялся расстаться с телохранителями даже в соборах. Из церкви самозванец отправился в тронный зал дворца и торжественно уселся на царский престол. Польские роты стояли в строю с развернутыми знаменами под окнами дворца.

На Красной площади собралось множество столичных жителей. Толпа не желала расходиться. Самозванец был обеспокоен этим и выслал на площадь Б. Я. Бельского с несколькими другими членами думы. Бельский напомнил, что именно его царь Иван назначил опекуном при своих детях, и тут же поклялся, что укрывал царевича Дмитрия *«на своей груди»*. Бельский призвал народ служить верой и правдой своему прирожденному государю. Москвичи встретили его слова криками одобрения.

Опасаясь за свою жизнь, самозванец немедленно сменил всю кремлевскую стражу. Как записал Масса, «казаки и ратники были расставлены в Кремле с заряженными пищалями, и они даже вельможам отвечали грубо, так как были дерзки и ничего не страшились».

В истории гражданской войны в России наступил, быть может, самый знаменательный момент. Повстанческие силы, сформированные в ходе восстания в Северской земле и состоявшие из вольных казаков, ратных людей Путивля и прочих мятежных гарнизонов, холопов, посадских людей, мужиков, заняли Кремль и взяли под контроль другие ключевые пункты столицы. Они привели в Москву своего царя, а потому чувствовали себя полными хозяевами положения.

Тем временем Отрепьев приступил к исполнению своих обязанностей в качестве властителя Кремля. Зная, какую власть над умами имеет духовенство, он поспешил сменить высшее церковное руководство. Не доверяя русским иерархам, самозванец решил поставить во главе церкви грека Игнатия. Игнатий прибыл на Русь с Кипра и по милости Бориса стал архиепископом в Рязани. Когда после мятежа под Кромами П. Ляпунов с прочими рязанскими дворянами вернулись домой и «смутили» Рязань, Игнатий первым из церковных иерархов предал Годуновых и признал путивльского «вора». В награду за это Лжедмитрий сделал его патриархом.

На другой день после переезда во дворец самозванец велел собрать священный собор, чтобы объявить о переменах в церковном руководстве. Собравшись в Успенском соборе, сподвижники и ученики Иова постановили: *«Пусть будет снова патриархом святейший патриарх господин Иов»*. Восстановление Иова в сане патриарха понадобилось собору, чтобы придать процедуре вид законности. Следуя воле Отрепьева, отцы церкви постановили далее отставить от патриаршества Иова, потому что он великий старец и слепец и не в силах пасти многочисленную паству, а на его место избрать Игнатия. Участник собора грек Арсений подчеркивал, что Игнатий был избран законно и единогласно. Никто из иерархов не осмелился протестовать против произвола нового царя.

Поставив во главе церкви своего «угодника», Лжедмитрий занялся Боярской думой. Наибольшим влиянием в думе пользовались князь Василий Шуйский и его братья. На их головы и обрушился удар. Поводов для расправы с Василием Шуйским было более чем достаточно. Доносы поступили к самозванцу через П. Ф. Басманова, польских секретарей и телохранителей. По словам поляков, один московский купец нечаянно подслушал слова, сказанные Шуйским про нового государя: *«Черт это, а не настоящий царевич! Не царевич это, а расстрига и изменник!»* Купец поспешил донести о крамоле князя во дворец. По русским источникам, Шуйский будто бы сознательно распускал слух о самозванстве нового государя через верных людей — известнейшего московского архитектора и купца Федора Коня, столичного знахаря Костю Лекаря и других лиц. Когда виновные попали в руки Петра Басманова, тот быстро произвел розыск и выяснил вину Шуйских.

Получив донос от П. Ф. Басманова, Лжедмитрий приказал без промедления арестовать трех братьев Шуйских. «Приставами», или тюремщиками, Шуйских стали бояре П. Ф. Басманов и М. Г. Салтыков. При Борисе Годунове М. Г. Салтыков руководил розыском о заговоре Романовых, при самозванце расследовал заговор Шуйских. Боярин усердствовал, чтобы доказать свою преданность новому государю. Но главным инициатором розыска был все же не он, а П. Ф. Басманов.

Шуйским предъявили обвинение в государственной измене. Однако официальная версия их дела заключала в себе слишком много неясного. Даже близкие к особе Лжедмитрия люди по-разному излагали вину знатного боярина. Шуйского обвиняли то ли в распространении слухов, порочивших государя, то ли в организации заговора с участием нескольких тысяч лиц.

4 июля 1605 года иезуит А. Лавицкий писал из Москвы, что Шуйский назвал «Дмитрия» врагом и разрушителем истинной православной веры, орудием в руках поляков, за что и подвергся наказанию. Я. Маржарет, ставший вскоре одним из главных телохранителей Лжедмитрия, также утверждал, будто Шуйского обвинили в преступном «оскорблении величе-

ства». Другую версию изложили командиры польского наемного войска С. Борша и Я. Вислоух. По словам Вислоуха, Шуйские вовлекли в заговор десять тысяч детей боярских и условились перебить и сжечь поляков вместе с занятыми ими дворами, но поляки своевременно известили обо всем «Дмитрия». По словам Борши, заговорщики намеревались ночью поджечь город и напасть на «царя» и поляков. В этой версии сквозит желание подчеркнуть роль наемного войска в московских событиях, а потому она не заслуживает доверия.

Опираясь на казачьи и польские отряды, П. Ф. Басманов арестовал множество лиц, которых подозревали в заговоре с Шуйским. Розыск проводился с применением изощренных пыток. Однако в конце концов власти отказались от намерения организовать крупный политический процесс. Лжедмитрий распорядился привлечь к суду вместе с Шуйскими лишь несколько второстепенных лиц. В числе их были Петр Тургенев, Федор Калачник и некоторые другие лица. Чтобы устрашить столичное население, Отрепьев велел предать названных людей публичной казни.

Автор «Иного сказания» утверждал, что князь Василий Шуйский и его братья были арестованы на третий день после вступления Лжедмитрия в Москву, а 25 июня их передали в руки палача. Приведенная дата ошибочна: казнь Шуйских была назначена на воскресенье 30 июня. Суд над Шуйскими, по единодушному свидетельству очевидцев, занял несколько дней. Установив этот факт, С. Ф. Платонов писал: *«Трудно понять причины той торопливости, с какою они постарались отделаться от нового царя»; «...Шуйские необыкновенно спешили и... все их «дело» заняло не более десяти дней. Очевидно, они мечтали не допустить «розстриги» до Москвы, не дать ему сесть на царство».* С. Ф. Платонов принял на веру официальную версию заговора Шуйских. Между тем эта версия заключает в себе слишком много неясного и едва ли заслуживает доверия.

В массе своей московское население приветствовало нового царя. На его стороне была военная сила. Лжедмитрий находился на вершине успеха. Планировать в таких условиях переворот было бы безумием. Шуйские же всегда оставались

трезвыми и осторожными политиками. Спешили не столько Шуйские, сколько Лжедмитрий. Даже если заговора не было и в помине, ему стоило выдумать таковой.

В Польше коронный гетман Я. Замойский, выступая перед сеймом в начале 1605 года, резко высмеял россказни самозванца и заявил, что если уж поляки хлопочут о возведении на московский трон старой династии, то им надо иметь в виду, что законным наследником Московского княжества *«был род Владимирских князей, по прекращении которого права наследства переходят на род князей Шуйских»*. О речи гетмана говорили по всей Польше, и самозванец не мог не знать о ней.

Василий Шуйский был единственным из начальных бояр, отказавшимся подчиниться приказу Лжедмитрия и не явившимся в Серпухов. Это усилило подозрения самозванца, который имел все основания беспокоиться, что князь Василий предъявит претензии на трон при первом же подходящем случае.

Отрепьев мог расправиться с Шуйским тем же способом, что и с царем Федором Годуновым. Но с некоторых пор он был связан договором с Боярской думой. Следуя традиции, Лжедмитрий объявил о созыве собора для суда над великим боярином. Находившийся в те дни в Кремле поляк Лавицкий писал, что Шуйских судили на большом (многочисленном) соборе, состоявшем из сенаторов, духовенства и других сословий. Капитан Маржарет, перешедший на службу к Лжедмитрию, утверждал, будто Шуйские подверглись суду «в присутствии лиц, избранных от всех сословий». Следуя рассказам поляков из окружения самозванца, Паэрле записал, что в суде участвовали как сенат (дума), так и народ. Свидетельства иностранцев полностью совпадают с данными русских источников. Как подчеркнул автор «Нового летописца», Лжедмитрий *«повеле собрати собор»* с приглашением духовных «властей», бояр и лиц *«ис простых людей»*.

Самозванец пришел к власти на волне народных восстаний. Поэтому нет ничего удивительного в том, что в первые дни своего пребывания в Москве он продолжал видеть в восставшем народе союзника. Представители столичного на-

селения были приглашены на соборный суд, чтобы нейтрализовать возможные выступления сторонников Шуйских. В высшем государственном органе — Боярской думе — Шуйские имели много сторонников, и самозванец опасался их происков.

С обвинениями против Шуйских на соборе выступил сам Лжедмитрий. Род князей Шуйских, утверждал самозванец, всегда был изменническим по отношению к московской династии, блаженной памяти «отец» Иван семь раз приказывал казнить своих изменников Шуйских, а «брат» Федор за то же казнил дядю Василия Шуйского. Фактически Лжедмитрий отказался от версии о наличии разветвленного заговора. Трое братьев Шуйских, заключил он, намеревались осуществить переворот своими силами: *«...подстерегали, как бы нас заставши врасплох, в покое убить, на что имеются несомненные доводы»*. Царь утверждал, что имеет неоспоримые доказательства заговора Шуйских, а потому никакого разбирательства с допросом свидетелей и других формальностей на соборном суде не было.

Василия Шуйского осудили тотчас после публичной казни Петра Тургенева и Федора Калачника. В таких условиях даже близкие к Шуйским члены думы и священного собора не посмели выступить в их защиту. Инициатива полностью перешла в руки «угодников» Лжедмитрия — патриарха Игнатия, бояр Б. Я. Бельского, П. Ф. Басманова, М. Г. Салтыкова, новоиспеченных думных людей из путивльской думы. Как с горечью отметил летописец, *«на том же соборе ни власти, ни из бояр, ни из простых людей нихто же им* (Шуйским. — *Р. С.) пособствующе, все на них кричаху»*.

Опытному царедворцу Василию Шуйскому удалось пережить грозу, которая едва не стоила ему головы при Годунове. Он знал, чем можно заслужить снисхождение, и повинился во всех приписываемых ему преступлениях. *«Виноват я тебе... царь-государь: все это* (о расстриге и проч. — *Р. С.) я говорил, но смилуйся надо мной, прости глупость мою!»* — будто бы сказал Шуйский. В заключение князь Василий смиренно просил

патриарха и бояр сжалиться над ним, страдником, и просить за него царя.

Собор осудил Василия Шуйского на смерть, а его братьев приговорил к пожизненному тюремному заключению. Лжедмитрий спешил с казнью и назначил ее на следующий день. Все было готово для казни. По существу, самозванец ввел в столице осадное положение. Несколько тысяч стрельцов оцепили площадь. Преданные самозванцу казаки и поляки с копьями и саблями заняли Кремль и ключевые пункты города. Были приняты меры против возможных волнений.

Выехав на середину площади, Басманов прочел приговор думы и собора. Вслед за тем палач сорвал с осужденного одежду и подвел его к плахе, в которую был воткнут топор. Стоя подле плахи, князь Василий с плачем молил о пощаде. *«...От глупости выступил против пресветлейшего великого князя, истинного наследника и прирожденного государя своего»*, просите *«за меня — помилует меня от казни, которую заслужил...»* — взывал князь Василий к народу. Шуйские пользовались популярностью в народе, и их осуждение вызвало среди москвичей разные толки. По свидетельству поляков, даже их сторонники боялись обнаружить свои чувства, чтобы не попасть под подозрение. По словам же Массы, народ выражал явное недовольство. С казнью медлили. Отмена казни не входила в расчеты П. Ф. Басманова, и он проявлял видимое нетерпение. Дело кончилось тем, что из Кремля на площадь прискакал один из телохранителей царя, остановивший казнь, а следом за ним дьяк, огласивший указ о помиловании.

Сподвижник Лжедмитрия С. Борша точнее всех других объяснил причины помилования Василия Шуйского. *«Царь даровал ему жизнь,* — писал он, — *по ходатайству некоторых сенаторов»*. Бояре не посмели открыто перечить царю на соборе. Но после собора они сделали все, чтобы не допустить казни князя Василия. Отмена казни Шуйского явилась первым успехом думы.

При царе Борисе наибольшим влиянием в думе пользовались Годуновы и Шуйские. Обе эти группировки были разгромлены и удалены из столицы. Думу пополнили «воровские»

бояре, получившие чин в Путивле, а также опальные бояре и дворяне. Обновив состав Боярской думы, Лжедмитрий добился послушания бояр и стал готовиться к коронации.

Самозванец пожелал дождаться возвращения в Москву инокини Марфы, в миру — Марии Нагой. Его расчет казался безошибочным. Признание со стороны мнимой матери должно было покончить с колебаниями тех, кто все еще сомневался в его царском происхождении.

Сохранилось предание о том, что из Москвы Лжедмитрий «наперед» послал на Белоозеро в монастырь к Нагой *«постельничего своего Семена Шапкина, штоб его назвала сыном своим царевичем Дмитрием... да и грозить ей велел: не скажет и быть ей убитой»*. Сомнительно, чтобы Шапкину пришлось пустить в ход угрозы. Обещания неслыханных милостей должны были подействовать на вдову сильнее любых угроз.

В середине июля Марфу Нагую привезли в село Тайнинское. Отрепьев отправил к ней племянника опальных Шуйских князя Михаила Скопина, чтобы отвести подозрения насчет сговора. 17 июля Лжедмитрий выехал в Тайнинское под охраной отряда польских наемников. Его сопровождали бояре. Местом встречи стало поле у села Тайнинского. Устроители комедии позаботились о том, чтобы заблаговременно собрать многочисленную толпу народа. Обливаясь слезами, вдова Грозного и беглый монах обняли друг друга.

Простой народ, наблюдавший сцену издали, был тронут зрелищем и выражал свое сочувствие криками и рыданиями. После пятнадцатиминутной беседы Нагая села в экипаж и не спеша двинулась в путь. Карету окружала огромная свита. Сам «царь» шел некоторое время подле повозки пешком с непокрытой головой. Дело было в сумерках, и всей компании пришлось остановиться на ночлег в предместьях столицы. 18 июля Марфа Нагая прибыла в Москву. Отрепьев ехал верхом подле кареты. Праздничная толпа заполнила Красную площадь. По всему городу звонили колокола. Отслужив службу в Успенском соборе, мать с «сыном» роздали нищим милостыню и скрылись во дворце.

Коронация Отрепьева состоялась через три дня после возвращения в Москву вдовы Грозного. Царский дворец был разукрашен, а путь через площадь в Успенский собор устлан золототканым бархатом. В соборе подле алтаря Отрепьев повторил затверженную речь о своем чудесном спасении. Патриарх Игнатий надел на голову самозванца венец Ивана Грозного, бояре поднесли скипетр и державу.

Отрепьев старался внушить всем мысль, что его венчание означает возрождение законной династии. Поэтому он приказал короновать себя дважды: один раз в Успенском соборе, а другой — у гроба «предков» в Архангельском соборе. Облобызав надгробия всех великих князей, самозванец вышел в придел, где находились могилы Ивана IV и Федора. Там его ждал архиепископ Архангельского собора Арсений. Он возложил на голову Лжедмитрия шапку Мономаха. По выходе из собора бояре осыпали нового государя золотыми монетами.

Коронация Лжедмитрия не могла быть осуществлена без согласия Боярской думы. Бояре использовали момент, чтобы выдвинуть свои условия. Их главное требование заключалось в том, чтобы новый государь как можно скорее вернулся к традиционным методам управления страной. Главной помехой на пути к этому были повстанческие отряды и наемные роты, приведенные самозванцем в Москву. Пока чужеземные солдаты охраняли царскую особу и несли караулы в Кремле, бояре не чувствовали себя в безопасности. Отрепьев долго не решался расстаться со своей наемной гвардией. Но обстоятельства оказались сильнее его. Ставки на наемных солдат в Западной Европе были высоки. Гусарам и жолнерам приходилось платить полновесной монетой. Однако золота в царской казне было немного.

Принимая на службу иноземцев, русское правительство спешило наделить их поместьями. Этот традиционный для России способ обеспечения служилых людей оказался неприемлемым для наемных солдат, вступивших в Москву с самозванцем. Ветераны московского похода считали себя хозяевами положения и желали сами диктовать условия.

Иноземные наемные войска не раз проявляли свою ненадежность в критической обстановке. Солдаты грозили «царьку» расправой, когда он не мог заплатить им заслуженные деньги. В Москве Лжедмитрий располагал достаточной казной и имел возможность сформировать из польских рот придворную гвардию. Но дело в том, что набранный в Польше сброд не подходил на роль преторианцев.

Ветеран похода Ян Бучинский, которого трудно заподозрить в предвзятости, живо описал времяпрепровождение своих сотоварищей в Москве. Наемники пропивали и проигрывали полученные деньги. Те, у кого прежде не было и двух челядинцев, набрали себе их больше десятка, разодели в камчатое платье.

Будучи во Львове, «рыцари» Лжедмитрия не щадили подданных своего короля, чинили грабежи и насилия. Вступив в Москву в качестве победителей, они обращались с москвичами совершенно так же. Но то, что терпели львовские мещане, не оставалось безнаказанным в русской столице.

Прошло два месяца с тех пор, как москвичи с оружием в руках поднялись против правительства Годунова. В ходе восстания народ осознал свою силу. Дух возмущения продолжал витать над столицей. Поводов к столкновениям между «рыцарством» и москвичами было более чем достаточно. Негодование населения достигло критической точки. Вскоре после коронации Лжедмитрия произошел инцидент, который привел к настоящему взрыву.

Московские власти арестовали шляхтича Липского. В глазах других наемников его преступление было «маловажным». Но суд следовал действующим в государстве законам и вынес решение подвергнуть шляхтича торговой казни. Виновного вывели на улицу и стали бить батогами. Наемники бросились на выручку своему товарищу и пустили в ход оружие. Толпа москвичей устремилась на помощь приставам. Началась драка, которая вскоре переросла в побоище. *«В этой свалке,* — писал участник драки С. Борша, — *многие легли на месте и очень многие были ранены»*. Хорошо вооруженные наемники по-

началу без труда потеснили толпу, но затем им пришлось отступить в свои казармы на Посольском дворе.

Весть о кровопролитии подняла на ноги всю Москву. Борша утверждал, что на прилегающих улицах собралось несколько десятков тысяч москвичей, угрожавших полякам расправой. Лжедмитрий знал, как трудно справиться с разбушевавшейся народной стихией. К тому же дело происходило тотчас после коронации, и царь избегал всего, что могло нанести ущерб его популярности. Москвичи считали «Дмитрия» своим добрым царем, и ему нельзя было не учитывать народные настроения.

По всей Москве был оглашен царский указ о наказании шляхтичей, виновных в избиении народа. Государь объявил, что пришлет к Посольскому двору пушки и снесет двор со всеми наемниками, если те окажут сопротивление. Обращение царя носило демагогический характер, но столичное население ликовало. Отрепьеву надо было удержать москвичей от штурма Посольского двора и предотвратить восстание в столице. И он достиг своей цели.

Как всегда, самозванец вел двойную игру. Успокоив народ, он тут же заверил наемников, что им не будет сделано ничего дурного, хотя они и совершили кровавое преступление. «Рыцарство» было удовлетворено обещаниями царя и выдало трех шляхтичей, зачинщиков побоища. В течение суток их держали под стражей в тюремной башне, а затем освободили втайне от народа.

Волнения в Москве помогли боярам добиться роспуска иностранных наемных рот. В письме от января 1606 года Ян Бучинский упоминал о том, что солдаты жили *«на Москве без службы полгода»* (с июля 1605-го по январь 1606 года), следовательно, Лжедмитрий рассчитал наемное войско в июле 1605 года, иначе говоря, сразу после волнений в Москве.

Самозванец щедро вознаградил гусар и жолнеров, и в большинстве те сразу же покинули страну. Затруднения у казны начались, когда в Москву явились многочисленные кредиторы Лжедмитрия. Московское правительство отказалось удовлетворить претензии вельмож, покровительствовавших «царевичу» во время его зарубежных скитаний. Адам Вишневец-

кий явился в Москву собственной персоной и объявил, что он издержал на «царевича» несколько тысяч из собственных денег. Однако ему ничего не удалось получить от бояр.

Одновременно с иноземцами Отрепьев велел рассчитать находившиеся в Москве отряды вольных казаков. Многие московские дворяне участвовали в осаде Кром. Казачьи сотни, отразившие многотысячную царскую рать, внушали им страх и ненависть. По этой причине казакам Корелы недолго пришлось нести караулы в Кремле. Боярская дума использовала коронацию Лжедмитрия I, чтобы добиться роспуска всех прибывших в Москву казачьих войск. По словам очевидцев, все казаки были щедро одарены и распущены, но даже награды не могли заглушить их ропот. Отрепьев не захотел расстаться лишь с верным Корелой. Он осыпал его милостями. Однако вождь повстанцев остался чужаком в толпе царедворцев. Во дворце у него было слишком много врагов, и они делали все, чтобы изгнать донского атамана из Кремля. Корела невысоко ценил доставшиеся на его долю почести. В московских кабаках среди черни он находил себе больше друзей, чем в парадных залах дворца. Вольные атаманы сделали свое дело, и их карьера должна была оборваться рано или поздно. Корела без счета тратил в кабаках полученные от казны деньги и в конце концов спился. Другой вождь казацкого войска — Постник Лунев покинул дворец по иным причинам. Послушав совета монахов, он принял пострижение и удалился на покой в Соловецкий монастырь.

С роспуском казачьих отрядов вооруженные силы, организовавшиеся в ходе массовых антиправительственных восстаний на юго-западных и южных окраинах Русского государства, были окончательно расформированы.

Глава 15

ПРАВЛЕНИЕ ЛЖЕДМИТРИЯ

Отрепьев не решался внести какие бы то ни было перемены в сложный и громоздкий механизм управления государством. По-прежнему высшим органом в государстве остава-

лась Боярская дума. Иногда советники именовали ее на польский манер «сенатом». Но вся реформа «сената» свелась к учреждению должности мечника (придворный, носивший царский меч) по польскому образцу. Желая привлечь на свою сторону знать, самозванец пожаловал чин мечника двадцатилетнему князю Михаилу Скопину-Шуйскому. Будучи человеком проницательным, Отрепьев сразу оценил его незаурядные способности.

Вместе с Лжедмитрием в Кремле водворилась путивльская «воровская» дума, которая постепенно растеряла прежние функции и слилась с московской Боярской думой. Связанный соглашением с боярами, Отрепьев не осмелился дать думные чины своим ближайшим советникам — двум братьям Бучинским, Слонскому и др. В глазах московитов они были иноверцами и еретиками, что отнимало у них всякую надежду на карьеру при московском дворе. Поляки не получили никаких официальных должностей, оставшись на положении личных секретарей государя. Ян Бучинский числился главным секретарем царя, находясь *«всякое время при нем»* во внутренних покоях.

«Воровской» боярин князь Василий Рубец-Мосальский занял в московской думе высокое положение, возглавив в чине дворецкого Дворцовый приказ. Лжедмитрий оценил услуги П. Ф. Басманова и назначил его главой Стрелецкого приказа, вверив ему таким образом командование столичным гарнизоном.

Переворот в Москве выдвинул на авансцену Богдана Бельского, оказавшего самозванцу не меньшие услуги, чем Басманов. Среди молодежи, окружавшей Лжедмитрия, он выделялся как своими годами, так и огромным политическим опытом. Соратник Ивана Грозного и законный опекун его детей, Бельский рассчитывал стать правителем при «Дмитрии». Самозванец навязал свою власть высокородной знати. Он должен был обрушить на ее голову «грозу», чтобы укрепить самодержавную власть. Бельский как нельзя лучше подходил на роль правителя при ненавистном боярам «воре». Он начал службу в ведомстве своего дяди Малюты Скуратова и немало преуспел в борьбе с боярской крамолой. Невзирая на худородство Бельского,

новый царь пожаловал ему боярский чин. И все же Бельский не сделал карьеры при дворе самозванца. Его политические взгляды были известны в Москве слишком хорошо. При воцарении Федора Ивановича Бельский пытался возродить в государстве опричные порядки, но потерпел полную неудачу. Казнь Василия Шуйского должна была расчистить Бельскому путь к власти. Но кровавой расправе воспротивились и польские советники царя, и путивльские бояре, и московская дума. Немалую роль сыграло соперничество в ближайшем окружении царя. Претензии Бельского на первенство не встретили сочувствия прочих ближних людей. Помилование Шуйского было для него политической катастрофой. Отрепьев выслал Богдана Бельского из Москвы, назначив его вторым воеводой в Новгород Великий. Единственный человек, способный обуздать «боярское своеволие», навсегда покинул двор Лжедмитрия. Подобно Бельскому, Басманов также настаивал на казни Шуйского, но ему пришлось отступить в тень.

После коронации Лжедмитрия Боярская дума окончательно вступила в свои права. Ни при Федоре Ивановиче, ни при Борисе дума не была столь многочисленной, как при Лжедмитрии. Старые бояре вынуждены были терпеть подле себя путивльских «воровских» бояр, худородных дворян и любимцев Отрепьева.

Некогда Федор Мстиславский наголову разгромил самозванца, но тот простил его и сохранил за ним пост главы «сената». Царь Борис запретил Мстиславскому жениться, рассчитывая после смерти князя забрать его обширный удел в казну. Лжедмитрий не жалел усилий на то, чтобы снискать дружбу первого из бояр. Он подарил вельможе старый двор Бориса Годунова в Кремле, пожаловал ему огромную вотчину в Вене-ве, наконец, женил на своей мнимой тетке из рода Нагих. Василий Шуйский получил из рук Отрепьева волость Чаронду, ранее принадлежавшую Д. И. Годунову. Самозванец решил породниться с Шуйским и сосватал ему свойственницу Нагих, назначив свадьбу через месяц после своей. Дядя вдовы-царицы М. Ф. Нагой получил громадные подмосковные вотчины Годуновых.

По замыслам Отрепьева Нагие должны были помочь ему привязать знать к новой династии. Однако государь явно переусердствовал в стремлении утвердить свое родство с Нагими. Он посадил их в думе выше Голицыных, Шереметевых, Куракиных, Татевых, Лыковых. Никчемный человек, пьяница, Михаил Нагой вознесся совсем высоко, получив чин старшего боярина думы — конюшего. Возвышение Нагих пришлось не по нраву княжатам, в жилах которых текла кровь Рюриковичей и Гедиминовичей. Природная знать не забыла, что свой шестой брак царь Иван заключил в опричнине, а невесту ему сосватал опричный любимец Афанасий Нагой. Нагие не блистали знатностью. Боярам имя Афанасия Нагого было столь же ненавистно, как и имя Малюты Скуратова.

Назвавшись сыном Грозного, Отрепьев невольно воскресил тень опричнины. Ближние люди царя принадлежали в основном к хорошо известным опричным фамилиям (Басманов, Нагие, Хворостинин, Молчанов и др.). Но время опричных кровопролитий навсегда миновало, и Отрепьев достаточно четко улавливал настроения народа, уставшего от гражданской войны. В Москве много говорили, что Шуйский был обязан помилованием ходатайству Бучинских и царицы Марфы Нагой. На самом деле Марфа вернулась в Москву через много дней после прощения боярина. Что касается польских советников, то они как люди просвещенные не одобряли кровопролития. Но одновременно они выступали за твердую политику в отношении боярства. Курс на общее примирение подвергся подлинному испытанию через несколько месяцев после коронации, когда Боярская дума, вдова-царица и духовенство обратились к самодержцу с ходатайством о прощении Шуйских. Обращение вызвало бурные дебаты в «верхних комнатах», где царь обычно совещался с ближними советниками. На этот раз не только бывшие опричники, но и польские секретари возражали против смягчения наказания изменникам-боярам. В собственноручном письме Лжедмитрию Ян Бучинский напомнил: «Коли яз бил челом Вашей милости о Шуйских, чтоб их не выпущал и не высвобождал, потому как их выпустить и от них будет страх... и вы мне то отказали». Однако мнение со-

ветников, не занимавших ключевых постов в государстве, уже мало что значило.

Пожалуй, главной чертой Отрепьева как политического деятеля была его приспособляемость. Царствовать на Москве ему пришлось недолго, а главная задача, поглощавшая все его силы и способности, заключалась в том, чтобы усидеть на незаконно занятом троне. Лжедмитрий инстинктивно понял, что у него нет шансов удержать корону на голове при тираническом образе правления. Поэтому он выработал своего рода политическую доктрину, которой охотно делился с ближними людьми и придворными. *«Два способа у меня к удержанию царства,* — говорил он, — *один способ — быть тираном, а другой — не жалеть кошту, всех жаловать; лучше тот образец, чтобы жаловать, а не тиранить».* Как видно, самозванец забыл о недавних жестоких казнях в Путивле. На троне Отрепьев, однако, должен был вести себя иначе, чем в повстанческом лагере.

Возвращение Шуйских в Москву явилось символом окончательного примирения между «законным» государем и знатью. Боярская дума торжествовала. Знатнейшая в государстве фамилия — князья Шуйские получили назад все конфискованные вотчины и имущество. Более того, они вновь заняли самое высокое положение в думе.

Отрепьев с усердием исполнял роль государя кроткого и милосердного. Его амнистии должны были покончить с воспоминаниями об убийстве членов семьи Бориса Годунова и жестоких преследованиях его родни. Михаил Сабуров храбро защищал от «вора» Астрахань. Государь не только простил его, но и пожаловал в бояре. Сабуровы и Вельяминовы, отправленные с семьями в изгнание, были все возвращены на службу. Государь милостиво объявил о прощении Годуновых и назначил их воеводами в Тюмень, Устюг и Свияжск. Самые ревностные сторонники царя Бориса один за другим получали назад думные чины и служебные назначения. Боярин А. А. Телятевский был освобожден из тюрьмы и послан воеводой в Чернигов. Боярин М. Катырев стал управлять Новгородом Великим. Б. Я. Бельский оказался в подчинении у него.

Лжедмитрий старался снискать в народе славу справедливого государя. Он объявил о том, что намерен водворить в своем государстве правопорядок, запретил взятки в приказах. Приказных, изобличенных в мошенничестве и злоупотреблениях, немилосердно били палками на торгу. По словам И. Массы, не было дьяка в приказе, который не отведал бы царской немилости.

Составить сколько-нибудь точное представление о правлении Лжедмитрия весьма трудно. После его смерти власти приказали сжечь все его грамоты и прочие документы. Тем большую ценность представляют те немногие экземпляры, которые случайно сохранились в глухих сибирских архивах. В далеком Томске затерялась грамота царя «Дмитрия Ивановича» от 31 января 1606 года. Великий государь оказал милость населению сибирского городка, велел объявить *«служилым и всяким людям, царское величество их пожаловал, велел их беречи и нужи их рассматривати, чтоб им ни в чем нужи не было и они б служивые и всякие люди царским осмотрением и жалованием по его царскому милосердию жили безо всякие нужы»*. «Добрый» царь желал внушить подданным, что его правление будет временем торжества правды и посрамления зла, когда бы оно ни было совершено. Вновь назначенные чиновники должны были по царскому повелению собрать у населения все жалобы на прежних воевод *«в насильствах, и в продажах, и в посулах или в каких обидах»*, чтобы «безволокитно» дать населению суд и управу на неправедных чиновников.

Манифесты Лжедмитрия способствовали формированию в народе образа «доброго царя». Действия самозванца по отношению к московскому населению производили не меньшее впечатление. По всей столице, записал К. Буссов, было объявлено, что великий государь и самодержец будет два раза в неделю — по средам и субботам — принимать жалобы у населения на Красном крыльце в Кремле, чтобы все обиженные могли без всякой волокиты добиться справедливости. Даже непримиримый противник Отрепьева И. Масса признавал, что установленные им законы в государстве были безупречны и хороши.

В первые же месяцы своего царствования Лжедмитрий уразумел, что его власть лишь тогда будет прочной, когда он заручится поддержкой всего дворянства. Выходец из мелкопоместной семьи, Отрепьев хорошо понимал нужды и потребности российского дворянского сословия. Даже обличители «мерзкого еретика» изумлялись его любви к «воинству». На приемах во дворце Лжедмитрий не раз громогласно заявлял, что по примеру «отца» он рад жаловать «воинский чин», ибо *«все государи славны воинами и рыцарями* (дворянами. — *Р. С.); ими они держатся, ими государство расширяется, они — врагам гроза»*.

Ян Бучинский уверял короля, будто всего за шесть месяцев «Дмитрий» роздал из казны семь с половиной миллионов золотых, или два с половиной миллиона рублей. Секретарь самозванца переусердствовал, восхваляя щедрость своего господина, а заодно неслыханное богатство московской казны. На самом деле эта казна опустела после трехлетнего голода и взрыва гражданской войны. Отрепьев не мог израсходовать больше того, что было в казне. На заседании Боярской думы М. И. Татищев объявлял, будто после Бориса осталось всего двести тысяч рублей. Текущие поступления составили сто пятьдесят тысяч, и у монастырей царь заимствовал несколько десятков тысяч рублей. Следовательно, в распоряжение Отрепьева поступило примерно пятьсот тысяч рублей. После переворота чиновники заявляли полякам: *«В казне было 500 тыс. рублей, все это черт его знает куда он раскидал за один год»*. Лжедмитрий обещал отправить Мнишекам пятьдесят тысяч рублей на приданое невесте, оплату долгов тестя, переезд, но послал едва пятую часть обещанного, а прочее отчасти компенсировал драгоценностями. Львиная доля наличных денег ушла на жалованье русским дворянам и знати, на подготовку войны с крымцами. Стремясь укрепить свою опору, государь готовился провести генеральный смотр дворян, с тем чтобы наделить их денежным жалованьем и поместьями. Таким путем, утверждали современники, он желал *«всю землю прельстить»*, и *«всем дворянам милость показать»*, и *«любимым быть»*.

Понимая значение новгородского поместного ополчения, Лжедмитрий направил в Новгород грамоту с наказом прислать на смотр в Москву выборных дворян «с челобитными о поместном верстании и денежном жалованье». Выборные получили право дать свои челобитные непосредственно в руки государя.

Известный исследователь Смуты В. И. Корецкий высказал предположение, что Лжедмитрий, пришедший к власти на гребне народного движения, проектировал провести в жизнь социальную меру исключительного значения — восстановить право выхода крестьян в Юрьев день. Но мог ли самозванец удовлетворить разом и крепостническое дворянство, и феодально зависимых крестьян? Если бы он попытался освободить крестьян, то разом восстановил бы против себя все феодальное сословие. Примечательно, что даже в самые трудные для него периоды гражданской войны Отрепьев ни разу не обещал крепостным воли.

Лжедмитрий сознавал, что России необходим единый кодекс законов. Его дьяки составили Сводный судебник, в основу которого был положен Судебник Ивана IV, включавший закон о крестьянском выходе в Юрьев день. В текст Сводного судебника попали указы царя Бориса о частичном восстановлении выхода в 1601—1602 годах, но в нем не было закона об отмене Юрьева дня, определившего судьбу крестьян. На основании подобных фактов В. И. Корецкий заключил, что Лжедмитрий готовился освободить крестьян от крепостной неволи. Однако надо иметь в виду, что при жизни самозванца дьяки успели лишь составить подборку законов, но так и не приступили к их согласованию и унификации, вследствие чего Сводный судебник не получил официального утверждения.

Заповедные годы были введены в правление Бориса Годунова как чрезвычайная мера. Такая мера вследствие своего временного характера не нуждалась в развернутом законодательстве. Если дьякам не удалось разыскать текст указа об отмене Юрьева дня, то это наводит на мысль, что такой указ никогда не был издан. В рамках режима заповедных лет всех крестьян, покинувших феодального землевладельца, стали рассматривать как беглых. В 1597 году власти издали закон о

пятилетнем сроке сыска беглых, законодательно оформивший крепостное право. Дьяки Лжедмитрия не только включили этот закон в текст Сводного судебника, но и руководствовались им при разработке нового закона о крестьянах, утвержденного 1 февраля 1606 года. Лжедмитрий предписал возвращать владельцам крестьян, бежавших от них за год до голода и после «голодных лет». Возврату подлежали также и те крестьяне, которые бежали в голодные годы «с животы» (имуществом), следовательно, не от крайней нужды и не от страха голодной смерти. Действие закона не распространялось на тех крестьян, которые бежали в годы голода от нужды *«в дальние места из замосковных городов на украины и с украины в московские городы... верст за 200 и за 300 и болши»*. На указанном расстоянии к югу от Москвы находятся рязанская, тульская и черниговская окраины. На первый взгляд новый закон гарантировал равные возможности московским дворянам и южным помещикам: первые не имели права вернуть крестьян, бежавших на юг, а вторые — бежавших на север. Однако надо иметь в виду, что голод поразил нечерноземный центр значительно глубже, чем плодородные южные окраины, вследствие чего голодающие крестьяне устремились не на север, а на юг, в черниговские, тульские и рязанские места.

Закон 1606 года закреплял беглых крестьян за новыми владельцами, *«хто его* (бежавшего от нужды крестьянина. — *Р. С.) голодное время прокормил»*. Этот закон был выгоден южным помещикам, которые первыми поддержали дело самозванца и теперь были им вознаграждены.

Итак, по отношению к крестьянам Лжедмитрий придерживался еще более консервативного курса, чем Борис Годунов. Отстаивая интересы дворянства, самозванец не допускал мысли о возможности даже временного восстановления Юрьева дня. Беглые, покинувшие своих феодалов в голодные годы, не подлежали освобождению. Их закрепляли за новыми господами.

Полагают, что Лжедмитрий заботился не только о южных помещиках, но и о податном населении южных районов, освобожденном им от уплаты государевых податей. Этот вывод

нуждается в уточнении. Английский современник, составивший записку о состоянии Русского государства в 1606—1607 годах, сообщает об освобождении от податей населения не всех южных районов (городов и уездов), а лишь единственного города — Путивля. Описав восстание жителей Путивля против Шуйского, он пояснил: *«Они поступили так еще более потому, что Дмитрий, за особые ему заслуги, освободил эту область от всех налогов и податей в течение десяти лет»*. Путивль был много месяцев столицей Лжедмитрия. Его жители оказали «царевичу» неоценимую помощь. Они понесли наибольшие расходы и потери. За все это самозванец и предоставил им особые льготы. Определяя срок действия льгот, Лжедмитрий следовал примеру Бориса Годунова: когда шведы вернули России разоренный дотла город Корелу, правитель Борис освободил его жителей от всех налогов на десять лет.

Экономическое положение страны при Лжедмитрии улучшилось. Воспоминания о голоде ушли в прошлое вместе с царствованием «несчастливого» царя Бориса. На рынках вновь появился дешевый хлеб. Но финансовая система по-прежнему отличалась неустойчивостью. Разоренное население не могло исправно платить налоги. Образовались большие недоимки. Трудности неизбежно отразились на податной политике Лжедмитрия. В 1606 году его чиновники, отправленные в Томск, получили задание собрать татар и осяков — «лучших» людей по нескольку человек от каждой волости, узнать об их нуждах, собрать жалобы, после чего обложить налогом. Царь *«велел ясаки имать рядовые* (обычные. — *Р. С.), х какому мочно заплатить, смотря по вотчинам и по промыслам; а на ком будет ясак положен не в силу* (непосильный. — *Р. С.) и впредь того ясака платить немочно и государь то велел сыскать, да будет ясак положен не по делу и в том им тягость... велел им в ясаках льготить, а з бедных людей, кому платить ясаку немочно, по сыску имать ясаков не велел, чтоб им сибирским всяким людем ни в чем нужи не было... чтоб жили в царском жалованье в покое и тишине безо всякого сумнения»*.

В своих манифестах «добрый» царь выступал как радетель народного блага, защитник народа... от собственных агентов.

Каковы бы ни были добрые пожелания Лжедмитрия, подати оставались столь же обременительными, как и прежде. К маю 1606 года, когда сбор налогов в казну завершился, наблюдательные современники отметили, что *«Дмитрий стал тяжел подданным в податях»*.

Политика Лжедмитрия в отношении низших неподатных слоев населения имела свои особенности. 7 января 1606 года дума утвердила приговор о холопах. Некогда Борис Годунов запретил господам передавать кабальных холопов по наследству. Смерть господина рвала путы зависимости. Такой порядок оказался неудобным для дворян, и они находили множество способов к его нарушению. В кабалу господин рядом со своим именем вписывал имена сына или братьев в качестве совладельцев холопа. Подобные злоупотребления вызывали возмущение кабальных, отказывавшихся считать себя пожизненными рабами-холопами. Новый закон категорически запрещал писать кабалы на имя двух владельцев сразу и предписывал освободить кабальных, ставших жертвами подобного рода злоупотреблений.

Закон о холопах интересен в двух отношениях. Со временем дьяки вымарали из его текста имя расстриги. Но едва ли можно усомниться в причастности лжецаря к составлению указа. Отрепьев сам служил в холопах у бояр и, может быть, поэтому проявлял о них заботу, стараясь оградить от самых вопиющих злоупотреблений. Закон имел в виду все разряды холопов, но в первую очередь боевых холопов. Послабления в отношении этой группы населения вполне объяснимы. Боевые холопы были единственной группой зависимого населения, которая располагала оружием, имела боевой опыт и составляла неотъемлемую часть вооруженных сил страны. Как утверждали очевидцы, боевые холопы сыграли значительную роль в восстании Хлопка. Позже многие из них бежали в Северскую Украину, где поддержали движение в пользу самозванца. Новый закон был своего рода наградой за службу. Уступки холопам противоречили интересам господ. Из-за последовавшей вскоре смерти самозванца закон о холопах не был претворен в жизнь.

В период борьбы с Годуновым «воровские» бояре в Путивле и бояре-заговорщики под Кромами согласились принять «Дмитрия» на трон как самодержца. Фактически самозванец получил власть из рук восставшего народа. Выступления вольных казаков и населения южных городов, мятеж в армии, переворот в столице и, наконец, суд над боярским руководством в лице Шуйских — все эти события вырвали нити правления у Боярской думы и необычайно усилили власть нового царя. Стремясь закрепить успех, Лжедмитрий принял императорский титул. Отныне в официальных обращениях Отрепьев именовал себя так: *«Мы, наияснейший и непобедимый самодержец, великий государь Цесарь»* или *«Мы, непобедимейший монарх Божьей милостью император, и великий князь всея России, и многих земель государь, и царь-самодержец, и прочая, и прочая, и прочая»*. Так мелкий галицкий дворянин Юрий Отрепьев, принявший имя Дмитрия, стал первым в русской истории императором. Объясняя смысл своего титула, самозванец объявил иностранным послам, что он обладает огромной властью и нет ему равного в полночных (северных) краях. В самом деле, боярская знать поначалу должна была считаться с «необъятной властью» новоявленного императора, тем более что на стороне его была сила.

В Путивле Отрепьеву нетрудно было разыграть роль самодержца, сидя в воеводской избе. В Москве его обязанности неизмеримо усложнились. Но и тут он вскоре овладел ролью.

По свидетельству царского телохранителя К. Буссова, «Дмитрий» ежедневно заседал со своими сенаторами в думе. Отрепьев обладал редкими способностями, а также и склонностью ко всякого рода лицедейству. Надо думать, он тщательно готовился к экспромтам, которые поражали двор. Почитатель «Дмитрия» Яков Маржарет отметил, что государь этот был мудр и достаточно образован, чтобы быть учителем для всей думы. Недруг Лжедмитрия Исаак Масса называл его искусным правителем, который *«нередко сам наставлял чиновников»*. Описывая «сидения» в думе, Буссов утверждал, будто экспромтом «Дмитрий» мог найти лучшее

решение, чем его советники (бояре) после многих часов обсуждения.

Сколь бы успешно ни исполнял свою роль Лжедмитрий, его отношения с думой неизбежно стали меняться с тех пор, как он распустил повстанческие отряды и стал управлять страной традиционными методами.

Некогда Иван IV похвалялся, что российские самодержцы вольны казнить, вольны миловать своих холопов-подданных. Но даже в устах Грозного подобные заявления были всего лишь фразой. Лишь опричнина позволила ему избавиться от опеки со стороны думы и казнить знать без боярского суда. Оказавшись на троне, Отрепьев столкнулся с теми же трудностями, что и его мнимый отец. В «воровском» лагере самозванец повелевал жизнью и смертью своих бояр, попавших к его двору пленниками. В Москве ситуация претерпела разительные перемены. Подготовляя опричнину, царь Иван упрекал думу и духовенство, что те «покрывают» изменников-бояр, *«которые измены ему, государю, делали и в чем ему, государю, были непослушны»*. Такой же упрек Лжедмитрий мог адресовать своей думе. Под давлением бояр он отменил казнь Шуйского, а затем вернул Шуйских в Москву, несмотря на то что те были изобличены в государственной измене.

Из-за раздора с правящим боярством Иван Грозный удалился в опричнину. Лжедмитрий не решился последовать его примеру. Иностранных наблюдателей поражали московские порядки, при которых царь шагу не мог ступить без Боярской думы. Бояре не только решали с царем государственные дела, но и сопровождали его повсюду. Государь не мог перейти из одного дворцового помещения в другое без бояр, поддерживавших его под руки. Младшие члены думы оставались в постельных хоромах царя до утра. Несмотря на все усилия, Отрепьеву не удалось разрушить традиции, которые связывали его с боярским кругом подобно паутине. На рассвете в день боярского мятежа князь Василий Шуйский руководил заговорщиками, а его брат князь Дмитрий находился во внутренних покоях дворца, подле царя. Именно он помешал Отрепьеву принять своевременно меры для подавления мятежа.

На первых порах самозванец пытался упразднить наиболее неудобные для него дворцовые порядки. Он запретил непрестанно кропить себя святой водой при каждом выходе из дворца, слишком запросто беседовал с боярами, заходил без слуг и телохранителей в ювелирные лавки, в аптеки и другие места.

Польские секретари видели, что их влияние падает вместе с влиянием их государя, и горько сетовали на московские порядки, вынуждавшие самодержца большую часть времени проводить в кругу бояр. Стремясь положить конец общению самодержца со знатью, поляки обсуждали различные пути достижения этой цели, включая возможность перенесения столицы из Москвы в какое-нибудь другое место. Эти проекты показывают, сколь плохо иностранные советники понимали действие русского государственного механизма. Ивану Грозному понадобилась опричнина, чтобы ослабить влияние знати на дела управления. Не обычаи сами по себе, а могущество знати определяло политические порядки в Русском государстве. Что касается Лжедмитрия, то он нередко нарушал обычаи и ритуалы. В думе двадцатичетырехлетний царь не прочь был поучить или высмеять своих сенаторов, которые годились ему в отцы либо в деды. Он то и дело укорял бояр как людей несведущих и необразованных, предлагал им ехать в чужие земли, чтобы кое-чему научиться там.

Зимой царь выдумал себе новое развлечение. Он велел выстроить снежную крепость в селе Вяземы в окрестностях Москвы и устроил своего рода военные маневры, в которых снежки заменяли ядра и пули. Игра в снежки была одним из популярных на Руси народных развлечений. Но самозванец и тут не обошелся без новшеств. Он велел своим боярам оборонять снежный вал и сам вместе с телохранителями-немцами возглавил приступ. Как и следовало ожидать, потеха закончилась победой царя и его телохранителей. Бояре оказались их пленниками и покинули поле боя, украшенные синяками и шишками. Шутливая война с боярами вызвала много толков в столице. В разгар забавы преданные Лжедмитрию люди настойчиво советовали царю прекратить потеху, потому что бояре злы на

немцев и у каждого под платьем припрятан нож, так что дело может кончиться кровопролитием. Отрепьев последовал совету и немедленно покинул Вяземы в окружении стражи.

Сколько бы ни поучал самозванец своих бояр, какие бы вольности ни позволял в обращении с ними, он вынужден был подчиняться вековым порядкам Русского государства и считаться с авторитетом Боярской думы.

Заняв московский трон, Лжедмитрий пытался выполнить свои обещания польскому королю, записанные в «кондициях». Он приказал готовить войска для похода против шведов. Однако Боярская дума решительно воспротивилась попыткам круто изменить внешнеполитическую ориентацию. Бояре не желали допустить нарушения «вечного мира» со Швецией, и самозванец должен был подчиниться их воле.

Отрепьев обещал Сигизмунду III насадить католицизм в России. Вскоре после коронации в думе обсуждался вопрос, разрешить ли полякам построить в Москве костел. Царь заявил, что приличнее разрешить это католикам, чем протестантам, которым прежде Боярская дума позволила построить и школу, и кирху. Но духовенство и бояре думали иначе. Лжедмитрию пришлось забыть о тайном договоре с Мнишеком, обязывавшем его за год обратить православную Россию в католичество. Дело ограничилось тем, что после долгих проволочек полякам разрешили устроить костел в доме у церкви «Сретенья на переходех» близ дворца.

Поначалу бояре не смели открыто перечить самодержцу. Но со временем они пригляделись к самозванцу, изучили его слабости и страстишки и перестали церемониться с ним. Отрепьев привык лгать на каждом шагу. Эта привычка стала его второй натурой. Но ложь слишком часто всплывала на поверхность, и это приводило к неприятным эксцессам в думе. Красочное описание их можно найти в дневнике поляка С. Немоевского, свидетельства которого отличаются высокой степенью достоверности. Бояре не раз обличали «Дмитрия» в мелкой лжи, говоря ему: *«Великий князь, царь, государь всея Руси, ты солгал»*. Ожидая прибытия в Москву семейства Мнишеков, царь *(«стыдясь наших»* — прибавляет

от себя автор дневника) воспретил боярам такое обращение. Тогда сановники с завидной простотой задали ему вопрос: *«Ну как же говорить тебе, государь, царь и великий князь всея Руси, когда ты солжешь?»* Поставленный в тупик самозванец обещал думе, что больше «лгать не будет». *«Но мне кажется,* — завершает свой отчет С. Немоевский, — *что слова своего перед ними не додержал...»*

Пышный дворцовый ритуал, заимствованный из Византии, раболепное поведение придворных создавали видимость неслыханного могущества московских государей. Сама доктрина самодержавия, казалось бы, исключала возможность открытой оппозиции самодержцу. На самом деле Боярская дума удерживала в своих руках все нити управления государством и сплошь и рядом навязывала свою волю царю.

В апреле 1606 года на званом пиру во дворце Отрепьев потчевал бояр изысканными блюдами. Среди других яств на стол подали жареную телятину. Василий Шуйский стал потихоньку пенять царю на нарушение церковных правил. Государь оборвал его. Но тут в спор вмешался Михаил Татищев, считавшийся любимцем царя. (Отец Татищева оказал большие услуги Грозному, за что получил в опричнине чин думного дворянина. Михаил Татищев служил ясельничим при царе Борисе. Будучи послан в Грузию, он не участвовал в войне с Лжедмитрием, за что и был обласкан по возвращении в Москву и вошел в думу с чином окольничего.) На пиру Татищев не только принял сторону Шуйского, но и в грубой, оскорбительной форме публично выбранил царя за приверженность к нечистой пище. В наказание за дерзость Отрепьев велел сослать Татищева в Вятку и содержать в тюрьме в колодках, «потаив имя его». При Грозном окольничий лишился бы головы. При Лжедмитрии в дело вмешались бояре. За ревнителя благочестия вступилась вся дума, включая любимца царя П. Ф. Басманова. Лжедмитрию пришлось отменить приговор и без промедления вернуть опального в Москву. Инцидент с Татищевым обнаружил полную зависимость самозванца от бояр.

Будучи в Польше, Отрепьев усвоил привычку жить в долг. Оказавшись в Кремле, он вел денежные дела с прежним лег-

комыслием. Познав нужду в юности, Отрепьев заразился болезнью многих выскочек — страстью к стяжательству. Царь был таким охотником до покупок, что приобретал любые драгоценности, которые попадались ему на глаза. Прослышав о его страсти к покупкам, в Москву слетелось множество купцов из Польши, Германии и других стран. Когда у самозванца кончились деньги, он стал рассчитываться с торговцами векселями. В Россию приехало и немало иноземцев, оказавших покровительство или услуги Отрепьеву в дни его зарубежных скитаний. Одни явились во дворец за вознаграждением, другие предъявили давние векселя. Лжедмитрий великодушно желал удовлетворить всех. Случалось, что он обещал своим давним покровителям неслыханные суммы в десятки тысяч рублей и тут же выдавал им расписки. Но казна была пуста, и Отрепьеву грозило финансовое банкротство. Боярская дума использовала все его промахи, легкомысленные денежные операции и неоправданные траты. Казенный приказ отказывался оплачивать бесчисленные царские векселя. Лжедмитрию пришлось смириться с тем, что дума через Казенный приказ ввела ограничения на оплату его векселей и тем самым установила контроль за его расходами. Лжедмитрий нередко попадал в унизительное положение. Счастливые обладатели долговых расписок на тысячные суммы не могли получить от казны ни рубля и под конец узнавали, что царь якобы сам аннулировал свои векселя.

Отрепьев шел к власти напролом, не останавливаясь перед убийствами и казнями. Он показал себя человеком жестоким и вероломным. Если в Москве самозванец надел маску милостивого монарха, решительно чуждавшегося кровопролития, то причина была одна. Он не имел сил и средств для сокрушения своевольного боярства.

Накануне опричнины царь Иван велел вставить в летопись свои речи к Думе, записанные им по памяти. Тяжелобольной государь будто бы обратился к верным людям с такими словами: *«...чего испужалися? али чаете бояре вас пощадят? вы от бояр первыя мертвецы будете!.. не дайте боярам сына моего извести»*. Страх перед могущественной знатью обуревал также

и мнимого сына Грозного. Однажды главный секретарь Лжедмитрия Ян Бучинский напомнил ему о своем совете оставить бояр Шуйских в ссылке, потому *«как их выпустить* (из тюрьмы. — *Р. С.), и от них будет страх»*. Советник Лжедмитрия четко указал на рубеж, за которым началось для самозванца время «страхования». Таким рубежом было вынужденное прощение Шуйских, которое позволило Боярской думе вернуть себе прежнее влияние в государстве. Отрепьев считал Бучинского другом и платил ему откровенностью за откровенность. Сразу после свадьбы с Мнишек он поведал секретарю, какой невыразимый страх испытал во время торжественной церемонии: *«Как я венчался, и у меня в ту пору большое опасенье было, потому что по православному заказу сперва надо крестить невесту, а потом уже вести ее в церковь, а некрещеной иноверке и в церковь не войти, а больше всего боялся, что архиереи станут упрямиться, не благословят и миром не помажут»*. Отрепьев обладал проницательностью и достаточно хорошо знал людей, чтобы не догадываться об истинном отношении к нему отцов церкви и бояр. Иногда ему казалось, что терпение последних вот-вот истощится и они положат конец затянувшейся комедии.

В свое время Иван Грозный в страхе перед боярской крамолой приказал перевезти сокровищницу в Вологду и вступил в переговоры с Лондоном о предоставлении ему и его семье убежища в Англии. Аналогичным образом поступил Борис Годунов в период острого конфликта с Шуйскими и прочей знатью. Отрепьев шел по их стопам. Начальник личной стражи самозванца Яков Маржарет, посвященный в его тайные планы, писал с полной определенностью: *«Он* (царь. — *Р. С.) решился и отдал уже своему секретарю приказание готовиться к тому, чтобы в августе минувшего 1606 года отплыть с английскими кораблями»* из России. Лжедмитрий избрал иной предлог к отъезду, чем его мнимый отец. Он утверждал, что хочет посмотреть Францию. В действительности самозванцу приходилось думать о спасении собственной жизни.

Борис Годунов потратил немало трудов, чтобы посредством системы договоров обеспечить России мир. Лжедмит-

рий, заняв трон, объявил себя непобедимым императором и дал понять соседям, что намерен превратить Россию в военную империю. Современники склонны были объяснить воинственные планы самозванца его безмерным честолюбием и легкомыслием. На самом деле в них был определенный расчет. С помощью победоносной войны Лжедмитрий надеялся упрочить свой шаткий трон.

Занятые завоеванием Венгрии, крымские татары целое десятилетие не тревожили Русь. Продолжали нарушать мир одни азовские татары. Они много раз грабили русские украины и причиняли много вреда поселениям донских казаков. На южных границах шла необъявленная война. В конце 1605 года казаки достигли крупного успеха в этой войне. Они захватили в плен азовского агу Досмагмета и привезли его в Москву.

Победа донцов окрылила Лжедмитрия. Его давно манила перспектива решительного наступления на турок и татар. Тайный католик — православный царь не раз обращался в Ватикан с призывом создать коалицию против турок, в которую бы вошли католические государства — Габсбургская империя, Испания и Речь Посполитая — и православная Русь. Момент был не слишком удачен, и папа римский ответил Лжедмитрию: *«Пускай царь первый выступит на арену, пусть он увлечет за собой Европу и покроет себя бессмертной славой».*

Габсбурги готовились к мирным переговорам с Османской империей и потому не помышляли о присоединении к антитурецкой лиге. Сигизмунд III подталкивал Лжедмитрия к войне с турками, но при этом не желал связывать себя союзническими обязательствами. В 1606 году в Москве узнали о том, что король отказался присоединиться к антитурецкой коалиции. Оставшись без союзников в Европе, Лжедмитрий тем не менее не отказался от своих воинственных планов, с воодушевлением поддержанных российским дворянством. Продвижение в степи должно было обезопасить владения южных помещиков от продолжавшихся нападений кочевников и подавало надежду на новые земельные приобретения.

Некогда Иван Грозный сокрушил ордынские владения на Нижней Волге. Лжедмитрий решил продолжить его дело и на-

нести удар по Азову, с тем чтобы изгнать турок из устья Дона. Помощь Войска Донского была ему обеспечена. Опорной базой азовского похода стала крепость Елец. Туда из Москвы отправили осадную и полевую артиллерию, там создали склады с огромным количеством военного снаряжения и продовольствия. С весны 1606 года подготовка к походу вступила в решающую фазу. С разных концов страны к Ельцу шли отряды ратных людей.

Самозванец спешил начать войну. В военном лагере в окружении польской стражи, стрельцов и дворянства он мог чувствовать себя в полной безопасности. Война с турками из-за Азова вновь привела бы под знамена Лжедмитрия вольных донских казаков, уже оказавших ему неоценимую услугу.

С тех пор как Отрепьев водворился в Кремле, он говорил о своих прожектерских замыслах лишь в тайных и сугубо доверительных беседах с немногими советниками. Во время секретного свидания с патером Савицким в Кремле Лжедмитрий согласился с тем, что в Москве надо учредить иезуитский коллегиум, а также собрать на казенный кошт подготовленных ребяток для определения их в школы. Самозванец не раз выражал намерение послать русских людей в страны Западной Европы для получения образования. При царе Борисе первые русские студенты были отправлены в Англию, Францию, Германию. Самозванец не осмелился последовать примеру Годунова и не выполнил своих намерений.

Любые новшества наталкивались на противодействие со стороны бояр и князей церкви. Получив власть благодаря народному восстанию, Лжедмитрий оставил в неприкосновенности традиционные порядки, служившие оплотом влияния знати и воинствующих церковников. Поэтому он не мог найти в русском обществе сил, которые поддержали бы нововведения. Проникшись недоверием к подданным, самозванец искал сочувствия у окружающих его иноземцев, отводил душу в беседах с иезуитами, уповая на их преданность. Между тем для иезуитов «Дмитрий» был не более чем пешкой в их собственной игре. Беседуя с Петром Петреем, ближний друг царя произнес жестокие слова по его адресу: *«Нами он приведен к*

власти, нами же может быть лишен ее». Петрей исполнял роль посредника между участниками боярского заговора в России и окружением короля Сигизмунда III.

Проекты самозванца были подчинены четким политическим целям. Отрепьев мечтал о том времени, когда он сможет сместить с высших государственных постов бояр и передать эти посты иностранцам, на верность которых наивно рассчитывал.

Прошло время, когда Отрепьев дрожал от страха, попав в парадные покои королевского замка в Кракове. Современники, видевшие Лжедмитрия в Кремле, утверждали, что он выглядел как «воин и герой». Самозванец выказывал страсть к воинским потехам и играм, часто проводил артиллерийские учения, сам любил палить из пушек. Московские мастеровые построили по его приказу потешную крепость из повозок — «гуляй-город». Дощатые стены, укрепленные на повозках, были расписаны изображениями чертей и геенны огненной. Из амбразур торчали стволы пушек. Русские прозвали крепость «адом». Нередко «ад» устанавливали на льду Москвы-реки под стенами Кремля. Русские дворяне обороняли «гуляй-город», а польская рота из состава дворцовой стражи брала ее приступом. Отрепьев наблюдал за маневрами из окон кремлевского дворца.

В отличие от других властителей Кремля Отрепьев не любил ездить в карете и предпочитал выезжать верхом. На царской конюшне было много чистокровных скакунов, и недавний чернец выбирал себе самых норовистых.

Власть вскружила голову Лжедмитрию. Он стал нетерпелив и высокомерен. Когда на балу польский посол осмелился надеть шапку во время танца, царь пришел в гнев и громогласно объявил, что прикажет снять шапку вместе с головой у любого, кто осмелится последовать примеру посла. На том же балу гости после каждого танца должны были склоняться к его ногам. Если же кто нарушал это правило, самозванец не скрывал раздражения. Его тщеславие не знало предела. Чтобы прибавить себе росту, Отрепьев носил непомерной высоты меховые шапки и сапоги на огромных каблуках.

Некоторые современники писали, будто Лжедмитрий не ложился спать трезвым. Но их слова вызывают сомнения. Поляки, допущенные во дворец, подчеркивали, что государь, всегда умеренный в питье, даже в дни свадебных пиров *«при нас никогда не выпил лишнего»*. К чему был склонен Отрепьев, так это к щегольству. Пируя, он не раз покидал залу, чтобы переменить платье. На последнем балу он был вначале в русском армяке и в мехах, а затем надел пестро-красный бархатный жупан с зелеными и синими цветами по нему и красную бархатную епанчу с шестью сердечками на месте петлиц. Голову его украшала венгерская шапочка с пером.

В Кремле Отрепьев выстроил себе просторный дворец, возвышавшийся над крепостными стенами. Из окон он мог обозревать столицу. Стены бревенчатой постройки были обиты бархатом и парчой, печи выложены изразцовыми плитками, в хоромах устроено множество потайных дверей и выходов.

Лжедмитрий не прочь был поохотиться в поле на лисиц и волков. Еще больше он любил медвежьи потехи. В огороженном загоне на лесного исполина спускали свору лучших охотничьих псов либо искусный охотник, вооруженный рогатиной, в единоборстве побеждал свирепого зверя.

Дневные потехи сменялись ночными. Казалось, бывший чернец и расстрига стремился наверстать упущенное время. В компании с Басмановым и Михаилом Молчановым он предавался безудержному разврату. Царь не щадил ни замужних женщин, ни пригожих девиц и монахинь, приглянувшихся ему. Его клевреты не жалели денег. Когда же деньги не помогали, они пускали в ход угрозы и насилие. Женщин приводили под покровом ночи, и они исчезали в неведомых лабиринтах дворца. Описывая тайную жизнь дворца, голландец Исаак Масса утверждал, будто Лжедмитрий оставил после себя несколько десятков внебрачных детей, якобы появившихся на свет после его смерти. Доверять его подсчетам, впрочем, не приходится. Никто не считал девиц, совращенных самозванцем. Скорее всего он вел весьма распутную жизнь. Но ему едва ли удалось превзойти в этом мнимого отца. Лжедмитрий бесповоротно загубил свою репутацию, надругавшись (так

писали современники) над несчастной Ксенией Годуновой. Лишившись отца, а затем матери, Ксения оказалась на девичьей половине дома князя Мосальского. Вместе с другими трофеями царевна стала добычей самозванца.

Царь Борис нежно любил дочь и позаботился о ее воспитании. Ксению научили «писанию книжному» и чтению. Она получила музыкальное образование и пристрастилась к пению. Современников восхищали скромность царевны и чинность ее речей. Судя по их описаниям, она была настоящей русской красавицей. Подле стройной царевны Отрепьев казался маленьким уродцем. Нетрудно представить, какие чувства питала Ксения к человеку, который свел в могилу ее отца, убил мать и брата.

Несчастная судьба Ксении пробудила сочувствие к ней народа. При жизни Годуновой в Москве был записан «плач», полный жалости к погубленной сироте:

Сплачется мала птичка, белая перепелка:
Охти мне, молодой, горевати!
Сплачется на Москве царевна:
Охти мне, молодой, горевати!
Что едет к Москве изменник,
Ино Гришка Отрепьев расстрига,
Что хочет меня полонити,
А полонив меня, хочет постричи,
Чернеческий чин наложити!
Да хочет теремы ломати,
Меня хочет, царевну, поимати,
А на Устюжну на Железную отослати.
Меня хочет, царевну, постричи;
А в решетчатый ад засадити.
Ино охти мне горевати:
Как мне в темну келью ступати?!

Глава 16
БОЯРСКИЙ ЗАГОВОР

Отрепьев не принадлежал к числу загадочных авантюристов, унесших в могилу тайну своего происхождения. Его истинное имя было названо почти сразу после того, как он при-

нял имя Дмитрия. Минутная неуверенность властей, вызванная его фантастическими успехами, рассеялась, едва лишь столичный двор увидел Отрепьева вблизи. Самозванец велел доставить в Москву старца Леонида, которого он с успехом выдал за истинного Отрепьева в бытность свою в Путивле. Но в столице комедия с переодеванием провалилась. Тут было слишком много людей, знавших семью Отрепьева. Бродягу-старца Леонида спешно убрали с глаз долой. Некоторое время его держали в Ярославле, после чего он исчез.

Лжедмитрий постарался удалить из столицы свою подлинную родню, чтобы рассеять всякие подозрения насчет родства с Отрепьевыми. По этой причине воцарение Юрия обернулось большой бедой для всех его родных и близких. «Милостивый» государь возвел в конюшие мнимого дядю Нагого. А для родного дяди — Смирного-Отрепьева была уготована сибирская ссылка. Царь осыпал ласками мнимую мать, а родная жила в нужде в Галиче.

Самозванец тщетно пытался порвать нити, связывающие его с прошлым. Слишком многим в Москве была известна его характерная внешность. Слишком могущественные силы были заинтересованы в его разоблачении. Отрепьеву приходилось придумывать всевозможные уловки, чтобы вновь и вновь доказывать свое «истинное царское» происхождение. Одна из таких уловок и погубила его.

Благословение мнимой матери царицы Марфы помогло Лжедмитрию овладеть умами. Но «семейное» согласие оказалось не слишком длительным. Когда толки о самозванстве возобновились, царь задумал устроить новую инсценировку, чтобы воочию доказать народу, будто в Угличе погиб некий поповский сын, а вовсе не царевич. Отрепьев распорядился разорить могилу царевича в Угличе, а труп ребенка удалить из церкви прочь. Расстрига оказался плохим психологом. Его намерения оскорбили Марфу Нагую до глубины души. Она не захотела допустить надругательства над прахом единственного сына. Отрепьев стоял на своем. Тогда Марфа обратилась за помощью к боярам. Те поспешили отговорить Лжедмитрия от задуманного им дела. Но они ока-

зали услугу Марфе отнюдь не бескорыстно. Бояре сдернули с ее лица маску любящей матери и сделали ее орудием своих интриг. Вдова Грозного помогла заговорщикам установить контакт с польским двором.

Польский гетман Жолкевский сообщил в своих записках, что Марфа Нагая через некоего шведа подала королю весть о самозванстве царя. Можно установить имя шведа, исполнившего поручение Марфы и ее единомышленников. Им был Петр Петрей. Бояре выбрали его потому, что Петрей был лично известен Сигизмунду III и к тому же находился на царской службе в Москве. При свидании с Сигизмундом III Петрей заявил, что Лжедмитрий *«не тот, за кого себя выдает»*, и привел факты, доказывавшие самозванство царя. Швед рассказал королю о признании царицы Марфы, а также сослался на мнение посла Гонсевского, только что вернувшегося из Москвы и *«имевшего такие же правдивые и достоверные сведения о Гришке, как и сам Петрей»*.

Петрей имел свидание с Сигизмундом III в первых числах декабря 1605 года, когда король праздновал свадьбу с Констанцией. Сам Сигизмунд подтвердил, что именно в дни свадьбы московские бояре вступили с ним в переговоры насчет свержения Отрепьева.

Вскоре после Петрея в Краков прибыл царский гонец Иван Безобразов. Он должен был вручить Сигизмунду III грамоты московского царя. Кроме официального поручения ему предстояло выполнить секретное задание, которое он получил от бояр, тайных врагов Лжедмитрия. Любая огласка могла привести на эшафот и гонца, и его покровителей.

Безобразов был принят в королевском дворце и от имени своего государя испросил у Сигизмунда III «опасную» грамоту на проезд в Польшу московских великих послов. Грамота была вскоре изготовлена, но гонец, следуя инструкции, отказался ее принять из-за того, что в ней был пропущен императорский титул «Дмитрия». Перед отъездом московит, улучив момент, дал знать королю, что имеет особое поручение к нему от бояр Шуйских и Голицыных. Король доверил дело пану Гонсевскому. Его свидание с Безобразовым было окружено

глубокой тайной. Но ближайшие советники Сигизмунда получили своевременную информацию о переговорах. Гетман Станислав Жолкевский поведал о них миру в своих мемуарах. Устами Безобразова московские вельможи извещали короля о намерении избавиться от обманщика и предлагали царский трон сыну Сигизмунда Владиславу. Гонец говорил о царе в таких выражениях, которые поразили Гонсевского. Он укорял короля в том, что тот дал Москве в цари человека низкого и легкомысленного, жаловался на жестокость Лжедмитрия, его распутство и пристрастие к роскоши и под конец заключил, что обманщик не достоин Московского царства. Иван Безобразов не имел нужды прибегать к околичностям и дипломатии, так как бояре-заговорщики еще раньше установили прямой контакт с королем и успели оказать ему некоторые услуги. В конце XVI — начале XVII века в Москве и Кракове широко обсуждались проекты династической унии между Россией и Речью Посполитой. В 1606 году возникла реальная перспектива детронизации Сигизмунда III. Недовольные магнаты и шляхта готовились открыто выступить против его власти. В Польше циркулировали слухи о том, что «Дмитрий» готов поддержать польскую оппозицию, выделив крупные суммы денег либо послав в Польшу войско с одним из бояр Шуйских во главе. Если сведения насчет Шуйских заключают достоверное зерно, значит, бояре знали о планах Лжедмитрия и сами разжигали его честолюбивые мечты. Одновременно они предупредили обо всем Сигизмунда III и постарались убедить его в том, что Лжедмитрий намерен отобрать у него польскую корону. Если бояре старались лишить самозванца польской помощи, они вполне добились своей цели.

Сигизмунд III требовал от Лжедмитрия выполнения секретного договора о территориальных уступках, подписанного в Польше. Об этом вскоре узнали в Москве. Тогда Отрепьев использовал первый подходящий повод, чтобы отвести от себя подозрения. Шумный спор с королем из-за титулов должен был, как он полагал, успокоить бояр. Тайный католик, Лжедмитрий откровенно объяснил мотивы своих чрезмерных домогательств посланцу Ватикана. *«Пронесся слух,* — сказал он, — *что я обе-*

щал уступить несколько областей польскому королю. Крайне необходимо категорически опровергнуть это. Вот почему я настаиваю на моих титулах».

Клубок интриг запутался окончательно. Отрепьев не мог отдать королю русские земли, но не мог и отказаться от выполнения секретного договора с ним. Авантюрист оказался загнанным в угол. Низложение Сигизмунда III разом разрешило бы все его затруднения. В кругу польских советников Лжедмитрий охотно обсуждал новые блестящие перспективы. *«Будешь, Ваша царская милость, королем польским»*, — сказал ему однажды секретарь Ян Бучинский.

Вскоре Бучинский был послан с поручением в Краков. К своему величайшему смущению, там он узнал, что его слова стали известны королю. Сигизмунд был взбешен и через своих сановников дал понять Бучинскому, что не остановится перед разоблачением своего ставленника. На приеме в королевском дворце Бучинскому пришлось выслушать речь, полную угроз. Верный секретарь дословно передал предсказания воеводы Познаньского о близком разоблачении царя: *«По твоей, деи* (Лжедмитрия. — *Р. С.), той великой спеси и гордости подлинно тебя Бог сопхнет с столицы твоей, и надобе то указать всему свету в Москве самой, какой ты человек и что им хочешь сделати».*

Опасность вооруженного выступления оппозиции против короля приобретала все более реальный характер, и в марте 1606 года польские власти открыто обвинили вождей оппозиции в сговоре с внешними силами. Канцлер уведомил сейм, что враги короля предлагали царю «Дмитрию» польскую корону и ныне поддерживают с ним тайные сношения. Польские мятежники рассчитывали использовать помощь царя, чтобы лишить трона Сигизмунда III, а московские бояре-заговорщики искали соглашения с королем, чтобы свергнуть самозванца.

Душою заговора были князья Василий, Дмитрий и Иван Шуйские, бояре братья Голицыны, Михаил Скопин и Борис Татев, Михаил Татищев, окольничий Иван Крюк-Колычев, дети боярские Валуев и Воейков, московские купцы Мыль-

никовы и другие лица. В стане заговорщиков оказался и друг детских игр Отрепьева Иван Безобразов. В Путивле он помалкивал, благодаря чему вошел в милость к Лжедмитрию, в Москве же примкнул к Шуйским и стал одним из самых коварных противников самозванца.

Побывавший однажды в руках палача Василий Шуйский вел дело с величайшей осторожностью. Попытки развернуть агитацию против царя в народе могли привести к разоблачению заговорщиков. Поэтому они предпочитали иные средства.

В первых покушениях на жизнь Отрепьева участвовали чудовские монахи. С их кознями он столкнулся еще в Путивле. В Москве все повторилось заново. По словам Петра Петрея, один чудовский инок смущал народ, заявляя во всеуслышание, что на троне сидит беглый чернец Григорий, которого он сам учил грамоте. Его арестовали и подвергли допросу, но монах так и не отказался от своих слов. Тогда его утопили в Москве-реке вместе с несколькими другими чудовскими иноками. Польские источники излагали иную версию: один из злоумышленников якобы признался на пытке, что намеревался извести царя ядом. Дознание о покушении на жизнь царя проводилось в сентябре 1605 года. К заговору Шуйских оно не имело отношения, поскольку Шуйские еще не вернулись из ссылки.

Тайная казнь монахов нанесла немалый ущерб репутации Лжедмитрия. В начале 1606 года шведские дипломаты, получив из Москвы ложное известие о смерти царя, высказали предположение, что скорее всего его убили сами русские, так как «Дмитрий» исповедовал папистскую религию и вскоре после начала своего царствования велел казнить нескольких православных монахов.

В январе 1606 года по Москве распространился слух о новом покушении на жизнь государя. Глубокой ночью неизвестным лицам удалось пройти через все стрелецкие караулы и подобраться к царской спальне. Во дворце поднялась суматоха. Не успев как следует одеться, самозванец схватил оружие и в сопровождении двух стрелецких голов — Федора Брянцева и Ратмина Дурова — бросился искать злоумышленников.

Удалось схватить трех человек, но они ни в чем не признались, и их поспешили казнить.

Вскоре после этого события аресту подвергся дьяк Андрей Шерефединов. И. Масса утверждал, что дьяк, подкупленный боярами, подготовлял убийство царя. Более подробно обстоятельства дела изложил начальник дворцовой стражи Я. Маржарет. По подозрению в заговоре, писал Маржарет, был схвачен один секретарь или дьяк, его пытали в присутствии П. Ф. Басманова, но он не сознался и не выдал главу заговора, кем был, как позднее стало известно, Василий Шуйский.

Противники самозванца опасались разоблачения. Арест Шерефединова поверг их в ужас. Но дело за отсутствием улик было прекращено, а дьяка отправили в ссылку. Боярская дума была высшей инстанцией, расследовавшей государственные преступления. Поскольку некоторые из ее руководителей сами участвовали в заговоре, сыскное ведомство оказалось парализованным. Нити следствия, тянувшиеся вверх, мгновенно обрывались.

В страхе перед боярской жестокостью Иван IV организовал опричное войско. Лжедмитрий доверил охрану своей особы стрельцам, поставив во главе Стрелецкого приказа П. Ф. Басманова. Осведомленный очевидец И. Масса передает, что «Дмитрий» постоянно держал в Кремле две-три тысячи стрельцов, вооруженных длинными пищалями. Множившиеся слухи о боярском заговоре побудили царя усилить меры безопасности. С давних времен внутреннюю охрану дворца несли постельничий и дворяне-жильцы. Лжедмитрий вверил охрану царского дворца страже, составленной из наемных иноземных солдат. Капитан Домарацкий, некогда начинавший с «царевичем» московский поход, набрал сто человек в конную роту. Француз Яков Маржарет возглавил роту в сто солдат. Еще две роты были сформированы из немцев, живших в Иноземной слободе в Москве. Царь велел конфисковать несколько дворов на Арбате и в Чертолье у самых стен Кремля и поселил в них наемную гвардию. Отныне он мог вызвать охрану в любой час дня и ночи. Иноземная стража

охраняла внутренние покои дворца и сопровождала государя повсюду, куда бы он ни поехал.

Отрепьев не имел возможности навербовать в Москве сколько-нибудь значительное число наемников. Когда события приняли опасный оборот, он вспомнил о нареченной невесте Марине Мнишек и ее отце Юрии Мнишеке. Отправленный в Самбор Ян Бучинский собственноручно составил смету «свадебных» расходов: свыше ста тысяч злотых на уплату неотложных долгов Мнишека, сто тысяч на приданое невесте, по сто злотых задатка каждому жолнеру (сам секретарь вычеркнул слово *«жолнерам»* и заменил его словом *«приятелям»),* по пятьдесят — гайдукам и проч. Наемная пехота — жолнеры и гайдуки — таких необычных гостей пригласил на свадьбу Лжедмитрий. Бывший главнокомандующий самозванца Ю. Мнишек должен был навербовать и привести в Москву наемное войско, без которого царю трудно было усидеть на троне.

Сигизмунд III тщетно старался добиться от Лжедмитрия выполнения тайного договора. Однажды он велел принести в кабинет шкатулку с «кондициями», подписанными «царевичем» после посещения Вавеля. Королевский секретарь доложил о состоянии дел и сделал соответствующие пометы в тексте «кондиций». Итоги были неутешительными. Царь отказался передать Польше Чернигово-Северскую землю и Смоленск, хотя и обещал некую денежную компенсацию. Он не выполнил и других своих обещаний: не помог королю в войне со Швецией. Последний пункт «кондиций» заключал обязательство «царевича» жениться на подданной короля. Отрепьев согласился исполнить волю короля в этом пункте. В тексте «кондиций» появилась пометка: *«Хочет взять дочь воеводы Сандомирского».*

Чем затруднительнее становилось положение самозванца, тем больше нетерпения проявлял он в переговорах с будущим тестем.

Марина Мнишек не обладала ни красотой, ни женским обаянием. Живописцы, щедро оплаченные самборскими владельцами, немало постарались над тем, чтобы приукрасить ее

внешность. Но и на парадном портрете лицо будущей царицы выглядело не слишком привлекательным. Тонкие губы, обличавшие гордость и мстительность, вытянутое лицо, слишком длинный нос, не очень густые черные волосы, тщедушное тело и крошечный рост очень мало отвечали тогдашним представлениям о красоте. Подобно отцу, Марина Мнишек была склонна к авантюре, а в своей страсти к роскоши и мотовству она даже превзошла отца. Никто не может судить о подлинных чувствах невесты. Она умела писать, но за всю долгую разлуку с суженым ни разу не взяла в руки перо, чтобы излить ему свою душу.

Боярская дума и православное духовенство и слышать не желали о браке их царя с католической «девкой». Мнишек была во всех отношениях незавидной партией. Ее семье недоставало знатности. К тому же эта семья погрязла в долгах и давно стояла на пороге разорения.

Отрепьев полностью отстранил бояр и князей церкви от брачных переговоров. Он сделал своим сватом дьяка Афанасия Власьева, худородство которого не соответствовало характеру его миссии. Московское посольство, насчитывавшее триста человек, доставило в Польшу поистине царские подарки. Посол передал Юрию Мнишеку шубу с царского плеча, вороного коня в золотом уборе, драгоценное оружие, ковры и меха. Подарки невесте, выставленные в королевской резиденции, вызвали общее изумление. Тут был жемчужный корабль, несущийся по серебряным волнам (его оценивали в шестьдесят тысяч злотых), шкатулка в виде золотого вола, полная алмазов, перстни и кресты с каменьями, огромные жемчужины, золоченый слон с часами, снабженными музыкальным устройством и движущимися фигурками, ворох парчи и кружев.

В ноябре 1605 года в королевском замке в Кракове польская знать торжественно праздновала помолвку царя с Мнишек. Особу царя представлял дьяк Афанасий Власьев. Несмотря на внешнее великолепие, церемония прошла не гладко. Стоя подле католического алтаря в окружении худших еретиков, Власьев произнес приветственную речь жениха без

всякого воодушевления. Когда кардинал задал ему вопрос, не давал ли царь обещания другой женщине, дьяк, не моргнув глазом, заявил: *«А мне как знать: о том мне ничего не наказано!»* Ответ, вызвавший смешок в зале, не был следствием московского варварства. Власьев заслуженно считался знающим дипломатом. Своей выходкой дьяк выразил неодобрение затеи государя.

Юрий Мнишек слал будущему зятю письма с докучливыми просьбами насчет денег и погашения всевозможных долгов. В декабре 1605 года он узнал о связи царя с Ксенией Годуновой и немедленно обратился к нему с выговором. *«Поелику,* — писал он, — *известная царевна, Борисова дочь, близко вас находится, благоволите, вняв совету благоразумных людей, от себя ее отдалить»*. Самозванец не стал перечить тестю и пожертвовал красавицей Ксенией. Царевну постригли в монашки и спрятали от света в глухом монастыре на Белоозере.

Посланцы Лжедмитрия отвезли в Самбор двести тысяч злотых, а затем еще шесть тысяч золотых дублонов. Наемники требовали больших денег, и Мнишек разрывался на части. В Самборе спешно шили новые платья и собирали приданое, достойное царской невесты. Одновременно люди Мнишеков закупали большими партиями оружие и повсюду вербовали ландскнехтов. Денег не хватало, и Мнишеки заняли четырнадцать тысяч злотых у царских посланцев и набрали на двенадцать тысяч злотых мехов и сукон у московских купцов.

Родня Мнишека поддерживала тесные связи с оппозицией, подготовлявшей вооруженное выступление против короля и рассчитывавшей на помощь русского царя. Семья Мнишеков вела себя более чем двусмысленно, и Сигизмунд сделал все, чтобы эта семья могла возможно быстрее покинуть пределы Речи Посполитой. Король объявил об отсрочке в уплате долгов Юрия Мнишека и не препятствовал сборам его армии. Вместе с Мнишеком Польшу покинули многие шляхтичи и безработные ландскнехты, которые едва ли остались бы в стороне от назревавшего мятежа.

2 мая 1606 года царская невеста со свитой прибыла в Москву. Жители не могли отделаться от впечатления, что в их го-

род вступила армия, а не свадебная процессия. Впереди следовала пехота с ружьями. За ней ехали всадники, с ног до головы закованные в железные панцири, с копьями и мечами. По улицам Москвы горделиво гарцевали те самые гусары, которые сопровождали самозванца в самом начале его московского похода. За каретой Марины следовали шляхтичи в нарядных платьях. Их сопровождали толпы вооруженных слуг. За войском следовал обоз. Гостям услужливо показали дворы, где им предстояло остановиться. Обозные повозки одна за другой исчезали в боковых переулочках и за воротами дворов. Москвичи были окончательно сбиты с толку, когда прислуга принялась разгружать скарб: вместе с сундучками и узлами гайдуки выгружали из фур ружья и охапками вносили их наверх.

Лжедмитрий чувствовал, что трон его шаток, и инстинктивно ждал спасения от тех, кто некогда помог ему расправить крылья и взлететь. Доносы поступали во дворец со всех сторон, и Отрепьеву не приходилось выбирать. Он пытался начать сначала ту рискованную игру, в которой ставкой была его власть и нечто большее — его голова.

Глава 17
ГИБЕЛЬ САМОЗВАНЦА

Православные святители не забыли, как предавали анафеме злого расстригу и еретика. Увидев самозванца вблизи, они не избавились от старых подозрений. Лжедмитрий не решился оставить подле себя никого из своих друзей-католиков. Зато его ближними советниками стали протестанты братья Бучинские. Иезуитам царь предоставил обширное помещение для богослужения, а кроме того, он время от времени тайно приглашал их к себе на совещания в Кремль. Окруженный всеми атрибутами призрачного могущества, царь горько жаловался им на свое одиночество.

До поры до времени церковники прощали самозванцу его подозрительные связи с католиками и протестантами. Но они окончательно прониклись недоверием к царю, когда тот решил поправить за счет церкви свои финансовые дела. У Иосифо-Волоколамского монастыря он взял три тысячи рублей, у Кирилло-Белозерского — пять тысяч. С мелких монастырей, которых было великое множество, трудно было получить такие суммы. Зато из казны крупнейшего в стране Троице-Сергиева монастыря Лжедмитрий заимствовал тридцать тысяч рублей. Духовенство опасалось, что такого рода займы были лишь началом. В самом деле, в кругу польских советников-протестантов Отрепьев охотно обсуждал проекты частичной секуляризации доходов церкви и обращения их на нужды казны и дворянства. Подобного рода меры, без сомнения, нашли бы поддержку среди скудеющего дворянства, с жадностью взиравшего на несметные богатства монастырей.

Помолвка царя с Мариной Мнишек подлила масла в огонь. Фанатики честили царскую невесту как еретичку и язычницу. Казанский архиепископ Гермоген требовал вторичного крещения польской «девки». Но патриарх Игнатий не поддержал его. В угоду царю льстивый грек соглашался ограничиться церемонией миропомазания, которая должна была сойти за отречение от католичества. Лжедмитрию удалось сломить сопротивление духовенства. 10 января 1606 года близкие к нему иезуиты сообщили, что противники царского брака подверглись наказанию, но никто из них не предан казни. Лжедмитрий сам поведал об этом вернувшемуся из Польши Бучинскому в таких выражениях: *«Кто из архиепископов начали было выговаривать мне, упрямиться, отказывать в благословении брака, и я их поразослал, и ныне никаков человек не смеет слова молвить и во всем волю мою творят»*. Первым наказанию подвергся неугомонный Гермоген. Архиепископа отослали в его епархию в Казань и там заключили в монастырь. Церковная оппозиция приумолкла, но ненадолго. Агитация против самозванца не прекращалась. Ее исподволь разжигали бояре-заговорщики, князья церкви и монахи. Дело дошло до того, что юродивая старица Елена стала предсказывать царю смерть

на брачном пиру. Лжедмитрию тотчас сообщили о ее пророчестве. Но он посмеялся над ним.

В Путивле самозванец с успехом мистифицировал немногочисленное население и ратных людей. Будучи на троне, он попытался обмануть весь народ. Эта задача оказалась несравненно более трудной. Опасность положения Отрепьева заключалась в том, что его самозванство перестало быть тайной как для его противников, так и для приверженцев. О самозванстве «Дмитрия» толковали как в России, так и за рубежом.

Некогда изменники братья Хрипуновы, сбежавшие в Литву, первыми «вызнали» в беглом монахе Дмитрия. После воцарения Отрепьева Хрипунов вернулся в Россию. На границе он встретил давнего знакомого — капитана С. Боршу, проделавшего с «царевичем» путь от Путивля до Москвы. Взяв с Борши клятву молчать, Хрипунов сообщил ему, что в Москве уже дознались, что царь — не истинный Дмитрий, и скоро с ним поступят как с самозванцем. Подобные разговоры велись не только в дорожных трактирах, на улицах, но и во дворце, в покоях ближайших сподвижников царя. Однажды после дружеской попойки царский телохранитель Конрад Буссов задержался в доме у Петра Басманова. Гости разошлись, и, оставшись наедине с хозяином, немец спросил его, действительно ли царского происхождения их государь. Басманов ответил: *«Молись за него, хотя он и не сын царя Ивана Васильевича, все же теперь он нам государь...»*

Самозванец еще сидел на троне, а его знатные противники готовы были перессориться из-за того, кто наследует корону. Из дипломатических соображений бояре подумывали о том, чтобы преподнести шапку Мономаха Владиславу. Кандидатура принца могла предотвратить раскол, который неизбежно привел бы к крушению заговора. Но католический принц удовлетворял далеко не всех московитов. Противники Владислава вспомнили о царе Симеоне Бекбулатовиче, некогда посаженном на московский трон по воле самого Грозного. Толки насчет Симеона достигли дворца, и Отрепьев счел благоразумным покончить с мирской карьерой крещеного хана.

25 марта 1606 года Симеона постригли в монахи и увезли под стражей в Кириллов монастырь на Белоозеро.

В московском гарнизоне числилось несколько тысяч стрельцов. Пока эти стрельцы, охранявшие Кремль, были преданы царю, заговорщики не могли рассчитывать на успех. Однако к началу марта 1606 года среди кремлевских стрельцов была замечена «шатость». Многие открыто толковали, что царь — не истинный Дмитрий. Когда разговоры дошли до слуха Басманова, тот тайно учинил розыск. Семеро стрельцов были взяты под стражу. Обычно власти избавлялись от «изменников» без лишней огласки. На этот раз царь решил устроить показательный суд. В назначенный день стрельцы получили приказ собраться в Кремле без оружия. Государь появился перед ними в окружении немецкой стражи. Он вновь в который раз повторил затверженную речь о своем чудесном спасении и спросил, есть ли у них доказательства, что он не истинный царь. Много раз слышанные слова не производили прежнего впечатления. Однако все насторожились, когда самодержец предложил присутствующим открыто высказать причины недоверия к нему.

Наказание всех причастных к тайной агитации привело бы к массовым казням стрельцов. Самозванец не решился на такую меру, опасаясь лишиться военной опоры, и ограничился тем, что выдал семерых смутьянов на расправу их товарищам. Думный дворянин Григорий Микулин подал знак верным стрельцам, и осужденные были растерзаны вмиг. Трупы казненных провезли в открытой телеге по всему городу для устрашения заговорщиков. Столичное население по-разному реагировало на страшную казнь. Простой народ негодовал на изменников, предавших «доброго» царя. Противники самозванца на время притихли.

Политические настроения в стране были достаточно сложными. Даже те социальные прослойки и группы, которые ранее выступали на стороне Лжедмитрия, все больше обнаруживали свою ненадежность. Весной 1605 года яицкие казаки отправились в разбойный поход в Среднюю Азию, не откликнувшись на призыв Лжедмитрия оказать ему помощь.

Тогда же на Тереке появился новый самозванец, принявший имя царевича Петра. Среди терских казаков, затеявших интригу, было немало ветеранов московского похода Лжедмитрия I. Они открыто досадовали на «лихих бояр», по настоянию которых «добрый царь» рассчитал ветеранов, проливших за него кровь, и отправил их из столицы по домам. Собрав круг, терские казаки решили идти в поход на Волгу. Их отряд в несколько сот человек перешел с Терека в устье Волги и, пройдя мимо Астрахани, устремился к Царицыну. Терским атаманам не приходилось заботиться о пополнении своих сил. «Черный» народ толпами стекался к ним со всех сторон. Повстанцы заняли три волжских городка и забрали найденные там пушки. Они упорно продвигались вверх по Волге на север, громя по пути купеческие караваны. Вскоре под знаменами «Петра» собралось до четырех тысяч человек.

Повстанцы отправили гонцов в Москву с письмом к «Дмитрию». В летописи поздней редакции содержится малодостоверное известие о том, что Петрушка *«писал ростриге, претя ему нашествием своим ратию, да не медля снидет с царского престола»*. На самом деле, как справедливо отметил В. И. Корецкий, переписка повстанцев с Лжедмитрием носила в целом дружественный характер.

Отношение бояр и Лжедмитрия к восставшим было неодинаковым. Знать не сомневалась в том, что казаки готовы посчитаться с «лихими» боярами, из-за которых они «избыли» царской службы и жалованья. Отрепьев длительное время сам возглавлял повстанческое движение и на этот раз рассчитывал повернуть его в нужное русло. В конце апреля 1606 года Лжедмитрий послал к «Петру» доверенного дворянина Третьяка Юрлова с письмом. По словам С. Немоевского, он определенно признал «царевича» своим племянником и пригласил его в Москву, обещая владения. Скорее всего, пишет Немоевский, Лжедмитрий хотел заполучить в свои руки нового самозванца, опасаясь от него затруднений, а может быть, царь намерен был хорошо с ним обойтись. Я. Маржарет излагает содержание письма несколько иначе. По его словам, «Дмитрий» с некоторой уклончивостью писал казацкому «ца-

ревичу», что если он — сын его брата Федора, то пусть будет желанным гостем; если же он не истинный, то пусть удалится прочь. К грамоте прилагалась подорожная, предписывавшая выдавать «царевичу Петру» корм на всем пути в Москву. Сам «Петр» изложил смысл царского обращения к нему следующим образом: *«Из-под Астрахани казаки пошли вверх Волгою к Гришке ростриге* [ко] *двору и дошли до Самары, и тут-де их встретили от ростриги под Самарою с грамотою, и Третьяк Юрлов велел им идти к Москве наспех»*.

Неверно было бы заключить, что вольные казаки и приставшая к ним чернь изверились в Лжедмитрии к концу его недолгого правления. Повстанцы рассчитывали найти общий язык с московским государем даже после того, как выдвинули из своей среды нового самозванца. Но восставшие готовы были посчитаться с «лихими» боярами. Последнее обстоятельство дало повод московским властям обвинить Лжедмитрия (после его смерти) в том, что тот *«сам вызвал человека* (нового самозванца Петрушку. — *Р. С.), который в крайней нужде мог оказать ему помощь»*, после того как *«со множеством казаков явился на Волге»*.

Восстание на Волге показало, сколь неопределенными и изменчивыми были настроения низов. Идея «доброго царя» не утратила власти над умами, но ее персонификация могла измениться в любой момент.

Тем временем отношения между Россией и Речью Посполитой все больше осложнялись. Сигизмунд III окончательно утратил доверие к своему ставленнику в Москве. Принятие Лжедмитрием императорского титула, намного превосходившего королевский, переполнило чашу его терпения. В Польше все чаще говорили, что московский царь намерен завладеть польской короной. Чтобы предупредить опасность, Сигизмунд направил в Москву с посольством Александра Гонсевского. Будучи в Кракове, Гонсевский вел строго секретные переговоры с гонцами московских бояр-заговорщиков Шуйских и Голицыных. Когда Гонсевский прибыл в русскую столицу, ничто не мешало ему установить прямой контакт с руководителями заговора. На приеме в Кремле польские послы под-

вергли царя неслыханному унижению. Сигизмунд приказал именовать «Дмитрия» великим князем, отказав недавнему протеже не только в императорском, но и в царском титуле. Королевский демарш ободрил заговорщиков и побудил их поспешить с исполнением своих планов. Захватив трон, Отрепьев не упускал случая указать боярам на свои особые отношения с повелителем могущественного соседнего государства. На приеме в Кремле послы нанесли Лжедмитрию хорошо рассчитанный удар. Шаткий трон лишился еще одной подпорки. Знать, теснившаяся в дворцовых палатах, едва скрывала свои подлинные чувства. Заговорщики не сомневались более в том, что в случае переворота Сигизмунд не окажет «Дмитрию» никакой поддержки.

Самозванец принужден был проглотить оскорбление. Через несколько дней он пригласил на частную аудиенцию одного из своих друзей иезуитов и заявил ему, что под царскими знаменами в Ельце стоит сто тысяч человек и достаточно его знака, чтобы армия обрушилась на неприятеля; он сам еще не решил, направить ли эту армию против турок или против кого-нибудь другого. Без всякой паузы Лжедмитрий тут же стал жаловаться на обиды, нанесенные ему польским королем. Он не сомневался, что его слова немедленно будут переданы по назначению.

Прибытие Мнишека с воинством ободрило Лжедмитрия. Но успех связан был с такими политическими издержками, которые далеко перекрыли все ожидавшиеся выгоды. Брак Отрепьева с Мариной, заключенный вопреки воле Боярской думы и духовенства, окончательно осложнил положение.

Царскую свадьбу предполагалось отпраздновать в воскресенье 4 мая 1606 года. Но в назначенный день свадьба не состоялась. Духовенству и ближним боярам понадобилось еще несколько дней, чтобы выработать приемлемую процедуру венчания Марины Мнишек с царем и ее коронации. Втайне жених просил у папы римского разрешение на миропомазание и причащение Марины по православному обряду. Без подобного акта Мнишек не могла стать московской царицей. Ватикан отвечал царю решительным отказом. Опасаясь скан-

дала в церкви, Отрепьев решил соединить церемонии свадьбы и коронации воедино. Православное духовенство и дума согласились исполнить его волю лишь после долгих препирательств и споров.

Свадьбу отпраздновали 8 мая 1606 года во дворце. Поутру молодых привели в столовую избу, где придворный протопоп Федор торжественно обручил их. В Грановитой палате князь Шуйский кратко приветствовал невесту, и обрученных проводили в Успенский собор. Патриарх торжественно короновал Марину, предварительно совершив обряд миропомазания. К великому смущению русских, царица не взяла причастия, как того требовала утвержденная думой процедура. Многие присутствующие не могли скрыть замешательства и негодования. Среди гостей прошел ропот. Коронация Марины в Успенском соборе явилась неслыханным нарушением всех норм и приличий. Православным царицам даже многолетие стали петь лишь со времен Годунова. Но и такое безобидное новшество современники воспринимали как неслыханное бесстыдство. Отказ Марины принять причастие возмутил православных. Зато послы и польские гости были удовлетворены. Едва коронация кончилась, как дьяки под разными предлогами выставили послов и иноземцев из церкви и заперли двери за их спиной. Как только нежелательные свидетели удалились, патриарх обвенчал царя с Мнишек по православному обряду. Польские дамы, задержавшиеся подле невесты, со смехом описывали мужьям, как молодые приняли от патриарха вместе с благословением по кусочку хлеба и глотку вина. Присутствующие приветствовали обращение царицы в православную веру. В тот день Марина показала себя достойной ученицей иезуитов. Невзирая на запрет Ватикана, она приняла православное причастие без тени смущения или колебания. Вероотступничество не слишком тревожило Мнишек. Куда больше ее занимало, хороша ли она в русском платье, в которое обрядили ее по настоянию бояр.

Вельможи давно уже знали, что за птица был их государь. Но они все еще усердно разыгрывали свои роли. Стоило Гришке кивком подать знак Василию Шуйскому, и тот раболепно

склонялся к трону, чтобы удобнее устроить на скамеечке его ноги, не достававшие до пола. Могущество «непобедимого» монарха было, однако, призрачно. Историческая драма давно превратилась в фарс. Бояре свысока взирали на низкорослую пару, не имевшую и тени законных прав на престол и тщившуюся изобразить величие. Хотя образа висели невысоко, молодые не могли приложиться к ним, и слугам пришлось расставить скамеечки под иконами.

Бояре не без умысла перенесли свадьбу с воскресенья на четверг. Пятница приходилась на Николин день, один из самых почитаемых православных праздников. Самозванцу трудно было остановиться. Махнув рукой на приличия, он затеял брачный пир в неподобающее время.

К великому негодованию московской знати, царь усадил за свадебный стол прибывших из Польши солдат и папскую челядь. Гусарам была оказана особая честь. Посреди пира Отрепьев объявил, что пожалует каждому из них по сто рублей денег. Сидевшие за столом бояре с трудом скрывали свое раздражение. Они-то знали, что царская казна давно пуста.

На царской свадьбе все было непривычно для русского взора. Бояр и лиц духовного сана шокировали наряды царицы. Дворцовые портные старались изо всех сил, чтобы угодить царице Марине. Но сшитое ими русское платье пришлось ей не по вкусу. Мнишек сбросила его тотчас после венчания и надела привычное платье. Она нисколько не заботилась о том, что скажут о ней москвичи. Толпа с жадным любопытством разглядывала государыню в те недолгие минуты, когда она покидала дворец. Марина нисколько не походила ни на прежних цариц, ни на знатных московских боярынь.

Невзирая на злобное шипение монахов, народ встретил новую царицу достаточно дружелюбно. В день свадьбы большая толпа москвичей собралась под окнами дворца и стала громко рукоплескать Марине, приглашая ее выйти на крыльцо. Но новобрачной было не до москвичей. Она не желала оторваться для них от утех даже на минуту. Следуя ее наставлению, Лжедмитрий выслал к народу придворных с приказом, чтобы не смели более орать.

Юрий Мнишек привел с собой несколько отрядов гусар, с которыми самозванец начинал свою военную кампанию. Наемники рассматривали поход как второе завоевание Москвы. Отрепьев разместил воинство Мнишека на постой во дворах богатых купцов, епископов и дворян. Солдаты не церемонились с хозяевами, уповая на покровительство царя. Свадебные пиршества сопровождались множеством уличных инцидентов. Подвыпившие наемники затевали уличные драки, бесчестили женщин, пускали в ход оружие, если встречали сопротивление. Об этих безобразиях пишут одинаково и русские и польские очевидцы. Бесчинства наемных солдат вызывали крайнее возмущение столичных жителей. Восстание против чужеземцев могло вспыхнуть в любой момент.

Начиная с 12 мая положение в столице стало критическим. По словам К. Буссова, с этого дня в народе открыто стали говорить, что царь — поганый, что он — некрещеный иноземец, не праздновал Святого Николая, не усерден в посещении церкви, ест нечистую пищу, оскверняет московские святыни. Как утверждал И. Масса, в ночь на 15 мая несколько тысяч стояли под оружием, готовясь осуществить задуманный план переворота, но, заметив, что все открыто, они устрашились, притихли и спрятали оружие.

Приведенное свидетельство не заслуживает доверия. Заговор, организованный боярской верхушкой, носил строго конспиративный характер, и число его участников было невелико. Не могло быть и речи о тысячах вооруженных людей, якобы собранных заговорщиками под свои знамена за несколько дней до переворота. Иезуиты, находившиеся в Москве в те дни, с полным основанием утверждали, что Шуйские привлекли на свою сторону бояр, но *«между народом имели очень мало соучастников»*. Назревавшее в столице народное восстание не угрожало непосредственно власти Лжедмитрия, поскольку возмущение и гнев москвичей вызывал не сам царь, а иноземное наемное воинство. Цели народа и бояр, планировавших убийство самозванца, явно не совпадали. Тем не менее бояре рассчитывали в нужный момент использовать выступления посадских людей.

Вскоре после свадьбы царь задумал развлечься военными играми. С этой целью его потешная крепость была заблаговременно отправлена в Котлы. Для проведения стрельб Лжедмитрий велел наряд *«волочити за город»*, после чего *«весь наряд большой, и середней, и городовой, и полковой»* сняли со стен и вывезли в поле. За потехами угадывались более серьезные цели. Лжедмитрий намерен был идти с полками на Елец, а оттуда к Азову, со всей артиллерией и «гуляй-городом». Заговорщики попытались обратить военные приготовления Лжедмитрия против него самого. Повсюду распустили слух, будто на играх «литва» намерена перебить бояр.

Первые крупные волнения в Москве произошли 14 мая. В тот день вечером гайдук Вишневецкого избил посадского человека и скрылся за воротами. Народ осадил двор и потребовал от Вишневецкого выдачи виновного. К ночи подле двора собралось до четырех тысяч человек. Посадские грозили разнести хоромы в щепы. Всю ночь возмущенные толпы москвичей заполняли площади и улицы столицы.

С аналогичной ситуацией Лжедмитрий уже сталкивался в дни после своей коронации, и тогда ему сравнительно легко удалось справиться с народными волнениями. Не сомневаясь в преданности народа, самозванец тем не менее принял все необходимые военные меры. Он удвоил караулы в Кремле и поднял по тревоге несколько тысяч стрельцов. Польские роты бодрствовали всю ночь, не выпуская из рук оружия. Время от времени они палили в воздух, надеясь удержать москвичей от выступления.

На другой день в Москве воцарилась зловещая тишина. Торговцы отказывались продавать иноземцам порох и свинец. Вечером несколько гайдуков остановили колымагу и вытащили оттуда боярыню. Народ немедленно бросился отбивать женщину. В городе ударили в набат. 16 мая царю вручили жалобу на лиц, повинных в бесчестье боярыни, но дело так и не было решено.

В сочинениях современников можно прочесть, что Лжедмитрий проявил редкую беспечность и легкомыслие, запретив принимать от народа доносы и пригрозив доносчикам на-

казанием. В действительности все обстояло иначе. Бесчинства шляхты привели к тому, что царская канцелярия оказалась завалена жалобами москвичей на «рыцарство» и встречными жалобами солдат. Запрет принимать челобитные имел в виду прежде всего эти жалобы. Что касается дел об оскорблении царя, их разбирали без всякого промедления. Лжедмитрий получил власть из рук восставших москвичей менее чем за год до описываемых событий. Неудивительно, что он не допускал и мысли о выступлении столичного населения против него самого. Все внимание самозванца сосредоточилось на том, чтобы удержать народ от выступления против наемного войска. Можно заметить, что прямая открытая агитация против царя имела не слишком большой успех в народе, тогда как насилия со стороны солдат Мнишека вызывали мгновенный отпор населения. Описывая поимку на рыночной площади одного из тех, кто открыто агитировал против расстриги, телохранитель К. Буссов ни словом не обмолвился о попытках народа отбить его у немцев из личной охраны царя. Когда Лжедмитрию донесли о случившемся, он приказал пытать арестованного. Но бояре, руководившие допросом, донесли ему, что смутьян болтал, будучи пьян и скудоумен, теперь же, протрезвев, он ничего сказать не может.

Бояре вели хитроумную игру. Они били в набат, чтобы отвлечь внимание самозванца от подлинной опасности, грозившей ему со стороны заговорщиков. В конце концов П. Басманов и сыскное ведомство сосредоточили все усилия на охране поляков и предотвращении столкновений между москвичами и наемниками.

В течение четырех дней Лжедмитрий получил несколько предостережений от капитанов, командовавших придворной стражей. 16 мая один служилый немец, оказавшись подле государя, когда тот осматривал лошадей на Конюшенном дворе, подал ему записку с предупреждением о том, что изменники выступят на следующий день, 17 мая. Вскоре во дворец явились братья Стадницкие с аналогичным предупреждением. Поскольку Стадницкие заявили, будто москвичи *«собираются напасть на великого князя и поляков»*, секретари откло-

нили их представление и объявили, что народ предан государю. Вслед за Стадницкими ко двору явился Мнишек. Среди московских жителей у Лжедмитрия было много доброхотов. Не имея доступа к царю, они пытались действовать через царского тестя. Оставшись наедине с зятем, Мнишек передал ему донос, поступивший от его солдат, а перед уходом вручил сотни челобитных от москвичей.

Самозванец был убежден, что главная опасность грозит не ему, а полякам. Он укорял Мнишека в малодушии, отвергал любые сомнения в преданности народа, а под конец заявил, что если кто и посмеет выступить против него, то в его власти *«всех в один день лишить жизни»*. Отрепьев привык к риску. И на этот раз он надеялся перехитрить судьбу. Однако бравада не могла скрыть от окружающих его подлинных чувств. В дни свадебных пиршеств самозванец был угрюм и подавлен, по временам его страх прорывался наружу припадками беспричинного раздражения и гнева.

Постаравшись убедить Мнишека в отсутствии поводов к беспокойству, Лжедмитрий тут же отдал приказ о чрезвычайных военных мерах. Басманов поднял на ноги стрельцов и расставил усиленные караулы в тех местах города, где можно было ожидать нападения народа на солдат Мнишека. В Кремле было введено чрезвычайное положение. Стража получила приказ убивать на месте любых подозрительных лиц, которые попытались бы проникнуть внутрь Кремля. В ночь на 16 мая люди Басманова захватили шесть «шпионов». Трое были убиты на месте, трое замучены пытками. Басманов действовал с исключительной жестокостью, потому что власти получили точные доказательства существования заговора. К несчастью для себя, Отрепьев даже не подозревал, что в заговоре участвовала его названая мать, которую он освободил из монастырского заточения и осыпал неслыханными милостями, а также другие любимцы, вроде Василия Голицына. Готовясь нанести царю смертельный удар, бояре бессовестно пресмыкались у его ног и старались усыпить все его подозрения.

Опасаясь выдать себя неосторожными действиями, заговорщики не решались развернуть в народе широкую агита-

цию против Лжедмитрия. Они несколько раз откладывали сроки переворота, поскольку не были уверены в том, как поведет себя население. В конце концов они решили выступить под маской сторонников царя, чтобы подтолкнуть народ к восстанию против иноземного наемного войска. Планы Шуйских отличались вероломством. Бросив в толпу клич: «Поляки бьют государя!» — заговорщики намеревались спровоцировать уличные беспорядки, нейтрализовать силы, поддерживавшие Лжедмитрия, а тем временем проникнуть во дворец и убить самозванца.

Готовясь к войне за Азов, Лжедмитрий выслал на южную границу воеводу Шереметева с войском. Одновременно в Москву были вызваны новгородские дворяне. Они расположились лагерем в миле от города. Численность новгородцев, по польским данным, превышала восемнадцать тысяч человек. В действительности их было не более одной-двух тысяч. Но и в этом случае они представляли серьезную силу. Бояре не могли осуществить своих замыслов, не имея в своем распоряжении хотя бы несколько сотен вооруженных бойцов. И польские и русские источники одинаково свидетельствуют о том, что Шуйским удалось втянуть в заговор новгородцев. В дни мятежа под Кромами новгородцы отказались перейти на сторону Лжедмитрия. Шуйские учли это обстоятельство. Надо заметить, что подготовленный боярами переворот мало походил на мятеж под Кромами. Столичный гарнизон и дворянское ополчение в целом оставались в стороне от заговора. Под покровом ночи бояре впустили в город через крепостные ворота своих сообщников из числа новгородских помещиков. В решающий момент при штурме царского дворца в распоряжении заговорщиков оказалось около двухсот — трехсот дворян. Они и осуществили дворцовый переворот.

На рассвете Шуйские, собрав у себя на подворье участников заговора, двинулись через Красную площадь к Кремлю. Бояре приурочили свои действия к моменту, когда во дворце происходила смена ночного караула. По слухам, Яков Маржарет был посвящен в планы заговорщиков и сам отвел от царских покоев внешнюю стражу. Поводом для таких слухов по-

служило то, что командир первой дворцовой роты по болезни не явился во дворец. Во внутренних покоях оставалось не более тридцати человек стражи. К тому времени стрельцы, стоявшие на карауле у польских казарм, закончили ночное дежурство и были распущены по домам.

По обыкновению, Отрепьев встал на заре. Басманов, ночевавший во внутренних покоях, доложил, что ночь прошла спокойно. На Красном крыльце государя поджидал дьяк Власьев. Поговорив с ним, Лжедмитрий ушел в покои, не заметив ничего подозрительного. Стрелецкие караулы несли стражу по всему Кремлю. Они не выказали никакой тревоги, когда в Фроловских воротах появились главные бояре — братья Шуйские и Голицыны, хорошо известные им в лицо. За боярами в ворота ворвались вооруженные заговорщики. Их нападение застало стрельцов врасплох. Стража бежала, не оказав сопротивления. Завладев воротами, Шуйский и Голицын велели бить в колокола и поднимать на ноги посад. Не полагаясь на сообщников, Василий Шуйский во весь опор поскакал через Красную площадь к торговым рядам. Горожане спозаранку спешили за продуктами, и на рынке собралась уже немалая толпа. По приказу Шуйского ударили в колокола в Ильинской церкви, потом зазвонили в торговых рядах. Заслышав набат, Лжедмитрий послал Басманова спросить, отчего поднялся шум. Дмитрий Шуйский и другие бояре, с утра не спускавшие глаз с самозванца, отвечали ему, что в городе, верно, начался пожар.

Между тем звон нарастал. По всему городу забили в «набаты градские», затем ударили в колокола в Успенском соборе. Повсюду слышались крики: «Горит Кремль! В Кремль, в Кремль!» Горожане со всех сторон спешили на Красную площадь. Шум поднял на ноги не одних только противников самозванца. Схватив оружие, ко дворцу бросилась «литва». Роты, стоявшие поблизости от Кремля, выступили в боевом порядке с развернутыми знаменами. Лихая атака еще могла выручить самозванца из беды. Но бояре успели предупредить опасность. Они обратились к народу, призывая его бить поганых «латынян», постоять за православную веру. С площади во все

стороны поскакали глашатаи, кричавшие во всю глотку: «Братья, поляки хотят убить царя и бояр, не пускайте их в Кремль!» Призывы пали на подготовленную почву. Толпа бросилась на шляхтичей и их челядь. Улицы, ведущие к Кремлю, были завалены бревнами и рогатками. Разбушевавшаяся стихия парализовала попытки «литвы» оказать помощь гибнущему Лжедмитрию. Наемные роты свернули знамена и отступили в свои казармы.

Во дворце события развивались своим чередом. На рассвете, повествуют русские сказания, в царские хоромы явился дьяк Тимофей Осипов, перед тем причастившийся как человек, идущий на смерть. Защитник православия совершил подвиг, обличив царя как расстригу Гришку Отрепьева, еретика и чародея. Эту легенду, призванную освятить мятеж авторитетом человека почти что святой жизни, сочинили сами заговорщики. С их слов ее записал также и Исаак Масса. Но в этой легенде слишком много несообразностей.

Глава заговора Василий Шуйский был человеком трезвым и практичным. Он меньше всего заботился о театральных эффектах в деле, из-за которого мог лишиться головы. Совершенно очевидно, что известный столичному населению дьяк принес бы гораздо больше пользы, обличая самозванца перед народом на площади, чем в спальных хоромах, оказавшись с глазу на глаз с царем. Из всего этого можно сделать лишь один вывод: Осипов проник в спальню царя с более серьезными намерениями, нежели словесные обличения. Как видно, заговорщики, располагая небольшими силами, не были уверены, что им сразу удастся сломить сопротивление дворцовой стражи. Поэтому они и разработали запасной план действий, выполнить который взялся Осипов. Дьяк должен был потихоньку пробраться в царскую спальню и убить там Лжедмитрия еще до того, как начнется общий штурм дворца. Осипову удалось выполнить только первую часть плана. Как повествует один из царских телохранителей, злоумышленник проник через все караулы (а всего во дворце было пять дверей с караулами) и добрался до спальни, но тут был убит Басмановым. Судя по разным источникам, Осипов успел выбранить царя,

назвав его недоноском. По русским источникам, он произнес целую речь против еретика и расстриги. На самом деле у него попросту не было времени для такой речи.

Прикончив Осипова, Басманов тут же велел выбросить его труп из окна на площадь. Дьяк вел праведную жизнь, и в народе о нем шла добрая молва. Кровавая расправа во дворце не оставила безучастной толпу, собравшуюся на площади.

Шум на площади усилился, и Лжедмитрий вновь послал Басманова узнать, что происходит. Вернувшись, тот сообщил, что народ требует к себе царя. Самозванец не отважился выйти на крыльцо, но с бердышем в руках высунулся в окно и, потрясая оружием, крикнул: «Я вам не Борис!» В ответ раздалось несколько выстрелов, и Лжедмитрий поспешно отошел от окна.

Басманов пытался спасти положение. Выйдя на Красное крыльцо, где собрались все бояре, он принялся именем царя увещать народ успокоиться и разойтись. Наступил критический момент. Многие люди прибежали ко дворцу, ничего не ведая о заговоре. Тут же находилось немало стрельцов, готовых послушать своего командира. Заговорщики заметили в толпе неуверенность и поспешили положить конец затянувшейся игре. Подойдя сзади к Басманову, Татищев ударил его кинжалом. Другие заговорщики сбросили дергающееся тело с крыльца на площадь. Расправа послужила сигналом к штурму дворца. Толпа ворвалась в сени и обезоружила копейщиков. Отрепьев заперся во внутренних покоях с пятнадцатью немцами. Шум нарастал. Двери трещали под ударами нападавших. Самозванец рвал на себе волосы. Наконец он бросил оружие и пустился наутек. Подле покоев Марины Отрепьев успел крикнуть: «Сердце мое, измена!» Струсивший царь даже не пытался спасти жену. Из парадных покоев он бежал в баньку (ванную комнату, как называли ее иностранцы). Воспользовавшись затем потайными ходами, самозванец покинул дворец и перебрался, по словам К. Буссова, в «каменный зал». Русские источники уточняют, что царь попал в каменные палаты на «взрубе». Палаты располагались высоко над землей. Но Отрепьеву не приходилось выбирать.

Он прыгнул из окна с высоты около двадцати локтей (К. Буссов считал, что окно располагалось на высоте пятнадцати сажен). Обычно ловкий Отрепьев на этот раз мешком рухнул на землю, вывихнул ногу и потерял сознание. Неподалеку от каменных палат стражу в воротах несли верные Лжедмитрию караулы. По словам поляков, царь на его удачу попал в руки «украинских стрельцов», т. е. приведенных с Северской Украины повстанцев, принятых на службу в дворцовую охрану. Фортуна в последний раз повернулась лицом к самозванцу. Придя в себя, Лжедмитрий стал умолять стрельцов «оборонить» его от Шуйских. Слова самозванца обнаруживают, что он знал точно, с какой стороны придет удар. Подняв царя с земли, стрельцы внесли его в ближайшие хоромы. Между тем мятежники, не обнаружив Лжедмитрия во дворце, принялись искать его по всему Кремлю. Вскоре им удалссь обнаружить его убежище. Украинские стрельцы были единственными из всей кремлевской стражи, кто пытался выручить самозванца. Они открыли пальбу и застрелили одного-двух дворян-заговорщиков. Но силы были неравные. Толпа заполнила весь двор, а затем ворвалась в покои. Стрельцы сложили оружие.

Попав в руки врагов, Отрепьев понял, что проиграл игру. И все же он продолжал отчаянно цепляться за жизнь. Глядя с земли на окружавшие его знакомые лица, самозванец униженно молил дать ему свидание с матерью или отвести на Лобное место, чтобы он мог покаяться перед всем народом. Враги были неумолимы. Один из братьев Голицыных отнял у Гришки последнюю надежду на спасение. Он объявил толпе, что Марфа Нагая давно отреклась от Лжедмитрия и не считает его своим сыном. Слова Голицына положили конец колебаниям. Дворяне содрали с поверженного самодержца царское платье. Оттеснив стрельцов, заговорщики окружили плотным кольцом скорчившуюся на полу фигурку. Те, что стояли ближе к Гришке, награждали его тумаками. Те, кому не удавалось протиснуться поближе, осыпали его бранью. «Таких царей у меня хватает дома на конюшне!», «Кто ты такой, сукин сын?» — кричали они наперебой.

Василий Голицын не мог отказать себе в удовольствии наблюдать за расправой над самозванцем. Василий Шуйский вел себя осторожнее. Он понимал, сколь изменчиво настроение народа, и оставался за пределами дворца. Разъезжая по площади перед Красным крыльцом, боярин кричал черни, чтобы она потешилась над вором. Предосторожность Шуйского не была лишней. Даже такие противники Лжедмитрия, как И. Масса, признавали, что самозванец, если бы ему удалось укрыться в толпе, был бы спасен, ибо «народ истребил бы всех вельмож и заговорщиков». Не ведая о заговоре, многие москвичи полагали, что поляки вознамерились умертвить царя, и бросились в Кремль спасать его.

Толпа москвичей продолжала расти, и заговорщики, опасаясь вмешательства народа, решили покончить с самозванцем. После переворота много говорили о том, что первый удар Лжедмитрию нанес то ли дворянин Иван Воейков, то ли сын боярский Григорий Валуев. Однако точнее всех смерть Отрепьева описал Конрад Буссов, служивший в дворцовой охране. По его словам, решительнее всех в толпе, окружившей самозванца, действовал московский купец Мыльник. На повторные просьбы Отрепьева дозволить ему говорить с народом с Лобного места купец закричал: «Нечего давать еретикам оправдываться, вот я дам тебе благословение!» С этими словами он разрядил в него свое ружье. После переворота Василий Шуйский щедро наградил своих сообщников — торговых людей Мыльниковых, пожаловав им столичный двор одного из ближайших фаворитов Лжедмитрия.

Заговорщики спешили довершить дело. Они набросились на окровавленного, бившегося в агонии Отрепьева как стая воронья и продолжали рубить распростертое на полу тело и стрелять в него даже после того, как оно перестало обнаруживать признаки жизни. Страшась народного осуждения, бояре немедленно объявили с Красного крыльца, будто убитый перед смертью сам повинился в том, что он не истинный Дмитрий, а расстрига Григорий Отрепьев. Обнаженный труп царя выбросили из палаты на площадь, а потом поволокли от дворца к терему вдовы Грозного Марфы Нагой. Толпа призвала

Марфу к ответу. Старица в страхе отреклась от мнимого сына и назвала убитого вором.

Наемники не оправдали возлагавшихся на них надежд. Некогда они покинули Лжедмитрия близ границы в самый трудный час. В Москве они проявили не больше желания умереть за того, кто платил им деньги. Лишь немногие пытались пробиться во дворец. Они подверглись избиению. Заодно толпа чинила расправу над чужеземцами, случайно оказавшимися на улице. Толпе помогали иноки и попы. Осажденные в своих домах поляки наблюдали из окон за суетой монахинь. Старицы проворно сновали в толпе, то и дело кричали: «Бей поганых!»

За рубежом толковали, будто в дни восстания в Москве погибло от одной до двух тысяч человек. Несколько поляков, очевидцев мятежа, составили свои именные списки убитых. Сопоставление этих списков позволяет установить, что жертвами стали двадцать шляхтичей, близких ко двору самозванца, и около четырехсот их слуг и челядинцев. Те же цифры назвали в письмах из Москвы иезуиты из окружения самозванца.

Стрелецкий гарнизон лишился руководства с убийством П. Басманова. Стрелецкие сотни не выполнили приказа об охране польских казарм, но они не участвовали в уличных избиениях, как и дворянские отряды. Данные о потерях служат тому доказательством. На польские дворы напала неорганизованная, вооруженная чем попало уличная толпа. В столкновении с нападавшими наемные солдаты перебили около трехсот москвичей. Раненых было значительно больше. Подняв посадских людей на «латынян», бояре-заговорщики спровоцировали неслыханное кровопролитие.

В резне повинны были не одни бояре, но и король Сигизмунд III, который давно поддерживал тайные сношения с заговорщиками в России и, по-видимому, использовал миссию посла А. Гонсевского в Москву, чтобы ускорить решительную развязку. В свите Мнишеков было немало фрондеров, противников короля. Судьба их мало тревожила королевских послов. Авторы иностранных записок указали на это с полной

определенностью. Когда несколько поляков, прибывших с Мнишеками, постучали в ворота польского двора и слезно просили спасти их от неминуемой смерти, Гонсевский ответил им отказом. Послы и их свита не понесли ущерба. Василий Шуйский и другие заговорщики позаботились о том, чтобы уберечь членов посольства от нападений. Сразу после переворота они прислали войска для их охраны. Затевая самозванческую интригу, Мнишеки мечтали завладеть сказочными богатствами московской короны. Посеяв ветер, они пожали бурю. Не одни Мнишеки, но и вся их родня были ограблены до нитки. Поляки из окружения Марины с удивлением отмечали, что Юрий Мнишек печалится о смерти «Дмитрия» куда больше, чем его дочь. Московская царица в те дни громко сетовала на то, что у нее отняли любимого арапчонка.

Как только самозванец был убит, бояре поспешили прекратить кровопролитие и навести порядок на улицах столицы.

Бояре предали Лжедмитрия неслыханному поруганию. Его нагое тело выволокли из Кремля и бросили в грязь посреди рынка на том самом месте, где годом раньше палач должен был обезглавить Шуйского. Рядом с самозванцем положили труп боярина Басманова. Народ теснился подле убитых с утра до ночи. Тогда власти распорядились принести из торговых рядов прилавок длиной около аршина и положить на него царя, чтобы народ мог лучше его рассмотреть. Тело боярина Басманова осталось на земле под прилавком. Исаак Масса побывал на площади и имел возможность разглядеть «Дмитрия». Он вблизи видел его раздробленный череп и насчитал на теле двадцать ран. Не одни поляки утверждали, что в народе сожалели о смерти царя. Враг самозванца И. Масса видел своими глазами, как некоторые москвичи, находившиеся в толпе, искренне плакали. Чтобы искоренить в народе сочувствие к Лжедмитрию, бояре посмертно подвергли его торговой казни. Выехавшие из Кремля дворяне хлестали труп кнутом, приговаривая, что убитый — вор и изменник Гришка Отрепьев. Во дворце были найдены маски и костюмы, заготовленные для маскарада. Самую безобразную «харю» (маску) привезли на торг и бросили на вспоротый живот Лже-

дмитрия, в рот ему сунули дудку. Народу было объявлено, что еретик и чародей Гришка поклонялся тому самому идолу — нагло смеющейся «харе», которую нашли под царской постелью во дворце, а теперь положили на его тело. По слухам, на площадь был приведен брат Отрепьева, весьма похожий на убитого царя. На другой день после переворота дьяки зачитали народу историю жизни Григория Отрепьева, дословно совпадавшую с посольским наказом, составленным при Борисе Годунове. «Жизнь свою от юности, — объявляли они, — Гришка проводил в бездельничестве, играл в карты и кости», потом постригся в чернецы и проч.

Смута явилась первой в русской истории гражданской войны. В ходе ее самозваный царь Лжедмитрий I получил власть из рук восставшего народа. Сам по себе этот факт не оказал глубокого влияния на развитие русского общества. Выходец из мелкопоместной дворянской семьи, бывший боярский холоп, монах-расстрига Юрий Отрепьев, приняв титул императора всея Руси, сохранил в неприкосновенности все социально-политические порядки и институты. Кратковременное правление Лжедмитрия не разрушило веру в доброго царя. До появления самозванца в России в источниках невозможно найти следы идеи пришествия «доброго царя-избавителя». Зато после переворота по всей России распространились ожидания и вера в возвращение «доброго царя», свергнутого злыми боярами. Эту веру разделяли люди из самых разных слоев общества.

Часть II
ПРИЗРАК САМБОРСКОГО ЗАМКА

Глава 1
ВОЦАРЕНИЕ ШУЙСКОГО

После переворота бояре, затворившись в Кремле от народа, совещались всю ночь. Одним из первых решений думы было решение низложить патриарха Игнатия, ближайшего соратника и помощника Лжедмитрия I. Как значится в Разрядах, «за свое бесчинство» Игнатий был лишен сана 18 мая 1606 года. Вина патриарха раскрылась незадолго до переворота, когда двое православных владык (епископов) из Польши прислали с неким львовским мещанином Корундой (или Коронкой) письмо к главе русской церкви с уведомлением, что царь являлся тайным католиком. Грамоты попали в руки бояр и были использованы для осуждения Игнатия. «Грека» с позором свели с патриаршего двора и заточили в Чудов монастырь.

Вопрос, кому наследовать опустевший трон, вызвал яростные распри. При жизни Лжедмитрия бояре-заговорщики тайно обещали царскую корону Владиславу, сыну Сигизмунда III. Бесчинства наемного войска Ю. Мнишека и последовавшие затем народные волнения, сопровождавшиеся избиениями поляков, привели к тому, что вопрос о передаче трона иноверному королевичу отпал сам собой. Ситуация в Польше претерпела перемену, и боярам нетрудно было отказаться от своих обещаний королю. Борьба с оппозицией в Польше поглощала все силы Сигизмунда III, и Москве не приходилось опасаться вооруженного вмешательства извне.

Решение избрать государя из московской знати породило споры, которым не видно было конца. *«Почал* (начал) *на Моск-*

ве мятеж быти во многих боярех, — записал современник, — *а захотели многие на царство».* Корону оспаривали глава думы Ф. И. Мстиславский, заговорщики князья Шуйские и Голицыны, Романовы и другие бояре. Все они наперебой вербовали себе сторонников в думе и среди столичного населения. Дворяне же поддерживали тех, кого они знали лично и кто их жаловал. Боярская дума обсуждала возможность созыва в Москве Земского собора, на котором присутствовали бы представители от всех городов. Но этот проект не был осуществлен. Даже в официальных грамотах о воцарении Шуйского власти ни слова не упомянули о вызове в Москву представителей с мест.

В летописи можно найти рассказ о том, что дума в конце концов выбрала двух кандидатов — бояр Ф. И. Мстиславского и В. И. Шуйского, после чего их вывели на Красную площадь и спросили народ, кто из них достоин занять царский трон. Этот рассказ лишен достоверности. В действительности Боярская дума так и не смогла принять единого решения, потому что она раскололась на множество соперничавших группировок. Избрание главы государства было исключительной прерогативой думы и бояр, поэтому невероятно, чтобы члены думы согласились предоставить последнее слово народу — «черни».

Осведомленный современник Авраамий Палицын утверждал, что инициатива избрания Василия Шуйского принадлежала *«малым неким от царских палат»,* то есть младшим членам думы, которые действовали вопреки воле главных вельмож. Другой очевидец, дьяк Иван Тимофеев, прямо назвал имя человека, более всего способствовавшего успеху Шуйских. То был окольничий Михаил Татищев, один из руководителей заговора против Лжедмитрия I. Татищевы сделали карьеру в опричнине. Они помогли взойти на трон Борису Годунову. Теперь им пригодился полученный опыт. По инициативе Михаила Татищева сторонники князя Василия Шуйского собрались на княжеском дворе и после недолгого совещания объявили о его избрании на трон. Иван Тимофеев желчно бранил Шуйского за неприличную поспешность. Бо-

ярин князь Василий, писал Тимофеев, воцарился так поспешно, как только позволили «скорость» и проворство Михалки Татищева. Избирательной кампании Шуйского недоставало размаха и блеска, характерных для кампании Бориса. В пользу Годунова выступил патриарх Иов. К моменту избрания князя Василия русская церковь лишилась главы. В пользу Шуйского деятельно агитировал крутицкий митрополит Пафнутий. Но в официальной иерархии он занимал далеко не первое место. Из бояр на подворье Шуйских собрались лишь братья претендента Дмитрий и Иван, его племянник князь М. В. Скопин, окольничий И. Ф. Крюк-Колычев, несколько Головиных (они первыми получили от Василия думные чины), купцы Мыльниковы и другие. В совещании участвовали те же лица, которые составили заговор против самозванца. Но круг сообщников теперь резко сузился. У Голицыных, Куракиных и другой знати были свои планы в отношении трона.

На подворье Шуйского были составлены два кратких документа: крестоцеловальная запись князя Василия и другая, *«по которой записи целовали бояре и вся земля»*. Составители записей считали излишним доказывать родство претендента с угасшей династией Грозного. Они отметили лишь, что все его прародители — от Рюрика до Александра Невского — испокон веку сидели на «Российском государстве», потом же его род *«на Суздальской удел разделишась, не отнятием и не от неволи»*. Сторонники князя Василия допустили небольшую неточность. Суздальские князья происходили от младшего брата Александра Невского Андрея. Но Шуйским нужно было имя самого популярного из древнерусских князей.

Составив запись об избрании царя, участники совещания отвели князя Василия на Лобное место, чтобы представить его народу. С давних пор Шуйские имели много приверженцев среди торговых людей Москвы. Это обстоятельство помогло им и в дни мятежа, и в момент царского избрания. Многие друзья и «советницы» Шуйских, как передают очевидцы, рассеялись в толпе, чтобы «наустить» (подучить) народ подать голос за князя Василия. На вопрос, достоин ли Шуйский — известный страдалец за православие — царствовать, москви-

чи выразили свое одобрение шумными возгласами. По словам Конрада Буссова, князь Василий воцарился *«без ведома и согласия Земского собора, одною только волею жителей Москвы... всех этих купцов, пирожников и сапожников и немногих находившихся там* (на площади. — *Р. С.) князей и бояр»*.

Заручившись народным одобрением, Василий немедленно отправился в Успенский собор в Кремле, где Пафнутий нарек его на царство и отслужил молебен. Многие современники считали процедуру избрания Шуйского незаконной. Дьяк Тимофеев выражал крайнее негодование по поводу того, что Шуйские бесцеремонно отстранили от участия в выборах патриарха. Василий, по его словам, даже и первопрестольнейшему (патриарху) не возвестил о своем наречении, опасаясь возбудить *«противословие в людех»*, и тем самым отнесся к патриарху, как к «простолюдину»: известил его об избрании *«токмо последи»*, когда все было кончено. Какого патриарха имел в виду Тимофеев? После переворота на Руси было два патриарха, оба были низложенными. «Первопрестольным» патриархом был Иов, незаконно свергнутый самозванцем. Шуйский мог обратиться к заточенному в Старице Иову за благословением. Но он не доверял давнему приверженцу и ставленнику Бориса Годунова, а кроме того, очень спешил.

Дьяк Иван Тимофеев называл глас народа безумным шумом *«безглавной чади»*, считая, что дела государства призваны решать бояре, столпы великие, которыми земля утверждается. Тем самым дьяк осуждал самый принцип «народного избрания». Ни руководители Боярской думы, ни патриарх Иов не поддержали избрания Василия, из чего Тимофеев сделал вывод, что тот сам себя избрал на трон.

В избирательной кампании Годунова народные манифестации были средством давления на Боярскую думу и послужили ступенькой к правильно созванному Земскому собору. При избрании Шуйского выкрики толпы заменили народные манифестации, а Земский собор так и не был созван.

Бояре и князья церкви многократно судили Василия Шуйского как изменника. При царе Федоре князь Василий был сослан в ссылку по их приговору, при Лжедмитрии I осужден

на смерть. В царствование Бориса члены думы не раз оскорбляли Шуйского в угоду государю, а Михаил Татищев (будущий угодник князя Василия) дошел до *«рукобития»* — публично дал боярину пощечину.

Князь Василий не мог созвать Земский собор по той причине, что в высших палатах собора преобладали его противники. Будучи аристократом до мозга костей, Шуйский должен был апеллировать к народу, чтобы преодолеть сопротивление бояр и князей церкви. Помимо того, Василий Шуйский считал себя государем по праву рождения, а не по праву земского собрания.

В момент наречения на царство в Успенском соборе Шуйский произнес речь, обещая подданным править милостиво, *«а которая де была грубость* (ему. — *Р. С.) при царе Борисе, никак никому не мстить* (за эту грубость. — *Р. С.)»*. Близкие к Шуйскому бояре пытались удержать его от дальнейших нарушений ритуала, говоря, что *«в Московском государстве того не повелося»*. Но Василий не послушал их и принес присягу «всей земле».

Бояре опасались покушений казны на их вотчины и желали обезопасить себя от царских опал. Все это нашло отражение в знаменитой крестоцеловальной записке Шуйского от 19 мая 1606 года. Некоторые историки усматривали в записи Шуйского содержание, уподобляющее ее статьям Великой хартии, обеспечивавшим правосудие каждому свободному человеку. В. О. Ключевский считал запись актом, ограничивавшим власть самодержца в пользу бояр. Однако на неосновательность такой оценки указывал уже С. Ф. Платонов.

По традиции дума являлась высшей судебной инстанцией в государстве. Грозному пришлось ввести опричнину, чтобы узаконить свои опалы и конфискации. Запись Шуйского символизировала возврат к традиции, нарушенной опричниной. Царь Василий обязался уважать традицию и клятвенно обещал, что никого не казнит смертью, *«не осудя истинным судом с боляры своими»*. Опалы вели к переходу родовых земель в казну, что беспокоило бояр более всего. Дума добилась четкого указания на то, что без боярского суда царь не мог отобрать вотчины,

дворы и пожитки у братьев опальных, их жен и детей. *«Черных торговых людей»* царь мог казнить без бояр *«по суду и сыску»*. Но и в этом случае казна лишалась права отбирать дворы, лавки и «животы» (имущество) у жен и детей опального человека. Шуйский обещал не слушать наветы, строго наказывать лжесвидетелей и доносчиков, дать стране справедливый суд.

После царского наречения власти должны были позаботиться об избрании главы церкви. Приверженцем Шуйского был крутицкий митрополит Пафнутий, давний покровитель Отрепьева в Чудовом монастыре. Он сыграл не последнюю роль в избрании князя Василия на трон. Теперь он рассчитывал разделить с ним плоды его успеха. Но когда дума и Священный собор начали совещаться насчет избрания патриарха, сторонники Шуйского оказались в трудном положении. Им не удалось провести на патриарший престол Пафнутия. Не прошла также и кандидатура Гермогена, самого рьяного из противников Лжедмитрия. В конце концов дума и высшее духовенство пошли на компромисс и решили возвести на патриарший престол представителя знатной боярской семьи Филарета Романова.

После свержения Годуновых Романов был освобожден из заточения. Но Лжедмитрий I не спешил приблизить ко двору семью, которой некогда сам служил как кабальный холоп. Вплоть до апреля 1606 года старец Филарет жил не у дел в Троице-Сергиевом монастыре. Лишь в последние недели своего недолгого правления Отрепьев в страхе перед могущественной боярской аристократией пытался найти поддержку у Романовых. Останки опальных Романовых были извлечены из земли и перевезены в Москву для захоронения. Самозванец не оставил своими милостями даже малолетнего сына Филарета. В царской казне хранились *«посохи: ...рога оправлены золотом с чернью»*. Согласно казенной описи, один посох был снабжен ярлыком, *«а по ерлыку тот посох Гришка Отрепьев Ростригa поднес... Михаилу Федоровичу»*. Лжедмитрий не церемонился с духовенством: он отправил на покой ростовского митрополита Кирилла, а митрополичью кафедру тут же передал Филарету Романову.

Почему при выборе патриарха дума и духовенство отдали предпочтение Филарету Романову, получившему сан митрополита из рук Лжедмитрия? Очевидно, в думе оставалось слишком много людей, всецело обязанных Отрепьеву карьерой. Они боялись за свое будущее и избегали крутых перемен. Матерью Ф. Н. Романова была княжна Е. А. Горбатая-Шуйская. Как некогда Борис Годунов после своего избрания, так и Василий Шуйский одинаково пытались привлечь на свою сторону род Романовых. Но ни тому, ни другому это не удалось.

В день наречения на царство Василий Шуйский велел убрать тело Лжедмитрия с Красной площади. Труп Отрепьева привязали к лошади и выволокли в поле за Серпуховские, или Болвановские, ворота. Там его бросили в «Убогий дом», куда собирали умерших бездомных бродяг, которых некому было хоронить. «Убогий дом» был переполнен до краев. Туда доставили всех погибших в день кровавого переворота, три дня валявшихся на улицах столицы для устрашения сторонников Лжедмитрия. Исключение было сделано для одного Петра Басманова. Царь Василий разрешил Ивану Голицыну похоронить Петра Басманова в ограде семейной церкви.

Тревога в столице не улеглась. В городе много толковали о знамениях, предвещавших новые беды. Когда труп самозванца везли через крепостные ворота, налетевшая буря сорвала с них верх. Потом грянули холода, и вся зелень в городе пожухла. Из уст в уста люди передавали вести о чудесах, творившихся подле трупа «Дмитрия». Ночные сторожа видели, как по обеим сторонам стола, на котором лежал царь, из земли появлялись огни. Едва сторожа приближались, огни исчезали, а когда удалялись — загорались вновь. Среди глухой ночи прохожие, оказавшиеся на Красной площади, слышали над окаянным трупом *«великий плищ, и бубны, и свирели, и прочая бесовская игралища»*. Приставы, бросившие тело Отрепьева в «божий дом», позаботились о том, чтобы запереть ворота на замок. Наутро люди увидели, что мертвый «чародей» лежит перед запертыми воротами, а у тела сидят два голубя. Отрепьева бросили в яму и засыпали землей, но вскоре его труп обнаружили совсем в другом месте. Произошло это, по словам

Буссова, на третий день после избрания Шуйского. По всей столице стали толковать, что «Дмитрий» был чародеем-чернокнижником и «подобно диким самоедам» мог убить, а затем оживить себя. Власти были встревожены и долго совещались, как бы покончить с мертвым «колдуном». По совету монахов тело расстриги увезли в село Котлы под Коломенским и там сожгли. При жизни Отрепьев велел соорудить там подвижную крепостицу, на стенах которой были намалеваны черти. Москвичи прозвали эту крепостицу «адом». Царь Василий уверял бояр, будто Лжедмитрий намеревался истребить их во время военных потех у стен крепостицы. По этой причине тело самозванца было сожжено вместе с «адом».

Немецкий купец Г. Паэрле записал слух о том, что пепел убитого царя собрали, зарядили в пушку и выстрелили. Недостоверность этого слуха очевидна. Прах Отрепьева невозможно было отделить от углей и пепла сожженной крепостицы. Буссов и другие авторы кратко отмечают, что прах Лжедмитрия был развеян по ветру.

Что бы ни предпринимали власти, им не удалось успокоить народ. Сторонники Лжедмитрия, преодолев растерянность и замешательство, стали готовить почву для свержения Шуйского. По-видимому, они надеялись спровоцировать беспорядки в столице, направленные против власть имущих, а также против «литвы», с тем чтобы осуществить контрпереворот.

Однажды ночью, рассказывает капитан дворцовой стражи Я. Маржарет, на воротах дворов, принадлежавших дворянам и иностранцам, появились пометы и надписи, что царь велит народу разорить меченые дома предателей. Примерно тогда же на улицах появились подметные письма от имени «Дмитрия». Пан Хвалибога, дворцовый служитель Лжедмитрия, сообщил об этом эпизоде более подробно: *«Около недели* (после переворота, т. е. 24 мая. — *Р. С.) листы прибиты были на воротах боярских дворов от Дмитрия, где давал знать, что ушел и Бог его от изменников спас... самими бы московскими людьми Шуйский был бы убит, если бы его поляки некоторые не предостерегли, которые другой революции боялись»*. Поляки ни в коей мере не симпатизировали Шуйскому, но они боялись,

что переворот («революция») приведет к новым избиениям иностранцев.

Появление подметных листов в городе, призывы перебить дворян и «литву» возымели действие. В воскресенье 25 мая (4 июня), повествует Г. Паэрле, в Москве произошли страшные волнения: народ потребовал от бояр ответа, почему умерщвлен истинный государь Дмитрий. Паэрле находился под стражей на польском дворе и знал о событиях по слухам. В отличие от него Маржарет был в Кремле подле царской особы и описал происходящее как очевидец. Заговорщики, свергнувшие самозванца, подтолкнули москвичей к мятежу, действуя именем царя Дмитрия. Теперь противники Шуйского пытались использовать тот же прием. Они созвали огромную толпу на Красной площади, якобы по указу царя Василия. Если бы Шуйский, ничего не ведая, вышел тогда на площадь, свидетельствует Маржарет, *«он подвергся бы такой же опасности, как и Дмитрий»*. Однако верные люди успели предупредить Шуйского, и он, по-видимому, распорядился запереть ворота Кремля.

Собрав оказавшихся под рукой бояр и приказав привести к себе тех, кто затеял «сказанное собрание», т. е. вожаков толпы, царь Василий стал упрекать их со слезами на глазах. Под конец он пригрозил думе, что отречется от трона, и в подтверждение своих слов тут же снял царскую шапку и сложил посох. Угроза произвела впечатление. Собравшиеся выразили покорность. Тогда царь не мешкая подхватил посох, служивший символом власти, и потребовал наказать виновных.

Шуйский использовал начавшийся розыск, чтобы упрочить свои позиции в Боярской думе. Со времени смерти царя Федора Ивановича главными претендентами на трон неизменно выступали Мстиславский и Романовы. Царь пытался скомпрометировать эти фамилии. Было объявлено, что зачинщики мятежа замыслили передать корону Мстиславскому.

В конце концов Шуйский не стал наказывать главу Боярской думы Мстиславского, известного всем своей бесхарактерностью и отсутствием честолюбия. Кары обрушились на его родню, что должно было послужить грозным предостере-

жением для главного боярина. К числу родственников Мстиславского принадлежали М. Ф. Нагой и П. Н. Шереметев. Первый был лишен высшего думного титула — конюшего, а второй предан суду. В конце мая Шереметев ездил с Филаретом в Углич за мощами Дмитрия. Судьи не стали ждать его возвращения и провели дознание заочно. В результате боярин *«был обвинен и изобличен свидетелями»*, задержан в Угличе, а позже отправлен на воеводство в Псков.

Тем временем в Москве власти расправились с пятью зачинщиками неудавшегося мятежа. Всех их подвергли торговой казни (били кнутом) посреди рыночной площади. При оглашении приговора бирючи объявили, что Мстиславский, обвиненный ранее как глава заговора, невиновен, вся же вина падает на Шереметева и пятерых его приспешников.

По случаю тревоги в столице власти вспомнили о царе и великом князе Симеоне Бекбулатовиче, в 1575—1576 годах занимавшем московский великокняжеский трон и претендовавшем на корону после смерти царя Федора Ивановича. Постриженный в монахи и заточенный в Кирилло-Белозерский монастырь, ослепший от старости Симеон — «старец Стефан» тем не менее вызывал тревогу у нового властителя Кремля. Симеон был женат на сестре Мстиславского, и это вызывало особые подозрения в момент расследования измены последнего. 29 мая 1606 года пристав Ф. Супонев получил приказ спешно забрать из монастыря «старца Стефана» и отвезти его в Соловки.

Следствие о волнениях в Москве дало Шуйскому повод отменить решение об избрании на патриаршество Филарета Романова. По словам современников, Филарета обвинили в том, что он якобы был причастен к составлению подметных писем о спасении «Дмитрия», *«за что его* (патриарха) *и сложили»*. После смерти Лжедмитрия в народе немало толковали, что во главе государства должен встать один из Романовых. Об этом упоминает немецкое донесение из Нарвы от 27 мая 1606 года. Шуйский не мог не знать о притязаниях Романовых. Но санкции против Филарета он осуществил после своей коронации. Романов был одним из самых популярных

деятелей своего времени. В его лице Шуйский приобрел опасного врага.

Заточив в монастырь князя И. А. Хворостинина, бывшего кравчим у самозванца, царь пожаловал этим придворным чином князя И. Б. Черкасского, племянника Филарета. Следствие об измене привело к внезапной отставке Черкасского.

После переворота во дворце был найден тайник, в котором Лжедмитрий хранил секретные договоры с Сигизмундом III и с Мнишеком, переписку с папой римским и иезуитами. Бояре тотчас объявили об этой находке народу, хотя они и не сразу разобрались в содержании документов, требовавших перевода. Тайник был указан Яном Бучинским, попавшим в руки мятежников при штурме дворца. В страхе за свою жизнь главный секретарь готов был подтвердить клевету, которую бояре давно распускали по городу. «Дмитрий», заявил он, велел выволочь весь московский наряд (пушки) за посад, чтобы во время стрельб поляки могли перебить всех бояр и лучших дворян. В грамоте к уездным городам список жертв был расширен: к боярам прибавлены приказные люди, гости и лучшие посадские люди.

Провинция могла поверить чему угодно, но в столице такая откровенная ложь не могла пройти. Истребив бояр, самозванец, по словам Бучинского, намеревался разорить веру и ввести *«люторство и латинство»* (католичество) разом. Показания Яна Бучинского оправдывали заговорщиков, убивших венчанного царя. Поэтому Шуйский подробно цитировал их в обращении к народу.

30 мая власти созвали народ на Красной площади. На Лобное место явились бояре, и в их присутствии дьяки зачитали грамоту с объяснением причин убийства самозванца и изложением официальной версии избрания на трон царя Василия. Примечательно, что в извещении народу Шуйский утверждал, будто принял посох российского царства «благословением патриарха». То была ложь. Первоначально власти предполагали провести коронацию после посвящения в сан патриарха и торжественной церемонии захоронения мощей царевича Дмитрия в Архангельском соборе. Напуганный попыткой

мятежа царь решил короноваться за три дня до возвращения Романова и перенесения останков царевича в столицу. Из-за спешки власти не успели вызвать в столицу знать и дворянство из городов, вследствие чего коронационные торжества, по словам очевидцев, произошли *«в присутствии более черни, чем благородных»*, и без особой пышности. В соборе священнодействовал не патриарх, а новгородский митрополит Исидор, которому помогал Пафнутий. Исидор надел на царя крест Святого Петра, возложил на него бармы и царский венец, вручил скипетр и державу. При выходе из собора царя Василия осыпали золотыми монетами.

По традиции любая коронация сопровождалась щедрыми царскими пожалованиями. Однако Василий Шуйский скупо жаловал дворянам думные чины и деньги. Дворяне были недовольны этим, и за Шуйским прочно утвердилась репутация скупца. *«Царь Василий,* — писал один современник, — *возрастом* (ростом. — *Р. С.) мал, образом же нелепым* (некрасивый. — *Р. С.), очи подслепы имея; книжному почитанию доволен и в разсуждении ума зело смыслен, но скуп велми и неподатлив»*. Однако царь Василий избегал денежных трат не от скупости. Казна с трудом поправила свои дела после трехлетнего голода, но начавшаяся вскоре гражданская война и правление самозванца поглотили остатки денег. Шуйскому поневоле пришлось довольствоваться скромной коронацией и сократить денежные раздачи.

Никогда Боярская дума не была столь многочисленной и разношерстной, как в первые дни правления Шуйского. Рядом с боярами, не уступавшими знатностью Шуйским, в думе заседали бывшие опричники и вовсе худородные люди, всецело обязанные своей карьерой самозванцу. Аристократия надеялась добиться от Шуйского льгот и пожалований. Любимцы Лжедмитрия опасались потерять и чины, и вотчины.

В свое время Отрепьев щедро жаловал земли знатным боярам, стремясь добиться их верности. Мстиславскому он вернул городок Венев, Воротынскому — его огромные нижегородские вотчины, В. Шуйскому — Чаронду, И. Романову — Романово городище. Земельная политика самозванца поро-

дила большие надежды у аристократии. Князья вспоминали о давно утраченных удельных столицах. После избрания царя, записал в дневнике поляк С. Немоевский, члены думы никак не могли прийти к соглашению: *«Из знатнейших каждый желал государствовать; самым последним в свою очередь хотелось быть участниками царских доходов, почему склонялись к той мысли, чтобы царство было разделено на разные княжества»*. Трудно сказать, какими источниками информации располагал Немоевский, находившийся под неусыпным наблюдением царских приставов. Очевидно одно: пленные поляки охотно подхватывали любые слухи о раздорах в Кремле.

С первых шагов не ладились отношения Шуйского с князьями церкви. Филарет пользовался популярностью в столице, и его отставка была встречена с неодобрением. Смута ширилась, и церкви нужен был авторитетный руководитель, который мог бы твердой рукой повести за собой разбредшуюся паству. В конце концов царь Василий остановил свой выбор на казанском митрополите Гермогене. Ровесник царя Ивана IV, Гермоген пережил четырех царей, из которых по крайней мере двое побаивались прямого и несговорчивого пастыря.

В дни междуцарствия после смерти царя Федора Борис Годунов надолго задержал Гермогена в Казани, чтобы воспрепятствовать его участию в царском избрании. Гермоген один не побоялся открыто осудить брак Лжедмитрия I с католичкой Мариной Мнишек, за что был сослан. Царь Василий мог не сомневаться в том, что Гермоген решительно поддержит его в борьбе со сторонниками Лжедмитрия. Ко времени занятия патриаршего престола Гермогену исполнилось 75 лет, и он достиг, по тогдашним понятиям, глубокой старости. О жизни Гермогена известно немного. Поляк А. Гонсевский, хорошо знавший патриарха, имел письменное свидетельство о нем одного московского священника. По словам священника, Гермоген пребывал *«в казаках донских, а после — попом в Казани»*. Как видно, молодость свою Ермолай (Ермоген) провел с вольными казаками, в походах и войнах. Казаки выдвинули из своей среды многих известных деятелей Смуты, к которым следует присоединить и патриарха. В духовное со-

словие он перешел, вероятно, поздно. Во всяком случае, первое упоминание о Гермогене как священнослужителе относится ко времени, когда ему было 50 лет. Тогда он был попом одной из казанских церквей. Этот факт, отмеченный в известии Гонсевского, документально подтвержден.

Став в 60 лет казанским митрополитом, Гермоген с редким фанатизмом стал насаждать православие в инородческом Казанском крае. Предшественник Гермогена патриарх Иов удивлял всех громозвучным голосом, звучавшим, *«аки дивная труба»*. Гермоген не обладал необходимым для пастыря сильным голосом. По словам современников, Гермоген был речист — *«словесен и хитроречив, но не сладкогласен»*, *«нравом груб»*, *«прикрут в словесех и возрениях»*. Вообще же патриарх был человеком дела, вспыльчивым, властным и резким. К врагам он относился без всякого милосердия.

Новая династия не могла обойтись без поддержки всего дворянского сословия в целом. Как отметили современники, избрание Шуйского поддержали некоторые знатные лица из Москвы, Новгорода и Смоленска. Московские и новгородские дворяне участвовали в заговоре против Лжедмитрия I, и по этой причине они поддержали затем избрание на трон Шуйского. Смоленские дворяне заняли лояльную позицию по отношению к новому царю. Но в целом в армии царил такой же разброд, как и повсюду. Наибольшей популярностью Лжедмитрий пользовался среди служилых дворян из южных уездов. Неудивительно, что именно в этой среде переворот в пользу боярского царя вызвал наибольшее негодование.

Избиения иноземцев в Москве давали Речи Посполитой удобный повод для вмешательства в русские дела. Поэтому Боярская дума решила задержать в Москве как Юрия Мнишека, так и прибывших с ним польских послов с их свитой. Подавляющую часть солдат, нанятых Мнишеком для Лжедмитрия, московские власти поспешили выпроводить на родину.

Русские приверженцы свергнутого царя внушали Шуйскому не меньше подозрений, нежели бывший «главнокомандующий» Мнишек. После коронации гонениям подверглись многие из любимцев Лжедмитрия. Князя В. М. Мосальского ли-

шили чина дворецкого (главы Дворцового приказа) и отослали на воеводство в глухую пограничную крепость Корелу. Боярина Б. Я. Бельского перевели из Новгорода в Казань, бывшего канцлера главного думного дьяка А. И. Власьева сослали в Уфу. Все эти санкции помогли Шуйскому добиться послушания от Боярской думы. Однако очень скоро стало очевидным, что правительству труднее будет справиться с народом, чем с боярами.

Брожение в Москве не прекращалось ни на день, и правительство попыталось использовать авторитет церкви, чтобы успокоить народ. Через три дня после коронации Филарет Романов привез из Углича тело истинного Дмитрия. Государь и бояре отправились пешком в поле, чтобы встретить мощи за городом. Их сопровождали духовенство и толпа горожан. Марфе Нагой довелось в последний раз увидеть сына, вернее — то, что осталось от него. Потрясенная страшным видением, вдова Грозного не могла произнести слова, которые от нее ждали. Чтобы спасти положение, царь Василий сам возгласил, что привезенный труп и есть мощи царевича. Ни молчание царицы, ни речь Шуйского не тронули народ. Москвичи не забыли о трогательной встрече Марфы Нагой с «живым сыном». И Шуйский, и Нагая слишком много лгали и лицедействовали, чтобы можно было поверить им снова.

Едва Шуйский произнес нужные слова, носилки с телом поспешно закрыли. Процессия после некоторой заминки развернулась и проследовала по улицам на Красную площадь. Гроб некоторое время стоял на Лобном месте, а затем его перенесли в Кремль.

Церковь пыталась заглушить слухи о «знамениях» над трупом Отрепьева чудесами у гроба великомученика-царевича. Гроб Дмитрия был выставлен на всеобщее обозрение в Архангельском соборе. Судя по описаниям очевидцев, на мощах сменили одежду, на грудь царевича положили свежие орешки, политые кровью. Народ не забыл о том, что Василий Шуйский на площади клялся, что Дмитрий сам зарезал себя нечаянно, играя ножичком в тычку. Самоубийца не мог быть объявлен святым. Но дело шло к канонизации, и властям важно было доказать, что в предсмертный час мученик играл в орешки. Орга-

низаторы мистерии предусмотрели все. Благочестивые русские писатели с восторгом распространялись о чудесах у гроба Дмитрия. Некоторые из них подсчитали, что в первый день «исцеленных» было 13, в другой — 12 человек и т. д. Находившиеся в Москве иноземцы считали, что исцеленные калеки были обманщиками, подкупленными Шуйским, что среди них преобладали пришлые бродяги. При каждом новом «чуде» по городу звонили во все колокола. Трезвон продолжался несколько дней. Паломничество в Кремль похоже было на разлив реки в половодье. Толпы народа теснились изо дня в день у дверей Архангельского собора. Кремлевская канцелярия поспешила составить грамоту о чудесах Дмитрия, которую многократно читали в столичных церквах после 6 июня.

Церковь обладала огромной властью над умами людей. Удалось ли ей переломить настроение москвичей? Ответить на этот вопрос не просто. Капитан Я. Маржарет засвидетельствовал, что утром в самый день перенесения мощей в Москве ждали волнений. Как только Шуйский отправился за город и оказался среди бесчисленной толпы горожан, он снова подвергся опасности и едва не был побит камнями. Положение спасли дворяне, предотвратившие волнения. Обретение нового святого внесло успокоение в умы, но ненадолго. Противники царя Василия позаботились о том, чтобы испортить его игру. Они услужливо открыли двери собора тяжелобольному, который умер прямо у гроба Дмитрия. Толпа отхлынула от собора, едва умершего вынесли на площадь. Многие стали догадываться об обмане, и тогда царь закрыл доступ к телу. В городе перестали звонить в колокола.

Глава 2

ВОЗРОЖДЕНИЕ САМОЗВАНЧЕСКОЙ ИНТРИГИ

Со смертью самозванца семейство Мнишеков разом лишилось всех привилегий и богатств. Крупные суммы денег и драгоценности, пожалованные родне Лжедмитрия, были ото-

браны обратно в казну. С конюшен Мнишека были уведены кони, из погребов изъяты винные запасы. Однако на своем дворе Юрий Мнишек продолжал строго следовать придворному церемониалу, оказывая Марине почести, положенные царствующей особе. Не желая считаться с новым положением дел, Мнишек лелеял несбыточные надежды на то, что дума, соблюдая присягу, признает вдовствующую царицу правительницей государства. После избрания на трон Василия Шуйского возник другой фантастический план: женить неженатого государя на царице Марине.

Боярская дума решительно отвергла претензии Мнишеков и подвергла отца царицы унизительному допросу. 15 июня семью Марины выдворили из Кремля и поселили в доме опального дьяка Афанасия Власьева. В августе вдова Лжедмитрия со всеми ближними отправилась в изгнание в Ярославль.

Между тем слухи о чудесном спасении «царя Дмитрия» не только не прекратились, но, напротив, захлестнули всю страну. Юрий Мнишек всеми возможными средствами поддерживал и раздувал их. Однако было бы неверно возлагать ответственность за эти слухи лишь на семью Мнишеков и польских сторонников Лжедмитрия I. Почвой для мифа были народные настроения, вера в «доброго царя». Юрий Мнишек пытался использовать эти настроения, чтобы возродить самозванческую интригу. Как бы то ни было, центром интриги вновь стал Самбор, где вскоре после переворота 17 мая появился человек, выдававший себя за спасшегося «Дмитрия». Новый самозванец пользовался покровительством хозяйки Самбора — жены Юрия Мнишека. Кажется невероятным, чтобы пани Мнишек могла действовать на свой страх и риск, предоставляя убежище и помощь человеку, нисколько не похожему на ее зятя. По-видимому, интрига была санкционирована Юрием Мнишеком и царицей Мариной. Мнишек и окружавшие его люди были пленниками в России. Но, даже находясь в ссылке в Ярославле, поляки имели при себе оружие, челядь, могли свободно передвигаться по городу. Все это позволило Мнишеку установить контакты с польскими по-

слами в Москве и завести тайную переписку с Самбором. Мнишекам всячески помогали братья Бучинские, утверждавшие, будто вместо царя был убит похожий на него дворянин. Следуя указаниям Мнишека, его жена в Самборе стала спешно вербовать сторонников для «Дмитрия». Во Львове и других местах польские офицеры получили от нее письма с категорическими заверениями, что Дмитрий жив. Инициаторы новой интриги пустили слух, что чудом спасшийся русский царь прибыл в Самбор собственной персоной. Первоначально никто не верил толкам такого рода, но постепенно положение стало меняться. В начале августа 1606 года литовский пристав объявил задержанным в Гродно русским послам, что прежде (в июле?) он знал по слухам, а теперь узнал доподлинно от Е. Воловича, что *«государь ваш Дмитрей, которого вы сказываете убитого, жив и теперь в Сендомире у воеводины* (Мнишека. — *Р. С.) жены: она ему и платье, и людей подавала»*. Информация исходила от «добрых панов», родни и приятелей владелицы Самбора. Один из них — ветеран московского похода самозванца пан Валевский мог сообщить множество «достоверных» подробностей о бегстве государя за рубеж. В Москве, утверждал он, у Дмитрия было два двойника — некто Барковский и племянник князя Мосальского. Они были похожи на царя как две капли воды, исключая разве что знаменитую бородавку. В день переворота убит был не Дмитрий, а Барковский. Царю удалось ускакать из Москвы.

Интереснейшие сведения о новом самозванце собрал в августе 1606 года итальянский купец Ф. Талампо, ездивший на Западную Украину, где находились владения Мнишеков. По словам купца, московский царь бежал из России с двумя спутниками и ныне живет здоров и невредим в монастыре бернардинцев в Самборе; даже прежние недруги признают, что Дмитрий ускользнул от смерти.

В первых числах августа русские послы узнали от приставов, что в Самбор к государю начали съезжаться польские ветераны — участники московского похода *«и те многие люди, которые у него были на Москве, его узнали, что он прямой царь Дмитрей, и многие русские люди к нему пристали и польские и*

литовские люди к нему прибираютца; да к нему же приехал князь Василей Мосальской, которой при нем был на Москве ближней боярин и дворецкой».

Фактически владелица Самбора, следуя инструкциям дочери — царицы московской Марины и мужа, приступила к формированию «двора» и наемного войска для нового самозванца. Взявшись исполнить роль тещи нового «Дмитрия», она *«людей к нему приняла з 200 человек».*

Самым знатным лицом при самборском самозванце был Заболоцкий; *«Да при нем же* («Дмитрии». — *Р. С.) некоторой Заболоцкой, москвитин выезжей».* В Москве было целое гнездо дворян Заболоцких. Измена одного из них пагубно отозвалась на карьере всех других. Согласно помете в Боярском списке 1606—1607 годов В. В. и И. И. Заболоцкие были брошены в тюрьму и исключены из списка *«больших московских дворян».*

Будучи в Польше, царские послы получили достоверную информацию о внешности самборского самозванца и тотчас же выступили с заявлением, что под именем Дмитрия скрывается беглый московский дворянин Михаил Молчанов, любимец Отрепьева, нисколько на него не похожий: *«Тот вор Михалко прежнему вору* (Лжедмитрию I. — *Р. С.) не подобен, прежней был вор ростригa обличьем бел, волосом рус, нос широк, бородавка подле носа, уса и бороды не было, шея короткая; а Михалко Молчанов обличьем смугол, волосом черен, нос покляп, ус невелик, брови велики нависли, а глаза малы, бороду стрижет, на голове волосы курчеваты, взглаживает вверх, бородавица на щеке».* Молчанов говорил по-польски и знал латынь. После переворота 17 мая 1606 года он был отдан в руки палача, который исполосовал ему спину кнутом. Русские послы полагали, что «пятно» на государственном преступнике поможет им разоблачить вора. *«У нас есть пятно,* — заявляли они, — *...приметы у него на спине, как он за воровство и за чернокнижство был на пытке и кнутом бит, и те кнутные бои на нем знать».*

Вяземский помещик средней руки Михаил Андреевич Молчанов происходил из рода Молчановых-Ошаниных, выслужившихся в опричнине. Уже при царе Борисе Михалко пользовался дурной репутацией в Москве. Когда ему велено

было расследовать дело о незаконной выдаче вина, дьяк Алексей Карпов встретил его в приказной избе словами: *«„Два, де, вас, воры ведомые во всем твоем в Московском государстве"; и другого вора,* — поясняет в своей челобитной М. Молчанов, — *имянем не сказал: „да и тот-то* (очевидно, главный вор. — *Р. С.), де, тебе не пособит, на кого, де, ты и надеешься"».* Имея в виду дальнейшую карьеру Молчанова, И. И. Смирнов высказал предположение, что дьяк имел в виду измену Михалки в пользу Лжедмитрия I. Как бы то ни было, Молчанов не только перебежал на сторону самозванца, но и принял участие в убийстве Федора Годунова, благодаря чему добился дружбы самозванца, стал *«его тайным пособником во всех жестокостях и распутстве».*

После переворота московские власти объявили, что Отрепьев был чернокнижником. Верный приспешник самозванца Молчанов был также арестован и обвинен в том, что он жил у царя *«в хоромах для чернокнижия».* Фаворита Лжедмитрия подвергли пытке и наказали кнутом. Но ему удалось ускользнуть из-под стражи, и он бежал в Путивль на Северскую Украину. Противники царя Василия возлагали на этот город особые надежды вследствие многих причин. Во-первых, путивльские служилые люди, находившиеся в Москве в момент переворота, отказались присягать новому царю. Во-вторых, Путивль играл особую роль в гражданской войне с самого ее начала. На протяжении нескольких месяцев Путивль был «воровской» столицей.

Из английского донесения о России, составленного осведомленным современником в 1607 году, известно, что, утвердившись на троне, *«Дмитрий за особые заслуги освободил эту область от всех налогов и податей в течение 10 лет».*

Северская Украина подверглась страшному разорению, и путивляне рассматривали многолетнюю льготу как законную награду за все понесенные ими жертвы и тяготы. С воцарением Шуйского все эти льготы были утрачены ими навсегда. Еще более важное значение имела уверенность в том, что они борются за восстановление попранной справедливости, за «доброго царя» и против свергших его «лихих бояр».

События в Путивле развивались следующим образом. В мае 1606 года власти направили туда гонца Г. Шипова. Гонец должен был убедить путивлян, что царь Василий будет жаловать их своим царским жалованьем «свыше прежнего», и от имени царя предложил горожанам прислать в столицу путивлян *«лутших людей человек трех или четырех»* для изложения своих нужд и требований. В обращении к жителям Путивля власти просили, чтобы те «сумненья себе не держали никоторого» (по поводу гибели их «доброго царя Дмитрия») и жили «в покое и тишине». Шуйский прибег к прямой лжи, утверждая, будто самозванец перед смертью сам объявил *«предо всем московским государством... всем людем вслух, что он прямой* (подлинный) *вор Гришка Отрепьев»*.

Г. Шипов привел путивлян к присяге. Местный воевода князь А. И. Бахтеяров-Ростовский присягнул вместе с другими. Но вскоре он получил предписание *«быть к Москве»*. На его место Разрядный приказ назначил воеводу князя Г. П. Шаховского.

По словам английского современника, Молчанову удалось вовлечь в заговор дворянина, посланного Шуйским в Путивль для принятия присяги, тогда как новый воевода противился заговору и был убит. В действительности погиб старый путивльский воевода, а вновь назначенный (Шаховской) стал главным сообщником Молчанова.

Согласно английской версии, дворянин, посланный Шуйским в Путивль, *«встретившись с одним особенным фаворитом прежнего государя по имени Молчанов* (который, бежав туда, отклонил многих дворян и солдат от признания нынешнего государя), *был соблазнен им...»*. Похоже на правду, что именно Молчанов подтолкнул Шаховского к выступлению против Шуйского. Но поскольку он оставался в тени, большинство современников не догадывалось о его активной роли в путивльском восстании. Молчанову удалось бежать после пытки из московских застенков, и он спешил укрыться за рубежом, оставив все прочее на долю Шаховского.

Можно подозревать, что судьба столкнула Молчанова с Шаховским в самый момент бегства первого из Москвы.

17 мая 1606 года фаворит Лжедмитрия I был взят под стражу, но ему удалось освободиться благодаря помощи сообщников. Современники приписывали Молчанову и его друзьям вину за исчезновение нескольких турецких лошадей из царской конюшни в Москве. Неизвестные лица потребовали лошадей для «Дмитрия» вскоре после переворота. Тотчас по Москве распространился слух, что вместо государя убит некий немец, а «Дмитрий» ушел вместе с Молчановым, своим ближним служителем. Слух был записан С. Немоевским. Камердинер самозванца Хвалибога в записке 1607 года отметил, будто в царских конюшнях пропали лошади и исчез Михайло Молчанов, *«откуда всегласная весть была в столице, что Дмитрий с Молчановым и с несколькими иными потаенно ушел...»*.

Молчанов удачно использовал имя Дмитрия для бегства из Москвы. Вслед за тем он присоединился к воеводе князю Г. П. Шаховскому, который был послан из столицы на воеводство в Путивль. Они быстро нашли общий язык. Характерно, что на пути к месту назначения Шаховской употреблял ту же хитрость, к которой прибегнул Молчанов в Москве. Сведения об этом мы находим в «Хронике» Конрада Буссова. Согласно Буссову, Шаховской при переправе через Оку у Серпухова сказал паромщику: *«Молчи, мужичок, и никому не рассказывай, ты перевез сейчас царя всея Руси Дмитрия»*. На всех постоялых дворах Шаховской и его спутники повторяли выдумку о том, что при них находится царь. В Путивле двое спутников Шаховского отделились от него и отправились прямо к жене Мнишека в Самбор.

Буссов, получивший информацию от повстанцев, называл спутников Шаховского поляками. Однако сообщенные им подробности наводят на мысль, что одним из спутников Шаховского был Молчанов. Ускользнув из московской тюрьмы, Молчанов должен был скрывать свое имя, чтобы беспрепятственно покинуть пределы России. Он хорошо знал польский язык и с успехом мог выдать себя за поляка.

Князья Шаховские принадлежали к младшей ветви ярославского княжеского рода. Они «захудали» задолго до опричнины, и двери Боярской думы оказались для них закрыты.

Князь Г. П. Шаховской владел поместьем в Козельске и нес службу в столице вместе с козельскими выборными дворянами. Его отец князь Петр заслужил милость Лжедмитрия I и, по некоторым сведениям, входил в путивльскую «воровскую» думу. Но в московскую Боярскую думу он не попал. Г. П. Шаховской был послан Отрепьевым *«на время из Путивля»* в восставший Белгород в чине воеводы, но после воцарения самозванца не получил от него ответственных назначений.

По своему служилому и местническому положению Шаховской стоял выше самборского «вора» Молчанова. При царе Борисе Шаховскому платили достаточно скромный годовой оклад в 17 рублей, тогда как Молчанов получал низший оклад в 5 рублей.

Молчанов и Шаховской шли по стопам Григория Отрепьева, намереваясь повторить его опыт. По их замыслам, Самбор должен был вновь стать центром движения против московского царя, а собранные там войска возглавить второй московский поход. Шаховскому надлежало продержаться в Путивле до подхода профессионального наемного войска из Польши. Однако осуществление их замыслов сразу натолкнулось на непреодолимые трудности. Жена Мнишека не обладала способностями мужа, которому в свое время удалось в долг навербовать армию для самозванца.

Обстановка в Польше была тревожной. Страна стояла на пороге гражданской войны. После переворота в Москве Сигизмунд III поспешил заявить о своей полной непричастности к авантюре Лжедмитрия. В июне 1606 года он заявил в беседе с венецианским посланником Фоскарини, что «Дмитрий» определенно не был царским сыном и что, когда Мнишек явился ко двору с сообщением о «царевиче», он, король, посоветовал сенатору не вмешиваться в это дело, дабы не повредить Речи Посполитой, но воевода не пожелал ему повиноваться.

Общественное мнение в Польше отрицательно реагировало на сомнительные вести о спасении «Дмитрия». Мнишек, готовя новый тур самозванческой интриги, не мог рассчиты-

вать ни на сочувствие польского общества, ни на помощь Сигизмунда III.

Самборские власти нашли поддержку лишь среди участников рокоша (мятежа), в числе которых были давние покровители и друзья Отрепьева, родня Мнишеков, Зебжидовский и др. Такие очевидцы, как Ф. Талампо, засвидетельствовали, что сторонники рокоша открыто говорили о спасении московского царя, нашедшего убежище в Самборе. Собравшаяся на рокош шляхта ждала появления «Дмитрия». Но «самборский вор», по сведениям московских дипломатов, так и не «сказался» людям и *«на рокоше не был»,* боясь (как объясняли польские приставы послам) мести со стороны шляхтичей, потерявших родственников на царской свадьбе в Москве.

Инициаторы интриги так и не решились представить самозванца даже тем кругам польского общества, на сочувствие которых они могли рассчитывать. «Самборский вор» хотя и имел большую бородавку на лице, но бородавка росла не на том месте, а в остальном он нисколько не походил на убитого в Москве Отрепьева. В Польше многие знали характерную внешность Лжедмитрия I, и обман был бы мгновенно разоблачен.

Появление «царя» среди рокошан явилось бы прямым вызовом королю, на что Мнишеки никак не могли пойти. Юрий Мнишек находился в плену в России, и освободить его могло лишь вмешательство официальных властей Речи Посполитой.

В конце концов комедия с самборским Лжедмитрием провалилась. Военные приготовления в Самборе внушили беспокойство литовскому канцлеру Льву Сапеге, поскольку собранный там отряд мог быть использован противниками короля. Когда самозванец назначил своим главным воеводой Заболоцкого и *«того Заболоцкого послал было в Сиверы* (в Чернигово-Северскую землю. — *Р. С.), чтобы нынешнему государю...* (царю Василию. — *Р. С.) не поддавались, и он* («Дмитрий». — *Р. С.) к ним* (повстанцам. — *Р. С.) будет»,* канцлер приказал задержать Заболоцкого и его отряд. В октябре канцлер Лев Сапега, давний покровитель Отрепьева, направил в Самбор слугу Гридича, чтобы тот «досмотрел» Дмитрия: «...подлинно тот или не тот?» Гридич ездил в Самбор, но *«того*

вора (по словам послов) *не видел: живет, де, в монастыре, не кажетца никому».*

В октябре в Самбор наведался бывший духовник Отрепьева. Он также вынужден был уехать ни с чем. Вслед за тем бернардинский монашеский орден направил к Мнишекам из Кракова одного из наиболее видных своих представителей. Поскольку по всей Польше прошел слух, что Дмитрий *«в Самборе в монастыре в чернеческом платье за грехи каетца»,* эмиссар ордена произвел досмотр самборского монастыря, а затем получил от самборских бернардинцев письменное подтверждение, что Дмитрия нет в их монастыре и они не видели царя с момента отъезда его в Россию.

Мнишеки не осмелились показать нового самозванца ни духовенству, в свое время покровительствовавшему тайному католику Отрепьеву, ни представителям официальных властей. Во время переговоров с русскими послами чиновники короля прибегли к нехитрой дипломатической игре. Они осторожно отмежевались от самборской интриги, заявив: *«А что, де, вы нам говорили про того, который называетца Дмитреем, будто он живет в Самборе и в Сендомире у воеводины жены, и про то не слыхали».* В то же время королевские дипломаты, добиваясь немедленного освобождения задержанных в Москве поляков, угрожали послам вмешательством в московские дела посредством новых самозванцев. *«Только государь ваш* (царь Василий. — *Р. С.) вскоре не отпустит всех людей,* — говорили они, — *ино и Дмитрий* (новый самозванец. — *Р. С.) будет, и Петр прямой будет, и наши за своих с ними заодно станут».*

Первый самозванец, по меткому замечанию В. О. Ключевского, был испечен в польской печке, но заквашен в Москве. Новый Лжедмитрий также не миновал польской кухни, но его судьба была иной: его не допекли и не вынули из печи. «Вор» таился в темных углах самборского дворца в течение всего восстания 1606—1607 годов, не осмеливаясь показать лицо не только полякам, но и восставшему русскому народу.

Московские власти возлагали ответственность за восстание в Путивле на одного Шаховского, не зная того, что за его спиной стоял Молчанов. Князь Григорий, как отметил автор

«Нового летописца», сказал путивльцам, *«что царь Дмитрий жив есть, а живет в прикрыте: боитца изменников убивства»*. Аналогичным образом речь Шаховского изложил Буссов. По его свидетельству, воевода собрал в Путивле всех горожан и уверил их, что Дмитрий жив и скрывается в Польше, где собирает войско для нового похода. Именем Дмитрия Шаховской обещал путивлянам царскую милость, если они будут хранить ему верность и помогут отомстить «неверным псам». Когда в Путивль стали поступать из Польши личные письма «спасшегося государя», население преисполнилось энтузиазма и стало собирать казну и войско для изгнания из Москвы Шуйского.

Самозванческая интрига, возрожденная усилиями Молчанова и Шаховского, во многом отличалась от интриги Отрепьева. Двадцатичетырехлетнему Отрепьеву не приходилось беспокоиться, похож ли он на восьмилетнего царевича Дмитрия, которого через пятнадцать лет после смерти забыли даже те немногие, кто видел его лично. Для нового самозванца главная трудность заключалась в том, что он нисколько не походил на своего предшественника, характерную внешность которого не успели забыть за несколько месяцев, прошедших после переворота. По временам Молчанов брался за исполнение роли царя Дмитрия, и тогда посетители Самбора видели его на «троне» в парадном зале Самбора. Но подобные инсценировки устраивались крайне редко и лишь для лиц, никогда не видевших Отрепьева. Роль самозванца оказалась Молчанову не по плечу. Результатом было новое и весьма своеобразное историческое явление — *«самозванщина без самозванца»*.

Приняв на себя роль «Дмитрия» в Польше, Молчанов не посмел въехать в Путивль и занять трон на первом отнятом у Шуйского клочке земли. Путивляне хорошо знали и своего «государя» Отрепьева, и его придворного Молчанова, обман здесь был невозможен.

Жители Путивля сами пытались разыскать «воскресшего» царя и поторопить его с возвращением на родину. В двадцатых числах августа 1606 года духовник короля Барч сообщил нун-

цию Рангони, что в Киев приехала депутация из Северской земли, члены которой разыскивают Дмитрия и выражают твердую уверенность, что найдут его в одном из польских замков. Примечательно, что прибывшие из России представители восставших северских городов не знали точно, где скрывается «Дмитрий». Очевидно, в письмах в Россию Молчанов не указывал своего местонахождения. «Прелестные письма» нового самозванца рано или поздно должны были попасть в руки Шуйского, и тогда любое указание на Самбор повлекло бы за собой самые суровые санкции против Марины и Юрия Мнишеков.

Самозванческая интрига не получила развития. Тем не менее появление призрака в самборском замке оказало большое влияние на ход гражданской войны в России. Деятельность Молчанова в роли «законного царя» и преемника Лжедмитрия I развернулась по двум направлениям. Во-первых, он стал рассылать по всей России «прелестные письма» с призывом свергнуть узурпатора Василия Шуйского. Во-вторых, он предпринимал попытки поставить во главе повстанческого движения лично преданных ему людей. В силу традиции царские указы не имели подписи царя, но их непременно скрепляли печатью. По словам современников, инициаторам интриги удалось похитить государственную печать перед бегством из Москвы. Это позволило Молчанову не только составлять воззвания, но и производить назначения в повстанческом лагере. Сохранившаяся переписка между руководителями повстанческих отрядов содержит прямую ссылку на присланную им «государеву цареву и великого князя Дмитрия Ивановича всея Русии грамоту *за красною печатью*».

Первоначально Молчанов предполагал направить в Путивль в качестве своего главного эмиссара дворянина Заболоцкого. Но тот был задержан на границе польскими властями. Потерпев неудачу с Заболоцким, Молчанов остановил свой выбор на казачьем атамане Иване Исаевиче Болотникове.

Некогда Болотников служил в холопах у князя А. А. Телятевского, затем бежал от господина и нашел прибежище на вольных казацких окраинах. Считается, что Болотников стал атаманом донских казаков. Но это не совсем верно. Автор анг-

лийской записки о России 1607 года, указавший на Молчанова как главного инициатора восстания против Шуйского, прямо называет Болотникова *«старым разбойником с Волги»*. Англичане вели большую торговлю на Нижней Волге, где их суда не раз подвергались нападениям волжских казаков. Возможно, этим и объясняется их осведомленность насчет Болотникова.

Самые подробные сведения о жизни Болотникова сообщают два иностранных автора — И. Масса и К. Буссов. Но их свидетельства противоречат друг другу, и примирить их невозможно. Однако надо иметь в виду, что Буссов служил под начальством Болотникова и располагал более надежными источниками информации.

В «Записках» И. Массы можно найти упоминание о том, что Болотников явился в Россию во главе 10-тысячного казацкого войска, а до того он *«служил в Венгрии и Турции»*. На основании этого свидетельства историки заключили, что Болотников стал предводителем не потому, что во главе войск его поставил самозванец, а потому, что он привел в Самбор многочисленное казацкое войско, что и обеспечило ему роль народного вождя.

Рассказ К. Буссова отличается большей достоверностью, чем известие Массы. Болотников действительно побывал в Турции, но не как казацкий предводитель, а как пленник. Атаман разделил участь многих других вольных казаков. Он был захвачен в плен татарами и продан в рабство туркам. Будучи гребцом-невольником на турецких галерах, казак участвовал в морских сражениях. Одно из таких сражений кончилось поражением турок. Болотников был освобожден из плена итальянцами, оказался в Венеции, на обратном пути в Россию побывал в Германии и Польше. Слухи о спасении «Дмитрия» привлекли его в Самбор.

Буссов ни словом не упоминает о прибытии в Самбор вместе с Болотниковым десятитысячного войска, и в этом случае его версия заслуживает большего доверия, чем версия Массы. В самом деле, польские власти в обстановке мятежа не допустили передвижения по территории Польши даже небольшого по численности отряда Заболоцкого.

Болотников был пленником, пробиравшимся с чужбины на родину, и никаких воинских сил при нем не было. Молчанов следовал своему расчету, когда остановил выбор на казачьем атамане. Он пытался найти людей, которые были бы всецело обязаны его милостям и, кроме того, искренне верили бы, что имеют дело с прирожденным государем. Болотников прибыл в Польшу с запада после многолетних скитаний. Он не был свидетелем событий, разыгравшихся в России в 1604—1605 годах, и никогда не видел в лицо Отрепьева. Его нетрудно было обмануть.

Буссов много раз беседовал с Болотниковым и, по-видимому, с его слов описал сцену свидания атамана с человеком, выдававшим себя за Дмитрия. Приноравливаясь к обстоятельствам, самозванец то надевал монашеское платье и скрывался в местном католическом монастыре, якобы по соображениям безопасности, то появлялся во дворце. Болотников был принят в самборском дворце. Самозванец долго беседовал с казачьим атаманом и под конец снабдил его письмом к Г. Шаховскому и отправил в Путивль в качестве своего личного эмиссара и «большого воеводы». Буссов ни словом не упоминает о том, что в подчинении Болотникова были какие-то воинские силы. Как видно, Молчанов не мог предоставить в распоряжение Болотникова солдат и не имел возможности снабдить его денежными средствами. «Большой воевода» Болотников получил от Молчанова мизерную сумму в 60 дукатов, вместе с заверениями, что в Путивле Г. Шаховской выдаст ему деньги из казны и даст под начальство несколько тысяч воинов.

Весть о том, что *«добрый государь Дмитрий»* прислал в Путивль личного эмиссара, ободрила народ и подтолкнула к мятежу многие южные города.

Глава 3
МЯТЕЖ ПРОТИВ ШУЙСКОГО

Народные волнения на юге России начались с запозданием, после того как правительство справилось с кризисом в столице. Полагают, что царь Василий своими опрометчивыми действия-

ми сам ускорил взрыв. Однако преувеличивать значение ошибок Шуйского не следует. Важны были не столько действия тех или иных лиц, сколько народные настроения. Решив избавиться от своих противников, Шуйский разослал их на воеводства в провинциальные города. Самые влиятельные и энергичные приверженцы самозванца, такие, как князь В. Ф. Рубец-Мосальский или А. Власьев, были сосланы на север или же на восточную окраину и не приняли участия в восстании. Князь Г. П. Шаховской не имел думного чина и далеко уступал названным лицам по своему политическому весу и темпераменту. Но он попал на бурлившую южную окраину, что и решило дело.

Ко времени прибытия Болотникова из Самбора в Путивль восстание против Шуйского захватило обширную территорию. Русские и иностранные источники одинаково свидетельствуют, что в движении участвовали, кроме Путивля, города Чернигов, Рыльск, Кромы, Курск.

Источники позволяют установить, почему восстание добилось длительного успеха прежде всего в названных городах. Дело в том, что на первом этапе гражданской войны в 1604—1605 годах именно в этих городах были сформированы повстанческие отряды, которые в составе армии Лжедмитрия I в июне 1605 года вступили в Москву. Правительству не удалось разгромить эти отряды, состоявшие из населения северских городов, вольных казаков, комаричей и прочего люда. Эти отряды несли караулы в Кремле в первые недели правления самозванца. После того как Отрепьев заключил соглашение с Боярской думой, повстанцы были щедро награждены и распущены по домам. Таким образом, повстанческие войска 1604—1605 годов сохранили свой основной костяк и структуру. Когда в северских и южных городах узнали о перевороте, а затем прошел слух о спасении *«доброго царя Дмитрия»*, население вновь взялось за оружие. Повстанческая армия возродилась в считанные дни и недели. Если бы Шаховскому или любому другому руководителю восстания пришлось заново формировать войско, на это ушло бы много времени. Впрочем, таким деятелям, как Шаховской, подобная задача была явно не по плечу.

Участник повстанческого движения К. Буссов подробно описывает сбор войск в Путивле. По его словам, путивляне послали гонцов на Дон и вызвали оттуда вольных казаков, а кроме того, созвали *«всех князей и бояр, живших в Путивльской области»*. В Путивльском уезде не было ни князей, ни бояр. Службу там несли мелкопоместные дети боярские, а также казаки, стрельцы и прочий служилый люд. Вместе с донцами они и составили костяк повстанческой армии.

Яков Маржарет дополняет рассказ К. Буссова необходимыми цифровыми данными. Когда взбунтовалась Северская земля, повествует он, *«в поход отправилось семь или восемь тысяч человек совсем без предводителей»*. После воцарения Лжедмитрия I повстанческие отряды сохранили свой костяк, но растеряли главных вождей. Их самый известный предводитель — казачий атаман Корела стал придворным у самозванца и очень скоро спился. Вождь донских казаков П. Лунев постригся в монастырь. Год спустя восставшие жители Путивля избрали своими командирами двух лиц, ничем не проявивших себя на первом этапе гражданской войны и не имевших опыта руководства крупными военными силами. Одним из них был атаман Иван Болотников, прибывший в Путивль с грамотами из Самбора, а другой — сын боярский Истома Пашков.

После годичного перерыва гражданская война вспыхнула в России с новой силой. На новом этапе действия повстанцев имели свои особенности. Во-первых, в их лагере полностью отсутствовали отряды хорошо обученных польских наемников. Во-вторых, повстанцы не могли использовать фактор внезапности нападения.

Лжедмитрий готовился к походу на Азов, и с весны 1605 года отряды ратных людей были собраны частично на Оке, частично в Подмосковье. Борису Годунову понадобилось два месяца, чтобы собрать дворянское ополчение и использовать его для войны с Отрепьевым. В распоряжении Шуйского были целиком отмобилизованные полки. По данным Я. Маржарета, правительство использовало против повстанцев летом 1606 года *«от пятидесяти до шестидесяти тысяч человек и всех ино-*

земцев». На стороне правительства, таким образом, был огромный перевес сил.

Борьба развернулась на двух основных направлениях: под Кромами и Ельцом. Крепость Кромы была сожжена дотла в 1605 году. Неизвестно, в какой мере ее укрепления были отстроены заново в недолгие месяцы правления Лжедмитрия. Однако никто не забыл, что судьба династии Годуновых решилась под стенами Кром. Поэтому вожди восстания выделили часть сил на помощь Кромам, чтобы помешать войскам Шуйского овладеть этим пунктом. Но все же главным центром борьбы стали не Кромы, а Елец. Готовясь к наступлению на Азов, Лжедмитрий приказал укрепить Елец и сосредоточил там крупные запасы продовольствия и оружия.

Находясь в Москве, Я. Маржарет в июле получил достоверную информацию о поражении повстанческих войск на всех направлениях. Его сведения находят подтверждение в Разрядах. Из Разрядных записей следует, что главный воевода князь И. М. Воротынский с крупными силами прибыл к Ельцу и наголову разгромил «воровское» войско, присланное на помощь ельчанам. *«А как воровских людей под Ельцом побили,* — значится в Разрядах, — *и к боярам и к воеводам князю Ивану Михайловичу Воротынскому приезжал стольник князь Борис Ондреевич Хилков»*.

На Кромы выступили второстепенные воеводы князь Ю. Н. Трубецкой и М. А. Нагой. Трубецкой задержался в Карачеве, формируя полки, а «наперед себя» послал под Кромы Нагого. В это самое время, как свидетельствуют Разряды, *«Болотников приходил под Кромы, и он* (Нагой. — *Р. С.) Болотникова побил, и с тово бою прислал к Москве к государю с сеунчом дорогобужениина Ондрея Семенова сына Колычева»*.

Итак, на первых порах Болотников не оправдал надежды, которые возлагал на него самборский самозванец. Он понес поражение до того, как воеводы подтянули к Кромам свои главные полки.

Однако царь Василий не смог воспользоваться плодами своих июньских побед. Тяжеловооруженная дворянская конница, обладавшая подавляющим численным перевесом, лег-

ко одерживала верх над плохо вооруженными и в основном пешими повстанцами. Но в руках восставших оставались крепости, снабженные артиллерией. Попытки занять их не увенчались успехом.

Правительство тщетно пыталось использовать имя Грозного, чтобы повлиять на восставшие города. Вдова Грозного Мария Нагая обратилась с личным письмом к жителям Ельца, призывая их отвернуться от мертвого расстриги. Грамоту ельчанам передал дядя царевича Дмитрия боярин Г. Ф. Нагой. Аналогичные грамоты были посланы в другие места. Но обращения царя Василия не имели успеха.

На первом этапе гражданской войны, в 1605 году, армия Годуновых распалась после двухмесячной осады Кром. Воеводе Воротынскому пришлось осаждать Елец также не менее двух месяцев. Столько же времени отряды Трубецкого провели у стен Кром.

В августе 1606 года правительственные войска отступили к Москве. Верно ли мнение историков о том, что причиной отступления было поражение царской армии? В какой мере источники подтверждают это мнение? В дневнике поляка А. Рожнятовского можно найти записи, которые на первый взгляд не оставляют места для сомнений: *«День 17 сентября. Пришло известие к пану воеводе, что под Ельцом войско Шуйского в 5 тыс. наголову разбито. День 21 сентября. Снова пришла весть, что под Кронами побито 8 тыс. людей Шуйского, гнали и били их на протяжении 6 миль»*. Упомянутый в дневнике «пан воевода» был не кем иным, как Юрием Мнишеком. Рожнятовский жил на дворе у Мнишека в качестве его слуги. Его дневниковые записи всецело отражали точку зрения господина. Мнишек активно участвовал в новой самозванческой интриге и старался внушить своему окружению и зарубежным корреспондентам преувеличенные представления об успехах сторонников своего «спасшегося» зятя. Приемы обращения Мнишека с информацией хорошо известны. В 1604 году в руки Мнишека попал московский дворянин Хрущев, сообщивший ему о смерти вдовствующей царицы Ирины Годуновой. Люди Мнишека (а окружение его не изменилось в 1606 году) обра-

ботали показания Хрущева, сочинив версию, что Годунова признала права на трон «истинного Дмитрия», за что была убита братом Борисом. Вся эта немыслимая ложь понадобилась Мнишеку, чтобы оправдать войну с «тираном» Борисом Годуновым. Аналогичные средства Мнишек употреблял в борьбе с другим «узурпатором» — Василием Шуйским.

В окружении Мнишека охотно подхватили слухи о катастрофическом поражении войск Шуйского и постарались подкрепить их «точными» фактами. Однако приведенные в дневнике Рожнятовского цифры не заслуживают доверия. Армию под Ельцом возглавлял один из главных руководителей думы — удельный князь И. М. Воротынский, и его полки (вопреки утверждению Рожнятовского) были значительно более многочисленными, чем полки второстепенных воевод Ю. Н. Трубецкого и М. А. Нагого. Было несколько причин, вынудивших воевод к отступлению. Казенные житницы были опустошены в период трехлетнего голода при Годунове. Весной 1606 года в разгар цветения хлеба были погублены заморозками. Из-за неурожая цены на продукты питания стали расти. Командование не сумело обеспечить снабжение армии, и в полках начался голод. По словам очевидцев, в лагере невозможно было купить сухарей из-за страшной дороговизны. Повстанцы не раз терпели поражение в открытом бою, но восстание ширилось, захватывая новые местности. В конце концов войска, осаждавшие Елец и Кромы, сами оказались в кольце восставших городов.

Дворянское ополчение обнаружило вновь свою ненадежность. С приближением осени дворяне стали разъезжаться по своим поместьям. Силы Шуйского таяли, тогда как силы повстанцев росли. Болотников, разбитый под Кромами, к концу лета сформировал новое войско и предпринял второе наступление на Кромы. На этот раз его поддержал отряд путивльских повстанцев во главе с Юрием Беззубцевым. У Болотникова и Беззубцева было слишком мало сил, чтобы разгромить полки Трубецкого, но Беззубцев повторил маневр, который принес ему успех в 1605 году. Повстанцы «оттолкнули» воевод со своего пути и пробились в осажденную крепость Кромы. Болотников добился ограниченного успеха. Тем не менее

события под Кромами послужили толчком к отступлению царских войск из-под Кром и Ельца.

В средние века воевавшие армии несли наибольшие потери не в момент боя, а в ходе отступления, когда сопротивление прекращалось и легко возникала паника. Не будучи разгромлены, царские полки при отступлении утратили порядок и превратились в нестройную толпу. Заметив признаки надвигавшегося мятежа в крепости Новосили, служившей тыловым опорным пунктом армии Воротынского, командование направило туда воеводу князя М. Кашина. Но гарнизон и жители Новосили восстали и не пустили в город Кашина. Точно так же воевода Ю. Трубецкой после отступления от Кром не был пущен в Орел, где произошел мятеж.

Главный воевода Воротынский соединился с Кашиным в Туле. Если бы в его распоряжении были надежные части, он бы мог обороняться в неприступном тульском кремле. Но Воротынскому подчинены были рязанцы, каширцы, туляки. Именно рязанцы возглавили мятеж против Годуновых в лагере под Кромами и тем самым помогли Лжедмитрию добиться победы. Год спустя рязанцы и туляки вновь обнаружили свою ненадежность. Полки Воротынского фактически развалились. Заокские города переходили на сторону повстанцев один за другим, и в таких условиях воеводам не оставалось иного выхода, кроме как покинуть Тулу. В Разрядных записках об этом сказано следующее: когда Воротынский *«пришел на Тулу ж, а дворяня и дети боярские все поехали без отпуску по домам, а воевод покинули, и на Туле заворовали, стали крест целовать вору. И Воротынский с товарыщи пошли с Тулы к Москве, а городы зарецкие все заворовалися, целовали крест вору»*.

Падение Тулы открыло перед повстанцами путь на столицу.

Мятежники осаждали царя Василия в Москве в течение пяти недель. Об этом сообщают два источника различного происхождения — записки немецкого купца Г. Паэрле, находившегося в Москве в 1606 году, и документы Разрядного приказа. Известно, что повстанцы отступили от стен столицы 2 декабря 1606 года. Отсюда следует, что началась осада

28 октября. Однако есть основания полагать, что впервые отряды мятежников появились в окрестностях Москвы много раньше.

К числу самых ранних источников, непосредственно отразивших события тех дней, относится «Повесть протопопа Терентия». На одном из списков имеется пометка о публичном чтении этой повести в Кремле 16 октября 1606 года. В заголовке другого списка повести указана точная дата ее сочинения: *«Повесть сиа лета 7115 года сентября»*. Содержание повести вкратце сводится к следующему. Осенью 1606 года протопоп кремлевского Благовещенского собора Терентий объявил властям о видении Христа и Богородицы, предвестивших наступление многих бед для людей (москвичей). Он начал «Повесть» с молитвы о *«мире всего мира и о нынешних лютых на нас находящих»*, а затем еще раз упомянул о «нынешнем» нашествии на Москву *«кровоядцев и немилостивых разбойников»*. Сведения о появлении мятежников у стен столицы, таким образом, были впервые записаны в сентябре 1606 года. По авторитетному свидетельству Буссова, армия Пашкова двинулась к Москве в августе, а уже к Михайлову дню она оказалась в миле с четвертью от города. По русскому календарю Михайлов день приходится на 17 сентября. Таким образом, свидетельство Буссова подкрепляет данные «Повести Терентия».

С начала сентября поляк Рожнятовский делал записи в своем дневнике почти ежедневно. Из них следует, что мятежники вышли к Москве между 14 и 17 сентября 1606 года. В хозяйственных книгах подмосковного Иосифо-Волоколамского монастыря среди записей за сентябрь 1606 года можно обнаружить следующую пометку: *«Того ж дни* (15 сентября. — *Р. С.) послали в Калугу для ратных вестей Петра Окулова»*. Запись о посылке монастырского слуги в Калугу за *«ратными вестями»* наводит на мысль, что повстанцы продвигались к Москве не только на серпуховском, но и на калужском направлении.

Распоряжения московского Разрядного приказа доказывают, что в середине сентября наибольшие опасения властям вну-

шали не войска Пашкова, продвигавшиеся к Серпухову, а армия Болотникова, наступавшая от Орла к Калуге. Волоколамские старцы недаром посылали слугу за *«ратными вестями»* в Калугу. В Москве не забыли, что именно Болотников одержал верх над Трубецким под Кромами. Поэтому Шуйский направил против него почти все наличные силы. В одних списках Разрядных книг помечено, что полки выступили в Калугу 10 сентября, в других — 18 сентября. Как значится в Разрядных записях, *«лета 7115-го с сентября послал царь Василий в Калугу против воровских людей брата своего боярина Ивана Ивановича Шуйского, да боярина князя Бориса Петровича Татева, да окольничего Михаила Игнатьевича Татищева, а с ним дворян московских, и стольников, и стряпчих, и дворовых людей»*. В Калуге находились остатки армии Трубецкого, отступавшей туда из-под Кром. Военное командование не очень полагалось на эти силы. Тем не менее Шуйский и Татев получили наказ *«ратных людей уговорить, которые замосковные города и ноугородцы с воеводы пришли ис-под Кром и с Орла в Калугу»*.

23 сентября 1606 года Болотников попытался переправиться за реку Угру под Калугой, но был остановлен воеводами. Как значится в записях Разрядного приказа, 23 сентября *«был бой бояром и воеводам князю Ивану Ивановичу Шуйскому с товарыщи на усть Угры с воровскими людми, и воровских людей побили, с тово бою от бояр... пригонял к государю с сеунчом князь Михайло Петрович Барятинской. А от государя со здоровьем и золотыми прислан... стольник Василий Матвеевич Бутурлин»*. Награждение воевод золотыми свидетельствовало о том, что Болотников потерпел на Угре серьезное поражение. Однако воевода И. И. Шуйский не мог воспользоваться результатами победы. Гражданская война имела свою логику и свои законы. Повстанцы терпели поражение, а восстание ширилось. Население Калуги восстало в тот самый момент, когда Болотников был отброшен прочь от Калуги. Воеводы, выиграв битву, повернули к Калуге, чтобы дать отдых войскам, но в *«Калугу их не пустили, заворовали и крест целовали вору»*.

Бои под Калугой сковали правительственные войска, что позволило отрядам Пашкова добиться крупных успехов на сер-

пуховском направлении. Отряд, посланный к Серпухову, возглавили второстепенные воеводы князь В. В. Мосальский и Б. И. Нащокин, а это значит, что численность отряда была невелика. В Разрядных книгах записано: *«Того ж году* (7115. — *Р. С.*) *посланы по серпуховской дороге на Лопасну воеводы, боярин князь Владимир Васильевич Кольцов-Мосальский да Борис Иванов сын Нащокин»*. Воеводам не удалось остановить восставших под Серпуховом. Отряды Пашкова разбили войско Мосальского на Лопасне, продвинулись к Москве на 30—40 верст и были остановлены на реке Пахре. В Разрядных книгах помечено: *«На Пахре был бой с воровскими людьми, на Лопасне наперед»*. В столкновении на Лопасне правительственные войска понесли чувствительные потери. Дворянин О. И. Ушаков писал в челобитной царю, что его отец Иван *«был на Москве голова у стрельцов при царе Василье Ивановиче, и посылан с Москвы с стрельцы противо воровских казаков на Лопасну, и... отца нашего на Лопасне убили»*. Московское командование выслало подкрепления Мосальскому, благодаря чему он смог закрепиться на Пахре. В Разрядных записях отмечено: *«Да на Пахру ж посыланы з головою с Петром Дашковым к боярину ко князю Володимеру Васильевичу Кольцову-Мосальскому 250 человек, и наказ ему дан особ»*.

На некоторое время боевые действия на серпуховском направлении стихли. Повстанцы остановились на Лопасне, а воеводы заняли позиции на Пахре. В описях царского архива упоминается любопытный документ, относящийся ко времени «стояния» на Пахре осенью 1606 (7115) года. В документе излагались показания двух лазутчиков: *«Роспрос 115-го году торгового человека Степанки Шитникова да садовника Богданка Поневина, что посылали их с Пахры крутицкой митрополит Пафнутий да боярин князь Федор Тимофеевич Долгорукой с товарыщи к ворам на Лопасную»*. Пафнутий был деятельным помощником Шуйского и посылал людей на Лопасню, вероятно, чтобы разведать силы противника.

В период сентябрьского наступления повстанцев на Москву произошло два крупных сражения: боярин князь И. И. Шуйский разгромил Болотникова под Калугой на Угре, а бо-

ярин князь М. В. Скопин-Шуйский нанес поражение восставшим на Пахре под Серпуховом. В какой последовательности совершились эти события? Источники позволяют ответить на этот вопрос.

В 1614 году участник боев в Подмосковье князь В. Р. Борятинский предоставил в Разрядный приказ лист с перечнем наград (придач к денежному окладу), полученных им за военные заслуги: *«При царе Василии придано ему, как был бой, боярину князю Ивану Шуйскому с воры с казаки под Колугою на реке на Угре, и князю Василью* (Борятинскому. — *Р. С.*) *за ту службу придано... к 12 рублем 5 рублев, да как послан с Москвы под Серпухов боярин князь Михайло Васильевич Шуйской, и был бой на реке на Пахре с воры с казаки, и ему за ту службу придано к 17 рублем 5 рублев».*

Итак, бой на Пахре произошел после боя на Угре. Правительственными войсками в этом бою руководил племянник царя — молодой стольник М. В. Скопин-Шуйский. Ему были подчинены отряды конницы боярина князя Б. П. Татева, вернувшиеся с Угры. Бой закончился разгромом и бегством «воровских людей».

Сентябрьское наступление на Москву потерпело неудачу прежде всего по той причине, что повстанцы не смогли своевременно объединить свои силы. У них было два главных предводителя — И. Пашков и И. Болотников, и каждый вел свою войну с Шуйским. И. Пашкову достаточно было выждать несколько дней, и тогда восставшие получили бы возможность атаковать Москву одновременно с двух направлений — серпуховского и калужского. Но этого не произошло. В результате правительственные войска разгромили повстанческие армии поочередно, одну за другой.

К октябрю 1606 года одним из главных пунктов военных действий стала Коломна, крупная крепость, прикрывавшая подступы к Москве со стороны Рязани. Удержав в своих руках Серпухов, И. Пашков выступил с главными силами (служилыми людьми из Тулы, Венева и проч.) под Коломну, где соединился с рязанскими повстанцами, которых возглавлял Прокопий Ляпунов.

Вскоре же повстанцы заняли Коломну. По одним источникам, восставшие взяли крепость силой, по другим — жители сами пустили их в город, чтобы избежать разорения.

Падение Коломны вызвало тревогу в Москве. Царь Василий поспешил собрать все наличные силы и отправил их под Коломну. В походе участвовали московские «большие» дворяне, придворные чины — стольники, стряпчие и жильцы, городовые дети боярские, еще оставшиеся в Москве, наконец, служители московских приказов — от дьяков до подьячих. Войско возглавляли главные московские бояре и воеводы — князь Ф. И. Мстиславский, брат царя князь Д. И. Шуйский, князь И. М. Воротынский, трое братьев Голицыных, двое бояр Нагих, окольничие В. П. Морозов, М. Б. Шеин, князь Д. В. Туренин-Оболенский, князь Г. В. Долгорукий, двое Головиных. Войско включало цвет московской знати. Но уездные дети боярские, составлявшие главную массу дворянского ополчения, разъехались из столицы по городам. Оставшихся в Москве было так мало, что их не могли разрядить на пять полков, как то делали при любом выступлении главных воевод. Междоусобная борьба расколола военную опору монархии. Поместное ополчение, переживавшее кризис, распалось. Дворяне помнили о поражении многотысячной рати Бориса Годунова у стен Кром. Ляпунов и прочие рязанские дворяне вновь, как и под Кромами, возглавляли мятежников. Но теперь им было легко добиться успеха. Недолгое правление Лжедмитрия упрочило популярность его имени в дворянской среде. Ко времени наступления на Москву в народе росла уверенность, что «Дмитрий» в самом деле жив. В конце осени восставшие широко оповещали население, что *«государь, деи, наш царь и великий князь Дмитрий Иванович всея Руси ныне в Коломне»*. Известия такого рода оказывали немалое влияние на служилых людей.

Решающее столкновение между правительственными войсками и повстанцами произошло на коломенской дороге, в районе села Троицкого, в 50 верстах от столицы. Знатные воеводы действовали вяло и нерешительно, а служилые дворяне явно не желали умирать за Василия Шуйского. Они не ока-

зали упорного сопротивления сторонникам «Дмитрия» и бросились наутек после первого же натиска неприятеля. Знатные дворяне, попавшие в плен, были отосланы в Путивль на суд «доброго царя». Всех прочих наказали кнутом «за измену» и распустили по домам.

28 октября отряды Пашкова заняли село Коломенское в окрестностях Москвы и стали готовиться к осаде столицы. Иван Болотников потерпел поражение на реке Угре, что не помешало ему занять Калугу, население которой восстало против власти Шуйского. В начале ноября войска Болотникова прибыли в Коломенское и соединились с отрядами Пашкова и Ляпунова.

Различные источники по-разному определяли численность войска, подступившего к Москве. Один поздний летописец считал, что у Болотникова было 187 тысяч воинов. Буссов называл цифру в 100 тысяч бойцов. Но все эти данные невероятно преувеличены.

К числу самых ранних свидетельств принадлежит письмо поляка А. Стадницкого от 2 декабря 1606 года. Опытный военный, А. Стадницкий находился в дни осады в Москве. По его словам, 1 декабря (накануне решающей битвы. — *Р. С.)* восставшие подтянули к городу около 20 тысяч войска. Войско Болотникова постоянно пополнялось небольшими партиями повстанцев, прибывавших со всех сторон, так что точными данными об общей численности армии не располагали даже ее вожди. Если же говорить о примерных данных, то всего ближе к истине были, видимо, польские данные. Возможность войны между Речью Посполитой и Россией носила реальный характер, а потому польские власти использовали все каналы, чтобы получить достоверную информацию о военном положении России.

В авангарде войска Пашкова и Ляпунова шел отряд казаков. Передовые силы повстанческой армии укрепились в деревне Заборье неподалеку от Серпуховских ворот, тогда как главные силы встали лагерем в районе Котлов и далее к югу в Коломенском. К началу ноября в Котлы прибыло войско Болотникова. Военное положение Москвы стало критическим.

Падение столицы можно было ждать со дня на день. Фактически царь Василий остался без армии. Дворянское ополчение распалось, помещики разъехались по своим уездам. В Москву вернулась лишь одна знать, постоянно жившая там.

Снабжение Москвы всегда зависело от своевременного подвоза хлеба из Рязани и других уездов. Год выдался неурожайный, и трудности с продовольствием стали ощущаться в столице уже на исходе лета. Восстание на Рязанщине, на тульской и северской окраинах усугубили дело. Как писал осведомленный современник, после похода под Елец и Кромы многие ратные люди пришли к царю на Москву, но *«с Москвы разъехались по домам для великой скудости»*. После падения Коломны, Калуги, Можайска, Волоколамска подвоз хлеба в столицу резко сократился. Цены на хлеб на столичных рынках подскочили в 3—4 раза, дворянская кавалерия осталась без фуража.

Царь Василий не имел ни достаточного войска, ни казны, ни запасов хлеба, чтобы предотвратить голод в столице. Многим его положение казалось безнадежным. В беседах с друзьями А. Стадницкий говорил, что в дни осады *«как воды под Москвою были... и как государь сидел на Москве с одними посадскими людми, а служилых людей не было, и... было мочно ворот Москва взяти... потому что на Москве был хлеб и дорог и... государь не люб бояром и всей земли и меж бояр и земли рознь великая и...* (у царя. — *Р. С.) казны нет и людей служилых»*.

Исход борьбы за Москву зависел от позиции посадских людей, составлявших главную массу столичного населения. На первом этапе гражданской войны атаман Корела привел в Москву Гаврилу Пушкина с грамотами «Дмитрия», что послужило толчком к массовому восстанию посадских людей против Годуновых. Пашкову и Болотникову недоставало решительности, которой обладал Корела. Но и они засылали в столицу многих лазутчиков с листами от «царя Дмитрия». Однако на этот раз восстания не последовало. Причиной были не столько ошибки повстанцев, сколько обстоятельства объективного характера. Бояре-заговорщики свергли Лжедмитрия I, спровоцировав нападение народа на иноземные наемные войска. И после пере-

ворота в народе оставалось много сторонников «доброго царя», веривших в его спасение. В мае — июле в Москве происходили крупные волнения. Провинция отстала от столицы. Когда Пашков и Болотников подошли к Москве, волнения в городе улеглись. Шуйский утвердился на троне.

Власти использовали всевозможные средства, чтобы отвратить москвичей от «смуты». В октябре вспомнили о видении Терентия, записанном в дни сентябрьской паники в столице. Благовещенский протопоп Терентий был одним из самых рьяных приспешников Отрепьева. Поэтому власть имущие на первых порах весьма скептически отнеслись к его пророчествам. Однако позже царь Василий вспомнил о «Повести» Терентия и велел огласить ее перед всем народом: *«В лето 7115 году октября в 16 день такова Повесть чтена в святой апостольской церкви Успения... пред всеми государевыми князи, и бояре, и дворяны, и гостьми, и торговыми людьми...»* «Повесть» Терентия явилась ярким образцом агитационной литературы периода гражданской войны. Протопоп пространно повествовал, как во сне явились ему Богородица и Христос. Богородица просила помиловать людей (москвичей), Христос обличал их *«окаянные и студные дела»*. Чтение «Повести» явилось лишь частью задуманного властями мероприятия. Пять дней по всей Москве звонили в колокола и не прекращались богослужения в церквах. Царь с патриархом и все люди *«малии и велиции»* ходили по церквам *«с плачем и рыданием»* и постились. Объявленный в городе пост должен был успокоить бедноту, более всего страдавшую от дороговизны хлеба.

Поддержка церкви имела для Шуйского исключительное значение. Патриарх Гермоген вел настойчивую агитацию, обличая мертвого расстригу, рассылал по городам грамоты, предавал анафеме мятежников. Духовенство старалось прославить «чудеса» у гроба нового святого — царевича Дмитрия, останки которого были перевезены в Москву. Большое впечатление на простонародье оказали торжественные похороны Бориса Годунова и членов его семьи, убитых по повелению самозванца. Тела были вырыты из ямы в ограде Варсонофьева

монастыря и уложены в гробы. Бояре и монахи на руках пронесли по улицам столицы останки Годуновых. Царевна Ксения следовала за ними, причитая: «Ах, горе мне, одинокой сироте. Злодей, назвавшийся Дмитрием, обманщик, погубил моих родных, любимых отца, мать и брата, сам он в могиле, но и мертвый он терзает русское царство, суди его, Боже!»

Князья Шуйские имели давние связи с московским посадом, что и помогло им вовлечь в заговор против Лжедмитрия I некоторых влиятельных посадских людей. Торговые люди Мыльниковы занимали среди них едва ли не первое место. Один из них первый выстрелил в Отрепьева. В дни осады Москвы царь Василий поручил голове Истоме Мыльникову и шести его сотоварищам «из Овощного ряду» нести ночной караул подле царской усыпальницы в Архангельском соборе. Столичные посадские люди участвовали как в убийстве Лжедмитрия I, так и в избрании на трон Василия Шуйского. Именно купцы, всякого рода московские сапожники и пирожники, как о них презрительно отзывался К. Буссов, выкрикнули на Красной площади имя нового царя.

Умело используя все эти обстоятельства, царь Василий старался убедить посадских, что никому не удастся избежать наказания в случае успеха сторонников «Дмитрия». Находившийся в столице И. Масса писал, что некоторые из жителей Москвы верили, что «Дмитрий» жив, тем не менее по настоянию властей *«московиты во второй раз присягнули царю в том, что будут стоять за него и сражаться за своих жен и детей, ибо хорошо знали, что мятежники поклялись истребить в Москве все живое, так как* (москвичи. — *Р. С.) все повинны в убиении Димитрия»*.

Пропагандистские меры Шуйского достигли цели. Поддержка Москвы, а также других крупнейших городов страны — Смоленска, Великого Новгорода, Твери, Нижнего Новгорода, Ярославля — помогла царю выстоять в борьбе с Болотниковым. Имеются данные о том, что функции посадской общины в период осады Москвы значительно расширились. Московский «мир» направил в лагерь Болотникова делегацию для переговоров, просил царя дать сражение повстанцам, когда

«народу стала невмоготу дороговизна припасов и проч.». Москвичи три дня лицезрели труп «Дмитрия», а потому версия о его повторном чудесном спасении вызывала у большинства сомнение. Посад направил в Коломенское представителей с просьбой устроить им очную ставку с «Дмитрием», чтобы они могли принести ему повинную. Болотников заверил их, что виделся с «законным государем» в Польше. Но его заверения, естественно, не могли удовлетворить москвичей. Справедливо ли, что делегация была составлена из отобранных царем лиц? Сомнения насчет подтасованности делегации к Болотникову понятны, но надо иметь в виду, что в критических условиях осады и голода массы не стали бы слушать тех, кто не пользовался авторитетом в народе. Очевидец событий И. Масса утверждал, что царь Василий учинил перепись всем (москвичам. — *Р. С.)* старше шестнадцати лет и не побоялся вооружить их. Таким путем власти получили в свое распоряжение не менее десятка тысяч бойцов. Вооруженные пищалями, саблями, рогатинами, топорами, горожане были расписаны по осадным местам. (Именно так города «садились в осаду».) *«Когда повстанцы подступили к городу,* — писал А. Стадницкий, — *из лавок... выгоняли народ на стены». «По причине великого смущения и непостоянства народа в Москве»* никто не мог предсказать исхода борьбы за столицу. Брожение в низах не прекращалось. В город постоянно проникали лазутчики с «прелестными» письмами от имени «Дмитрия». И все же торговые верхи — «лучшие люди», руководившие посадской общиной, помогли Шуйскому выдержать осаду.

Посадские люди, ездившие для переговоров в Коломенское, оказали неоценимую услугу Шуйскому. Они использовали переговоры, чтобы посеять сомнения в лагере восставших. Когда Болотников пытался убедить их, что сам видел «Дмитрия» в Польше, посланцы посада заявляли: «Нет, это, должно быть, другой: Дмитрия мы убили». (Как видно, делегацию возглавляли те самые купцы Мыльниковы, которые участвовали в заговоре и убийстве Отрепьева.) Москвичи, ездившие в Коломенское, помогли властям установить контакты сначала с вождем рязанских дворян П. Ляпуновым, а поз-

же с главным предводителем повстанческого войска И. Пашковым.

Мирные переговоры сторонников «Дмитрия» с представителями Москвы продолжались две недели. Наконец вожди восстания поняли, что им не открыть столичные ворота с помощью переговоров. 15 ноября 1606 года повстанцы попытались штурмовать Замоскворечье. Бой начался успешно для повстанцев. Они ворвались внутрь укреплений, выстроенных Скопиным против Серпуховских ворот. Но в этот момент П. Ляпунов с рязанцами переметнулся на сторону врага, и восставшие отступили.

По мнению А. А. Зимина, вместе с Ляпуновым к царю Василию перешли 500 рязанских дворян. Это не совсем верно. Сообщник Ляпунова сын боярский А. Борзецов упомянул в челобитной царю, что *«ко Москве, к царю Василию»* отъехали с Ляпуновым 40 рязанских дворян и детей боярских. Их примеру последовало несколько стрелецких сотен. Все перебежчики вскоре же были щедро награждены.

В дни осады Москвы повстанцы наводнили столицу прокламациями. По словам английского современника, они *«писали письма к рабам в город, чтобы те взялись за оружие против своих господ и завладели их именем и добром»*. Аналогично излагал содержание «воровских» грамот патриарх. Но и патриарх, и английский современник принадлежали к состоятельным верхам общества, страшившимся разбушевавшейся народной стихии. Понятно, что они старались выставить требования повстанцев в самом неприглядном и злонамеренном виде.

В свое время Отрепьев, домогавшийся трона, в своих грамотах взывал в первую очередь к московским верхам. Опыт осады Москвы убедил повстанцев, что верхи сговорились с боярским царем и помочь справедливому делу возвращения на трон «доброго царя» может лишь одна сила — низы, «чернь», холопы. Бояре, поддерживавшие узурпатора Шуйского и потворствовавшие «измене», подлежали смерти, их имущество — разделу.

Чтобы окончательно запугать благонамеренных жителей Москвы, патриарх утверждал, будто повстанцы намеревались раздать безымянным шпыням боярских жен, ввести босяков в думу, сделать воеводами в полках, поставить над приказами *(«Хотят им давати боярство, и воеводство, и окольничество, и дьячество»)*.

Обращение к низам — «черни» — усилило внутренние раздоры в повстанческом лагере.

И. Пашков перешел на сторону царя Василия через две недели после П. Ляпунова. Объясняя его измену, новейший исследователь В. И. Корецкий высказал мысль о глубоких программных расхождениях между Пашковым и Болотниковым. В войске Пашкова (по мнению В. И. Корецкого) уже во время наступления на Москву взяли верх дворянские элементы; Пашков не казнил дворян, попавших к нему в плен, и намеревался создать правительство, которое бы действовало в *«продворянском направлении»;* под стенами Москвы Пашков требовал выдачи восставшим трех братьев бояр Шуйских, тогда как Болотников — выдачи «всей правящей верхушки», включая бояр и «лучших горожан» (богатых купцов), но такой расширенный проскрипционный список оказался неприемлемым для Пашкова, потому что таил опасность социального переворота.

Источники ставят под сомнение нарисованную выше картину. Отряды Пашкова и Болотникова были сходны по своему социальному составу. Пашков находился в лагере восставших до последнего дня осады. Его измена была вызвана как рознью в лагере повстанцев, так и причинами сугубо личного характера — соперничеством двух самых выдающихся вождей движения. Столкновение началось по следующему поводу.

В селе Коломенском располагался дворец — загородная резиденция царя. Дворец должен был занять старший воевода. Но и Пашков, и Болотников одинаково претендовали на пост главнокомандующего. Пашков первым пришел в Коломенское, и никто не мог помешать ему остановиться в царском дворце. После подхода Болотникова Пашков должен был подчиниться его требованию, признать его старшим воеводой и уступить за-

нятое ранее «лучшее место». Пашков имел основания встать во главе всех повстанческих сил. Он первым поднял знамя восстания, он разгромил главных царских воевод и приступил к осаде Москвы. Болотников пытался самостоятельно пробиться к столице, но понес поражение под Калугой и явился в Коломенское с запозданием. Домогаясь первенства, Болотников ссылался не на свои победы, а на царскую грамоту: сам «царь Дмитрий» назначил его главнокомандующим, тогда как Пашков получил воеводство от путивльского воеводы Шаховского. Пашков ссылался на свои заслуги и, по-видимому, выражал сомнения насчет происхождения грамот, предъявленных Болотниковым. Царь Василий знал о распрях в Коломенском и постарался использовать их в своих целях. В конце концов его люди вручили народному вождю большую сумму денег. Золото развязало язык Пашкову. Он заверил агентов Шуйского, что до сих пор никто не видел живого «Дмитрия» в Путивле и даже там о нем знают не больше того, что было сообщено в первые дни восстания Шаховским. Пашков подтвердил, что не знает, жив ли «Дмитрий» или поляки по проискам Шаховского выдвинули нового самозванца.

29 ноября 1606 года царь Василий, дождавшись подхода подкреплений из Смоленска, приказал выбить казаков из Заборья. Братья царя бояре Дмитрий и Иван окружили казацкий лагерь и два дня бомбардировали его. Попытки взять табор штурмом не увенчались успехом. Царские полки несли потери. На третий день, 2 декабря, произошло генеральное сражение. Оставив часть сил под Заборьем, воевода Скопин выступил к Коломенскому, где соединился со смоленской ратью. Болотников выступил навстречу Скопину, вызвав на помощь Пашкова.

Не дожидаясь начала сражения, Пашков перешел на сторону неприятеля. По-видимому, подавляющая часть его войска не была посвящена в планы своего командира и не приняла участия в мятеже. Русские очевидцы и иностранные авторы твердо знали, что с Пашковым перешло в царский лагерь не более 400—500 человек. И. Пашков много лет служил в Епифани, где получили поместья и чин детей боярских 300

казаков. Они и составили ядро войска Пашкова. Мелкие епифанские помещики сделали своего сотника (командира сотни бойцов) главнокомандующим в начале восстания, а затем последовали за ним в лагерь Шуйского.

С военной точки зрения их измена не имела большого значения. Но она внесла замешательство в ряды восставших. По словам современников, воеводы взяли в плен более 20 тысяч повстанцев, убитых же было 1000 человек с небольшим. Сами по себе эти цифры кажутся слишком преувеличенными в их абсолютном значении. Но из их соотношения следует, что до серьезного сражения дело не дошло. Участник восстания К. Буссов подчеркивал, что Болотников поспешно отступил, не задерживаясь в Коломенском, *«оставив на разграбление врагу весь свой лагерь со всем, что в нем было»*.

Скопин мог преследовать Болотникова и разгромить его отступавшее, расстроенное войско, если бы у него в тылу не было казацкого табора. Заняв Коломенское, воеводы поспешили вернуться к Заборью и возобновили штурм. Казаки отразили несколько приступов, но силы были неравные. В конце концов казачье войско разделилось. Одни вступили в переговоры с воеводами и, узнав об измене Пашкова, решили последовать его примеру. Они *«государю добили челом и крест целовали* (принесли присягу. — *Р. С.), что* (будут) *ему государю* (Василию Шуйскому. — *Р. С.) служить»*. Половина казаков отказалась сложить оружие. Они пытались вырваться из окружения, но воеводы были наготове, и множество повстанцев попало в плен.

Благодаря сопротивлению заборских казаков Болотников сумел вывести из-под удара ядро своей армии. Как отметили очевидцы, отступив из-под Москвы, он заперся в Калуге, куда вместе с ним пришло *«всяких людей огненного бою* (с ружьями. — *Р. С.) больши десяти тысячь»*.

Полагают, что Болотников выдвинул антикрепостническую программу, а его действия явились выражением классовой борьбы. Под его знаменами собралась будто бы «сермяжная», мужицкая рать. Болотников безжалостно казнил дворян. На основании подобного рода наблюдений был сделан вывод о том, что в начале XVII века в России развернулась первая

крестьянская война. Однако ранние и наиболее достоверные источники начисто разрушают эту схему.

Одержав верх над восставшими под Москвой, Шуйский 5 декабря 1606 года обратился с грамотой к городам, в которой писал, что *«дворяне и дети боярские резанцы, коширяне, туляне, коломничи, алексинцы, калужане, козличи, мещане, лихвинцы, болховичи, боровичи, медынцы и всех городов всякие люди нам добили челом и к нам все приехали, а в городах у себя многих воров побили и живых к нам привели и город(а) очистили»*. Грамота Шуйского при всей ее тенденциозности является важнейшим документом по истории восстания Болотникова. В публичном заявлении царь вынужден был признать крайне неприятный для него факт массового участия в восстании дворян и детей боярских южных городов и уездов. В воззвании Шуйского упоминалось 13 мятежных городов. Из них лишь 4 лежали в полосе наступления Пашкова. Через остальные наступал Болотников, а отсюда следует, что дворяне и дети боярские из этих уездов подкрепили его войско. Дворяне уступали по численности низшим слоям населения, но они были военными людьми по профессии, были сплочены и имели лучшее вооружение. И в правительственном лагере, и в стане Болотникова дворяне составляли главную боевую силу. В России бушевала гражданская война, главной причиной которой был раскол господствующих сословий и народа. Болотников казнил дворян, чтобы вернуть к власти законного царя «Дмитрия». Мятеж сторонников убитого самозванца вылился в бунт.

Глава 4

«ЦАРЕВИЧ» ПЕТР

Самозваный царевич Петр Федорович, появившийся на Тереке еще при жизни Отрепьева, сам рассказал историю своей жизни: первый раз — во время своих зарубежных странствий в декабре 1606 года и во второй раз — перед боярским судом год спустя. Первая версия подробно изложена в письме оршанского старосты А. Сапеги королю, датированном янва-

рем 1607 года. Сапега записал рассказ Петра сразу после беседы с ним. Показания самозванца перед боярским судом были обнародованы московскими властями в приложении к царской грамоте от 19 октября 1607 года. Сопоставление двух версий позволяет составить подробное жизнеописание мнимого внука Грозного.

В отличие от Григория Отрепьева Петр не имел подле себя ни кремлевских монахов, ни царских придворных, которые бы могли помочь ему сочинить подходящую легенду. Попав за рубеж, Петр изложил Сапеге историю, носившую отпечаток фольклора. Родителями его, утверждал самозванец, были царь Федор Иванович и царица Ирина Годунова. В момент рождения царица, чтобы спасти сына, сообщила правителю Борису Годунову, будто от нее родился полумедведь-получеловек. Поверив сестре, правитель на время успокоился. Однако Ирина, желая надежнее укрыть сына Петра от грозившей ему смерти, повторно обманула Бориса. Она передала младенца бабе-вдове Анне Васильевой в подмосковном государевом селе Братошино. Та положила Петра у дороги, а потом при людях взяла его в свой дом как сироту. У бабы царевич жил, пока «не набрался разуму». Тем временем Ирина вновь обвела брата вокруг пальца, сказав ему, что родила не мальчика, а девочку. Вслед за тем Борис отравил царя Федора и убил посохом сестру царицу, после чего подросший Петр «пристал» к астраханскому стрельцу Федору и провел два года в Астрахани. Самозванец ничего не мог сказать, от кого он узнал о своем царском происхождении. Такой вопрос не приходил ему в голову, видимо, в силу умственной ограниченности. Какие бы фантастические сведения о себе ни сообщал Петр, он все же не мог уйти от опыта собственной жизни. Перед боярским судом самозванец назвал свое подлинное имя — Илейка Коровин и показал, что родился и воспитывался в семье бабы Ульяны, вдовы торгового человека Тихона Юрьева из Мурома. Живя в Муроме, вдова «без венца» прижила сына Илью от посадского человека Ивана Коровина. Илейка остался сиротой после того, как Иван Коровин умер, а мать по приказу сожителя постриглась под именем старицы

Улицы в девичьем Воскресенском монастыре. Торговый человек Т. Грознильников подобрал сироту едва ли не на дороге и увез в Нижний Новгород, где определил сидельцем в свою лавку. Через три года Илейка сбежал от купца и стал служить наймитом-казаком на стругах, плававших с товарами по Волге из Астрахани в Казань и Вятку. Перед судом Илья вспомнил, как годовал в Астрахани, а жил у астраханского стрельца Харитона. (За рубежом самозванец нарочно исказил имя своего астраханского благодетеля.) Позднее Илья плавал на торговом судне в Нижний Новгород, а затем на стрелецком судне на Терек. Там он нанялся в стрелецкий приказ и участвовал в походе на Тарки 1604 года, а по возвращении из похода поступил в холопы на двор к сыну боярскому Г. Елагину.

Будучи за рубежом, самозванец должен был учитывать, что польские власти не желали вступать в какие бы то ни было соглашения с болотниковцами и не позволяли вербовать солдат для московского «царя». Поэтому, повествуя о своей жизни, «царевич» ни слова не сказал об участии в повстанческом движении в России. Перед боярским судом Петр придерживался той же линии. Перезимовав на дворе у Г. Елагина, Илейка бежал под Астрахань, где его *«взяли казаки донские и волжские»*. Исаак Масса отметил, что с зимы 1604/05 года Астрахань была осаждена казаками, выступившими на стороне Лжедмитрия I. Осада продолжалась до весны. Не позднее мая 1605 года астраханский воевода известил терских воевод, *«что у них в Астрахани от воров, от казаков стала смута великая и для того им людей послать* (на Терек. — *Р. С.) немочно»*.

Илейка отличался непостоянством и то и дело менял хозяев. Он вспоминал, как *«из-под юртов, от казаков, ушел в Астрахань, а в Астрахани побыл с четыре недели, а из Астрахани вышел к казакам же и пришел де яз к козаку Нагибе...»*. Таким образом, беглый холоп либо не сразу примкнул к повстанцам, либо был послан ими в Астрахань как лазутчик. Старый казак Нагиба стал впоследствии одним из видных атаманов в войсках Болотникова.

Гулящий человек на Волге, боярский холоп, а потом вольный казак — такая биография была типичной для казаков. Однажды Илейке Муромцу удалось побывать в Москве. Эта по-

ездка относится к числу загадочных эпизодов его жизни. За рубежом Петр утверждал, что решил пробраться из Астрахани в Москву, когда там на трон взошел его дядя Дмитрий. Он упросил купца Козла взять его с собой в столицу и даже открыл ему свое царское имя. В Москву он якобы прибыл на другой день после гибели Дмитрия (т. е. 18 мая 1606 года) и почти четыре месяца прожил там у мясника Ивана на Покровской улице. В этом случае подлинный факт Илейка украсил вполне сказочными подробностями. Давая показания суду, Муромец назвал десяток имен хозяев и нанимателей, указав места работы, но в своем строго хронологическом повествовании умолчал о поездке в Москву. Однако, давая дополнительные показания, самозванец признал, что приезжал в столицу из Нижнего Новгорода и жил там от Рождества Христова до Петрова дня у церкви Владимира в Садах на дворе у подьячего Дементия Тимофеева.

Илейка не уточнил времени поездки в Москву, но в его хронологическом рассказе можно обнаружить примерно полугодовой пробел — от времени «зимовки» у Елагина и бегства под Астрахань до времени возвращения в Астрахань с воеводой Хворостининым летом 1605 года. Илейка лишь кратко упомянул, что служил тогда «в товарищах» у Нагибы, который «отказал» его казаку Наметке, а дальше отправился вверх по Волге с казаком Неустройко по прозвищу Четыре Здоровья. Внезапное немногословие Илейки объяснялось тем, что в первой половине 1605 года донские и волжские казаки участвовали в примечательных событиях. Во-первых, они захватили воевод в Царицыне и привезли их в лагерь Отрепьева под Орлом. Во-вторых, вместе с донцами волжские казаки окружали Лжедмитрия I в момент его вступления в Москву. С редкой наивностью Илейка старался доказать посредством умолчаний и лжи, что он никогда не сражался на стороне еретика Гришки. Там Илейка утверждал, будто на Волге присоединился к войску князя И. Хворостинина, якобы посланного в Астрахань Борисом Годуновым. На самом деле Хворостинин был послан в поход Лжедмитрием I против астраханских воевод, остававшихся верными династии Годуновых. Если Илейка не

перепутал дат и действительно покинул Москву в Петров день, то отсюда следует, что он вступил в столицу вместе с отрядами сторонников Лжедмитрия I, а покинул вместе с И. Хворостининым, отправленным против астраханцев.

Хворостинин прибыл в Астрахань в конце лета 1605 года, а затем направил казачий отряд на Терек. Илейка попал в этот отряд и вместе с терскими казаками зимовал на Тереке. Деньги, заслуженные на царской службе, быстро разошлись, а с наступлением весны казаки стали думать о походе на Каспий в устье Куры, рассчитывая пограбить там турецкие купеческие суда. В случае, если добыча будет мала, казаки намеревались наняться на службу к персидскому шаху Аббасу. Однако в конце концов казачий круг отверг планы морского похода. Атаман Федор Бодырин собрал подле себя 300 казаков и предложил им отправиться в разбойный поход на Волгу, а для этого избрать из своей среды «царевича». Показания Петра дают надежное основание для суждения о пружинах самозванческой интриги, возникшей на этот раз всецело на народной почве. Стали 300 казаков, рассказал Петр, *«опроче всего войска тайно приговаривати, чтоб итить на Волгу, громить судов торговых, а выбрать де и назвать царевичем... меня, Илейку, или Митку»*.

Итак, казаки решили выдвинуть из своей среды самозванца, чтобы оправдать затеянный разбой. В походе на Волгу «царевичу» отводилась роль не столько народного вождя, сколько предводителя воровской шайки. Кандидатами в царевичи старые казаки выбрали сына астраханского стрельца Митьку и Илейку Муромца, служивших у них в «молодых товарищах». «Товарищи» исполняли всякую черную работу в казацких куренях и целиком зависели от покровителя. «Царевич» должен был быть достаточно молодым, а атаманы получали гарантию того, что реальная власть останется у них в руках. Из двух претендентов только Илейка бывал в Москве, что и решило дело в его пользу. Так излагал обстоятельства своего избрания сам Илейка-Петр. Однако можно догадаться, что его избрание было обусловлено другими причинами. Он служил в войсках Лжедмитрия I и, по-видимому, участвовал в московском походе.

Затею атамана Федора Бодырина поддержал атаман Гаврила Пан. Их отряды соединились на реке Быстрой. Терский

воевода Петр Головин потребовал выдать самозванца, но терские казаки отказали ему и ушли на Каспий, где к ним присоединились *«все казаки из юртов»*. Находившийся в Астрахани воевода И. Хворостинин отказался «для грабежу» пустить в город «племянника» своего государя с казаками, иначе говоря, он не дал мятежникам разграбить Астрахань. Тогда казаки двинулись к Царицыну, грабя все на своем пути.

Миновав Самару и Свияжск, атаманы узнали о перевороте в Москве и гибели «Дмитрия». Эта весть положила конец их разбойному походу на Волгу. Спустившись вниз по реке до Камышенки, казаки преодолели Переволоку и укрылись на Дону. Петр громил суда на Волге и вел форменную войну против воевод Лжедмитрия I. Все это помогает объяснить, почему Петр оставался на Дону несколько месяцев, отказываясь присоединиться к отрядам донских казаков, которые начиная с лета 1606 года один за другим отправлялись в Путивль на помощь Болотникову.

Восставший народ верил в то, что «Дмитрий» жив и находится в пределах России. Следуя молве, города письменно уведомляли друг друга: *«А государь наш царь и великий князь Дмитрей Иванович всея Русии ныне в Коломне»*. Двое монахов-лазутчиков, посланных из Москвы в окрестности Коломны, повстречали мятежников, и те поклялись, что сами видели «Дмитрия». Царь Василий велел посадить на кол пленного «вора», и тот, умирая, твердил, что «Дмитрий» жив и находится в Путивле. Не имея возможности опровергнуть факт гибели Лжедмитрия, восставшие толковали, что в Москве действительно убит расстрига Гришка, а истинный царевич находится с ними.

Для дворян царская власть была источником всяких благ. По традиции только государь мог жаловать поместья и чины. Ни один дворянин не мог вступить во владение поместьем без ввозной грамоты, адресованной непосредственно от царя к крестьянам, названным поименно. Болотников мог обещать дворянам милости «Дмитрия», но их не удовлетворяли обещания. Царь Василий давал надбавки к поместному окладу и жаловал деньги как дворянам, так и рядовым детям боярским

за каждую рану, за доставку языков и т. д. Покидая «воровской» лагерь, дворяне имели возможность немедленно получить от Шуйского щедрые пожалования.

После неудачных переговоров с московским посадом вожди повстанцев осознали, что отсутствие «Дмитрия» может погубить все дело. Болотников многократно писал грамоты в Путивль, требуя ускорить возвращение «царя» из Польши. Начиная с июня путивльский воевода Г. Шаховской, мистифицируя население, многократно заявлял, что «Дмитрий» приближается к Путивлю и с ним идет большое войско. Его словам перестали верить. Оказавшись в трудном положении, Шаховской принял решение, отвечавшее повсеместным ожиданиям народа. Он отправил гонцов от себя и от путивлян на Дон к «царевичу Петру Федоровичу». Некоторое время «Петр» с казаками держался в Монастыревском городке под Азовом, а затем на стругах пошел на Северский Донец. Тут, по словам «Петра», к казакам прибыл гонец с грамотой «от *князя Григория Шаховского да ото путивлцов ото всех*». Как видно, посад в Путивле играл еще большую роль в повстанческом движении, чем московский посад в царском лагере. «Все» жители Путивля настойчиво просили «Петра» идти *«наспех в Путимль, а царь Дмитрий жив, идет со многими людьми в Путимль»*.

Казачий отряд прибыл в Путивль приблизительно в ноябре 1606 года. Второй раз за свою историю город превратился в «царскую» резиденцию.

Появление в Путивле «царевича Петра» с войсками неизбежно повлекло за собой перемены в лагере восставших. Вольное казачество все больше превращалось в руководящую силу движения. Ядро войска «Петра» составляли терские и волжские казаки. К ним присоединились отряды донских казаков, а к началу 1607 года в Путивль прибыло запорожское войско, по некоторым сведениям насчитывающее 7 тысяч человек.

Повстанческий лагерь «Петра» разительно отличался от лагеря Отрепьева в Путивле. Лжедмитрий I не жалел усилий, чтобы привлечь на свою сторону дворянские верхи. С иными настроениями явился в Путивль «царевич» Петр. Терские и волжские казаки участвовали в войне с Годуновым. Некото-

рые из них вступили вместе с Лжедмитрием I в Москву. Но «добрый царь» не оправдал их надежд. Вину за это казаки всецело возлагали на «злых бояр». *«И стало де на Терке меж казаков,* — показал Петр перед судьями, — *такие слова: «Государь де нас хотел пожаловати, да лихи де бояре, переводят де жалованье бояре, да не дадут жалованья»*. Казаки, посадившие самозванца на трон и некоторое время несшие караулы в Кремле, очень точно обрисовали положение дел. Именно бояре настояли на роспуске казачьих повстанческих отрядов и удалении их из Москвы.

Отрепьев был дворянином по происхождению и некоторое время, хотя и недолго, учился в латинских школах в Польше. К тому же он обладал даром редкого лицедея и умел произвести впечатление на пленных дворян, являясь перед ними в окружении польских советников. В юности Отрепьев посещал царский двор, будучи слугой бояр Романовых, а затем патриарха Иова. По происхождению самозванец был дворянином, и пленники могли видеть в нем своего.

Илейка Коровин происходил из посадских людей и по своим манерам и языку был типичным простолюдином. Ему было значительно труднее, чем Отрепьеву, добиться повиновения от пленных дворян, воспринимавших неловкую игру казацкого «царевича» как грубый маскарад. Некоторые из пленников узнавали в ближних людях «царевича» своих беглых холопов. (Среди инициаторов самозванческой интриги был беглый холоп князя Трубецкого казак Василий, а сам «царевич» Петр до принятия царского имени служил в товарищах у казака В. Семенова, холопа боярина В. Черкасского, находившегося в то время в путивльской тюрьме.) Все эти обстоятельства благоприятствовали кровопролитию в Путивле.

Водворение «Петра» в Путивле сопровождалось своего рода переворотом. «Царевич» явился в сопровождении казаков, с полным основанием считавших его своим ставленником и не желавших отказываться от власти. Старому путивльскому руководству пришлось основательно потесниться.

Поход «Петра» в Поволжье весной 1606 года сопровождался восстанием в ряде поволжских городов. «Чернь» высту-

пала в поддержку самозванца, тогда как воеводы оказывали ему сопротивление. Осенью 1606 года события развивались аналогичным образом. На пути в Северскую землю отряд «царевича» должен был пройти через город Царев-Борисов, находившийся в руках воевод Шуйского. Город имел превосходные укрепления и артиллерию. Его гарнизон был одним из самых многочисленных на юге России. В крепости сидел воевода М. Г. Сабуров. Этот «лихой боярин» был хорошо известен вольным казакам. Терские и волжские казаки не забыли, сколько крови они пролили под стенами Астрахани, которую Сабуров оборонял от сторонников Лжедмитрия I в начале 1605 года. Молодой казак Илейка Коровин находился среди повстанцев. В 1606 году боярин Сабуров категорически отказался сдать крепость «царевичу Петру». Но ему не удалось удержать в повиновении гарнизон, состоявший в своей массе из стрельцов и служилых казаков. Вмешательство местного духовенства не спасло дела. По свидетельству старца Иева, *«как в смутное время шел вор Петрушка с казаки и он, Иев, царегородских всяких людей от того* (мятежа. — *Р. С.) унимал и наговаривал, чтоб они против вора стояли, и оне его за то хотели убить»*. Старец избежал гибели, но воеводы М. Г. Сабуров и князь Ю. Приимков-Ростовский были казнены казаками. Совершенно так же действовали казаки «Петра» в другой степной крепости — Ливнах. Дворяне братья Лодыженские подали в Разрядный приказ документы, из которых следовало, что *«отца их вор Петрушка убил на Ливнах»*.

Даже в северских городах, находившихся в руках сторонников Лжедмитрия I, признание казацкого «царевича» сопровождалось распрями и борьбой. Против самозванца выступило влиятельное местное духовенство. В самом начале гражданской войны монахи Богородицкого Молчанского монастыря в Путивле, увлеченные общим потоком, поддержали Лжедмитрия I, за что получили в дальнейшем вотчину. Царь Василий Шуйский подтвердил пожалование расстриги, но его милость была связана с политическими расчетами. Игумен монастыря Дионисий привез из Москвы чудотворную икону и попытался убедить путивлян, что «царевич Петр» — обман-

щик и самозванец. Казаки поспешили разделаться с игуменом. Как писали в своей челобитной царю старцы монастыря, их игумен, вернувшись в Путивль *«и видя в мире смуту и прелесть, вора Петрушку, не боясь смерти, обличал. И вор Петрушка велел того игумена за то убить з башни до смерти. И на тое монастырскую вотчину царя Василья жаловалные грамоты, взяв у него, изодрал... и как вор Петрушка был в Путивле и игумена Деонисья скинул з башни и убил до смерти...»*.

Монарх не мог управлять государством без Боярской думы. Такова была вековая традиция, и Коровин неизбежно должен был идти по стопам Отрепьева.

В начале гражданской войны Лжедмитрий I полгода тщетно хлопотал о том, чтобы привлечь московских бояр на свою сторону. Первый член думы, попавший к самозванцу, окольничий М. М. Салтыков, так и не стал его боярином. «Царевич Петр» оказался в лучшем положении. В Путивле в его свите оказались боярин князь А. А. Телятевский, князь Г. П. Шаховской, князья Мосальские и другие титулованные лица. Примечательной была судьба Телятевского. При Борисе он был самым решительным противником Лжедмитрия I. За это самозванец подверг его крайнему унижению в Туле, куда Телятевский прибыл с другими боярами после переворота 1 июня 1605 года. Самозванец осыпал бояр бранью, *«лаяше яко же прямый царский сын»*, а затем выдал Телятевского на расправу вольным казакам, прибывшим в Тулу с Дона. Казаки били боярина смертным боем, а затем едва живого бросили в тюрьму. Полтора года спустя Телятевский, столкнувшись лицом к лицу с вольными казаками, сразу признал своим государем «Дмитрия», а затем «царевича Петра».

После выступления из Путивля «Петр» неизменно ставил во главе армии или отдельных отрядов титулованных лиц (Телятевского, Мосальских и др.). Казацкие атаманы и сотники из рядовых детей боярских не могли более претендовать на высший воеводский чин.

Скорее всего знать в Путивле лишь номинально возглавляла повстанческое правительство, реальная же власть находилась в руках казацкого окружения «Петра». Тем не менее обра-

зование при особе «царевича» думы, ставшей оплотом дворян, неизбежно изменило общую ситуацию. Пожалование думных чинов и земель было исключительной прерогативой царя. Вопреки гипотезе В. И. Корецкого никаких сведений о пожаловании поместий Болотниковым в источниках нет. Первые точные данные о поместных дачах в повстанческом лагере четко связаны с именем «Петра». Мценские дети боярские Сухотины в челобитной царю писали, что воры убили их отца и распорядились его поместьем: *«А поместейцо, твое царское жалованье, у вора у Петрушки было в раздачи...»* Появление знатных бояр в окружении самозванца, раздача поместий его приверженцам знаменовали новые тенденции в развитии повстанческого движения. Эти тенденции изменили лицо путивльского лагеря, как то случилось позже с тушинским лагерем.

Тюрьмы Путивля были переполнены. В самом начале восстания под стражу были взяты местные воеводы князь А. И. Ростовский с товарищами. Когда Болотников выступил в поход на Москву, он не стал казнить арестованных. За полгода в Путивль привезли много пленных бояр, стольников, знатных дворян, захваченных в разных городах. Знать имела право на то, чтобы ее судил сам царь. Вожди повстанцев оставались на почве законности, отправляя пленных воевод на царский суд в Путивль. Ветераны Лжедмитрия I помнили, что в дни московского похода «добрый царь» нередко жаловал захваченных воевод, а казнил лишь немногих. Когда в Путивль явился «царевич Петр», казни дворян приобрели несравненно более широкий размах, чем на ранних этапах восстания Болотникова.

Путивльский воевода Г. Шаховской и бояре не могли предотвратить массовых расправ с дворянами. Как сообщали летописцы, боярский холоп Илюшка Коровин, назвавшись царевичем, в Путивле *«много крови пролил бояр, и дворян, и детей боярских лутчих, и всяких людей побил без числа»*. Казни, ежедневно совершавшиеся на путивльской площади, живо напомнили современникам опричнину. В 1570 году при казни «лихих» изменников бояр на Поганой луже в Москве Грозный собрал толпу и задал ей вопрос: правильно ли он поступает, казня своих лиходеев и изменников? Народ отвечал криками:

«Живи, преблагой царь!» Лишь после этого опричники приступали к казни опальных бояр и дворян: резали их по суставам, обливали кипятком (варом) и проч. Совершенно так же казнил бояр и дворян в Путивле мнимый внук Грозного. Князей и дворян, повествует летописец, «Петрушка» *«повеле посекати, по суставом резати, а иным руки и ноги нахлест сечь, а иных варом обливати и з города метати»*. Сходным образом описаны расправы казаков в разных книгах. *«В Путивль,* — значится в Разрядах, — *привели казаки инова вора Петрушку... и тот вор Петрушка боярина князь Василья Кардануковича, и воевод, и дворян, и воевод, которых приводили* (из городов. — *Р. С.) ...всех побили до смерти разными казнями, иных метали з башен и сажали по колью и по суставам резал»*. Современники утверждали, будто «Петрушка» велел избивать *«пред собой на подромех* (на путивльской площади. — *Р. С.) бояр и воевод числом на день по семидесят человек»*. Приведенная цифра едва ли достоверна. Судя по именам, упомянутым в источниках, в Путивле погибло несколько десятков знатных дворян. В числе их были боярин князь В. К. Черкасский, царский посланник ясельничий А. Воейков, знатные воеводы А. И. Ростовский, Ю. Приимков-Ростовский, Г. С. Коркодинов, двое Бутурлиных, Н. В. Измайлов, А. Плещеев, М. Пушкин, И. Г. Ловчиков, П. Д. Юшков, Ф. Бартенев, З. Языков и др.

Родственники казненных еще много лет вспоминали о страшных путивльских казнях. М. К. Бутурлин в 1620 году показал, что дядю его Ефимья Охромеева сына Бутурлина убили в Путивле *«тому лет с 16»*. (Дворянин ошибся на два года: Е. В. Бутурлин получил последнее назначение в 1606 году, а убит был, по свидетельству летописи, «при Петрушке».) Дворянские сироты А. А. и Ф. А. Племянниковы, служившие жильцами при царском дворе, писали в челобитной грамоте царю, что *«отца их убили при царе Василье в Путивле, приде, казаки...»*. Племянниковы совершенно справедливо считали, что инициаторами расправ в Путивле были вольные казаки.

Террор в ходе гражданской войны нарастал постепенно. Первые репрессии носили сравнительно ограниченный характер. Пашков, разгромив армию Мстиславского под Москвой,

распустил бóльшую часть пленных дворян и детей боярских по домам. Когда же Шуйские нанесли поражение главной повстанческой армии под Коломенским, пленные подверглись подлинному избиению. Предводитель казацкого войска атаман Аничкин был посажен на кол. Сотни повстанцев были убиты ударами дубины и спущены в проруби под лед. Тысячи «воров» были заключены в тюрьму в Москве, Новгороде, Пскове и других городах. Власти недаром старались убедить страну, будто Москву осаждали одни казаки и боярские холопы. В официальных документах казаков неизменно именовали беглыми холопами. Раб, поднявший руку на господина, заслуживал лишь одного наказания — смерти. Таким образом, крепостническое государство устроило повстанцам кровавую баню, оставаясь на почве законности. Побоище в Москве отозвалось взрывом насилия в Путивле, хотя казни в путивльском лагере уступали по своим масштабам московским избиениям. Среди дворян кровопролитие в Путивле вызвало страх и негодование. Посягательство казаков на жизнь и имущество дворян рассматривалось ими как худшее беззаконие.

Книги Разрядного приказа кратко и точно определили причины казней многих бояр и воевод в Путивле: *«Побили за то, что вору* («Петру». — *Р. С.) креста не целовали»*. Нередко дворяне не только отказывались от присяги, но громогласно обличали самозванца. Описывая поведение осужденных на казнь дворян, летописец указывал, что *«многия от них обличаще его во всем народе, и он их повеле казнити... а оне кричаше и обличаше во весь народ, что он прямой вор, холоп Елагиных детей боярских, сапожников сын»*. В действительности «царевич» был опознан как холоп дворян Елагиных уже после его пленения в 1607 году. Путивльские пленники не могли знать, кто скрывается под именем несуществующего сына царя Федора. Для них было ясно лишь одно: перед ними обманщик и самозванец. Их ожесточение объяснялось тем, что мужицкий «царевич» олицетворял в их глазах те враждебные им силы — мужиков-страдников и холопов-рабов, — которые пытались перевернуть существующий порядок, претендовали на власть и даже посягали на царский трон.

Сохранилось донесение польского посла Олесницкого из Москвы, составленное летом 1607 года. Посол детально анализировал положение, сложившееся в России после появления «царевича Петра», и излагал причины, позволившие восставшим вновь собрать большую армию. Особенно интересовал его вопрос о том, кто руководил движением. Во главе восстания, рассуждал Олесницкий, *«должны быть сами северяне* (служилые люди Северской Украины. — *Р. С.), которые, будучи недовольны Шуйским, сражаются с ним из-за того, что он изменнически... дал убить Дмитрия, но это недостоверно, так как при Шуйском много думных бояр и дворян из Северской земли»*. Второе предположение, что восстание возглавляет «царевич Петр», *«которого северяне хотят иметь своим государем»*, но и это сомнительно, ибо «Петр» *«столь большого войска собрать не мог, поскольку все считают его самозванцем»*. Посол склонялся к мысли, что восстанием руководит «Дмитрий», которому, возможно, удалось спастись, хотя и *«нет никого, кто бы видел его* (своими) *глазами»*.

Лжедмитрия I не было в живых, и слухи о его причастности к формированию новой повстанческой армии, очевидно, были недостоверны. Сколько бы бояр ни казнил казацкий «царевич», ему не удалось убедить верхи русского общества в своем царском происхождении. Дворянство знало, что у бездетного царя Федора Ивановича не было наследника. Роль отпрыска царской фамилии, взятая на себя Илейком Коровиным, оказалась ему не по плечу. Олесницкий весьма точно заметил, что все считают «Петра» обманщиком. Если ему и удалось сформировать новую армию, то лишь благодаря поддержке низов, и прежде всего путивльцев и «северян», которые, по словам посла, признали его своим государем. Приход к власти казацкого «царевича» и казни дворян в Путивле повлекли за собой дальнейшее размежевание сил. Феодальные землевладельцы Северской Украины, поначалу активно участвовавшие в восстании против Шуйского, теперь стали массами покидать повстанческий лагерь. Посол верно отметил, что к лету 1607 года дворяне Северщины в большинстве оказались в армии Шуйского.

Казацкому предводителю Илейке Коровину не удалось стать вождем общенационального масштаба. Его появление в лагере восставших не устранило необходимости в самозванце. Народ продолжал ждать исхода *«доброго царя Дмитрия»* из-за рубежа, и «Дмитрий» появился.

Сохранив ядро своей армии, Болотников продолжил войну с царем Василием. Он укрепил обветшавшие укрепления Калуги и приготовился отразить натиск царских ратей. Вскоре же под стены Калуги явился сначала боярин Иван Шуйский, а затем глава Боярской думы, первый воевода Федор Мстиславский и Михаил Скопин-Шуйский. Стены Калуги были деревянными, и воеводы решили их сжечь. С этой целью к городу свезли гору дров, заготовленных в окрестных лесах. Бояре не успели осуществить свой замысел. Повстанцы сделали подкоп и взорвали гору из дров, после чего произвели успешную вылазку из крепости.

Тем временем «царевич» Петр с войском перенес ставку из Путивля в Тулу. В феврале 1607 года воевода «царевича» князь В. Ф. Мосальский пытался пробиться в Калугу с отрядом казаков и обозом, но был наголову разгромлен. В мае на помощь к Болотникову выступил другой боярин «царевича», князь А. А. Телятевский. (Некогда Болотников служил у него холопом.) Телятевский разбил отряд Б. П. Татева, пытавшегося задержать его продвижение. В осадном лагере под Калугой вспыхнула паника. Болотников довершил дело, предприняв вылазку из крепости. Армия Шуйского бежала из-под Калуги, бросив почти всю артиллерию.

Между тем царь Василий предпринимал отчаянные усилия, чтобы упрочить свою власть и покончить с брожением низов в столице. Лазутчики, пытавшиеся распространять в столице «прелестные» письма от имени «Дмитрия», подвергались жестоким наказаниям. В январе 1607 года последовала публичная казнь священника, схваченного с подметными грамотами.

Гражданская война не кончилась. Подати поступали в казну нерегулярно даже из тех уездов, которые оставались в подчинении царской администрации. Поэтому правительству

пришлось прибегнуть к распродаже казенного имущества и принудительным займам. В марте 1607 года, отметил И. Масса, царь *«повелел распродать из казны старое имущество, как то платья и другие вещи, чтобы получить деньги, а также занял деньги у монастырей и московских купцов, чтобы уплатить жалованье несшим службу»*.

У дворян, оставшихся в повстанческом лагере, власти отписывали земли. Суровые меры применялись в отношении нетчиков, уклонявшихся от царской службы. Местные власти получили распоряжение отправлять в тюрьму их холопов и крестьян.

По мере того как восстание Болотникова приобретало все более глубокий социальный характер, усиливался процесс консолидации дворянства. И все же кризис феодального сословия, служивший одной из главных причин гражданской войны, не был преодолен. Путем экстренных мер Шуйский восстановил распавшееся дворянское ополчение, что помогло ему довести до конца борьбу с Болотниковым.

Особого внимания заслуживает политика Шуйского в отношении низов. Один из первых законов Шуйского был посвящен холопам. Закон был принят 7 марта 1607 года как именной царский указ. Указ содержал важные уступки боевым холопам. Военные послужильцы-холопы были единственной прослойкой феодально зависимого населения, обладавшей оружием и боевым опытом. В обстановке гражданской войны противоречия между дворянами и воинами невольного состояния стали одним из главных факторов развала поместного ополчения. «Великое разорение» конца XVI века и трехлетний голод начала XVII века привели к деклассированию многих мелких землевладельцев. Используя их бедствия, писал А. Палицын, вельможи превращали обнищавших дворян в своих холопов. В годы голода царь Борис распустил слуг опальных бояр. К ним присоединились боевые послужильцы тех землевладельцев, которые не желали или не могли прокормить их и сгоняли со двора. Дворянский публицист увидел в этом едва ли не главную причину последующей Смуты: беглые боевые холопы уклонились

«ко греху», *«более двадесяти тысящ сицевых воров обретеся... во осаде в сидении в Колуге и в Туле»*. Поместное ополчение включало до 20—30 тысяч боевых холопов. Если верить Палицыну, все они (хотя и не все разом) оказались в лагере Болотникова. Как видно, дворянский писатель не избежал преувеличения. Но основную тенденцию он подметил точно: беглые боярские люди — боевые холопы явились одним из важных элементов в «воровских» казачьих и прочих повстанческих отрядах. Из этой группы населения вышли такие деятели Смуты, как Хлопко, Отрепьев, Иван Болотников, «царевич» Петр — Илейка. Некоторые из них по происхождению были детьми боярскими. По-видимому, этой группе Василий Шуйский и адресовал свой именной указ. Сколько бы ни служили вольные люди — «добровольные холопы» у бояр, детей боярских и прочих служилых людей, *«полгода, или год, или больше, а кабал дати не хотят,* — гласил новый закон, — *ино тех добровольных холопей в неволю давати не велеть»*. Указ сохранял привычную терминологию: любого послужильца по старинке именовали холопом. Но теперь послужильцам (и прежде всего боевым холопам) из вольных людей не грозило насильственное закабаление. Правительство возродило институт вольных послужильцев, убедившись в ненадежности насильно закабаленных боевых слуг.

Ввиду важности крестьянского вопроса власти поручили выработку нового уложения о крестьянах руководству Поместного приказа. В присутствии царя и высшего духовенства Боярская дума заслушала доклад приказных и 9 марта 1607 года утвердила приговор. Учитывая популярность царя Ивана IV в народе, судьи Поместного приказа подчеркивали, что при нем крестьянские переходы не вели к «великим крамолам», ябедам и насилиям «немочным от сильных», потому что «крестьяне выход имели вольный». При царе Федоре Шуйские заседали в думе как старшие бояре. В угоду им дьяки отметили, что *«царь Федор Иванович, по наговору Бориса Годунова, не слушая советов старейших бояр, выход крестьяном заказал... и после того начался многие вражды, крамолы и тяжи»*. Шуйские не старались представлять себя противниками законов, унич-

тоживших Юрьев день. Смысл преамбулы уложения заключался совсем в другом: Шуйские желали снять с себя ответственность за те распри, разброд и шатания, которые возникли в феодальном сословии накануне Смуты. Борис Годунов, столкнувшийся с кризисом в годы голода, частично возродил крестьянский выход, что вызывало крайнее негодование мелкого дворянства. Василий Шуйский не желал повторять ошибки Годунова, и его законы исключали самую возможность восстановления Юрьева дня. Поместный приказ не мог справиться с решением бесчисленных споров помещиков из-за крестьян, множившихся из года в год. Его руководители предложили фактически аннулировать распоряжения о крестьянах Б. Годунова и Лжедмитрия, а вместе с ними аннулировать весь клубок нерешенных тяжб. По новому закону срок сыска беглых крестьян был продлен с пяти до пятнадцати лет.

В стране царил хаос, вызванный гражданской войной. Повстанцы контролировали добрую треть уездов. Закон о крестьянах был скорее программным заявлением, чем практическим руководством. Осуществить сыск беглых в южных уездах, охваченных восстанием, было попросту невозможно. Уложение 1607 года тем не менее способствовало сплочению дворянства, преодолению разброда в его среде.

После перехода Болотникова из Калуги в Тулу повстанческое движение пошло на спад. Последний период восстания Болотникова характеризуется крупными неудачами, окружением и блокадой главной повстанческой армии в Туле.

21 мая 1607 года царь Василий Шуйский выступил из Москвы в Серпухов, с тем чтобы идти далее «на свое государево и земское дело, на воров» под Тулу. Сбор дворянского ополчения, ратных и посошных людей был проведен по всему государству. В Серпухове царя ждали князь Ф. И. Мстиславский, И. И. Шуйский и другие воеводы с полками, отступившими от Калуги. Сильные отряды располагались к юго-западу от столицы в Брянске и на юго-востоке в Кашире.

По крайней мере две недели царь и его главные воеводы стояли в Серпухове, не предпринимая решительных действий. Воспользовавшись их пассивностью, повстанцы предприня-

ли попытку перехватить у противника инициативу и разбить рать Шуйского в Кашире. Выполнить эту задачу должны были боярин князь А. А. Телятевский, его бывший холоп И. И. Болотников, дворянин М. Аксаков.

Узнав о приближении повстанцев, боярин князь А. В. Голицын выступил навстречу им. В помощь Голицыну царь Василий прислал из Серпухова «голов с сотнями» — отборную дворянскую конницу. Из Рязани к Голицыну прибыл П. Ляпунов с отрядом.

Современники полагали, что будто повстанческая армия насчитывала до 30—40 тысяч воинов. Они очевидным образом преувеличивали численность «воров». Однако ясно одно: для решающей битвы Болотников в последний раз собрал большую армию.

Сражение произошло на реке Восме неподалеку от Каширы 5 июня 1607 года. На рассвете казацкие отряды из армии Болотникова переправились через реку и укрылись в глубоком овраге. Рязанские дворяне попытались выбить их оттуда, но отступили под градом пуль.

Наступление казаков едва не решило исход дела. В битве, как подчеркивали летописцы, *«начаши воры московских людей осиливати»*. Страшась надвигавшегося поражения, главные воеводы отправились в полки и со слезами на глазах убеждали ратников: *«Где суть нам бежати? Лучше нам здеся померети...»*

Собрав силы, воевода Голицын перешел реку и потеснил главные силы Болотникова. В решающий момент П. Ляпунов снялся с позиций и, оставив казаков в тылу, ринулся на помощь дворянским сотням, бившимся на другом берегу речки. Восставшие не выдержали обрушившегося на них удара тяжеловооруженной конницы и обратились в бегство. Тогда боярские полки перешли реку повсеместно и начали преследовать бегущего неприятеля.

На Восме, как и под Коломенским, воеводы воспользовались неопытностью восставших и разгромили их силы по частям. Обратив в бегство Болотникова, они вернулись затем на Восму, где казаки тем временем укрепили позиции и даже *«городок* (острожек. — *Р. С.) себе сделали»*.

Социальная рознь оказывала всевозрастающее влияние на исход военных действий. В то время как среди детей боярских из повстанческого лагеря участились случаи измены, казаки и «чернь» вели борьбу с нарастающим упорством.

Два дня воеводы держали казаков в осаде, ожидая, когда у них кончится продовольствие. Именем царя бояре предлагали окруженным сложить оружие, обещая сохранить им жизнь. Но казаки решили биться до последнего человека: *«Злодеи воры упрямились, что им* (лучше. — *Р. С.) помереть, а не здатца* (сдаться. — *Р. С.)»*.

На третий день бояре *«велели всем полком и всеми ратными людьми к тем вором приступать, конным и пешим; и те воры билися насмерть, стреляли из ружья до тех мест* (до тех пор), *что у них зелья* (пороха) *не стало»*. Большинство казаков были перебиты в бою, а взятых в плен повесили на другой день. Из всех пленных воеводы помиловали всего семь человек. За них заступились нижегородские дети боярские. Годом ранее помилованные терские казаки, следовавшие с «царевичем» Петром по Волге, спасли жизнь нижегородцам.

Через неделю после битвы царь Василий оповестил страну, что его воеводы наголову побили «воров», а *«живых языков* (пленных. — *Р. С.) больше пяти тысяч взяли»*. Высшее военное ведомство назвало совсем другую цифру. На реке Восме, значится в Разрядах, *«языков взяли на том бою 1700 чел., а князь Ондрей Телятевский да Ивашка Болотников ушли с невеликими людми к вору Петрушке»*. Чем вызвано столь значительное расхождение в цифрах? Ответ на этот вопрос дает «Хроника» К. Буссова. В разгар сражения, повествует К. Буссов, на сторону воевод переметнулся воевода из Тулы по фамилии Телятин с 4 тысячами воинов. В грамоте о битве под Москвой власти назвали Пашкова в числе военнопленных, хотя он был перебежчиком. Видимо, с отчетом о победе на Восме произошло то же самое. Несколько тысяч перешедших на сторону царя повстанцев были включены в число военнопленных. Такой прием имел чисто пропагандистское значение: известно, что отряды, принявшие сторону царя Василия, не разоружались, а сразу же использовались для действий против повстанцев.

Какова была судьба людей, попавших в плен на Восме? По словам летописца, А. Голицын захватил в плен и послал к царю в Серпухов 700 «языков». Куда же делась тысяча пленных, показанная в Разрядах? Очевидно, из 1700 пленных тысяча была повешена.

Вместе с Болотниковым армией повстанцев командовал боярин князь А. А. Телятевский. Поэтому С. М. Соловьев и Н. А. Костомаров допускали возможность отождествления Телятина, упомянутого К. Буссовым, с Телятевским. Но уже И. И. Смирнов отметил, что для такого отождествления нет серьезных оснований. Среди командиров в повстанческой армии было много неродословных детей боярских, казачьих атаманов и прочих лиц, неизвестных по другим источникам, что затрудняет расшифровку имени воеводы Телятина. В битве на Восме погиб цвет повстанческой армии — отряды донских, волжских и терских казаков, казачьи сотни из Путивля и Рыльска.

Царь Василий приказал А. Голицыну двигаться к Туле и послал туда же боярина М. В. Скопина-Шуйского с тремя полками. Болотников пытался задержать царские полки на реке Вороньей под Тулой, но понес поражение и вынужден был укрыться в крепости.

12 июня 1607 года Скопин подступил к Туле. Царь Василий занял Алексин и 30 июня прибыл в осадный лагерь Скопина.

С давних пор Тула была ключевым пунктом обороны южных границ России от кочевников. Ее мощный каменный кремль был сооружен на реке Упе в первой четверти XVI века. Помимо кремля город имел внешний пояс укреплений в виде дубового острога, стены которого упирались в реку Упу. Как крепость Тула имела много преимуществ по сравнению с Калугой, но в одном отношении ее положение было уязвимым. Город располагался в низменных местах и при определенных условиях мог быть затоплен. Царские воеводы решили использовать это обстоятельство, чтобы уберечь полки от больших потерь, неизбежных при штурме.

Автором проекта затопления Тулы был муромский помещик Иван Кровков. Работами по сооружению плотины руко-

водили дьяки Разрядного приказа. Для своего времени это была очень крупная стройка. Работы велись одновременно на обоих берегах Упы. На правом, болотистом, пологом берегу реки надо было соорудить дамбу («заплот») длиной в полверсты, чтобы вода не ушла мимо города по заболоченной стороне. Лишь после строительства дамбы Разрядный приказ распорядился перекрыть реку и ждать осеннего паводка.

В лагере под Тулой было собрано огромное количество работников, главным образом крестьян, которых называли «посошные люди». Это обстоятельство и явилось причиной того, что современники имели невероятно преувеличенные представления о численности рати В. Шуйского. По данным К. Буссова, царь Василий двинулся к Туле, *«призвав всю землю — до 100 000 человек»*. Г. Паэрле считал, будто у царя было *«по крайней мере 150 000 человек»*.

Приведенные цифры лишены достоверности. В начальный момент восстания Шуйский смог использовать против повстанцев всю армию, поскольку ее силы были собраны еще Лжедмитрием I для войны с турками. По данным Я. Маржарета, численность армии в то время составляла 50—60 тысяч человек. Год спустя добрая треть государства перешла в руки восставших и не подчинялась правительству. Войска понесли большие потери. Кроме того, дворянское конное ополчение растеряло едва ли не большую часть боевых холопов, принявших самое широкое участие в восстании. Царская рать под Тулой едва ли превышала 30—40 тысяч человек, вследствие чего главная армия Скопина имела в своем составе вместо пяти всего три полка.

В составе тульского гарнизона было, по очень примерным данным, до 20 тысяч человек *«с огненным боем»* (ружьями). Ими командовали Иван Болотников, боярин князь А. А. Телятевский, князья Г. Шаховской и Мосальский, вождь путивлян Ю. Беззубцев, командир служилых иноземцев литвин С. Кохановский. Предводителем казачьего отряда, приведенного «царевичем» Петром, был атаман Федор Нагиба. (Илейка Коровин был у Нагибы в служителях до того, как принял титул «царевича».)

Реальная власть в гарнизоне принадлежала казакам и их предводителям. По этой причине в Туле меры против знати и дворян проводились с такой же решительностью и беспощадностью, как и в Путивле. Сын боярский Б. Кошкин, попавший в плен к казакам, в челобитной грамоте царю припоминал, как его *«вор Петрушка мучил розными муками на Туле и медведьми травил»*. Служилый мурза И. Барашев также побывал в тульской тюрьме в дни осады города, но ему удалось бежать, и он принес царю важные вести. Согласно челобитной мурзы, его на Туле *«били кнутом, и медведем травили, и на башню взводили, и в тюрьму сажали, и голод и нужду терпел...»*.

Расправы с помещиками превращены были в устрашающие зрелища. Медвежьи потехи издавна славились как развлечение. В загородку вместе с осужденным пускали дикого медведя, и он отбивался от зверя, как мог. Уцелевших после боя дворян возводили на башню, откуда одних по требованию народа сбрасывали вниз, а других, также по решению народа, оправдывали и избавляли от смертной казни. Такие суды действовали во многих городах, занятых повстанцами.

Что касается местных помещиков, воевавших на стороне Шуйского, их имущество в Туле подвергалось конфискации, а найденные на их дворах «крепости» (документы о владении) на земли и холопов подвергались уничтожению.

Пресекая измену в Туле, повстанцы обороняли город с редкой энергией и решительностью. Со слов очевидцев автор карамзинского «Хронографа» писал, что *«с Тулы вылазки были на все стороны на всякой день по трижды и по четырежды, а все выходили пешие люди с вогненным боем и многих московских людей ранили и побивали»*. Вооруженные пищалями воины Болотникова обороняли Тулу совершенно так же, как Корела с казаками оборонял Кромы. Но в отличие от Кром Тула была одной из лучших каменных крепостей России.

Часть III
ТУШИНСКИЙ ВОР

Глава 1
БРОДЯЧИЙ УЧИТЕЛЬ ИЗ МОГИЛЕВА

К исходу 1606 года стало очевидно, что самозванческая интрига, затеянная в Самборе, потерпела полное крушение. Во-первых, она не получила поддержки со стороны короля. Во-вторых, русское правительство имело в своих руках в виде заложников Марину Мнишек и ее отца Юрия. Когда по Москве прошел слух о том, что жена Ю. Мнишека снарядила против царя многотысячное войско, и когда информация о самборском «воре» стала поступать к русским послам в Польше, московские власти, надо полагать, нашли средства, чтобы оказать давление на пленных Мнишеков и через них на владелицу Самбора, чтобы добиться прекращения интриги.

Молчанову не удалось собрать наемное войско для оказания помощи повстанцам в России. Наиболее решительные сторонники Лжедмитрия I из числа ветеранов московского похода либо погибли в дни переворота 17 мая (капитаны Борша, Иваницкий, Липницкий, а также «секретарь» Отрепьева Склинский и др.), либо были задержаны в России как пленники (помимо Ю. Мнишека князь Вишневецкий, капитаны Домарацкий и Запорский, братья Стадницкие, «секретари» Отрепьева Бучинские, М. Ратомский и др.). В Польше оставалось немало других приспешников и покровителей Лжедмитрия, готовых принять участие в новой авантюре. Но владелица Самбора не отважилась объявить о сборе войска, опасаясь за судьбу дочери и мужа. К тому же она вскоре умерла.

Инициатива новой интриги исходила, по-видимому, не от польских шляхетских кругов, а из русского повстанческого лагеря. Восставший против Шуйского народ с нетерпением ждал исхода из Польши «доброго царя». Вожди повстанцев верили, что возвращение «Дмитрия» принесет им немедленную победу.

Потерпев поражение под Москвой, Болотников пришел к выводу, что не сможет одолеть Шуйского собственными силами. С конца 1606 года восставшие все настойчивее искали помощи в пределах Речи Посполитой.

На последнем этапе войны с Годуновыми Отрепьева активно поддерживала православная шляхта из Белоруссии. В мае 1605 года М. Ратомский привел ему на помощь отряд в 500 конных белорусских шляхтичей. Их поход на Москву превратился в прогулку. После воцарения Лжедмитрия I в Москве шляхтичи получили щедрое вознаграждение и вернулись в Белоруссию. Становится понятным, почему вожди повстанцев пытались нанять вспомогательные войска прежде всего в Белоруссии. Их призывы нашли благоприятный отклик среди ветеранов московского похода.

После появления в Путивле «царевича Петра» путивльские власти направили в Киев грамоту с извещением о скором посольстве «Петра» к королю Сигизмунду III. Не позднее декабря 1606 года казачий «царевич» пересек границу и в Орше вел переговоры с оршанским старостой А. Сапегой. Убедившись в том, что рассчитывать на военную помощь со стороны короля не приходится, «Петр» отклонил предложение Сапеги о поездке в Краков к королю и вернулся в Путивль.

Планы военного союза с Речью Посполитой потерпели крушение, и тогда руководители восстания предприняли шаги к тому, чтобы осуществить наем солдат в восточных областях Белоруссии, не получая санкций от королевского правительства.

В период осады Болотникова в Калуге воевода Рославля князь Д. В. Мосальский обратился к литовским властям в Мстиславль с просьбой прислать в помощь повстанцам отряд в 1000 ратных людей, обещая от имени царя Дмитрия и царе-

вича Петра пожаловать их таким «великим жалованьем, чего у вас на разуме нет». Аналогичные грамоты были посланы в другие пограничные города Речи Посполитой.

После отъезда из Белоруссии «царевич Петр» продолжал хлопотать о найме солдат за рубежом. В грамоте из Тулы от 27 мая 1607 года он упомянул о том, что два ротмистра — пан Ботвинка и Фурс Татарин навербовали в Белоруссии и привели в Рославль «служити на помочь на наших изменников» 170 солдат.

Польские власти с тревогой следили за военными сборами в Белоруссии. В письмах к канцлеру Льву Сапеге за март 1607 года Сигизмунд III подчеркивал необходимость посылки воеводам пограничных крепостей королевских универсалов с указом противодействовать незаконному набору людей для войны с царем и посылке этих военных отрядов на территорию России. 18 июня 1607 года король направил в Витебск универсал с предписанием местным белорусским властям решительно пресекать действия населения — «обывателей», которые без разрешения короля «смеют и важатся громады немалые людей своевольных збираючи, за границу до земли Московской вторгиваться».

Не располагая точной информацией о положении в Польше, предводители повстанцев уповали на иностранную военную помощь. Некогда Отрепьев в критический для него момент гражданской войны готовился передать Путивль под власть Сигизмунда III, чтобы встать под защиту его армий. Подобные же проекты, если верить К. Буссову, возникли у повстанцев в 1607 году. В письмах в Самбор Болотников будто бы писал, что, поставленный в крайне бедственное положение, он вынужден будет передать польскому королю все отвоеванные именем Дмитрия города, *«с тем чтобы его величество вызволил их...»*.

Конрад Буссов, будучи в лагере Болотникова, узнал многое такое, о чем другие современники не слыхивали. Ему стало известно, что Болотников многократно пытался вызвать «государя» из-за рубежа, а затем, убедившись в бесполезности этих попыток, направил письмо в Самбор, предлагая, что-

бы кто-нибудь из близких Юрия Мнишека выдал себя за «Дмитрия» и поспешил в Россию, чтобы вызволить своих сторонников из беды. Попытки Болотникова гальванизировать самозванческую интригу с помощью владельцев Самбора не принесли успеха.

Авторы русских сказаний подозревали, что вожди восстания прямо участвовали в подготовке Лжедмитрия II. Один из них возлагал на «царевича Петра» прямую ответственность за новую авантюру. «Петр» будто бы отправил из Тулы князей Засекиных, а с ними вместе некоего вора из казаков, который якобы *«выдал себя за Дмитрия»*. Приведенные сведения носят легендарный характер, ибо достоверно известно, что новый самозванец появился в Белоруссии до осады Тулы.

И все же подозрения насчет причастности «Петра» к самозванческой интриге, по-видимому, имели под собой основание. Не только Болотников, но и «Петр» понимали, что отсутствие фигуры «царя» стало помехой дальнейшему развитию повстанческого движения. А. Сапега, беседовавший с «Петром» в Орше, отметил, что «царевич» прибыл в Белоруссию на поиски «Дмитрия». Итак, Болотников рассчитывал на то, что за подготовку нового «Дмитрия» возьмутся в Самборе. Будучи в Путивле, «Петр» располагал более полной информацией о положении дел в Польше, и потому он отказался от поездки в Самбор и отправился разыскивать царя в Белоруссию.

Можно указать на небольшое, но многозначительное совпадение. Из письма А. Сапеги, написанного в самом конце 1606 года, следует, что «царевича Петра» в его поездке по Белоруссии сопровождали шляхтичи пан Зенович и пан Сенкевич. Прошло совсем немного времени, и названный пан Зенович проводил за московский рубеж «царя Дмитрия», которого так упорно искал в Белоруссии «Петр».

Отмеченное совпадение едва ли носило случайный характер. Если Болотников обращался в Самбор с просьбой выставить нового самозванца, то что мешало «царевичу Петру» адресовать аналогичную просьбу ветеранам Лжедмитрия I из Восточной Белоруссии?

История нового самозванца, получившего в историографии имя Лжедмитрия II (в действительности его следовало бы именовать Лжедмитрием III), представляется запутанной и неясной. Власти предпринимали многократные попытки к тому, чтобы выяснить личность нового «вора», но добились немногого.

Наибольшую осведомленность насчет происхождения Лжедмитрия II проявили иностранцы, наблюдавшие за первыми его шагами в Белоруссии либо служившие при нем в Тушине. К. Буссов лично знал Лжедмитрия II, и ему удалось установить некоторые точные факты из его ранней биографии. Самозванец, по словам Буссова, был «слугой попа» и школьным учителем в Шклове в Белоруссии. Из Шклова учитель перебрался в Могилев.

Самое подробное и, по-видимому, удачное расследование о самозванце произвел белорусский священник из села Баркулабова под Могилевом, составивший подробную летопись. Белорусский летописец хорошо знал среду, из которой вышел «вор», и его рассказ согласуется с версией Буссова в двух основных пунктах: самозванец был учителем из Шклова, а после переезда в Могилев прислуживал местному священнику. Совпадение двух источников различного происхождения очень важно само по себе. Буссов имел возможность беседовать с белорусскими шляхтичами, сопровождавшими Лжедмитрия II с первых дней. Белорусский летописец либо сам наблюдал жизнь «вора» в Могилеве, либо описал его историю со слов очевидца. Он уточнил места, где учительствовал будущий «Дмитрий», назвал по имени священника, которому тот прислуживал, описал его внешний вид. *«Бо тот Дмитр Нагий,* — записал он, — *напервеи у попа шкловского именем, дети грамоте учил, школу держал; а потом до Могилева пришел, также у священника Федора Сасиновича Николского у селе дети учил».* Учительский труд плохо кормил, и бродячий учитель нашел дополнительный заработок в доме у попа Терешка, *«который проскуры заведал при церкви Святого Николы»* в Могилеве. Учитель *«прихожувал до того Терешка час немалый, каждому забегаючи, послугуючи; а (и)мел на собе оденье плохое, кожух плохий, шлык баряный, в лете в том ходил».* Как видно,

новый самозванец был в полном смысле слова выходцем из народа. Потертый кожух и баранья шапка, которую он носил и зимой, и летом, указывали на принадлежность самозванца к неимущим низам.

По словам польских иезуитов, бродячий учитель, прислуживавший в доме священника в Могилеве, дошел до крайней нужды. За неблагонравное поведение священник высек его и выгнал из дома. Бродяга оказался на улице без куска хлеба. В этот момент его и заприметили ветераны московского похода Лжедмитрия I. Один из них, пан Меховецкий, обратил внимание на то, что голодранец *«телосложением похож на покойного царя»*. Угодливость и трусость боролись в душе учителя. Невзирая на нужду, он не сразу поддался на уговоры Меховецкого и его друзей. Участь Отрепьева пугала его.

Будучи опознан в Могилеве как «царь», учитель *«в тот час з Могилева на село Онисковича Сидоровича аж до Пропойска увышол; там же у Пропойску были его поймали во везенью седел»*. Побег из Могилева в Пропойск не спас его. Меховецкий имел влиятельных сообщников и единомышленников в лице местных чиновников из Пропойска и Чечерска пана Зеновича и пана Рагозы. Благодаря этому обстоятельству он получил возможность шантажировать арестованного бродягу. Учитель был поставлен перед выбором: либо заживо сгнить в тюрьме (его могли также и повесить как московского лазутчика), либо податься в цари. В конце концов он выбрал корону.

Белорусские, польские и русские источники примерно одинаково излагают обстоятельства появления Лжедмитрия II в России. При самозванце не было никаких иноземных воинских сил. По словам польского современника Н. Мархоцкого, служившего Лжедмитрию II, претендент явился в Стародуб в сопровождении торговца из Пропойска Грицко. (Тот же автор замечает, что знал его потом как подскарбия — казначея тушинского.) Кроме Грицка, «вора» провожал пан Рагозинский, староста (войт) того же городка Пропойска.

Буссов подтверждает польскую версию о том, что Лжедмитрий II перешел границу в сопровождении Григория (Грицка) Кашинца, а также подьячего Алексея.

По словам русского летописца, самозванец явился в Стародуб в сопровождении человека, который *«сказался московской подьячей Олешка Рукин, а иные сказывают* (он был. — *Р. С.) детина»*. В среде московских приказных в XVII веке встречались подьячие Рукины. Но столичный летописец выражал сомнение, не был ли спутник самозванца простолюдином — слугой.

Кроме московского летописца, фамилию Рукин сообщает также хорунжий Будила, один из главных сподвижников Лжедмитрия II в начале войны.

Автор белорусской летописи жил в Баркулабове между Пропойском и Чечерском. Он хорошо знал местные власти и с наибольшими подробностями описал исход «Дмитрия» в Россию. После освобождения из тюрьмы в Пропойске, повествует летописец, *«пан Рагоза* (или Рагозинский. — *Р. С.), вряднык чечерский, за ведомостью пана своего его милости Зеновича, старосту чечерского, оного Дмитра Нагого на Попову гору, то есть за границу московскую пустил, со слугами своими его пропровадил»*.

В Белоруссии шляхтичи не сразу добились повиновения от шкловского учителя. Почему же они отпустили его в Россию фактически одного, без стражи, рискуя утратить контроль за его дальнейшей деятельностью?

Факты наводят на мысль, что налицо был сговор между польскими участниками интриги и русскими повстанцами. Зенович, Рагоза и Меховецкий действовали с величайшей осторожностью. Они не рискнули объявить о появлении царя «Дмитрия» в пределах Литвы и начать набор войска для него, боясь навлечь на себя немилость короля. Кроме того, они не имели достаточных средств и не желали тратить наличные деньги на дело, которое имело мало шансов на успех и могло оказаться мертворожденной затеей. Поляки взяли на себя лишь часть задачи — найти и переправить в Россию подходящего претендента, всю же основную часть работы они предоставили русским повстанцам.

Стремясь снять с себя всякую ответственность, Зенович и Рагоза велели претенденту называть себя не царем Дмитри-

ем, а его родственником Андреем Нагим. По словам Мархоцкого, претендент назвался Андреевичем Нагим уже в тюрьме в Пропойске. Буссов отметил, что претендент, прибыв в Стародуб, поначалу заявил, что *«он — царский родственник Нагой, а сам царь недалеко»*. Согласно свидетельству «Нового летописца», вор назвался именем Андрея Андреева Нагого, выдав себя за сына боярина Андрея Александровича Нагого. При этом он заявил, что «царь Дмитрей прислал их (с подьячим. — *Р. С.)* наперед себя для того, так ль ему все ради; а он (царь. — *Р. С.)* жив в скрыте от изменников».

Некоторые любопытные подробности насчет своего «исхода» в Россию сообщил сам Лжедмитрий II в грамотах к боярам и народу. Спасаясь от злокозненного умысла Шуйских, писал самозванец, он «сходил» в Литовскую землю, был там «здоров» и пришел *«з Литовские земли... в преславущый град Стародуб во 12 недель и не хотел я себе вскоре объявить и назвал я себя Андреем Нагим... и меня, государя вашего прыроженнаго... узнали нас прыроженные наши люди многих городов и добили челом...»*. Самозванец утверждал, что время его скитаний в Литве (очевидно, в роли претендента на трон) заняло 12 недель.

Опираясь на данные Будилы, С. Ф. Платонов заключил, что самозванец появился в Стародубе 12 июня 1607 года (в десятую пятницу после Пасхи) и объявил свое царское имя четыре недели спустя, т. е. 10 июля. Хронологические выкладки С. Ф. Платонова, принятые в литературе, требуют уточнения.

Будила прибыл в Стародуб с запозданием, в конце августа 1607 года, а свои записки он составил несколько лет спустя. Поэтому предпочтение следует отдать свидетельству белорусского летописца из-под Пропойска, лучше других осведомленного насчет первых шагов Лжедмитрия II. Летописец знал, что Зенович отпустил «Дмитрия (Нагого)» за московский рубеж на Попову гору *«року 607, месяца мая, после семой субботы»*. Седьмая (после Пасхи) суббота приходится на 23 мая 1607 года. В этот день «вор» и перешел границу.

Итак, Лжедмитрий II перешел границу вскоре после 23 мая 1607 года, а до этого скитался по Литве (как узнанный «царь»,

а точнее, Андрей Нагой) в течение 12 недель. Несложный расчет подсказывает, таким образом, что Зенович, Меховецкий и другие ветераны взялись за подготовку претендента в конце февраля 1607 года. Остается добавить, что с «царевичем Петром» Зенович виделся в Белоруссии в декабре 1606 года.

Поляки направили претендента в небольшую северскую крепость Стародуб. Нельзя считать случайным тот факт, что в момент появления Лжедмитрия II в Стародубе там оказался эмиссар «царевича Петра» и Болотникова казачий атаман Иван Заруцкий. По словам Буссова, Болотников послал Заруцкого из Тулы за рубеж, чтобы разузнать, что с государем, которому он присягал в Польше; но атаман будто бы не отважился ехать за рубеж и надолго задержался в Стародубе. Заруцкий был одним из выдающихся деятелей Смуты, обладавшим редкой отвагой. Сын тернопольского мещанина Иван Заруцкий был польским подданным. В его судьбе было нечто общее с судьбой Болотникова. В юности он попал в плен к крымским татарам, бежал из неволи и стал казачьим предводителем. Уроженец Волыни, Заруцкий должен был знать, что именно на Волыни, в Самборе, следует искать следы чудесно спасшегося «Дмитрия». Тем не менее он оставался в Стародубе, где и заявил о признании Лжедмитрия II в тот самый момент, когда тот объявил свое царское имя.

Полякам нетрудно было запугать шкловского бродягу и заставить его назваться именем Андрея Нагого. Заруцкому и другим вождям повстанцев в Стародубе предстояло решить куда более сложную задачу. Они должны были убедить жителей Стародуба и других северских городов, а затем и всей России в том, что безвестный бродяга и есть их добрый царь Дмитрий.

После отступления войск Шуйского из-под Калуги в военных действиях наступило длительное затишье. Обе стороны готовились к решительному столкновению. Повстанцам надо было, не теряя ни дня, везти объявившегося «Дмитрия» к Москве. Его появление могло решающим образом повлиять на исход борьбы. И все же восставшие не решились немедленно объявить о появлении «Дмитрия» в Стародубе. Причина состояла в том, что шкловский бродяга, оказавшийся

втянутым в интригу помимо собственной воли, очень мало подходил к выполнению трудной миссии.

Учитель из Могилева был на своем месте в церковной школе. Он умел делать всякого рода черную работу по дому, терпеливо сносил побои и розги. Приниженному и бедному человеку предстояло сыграть роль великого государя и вождя восстания, что было ему явно не по плечу.

Шкловский учитель не обладал ни мужеством, ни волей, ни практическим опытом, чтобы самостоятельно довести трудное дело до успешного конца. Рукин и другие его помощники также были людьми малоавторитетными и незначительными.

В Стародубе самозванец оставался такой же подставной фигурой, как и в Пропойске. Всю тяжесть затеянного дела приняли на себя вожди повстанцев.

Заруцкий был послан в Стародуб для розыска «царя». Невероятно, чтобы появление в небольшом городке, где все знали друг друга, «Нагого», родственника «царя Дмитрия» и его предтечи, осталось для атамана незамеченным. Заруцкий обладал редкой энергией и всеми качествами народного вождя. Его вмешательство, по-видимому, имело неоценимое значение для дальнейшего развития самозванческой интриги. В России он играл при никчемном претенденте ту же роль, что Меховецкий и Зенович в Белоруссии. Помимо Заруцкого большую помощь Лжедмитрию II оказал предводитель местных повстанцев стародубский сын боярский Гаврила Веревкин.

Современники указывали на Веревкина как главного инициатора переворота в пользу Лжедмитрия II. Описав смуту, происшедшую в Стародубе, автор «Нового летописца» заметил: «Начальному (начальник. — *Р. С.)* же воровству стародубец Гаврила Веревкин».

Роль Веревкина в интриге была столь велика, что немедленно явилось подозрение, что новый самозванец доводится ему прямым родственником. Как записал московский летописец, «назвался иной вор царевичем Дмитрием, а сказывают сыньчишко боярской (из семьи. — *Р. С.)* Веревкиных из Северы». Мнение о том, что Лжедмитрий II происходил из северских детей боярских, разделяли даже некоторые лица из

его польского окружения, например, Н. Мархоцкий. В России версия о стародубском происхождении нового «вора» получила самое широкое хождение. Она попала на страницы сказания Авраамия Палицына, одного из самых известных писателей Смутного времени. Мятежники, писал Палицын, *«прежним обычаем* (как прежде назвали *«ложного умышленного царевича Петра, холопа...». — Р. С.) нарекши ложного царя Дмитрия, от северских градов попова сына Матюшку Веревкина»*.

Ближайшие сподвижники Лжедмитрия II Заруцкий и Веревкин имели весьма приблизительное представление о царском обиходе и дворцовых порядках. Неудивительно, что их попытки подготовить бродягу к новой для него роли не дали больших результатов. Лжедмитрий II до конца жизни сохранял манеры поповича, что давало почву для неблагоприятных толков. Один из его сторонников князь Д. Мосальский, попав в плен к Шуйскому, под пыткой показал: *«Который, де, вор называется царем Дмитрием и тот, де, вор с Москвы, с Арбату от Знаменья Пречистыя из-за конюшен попов сын Митка»*. Одни называли стародубского «вора» поповым сыном Матюшкой, другие — поповым сыном Митькой. Как учитель церковной школы Лжедмитрий II действительно принадлежал к духовному сословию, но чьим он был сыном, никто не знал.

На стародубском «воре» лежало клеймо выходца из низших сословий. Другое затруднение заключалось в том, что он нисколько не походил на Отрепьева. Шкловский бродяга был таким же низкорослым, как убитый самозванец. Но этим и исчерпывалось все сходство. У самборского «вора» на лице росли бородавки, у могилевского не было даже этой приметы.

Шкловский учитель боялся разоблачения и поэтому счел благоразумным не появляться в городах Северской Украины Путивле или Чернигове, население которых хорошо знало Лжедмитрия I.

Новый самозванец предпочел остановиться в небольшом городке Стародубе, не имевшем ни каменной крепости, ни крупного посада. Однако он сам или же его покровители тотчас разослали агентов в главные северские города, чтобы за-

ручиться их поддержкой. Один из них, некто Александр, объехал несколько северских замков, объявляя повсюду о появлении «Дмитрия», «пока не был задержан в Путивле». Путивляне отправили Александра в Стародуб с несколькими десятками детей боярских, повелев найти «царя». По словам Будилы, слуга «Дмитрия» Рукин был взят в Чернигове и отправлен в Стародуб для поисков государя. И Будила, и Мархоцкий одинаково утверждали, что агентов заставили указать на «Дмитрия», угрожая пыткой. По русским источникам, подьячий Рукин был взят к пытке и лишь тогда указал на «царя».

Некогда Отрепьев притворился смертельно больным и на исповеди открыл священнику тайну своего царского происхождения. Повстанцы избрали иные средства. Они собрали народ и имитировали пытки, чтобы убедить стародубцев в подлинности царя.

Характерные подробности сообщил в своей «Хронике» Буссов, долгое время служивший Лжедмитрию II в Тушине. По Буссову, агитируя в пользу «Дмитрия», «Нагой» и его подручные заявляли, что со дня на день в Стародуб прибудет пан Меховецкий с многотысячным отрядом конницы. Однако обещанная подмога, в которой восставшие крайне нуждались, не появлялась, и тогда стародубцы арестовали слугу Алексея (очевидно, Рукина) и Григория (Грицка) заодно с «Нагим» и повели всех трех на дыбу. Палач будто бы исполосовал спину Алешки кнутом, прежде чем тот указал стародубцам на царя. Народ повалился в ноги государю, и по всему городу ударили в колокола. По другой версии, палач приготовился поднять на дыбу самого «Нагого», но тот схватился за палку и обрушился на стародубцев с бранью, которая окончательно убедила всех, что перед ними истинный царь.

Как бы то ни было, провозглашению Лжедмитрия II царем предшествовала тщательно подготовленная инсценировка, в которой участвовали как предводители повстанцев, так и белорусские покровители самозванца. Главным действующим лицом инсценировки был Иван Заруцкий. Он первым заявил о признании «Дмитрия» царем, «воздал ему царские почести» и передал письма. Буссов не уточняет, от кого были

письма. Из текста его «Хроники» следует, что Заруцкий прибыл в Стародуб из Тулы, где находились «царевич Петр» и Болотников. Передача писем окончательно удостоверяет причастность вождей восстания к подготовке нового самозванца.

Доказательством сговора восставших с польскими сообщниками Лжедмитрия II служит то, что в самый день его «воцарения» в Стародуб прибыл пан Меховецкий с отрядом нанятых солдат. Появление внушительной военной силы заставило замолчать всех сомневавшихся.

Один из наемников пан Харлецкий в письме от 9(19) октября 1607 года удостоверил тот факт, что пан Меховецкий, едва услышал о признании царя, *«в тот же день вступил в Стародуб с 5000 поляков, из коих, впрочем, немногие были порядочно вооружены»*. Как видно, отряд не был чисто шляхетским по своему составу: лишь у немногих было хорошее оружие, которое обычно имели все дворяне.

Цифра, приведенная в письме Харлецкого, — 5 тысяч солдат — принята в литературе. Но достоверность этой цифры кажется сомнительной. По словам белорусского летописца, сразу после провозглашения царем Дмитрия *«конного люду семьсот до него прибегло»*. Приведенную цифру следует признать более достоверной. Большинство современников считали Лжедмитрия II москалем либо выходцем из пределов Московии. Буссов писал, что «царек» был по рождению московит, но давно жил в Белоруссии и потому умел чисто говорить, читать и писать по-русски и по-польски. Иезуиты произвели собственное дознание о происхождении самозванца и пришли к неожиданным выводам. Они утверждали, что имя сына Грозного принял некто Богданка, крещеный еврей, служивший писцом при Лжедмитрии I. Иезуиты весьма точно описали жизнь самозванца в Могилеве и его заключение в тюрьму.

После восшествия на престол в 1613 году Михаил Романов официально подтвердил версию о еврейском происхождении тушинского вора. Филарет Романов долгое время служил самозванцу в Тушине и знал его очень хорошо, так что Романовы говорили не с чужого голоса.

Широко известен портрет Лжедмитрия II, на котором «царек» изображен в восточной чалме. Портрет не может помочь решению вопроса о происхождении самозванца ввиду его полной недостоверности. Он является копией гравюры конца XVII века, не имеющей никакого отношения к русской истории.

После гибели Лжедмитрия II стали толковать, что в бумагах убитого нашли талмуд и еврейские письмена. Царя в России называли светочем православия. Смута все перевернула. Лжедмитрий I оказался тайным католиком, «тушинский вор» — тайным иудеем.

Отрепьев происходил из детей боярских, и его политика носила четко выраженный продворянский характер, что сказывалось прямо или косвенно на оценке писателей Смутного времени. Лжедмитрий II происходил из низов, и поэтому его посягательства на власть вызывали крайнее негодование дворянских писателей. Оценка современников оказала определенное влияние на историографическую традицию. Лжедмитрий I, писал С. Ф. Платонов, *«имел вид серьезного и искреннего претендента на престол. Он умел воодушевить своим делом воинские массы, умел подчинить их своим воинским приказаниям и обуздать дисциплиной», «он был действительным руководителем поднятого им движения»;* совсем иным был Лжедмитрий II, которому *«присвоили меткое прозвище Вора»:* он *«вышел на свое дело из пропойской тюрьмы и объявил себя царем на стародубской площади под страхом побоев и пытки»; «не он руководил толпами своих сторонников и подданных, а, напротив, они его влекли за собой в своем стихийном брожении, мотивом которого был не интерес претендента, а собственные интересы его отрядов»; «свое название Вора он и снискал именно потому, что все части его войска одинаково отличались, по московской оценке, «воровскими» свойствами».*

Лжедмитрий II едва ли имел какие бы то ни было политические взгляды или политическую программу, когда оказался в лагере восставших. Тем не менее ему суждено было стать знаменем повстанческого движения. Наступил особый этап гражданской войны, имевший свои характерные черты.

Ситуация, сложившаяся в Стародубе, была весьма своеобразной. Во-первых, редкие представители знати, вовлеченные в восстание против Шуйского, перебрались из Северской земли к «царевичу Петру» и Болотникову в Тулу. Среди советников Лжедмитрия II не было ни русских бояр, ни польских магнатов. Едва ли не главным руководителем стародубского лагеря стал казачий атаман Иван Заруцкий, будущий тушинский «боярин» и глава Казачьего приказа.

Во-вторых, Лжедмитрий II оказался в повстанческом лагере, когда дворяне стали покидать этот лагерь. Избиения казаков и холопов после поражения Болотникова под Москвой и казни дворян в Путивле и Туле обозначили важную веху в истории гражданской войны. Феодальные землевладельцы неизбежно должны были порвать с движением, которое приобрело ярко выраженный социальный характер.

Новый этап движения характеризовался сменой вождей. Выходец из неимущих слоев, Лжедмитрий II оказался весьма типичной для того времени фигурой. Примерно в течение года-двух в разных концах страны появился десяток других самозванцев. В астраханском крае продолжали действовать «царевичи» Иван-Август и Лавер (Лаврентий), на казачьих окраинах и в степных уездах объявились «царевичи» Осиновик, Петр, Федор, Клементий, Савелий, Симеон, Ерошка, Гаврилка, Мартинка. Уничижительные имена (Ерошка, Гаврилка и др.) указывали на то, что казацкие предводители, действовавшие на юге, не скрывали своего холопского и мужицкого происхождения.

Социальный облик многочисленных «детей» и «внуков» царя Ивана IV, появившихся на южных окраинах, всего точнее охарактеризовал автор «Нового летописца». Придворный летописец первых Романовых в сердцах писал: *«Како же у тех окаянных злодеев уста отверщашеся и язык проглагола: неведомо откуда взявся, а называхуся таким праведным коренем* (царским родом. — *Р. С.) — иной боярской человек, а иной — мужик пашенной»*.

Весть об исходе из-за рубежа «Дмитрия» вызвала на Северщине небывалый энтузиазм. Но «царику», а вернее, Заруц-

кому и Меховецкому, действовавшим от его имени, понадобилось не менее двух-трех месяцев, чтобы сформировать новую повстанческую армию.

По своему облику войско стародубского «вора» отличалось от армий Болотникова и Пашкова. В нем было меньше детей боярских. Характеризуя военные действия в Северской Украине, летописи отметили: *«Воины же благороднии от тех стран и градов* (северских. — *Р. С.) мало больши тысячи, но не согласяшеся, един по единому, соблюдошася от смерти, прибегнуши к Москве, токмо телеса и души свои принесоша, оскорбляющеся гладом и наготою, оставиша матери своей и жены в домех и в селех своих. Раби же им... озлонравишася зверообразием, насилующе, господеи своих побиваша и пояша в жены себе господеи своих — жены и тщери».*

Восставшие низы самочинно расправлялись с изменниками-помещиками. Последние же в страхе перед рабами покидали свои владения на Севрщине и Брянщине и поодиночке тайно пробирались к царю Василию в Москву.

Руководители повстанческого движения в Стародубе принуждены были прибегнуть к чрезвычайным мерам, чтобы сломить сопротивление северских дворян и принудить их к службе в армии Лжедмитрия II. Буссов описал эти меры весьма точно: *«Димитрий приказал объявить повсюду, где были владения князей и бояр, перешедших к Шуйскому, чтобы холопы перешли к нему, присягнули и получили от него поместья своих господ, а если там остались господские дочки, то пусть холопы возьмут их себе в жены и служат ему. Вот так-то многие нищие холопы стали дворянами, и к тому же богатыми и могущественными, тогда как их господам в Москве пришлось голодать».*

Чтобы уяснить смысл прокламаций стародубского «вора», надо уточнить, кому они были адресованы и какую цель преследовали. Самозванец пытался припугнуть помещиков и одновременно привлечь в повстанческую армию помещичьих людей. Воинскую службу могли нести прежде всего боевые холопы, имевшие необходимые навыки и вооружение. По-видимому, к ним в первую очередь и адресовался Лжедмитрий II. Руководители повстанцев, таким образом, пытались проти-

вопоставить дворянам их вооруженную свиту и тем самым усугубить развал в поместном ополчении.

Наталкиваясь на трудности с набором войск внутри страны, повстанцы продолжали хлопотать о найме солдат за рубежом. Приглашая наемных солдат из Речи Посполитой, «царек» обещал платить им вдвое и втрое больше, чем они получали на родине. Рассылкой грамот ведал пан Меховецкий.

На первых порах призывы Лжедмитрия II находили наибольший отклик среди низов. Как записал белорусский летописец, под знамена «Дмитрия» собирался *«люд гулящий, люд своевольный... то и молодцы: якийсь наймит з Мстиславля до него пришол»*.

Ситуация стала меняться после того, как Сигизмунд III в июле 1607 года нанес решительное поражение мятежным магнатам и шляхте. После роспуска наемных отрядов, участвовавших в конфликте, в стране появилось много солдат, готовых запродать свои услуги всем, кто может заплатить.

Собрав войско, самозванец выступил на помощь Болотникову и «Петру», осажденным в Туле.

Осада Тулы привела к тому, что повстанческое движение лишилось руководящего центра. В то же время город приковал к себе основные силы армии Шуйского, что позволило Лжедмитрию II беспрепятственно собрать войско и начать поход на Москву. 10 сентября 1607 года самозванец покинул Стародуб и через пять дней прибыл в Почеп. Местное население приняло «царя» с радостью. 20 сентября войско выступило к Брянску, но на первом же привале в лагерь Лжедмитрия II явился из Брянска гонец, сообщивший, что царский воевода М. Кашин напал неожиданно на брянскую крепость, сжег ее и сейчас же ушел прочь.

При «стародубском воре», видимо, не было никого из знатных дворян. Во всяком случае, в дни похода под Брянск «вор» послал в погоню за Кашиным *«с московским людом боярина своего Хрындина»*, которого можно отождествить с Другим Тимофеевичем Рындиным, дьяком Лжедмитрия I, заслужившим чин думного дьяка от Лжедмитрия II. Кроме Рындина в боярах у шкловского учителя служил украинский казак И. М. За-

руцкий и сын боярский Гаврила Веревкин. Имеются сведения, будто Г. Шаховской из Тулы направил в лагерь Лжедмитрия II князей Засекиных. Но степень достоверности этих сведений неясна.

Поход Лжедмитрия II напомнил ветеранам о временах их наступления на Москву под знаменами Отрепьева весной 1605 года. На всем пути население встречало «Дмитрия» с воодушевлением. *«Из Брянска,* — отметили современники, — *все люди вышли вору навстречу»,* приветствуя его как истинного государя. Лжедмитрий II разбил лагерь у Свенского монастыря. Тут самозванец провел более недели. Задержка носила вынужденный характер. Лжедмитрий II столкнулся с затруднениями такого же рода, как и Отрепьев в начале московского похода. У него не было денег в казне, чтобы расплатиться с наемниками. 26 сентября (6 октября), записал в своем дневнике Будила, *«наше войско рассердилось на царя за одно слово, взбунтовалось и, забрав все вооружение* (пушки. — *Р. С.), ушло прочь».* Мятеж произошел, видимо, к ночи. Под утро Лжедмитрий II явился к войску, успевшему уйти на 3 мили от лагеря. После долгих уговоров ему удалось «умилостивить» наемников.

11 октября 1607 года Лжедмитрий II торжественно вступил в Козельск, 16 октября прибыл в Белев, намереваясь пробиться к осажденной Туле. Но он начал наступление на Тулу слишком поздно.

Первый русский историк В. Н. Татищев весьма точно характеризовал положение осадной армии под Тулой: *«Царь Василей, стоя при Туле и видя великую нужду, что уже время осеннее было, не знал, что делать: оставить его* (осажденный город. — *Р. С.) был великий страх, стоять долго боялся, чтобы войско не привести в досаду и смятение; силою брать — большей был страх: людей терять».* Каким бы трудным ни было для войска осеннее время, главная угроза заключалась в другом. На строительство плотины в район Тулы были собраны в огромном числе мужики — посошные люди. Дворянское ядро армии тонуло в массе посошных крестьян, служилых людей «по прибору» (недворянского происхождения) — стрельцов, казаков, пушкарей, а также боевых холопов, обозной прислу-

ги и проч. Идея «доброго царя» по-прежнему находила отклик среди «черни». Поэтому лагерь Шуйского напоминал пороховой погреб. Чем ближе подходил к Туле Лжедмитрий II, тем реальнее становилась угроза взрыва.

Повстанцы использовали всевозможные средства, чтобы воздействовать на царское войско. Они отправили под Тулу не только лазутчиков, но и «прямых» посланцев. Один из них, некий стародубский помещик, лично вручил Шуйскому грамоту от восставших северских городов, за что был подвергнут пытке и заживо сожжен. Будучи на костре, гонец кричал, что прислан истинным государем. Все это должно было произвести сильное впечатление на народ.

Появление «Дмитрия» вновь грозило опрокинуть все расчеты власть имущих. В дворянской среде не прекращалось брожение. Измена князя Петра Урусова, близкого родственника Шуйских, показала, что даже при дворе царили неуверенность и разброд. Неудачная осада Тулы отняла веру в прочность династии. Когда защитники Тулы предложили Шуйскому начать переговоры о прекращении военных действий, он ухватился за эту возможность.

Год выдался урожайный, и осадный лагерь не испытывал таких затруднений с хлебом, с какими царские полки столкнулись под Ельцом годом ранее. Елецкий гарнизон не помышлял о сдаче, располагая набитыми до отказа житницами. Теперь положение переменилось. Осаждавшие не знали нужды, тогда как осажденные в Туле войска к концу осады исчерпали припасы.

«Царевич» Петр не позаботился о снабжении крепости крупными запасами продовольствия. К. Буссов ярко описал трагедию гарнизона и населения города: *«В городе была невероятная дороговизна и голод. Жители поедали собак, кошек, падаль на улицах, лошадиные, бычьи и коровьи шкуры. Кадь ржи стоила 100 польских флоринов, а ложка соли — полтораста, и многие умирали от голода и изнеможения»*. Трудно сказать, насколько достоверны данные о хлебной цене в Туле. Тот же К. Буссов сообщает, что даже в годы великого голода цена на рожь превышала примерно в 25 раз обычные для России хлебные цены. В Туле цены подскочили якобы более чем в 200 раз.

Наводнение усугубило бедствие. По словам современников, после постройки плотины *«помалу накопися вода... и яже во граде их бысть пища, все потопи и размы. А людие ж града того ужасни быша о семь... и бысть на них глад велик зело, даже и до того дойде, якоже уже всяко скверно и нечисто ядяху: кошки и мыши и иная, подобная сим»*. По словам другого автора, измученные голодом туляки *«стали есть вонючую падаль и лошадей, источенных червями»*.

Автор карамзинского «Хронографа» описал наводнение в Туле со слов очевидцев: *«Реку Упу загатили, и вода стала большая, и в острог и в город вошла, и многие места во дворех потопила, и людям от воды учала быть нужа большая, и хлеб и соль у них в осаде был дорог, да и не стало»*. Запасы соли были уничтожены наводнением сразу, подмоченное зерно в больших амбарах трудно было спасти.

Наводнение сделало Тулу почти неприступной для штурма. Город оказался посреди обширного озера. В то же время затопление острога и города разобщило защитников крепости. Гарнизон оказался на грани полного распада. Как отмечали современники, из Тулы *«в полки* (к Шуйскому) *учели выходить всякие люди человек по сту, и по двести, и по триста на день...»*. Можно ли считать, что из осажденной крепости бежали главным образом жители Тулы, а не болотниковцы? Источники опровергают такое предположение. По словам К. Буссова, руководители обороны столкнулись с прямым неповиновением и казаков, и всех жителей Тулы. Доведенный до крайности народ замышлял схватить Болотникова и Шаховского. Одни надеялись покрыть свои вины, выдав зачинщиков Смуты царю, у других были иные цели.

Г. Шаховской не мог оправдаться перед народом, ибо ему пришлось бы сознаться в грубом обмане и мистификации, затеянной им в компании с Молчановым. Болотников в критических обстоятельствах не побоялся сказать народу правду. *«Какой-то молодой человек, примерно лет 24 или 25,* — сказал Болотников, — *позвал меня к себе, когда я из Венеции прибыл в Польшу, и рассказал мне, что он Дмитрий и что он ушел от мятежа и убийства, убит был вместо него один немец, который на-*

дел его платье. Он взял с меня присягу, что я буду ему верно служить; это я до сих пор и делал... Истинный он или нет, я не могу сказать, ибо на престоле в Москве я его не видел. По рассказам он с виду точно такой, как тот, который сидел на престоле».

Текст речи Болотникова весьма примерно передан К. Буссовым со слов повстанцев, оборонявших Тулу. Но основной смысл его слов очевидцы передали, по-видимому, достаточно точно. Даже самые стойкие приверженцы «Дмитрия» не могли скрыть своего разочарования. Ни вожди, ни народ никак не могли понять, почему «Дмитрий» не внял их призывам, когда осажденная Москва была готова открыть перед ними ворота. Они знали, что «добрый царь» уже с июня месяца находится в пределах России, но и на этот раз не спешит подать помощь своему гибнущему войску в Туле. Князь Г. Шаховской был тем лицом, через которого повстанцы поддерживали сношения с мнимым Дмитрием с первых дней восстания. Поэтому недовольные потребовали ареста «боярина», чтобы тем самым оказать давление на «Дмитрия». Г. Шаховской попал в тульскую тюрьму, при этом было объявлено, что его не выпустят оттуда до тех пор, пока не придет «Дмитрий» и не вызволит их от осады.

Когда положение в Туле стало невыносимым, а защитники города едва держались на ногах, когда *«наводнение и голод ужасающе усилились»*, рассказывает К. Буссов, тогда «царевич» Петр и Болотников вступили в переговоры с Шуйским о сдаче крепости на условии сохранения им (всем повстанцам) жизни, угрожая, что в противном случае осажденные будут драться, пока будет жив хоть один человек. Царь Василий находился в столь затруднительном положении, что он принял условия Болотникова и поклялся на кресте соблюдать договор о том, что все защитники Тулы будут помилованы.

Для Болотникова смысл переговоров состоял в том, чтобы сохранить силы для продолжения борьбы. В труднейших условиях Болотников тщательно готовил вылазку, надеясь на то, что вода спадет и они попытают счастье, чтобы пробиться через вражеское войско навстречу «Дмитрию».

Слуга Мнишека Рожнятовский в одной из ноябрьских записей упомянул о письме поляка, также находившегося в заточении в Ярославле, но получившего более верные известия. Из письма следовало, что при сдаче Тулы *«Болотников хотел выкинуть какую-то штуку, но она у него не вышла. Люди ушли из Тулы по заключенному им договору, а сам он остался в оковах»*.

Русские источники подтверждают версию Рожнятовского и объясняют причины того, что Болотников и Петр после сдачи Тулы сразу же были взяты под стражу. В самые последние дни, когда Тулу стали покидать сотни людей, части гарнизона окончательно вышли из повиновения. По данным карамзинского «Хронографа», за два-три дня до капитуляции тульские «осадные люди» присылали к царю «бити челом и вину свою приносить (признать), чтоб их пожаловал, вину им отдал, и оне вора Петрушку, Ивашка Болотникова и их воров изменников отдадут».

Разобщенный наводнением и доведенный до крайности гарнизон Тулы сложил оружие, не оказав сопротивления воеводе Крюку-Колычеву и не выступив на защиту своих вождей. В силу этой причины Шуйский сохранил жизнь всем сдавшимся повстанцам. Без сомнения, амнистия была продиктована трезвым политическим расчетом. Гражданская война вступила в решающую фазу, и царь показной милостью старался перетянуть на свою сторону всех колеблющихся.

Весть о падении Тулы вызвала панику в войске Лжедмитрия II. Пробыв в Болхове в течение суток, «царек» 17 октября спешно отступил ближе к границе в Карачев, где его покинуло запорожское войско. Одновременно произошел бунт наемных солдат — «литовских людей», желавших уйти (из России) с добычей. Не имея возможности задержать наемное войско, самозванец тайно покинул лагерь с 30 верными людьми, среди которых был только один поляк. Даже «гетман» Меховецкий не знал, куда исчез «царек».

В начале января 1608 года Лжедмитрий II объявился в Орле, сохранившем верность восстанию. Угроза Москве возросла, что немедленно сказалось на судьбе бывших тульских сидельцев. В феврале 1608 года царь Василий приказал пре-

проводить Болотникова в Каргополь в ссылку. Везли его через Ярославль, где находились пленные поляки. Слуга Мнишека Рожнятовский дал любопытные сведения о поведении Болотникова. (Другой пленник, С. Немоевский, повторил его рассказ слово в слово.) Ярославские дети боярские были поражены тем, что главного «воровского» воеводу везли несвязанным и без оков. По этой причине они стали допытываться у приставов, почему мятежник содержится так свободно, почему не закован в колодки. Отвечая им, Болотников разразился угрозами: «Я скоро вас самих буду ковать (в кандалы. — *Р. С.)* и в медвежьи шкуры зашивать».

С казацким «царевичем» власти расправились до высылки Болотникова из Москвы. Царь, по замечанию летописца, *«Петрушку вора велел казнити по совету всей земли»*.

Ссыльный поляк С. Немоевский записал в дневнике 30 января (9 февраля) 1608 года: *«Прибыл посадский человек из Москвы. Наши проведали от него через стрельца, что на этих днях казнен Петрашко»*. Дневниковая запись доказывает с полной достоверностью, что казацкий «царевич» подвергся казни не сразу после сдачи Тулы, а четыре месяца спустя.

«Боярин» Г. Шаховской был сослан «на Каменное» в монастырь, С. Кохановский — в Казань, атаман Ф. Нагиба и некоторые другие — в «поморские города». Несколько позже, когда Лжедмитрий II подошел к Москве, а его отряды заняли половину государства, Болотников был сначала ослеплен, а затем «посажен в воду». Побиты были также его сподвижники — казачьи атаманы, находившиеся в ссылке.

Ни падение Тулы, ни казнь казацких предводителей не означали конца восстания. Гражданская война в России вскоре вспыхнула с новой силой.

Глава 2
ВОРОВСКОЙ ЛАГЕРЬ

С тех пор как Лжедмитрия II признали многие русские города и его дело стало на твердую почву, интерес к самозванческой интриге стали проявлять влиятельные лица из Речи По-

сполитой, некогда покровительствовавшие Отрепьеву. В числе их были князь Ружинский, Тышкевич, Валевский, Адам Вишневецкий и другие. Король Сигизмунд III не желал участвовать в авантюре. Но мятеж против королевской власти усилил элементы анархии в Речи Посполитой. Наемные солдаты, оставшиеся без работы после подавления мятежа, хлынули в русские пределы в надежде на то, что «царек» щедро вознаградит их за труды.

Обедневший украинский магнат князь Роман Ружинский взял в долг деньги и нанял большой отряд гусар. Лжедмитрий II и его покровитель Меховецкий испытали неприятные минуты, когда узнали о появлении Ружинского в окрестностях Орла. Самозванец не желал принимать его к себе на службу. Но Ружинского это нисколько не интересовало. В апреле 1608 года он прибыл в лагерь Лжедмитрия II и совершил там своего рода переворот. Войсковое собрание сместило Меховецкого и объявило его вне закона. Новым гетманом солдаты выкрикнули Ружинского. Собрание вызвало к себе самозванца и категорически потребовало выдачи противников нового гетмана. Когда Лжедмитрий II попытался перечить, поднялся страшный шум. Одни кричали ему в лицо: «Схватить его, негодяя!» Другие требовали немедленно предать его смерти.

Взбунтовавшееся наемное войско окружило двор Лжедмитрия II вооруженной стражей. Шкловский бродяга пытался заглушить страх водкой. Он пьянствовал всю ночь напролет. Тем временем его «конюший» Адам Вишневецкий хлопотал о примирении с Ружинским. Самозванцу пришлось испить чашу унижения до дна. Едва «царек» протрезвел, его немедленно повели в польское «коло» и там заставили принести извинения наемникам. Смена хозяев в орловском лагере имела важные последствия. Болотниковцы, пользовавшиеся прежде большим влиянием в лагере самозванца, стали утрачивать одну позицию за другой. Следом за польскими магнатами и шляхтой в окружении Лжедмитрия II появились русские бояре. Движение быстро теряло социальный характер.

Весна близилась к концу, и армия самозванца возобновила наступление на Москву. Царь Василий послал навстречу

«вору» брата Дмитрия с 30-тысячной ратью. Встреча произошла под Болховом. Двухдневное сражение закончилось поражением Шуйского. Князя Дмитрия погубила его собственная трусость. В разгар боя он приказал отвезти пушки в тыл. Его приказ повел к общему отступлению, а затем к паническому бегству. Отряды Лжедмитрия захватили множество пушек и большой обоз с провиантом.

Чтобы удержать при себе польские отряды, самозванец после битвы заключил с ними новое соглашение. Он обязался поделить с ними все сокровища, которые достанутся ему при вступлении на царский трон. Народ, приветствовавший нового, «истинного Дмитрия», понятия не имел о договоре, заключенном за его спиной.

Царь Василий отозвал из полков брата Дмитрия и назначил вместо него племянника князя Михаила Скопина-Шуйского. Князь Михаил рассчитывал разгромить «вора» на ближних подступах к Москве. Но он не смог осуществить свой замысел. В его войске открылась измена. Несколько знатных дворян — родня Романовых — составили заговор в пользу Лжедмитрия II. Скопин отступил в Москву и арестовал там заговорщиков.

В июне 1608 года армия самозванца разбила лагерь в Тушине. Скопин расположился на Ходынке против Тушина. Царь Василий с двором занял позиции на Пресне. Появление польских отрядов в армии самозванца вызвало тревогу в Кремле. Русские власти развили лихорадочную деятельность, стремясь предотвратить военный конфликт с Речью Посполитой. Царь Василий поспешил закончить мирные переговоры с польскими послами и обещал им немедленно отпустить на родину Мнишеков и других поляков, задержанных в Москве после убийства Отрепьева. Послы в принципе согласились на то, чтобы немедленно отозвать из России все военные силы, сражавшиеся на стороне самозванца. На радостях Шуйский известил Ружинского о близком мире и пообещал заплатить его наемникам «заслуженные» у «вора» деньги, как только те покинут тушинский лагерь.

Царь Василий оказался близоруким дипломатом. В течение двух недель его воеводы стояли на месте, не предпринимая никаких действий. В полках распространилась уверенность в том, что война вот-вот кончится. Гетман Ружинский использовал беспечность воевод и на рассвете 25 июня нанес внезапный удар войску Скопина. Царские полки в беспорядке отступили. Тушинцы пытались ворваться на их плечах в Москву, но были отброшены стрельцами. Ружинский намеревался отдать приказ об общем отходе. Но воеводы не решились преследовать его отступавшие отряды. Три дня спустя царские воеводы наголову разгромили войско пана Лисовского, пытавшееся ворваться в столицу с юга.

Тщетно Лжедмитрий II домогался заключения «союзного» договора с королем и высказывал готовность идти на любые уступки. Наиболее дальновидные политики Польши решительно возражали против вмешательства во внутренние дела Русского государства. Сигизмунд III следовал их советам, ибо он не успел еще забыть о своей неудаче с Отрепьевым и не покончил с выступлением оппозиции внутри страны. Легкие победы Лжедмитрия II, однако, лишили его благоразумия. Король отдал приказ готовить войска для немедленного занятия русских крепостей Чернигова и Новгорода-Северского. Завоевательные планы Сигизмунда III не встретили поддержки в польских правящих кругах. Коронный гетман Станислав Жолкевский указывал на неподготовленность королевской армии к большой войне. Сигизмунду пришлось отложить осуществление своих намерений. Но он выискивал повод, чтобы вмешаться в русские дела. С его ведома крупный литовский магнат Ян Петр Сапега набрал войско в несколько тысяч воинов и вторгся в пределы России.

В Москве царь Василий продиктовал польским послам условия мира. Послы, томившиеся в России в течение двух лет, подписали документ, чтобы получить разрешение вернуться на родину. Мирный договор оказался не более чем клочком бумаги. Вторжение Сапеги разом перечеркнуло его. Но Василий Шуйский упивался своей мнимой дипломатической победой и во исполнение договора освободил семью Мнишеков.

По приезде из ярославской ссылки в Москву старый Мнишек дал клятву Шуйскому, что никогда не признает своим зятем нового самозванца, и обещал всячески содействовать прекращению войны. Но он лгал, лгал беззастенчиво. В секретных письмах старый интриган убеждал короля, что *«истинный царь Дмитрий»* спасся, и заклинал оказать ему вооруженную помощь. Мнишеки делали все, чтобы раздуть пожар новой войны.

Многие люди, хорошо знавшие Лжедмитрия I, спешили предостеречь Марину Мнишек, говоря, что тушинский «царек» вовсе не похож на ее мужа. Подобные предупреждения нисколько не смущали «московскую царицу». Через верных людей она уведомила «тушинского вора», что собирается приехать к нему в качестве законной жены.

Мнишеки дали слово, что покинут пределы Московии. Власти снарядили отряд, чтобы проводить их до рубежа. Почти месяц путешествовала Марина по глухим проселкам, прежде чем ее карета достигла границы. Все это время Мнишеки тайно сносились с самозванцем. Подле самой границы пан Юрий с дочерью по условному сигналу покинули расположение конвоя. В тот же миг тушинский отряд напал на конвойных и обратил их в бегство.

В начале сентября «царица» в сопровождении польских отрядов прибыла в окрестности Тушина. В пути один молодой польский дворянин из рыцарских побуждений пытался в последний раз предупредить Марину о ждавшем ее обмане. Он был немедленно выдан Лжедмитрию II и по его приказу посажен живым на кол посреди лагеря.

Самозванца тревожила близкая встреча с «женой», и он сказался больным. Вместо него к Мнишекам выехал Ружинский. Он увез Юрия Мнишека в Тушино, чтобы возможно скорее договориться с ним об условиях признания нового самозванца. Прожженный интриган и глазом не моргнул при виде обманщика, вовсе не похожего на Отрепьева. Он готов был стать гетманом нового «царька» и распорядителем всех его дел и доходов. Ружинский грубо покончил с его честолюбивыми мечтами. Он сразу указал «царскому тестю» его истинное место. Три дня гетманы и самозванец препирались между со-

бой. Наконец они сумели столковаться. Старый Мнишек согласился отдать дочь безымянному проходимцу за круглую сумму. Сделка облечена была в форму жалованной грамоты. Лжедмитрий II обязался выплатить Мнишеку миллион злотых. Юрий пытался оградить честь дочери, а заодно и собственный кошелек. Лжедмитрий мог стать фактическим супругом Марины лишь после занятия трона, а соответственно и после выплаты денег. На другой день после завершения трудных переговоров самозванец тайком навестил Марину в лагере Яна Сапеги. Вульгарная внешность претендента произвела на Марину отталкивающее впечатление. Но ради короны она готова была на все. Не прошло и недели, как Марина торжественно въехала в Тушино и блестяще разыграла роль любящей жены, обретшей чудесно спасшегося супруга. Ее взор изображал нежность и восхищение, она лила слезы и клонилась к ногам проходимца.

Мнишек настаивал на точном исполнении пунктов заключенного им соглашения. Но Марина ослушалась отца. Палатка Лжедмитрия II стояла на виду у всего лагеря, и «супруга» понимала, что ее раздельная жизнь с мужем сразу вызовет нежелательные толки в лагере и разоблачит самозванство «царька». К великому негодованию отца и братьев, Марина стала невенчанной сожительницей Лжедмитрия II. Юрий Мнишек покинул лагерь и уехал в Польшу. Прошло полгода, и Марине пришлось выдержать объяснение с братом, случайно встреченным ею. Юный Мнишек упрекал сестру в распутстве. Чтобы смягчить его гнев, «царица» не моргнув глазом заявила, будто один из ксендзов тайно обвенчал ее с новым супругом. Марина могла скрыть венчание от посторонних, но совершенно невероятно, чтобы церемония осталась тайной для отца и братьев, находившихся при ней в лагере. Собственный ее дворецкий Мартин Стадницкий свидетельствовал, что Марина жила с самозванцем невенчанная, потому что жажда власти была у нее сильнее стыда и чести. Комедия, разыгранная Лжедмитрием II и Мариной, не могла ввести в заблуждение дворян и наемников, хорошо знавших первого самозванца. Но она произвела впечатление на простой народ. Весть о

встрече коронованной государыни с «истинным Дмитрием» разнеслась по всей стране.

Поражение армий Шуйского и осада Москвы привели к тому, что восстание в стране вспыхнуло с новой силой. В Пскове городская беднота свергла царскую администрацию и признала власть Лжедмитрия II. Его успехи с воодушевлением приветствовала Астрахань, ставшая очагом сопротивления Шуйскому с момента гибели Отрепьева. За оружие вновь взялись нерусские народности Поволжья. Власть Лжедмитрия II признали Переславль-Залесский и Ярославль, Кострома, Балахна и Вологда. При поддержке городских низов тушинские отряды заняли Ростов, Муром и Арзамас. С разных концов страны в Тушино спешили отряды посадских людей, мужиков и казаков. Их волна неизбежно захлестнула бы собой подмосковный лагерь, если бы наемное воинство не диктовало тут своих законов.

Слухи о поразительных успехах самозванца облетели Литву и Польшу. Толпы искателей приключений и авантюристов спешили в стан воскресшего московского «царя» и пополняли его наемное войско. Опираясь на наемников, гетман Ружинский окончательно захватил власть в лагере самозванца. Торжество чуждых, инородных сил стало полным, когда на службу к самозванцу явился Ян Сапега с отборным войском. Гетман Ружинский поспешил заключить с ним полюбовную сделку. Кондотьеры, смертельно ненавидевшие друг друга, встретились на пиру и за чашей вина поклялись не мешать друг другу. В знак дружбы они обменялись саблями и тут же разделили московские владения на сферы влияния. Ружинский сохранял власть в Тушине и южных городах. Сапега взялся добыть мечом Троице-Сергиев монастырь и завоевать земли к северу от Москвы.

Гражданская война подорвала престиж и экономическое благополучие «царствующего города» — Москвы. В течение полутора лет у страны было два царя и две столицы. Под боком у старой столицы, где сидел царь Василий, образовалась «воровская» столица в Тушине.

Царская власть издавна считалась на Руси оплотом православной веры. Все смешалось в хаосе гражданской войны.

Первый самозванец, Гришка Отрепьев, был тайным католиком, второй самозванец — тайным иудеем.

Засевший в Тушине Лжедмитрий II был силен не польскою подмогой. Его столица не имела башен и стен, которые бы отдаленно походили на мощные укрепления Москвы. Но царь Василий ничего не мог поделать со своим грозным двойником в Тушине, потому что в стране бушевал пожар народных восстаний. По временам власть «тушинского вора» распространялась на добрую половину городов и уездов страны, включая Ярославль в центре, Вологду — на севере, Астрахань — на юге, Псков — на северо-западе.

Низы тщетно ждали начала «счастливого царства». Второй самозванец обещал народу то же, что и первый. Тишину и благоденствие. Но народ не получил ни того, ни другого.

Тушинский лагерь был плоть от плоти лагеря Болотникова. Атаман Болотников и его сотоварищи, участвовавшие в подготовке Лжедмитрия II, могли рассчитывать на самые высокие посты в Тушине. Болотников подвергся казни, но его сподвижники воспользовались плодами интриги. Один из главных зачинщиков мятежа против Шуйского — князь Г. П. Шаховской занял видное положение в тушинской думе. По некоторым данным, самозванец пожаловал ему высший думный чин «боярина и слуги», право на этот титул имели лишь удельные князья. Атаман И. М. Заруцкий, провозгласивший Богдана Шкловского царем в Стародубе и убедивший народ в «истинности» великого государя, был произведен в бояре. То был единственный в русской истории случай, когда простой казак, человек самого низкого происхождения, получил чин, на который претендовать могли только аристократы. Михаил Молчанов сыграл в организации мятежа еще более значительную роль, чем Шаховской. Но он предпочитал держаться в тени и явился ко двору Лжедмитрия II под собственным именем. Молчанов был незнатным дворянином и не имел заслуг перед государством. Отрепьев был ему личным другом, но и он не осмелился ввести его в Боярскую думу. Лжедмитрий дал ему чин окольничего.

Обличье тушинской думы изменилось после появления на службе у Лжедмитрия II Романовых и их родни. По милости

Отрепьева Филарет Романов занял митрополичью кафедру в Ростове Великом. Там он был захвачен тушинцами осенью 1608 года и увезен под Москву. В качестве двоюродного брата царя Федора Ивановича боярин Федор Никитич Романов имел наибольшие права на трон. Однако гонения царя Бориса подорвали влияние Романовых. К моменту свержения Лжедмитрия I Шуйский не видел в них серьезных соперников. Однако прошло совсем немного времени, и Романовы потянулись к власти. В Тушине Лжедмитрий II предложил Филарету сан патриарха, и тот принял патриарший посох из рук «вора». Романов обладал огромным политическим опытом и популярностью в народе. Его поддержка имела неоценимое значение для самозванца. Богдан Шкловский выдавал себя за сына Грозного, а Филарет был племянником этого царя. «Родственники» должны были помочь друг другу. Филарет знал, что имеет дело с бродягой, но «добрый» Дмитрий нужен был ему, чтобы разделаться с Шуйскими и освободить московский трон. Благодаря Филарету тушинский двор стал средоточием боярской оппозиции царю Василию. «Воровскую» думу возглавляли боярин М. Г. Салтыков с сыном (Салтыковы находились в тесном родстве с женой Филарета Марфой), знатный Гедиминович князь Д. Ф. Трубецкой, получивший от «вора» боярский чин, И. И. Годунов (шурин Филарета), князья А. Ю. Сицкий, Д. М. Черкасский, свояки Романовых. Басманов-Плещеев остался до конца верен Лжедмитрию I. Плещеевы слетелись в Тушино и сподобились милости Лжедмитрия II. Матвей Плещеев стал боярином, а Федор — окольничим «тушинского вора». Другой верный слуга Отрепьева — дьяк Богдан Сутупов был возвышен сверх всякой меры. Он стал окольничим, дворецким казанским, нижегородским и астраханским. Главным дворецким у самозванца числился князь С. Г. Звенигородский.

Тушино являло взору необычное зрелище. Основанная на холме близ впадения речки Сходни в Москву-реку, «воровская» столица имела диковинный вид. Вершина холма была усеяна шатрами польских гусар. Среди них стояла просторная рубленая изба, служившая дворцом для самозванца. За

«дворцом» располагались жилища русской знати. На холме жили господа и те, кто желал казаться господами. Простонародье занимало обширные предместья, раскинувшиеся у подножия холма. Наспех сколоченные, крытые соломой будки стояли тут в великой тесноте, одна к одной. Жилища были битком набиты казаками, стрельцами, холопами и прочим «подлым» народом. В пору дождей столица тонула в грязи. Кругом стояла невыносимая вонь.

На окраинах восставшие низы снаряжали повстанческие отряды и посылали их на помощь к Лжедмитрию II. Многие отряды являлись в Тушино со своими мужицкими «царевичами». Поначалу «царек» принимал свою мнимую родню с почетом. Приведенные ими ратники были нужны ему позарез. Но затем все переменилось. Тушинская «Боярская дума», опиравшаяся на немногие дворянские сотни и наемных солдат, упрочила свою власть. Филарет Романов поневоле признал «брата Дмитрия», но признавать родней прочих «царевичей» из мужиков и холопов он не желал.

По настоянию тушинской думы Лжедмитрий II велел повесить двух «царевичей» на дороге из Тушина в Москву. Казнь «царевичей» Ивана-Августа и Лаврентия знаменовала окончательное перерождение повстанческого правительства в Тушине.

Расправой с «царевичами» непосредственно руководил, по-видимому, атаман Иван Заруцкий. Казацкий вождь был не менее колоритной фигурой, чем Филарет Романов. По силе характера один нисколько не уступал другому.

Заруцкий не противился перевороту, произведенному наемными солдатами в лагере под Орлом, а затем помог Лжедмитрию II и вождям наемного войска подавить элементы недовольства в тушинском лагере. Остатки повстанческих армий Болотникова должны были подчиниться. Самозванец оценил заслуги Заруцкого и произвел его в бояре. Бывший сподвижник Болотникова стал крупным землевладельцем. Немалую роль в перерождении тушинского лагеря и его вождей сыграл внешний фактор.

Лжедмитрий II многократно просил Сигизмунда III о покровительстве и помощи. Тот упорно не желал связывать себя дого-

вором. Но по мере того как гражданская война ослабляла Россию, военная партия в Речи Посполитой поднимала голову.

В Тушине собралось множество польских и русских дворян, пользовавшихся милостями первого самозванца. Все они откровенно презирали «царька» как явного мошенника, но не могли обойтись без него. Творя насилия и грабежи, наемное «рыцарство» повсюду трубило, что его единственная цель — восстановление на троне законного государя, свергнутого московскими боярами.

Личность Лжедмитрия II мало что значила сама по себе. Каким бы ничтожным и безликим ни казался «тушинский вор», важен был не он сам, а его имя. В глазах простых людей он оставался тем самым «добрым государем Дмитрием», с именем которого Болотников сражался против боярского царя.

Однако успехи нового самозванца оказались призрачными. Тушино недолго соперничало с белокаменной Москвой. «Воровская» столица клонилась к закату, когда настал новый акт великой московской трагедии.

Глава 3

ИНОЗЕМНОЕ ВТОРЖЕНИЕ

Лжедмитрий старался любыми средствами привлечь на свою сторону столичную знать. Тушинские бояре тайно переписывались со своей родней в Москве. До Тушина было рукой подать, и многие русские дворяне бежали туда в поисках богатства и чести. Лжедмитрий жаловал перебежчиков и выдавал им грамоты на владение землей. Щедрый на бумаге, «царек» не имел денег, чтобы хорошо платить столичным дворянам. Обманутые в своих надеждах, беглецы возвращались в Москву. Случалось, что «тушинские перелеты» по нескольку раз переходили от царя к «царьку» и обратно.

Царь Василий Шуйский охотно слушал доносчиков, но старался не раздражать сильных людей и не казнил «переле-

тов», а использовал их покаяния для обличения самозванца. С изменниками помельче царь не церемонился. Их топили в прорубях по ночам, чтобы не вызывать лишних толков.

25 февраля 1609 года противники Шуйского предприняли попытку дворцового переворота. Заговор возглавили московские дворяне князь Роман Гагарин и Тимофей Грязной, рязанец Григорий Сумбулов, тайно вернувшийся в Москву Михаил Молчанов и другие лица. С толпой вооруженных сообщников они проникли в Кремль и ворвались в зал заседаний Боярской думы. Заговорщики кричали на бояр и требовали низложения глупого, непотребного и нечестивого царя. Опасаясь насилия, члены думы не слишком спорили с мятежниками. Когда толпа двинулась из дворца на площадь, они воспользовались суматохой и разбежались по своим дворам. Лишь один Василий Голицын не последовал их примеру и отправился на площадь. По пути толпа захватила патриарха Гермогена и поволокла его на Лобное место. Патриарх пытался сопротивляться насилию, но его толкали в спину, швыряли в него грязью и громко поносили. Оказавшись на Лобном месте, заговорщики призвали народ восстать против Шуйского. «Его избрали без согласия земли!» — кричали одни. «Царь уже побил две тысячи дворян, их жен и детей!» — выкрикивали другие. Заговорщики звали толпу встать на защиту тех «наших братьев» дворян, которых с утра царская стража повела топить в реке.

Возбуждение толпы нарастало, и тогда полным голосом заговорили тушинские эмиссары Михаил Молчанов и князь Федор Мещерский. Они зачитали обращение «царя Дмитрия» и тушинских бояр к москвичам.

Несмотря на старания, заговорщикам не удалось спровоцировать восстание столичного посада. Пока мятежники шумели на площади, царь успел вызвать отряды верных ему войск из лагеря на Ходынке. Когда заговорщики бросились к царской резиденции, чтобы арестовать Шуйского, момент был упущен. Василий затворился во дворце и велел передать, что по своей воле ни за что не покинет царство. Толпа стала расходиться, и участникам неудавшегося переворота пришлось спешно покинуть Москву.

Василий Голицын и Михаил Татищев помогли Шуйскому свергнуть первого самозванца. Теперь недавние соратники отворачивались от него один за другим. Голицын вел себя самым двусмысленным образом. Он не пытался вступиться за Шуйских и готов был поддержать мятежников при благоприятном исходе дела. Татищева заблаговременно удалили в Новгород. Ходили слухи, будто он замышлял идти в Москву с отрядом воинских людей, чтобы низложить царя Василия. Когда в Новгород прибыл Скопин-Шуйский, он тотчас арестовал Татищева и выдал его на расправу уличной толпе.

Наступила весна 1609 года. Она принесла новые испытания столичному люду. Тушинцы осадили Коломну, что позволило им полностью блокировать Москву. Голодная смерть косила неимущее городское население. Каждый день с улиц убирали сотни трупов. Голодающие не раз собирались под окнами дворца и требовали царя к себе для объяснений.

Недовольные пытались использовать кризис, чтобы организовать новый заговор против Шуйского. Заговорщики задумали убить царя на Пасху во время торжественного шествия с «ослятей». Они рассчитывали на поддержку многих столичных дворян и торговых людей. Но один из участников заговора — Василий Бутурлин — выдал Шуйскому их замыслы.

Царя более всего поразило участие в заговоре его давнего сторонника и личного друга Ивана Федоровича Крюка-Колычева. При Борисе Годунове Крюк поплатился ссылкой за преданность Шуйским. Царь Василий произвел Крюка в бояре и поручил ему в чине дворецкого управлять владениями царской фамилии.

Крюк имел много единомышленников в Боярской думе. Но Василий Шуйский предпочел не распутывать клубок измены до конца. Он велел взять к допросу лишь одного дворецкого. После жестоких пыток Крюка вывели на площадь и обезглавили. Испуганные кровавой казнью, противники царя в думе на время приутихли.

Успехи самозванца достигли высшей точки, а затем наступил неизбежный спад. «Тушинский вор» контролировал огромную территорию. Но его режим приобретал все более же-

стокий характер и утрачивал привлекательность в глазах народа.

Гетман Ружинский и его ротмистры отбросили всякие церемонии и распоряжались во владениях «царька», как в завоеванной стране. Они не домогались ни думных чинов, ни вотчин. Им довольно было реальной власти. Как и повсюду, наемников всерьез интересовала только звонкая монета. Самозванец не мог оплатить им «заслуженных» денег и выдавал грамоты на кормление и сбор налогов. Рос долг самозванца, росли его траты. Обеспокоенные этим шляхтичи избрали комиссию из десяти человек. Комиссия установила жестокий контроль за финансами тушинского «царька». Без их ведома ни Лжедмитрий, ни Марина не могли более тратить денежных средств. Распоряжения гетмана и децемвиров были обязательными для всех, включая тушинских бояр.

Без поддержки низов самозванец никогда бы не добился успеха. Но настроения масс стали меняться, когда выяснилось, что за спиной «царька» стояли захватчики. Вера в «доброго Дмитрия» заколебалась. На собственном опыте народ убеждался в том, что литовские люди и тушинские воеводы несут им еще худшие притеснения, чем старая власть. Ружинский и Сапега расквартировали свои войска по всему Замосковью. Воинские люди забирали у крестьян лошадей, подчистую вывозили из деревень хлеб и фураж. Любое сопротивление грабежу жестоко подавлялось.

Насилия вызывали отпор. В Вологде тушинское владычество продержалось несколько недель. Вологжан поддержали жители Галича и Костромы, Двины и Поморья. Ян Сапега нанес поражение полкам князя Ивана Шуйского, но надолго застрял под стенами Троице-Сергиева монастыря. Обеспокоенный событиями на севере, Сапега поручил Лисовскому усмирить восставшие местности. «Лисовчики» заняли Галич, но успех их был недолговечен. Получив поддержку от царских воевод, городские ополчения очистили Поволжье и в апреле — мае 1609 года отбросили отряд Лисовского прочь от Ярославля.

Царь Шуйский, запертый в Москве, как в клетке, не мог использовать волну народного подъема. Его правительство

глубоко скомпрометировало себя кровавой борьбой против восставшего народа. Пассивная и бездеятельная власть не внушала никому ни страха, ни уважения. Не доверяя собственному народу и утратив опору в ближайшем окружении, царь Василий все больше уповал на поддержку иноземных сил.

Три года шведский король Карл IX слал в Москву гонцов с предложениями о военной помощи. На самом деле он лишь искал повод для вмешательства во внутренние дела Русского государства. Старания шведского правительства наконец увенчались успехом. Василий Шуйский направил в Новгород племянника Михаила Скопина и поручил ему заключить союзный договор со Швецией. 28 февраля 1609 года Скопин подписал текст соглашения. Король обязался поставить России наемное войско. Взамен он потребовал от русских территориальных уступок. Скопин пошел на уступки и обязался передать шведам крепость Корелу с уездом. Соглашение вызвало возмущение жителей Корельского уезда. Договор носил неравноправный характер. Царь Василий рассчитывал на помощь обученной и закаленной в боях шведской армии. Однако Карл IX не желал бросать в огонь войны свои полки. Он рассчитывал разгромить поляков в России, не затрачивая больших средств. Его вербовщики обшарили задворки всей Европы. Они нанимали немцев, французов, англичан, шотландцев и как можно скорее переправляли их на русскую границу, где они переходили на полное содержание царской казны. Шуйский платил наемникам баснословные суммы.

10 мая 1609 года Скопин покинул Новгород. С ним было до 3 тысяч русских воинов и 5-тысячный шведский корпус. Под Тверью Скопин разгромил выступивших навстречу ему тушинцев. Наемники тотчас потребовали у него вознаграждения. Последствия нетрудно было предвидеть. Воевода давно истратил предоставленную ему казну и не смог удовлетворить солдат. Наемный сброд немедленно взбунтовался и повернул к границе. По пути ландскнехты творили насилия и грабежи. В армии Скопина осталось 300 шведов. Позже число их возросло до тысячи.

Не шведская помощь, а народное движение привело к успеху наступление Скопина. Отряды воинских людей стекались к нему со всех сторон. В Торжке воеводу ждала трехтысячная смоленская рать. Вслед за тем в его армию влились отряды из Ярославля, Костромы и поморских городов. Численность полков Скопина возросла до 15 тысяч человек.

К северу от Москвы главным центром сопротивления тушинцам оставался Троице-Сергиев монастырь. Гетман Ян Сапега тщетно осаждал лавру в течение шестнадцати месяцев. Монастырь имел высокие башни и мощные стены. Стрельцы, монахи и крестьяне мужественно отразили все приступы врага. Окрестное население постоянно помогало защитникам крепости людьми и продовольствием. Приближение армии Скопина вызвало тревогу в стане под Троицей. Сапега попытался разгромить воеводу в районе Калязина, но потерпел поражение в ходе двухдневного сражения 18—19 августа 1609 года.

Успех Скопина не привел к решительному перелому в ходе военных действий из-за того, что международное положение России катастрофически ухудшилось. Страна подверглась нападению со стороны крымских татар, а потом интервенции со стороны Речи Посполитой.

После смерти Лжедмитрия I Шуйский направил в Крым посла, с тем чтобы возобновить мирные отношения с ханом. Но посол был захвачен повстанцами и казнен в Путивле. Восстание в южных городах надолго прервало русско-крымские дипломатические отношения. С весны 1609 года Крымская орда пришла в движение. В июле наследник хана Джанибек с многотысячным войском вторгся в русские пределы. Прежде татары, проведя грабительский набег, быстро уходили в степи. На этот раз они продвигались к Москве не спеша, сжигая по пути села и забирая в полон русское население. Разгромив Тарусу, крымцы перешли Оку. Их отряды появились в окрестностях Серпухова, Коломны и Боровска.

Положение в Москве было неустойчивым, и старый хитрец Шуйский попытался скрыть от народа правду о крымском вторжении. В грамотах к городам он объявил, будто татары

прибыли на Русь как союзники, чтобы помочь против короля. Ложь не принесла ожидаемых выгод. Население Коломны и прочих разоренных мест громко проклинало царя, призвавшего «поганых» и тем погубившего собственную землю.

Ружинский окопался в Тушине у западных стен столицы. Ян Сапега удерживал позиции на севере под Троице-Сергиевым монастырем. Крымские татары подбирались к Москве с юга. Положение России было незавидным. В такой ситуации Сигизмунд III и его окружение решили перейти к открытой интервенции против Русского государства. Найти внешний повод к войне не составляло труда. Король использовал в качестве предлога русско-шведское сближение. Царь Василий рассчитывал с помощью шведов разгромить тушинский лагерь и изгнать с русских земель иностранных солдат. Однако русско-шведский союз задел личные интересы короля.

Сигизмунд III занял польский трон, будучи наследником шведской короны. После смерти отца, шведского короля Юхана III, он наследовал его титул. Но личная уния между Речью Посполитой и Швецией продержалась недолго. Карл IX совершил переворот. Началась польско-шведская война из-за Ливонии. Сигизмунд считал дядю узурпатором и надеялся вернуть себе шведский трон. Союз между Карлом IX и московским царем нанес удар династическим претензиям Сигизмунда, и он не колеблясь принес государственные интересы Польши в угоду навязчивой идее. Увязнув в войне с Россией, Речь Посполитая в конце концов не смогла противостоять шведам в Ливонии. Господство Швеции на Балтике нанесло огромный ущерб интересам России и Речи Посполитой. Такими были отдаленные последствия политики Сигизмунда III.

Завоевательные планы Сигизмунда и его стремление к неограниченной власти вызвали сопротивление в польских кругах. Чтобы убедить общественное мнение в необходимости московской войны, королю пришлось прибегнуть к услугам публицистов. Некто Павел Пальчевский напечатал сочинение с призывом к немедленному завоеванию Русского государства. Шляхта, утверждал он, освоит плодородные русские земли с такой же легкостью, с какой испанские конкистадоры коло-

низовали Новый Свет. В завоеванной стране будут созданы военные колонии «наподобие римских». Шляхта, жаждущая земель, приобретет в России обширные владения. Русским дворянам останутся небольшие поместья. Русские — христиане лишь по названию, а потому на них надо идти «крестовым походом».

Король и его окружение лелеяли планы грандиозных завоеваний, но у них недоставало средств к их осуществлению. Польская шляхта отнеслась к планам «крестового похода» без всякого восторга. Никто не выражал так много сомнений и опасений по поводу затеянной авантюры, как коронный гетман Жолкевский. По всей Речи Посполитой, в народе и даже среди сенаторов, предупреждал гетман Сигизмунда, многие не одобряют этой войны и считают, что он (король) стремится извлечь выгоду лично для себя, а не для Речи Посполитой. Жолкевский не разделял сумасбродных идей насчет колонизации России и высказывался за соглашение с русской знатью и за унию двух государств. Польские послы, вернувшиеся из Москвы, уверяли короля, будто знатные бояре готовы передать ему царский трон и заключить династическую унию. Сведения аналогичного характера поступали из самых разных источников.

Литовский канцлер Лев Сапега советовал королю начать с завоевания Смоленска. Он утверждал, что крепость сама откроет ворота, стоит постучать в них. В сентябре 1609 года отряды Льва Сапеги подошли к Смоленску. Несколько дней спустя к нему присоединился Сигизмунд III. Королевская рать насчитывала немногим более 12 тысяч человек. В ней было больше кавалерии, чем пехоты. Артиллерийский парк насчитывал не более полутора десятка орудий. Сигизмунд III готовился к легкой военной прогулке, но никак не к осаде первоклассной крепости.

Один из самых древних русских городов, Смоленск в течение столетия находился под властью литовских великих князей. Смоленск и Рязань явились последними великорусскими территориями, вошедшими в состав единого Русского государства в начале XVI века. Крупный торговый и ремеслен-

ный центр, Смоленск служил средоточием торговли России с Западом. Сюда приезжали многочисленные купцы из Литвы, Польши, Чехии, Германии и других европейских стран. Из всех русских городов лишь Москва да Псков платили в казну большую сумму торговых пошлин, чем Смоленск. На его посадах располагалось, по словам современников, до 6 тысяч дворов. Население города, возможно, превышало 20 тысяч человек.

Смоленск служил ключевым пунктом всей русской обороны на западе. В правление Бориса Годунова город был обнесен новыми мощными каменными стенами. Строительством их руководил замечательный русский архитектор Федор Конь. Годунов сравнивал новую крепость с драгоценным ожерельем, которое будет охранять Русскую землю. Смоленские стены имели протяженность почти 6 верст, а их толщина превышала 5 метров. В состав смоленского гарнизона входило не менее 1500 стрельцов. С начала военных действий воевода призвал к оружию посадских людей. Днем и ночью караулы на стенах крепости несли 1862 человека горожан, вооруженных ружьями или саблями. В Смоленске было без малого 1200 дворян. Таким образом, гарнизон русской крепости был весьма значительным. Со времен войны с первым самозванцем московское командование сосредоточило в Смоленске огромные запасы продовольствия и пороха.

Затеяв поход на Смоленск, Сигизмунд III особым универсалом объявил, что он сжалился над гибнущим Русским государством и только потому идет оборонять русских людей. Король повелевал смолянам отворить крепость и встретить его хлебом-солью. Жители Смоленска отвечали, что скорее сложат свои головы, чем поклонятся ему. Началась беспримерная двадцатимесячная оборона города.

12 октября королевская армия устремилась на штурм Смоленска. Солдаты бросились на приступ с двух сторон. Им удалось разрушить Авраамиевские ворота, но все попытки ворваться внутрь крепости были отбиты. Неприятелю пришлось перейти к длительной осаде. Наемники подвели мины под крепостную стену. Смоляне сделали контрподкопы и отвели уг-

розу. Осажденные тревожили неприятельский лагерь частыми вылазками. Средь бела дня кучка храбрецов переправилась из Смоленска за Днепр, захватила вражеский штандарт и благополучно вернулась назад.

Тем временем армия Скопила продолжала медленно продвигаться к Москве, очищая от тушинцев и польских людей замосковные волости и города. Соперничавшие гетманы Ружинский и Ян Сапега осознали опасность и решили объединить силы, чтобы положить конец успехам Скопина. Они предприняли наступление на Александровскую слободу, занятую воеводой, но потерпели неудачу.

Король Сигизмунд надеялся одним ударом пробить брешь в русской обороне и закончить войну в короткий срок. Но его планы потерпели неудачу. Ослабленная гражданской войной Россия нашла в себе силы, чтобы отразить первый натиск иноземных захватчиков.

Владения Лжедмитрия II стремительно сокращались. Его люди сдавали город за городом. Неудачи посеяли раздор в тушинском лагере. «Боярская дума» «вора» раскололась. Одни ее члены затеяли тайные переговоры с Шуйским, другие искали спасения в лагере интервентов под Смоленском.

Наемники не прочь были вернуться на королевскую службу. Помехой им была лишь их алчность. По их расчетам, Лжедмитрий II задолжал им от 4 до 7 миллионов рублей, невообразимо большую сумму. Наемное воинство и слышать не желало об отказе от «заслуженных» миллионов. В конце 1609 года самозванец вместе с Мариной уныло наблюдал из окошка своей избы за своим «рыцарством», торжественно встречавшим послов Сигизмунда III. Послы не удостоили «царька» даже визита вежливости. Тушинские ротмистры и шляхта утверждали, будто они, служа «Дмитрию», служили Сигизмунду, отстаивали его интересы в войне с Россией. Поэтому они требовали, чтобы королевская казна оплатила их «труды», и тогда они немедленно отправятся в лагерь под Смоленском. Переговоры зашли в тупик. Если что-нибудь и спасло на время «царька», так это его долги.

Лжедмитрий не знал, на что решиться. Среди общей измены он вспомнил о своем давнем покровителе пане Меховецком. Пана тайно вызвали во «дворец», и он долго беседовал с глазу на глаз с самозванцем. Узнав об этом, Ружинский пришел в бешенство. Он ворвался в царские покои и зарубил Меховецкого на глазах у перепуганного «государя». На другой день Лжедмитрий пытался обжаловать действия гетмана перед войском. Но Ружинский пригрозил, что велит обезглавить и самого «царька». Тогда Лжедмитрий призвал к себе другого благодетеля — Адама Вишневецкого. Друзья заперлись в избе и запили горькую. Но Ружинский положил конец затянувшейся попойке. Он выставил дверь и стал бить палкой пьяного пана Адама, пока палка не сломалась в его руке. Мигом протрезвевший самозванец спрятался в клети подле «дворца».

Дела в тушинском лагере шли вкривь и вкось. Ружинский не в силах был держать свое воинство в повиновении. Чувствуя приближение конца, он что ни день напивался допьяна. Гетман и прежде не церемонился с «царьком». Теперь он обращался с ним, как с ненужным хламом. Лжедмитрию перестали давать лошадей и воспретили прогулки. Однако ему удалось обмануть бдительность стражи.

Население предместий тушинской «столицы» продолжало верить в справедливое дело «Дмитрия». Оно укрыло «царька», когда тому удалось покинуть «дворец». Наемники несли усиленные караулы на заставах, окружавших лагерь со всех сторон. Вечером к южной заставе подъехали казаки с телегой, груженной тесом. Не усмотрев ничего подозрительного, солдаты пропустили их. Они не знали, что на дне повозки лежал, съежившись в комок, московский «самодержец». Он был завален дранкой, поверх которой сидел дюжий казак.

Едва по лагерю распространилась весть об исчезновении «Дмитрия», как наемники бросились грабить «дворец», растащили имущество и регалии самозванца. Королевские послы держали своих солдат под ружьем. Их обоз подвергся обыску. Подозревали, что труп Лжедмитрия спрятан в посольских повозках. Пан Тышкевич обвинил Ружинского в том, что

тот либо пленил, либо умертвил «царька». Его отряд открыл огонь по палаткам Ружинского и попытался захватить войсковой обоз. Люди гетмана, отстреливаясь, отступили.

Вскоре в Тушине узнали, что «царек» жив и находится в Калуге. Гонцы привезли его воззвание к войску. Лжедмитрий II извещал наемников о том, что Ружинский вместе с боярином Салтыковым явно покушался на его жизнь, и требовал отстранения гетмана.

В минуту опасности Лжедмитрий II поступил с Мариной совершенно так же, как и Отрепьев. Брошенная мужем на произвол судьбы, Мнишек тщетно хлопотала о спасении своего призрачного трона. Гордая «царица» обходила шатры и старалась тронуть одних солдат слезами, других — своими женскими прелестями. Она *«распутно проводила ночи с солдатами в их палатках, забыв стыд и добродетель»*. Так писал в своем дневнике ее собственный дворецкий. Старания Мнишек не привели к успеху, и она бежала в Калугу.

Разнородные силы, с трудом уживавшиеся в одном стане, пришли в открытое столкновение после исчезновения Лжедмитрия. Низы инстинктивно чувствовали, какую угрозу для страны таит в себе соглашение с завоевателями, осадившими Смоленск. Иноземные наемники готовились перейти на службу к Сигизмунду. Казаки не желали следовать их примеру и намеревались последовать за «добрым государем» в Калугу. Тщетно Заруцкий звал их в королевский лагерь. Рядовые казаки отказывались повиноваться ему. Атаман давно спелся с гетманом Ружинским и тушинскими боярами. И теперь он продолжал преданно служить им. Столкнувшись с неповиновением, он попытался силой удержать казаков в лагере. Стычки закончились не в пользу Заруцкого. Более двух тысяч донцов миновали тушинские заставы и с развернутыми знаменами двинулись по направлению к Калуге. Заруцкий привык добиваться своего, какой бы крови это ни стоило. Он бросился в палатку к Ружинскому. Гетман вывел в поле конницу и вероломно напал на отходивших пеших казаков. Дорого заплатили повстанцы за свои ошибки. Они устлали своими трупами дорогу от Тушина до Калуги. Однако наемникам вскоре

же пришлось пожать плоды учиненной ими бойни. Кровопролитие ускорило размежевание сил внутри тушинского лагеря. Патриотические силы решительно рвали с теми, кто открыто перешел в лагерь интервентов. Сопротивление врагу возглавил ближайший соратник Болотникова атаман Юрий Беззубцев. Пану Млоцкому, стоявшему в Серпухове, пришлось первому оплатить счет. Жители Серпухова подняли восстание. Казаки Беззубцева, не желавшие переходить на королевскую службу, поддержали их. Отряд Млоцкого подвергся поголовному истреблению. Народные восстания произошли и в нескольких других городах, оставшихся верными Лжедмитрию II.

В хаосе гражданской войны давно спутались привычные пути-дороги. Заброшенные судьбой в тушинский лагерь, повстанцы оказались поистине в трагическом положении. Им не было места в стане тех, кто свирепо усмирил восстание Болотникова. У них не было иного пути, кроме как идти за «добрым царьком» в Калугу. Но «вор» не подходил к роли народного вождя. Опыт с Ружинским ничему не научил его. Самозванец более всего боялся остаться без своих иноземных ландскнехтов. В Калуге он окружил свой двор немецкими наемниками. Порвав с Ружинским, «царек» обратился за помощью к Яну Сапеге и добился его поддержки.

К великому своему неудовольствию, многие казаки увидели, что их «добрый государь» усердно возрождает старый тушинский лагерь. Пресытившись войной, многие из донцов теряли веру в благополучный исход восстания. Они толпами покидали Калугу и возвращались в свои станицы.

В Тушине события развивались своим чередом. Королевские послы попытались заручиться поддержкой тушинской знати. Они убеждали патриарха Филарета и бояр, что король пришел в Россию с единственной целью — взять русских под свою защиту и освободить их от власти тиранов. Неслыханное лицемерие послов нимало не смутило русских тушинцев. Ставка на самозванца была бита. Авантюра близилась к бесславному концу. «Воровские» бояре готовы были пуститься во все тяжкие, лишь бы продлить проигранную игру. Патриарх Филарет и Салтыков плакали, целуя королевские грамо-

ты. Они заявили, что готовы передать русский трон королевичу Владиславу.

Некогда Василий Шуйский, стремясь избавиться от первого самозванца, предложил московский трон сыну Сигизмунда. Тушинцы возродили его проект, чтобы избавиться от самого Шуйского. Идея унии России и Речи Посполитой, имевшая ряд преимуществ в мирных условиях, приобрела зловещий оттенок в обстановке интервенции. Тысячи вражеских солдат осаждали Смоленск, вооруженной рукой захватывали русские города и села. Надеяться на то, что избрание польского королевича на московский трон положит конец иноземному вторжению, было чистым безумием.

Тушинский лагерь распадался на глазах. Но патриарх и бояре по-прежнему пытались изображать правительство. В течение двух недель тушинские послы — боярин Салтыков, Михаил Молчанов и другие — вели переговоры с королем в его лагере под Смоленском. Итогом переговоров явилось соглашение, определившее порядок передачи трона польскому претенденту. Русские статьи соглашения 4 февраля 1610 года предусматривали, что Владислав Жигимонтович «произволит» принять греческую веру и будет коронован московским патриархом по православному обряду. Ответ короля на этот пункт боярских *«статей и просьб»* носил двусмысленный характер. Сигизмунд не принял никаких обязательств по поводу отказа сына от католичества.

Тушинские бояре отстаивали незыблемость крепостнических порядков. Договор настойчиво рекомендовал Владиславу *«крестьянам на Руси выхода не давать»*, *«холопам боярским воли не давать, а служити им по крепостям»*. Вопрос о будущем вольных казаков оставался открытым.

По тушинскому проекту Владислав должен был править Россией вместе с Боярской думой и Священным собором. Потрясения Смутного времени раздвинули рамки земской соборной практики. Русским людям казалось теперь невозможным решать дела без соборов. Королевичу вменялось в обязанность совещаться по самым важным вопросам с патриархом, высшим духовенством, с боярами и со «всей землей». Под

всей землей тушинцы понимали прежде всего дворянство и торговые верхи.

Тушинцы проявляли заботу о разоренных дворянах и осторожно отстаивали принцип жалования «меньших станов» (мелких феодалов) по заслугам, а не по «породе». Договор разрешал дворянам ездить для науки в другие государства и гарантировал им сохранность их поместий и «животов». Какими бы ни были позитивные моменты смоленского договора, сам договор оставался не более чем клочком бумаги. Король Сигизмунд не представил тушинцам никаких реальных гарантий его выполнения. Впрочем, надобности в таких гарантиях не было: правительство Филарета Романова и Салтыкова распалось на другой день после подписания соглашения. Салтыков и прочие «послы» остались в королевском обозе под Смоленском и превратились в прислужников иноземных завоевателей. Король использовал договор, чтобы завуалировать истинные цели затеянной им войны и облегчить себе завоевание пограничных земель.

Смоленский договор окончательно осложнил и без того запутанную обстановку в России. Рядом с двумя царями — законным в Москве и «воровским» в Калуге — появилась, подобно миражу в пустыне, фигура третьего царя — Владислава Жигимонтовича. Действуя от его имени, Сигизмунд щедро жаловал тушинцев русскими землями, не принадлежавшими ему. В смоленском договоре король усматривал верное средство к *«полному овладению московским царством»*. Однако даже он отдавал себе отчет в том, что военная обстановка не слишком благоприятствует осуществлению его блистательных замыслов. Осада Смоленска длилась уже более полугода. Королевская армия несла потери, но не могла принудить русский гарнизон к сдаче. Отряды Ружинского и Яна Сапеги не сумели удержаться в сердце России. После кровопролитных боев Ян Сапега отступил из-под стен Троице-Сергиева монастыря к литовскому рубежу. Ружинский сжег тушинский лагерь и ушел к Волоколамску.

В марте 1610 года столичное население устроило торжественную встречу Михаилу Скопину-Шуйскому и его армии.

Осадное время осталось позади. Освободитель Москвы князь Скопин приобрел исключительную популярность. Дворяне не верили в неудачливого царя Василия и все больше уповали на энергию и авторитет его племянника. Прокопий Ляпунов первым вслух выразил мысль, которая у многих была на уме. В письме к Скопину-Шуйскому он писал о царе Василии со многими укоризнами, зато молодого воеводу здравствовал на царство.

Скопин-Шуйский не одобрял планов дворцового переворота и велел арестовать посланцев Ляпунова, но затем отпустил их. Соглядатаи царя, однако, пронюхали обо всем. Донос пал на подготовленную почву. Столица оказала поистине царский прием Скопину, что усилило подозрения Шуйского. Оставшись наедине, царь Василий попытался объясниться с племянником начистоту. В пылу семейной ссоры Скопин-Шуйский будто бы посоветовал дяде оставить трон, чтобы земля избрала другого царя, способного объединить истерзанную междоусобием страну. Братья царя подлили масла в огонь. Они не скрывали ненависти к освободителю Москвы. Спесивый и высокомерный Дмитрий Шуйский надеялся занять трон после смерти бездетного царя Василия. Успехи Скопина грозили расстроить его планы. Стоя на городском валу и наблюдая торжественный въезд Скопина, Дмитрий не удержался и воскликнул: «Вот идет мой соперник!»

Боярская Москва усердно чествовала героя. Что ни день, его звали на новый пир. Скопин никому не отказывал, и его покладистость обернулась для него большой бедой. В доме Воротынского вино лилось рекой. Гости пили полные кубки во здравие воеводы. Неожиданно виновник торжества почувствовал себя дурно. Из носа у него хлынула кровь. Слуги спешно унесли боярина домой. Две недели больной метался в жару и бредил. Затем он скончался. В то время ему было немногим более двадцати четырех лет.

Необъяснимая смерть молодого воеводы посеяла в народе сомнения. По всей столице шептали, будто Скопина отравила его тетка Екатерина Скуратова-Шуйская, бросившая яд в его чашу. Однако никто не знал в точности, умер ли воевода

от яда или «на перепитии». Царь Василий публично лил слезы над гробом племянника, но мало кто верил в его искренность.

Смерть Скопина-Шуйского роковым образом сказалась на положении дел в армии и стране. Его место тотчас занял Дмитрий Шуйский, рожденный, как говорили современники, не для доблести, а к позору русской армии. Назначение Дмитрия вызвало негодование как высших офицеров, так и рядовых ратников. Царь Василий не забыл о фатальных неудачах Дмитрия, но у него не было выбора. Одни только братья не вызывали у него подозрений в измене. Прочие бояре давно лишились его доверия.

Вместе со Скопиным в Москву прибыл шведский полководец Яков Делагарди. Дело близилось к решающему столкновению. Швеция слала в Россию новые подкрепления. В Москву к Делагарди прибыл отряд в 1500 человек. С севера на помощь спешил генерал Горн с двумя тысячами солдат. Карл IX отправил в Россию двух своих лучших полководцев. При них находилось до 10 тысяч солдат — значительная часть военных сил Швеции.

С наступлением летних дней московское командование после многих хлопот собрало дворянское ополчение и довело численность армии до 30 тысяч человек. Сподвижник Скопина Валуев с шеститысячным войском освободил Можайск и прошел по Большой Смоленской дороге до Царева Займища. Тут он выстроил острог и стал ждать подхода главных сил.

Польский гетман Жолкевский воспользовался разделением сил противника и решил упредить наступление союзных войск к Смоленску. После упорного боя он потеснил Валуева и окружил его в острожке. Дмитрий Шуйский и Делагарди выступили на помощь Валуеву. К вечеру 23 июня их войска расположились на ночлег у села Клушина. На другой день союзники решили атаковать поляков и освободить из осады острожек Валуева, находившийся в 12 верстах.

Русская и шведская армии далеко превосходили по численности войско польское. Но Жолкевскому удалось пополнить свои силы за счет тушинцев. К нему присоединились

Заруцкий с донцами и Иван Салтыков с ратниками. Гетман решил нанести союзникам неожиданный удар. Оставив пехоту у валуевского острожка, он сделал с конницей переход и 24 июня перед рассветом вышел к Клушину. Валуев мог в любой момент обрушиться на поляков с тыла. Но гетман не боялся риска.

Союзники знали о малочисленности противника и проявляли редкую беспечность. Они не позаботились выслать даже сторожевое охранение на Смоленскую дорогу. Шведский главнокомандующий Яков Делагарди весь вечер допоздна пировал в шатре у Дмитрия Шуйского и хвастливо обещал ему пленить гетмана.

Русские и шведы расположились на ночлег несколько поодаль друг от друга. В предрассветные часы, когда их лагеря еще были объяты сном, вдруг показались польские разъезды. Гетман застал союзников врасплох. Но атаковать их с ходу ему все же не удалось. В ночной тьме армия Жолкевского растянулась на узких лесных дорогах, пушки увязли в болоте. Прошло более часа, прежде чем польская конница подтянулась к месту боя.

Разбуженный лагерь союзников огласился криками и конским ржанием. Русские и шведы успели вооружиться. Оба войска выдвинулись вперед и заняли оборону, каждый впереди своего лагеря. Единственным прикрытием для пехоты служили длинные плетни, перегораживавшие крестьянское поле. Они мешали неприятельской кавалерии развернуться для атаки до тех пор, пока полякам не удалось проделать в них большие проходы.

На полях под Клушином, казалось, сошлись «двунадесять языцей». Слова команды, брань и проклятия звучали едва не на всех европейских языках — на русском, польском, шведском, немецком, литовском, татарском, английском, французском, финском, шотландском. Бой длился более четырех часов. Солнце поднялось над кромкой леса, и его лучи ярко осветили пригорок перед Клушином.

Эскадроны тяжеловооруженных польских гусар несколько раз атаковали русских. Уже был ранен передовой воевода

Василий Бутурлин, дрогнул полк Андрея Голицына. Настало время ввести в дело главные силы, но Дмитрий Шуйский предпочел укрыться в своем лагере. Не получив помощи, ратники Голицына бросились бежать и рассыпались в ближнем лесу.

На правом фланге шведская пехота вела беглый огонь, отстреливаясь из-за плетня от наседавшей конницы противника. В разгар боя поляки подвезли две пушки и обстреляли пехоту. Наемники поспешно покинули ненадежное укрытие и отступили к своему лагерю. Часть солдат бежала к лесу. Боевые порядки союзников оказались расчлененными. Шведские командиры Делагарди и Горн покинули свою пехоту и с конным отрядом отступили в лагерь Шуйского.

Натиск польской кавалерии стал ослабевать, и союзники попытались перехватить инициативу. Отряд конных мушкетеров — англичан и французов — поскакал через клушинские поля навстречу врагу. Мушкетеры дали залп и повернули коней, чтобы пропустить вперед вторую шеренгу. Но поляки не дали им докончить перестроение и ударили на них с палашами. Мушкетеры смешались и бросились назад. На их плечах гусары ворвались в лагерь Шуйского. Пушкари и стрельцы не решились открыть огонь, опасаясь задеть своих. Промчавшись во весь опор через лагерь, гусары продолжали преследование, пока не устали их кони. На обратном пути лагерь встретил их выстрелами, и им пришлось пробираться окольной дорогой.

Князь Шуйский «устоял» в обозе. К нему присоединился Андрей Голицын с ратными людьми, которых удалось собрать в лесу. Более пяти тысяч стрельцов и ратных людей готовилось к последнему бою. При них находилось 18 полевых орудий. Дмитрий Шуйский сохранил достаточные силы для атаки, но он медлил и выжидал.

В сражении настала долгая пауза. Исход боя не определился окончательно. Польская конница понесла большие потери, и ей нужен был отдых. Гусары переломали свои копья и, спешившись, расположились за пригорком. Без пехоты гетман не мог атаковать русский лагерь, ощетинившийся жерлами орудий. Он подумал о том, что его коннице трудно будет

добраться и до шведской пехоты, как вдруг ему доложили о появлении перебежчиков.

Наемные войска всегда отличались ненадежностью. Делагарди с трудом удерживал в повиновении свое разноязычное воинство. Накануне битвы солдаты едва не взбунтовались, требуя денег. Швед получил от царя огромную казну, но откладывал расчет, ожидая, что в бою его армия сильно поредеет. Жадность шведского главнокомандующего обернулась против него самого. В отсутствие Делагарди и Горна наемная армия подняла бунт. Оценив ситуацию, Жолкевский послал в шведский лагерь племянника для заключения договора. Первыми на сторону врага перешли французские наемники. Затем заколебался отряд немецких ландскнехтов, стоявший в резерве. Узнав о переговорах, Дмитрий Шуйский прислал к немцам Гаврилу Пушкина с обещанием неслыханного вознаграждения.

Спохватились наконец и шведские военачальники. Вернувшись в свой лагерь, они попытались прекратить мятеж. Но дело зашло слишком далеко. Пытаясь спасти шведскую армию от полного распада, Делагарди предал русских союзников. Посреди клушинского поля он съехался с Жолкевским, чтобы заключить с ним перемирие отдельно от русских. Тем временем половина его рот прошла мимо своего главнокомандующего и присоединилась к полякам. Делагарди бросился в свой обоз и стал раздавать шведам деньги, присланные ему накануне царем. Английские и французские наемники требовали своей доли и едва не перебили шведских командиров. Не получив денег, они разграбили повозки Делагарди, а затем бросились к русскому обозу и учинили там грабеж.

Шведская армия перестала существовать. Король Карл IX рвал на себе волосы, узнав о катастрофе. Распад союзной шведской армии роковым образом сказался на судьбе русских войск. Дмитрий Шуйский отдал приказ об отходе. Отступление превратилось в беспорядочное бегство. Ратники спешили укрыться в окрестных лесах. В полной панике князь Дмитрий гнал коня, пока не увяз в болоте. Бросив коня, трусливый воевода едва выбрался из трясины. В Можайск он явился без армии. С

недоумением разглядывали встречные богато одетого всадника, который голыми пятками ударял в бока тощую крестьянскую клячу, пытаясь заставить ее прибавить ходу. Некоторые узнавали в нем царского брата и торопливо кланялись.

Не получив вестей от Дмитрия Шуйского, Валуев на третий день после сражения произвел вылазку из острога. Весть о гибели русской армии поколебала стойкость осажденных. Гетман прислал к Валуеву Ивана Салтыкова. Этот тушинец клятвенно обещал, что король снимет осаду со Смоленска и вернет русским все порубежные города, едва страна признает Владислава своим царем. Валуев поддался на уговоры и заявил о признании смоленского соглашения.

Гетман Жолкевский имел теперь под своими знаменами казаков Заруцкого и воинов Валуева — многотысячную русскую рать. Он рассчитывал склонить на свою сторону Яна Сапегу. Но наемники Сапеги, не получив от короля денег, ушли в Калугу к самозванцу.

Военное положение России ухудшалось со дня на день. Получив поддержку от Сапеги, Лжедмитрий возобновил наступление на Москву и занял Серпухов. Армия Жолкевского вступила в Вязьму и приблизилась к русской столице с запада.

Царь Василий пытался найти помощь в Крыму. По его призыву на Русь прибыл Кантемир-мурза с 10 тысячами всадников. Крымцы прошли мимо Тулы и устремились к Оке. Шуйский выслал навстречу Кантемир-мурзе гонца с богатыми дарами. Князю Пожарскому он поручил сопровождать казну до самых татарских станов. Следом за Пожарским на Оку прибыл князь Лыков с четырьмя сотнями стрельцов. Кантемир-мурза, по прозвищу Кровавый Меч, благосклонно выслушал царские «речи» и принял великие дары. Но он успел оценить ситуацию, сложившуюся в Подмосковье. Не желая ввязываться в борьбу с тушинцами и поляками, вероломные союзники повернули оружие против войск Шуйского и разогнали отряд Лыкова. Сапега довершил дело, а Кантемир-мурза с Оки ушел в степи.

Поражения сыпались на Шуйского одно за другим. После Клушина он остался без армии. Царь приказал готовить столицу к осаде. Но дни династии были уже сочтены.

Напрасно самодержец посылал гонцов в провинцию, требуя от воевод подкрепления. Рязанские дворяне, помогавшие царю высидеть в осаде против Лжедмитрия II, ответили дерзким отказом на все его обращения. Мятеж возглавил думный дворянин Прокофий Ляпунов. Стремясь как можно скорее покончить с властью Шуйского, он тайно снесся с боярином Василием Голицыным и другими противниками Шуйского в Москве. На всякий случай он завел сношения также и с «калужским вором».

Известие о наступлении Лжедмитрия вызвало восстание в Коломне и Кашире. «Меньшие» люди и казаки заявили о поддержке «законного» царя. Коломничи увлекли за собой жителей Зарайска. Но воеводой в Зарайске был тогда князь Дмитрий Пожарский, а с ним шутки были плохи. Пожарский укрылся в каменной крепости и отказался подчиниться «миру». В крепости хранились все запасы продовольствия, и там же зажиточные горожане держали свои ценности. Непреклонность воеводы внесла в их ряды разброд. Пожарский выждал, когда волнения улеглись, и заключил соглашение с представителями посада. Суть договора весьма точно выражала политическое кредо Пожарского: *«...будет на Московском царстве по-старому царь Василий, ему и служити, а будет кто иной, и тому также служити»* — служение не лицу, а государству Российскому.

Зарайский воевода действовал смело и энергично, чтобы спасти столицу от надвигавшейся опасности. Он послал воинских людей в Коломну и добился того, что коломничи, одумавшись, отложились от «вора». Военное положение столицы несколько улучшилось. Но Шуйского могло спасти разве что чудо. Крушение надвигалось неотвратимо.

Глава 4
БОЯРСКОЕ ПРАВЛЕНИЕ

Безрадостными были последние дни царствования Василия Шуйского. С того момента как он утратил поддержку вождей Боярской думы и столичного населения, власть его стала

призрачной. Тушинские бояре не могли договориться с московскими, пока выступали в пользу самозванца. Все переменилось с тех пор, как тушинское правительство подписало смоленский договор. Кандидатура Владислава казалась одинаково приемлемой как для главы думы князя Федора Мстиславского, так и для главы тушинского правительства Филарета Романова. Филарет был одним из подлинных вдохновителей соглашения с Сигизмундом III. Он выехал из Тушина с последними польскими отрядами, с тем чтобы найти пристанище в королевских обозах под Смоленском. Но ему не удалось благополучно добраться до места назначения. Войска Валуева пленили его после боя под Волоколамском и отправили в Москву.

Царь Василий не осмелился судить «воровского» патриарха и опрометчиво разрешил ему остаться в столице. Патриарх Гермоген поспешил объявить Романова жертвой Лжедмитрия и признал его право на прежний сан ростовского митрополита. Филарет, не чаявший такого приема, вскоре обрел прежнюю самоуверенность и стал не покладая рук трудиться над возрождением влияния романовского круга. При поддержке больших бояр — братии и племянников Филарет вскоре же стал, по словам очевидца, *«большой властью под патриархом»*. В его лице Шуйские приобрели самого опасного врага.

Пропольская партия в Москве остерегалась открыто провозглашать свои цели. Мстиславский и Романовы отдавали себе отчет в том, что народ не желает видеть на троне иноземного королевича. Инициативу свержения Шуйского взяла на себя не партия Владислава, а сторонники Голицына. Среди русских претендентов на трон Василий Васильевич Голицын был самой влиятельной фигурой. Князь Василий давно протягивал руки к короне. Он казнил царя Федора Годунова, затем руководил расправой с Лжедмитрием. Теперь настала очередь Шуйского. Голицын отбросил прежнюю осторожность, когда убедился в поддержке провинции. Из Рязани Прокофий Ляпунов прислал к Голицыну и к своему брату Захару Ляпунову некоего Олешку Пешкова с просьбой поспешить. В

осадные годы в Москве жило много рязанских дворян. Они охотно поддержали выступление против Шуйского.

16 июля в окрестности Москвы прибыл Лжедмитрий II с тремя тысячами казаков. «Царька» сопровождали воровской боярин князь Дмитрий Трубецкой и другие тушинцы, удержавшиеся при нем. Не располагая силами для штурма столицы, Трубецкой и его соратники прибегли к хитрости. Они предложили столичному населению «ссадить» несчастливого царя Василия и притворно обещали поступить аналогичным образом с тушинским «царьком». После этого, заявили они, все смогут выбрать сообща нового государя и тем положить конец братоубийственной войне. Василий Голицын и его друзья поддержали тушинскую агитацию. Она служила лучшим оправданием для задуманного ими переворота. Противники Шуйского решили действовать без промедления.

17 июля Иван Никитич Салтыков, Захар Ляпунов и другие заговорщики собрали на Красной площади внушительную толпу и обратились к посаду с призывом свергнуть царя, принесшего стране бесконечные беды. Опасаясь противодействия Гермогена, мятежники ворвались в патриарший дом и захватили его. Заложниками в руках толпы стали бояре, которых искали повсюду и тащили на Лобное место. Помня о предыдущих неудачах, заговорщики не стали штурмовать царский дворец, а все внимание обратили на армию. Последнее слово принадлежало вооруженной силе. Для отражения самозванца командование сосредоточило полки в Замоскворечье. Туда-то и повели толпу Салтыков и Ляпунов. Престарелого патриарха волокли, не давая ему отдышаться. С бояр не спускали глаз.

В военном лагере за Серпуховскими воротами открылся своего рода Земский собор с участием думы, высшего духовенства и восставшего народа. За низложение Василия Шуйского высказались Голицыны, Мстиславский, Филарет Романов. Патриарх Гермоген пытался защищать Шуйских, но его не стали слушать. Немногие бояре осмелились противиться общему требованию.

Для переговоров с Шуйским собор направил в Кремль Воротынского и Федора Шереметева, а также патриарха со всем

Священным собором. Посланцы постарались добром уговорить царя покинуть трон. Свояк князь Воротынский обещал «промыслить» ему особое удельное княжество со столицей в Нижнем Новгороде. Василий не слушал увещеваний и не желал расставаться с царским посохом. Тогда его силой свели из дворца на старый двор. Братьям царя запретили показываться в думе, затем взяли под стражу.

Низложив царя, собор направил гонцов в лагерь Лжедмитрия подле Данилова монастыря. Многие члены собора полагали, что калужские бояре тут же свергнут своего «царька» и вместе со всей землей приступят к выборам общего государя. Их ждало жестокое разочарование. Князь Дмитрий Трубецкой и прочие тушинцы предложили москвичам открыть столичные ворота перед истинным государем.

Иллюзии рассеялись. Наступила минута общего замешательства. Партия Шуйских преодолела растерянность и попыталась восстановить утраченные позиции. Патриарх обратился к народу с воззванием, моля вернуть на престол старого царя. Начальник Стрелецкого приказа Иван Шуйский через верных людей пытался склонить дворцовых стрельцов к тому, чтобы совершить контрпереворот.

Тогда заговорщики решили довести дело до конца. Вместе с Захаром Ляпуновым в их «совете» участвовали думный дворянин Гаврила Пушкин и множество уездных дворян. На этот раз заговорщики обошлись без обращения к Земскому собору. Более того, они не постеснялись нарушить только что принятые соборные решения. Собрав немногих стрельцов и толпу москвичей, они явились на двор Шуйского, прихватив с собой некоего чудовского чернеца. Дворяне держали бившегося в их руках самодержца, пока монах совершал обряд пострижения. «Инока Варлаама» тут же вытащили из хором и в крытой повозке отвезли в Чудов монастырь, где к нему приставили стражу.

В самый день переворота Захар Ляпунов с рязанцами стали *«в голос говорить, чтобы князя Василия Голицына на государстве поставити»*. Но заговорщики просчитались. Боярская дума во главе с Федором Мстиславским категорически вос-

противилась избранию Голицына. Пропольская партия в думе имела возможность провалить неугодного ей претендента, но она не осмелилась выдвинуть своего кандидата. Переворот внес в ее ряды шатания и разброд. Филарет уловил настроения столичного населения и, отвернувшись от Владислава, предпринял попытку усадить на трон своего четырнадцатилетнего сына Михаила. В глазах современников Михаил имел наибольшие права на трон как двоюродный племянник последнего законного царя. Романовым удалось добиться некоторой поддержки в среде столичного населения. Патриарх Гермоген, настаивавший на избрании царя из русских людей, готов был встать на их сторону.

Никто из претендентов не добился поддержки большинства в думе и на Земском соборе. Члены собора помнили, что Василий Шуйский был избран без участия провинции, отчего многие называли его узурпатором. Они не желали повторять прежних ошибок и постановили отменить выборы до времени, когда в столицу съедутся представители всей земли. В провинцию помчались гонцы с наказом выбирать из всех чинов по человеку для участия в избирательном соборе.

По давней традиции дума выделяла в период междуцарствия особую комиссию из своего состава для управления страной. Следуя обычаю, Земский собор поручил дела — впредь до съезда представителей провинции — семи избранным боярам. Так образовалась знаменитая московская Семибоярщина. В нее вошли Федор Мстиславский, Иван Воротынский, Василий Голицын, Иван Романов, Федор Шереметев, Андрей Трубецкой и Борис Лыков.

Дворяне, приказные люди, стрельцы, казаки, гости и черные люди немедленно принесли присягу на верность временному боярскому правительству. Со своей стороны бояре обязались «стоять» за Московское государство и подготовить избрание нового царя «всей земли».

Не прошло и недели, как военное положение столицы резко ухудшилось. По Старой Смоленской дороге к Москве подошел Жолкевский. Поляки разбили свой лагерь на Хорошевских лугах. Коронный гетман затеял переговоры разом и с мос-

ковскими боярами, и с тушинцами. Бояр он просил присоединиться к смоленскому договору и присягнуть Владиславу, а самозванцу предлагал общими силами штурмовать Москву.

Семибоярщина послала к Жолкевскому маловажного чиновника с наказом тянуть время и не допускать объединения двух неприятельских армий. Бояре напрасно пытались перехитрить гетмана. В конце концов Мстиславскому самому пришлось отправиться в его лагерь для переговоров. По случайному совпадению Лжедмитрий запалил столичные предместья и попытался ворваться в Замоскворечье в то самое время, когда Мстиславский вел с Жолкевским переговоры. Ян Сапега с литовскими людьми штурмовал Серпуховские ворота. Поляки из войска Жолкевского не спешили подать помощь «своим». Зато русские «союзники» коронного гетмана снялись с места и бросились на помощь москвичам. Не спросясь Жолкевского, Валуев атаковал Сапегу и погнал его прочь от Серпуховских ворот. Событие это произвело на столицу большое впечатление. Бездарный глава Семибоярщины тут же приписал успех дня своим дипломатическим стараниям. Ощутив почву под ногами, пропольская партия провела через думу решение не избирать на государство никого из московских бояр. Путь к избранию Владислава и миру с поляками оказался теперь расчищен.

Предложения насчет унии между Россией и Речью Посполитой обсуждались Боярской думой еще при царе Федоре и Борисе Годунове. Дума поначалу отвергла их. Но под влиянием крестьянской войны отношение к унии стало меняться. Шуйский обнаружил неспособность справиться с народными движениями, и знать искала выход в союзе с феодальными верхами Речи Посполитой. С избранием Владислава на трон бояре, как им казалось, смогут опереться на королевскую армию ради наведения порядка в стране. Мстиславский и многие другие влиятельные бояре мечтали получить такие же привилегии, которыми пользовались польские магнаты.

Сторонники унии добились поддержки Земского собора главным образом потому, что выступали в роли миротворцев. Дворянам бесконечно надоела война, и они верили, что с по-

мощью росчерка пера можно положить конец и иноземному вторжению, и внутренним междоусобицам.

В своих манифестах Сигизмунд обещал прибавить русским дворянам вольностей и избавить их от тиранических порядков. Подобные посулы нисколько не прельщали московитов. Куда больше их волновал вопрос о землях и крестьянах. Дворянские представители имели численное преобладание в Земском соборе. Им суждено было принять окончательное решение. Не желая передоверять дело Семибоярщине, дворяне постановили взять переговоры с Жолкевским в свои руки. В польский лагерь явилось, как прикинул гетман, около пятисот человек дворян, стольников и детей боярских. Соборные представители отправились на переговоры едва ли не в полном составе. От имени дворян речь держал князь Черкасский. Жолкевский ответил на все его вопросы. Он не жалел обещаний, и его речи произвели благоприятное впечатление на московский собор. Посреди заседания ему шепнули о прибытии гонца. Гетман прервал переговоры и испросил себе день на размышления.

Король прислал из-под Смоленска инструкции, которые грозили свести насмарку московские переговоры. Гетман получил приказ вести дело так, чтобы Москва присягнула Сигизмунду и его сыну разом. Смоленский договор был заключен в то время, когда армии Скопина повсюду теснили польские отряды и окружение короля подумывало о том, как бы скорее закончить бесславную войну. Победы Жолкевского и свержение Шуйских решительно изменили ситуацию. Сигизмунд готов был порвать соглашение об избрании Владислава и занять московский трон по праву завоевателя. Жолкевский возражал против нарушения соглашений с русскими. После всех одержанных побед он надеялся, что его линия на заключение унии вновь одержит верх. Поэтому он скрыл содержание королевских инструкций от бояр и решил продолжить переговоры. Многие причины заставляли его спешить. Гетман не имел денег, чтобы оплатить войско. Наемники требовали платы и в любой момент могли выйти из повиновения. Семибоярщина соглашалась оказать Жолкевско-

му финансовую помощь, но лишь после подписания договора. В довершение бед в армии Жолкевского начался разброд. Валуев поднял оружие против самозванца. Но еще раньше донские казаки вышли из повиновения гетману и соединились с казаками Лжедмитрия.

Некогда атаман Заруцкий помешал донцам уйти из Тушина в Калугу и увел отряд в три тысячи сабель к Сигизмунду. Оказавшись в лагере интервентов, казаки ополчились на своего вождя. Атаман призвал на помощь королевских солдат и силой подавил волнения. Он помог Жолкевскому разгромить армию Шуйского и вместе с ним прибыл в окрестности Москвы. Заруцкий ждал наград, но его постигло жестокое разочарование. Патриарх Гермоген и Мстиславский легко отпустили грехи своей заблудшей братии — Романову, Салтыковым и прочим тушинцам. Но они категорически отказались допустить в свою среду казачьего боярина и вчерашнего болотниковца Заруцкого. В их глазах он оставался подлинным исчадием ада, живым напоминанием о временах крестьянского восстания. Бывшие тушинские царедворцы, еще недавно заискивавшие перед атаманом, поспешно отвернулись от него. Иван Михайлович Салтыков жестоко осмеял казака, когда тот в качестве боярина заикнулся о своих местнических правах. Ссора с Салтыковым развеяла в прах честолюбивые мечты атамана. Он пытался найти поддержку у Жолкевского. Но гетман не желал раздражать боярское правительство и легко пожертвовал своим союзником. Не видя иного выхода, Заруцкий, как азартный игрок, вновь сделал ставку на Лжедмитрия II. В лагере самозванца его приняли с распростертыми объятиями. Зато в московских верхах исчезновение казаков из лагеря Жолкевского вызвало вздох облегчения. Последние преграды к соглашению с гетманом пали.

16 августа 1610 года Мстиславский, Филарет Романов, Василий Голицын и соборные чины привезли гетману окончательный текст соглашения. На другой день посланцы Жолкевского Валуев и Салтыков явились в Кремль и зачитали народу текст согласованного договора. Московские чины тут же прошли в Успенский собор и принесли присягу. Из Кремля

бояре, служилые люди и население направились на Новодевичье поле, где их ждали Жолкевский и его полковники. По замечанию гетмана, на поле собралось более десяти тысяч русских. В присутствии народа русские и польские вожди торжественно утвердили договор. Среди членов московского собора единодушия не было и в помине. Вследствие того боярское правительство не решилось передать договор им на подпись. Мстиславский, Голицын да Шереметев запечатали документ своими печатями, двое думных дьяков поставили на них подписи. Тем дело и ограничилось.

Московский договор был плодом компромисса, который не мог удовлетворить ни одну из сторон. Боярская дума и патриарх не допускали и мысли о том, что на православном царстве утвердится католический государь. Жолкевский считал абсурдной перспективу крещения королевича, но согласился на коронацию Владислава по православному обряду.

Предпринимая поход в Россию, король обещал папе римскому распространить истинную веру на эту варварскую страну. Гермоген категорически возражал против любых уступок в пользу католичества и даже предлагал ввести смертную казнь для тех русских, которые *«похотят малоумием своим»* принять папскую веру после воцарения Владислава. Соответствующий пункт был внесен в текст московского договора. Для короля он был так же неприемлем, как и требование о принятии Владиславом православия.

Московское соглашение подтвердило незыблемость традиционной русско-польской границы. Именем Сигизмунда Жолкевский подтвердил обязательство очистить после коронации Владислава все порубежные русские города, занятые королевскими войсками. Однако в вопросе о прекращении военных действий стороны не достигли ясности. С начала интервенции главным пунктом борьбы стал Смоленск. Соглашение о передаче трона Владиславу и нерушимости русских границ, казалось бы, автоматически влекло за собой прекращение осады крепости. Однако Жолкевский категорически отверг представления бояр на этот счет. Гетман знал, что Сигизмунд задался целью присоединить Смоленск к коронным

владениям и никогда не отступит от поставленной цели. Поэтому он лишь обещал, что будет просить короля прекратить бомбардировки и осадные работы под Смоленском. Бояре удовлетворились неопределенными словесными обещаниями и согласились на компромисс, равнозначный предательству. Гарнизон и население Смоленска изнемогали в неравной борьбе. Боярское правительство, подписав договор, фактически бросило их на произвол судьбы.

В основу московского договора легло соглашение, заключенное тушинскими послами в лагере под Смоленском. Бояре внесли некоторые изменения в старый договор. Из него были исключены статьи о пожаловании людей «меньших станов» за их заслуги, о свободном выезде дворян за рубеж для получения образования. Смоленский договор отчетливо показал недовольство провинциальных служилых людей засильем столичной знати. В новом документе это настроение не получило отражения.

Семибоярщина не заручилась окончательным согласием претендента и его отца. Тем не менее она отдала приказ о немедленной присяге царю Владиславу. Текст присяги заключал в себе два пункта. Согласно первому Москва должна была немедленно направить послов к Сигизмунду с просьбой отпустить на царство Владислава. К этому пункту был прибавлен второй — с клятвой верности Владиславу — царю «всея Руси». В спешке боярские правители утратили не только осторожность, но и здравый смысл. Семибоярщина не учла того, что ее кандидат не обладал популярностью в народе.

Московский договор поставил людей перед трудным выбором: покориться ли лихим боярам с их чужестранным принцем либо предпочесть истинно православного Дмитрия? Миф о добром сыне Грозного вновь стал овладевать воображением народа. Боярские правители напоминали человека, увязшего в трясине. Чем судорожнее они цеплялись за власть, тем глубже погружались в пучину. Объявив об избрании Владислава, верхи окончательно оттолкнули от себя народ. Свидетели московских событий единодушно утверждали, что черный народ всячески противился намерению бояр возвести на трон коро-

левича. В обычных условиях дума, опираясь на волю Земского собора, без больших затруднений решила бы вопрос о престолонаследии по своему усмотрению. Низы не имели представителей на соборах. Но в обстановке гражданской войны и интервенции влияние народа неизмеримо возросло.

Значительная часть столичного населения не приняла участия в шествии на Новодевичье поле, устроенном боярами. На другой день после присяги рядовая братия Симонова монастыря послала нескольких монахов к «царьку» с поклоном. Прошло еще два дня, и множество московского народа, не желая присягать католическому государю, покинуло столицу и перебралось в лагерь самозванца.

Провинция имела еще больше оснований негодовать на Семибоярщину, чем столица. Правители попрали приговор Земского собора и не стали ждать съезда выборных от всей земли. Они избрали государя без участия страны. Последствия не заставили себя ждать. В августе произошли волнения в Твери и Владимире, Ростове, Суздале и Галиче. Черный люд из этих городов прислал своих представителей с челобитьем к Лжедмитрию II.

Избрание Владислава благоприятствовало сплочению верхов. Целой толпой явились в Москву бывшие тушинцы, давно перешедшие на королевскую службу. Настороженно встречало их население столицы, не забывшее голодных «осадных» лет. Все ждали, что скажет глава церкви, ярый противник тушинского лагеря. Настал день, когда Михаилу Салтыкову пришлось отправиться в Успенский собор за патриаршим благословением. Гермоген учинил строгий допрос и тут же простил ему все грехи, снисходя к его слезному и умильному покаянию.

Примеру Салтыкова последовали многие дворяне, до последнего момента державшиеся за Лжедмитрия II. Они также вернулись в Москву и принесли присягу Владиславу. Но чем больше дворян покидало калужский лагерь, тем больше сторонников приобретал Лжедмитрий II среди городской бедноты, крестьян и холопов.

Страна вновь стояла на пороге мощного социального взрыва. Народ не забыл восстания Болотникова и готов был на-

чать все сначала. Страх перед назревавшим восстанием и погнал бояр в стан интервентов. С помощью иноземного войска они надеялись покончить с крестьянско-казацкими таборами. Московский договор заключал один бескомпромиссный пункт, который в глазах бояр был едва ли не самым важным. По их настоянию Жолкевский принял на себя обязательство промышлять над воровскими таборами до тех пор, пока вор не будет убит или взят в плен, а его лагерь перестанет существовать, после чего «земля в тишине станет». После воцарения Владислава предстояло решить вопрос о самом существовании вольных казаков.

На рассвете 27 августа Жолкевский окружил лагерь самозванца в селе Коломенском. Мстиславский с полками поддержал его наступление. Гетман предъявил ультиматум Яну Сапеге, но тот отказался покинуть «царька». Не желая проливать кровь соотечественников, Жолкевский вместо атаки вступил в переговоры с вором. Именем Сигизмунда он обещал передать ему во владение Самбор, если он не будет мешать королевским делам в России. Самозванец отклонил предложение и, выскользнув из Коломенского, укрылся в близлежащем Никольском монастыре.

Бояре сосредоточили в поле у Коломенской заставы пятнадцать тысяч воинов. Не надеясь на свои силы, они вновь призвали на помощь Жолкевского. Гетман потребовал, чтобы ему разрешили провести войска кратчайшим путем через Москву. Едва наступила ночь, стража распахнула крепостные ворота. Пройдя по пустынным улицам, войска Жолкевского соединились с ратью Мстиславского и направились к Никольскому монастырю. Кто-то заблаговременно предупредил «вора», и он до рассвета бежал в Калугу. Польские войска вернулись в свой лагерь, пройдя через крепость вторично.

Жолкевский информировал бояр о том, что войско Яна Сапеги окончательно покинет «царька», если ему будут заплачены деньги. Мстиславский с готовностью откликнулся на обращение. Получив три тысячи рублей, сапежинцы покинули окрестности Москвы. Гетман вел ловкую дипломатическую игру. Польские части отличались значительно большей надеж-

ностью, нежели «немцы», перебежавшие к Жолкевскому под Клушином. Боярские правители с тревогой взирали на тех, кто еще недавно предал их. Гетман дал понять боярам, что охотно распустит сброд, едва лишь сможет расплатиться с ним. Мстиславский с товарищами вновь клюнули на удочку и предоставили ему крупные субсидии. Жолкевский преодолел кризис, угрожающий развалом его армии, и расплатился с наемниками. Отобрав 800 самых боеспособных солдат, он отправил прочь 2500 клушинских перебежчиков — немцев, англичан, французов. Численность его армии сократилась до шести-семи тысяч человек.

После принесения присяги Владиславу Москва снарядила великих послов к королю, чтобы в его лагере под Смоленском завершить мирные переговоры. Посредством долгих уговоров и лести Жолкевский убедил Голицына и Романова взять на себя исполнение мирной миссии. Гетман откровенно признался, что он преднамеренно удалил из Москвы этих лиц. Филарет Романов продолжал выступать рьяным защитником своего детища — смоленского соглашения. Но после низложения Шуйского его не покидала надежда видеть на троне сына Михаила. Жолкевский подумывал о том, чтобы отослать к королю Михаила Романова, но тот был слишком мал, чтобы можно было включить его в посольство. Потому гетман и решил направить под Смоленск Филарета, чтобы иметь в своих руках заложника. Голицын был для Владислава еще более опасным соперником, чем малолетний Михаил. Понятно, почему Жолкевский не желал оставлять его в Москве.

С послами под Смоленск выехало около пятидесяти человек. Они представляли все чины или «палаты» Земского собора. От православного духовенства к королю отправились, кроме Филарета, несколько столичных игуменов и старцев. Думу представляли вместе с Голицыным окольничий Мезецкий, думный дворянин Сукин и двое думных дьяков. Служилую курию представляли московские дворяне, стольники и выборные дворяне из Смоленска, Новгорода, Рязани, Ярославля, Костромы и двух десятков более мелких городов. Стрелецкий гарнизон Москвы представляли голова Иван Козлов

и семеро стрельцов, столичный посад — богатый гость Иван Кощурин, портной мастер, ювелир и трое других торговых людей. С послами выехали из Москвы многие лица, сыгравшие выдающуюся роль в недавнем перевороте. Среди них был Захар Ляпунов.

Москвичи целовали крест иноверному королевичу в надежде на немедленное прекращение войны. Но мир все не приходил на исстрадавшуюся землю. Московские послы слали с дороги неутешительные вести. Королевские войска продолжали грабить и жечь русские села и деревни, как будто московского договора вовсе и не было. Козельск подвергся дикому погрому. В пепел обратился Калязин монастырь. В Москве стало известно, что Сигизмунд готовится сам занять русский трон. Король не пользовался популярностью даже у своих подданных в Речи Посполитой. Москвичам было ненавистно само его имя.

Боярское правительство не смогло дать стране ни мира, ни династии. И народ отвернулся от него окончательно. Всяк, кто побывал в Москве в те тревожные дни, мог наблюдать это своими глазами.

Знать пировала в кремлевском дворце с королевскими ротмистрами, а за окнами дворца чернь волновалась и грозила боярам расправой. Королевские приспешники слали под Смоленск донос за доносом. Москвичи, утверждали они, замышляют поддаться «вору» со всей столицей, другие сами желают стать господами, и вообще все они бунтовщики. Гетман Жолкевский считал опасность восстания в Москве вполне реальной. Склонная к возмущению московская чернь, писал гетман, в любой момент может призвать на помощь Лжедмитрия. Справедливость слов Жолкевского полностью подтвердил монах Авраамий Палицын, участник тогдашних московских событий. В ту пору, отметил Палицын в своих воспоминаниях, многие из столичных жителей стали «прямить» калужскому «вору» и тайно ссылаться с его людьми.

По иронии судьбы вчерашние тушинцы Михаил Салтыков с товарищами громче всех кричали об опасности переворота в пользу Лжедмитрия II. Они сознательно пугали столич-

ную знать тем, что чернь того и гляди перебьет власть имущих и отдаст Москву «вору». Ссылаясь на опасность народного восстания, Салтыков требовал немедленного введения в Москву солдат гетмана.

Вожди Семибоярщины обладали достаточным политическим опытом и не закрывали глаза на опасность иноземного вмешательства. Заключая договор с Жолкевским, они старались не допустить вступления королевских войск в столицу. Солдаты Жолкевского согласно договору могли посещать Москву по особому разрешению, и притом группами не более двадцати человек. Бояре сами же нарушили подписанный ими договор, когда призрак переворота вселил ужас в их души.

Инициативу приглашения наемных войск в Кремль взяли на себя Мстиславский, Иван Романов и двое других бояр. Все вместе они располагали непрочным большинством в Семибоярщине. Жолкевский прекрасно разбирался в мотивах, которыми руководствовались его новые союзники. Боярские правители, говорил он, страшились своего народа и желали под защитой его войск обезопасить себя от ярости низов.

Мстиславскому и его сообщникам не сразу удалось осуществить свои замыслы. Когда по их приглашению в Кремль явился полковник Гонсевский и русские приставы повели его осматривать места расквартирования рот, москвичи заподозрили неладное и ударили в набат. Вооружившись чем попало, народ бросился в Кремль. Попытка ввести в крепость иностранные войска была сорвана.

Королевская партия в Москве рано праздновала победу. Она не могла считать свой успех полным, пока в столице продолжал функционировать собор, низложивший Шуйского. Жолкевский понимал значение собора и постарался отослать самых влиятельных его членов с посольством под Смоленск.

Народное выступление на мгновение оживило силы угасавшего земского учреждения. Члены собора попытались стряхнуть оцепенение и оказать противодействие планам Мстиславского.

Патриарх Гермоген пригласил к себе двух членов Семибоярщины — Андрея Голицына и Ивана Воротынского — и

при их содействии созвал на своем подворье чиновных людей — дворян и приказных. Патриарх дважды посылал за Мстиславским и прочими начальными боярами, но те отговаривались занятостью. Выведенный из терпения, он пригрозил, что вместе с толпой сам явится в думу. Лишь тогда Мстиславский с товарищами прибыли на собор.

По словам Жолкевского, у Гермогена собралось великое множество людей, не столько из простого народа, сколько из дворян и служилых людей. Дворяне, забыв о дипломатическом этикете, бранили гетмана за многочисленные нарушения заключенного договора. Вопреки соглашению, говорили они с возмущением, Жолкевский раздает поместья по своему произволу, не считаясь с правами собственности. Он желает царствовать на Москве! Он намерен ввести в город свои войска! — заявляли земские представители.

Мстиславский лишний раз обнаружил перед всеми свою никчемность. С миной оскорбленной добродетели он вновь и вновь твердил, что никогда еще в жизни не нарушал присяги и теперь готов умереть за царя Владислава.

Гермоген более всего негодовал на то, что польское командование не выполнило обязательств относительно истребления таборов и пленения Лжедмитрия II. Дворянское большинство всецело разделяло его чувства. Жолкевский не оправдал их ожиданий. Однако на соборе у него нашлись защитники. Особенно усердствовал Иван Никитич Романов. Если гетман отойдет от столицы, говорил он, то боярам придется идти за ним, чтобы спастись от черни.

Доброжелатели успели уведомить о соборе Гонсевского помощника Жолкевского через своего агента князя Василия Черкасского. Гонсевский клятвенно заверил членов собора, что польское командование завтра же пошлет свои роты против Калуги, если только московские воеводы поддержат их наступление. Заверения Гонсевского были лживыми от первого до последнего слова. Вместо похода на Калугу он завершал последние приготовления к занятию Москвы. Мстиславский громко повторил ложь Гонсевского и заставил замолчать Гермогена.

Воспользовавшись паузой, бояре объявили об окончании прений и сделали суровое внушение инициаторам собора. Патриарху, говорили они, следует смотреть за церковью и не вмешиваться в мирские дела, ибо никогда не было, чтобы попы вершили дела государства.

В трудное время брани и междоусобий многие духовные пастыри предпочитали оставаться в стороне от борьбы. Гермоген не принадлежал к их числу. Он выступил как патриот, возвысив голос против опасности иноземного вмешательства. Добившись возобновления деятельности Земского собора, патриарх пытался предотвратить занятие Кремля королевскими наемниками. Но его усилия не привели к успеху. Сказывалось то, что едва ли не половина членов собора, притом самых влиятельных, была удалена из Москвы. Патриарх Гермоген и его сторонники могли преодолеть сопротивление Семибоярщины, если бы они прибегли к помощи той единственной силы, которая только и могла спасти положение. Такой силой были столичные низы, составлявшие массу московского населения. Однако патриарх и его сторонники слишком боялись низов, чтобы апеллировать к ним. Страх перед назревшим восстанием черни в пользу «вора» парализовал волю Земского собора и обрек все его усилия на неудачу.

После собора Мстиславский и Салтыков провели совещание с Гонсевским и тотчас же отдали приказ об аресте четырех патриотов, наиболее решительно отвергавших предательские планы. Спустя день бояре вызвали инициаторов Земского собора в ставку Жолкевского. Гетман был верен себе и старался успокоить земских представителей. Он оправдывался перед ними и уверял, что у него и в мыслях не было забрать из их рук дела управления. Жолкевский расточал медовые речи, предоставив «черную работу» Салтыкову. Вчерашний тушинец осыпал членов собора градом упреков. Он прямо обвинял их в мятеже против законного царя Владислава.

Многие участники собора отказались явиться к гетману. Боярские правители не оставили их в покое. Вкупе с Федором Шереметевым Михайла Салтыков по возвращении в Кремль принялся объезжать дворы. «Мятежников» вразумля-

ли, грозили всевозможными карами и принуждали явиться к гетману с повинной. Боярин Андрей Голицын и Гермоген не противились более Мстиславскому. Голицын разъезжал по улицам вместе с Салтыковым и старался успокоить народ, чтобы предотвратить волнения и кровопролитие. Покончив с сопротивлением Земского собора, бояре убрали последние препоны к вступлению иноземных войск в Москву.

Наемные роты вошли внутрь крепости без барабанного боя, со свернутыми знаменами.

Московское великое посольство тем временем добралось до королевского лагеря под Смоленском. Оно привезло с собой дары для Владислава и его отца.

Сторонники унии между Россией и Речью Посполитой указывали на политические выгоды союза и настаивали на выполнении обязательств, взятых на себя Жолкевским. Но их голоса вскоре смолкли. Из Москвы шли вести, от которых голова шла кругом. Бояре склонились к ногам Владислава. Продолжавшиеся междоусобицы окончательно подорвали мощь Русского государства. С боярским правительством можно было больше не считаться. В королевском окружении взяла верх партия войны, хотя ее вожди не одержали никаких побед.

Вслед за Москвой Владиславу присягнули многие провинциальные города. Воевода Дмитрий Пожарский привел к присяге жителей Зарайска, Ляпунов — население Рязани. Мирные иллюзии, порожденные московским договором, распространились по всей России.

Столичные верхи ждали, что Владислав прибудет в Москву без промедления, и готовились к его встрече. В приказах дельцы составили для молодого государя несколько росписей, которые давали представление о городах России, о государственном устройстве и дворянской службе, о финансовой системе государства и богатстве царской казны. Одна из росписей была специально посвящена русской национальной кухне. Однако московские приказные напрасно тратили чернила, стараясь прельстить Владислава богатством русских городов, сокровищами казны, прелестями дворцовой кухни и псовой охоты. Сигизмунд и не помышлял о том, чтобы отпус-

тить сына в далекую Московию. Король рассчитывал на то, что по праву завоевателя он и сам сможет занять царский престол. Он раздавал своим русским приспешникам земли, вовсе не принадлежавшие ему, насаждал в приказах своих людей, брал деньги из московской казны. Еще до заключения московского договора Сигизмунд III обещал щедро пожаловать Мстиславского за *«прежнее к нам* (королю) *раденье»* и учинить *«выше всей братии его бояр»*. После того как Мстиславский помог Жолкевскому занять Москву, король вспомнил о своих обещаниях и 16 октября особым универсалом пожаловал ему высший чин слуги и конюшего. Такой титул до него носил лишь правитель Борис Годунов при царе Федоре. Вместе с новыми чинами удельный князь получил новые доходы и земли.

Сигизмунд III щедро оплатил предательство Михаила Салтыкова, отдав ему во владение Важскую землю. Его сыну он пожаловал боярство.

Доверенным лицом короля в Москве стал Федор Андронов. При Василии Шуйском этот проворовавшийся купец бежал в Тушино, присвоив партию казенного товара. Сигизмунд III сделал его главой Казенного приказа и хранителем царской сокровищницы.

Произошли немалые перемены в московской иерархии чинов. Начальник Стрелецкого приказа, стоявший прежде на ее низших ступенях, теперь стал ключевой фигурой в правительстве. Отборные стрелецкие войска, насчитывавшие до семи тысяч человек, несли охрану Кремля и внешних стен города. Кто командовал стрелецким гарнизоном, тот чувствовал себя хозяином Кремля. Король заготовил указ о назначении Ивана Михайловича Салтыкова начальником Стрелецкого приказа. Но в Москве Жолкевский распорядился по-своему. С согласия Мстиславского и нескольких других членов Семибоярщины он передал этот пост полковнику Александру Гонсевскому. Полковник получил при этом чин боярина и занял место в думе подле прирожденной русской знати.

Еще во времена Отрепьева Гонсевский вел тайные переговоры с Голицыными и Шуйскими, предложившими трон

Владиславу. После гибели самозванца царь Василий два года держал посла Гонсевского в Москве в качестве почетного пленника. Посол имел возможность близко познакомиться с правящим боярским кругом и сойтись с некоторыми из его членов. Вторично оказавшись в Москве, Гонсевский не скупился на внешние знаки дружелюбия, но в душе продолжал считать русских заклятыми врагами.

Присягнув Владиславу, Семибоярщина была принуждена взять на себя содержание королевских войск в Москве. Русские дворяне служили с поместий, поэтому казна тратила на них сравнительно немного денег. Ставки оплаты наемных солдат на Западе были куда выше. По словам Жолкевского, лишь за несколько месяцев бояре выдали его солдатам на харчи сто тысяч. Подобные траты быстро опустошили московскую казну, в которой после Отрепьева оставалось немного звонкой монеты. Тогда бояре роздали наемникам «в кормление» города. Каждая рота посылала в отведенные ей города своих фуражиров. Один польский офицер весьма красочно описал поведение солдат в Суздале и Костроме, доставшихся его роте. Наемники, писал он, ни в чем не знали меры и, не довольствуясь миролюбием москвитян, самовольно брали у них все, что кому нравилось, силой отнимали жен и дочерей у русских, не исключая знатные семьи.

Население громко роптало, и боярам пришлось отозвать ротных фуражиров из городов. Из сокровищницы стали изымать серебряные вещи и отправлять их на Денежный двор. Металлические вещи пускали в переплавку и били монету с именем Владислава. Вновь выпущенные деньги шли на оплату наемников.

Жолкевский старался любыми средствами предотвратить столкновения между королевскими отрядами и мирным населением. Хорошо зная нравы наемных солдат, он составил детально расписанный устав, грозивший суровым наказанием за мародерство и насилие. На первых порах командование строго следило за его выполнением. Однако Жолкевский недолго пробыл в Москве. Встревоженный слухами о полной неудаче мирных переговоров в королевском лагере, гетман

поспешил под Смоленск. Прощаясь с солдатами, он произнес: «Король не отпустит Владислава в Москву, если я немедленно не вернусь под Смоленск!»

Тотчас после подписания московского договора Мстиславский без ведома членов Земского собора обещал гетману отдать приказ Смоленску о прекращении сопротивления. По случаю отъезда Жолкевского из Москвы глава боярского правительства объявил о своей готовности пойти на новые уступки. «Пусть король приезжает в Москву вместе с сыном, — сказал он, — пусть он управляет Московским царством, пока Владислав не возмужает».

Позиция Мстиславского вызвала негодование даже среди членов Семибоярщины. Патриарх Гермоген, бояре Андрей Голицын и Иван Воротынский не имели возможности вторично созвать Земский собор, чтобы опротестовать действия главы боярского правительства. Однако они не сидели сложа руки. Среди столичной знати многие поддерживали их.

Особое негодование в московских верхах вызывало то, что король щедро жаловал думные чины «худым людям», желая создать себе опору в русской столице.

В чине окольничего в Москву явился Михаил Молчанов, ближайший друг Отрепьева, деливший с ним интимные утехи. После гибели покровителя он выкрал царскую печать, а позже бежал из московской тюрьмы за рубеж. Следуя заведенному порядку, новоявленный окольничий отправился за благословением к патриарху Гермогену. Но тот с позором выгнал его из церкви, что нисколько не смутило авантюриста. Мстиславский принял его в думу, невзирая на протест патриарха.

Сигизмунд пожаловал думные чины заурядным дворянам братьям Ржевским. Когда один из них явился во дворец и представил королевскую грамоту для подтверждения своих полномочий, боярин Андрей Голицын не мог сдержать гнев и обрушился на Гонсевского с резкими упреками: «Большая кривда нам от вас, паны поляки, делается! Мы приняли Владислава государем, а он не приезжает. Листы к нам пишет король за своим именем, и под его титулом пожалования раздаются:

люди худые с нами, великими людьми, равняются». Голицын открыто потребовал, чтобы Сигизмунд перестал вмешиваться в московские дела и скорее присылал в Москву сына. «В противном случае, — заявил он, — Москва будет считать себя свободной от присяги Владиславу, и тогда мы будем помышлять о себе сами». Выступление Андрея Голицына поддержал князь Иван Воротынский.

Столкнувшись с серьезной оппозицией в московских верхах, Гонсевский пустил в ход интригу, чтобы принудить недовольных к молчанию. Воспользовавшись услугами Салтыкова и других своих пособников, он состряпал судебное дело против Гермогена и его единомышленников на основе ложных доносов некоего пленного казака из войска Лжедмитрия, холопа боярина Мстиславского и попа Харитона.

Власти обнародовали официальную версию, «раскрывавшую» планы заговора во всех деталях. Москвичи будто бы намеревались совершить переворот 19 октября за три часа до рассвета. Они вступили в сговор с серпуховским воеводой Федором Плещеевым, державшим сторону самозванца. Плещеев с казаками должен был ждать на Пахре условного сигнала. С первыми ударами колоколов мятежники должны были проникнуть через тайный подземный ход в Кремль, овладеть Водяными воротами и затем впустить в крепость воровские войска.

Поляков предполагалось перебить, кроме самых знатных, а князя Мстиславского «ограбить и в одной рубашке привести к вору».

Инициаторы процесса постарались убедить Мстиславского, что заговор был направлен против него лично, а заодно и против всех «лучших» столичных людей. Они объявили, что бунтовщики замыслили побить бояр, родовитых дворян и всех благонамеренных москвичей, не участвовавших в воровском совете, а жен и сестер убитых вместе со всем имуществом отдать холопам и казакам.

Гонсевскому нетрудно было заполучить сколько угодно доказательств подготовки восстания в Москве. Посланцы Лжедмитрия II почти открыто агитировали народ против иноверного царя Владислава. На рыночных площадях стражники не

раз хватали смутьянов. Но толпа отбивала их силой. Правда заключалась в том, что ни патриарх, ни Голицыны с Воротынским не имели никакого отношения к назревавшему выступлению низов. И эта правда стала обнаруживаться, когда наступило время суда над главным свидетелем Харитоном. На пыточном дворе поп говорил то, что от него желали слышать. В думе он неожиданно признался, что князья Голицыны ни в чем не виноваты и он оклеветал их со страху. В зале поднялся сильный шум, и судьи поспешили закрыть заседание.

Организаторы процесса не заботились даже о внешнем соблюдении приличий. Боярин Андрей Голицын доказал на суде свою полную невиновность. Но он внушал Гонсевскому наибольшие опасения. По этой причине его фактически лишили боярского чина и держали под домашним арестом до самой его смерти. Другой член Семибоярщины, князь Иван Воротынский, не очистился от обвинений. Однако он был человеком покладистым, и после недолгого ареста его вернули в думу.

Гермоген принадлежал к числу самых решительных противников Лжедмитрия II и всего калужского лагеря. Никто не поверил тому, что он состоял в переписке с «вором». Тем не менее суд вынес ему обвинительный приговор и постановил распустить штат служителей патриаршего дома.

Оппозиция внутри боярского правительства была сломлена раз и навсегда. Раскрытие мнимого заговора дало Гонсевскому удобный предлог к тому, чтобы ввести свои отряды в Кремль. Отныне на карауле у кремлевских ворот вместе со стрельцами стояли немцы-наемники. Ключи от ворот были переданы смешанной комиссии из представителей Семибоярщины и польского командования. Пан московский староста использовал пост главы Стрелецкого приказа для того, чтобы расформировать русский гарнизон столицы. Он рассылал по городам стрелецкие отряды один за другим. *«Этим способом,* — откровенно писал в своем дневнике один из польских офицеров, — *мы ослабили силы неприятеля».*

Без поддержки Семибоярщины малочисленный польский гарнизон не удержался бы в Москве и нескольких недель. Но время шло, и соотношение сил все больше менялось не в

пользу русских. Приближение зимы благоприятствовало осуществлению планов Гонсевского. Дворяне привыкли зимовать в своих поместных усадьбах. Невзирая на тревожное положение в столице, они разъезжались по домам.

Королевские наемники хозяйничали в русской столице, но Смоленск по-прежнему стоял подобно несокрушимой твердыне на западных рубежах государства. Вот уже в течение года смоляне жили в условиях вражеской блокады. Самые тяжелые испытания осада принесла городским низам. На складах Смоленска хранились запасы, рассчитанные на длительное время. Но продукты распределялись среди населения неравномерно. Наибольшие пайки получали дворяне. Стрельцам причиталось меньше хлеба. Посадским людям и того меньше. Неимущие беженцы и крестьяне, в большом числе укрывшиеся в крепости, не имели права на жалованье из казенных житниц. Среди неимущих голод начался уже в первую осадную зиму. С наступлением лета город стал испытывать острую нужду в соли. Шеину пришлось ввести твердые цены на соль, а одновременно установить контроль за хлебной торговлей. Голод среди беженцев сопровождался вспышками эпидемических заболеваний, косивших и горожан, и ратных людей.

Начиная с июля 1610 года усилились бомбардировки Смоленска. Поляки ввели в дело тяжелые осадные орудия, доставленные из Риги. Им удалось разрушить четырехугольную башню и проделать большие бреши в западной стене крепости. 19 июля противник пытался овладеть разбитой стеной. 11 августа штурм возобновили. Смоляне дрались с беззаветным мужеством и дважды отразили натиск штурмовых колонн.

Члены Земского собора, заключившие мирный договор в августе 1610 года, категорически отвергли все домогательства насчет сдачи Смоленска. Но за спиной собора Мстиславский заключил тайную сделку с Жолкевским. Едва договор был подписан, как он послал воеводе Шеину письменное и словесное распоряжение, чтобы тот немедленно прекратил всякое сопротивление и *«добил королю челом»*. Смоленские воеводы давно ничего не делали без ведома и согласия чинов, ратных лю-

дей и посадской общины. Получив распоряжение от главы Семибоярщины, Шеин назначил мирную делегацию, включавшую представителей от всех сословий.

Двухнедельные переговоры, имевшие место в королевском лагере в первой половине сентября, рассеяли всякие сомнения насчет истинных целей королевской дипломатии. Сенаторы потребовали от смоленской делегации безоговорочной капитуляции. «Жители города, — заявили они, — с давних пор принадлежали к владениям короны; они были и остаются подданными короля, поэтому им следует просить о помиловании».

Шеин созвал ратников и посадских людей на общий совет и представил им отчет о переговорах. Совет решительно отверг путь капитуляции. Он постановил признать избрание Владислава при условии, что король отведет войска от стен Смоленска, очистит захваченные земли и гарантирует неприкосновенность русских рубежей.

Королевские чиновники выбранили смоленских послов и пригрозили им смертью, если они еще раз осмелятся явиться к ним с подобными предложениями. В октябре Сигизмунд вновь попытался навязать Смоленску капитуляцию, используя на этот раз переговоры с московскими великими послами. Пугая бояр калужским «вором», королевские чиновники предложили им следующий план: «Когда Смоленск прекратит сопротивление и присягнет Сигизмунду, его величество сам возглавит поход на Калугу, истребив «вора» и успокоив Русское государство, вернется в Польшу на сейм, где и решится вопрос об отпуске на царство Владислава».

Боярин Салтыков не раз советовал Сигизмунду распустить слухи о походе против Лжедмитрия II и под этим предлогом занять Москву крупными силами. Опасаясь подобного исхода дела, послы Василий Голицын и Филарет Романов просили короля не ходить к Калуге и заявили, что сами справятся с «вором» при помощи наемного войска, находящегося в Москве. Тщетно послы добивались выполнения условий мирного договора и отвода в Польшу отрядов, разорявших русские города и села. Сигизмунд и слышать не хотел об очищении за-

хваченных русских земель, а овладение Смоленском стало для него вопросом личного престижа.

Обязательства насчет отпуска в Москву Владислава, принятые на себя Сигизмундом и подтвержденные московским договором Жолкевского, как оказалось, не имели никакой цены. Русские послы очень скоро уразумели это. Улучив момент, Филарет Романов начал было толковать с канцлером Львом Сапегой о принятии Владиславом православной веры. Но канцлер посмеялся ему в глаза. «Королевич крещен, — заявил он, — а другого крещения нигде не писано». Королевские чиновники пытались использовать московский процесс, чтобы опорочить князя Василия Голицына как изменника и пособника калужского «вора». Но великий посол держался с большим достоинством и категорически отверг все обвинения.

Сокрушение оппозиции внутри Семибоярщины позволило дипломатам короля занять более жесткую позицию на мирных переговорах. 18 ноября они предъявили послам ультиматум насчет немедленной сдачи Смоленска. Голицын просил разрешения посоветоваться с Филаретом Романовым, лежавшим в ту пору больным в своей палатке. После совета с Романовым Голицын вызвал к себе всех земских представителей — дворян, приказных, духовных лиц, стрельцов и московских посадских людей — и сообщил им об окончательной неудаче мирных переговоров. В вооруженном королевском лагере послы фактически стали заложниками. Но они не пали духом. После совещания члены собора постановили отстаивать почетные условия мира, чего бы им это ни стоило.

Королевские войска хозяйничали в столице России. Великородные бояре покорно выполняли распоряжения Сигизмунда. Но король не чувствовал себя хозяином положения, пока Смоленск отказывался признать власть завоевателей.

Чтобы окончательно поставить Россию на колени, надо было сокрушить Смоленск. 21 ноября 1610 года Сигизмунд возобновил штурм непокорной крепости. Едва забрезжил рассвет, взрыв огромной силы потряс окрестности. Осела одна из башен, рухнула часть стены. Трижды неприятель врывался в город и трижды принужден был отступить. Кровопролитная

битва за Смоленск возобновилась. Вновь звучали выстрелы, и на головы защитников города падали вражеские ядра. Гром пушек под Смоленском развеял в прах иллюзии русских людей, еще недавно возлагавших свои надежды на московский мирный договор.

Глава 5

СМЕРТЬ ТУШИНСКОГО «ЦАРЬКА»

Подвергнув гонению подлинных и мнимых сторонников Лжедмитрия II в Москве, войска боярского правительства при поддержке королевских рот предприняли наступление на калужский лагерь. Они изгнали казаков из Серпухова и Тулы и создали угрозу для Калуги. Самозванец потерял надежду удержаться в Калуге и стал готовиться к отступлению в Воронеж поближе к казачьим окраинам. Он велел укрепить тамошний острог и снабдить его большими запасами продовольствия. Одновременно он послал гонцов в Астрахань на тот случай, если Воронеж окажется для него ненадежным убежищем.

Прошло четыре года с тех пор, как астраханские посадские люди вместе с казачьей вольницей признали власть Дмитрия и отложились от Москвы. Социальная суть движения проявилась тут более отчетливо, чем во многих других городах. Астрахань прислала самые крупные подкрепления в армию Болотникова. В дальнейшем казацкие отряды из Астрахани постоянно пополняли войска Лжедмитрия II. По указке своих бояр «тушинский вор» казнил несколько самозваных царевичей из Астрахани. Но с тех пор утекло много воды, и лагерь самозванца вновь выглядел как подлинный казацкий табор. Лжедмитрий рассчитывал найти общий язык с руководителями астраханских повстанцев. Он сообщил им, что намерен вскоре выехать в Астрахань со всей своей семьей.

Боярское окружение, уцелевшее подле «царька», становилось все более ненадежным. Некоторые из его придворных

подверглись казни по подозрению в измене. Среди других лишился головы боярин Иван Годунов — романовская родня.

Недалекий и бесхарактерный, Лжедмитрий II был лишь номинальным главой калужского лагеря. Подлинным вершителем дел при нем был атаман Заруцкий. В отличие от своего государя он не предавался унынию, а развернул энергичную войну с интервентами. Бывший гетман самозванца Ян Сапега разместил свои войска на зимние квартиры поблизости от Калуги. Король и Семибоярщина отводили Сапеге роль ударной силы в борьбе с казацким лагерем. Заруцкий упредил врага. В конце ноября его войска напали на сапежинцев, а в начале декабря 1610 года нанесли им еще одно поражение.

Вступив в борьбу с недавними союзниками, Заруцкий вел ее решительно и беспощадно. Он ежедневно рассылал разъезды по всем направлениям от Калуги. Интервенты давно чувствовали себя хозяевами Подмосковья. Им пришлось поплатиться за свою самоуверенность и беспечность. Казаки захватывали королевских дворян и солдат на зимних квартирах, везли их в Калугу и там топили. Та же участь постигла купцов, приехавших из Литвы и застигнутых на большой дороге. Калужский лагерь все больше втягивался в войну с интервентами. Чтобы покончить с Лжедмитрием II, были пущены в ход тайные средства. С согласия Сигизмунда в Калугу выехал служилый касимовский царь Ураз-Мухамед. Хан служил в Тушине, откуда перебрался под Смоленск. Однако его сын и жена находились в Калуге при особе самозванца. Ураз-Мухамед штурмовал Смоленск и показал себя усердным слугой короля. Поговаривали, что он поехал в Калугу, скучая по жене и сыну. Ураз-Мухамед мог открыто явиться в Калугу и встретил бы там отменный прием. Но он прокрался в калужский лагерь исподтишка, сохранив в тайне свое имя. Касимовские татары служили при воре телохранителями, и касимовский царь с их помощью мог при желании легко захватить Лжедмитрия II и доставить его королю. Ураз-Мухамеду не повезло. Его опознали и после недолгого розыска казнили как королевского агента. Семью касимовского царька взяли под

стражу. Пятьдесят татар из охраны царька были после недолгого ареста освобождены. Просчет стоил самозванцу головы.

Погожим зимним утром 11 декабря 1610 года Лжедмитрий II, по обыкновению, поехал на санях на прогулку за город. С ним были шут Петр Кошелев, двое слуг и человек 20 татар охраны. Когда вся компания отъехала на приличное расстояние от Калуги, начальник охраны Петр Урусов подступил вплотную к саням и разрядил в «царька» свое ружье, а затем для пущей верности отсек убитому голову.

Шут ускакал в Калугу и поднял тревогу. По всему городу зазвонили сполошные колокола. Посадские люди всем миром бросились в поле и за речкой Яченкой на пригорке у дорожного креста обнаружили нагое тело, *«голова отсечена прочь»*. Труп перевезли в Кремль. Казаки принялись избивать «лучших» татарских мурз, мстя за смерть «государя».

Убийство Лжедмитрия II явилось следствием заговора.

Ян Сапега, стянувший силы для борьбы с казаками, решил использовать момент, чтобы склонить калужан к сдаче. Он подошел к городу и попытался вступить в переговоры с «царицей» и боярами. Калужане воспротивились переговорам. Опасаясь измены, они заключили под стражу Марину Мнишек и усилили надзор за боярами.

Оказавшись под домашним арестом, Мнишек не оставляла надежды на помощь единоверцев. В литовский лагерь пробрался странник. В его корзине припрятана была восковая свеча. Свечу осторожно разломали, и оттуда выпала свернутая в трубку записка от Марины Мнишек. *«Освободите, освободите, ради Бога!* — писала Мнишек. — *Мне осталось жить всего две недели. Спасите меня, спасите! Бог будет вам вечной наградой!»*

Сапега не посмел штурмовать Калугу и отступил прочь. Опасность миновала, и низы поуспокоились. Никто не знал, что делать дальше. Самозванец никому не нужен был мертвым. Труп лежал в нетопленой церкви более месяца, и толпы жителей и приезжих ходили поглядеть на голову, отделенную от тела.

Калужские тушинцы настойчиво искали соглашения с московскими. Боярское правительство направило в Калугу

князя Юрия Трубецкого, чтобы привести тамошних жителей к присяге. Восставший мир не послушал Трубецкого. Калужане выбрали из своей среды земских представителей «из дворян и из атаманов и из казаков и изо всяких людей». Выборные люди выехали в Москву, чтобы ознакомиться с общим положением дел в государстве. Депутация вернулась с неутешительными новостями. Казаки и горожане видели иноземные наемные войска, распоряжавшиеся в Кремле, и негодующий народ, готовый восстать против притеснителей.

Возвращение выборных из Москвы покончило с колебаниями калужан. Невзирая на убеждения бояр, мир приговорил не признавать власть Владислава до тех пор, пока тот не прибудет в Москву и все польские войска не будут выведены из России. Посланец Семибоярщины боярин Юрий Трубецкой едва спасся бегством. Восставшая Калуга вновь бросила вызов боярской Москве.

Тем временем Марина, со страхом ждавшая родов, благополучно разрешилась от бремени. В недобрый час явился на свет «воренок». Вдова Отрепьева жила с самозванцем невенчанной, так что сына ее многие считали зазорным младенцем. Марину честили на всех перекрестках. Как писали летописцы, она «воровала со многими». Поэтому современники лишь разводили руками, когда их спрашивали о подлинном отце ребенка.

Даже после смерти мужа Мнишек не рассталась с помыслами об основании новой московской династии. «Царица» давно позабыла о преданности папскому престолу и превратилась в ревнительницу православия. После рождения ребенка она объявила казакам и всему населению Калуги, что отдает им сына, чтобы те крестили его в православную веру и воспитали по-своему. Обращение достигло цели.

Разрыв с Москвой и рождение «царевича» напомнили «миру» о непогребенном самозванце. Калужане торжественно похоронили тело Лжедмитрия II в церкви. Затем они «честно» крестили наследника, нарекли его царевичем Иваном. Движение, казалось бы, обрело свое знамя. Так думали многие из тех, кто присутствовал на похоронах и крестинах. Но

иллюзии вскоре рассеялись в прах. Сыну самозванца не суждено было сыграть в последующих событиях никакой роли. Народ остался равнодушным к новорожденному «царевичу».

Смерть Лжедмитрия II вызвала ликование в московских верхах. Но знать радовалась преждевременно. Возбуждение, царившее в столице, не только не улеглось, но усилилось. Суд над попом Харитоном и последовавшие затем гонения против посадских людей лишь осложнили обстановку. В Москве давно назревал социальный взрыв. Для пресечения недовольства боярское правительство использовало королевские войска. Вмешательство чужеродной силы придало конфликту новый характер и направление. Социальное движение приобрело национальную окраску. Ненависть против лихих бояр не улеглась, но она все больше заслонялась чувством оскорбленного национального достоинства. Народу нестерпимо было видеть, как чужеземные завоеватели с благословения бояр распоряжаются в их родной стране.

Внешних поводов к раздору и конфликтам было более чем достаточно. Москва давно забыла о дешевом северском хлебе. Волнения в Рязанщине довершили беду. Цены на продовольствие стремительно поползли вверх. Жителям пришлось подтянуть пояса. Но наемники уже чувствовали себя хозяевами города и не желали мириться с дороговизной. Они либо навязывали московским торговцам свои цены, либо отбирали продукты силой. На рынках то и дело вспыхивали ссоры и драки, которые в любой момент могли перерасти в общее восстание. Не раз в городе раздавался призывный звон колоколов, и толпы возбужденных москвичей заполняли площадь.

С осадного времени пушки в большом числе установлены были на стенах Деревянного и Белого города. Немало их держали подле Земского двора под навесом. Власти распорядились перетащить пушки в Кремль и Китай-город. Туда же свезли все запасы пороха, изъятые из лавок и с селитряных дворов. Бояре боялись внутренних врагов больше, чем внешних. Отныне пушки, установленные в Кремле и Китай-городе, держали под прицелом весь обширный московский посад.

Гусары Гонсевского патрулировали улицы и площади столицы. Всем русским запрещено было выходить из домов с наступлением темноты и до рассвета. Случалось, что жители, отправляясь поутру на рынок, натыкались на улицах на трупы иссеченных стрельцов либо посадских людей. Москвичи не оставались в долгу. По словам Гонсевского, они заманивали «литву» в глухие и тесные места на посаде и там избивали ее. Извозчики бросали пьяных наемников к себе в сани, отвозили на Москву-реку и сажали в воду. Фактически в столице шла необъявленная война.

Заключив союз с интервентами и отдав Москву во власть наемного войска, боярское правительство потеряло гораздо больше, чем приобрело. Пропасть между верхами и низами расширилась. Московский договор не дал стране мира, но связал ее по рукам и ногам. Интервенция приобретала все более опасные масштабы. Перспектива утраты национальной независимости вызвала глубокое беспокойство в патриотически настроенных дворянских кругах.

В Москве патриотическое движение в дворянской среде возглавили Василий Бутурлин, Федор Погожий и некоторые другие лица, не принадлежавшие к знати. В октябре московский кружок установил контакты с Прокофием Ляпуновым в Рязани. Прокофий своевременно получил информацию о провале мирных переговоров в королевском лагере от своего брата Захара, участвовавшего в великом посольстве. Осознав опасность, Ляпунов тотчас обратился с личным письмом к московской Семибоярщине; он запрашивал бояр, исполнит ли король условия договора и можно ли ждать приезда Владислава в Москву.

Вскоре Прокофий увиделся с Василием Бутурлиным, приехавшим осенью в свое рязанское поместье. Через Бутурлина московские патриоты договорились с Ляпуновым насчет совместного выступления против интервентов.

Узнав о штурме Смоленска, Прокофий Ляпунов бросил открытый вызов боярскому правительству. Он прислал в Москву новое послание к боярам, составленное на этот раз в самых суровых выражениях. Вождь рязанских дворян обвинял

короля в нарушении договора и призывал всех патриотов к войне против иноземных захватчиков. Ляпунов грозил боярам, что немедленно сам двинется походом на Москву ради освобождения православной столицы от иноверных латинян. Вскоре же Ляпунов направил в столицу своего человека, чтобы договориться с Бутурлиным о совместных действиях. Однако бояре своевременно узнали о прибытии гонца из Рязани и задержали его. Бутурлин был немедленно арестован. Не выдержав пытки, Бутурлин признался, что замышлял поднять восстание в столице. Чтобы устрашить патриотов, Салтыков велел посадить гонца Ляпунова на кол, Бутурлина бросили в тюрьму.

Гонения не испугали москвичей. Неизвестные лица вскоре же составили и распространили по всей столице обширное воззвание, озаглавленное «Новая повесть о славном Российском царстве, о страданиях святейшего Гермогена и новых изменниках». *«Из державцев земли,* — писали авторы воззвания, — *бояре стали ее губителями, променяли свое государское прирождение на худое рабское служение врагу; совсем наши благородные оглупели, а нас всех выдали».* Открытые выступления патриарха против предательства бояр снискали ему популярность. Авторы «Новой повести» пытались подкрепить свои призывы авторитетом Гермогена и обещали патриаршее благословение всем, кто встанет на защиту родины. *«Мужайтесь и вооружайтесь и совет между собой чините, как бы нам от всех врагов избыти. Время подвига пришло!»* — писали патриоты.

Многие надеялись на то, чго Гермоген возглавит нарождавшееся освободительное движение. Авторы прокламации разделяли эти надежды и в то же время видели затруднительность его положения. Призывая народ к оружию, они предупреждали своих единомышленников, что не следует ждать от патриарха действий, не совместимых с его саном. *«Что стали, что оплошали?* — значилось в «Новой повести». *— Али того ждете, чтобы Вам сам великий тот столп* (Гермоген. *— Р. С.) своими устами повелел дерзнуть на врагов? Сами ведаете, его ли то дело повелевать на кровь дерзнути».*

В период Смуты каждое русское сословие выдвинуло из своей среды выдающихся вождей. Духовенство дало России Гермогена. В период зарождения земского освободительного движения его горячие призывы в защиту национальной независимости сыграли важную роль. Патриарх был одушевлен стремлением отстоять чистоту православной веры от безбожных латинян. Ради этого он готов был пожертвовать всем. Но его официальное положение прочно привязывало Гермогена к боярскому лагерю. Мстиславский клялся в верности православию, и Гермоген поэтому не решился полностью и окончательно порвать с ним. Калужский лагерь уже давно вел вооруженную борьбу против захватчиков. Но патриарх не желал иметь дела ни с калужскими казаками, ни с восставшими рязанцами. Трудность и неопределенность положения вели к колебаниям и порождали непоследовательность в действиях Гермогена.

В разгар зимы в окрестностях Москвы появился большой казачий отряд во главе с атаманами Андреем Просовецким и Мишей Черкашениным, сторонниками Лжедмитрия II. Казаки были отозваны из-под Пскова в Калугу, но в пути узнали о гибели своего государя. Не зная, что предпринять, атаманы обратились за советом к Гермогену. Преследуя давнюю цель ликвидировать воровские таборы в Калуге, патриарх повелел Просовецкому и его казакам без промедления принести присягу на верность Владиславу. Наказ казакам он скрепил своей подписью и печатью.

Патриарх давно простил вчерашних тушинских бояр. Но он не желал вступать в союз со вчерашними воровскими казаками. Их восстание грозило самим устоям существующего строя. Недоверие главы церкви к повстанцам доходило до того, что он отказывался видеть в них единоверцев. Молодой дворянин князь Иван Хворостинин записал слова, сказанные ему Гермогеном в Кремле. Со слезами на глазах старец обнял Хворостинина и молвил: «Говорят на меня враждотворцы наши, будто я поднимаю ратных и вооружаю ополчение странного сего и неединоверного воинства. Одна у меня ко всем речь: облекайтесь в пост и молитву!» Так говорил Гермоген о поднимающемся на борьбу земском воинстве.

Патриарх не сказал Хворостинину всей правды. В действительности он призывал соотечественников не только к посту и молитвам. Гермоген пришел к выводу, что борьбу за спасение страны должны возглавить города, население которых не участвовало ни в каких воровских выступлениях. Главным из таких городов был, без сомнения, Нижний Новгород. В глубокой тайне патриарх составил обширное послание к нижегородцам. Твердо и безоговорочно Гермоген объявил им, что как первосвященник он отныне освобождает всех русских людей от присяги Владиславу. Глава церкви заклинал нижегородцев не жалеть ни жизни, ни имущества для изгнания из страны неприятеля и защиты своей веры. *«Латинский царь,* — писал Гермоген, — *навязан нам силой, он несет гибель стране, надо избрать себе царя свободно от рода русского!»*

Бояре имели соглядатаев при патриаршем дворе и вызнали о письмах владыки. Получив донос от бояр, Гонсевский велел устроить засаду на дорогах, связывавших столицу с поволжскими городами. Дворянин Василий Чертов, взявшийся доставить патриаршую грамоту нижегородцам, был захвачен польскими разъездами неподалеку от заставы.

Московские патриоты действовали более успешно. Они установили связи сначала с русскими людьми под Смоленском, а затем с Нижним Новгородом. После клушинской битвы некоторые смоленские дворяне ради спасения своих поместий поступили на королевскую службу. Пребывание в осадном лагере под Смоленском принесло им жестокое разочарование. Иноземные захватчики разграбили их владения, увели в плен родных. Обиженные не могли добиться справедливости у Сигизмунда. Некоторые отправились в Литву, чтобы выручить пленников. О своих бедах смоленские дворяне подробно рассказывали в письмах в Москву. На основании писем москвичи составили целую обличительную повесть. В конце января 1611 года их гонец привез в Нижний Новгород повесть о страданиях смолян, а также обращение от имени всех московских жителей. Выступая от имени всего народа Московского государства, безвестные патриоты призывали нижего-

родцев не верить предателю боярину Салтыкову и выступить на борьбу против захватчиков.

Земское освободительное движение ширилось и крепло. Семибоярщина не могла справиться с восстанием в городах своими силами и просила Сигизмунда прислать новый контингент наемных войск. Занятые осадой королевские полки были прочно прикованы к Смоленску. Для действий под Москвой Сигизмунду пришлось использовать вспомогательные силы. Находившийся в его лагере атаман Андрей Наливайко с «черкасами» (запорожскими казаками) получил приказ напасть на калужские, тульские и рязанские места. Московские бояре немедленно выслали под Рязань воеводу Исака Сунбулова с отрядом ратных людей. Сунбулов должен был соединиться с запорожцами, разгромить силы Ляпунова и захватить его в плен.

26 декабря 1610 года атаман Андрей Наливайко сжег Алексин и создал угрозу Туле, где находился Заруцкий с отрядом казаков. Но запорожцы допустили просчет, разделив свои силы. Наливайко остался в тульских местах, тогда как другие атаманы ушли на Рязанщину и соединились там с Сунбуловым.

Центром восстания против бояр была Рязань. Местный посадский мир и уездные служилые люди первыми откликнулись на призыв Ляпунова. Но вожди восстания замешкались со сбором войска, не ожидая немедленного нападения. Посреди зимы Ляпунов уехал из Рязани в свое поместье на реке Проне. Агенты Семибоярщины внимательно следили за каждым его шагом. Их донесения и побудили Сунбулова двинуться в пронские места. Ляпунова успели предупредить об опасности, и он укрылся в Пронске.

Старинный рязанский городок Пронск располагал деревянной крепостью. К крепости примыкал острог, защищенный рвом и надолбами. Подле раскинулось несколько стрелецких и казачьих слобод.

Ляпунов успел собрать для обороны Пронска около двухсот воинских людей. Ратники Сунбулова и запорожские казаки окружили Пронск со всех сторон и учинили городу «великую тесноту». Оказавшись в трудном положении, Прокофий Ляпунов разослал во все стороны призывы о помощи.

Первым на обращение откликнулся князь Дмитрий Пожарский, сидевший на воеводстве в Зарайске. Он выступил к Пронску, по пути присоединив к своему отряду коломичей и рязанцев. Внезапное появление в тылу значительного войска испугало Сунбулова, и он поспешно отступил, не приняв боя. Князь Дмитрий, вызволив Ляпунова из окружения, торжественно въехал в Рязань во главе объединенной рати. Народ восторженно приветствовал воинов. Местный архиепископ благословил Ляпунова и Пожарского на борьбу с иноземными завоевателями. Так родилось на свет первое земское ополчение. Дмитрий Пожарский стоял у его колыбели.

Жители Зарайска торопили воеводу с возвращением. Отпустив коломичей, Пожарский простился с Ляпуновым и с невеликими людьми вернулся на воеводство. Сунбулову пришлось покинуть Рязанщину. На пути его лежал Зарайск. Не желая возвращаться в Москву с неутешительными вестями, Сунбулов решил напасть на Зарайск и наказать его воеводу и жителей за непокорность. Но он плохо рассчитал свои силы. Зарайск был укреплен гораздо лучше, чем Пронск, и его оборонял князь Дмитрий Пожарский.

Подойдя к Зарайску ночью, Сунбулов занял посад, прилегающий к крепости. Пожарский находился в каменном детинце. Там он мог выдержать любую осаду. Но воевода всегда предпочитал наступление. Едва забрезжил рассвет, его воины атаковали врага и при поддержке горожан изгнали его с посада. Сунбулов отступил в Москву, запорожцы — на границу.

Пожарский не посылал обличительных посланий боярскому правительству, но именно его распорядительность и энергия спасли дело. Победы Пожарского под Пронском и Зарайском окрылили восставших.

С гибелью «тушинского вора», Лжедмитрия II, пали препоны на пути к объединению сил, которые вели вооруженную борьбу против иноземных захватчиков. Нападение Сунбулова и Наливайко послужило прологом к прямому военному сотрудничеству между Рязанью и Калугой. Пожарский разбил неприятеля в Зарайске. Иван Заруцкий вытеснил запорожцев из-под Тулы. Земское движение добилось первых успехов.

Часть IV
1612 ГОД

Глава 1
«МОСКОВСКОЕ РАЗОРЕНИЕ»

Восстание рязанцев явилось искрой, брошенной в пороховой погреб. Почва для взрыва была давно готова. На огромном пространстве от Северщины до Казани на востоке и Вологды на севере города один за другим заявляли о поддержке освободительного движения. Земский лагерь, казалось бы, сформировался в мгновение ока. Посадские миры собирали сходки и выносили постановление не признавать более власть боярского правительства, сотрудничавшего с интервентами. При мирном исходе дела руководство движением сохраняли местные воеводы. В ряде городов, например в Казани, власть бояр пала под напором восставшего народа.

Старинный центр Казанского царства — Казань располагалась на реке Казанке в нескольких километрах от Волги. К началу XVII века в городе был возведен новый каменный кремль. К тому времени население Казанского посада и кремля состояло почти исключительно из русских людей. В XVI веке сюда перевели ремесленников и торговых людей из Москвы, Рязани, Пскова, Костромы, Вологды и других городов. В Казани власти держали самый крупный стрелецкий гарнизон — три стрелецких приказа. Стрельцов и прочих служилых людей в городе было больше, чем посадских жителей. Дворяне по численности далеко уступали и тем и другим. Казанский мир в декабре 1610 года послал в Москву дьяка Евдокимова. Посланцу не удалось установить связи с Гермогеном. Неудача Евдокимова имела тяжелые последствия. Казанский посад

стал ориентироваться на калужский лагерь как единственную организованную силу, противостоявшую захватчикам. Рассказы дьяка о бедствиях столицы произвели на казанцев ошеломляющее впечатление и явились сигналом к восстанию. С оружием в руках казанцы поднялись против бояр и иноземных завоевателей. Не ведая о калужских событиях, казанские жители по требованию стрельцов и меньших людей принесли присягу на верность Лжедмитрию. Мир поклялся биться с литовскими людьми до смерти. Местные воеводы оказались бессильны противиться водовороту событий. Их попытка подчинить стихию имела печальный исход. Знаменитый боярин Богдан Бельский, сидевший в Казани на воеводстве, был убит толпой.

В Муроме, Нижнем Новгороде, Ярославле, Владимире переворот произошел мирным путем. 24 января 1611 года нижегородцы известили Ляпунова, что они решили по совету всей земли и благословению Гермогена тотчас идти освобождать Москву от богоотступников-бояр и литовских людей. На помощь нижегородцам прибыл из Мурома воевода окольничий Василий Литвинов-Мосальский с дворянами и казаками. Ляпунов поспешил прислать в Нижний целую миссию во главе со своей родней — стряпчим Иваном Биркиным, чтобы выработать единый план действий. В Ярославле местное дворянство преодолело колебания после того, как в город прибыл атаман Андрей Просовецкий с казаками. Знамя восстания подняли древние города Владимир и Суздаль.

Боярское правительство располагало внушительными силами до того, как Гонсевский начал рассылать части столичного гарнизона по городам. Когда же города восстали, у бояр не оказалось сил, чтобы покарать их. На исходе зимы они собрали несколько полков и направили их к Владимиру. Наступление имело двоякую задачу: помешать сбору отрядов ополчения на ближних подступах к Москве и обеспечить подвоз хлеба в столицу из суздальских деревень.

Владимирский воевода успел известить об опасности Прокофия Ляпунова, и тот послал отряд в тыл наступавшему из Москвы боярину Куракину.

11 февраля 1611 года Куракин попытался разгромить отряды Измайлова и Просовецкого неподалеку от Владимира. Но войска боярского правительства бились без воодушевления и бросились бежать после первой же неудачи. В пути они узнали о том, что рязанцы перерезали большой Владимирский тракт и устроили засаду в районе Ундола. Беглецам пришлось спешно свернуть на север и пробираться проселками к Юрьевцу-Польскому.

Ляпунов не раз оповещал города о своем решении выступить к Москве, но каждый раз откладывал поход. Боярское правительство сумело удержать Коломну, направив туда воеводу с верными войсками. Превосходно укрепленный город Коломна преградил восставшим путь к столице. Руководители калужского лагеря еще 13—14 февраля 1611 года пригласили к себе рязанцев для выработки общих планов наступления на Москву и переговоров с Сапегой. Последствия калужского совещания тотчас дали себя знать. В окрестности Коломны прибыл бывший боярин самозванца Иван Плещеев с казаками. При поддержке местного населения казаки овладели Коломной. Узнав о падении Коломны, Ляпунов приказал отправить туда пушки и перевезти на повозках разборную деревянную крепость — гуляй-город.

Совместные действия калужских и рязанских отрядов обеспечили ополчению еще один крупный успех. Боярское правительство удерживало Серпухов, пока там находились польские роты. Едва наемники покинули город, население поднялось на восстание. Заруцкий прислал в помощь восставшим своих казаков. Ляпунов направил туда пятьсот рязанских и вологодских стрельцов.

Закрепившись на ближних подступах к столице, Ляпунов обратился к городам с грамотами, в которых излагал план общего наступления в целях освобождения Москвы. Ополченцы из Владимира, Нижнего и Казани должны были идти в Коломну для соединения с рязанцами. Отрядам из Тулы, Калуги и северских городов предстояло начать наступление из Серпухова. Ляпунову не удалось осуществить разработанный план. Замосковные воеводы отклонили предложение о сборе сил в Коломне, что привело в дальнейшем к крупным неуда-

чам. Воеводы с трудом преодолевали давнее недоверие к казацким таборам в Калуге. К тому же они опасались оставить свои города без защиты. Князь Куракин получил подкрепления из Москвы и держался между владимирской и переяславской дорогами. Лишь в марте 1611 года земские отряды из Переяславля разгромили авангарды Куракина и вынудили его отступить к Москве. Непосредственная угроза замосковным городам была ликвидирована.

Отказавшись от намерения объединить силы в Коломне, земские воеводы повели наступление на Москву каждый своим путем. Ляпунов выступил в поход 3 марта. Владимирский воевода Измайлов вместе с атаманом Просовецким, с нижегородцами и муромцами выступили в поход лишь неделю спустя. Ярославское и костромское ополчения задержались в Ростове едва ли не до середины марта.

В столице события развивались куда быстрее, чем рассчитывали ополченцы. Кризис надвигался неумолимо.

Еще в конце декабря 1610 года Мстиславский и Салтыков добились того, что послушная дума утвердила приговор о сдаче Смоленска вместе с новым наказом для великих послов. Семибоярщина предписывала Голицыну и Романову положиться во всем на волю короля.

Когда грамоты были готовы, бояре понесли их на подворье патриарха. Однако Гермоген категорически отказался скрепить боярский приговор своей подписью. По преданию, Салтыков стал бранить патриарха и даже угрожал ему ножом.

Под Смоленском послы Василий Голицын, Филарет и члены Земского собора, ознакомившись с новыми инструкциями думы, заявили о своем несогласии с ними. Послам угрожали расправой. Но они твердо стояли на своем. Филарет заявил, что без санкции патриарха и воли Земского собора дума не вправе менять ранее принятые решения. «Отправлены мы от патриарха, всего священного собора, от бояр, от всех чинов и всей земли, — сказал посол, — а эти грамоты писаны без согласия патриарха и без ведома всей земли: как же нам их слушать?»

Василий Голицын многократно извещал Гермогена, что Сигизмунд сам намерен занять русский трон, и ни в коем случае нельзя верить его обещаниям прислать в Москву сына. Разоблачения посла и непреклонная позиция, занятая главой церкви, произвели сильное впечатление на москвичей.

Опасаясь возрождения оппозиции в московских верхах, Гонсевский напустился на бояр. Явившись в думу, он потребовал применения самых суровых мер против «бунтовщиков» и немедленного их усмирения. В России, мрачно предрекал полковник, прольются потоки крови. Заканчивая свою речь, Гонсевский обрушился с яростными упреками на патриарха. Членам думы были предъявлены грамоты Гермогена с призывами к мятежу против Владислава. В критическую минуту патриарх сохранил самообладание. Он не стал отрицать подлинности предъявленных грамот, но твердо заявил, что он абсолютно непричастен к начавшемуся восстанию народа против бояр и Владислава. Патриарх был по-своему прав. Он не поддерживал никаких связей с главными центрами земского движения в Рязани и Калуге. Мстиславский и его окружение получили повод к тому, чтобы низложить Гермогена. Но они не воспользовались этой возможностью. Бояре опасались, что суд над популярным церковным деятелем скомпрометирует их самих в глазах народа. Приняв к сведению оправдания Гермогена, Боярская дума сохранила за ним пост главы церкви.

Влияние правительства Мстиславского неуклонно падало. В центральных кварталах столицы бояре еще чувствовали себя достаточно уверенно. Зато на окраинах население не скрывало вражды к ним. Кремль и Китай-город занимали совсем небольшую часть столичной территории. На вершине кремлевского холма располагались дворцовые постройки, соборы, митрополичий дом, два монастыря, двор Мстиславского и некоторых других бояр. На «подоле», под горой, стояли дома приказных и служилых людей. Кремль служил средоточием верховной власти. Китай-город был главным торговым центром столицы. Дворы тут стояли один подле другого. Жили в них помимо дворян состоятельные горожане, преимуществен-

но купцы. Значительное пространство занимали торговые ряды и обширные склады.

Подавляющая часть московского населения обитала за пределами Кремля и Китай-города — в Белом и Земляном городах, раскинувшихся на огромном пространстве. Английский посол Флетчер писал в конце XVI века: *«Москва намного более Лондона»*.

Территория внутри городского вала была заселена к началу XVII века неравномерно. На запад от Кремля раскинулась слабозаселенная местность, изрезанная оврагами. Ее называли Чертольем, и там располагались государевы конюшни. Против Кремля за Москвой-рекой раскинулись царские сады. Полоса от садов в Замоскворечье до Чертолья, а также пространство между Арбатом и Дмитровкой относились к числу наименее заселенных районов столицы.

В ремесленных и торговых кварталах плотность населения была весьма высока. Подле Пушечного двора за Лубянкой, на Большой и Малой Бронной жили многочисленные столичные оружейники со своими семьями. По всей столице разбросаны были кузницы. Но за Яузой кузнецы жили целой слободкой. Кадышевскую слободу в Замоскворечье населяли столичные ткачи. Преимущественно в Белом городе располагались обширные стрелецкие слободы. Кварталы, густо заселенные ремесленниками, а также стрелецкие слободы стали главными очагами брожения в столице.

Приближалась Пасха. Этот самый большой церковный праздник неизменно собирал в столице множество народа из окрестных сел и деревень. Гонсевский боялся чрезмерного скопления народа в Москве и требовал запрещения пасхального шествия. Мстиславский не решился исполнить его волю. Он боялся усугубить возмущение горожан и прослыть слугой безбожных еретиков.

17 марта наступил день Пасхи. Под праздничный перезвон сотен больших и малых колоколов Гермоген выехал из ворот Кремля во главе праздничной процессии. Обычно сам царь шел пешком и вел под уздцы осла, на котором гордо восседал владыка. Вместо государя осла под Гермогеном вел дворянин,

которому бояре поручили исполнять обязанности отсутствовавшего Владислава.

Красочная процессия напомнила москвичам старое, безмятежное время. Ничто, казалось бы, не изменилось. Двадцать нарядных дворян шли перед патриархом и устилали его путь дорогой тканью. За ослятей везли сани с древом, обвешанным яблоками. Сидевшие в санях певчие мальчики распевали псалмы. Следом шло духовенство с крестами и иконами, бояре и весь народ. Москвичи по привычке поздравляли друг друга и в знак взаимного прощения и примирения христосовались. На их лицах, однако, не было и тени радостного умиления. Не мир, а вражда и ненависть витали над столицей.

В Кремле и Китай-городе конные и пешие роты наемников стояли в полной боевой готовности с оружием в руках. Бояре и столичная знать взирали на них с надеждой. Лишившись поддержки народа и растеряв войска, они видели в наемном воинстве последнее прибежище и надежду. Глубокая граница незримо разделила город. Власть имущие уверенно чувствовали себя лишь в Кремле да в Китай-городе. На обширном посаде в Белом городе и в предместьях их встретили с ненавистью. Народ не скрывал своих подлинных чувств к безбожной «литве» и ее пособникам-боярам. В день Пасхи в Кремле дело обошлось без инцидентов. Зато в Белом городе произошли стычки.

Толпа горожан запрудила узкие улочки на Кулишках, как вдруг из городских ворот на улицу выехал обоз. Вооруженная прислуга принялась расталкивать москвичей, расчищая путь для саней. Посадские мужики не стали чиниться с иноземными гостями и пустили в ход колья. Обозная прислуга побросала повозки и бросилась бежать. К месту происшествия прибыли посланцы бояр. Но их встретили бранью и презрением, и они поспешили ретироваться.

К марту 1611 года недовольный столичный люд не сомневался более в том, что боярское правительство доживает свои последние дни. Со всех сторон к Москве двигались отряды земского ополчения. Москвичи деятельно готовили восста-

ние в самой столице. Они незаметно стягивали в город воинские силы, доставляли оружие. Глухими переулками по ночам возвращались в Москву стрельцы. Горожане охотно прятали их в безопасных местах.

Боярское правительство сознавало, что восстание на посаде может вспыхнуть в любой момент. Поэтому оно издало указ об изъятии у москвичей оружия. Гонсевский помог претворить этот указ в жизнь. Его солдаты отбирали у посадских не только пищали и сабли, но и топоры и ножи. Тех, кто нарушал запрет, ждала смертная казнь. На городских заставах стража тщательно обыскивала обозы. Нередко она находила в телегах под мешками хлеба длинноствольные пищали и сабли. Оружие забирали и свозили в Кремль, а возниц топили в реке. Казни, однако, не помогали.

С утра 19 марта Мстиславский, Салтыков и Гонсевский стали готовить внутренние крепости к боевым действиям. Солдаты свозили отовсюду орудия и устанавливали их на стенах Кремля и Китай-города. Меньшой люд не скупился на брань и насмешки в адрес солдат. Один из ротмистров, руководивший установкой пушек возле Водяных ворот, распорядился привлечь к работам извозчиков, наблюдавших за солдатами издали. Извозчики понимали, на кого обрушат огонь пушки, и отказались помочь солдатам. Наемники ухватили нескольких мужиков за шиворот. Началась потасовка. Извозчики ловко орудовали оглоблями, но не могли оборониться от сабель и мушкетов. Много русских было убито на месте.

Кремлевские часовые дали знать о происшествии Гонсевскому. Не дослушав обедни, тот выскочил из Фроловских ворот на площадь и попытался положить конец драке. Но, увидев множество убитых москвичей, он махнул рукой и, по словам польского очевидца, предоставил наемникам *«докончить начатое дело»*. Стычка вскоре превратилась в общее побоище. В Кремле запели трубы. Роты в боевом порядке атаковали безоружную толпу. Наемники кололи и рубили всех, кто попадался им на пути. В Белом и Земляном городах, по всему Замоскворечью много тысяч москвичей взялись за оружие. Стрельцы поддержали восстание посада.

Наемные роты получили приказ занять Белый город. Однако тут они с первых шагов натолкнулись на организованное сопротивление. Стоило вражеским солдатам показаться на улице, как москвичи в мгновение ока воздвигали на их пути баррикады. От мала до велика все брались за работу. Со дворов тащили вязанки с дровами, выбрасывали бочки, столы, лавки. Конница наталкивалась на завалы и останавливалась. Улочки были узкие, и пока одни старались достать всадников шестами из-за изгороди и осыпали градом камней, другие стреляли с крыш и из окон. В нескольких местах жители раздобыли пушки и установили их посредине улиц. Конные роты были вынуждены отступить в Китай-город и Кремль. Их место заступили отряды немецких наемников, чья жестокость не знала предела. Когда солдаты Якова Маржарета вернулись после побоища в Кремль, они похожи были на мясников, с ног до головы покрытых кровью москвичей. Московское восстание вписало едва ли не самую трагическую страницу в историю московской смуты.

Несмотря на то что бояре давно ждали народных выступлений и готовились их подавить, события застали их врасплох. Прошло совсем немного времени, и бояре, преодолев замешательство, полностью солидаризировались с Гонсевским и стали деятельно помогать ему. На совещании у Гонсевского члены думы громко бранили людей без роду и племени, решившихся на бунт. Высшее духовенство разделяло их негодование. Епископ Арсений, ставший одним из главных руководителей церкви при Семибоярщине, усердно убеждал полковника, что посадские мужики *«ударили в набат без воли бояр и священнослужителей»*.

Столичные дворяне боялись черни куда больше, чем иноземных солдат. Они живо представляли картину народной расправы: смерть боярина Петра Шереметева в Пскове, боярина Богдана Бельского в Казани. Торжество низов, считали они, приведет к окончательному крушению порядка в государстве.

В Москве находились сотни видных дворян. Лишь некоторые из них встали в ряды сражающегося народа. В эту плеяду входили князь Дмитрий Пожарский, Иван Матвеевич Бу-

турлин и Иван Колтовский. Трудно сказать, как оказался в Москве Пожарский. После выступления на стороне Ляпунова он, естественно, не мог рассчитывать на снисхождение Салтыкова и Гонсевского. Воевода мог переждать трудные времена в безопасном месте — крепости Зарайске, но он рвался туда, где назревали решающие военные события. Сомнительно, чтобы такой трезвый человек, каким был Пожарский, стал рисковать головой, чтобы повидать в Москве своих близких. В столице было голодно, и дворянские семьи предпочитали провести зиму в сельских усадьбах. Так что к семье князь Дмитрий поехал бы в Мугреево, а не в столицу. Остается предположить, что зарайский воевода, будучи одним из вождей земского ополчения, прибыл в Москву для подготовки восстания. Если бы атака ополчения была поддержана восстанием внутри города, судьба боярского правительства была бы решена. Спровоцированное наемниками выступление спутало все планы патриотов.

19 марта с утра Пожарский был на Сретенке, подле Лубянки, в своих хоромах. Когда в Китай-городе позвонили в колокола, он бросился со своими людьми на улицу. Мгновенно оценив обстановку, воевода отправился в соседнюю Стрелецкую слободу. Собрав стрельцов и посадских людей, Пожарский дал бой наемникам, показавшимся на Сретенке возле Введенской церкви. Вслед за тем он послал своих людей на Трубу, где располагался Пушкарский двор. Пушкари тотчас пришли на подмогу и привезли с собой несколько легких пушек. Встреченные орудийными выстрелами наемники отступили по Сретенке к Китай-городу.

Повсюду в разных концах посада главными узлами сопротивления стали стрелецкие слободы. Против Ильинских ворот стрельцы нашли руководителя в лице Ивана Бутурлина. Попытки Гонсевского прорваться в восточные кварталы Белого города провалились. Бутурлин дал отпор врагу на Кулишках и не пропустил врага к Яузским воротам. Стрелецкие слободы на Тверской улице встали несокрушимой преградой на пути рот, пытавшихся пробиться в западные кварталы. Наемники не дошли до Тверских ворот и, неся потери, повернули вспять.

В Замоскворечье сопротивление возглавил Иван Колтовский. Повстанцы воздвигли высокие баррикады подле самого наплавного моста и с них обстреляли Водяные ворота Кремля.

За оружие взялись тысячи москвичей. Их гнев и ярость грозили смести с пути все преграды. Наемники потерпели решительную неудачу в Белом городе. Теснимые со всех сторон, они отступили в Китай-город. *«Видя, что исход битвы сомнителен,* — доносил Гонсевский королю, — *я велел поджечь Замоскворечье и Белый город в нескольких пунктах».* Русские летописцы уточняют, что решение поджечь Москву подсказали Гонсевскому Салтыков и его товарищи.

Бояре помогали врагу советом и делом. Михаил Салтыков руководил боем с повстанцами в том месте, где располагалось его подворье. Когда патриоты стали одолевать, боярин велел холопам сжечь дом, чтобы нажитое им богатство не досталось никому. Начался пожар. Повстанцы были принуждены отступить. Оценив «успех» Салтыкова, Гонсевский велел запалить весь посад. Солдатам не сразу удалось выполнить его приказ.

В тот год казалось, что зима никогда не кончится. Сильные морозы продержались до конца марта. Москва-река была покрыта ледяным панцирем, повсюду лежал снег. Холодное солнце не прогрело промерзшие бревна изгородей и построек. Солдаты Гонсевского с факелами в руках пытались поджечь срубы, но у них ничего не выходило. Как писал в дневнике один из факельщиков, каждую постройку они зажигали по многу раз, но все тщетно, дома не загорались. Автор дневника выражал наивную уверенность в том, что *«огонь был заколдован».* В конце концов усилия поджигателей дали результат. В нескольких местах над посадом показались столбы дыма. Вскоре огонь охватил целые кварталы. Москвичи прекратили бой и все усилия сосредоточили на том, чтобы потушить разгоравшийся огонь. Пронзительно кричали женщины, потерявшие в толчее детей. Кто пытался выгнать скотину, кто тащил пожитки из огня.

Пожар помог Гонсевскому сломить сопротивление москвичей на Кулишках и подле Тверских ворот. Ветер гнал пламя в глубь Белого города. Следом за огненным валом по сгорев-

шим кварталам шли вражеские солдаты. Лишь на Лубянке врагу не удалось осуществить свой дьявольский замысел. Верный себе, Пожарский непрерывно атаковал неприятеля, пока не «втоптал» его в Китай-город. Наемники не смели высунуть нос из-за крепостной стены. Прилегавшие к Сретенке кварталы были спасены от огня.

Всю ночь в городе, не замолкая ни на минуту, гудели колокола и слышен был боевой клич москвичей. Патриоты послали в Коломну и Серпухов за помощью. Земские воеводы немедленно откликнулись на призыв. Иван Плещеев наспех отправился к Москве из Коломны с казаками, коломичами и рязанцами. По пути к нему присоединился Федор Смердов-Плещеев. Федор служил окольничим у самозванца. Бояре подозревали его в заговоре с москвичами еще в то время, когда он сидел воеводой в Серпухове.

Отряды ополчения вступили в Замоскворечье, когда на город опустилась ночная мгла. Весть об их прибытии мгновенно облетела столицу и вызвала взрыв энтузиазма. Всю ночь восставшие готовились к тому, чтобы с рассветом возобновить бой. Отряды ратников стягивались на Сретенку и в Чертолье. Под самыми стенами Кремля, у Чертольских ворот, собралось около тысячи стрельцов. Жители помогли им перегородить площадь баррикадами. Над баррикадами реяли хоругви.

Далеко за полночь Гонсевский созвал в Кремле военный совет. На нем присутствовали многие знатные московские дворяне. Члены боярского правительства получали вести из разных концов города и были лучше осведомлены насчет истинного положения дел, нежели польское командование. На военном совете они настойчиво рекомендовали Гонсевскому бросить все силы в Замоскворечье, чтобы прорвать кольцо восставших предместий и очистить путь для королевских войск, подходивших из района Можайска.

Ночь прошла без сна. Едва забрезжил день, наемная стража распахнула ворота Китай-города. Из ворот выехали бояре в окружении слуг. Защитники баррикад приготовились стрелять, но потом опустили пищали, увидев, что с боярами не было ни литвы, ни немцев. Приблизившись к завалам, Мсти-

славский с товарищами принялись упрашивать москвичей прекратить сопротивление и немедленно сложить оружие. Их слова потонули в негодующих криках толпы. Посадские отпускали такие выражения по адресу бояр, что те предпочли поскорее убраться. Вдогонку им полетели пули.

Боярам была отведена незавидная роль. Они должны были отвлечь внимание патриотов. Пока Мстиславский вел переговоры с народом, отряды немцев-наемников, продвигаясь по льду Москвы-реки, зашли в тыл стрельцам, оборонявшим Чертолье, и зажгли кварталы, примыкавшие к баррикадам. Отрезанные от своих стеной огня, стрельцы бились с немцами насмерть, однако удержать позиции им не удалось.

Следуя совету бояр, Гонсевский приказал солдатам запалить Замоскворечье. Близился полдень, когда дозорные заметили с колокольни Ивана Великого конницу, подходившую к городу с запада. Полк Струся не смог пробиться в Москву: москвичи захлопнули ворота Деревянного города перед самым носом у гусар. На выручку Струсю пришли факельщики Гонсевского. С помощью изменников они скрытно пробрались к стенам Деревянного города и зажгли их изнутри. Бревенчатый частокол запылал в нескольких местах. Со стен огонь перекинулся на прилегавшие кварталы Земляного города. Полк Струся получил возможность прорваться в центр города и соединиться с силами Гонсевского.

В первый день восстания пожар испепелил лишь небольшую часть города. На другой день погода выдалась ветреная, что облегчило поджигателям их дело. *«Никому из нас,* — писал в дневнике один поручик, — *не удалось в тот день подраться с неприятелем; пламя пожирало дома один за другим, раздуваемое жестоким ветром, оно гнало русских, а мы потихоньку подвигались за ними, беспрестанно усиливая огонь, и только вечером возвратились в Кремль».*

Отступая перед огненной стихией, отряды ополчения вместе с населением ушли из Замоскворечья. Не опасаясь более удара с юга, Гонсевский возобновил попытку разгромить силы повстанцев в Белом городе. На Кулишках его солдаты быстро продвинулись вперед. Но на Сретенке интервентам преподали жестокий урок.

С утра москвичи успели выстроить на Сретенке подле Введенской церкви укрепленный острожек. Пожарский искусно руководил его обороной в течение дня. Наличие очага сопротивления в Белом городе обеспокоило польское командование, и оно направило сюда подкрепления из других кварталов города. Силы оказались неравными. Наемники ворвались внутрь острожка. Большинство его защитников погибло. Под ударами вражеских сабель упал на землю князь Пожарский. Едва живого воеводу вынесли с поля боя, уложили на дно возка и увезли в безопасное место. Оттуда князя Дмитрия переправили в Троице-Сергиев монастырь под защиту крепких монастырских стен.

Москва горела несколько дней. Ночью в Кремле было светло как днем. Посад пылал на огромном пространстве, куда доставал взгляд. Вид гибнущего города напоминал современникам геенну огненную. С треском валились наземь здания, и к небу вздымались огненные смерчи. На четвертый день невредимой осталась примерно треть города. Гонсевский получил известие о появлении сил ополчения на владимирской дороге. Опасаясь, что сопротивление москвичей возобновится, он выслал из Кремля новые команды поджигателей. Интервенты принялись жечь восточные кварталы города, чтобы помешать ополчению утвердиться там.

Земская армия вступила в предместья столицы после полудня 21 марта. Впереди следовал атаман Просовецкий с казаками. За ним шли полки Измайлова, Мосальского и Репнина. Ожидая подхода главных сил ополчения с юга, Измайлов с товарищами решили закрепиться в семи верстах от восточных ворот столицы, занятых интервентами. Ополченцы стали поспешно строить здесь укрепления. Но не успели довершить начатое дело.

Ляпунову не удалось организовать одновременное наступление на Москву, и Гонсевский умело использовал разобщенность русских. Он направил против Измайлова почти все наличные силы. Отряды владимирцев, нижегородцев и муромцев отличались немногочисленностью. Предоставленные самим себе, они не смогли противостоять превосходящим силам противника.

При поддержке полка Струся иноземные роты обратили в бегство дворянскую конницу и захватили недостроенный острожек. Небольшой отряд ополченцев с боем отступил к церкви, одиноко стоявшей в поле за острожком. На помощь ему спешили повстанцы — *«пешая Москва»*. Бой разгорелся с новой силой. Затворившись в церкви, ратники и москвичи отбивались от врага, пока не были истреблены все до одного. В руки врага попали знамена ополчения, пушки и обоз. Гонсевский сетовал на то, что ночь помешала его ротам довершить разгром русских. Кавалеристы ссылались на глубокий снег. На самом деле наемники постарались возможно скорее закончить бой и вернуться под защиту крепостных стен, потому что восстание в Москве могло возобновиться в любой момент.

Гонсевский использовал случай, чтобы отделаться от неугодных ему лиц. Боярин Андрей Голицын, находившийся под домашним арестом, был жестоко убит. Патриарха Гермогена бросили в темницу. Гонсевский не прочь был расправиться и с ним. Но влиятельные члены Семибоярщины настояли на том, чтобы перевести узника на подворье Кирилло-Белозерского монастыря в Кремле. Там его сторожили польские приставы. Патриарха можно было низложить лишь после соборного суда над ним. Бояре не имели ни времени, ни охоты устраивать публичное разбирательство. Они ограничились тем, что отняли у Гермогена возможность какой бы то ни было деятельности, не снимая с него сана. Управление делами церкви дума передала греку Арсению, носившему архиепископский сан, но не имевшему архиепископства.

Жестокость завоевателей принесла гибель многим тысячам мирных жителей. Судьба не пощадила и горожан, оставшихся в стороне от освободительной борьбы Многие из них лишились имущества, а некоторые и жизни. Наемники врывались в богатые дома и забирали все, что попадалось под руку. Сопротивлявшихся побивали на месте.

Резня, учиненная в Китай-городе, прекратилась, как только наемники получили отпор в Белом городе. Московский летописец засвидетельствовал, что иноплеменные *«всех людей* (русских. — *Р. С.) побиша в Кремле да в Китае»*, а *«в Белом городе мало людей побита»*.

Солдаты жадно взирали на богатства «царствующего града», который они рассматривали как свою законную добычу. Они лишь ждали случая, чтобы заняться грабежом. В первый же день восстания они разгромили сотни лавок и мастерских в Китай-городе. Ландскнехт Конрад Буссов, находившийся в Москве, не без хвастовства заметил, что солдаты захватили в тот вечер *«огромную и превосходную добычу золотом, серебром, драгоценными каменьями»*.

Обширный город за два-три дня превратился в груду развалин и пепла. Бесконечный ряд обгорелых печных труб обозначал места, где еще вчера располагались человеческие жилища. Тысячи москвичей, лишившись крова и имущества, разошлись во все стороны.

Прошло несколько дней, и в обширном городе, покинутом населением, началась подлинная вакханалия грабежей. Никакая сила не могла удержать наемников в их казармах. С утра они отправлялись за добычей и к вечеру возвращались с мешками награбленного. На пожарище они разрывали подвалы в поисках спрятанного добра и винных погребов. Захваченное имущество распродавалось в полковых манежах. В храме Василия Блаженного и других церквах мародеры забрали всю золотую и серебряную утварь, сорвали оклады с икон, разломали раки чудотворцев. Не довольствуясь Белым городом, шайки мародеров в ночное время принялись грабить Кремль. Караулам пришлось применить оружие, чтобы унять их.

При поддержке наемных войск боярское правительство удержало Москву. Но народ окончательно отвернулся от «латинского» царя Владислава и присягнувшей ему столичной знати.

Глава 2
ПОДМОСКОВНЫЙ ТАБОР

Март был на исходе, но по дорогам Подмосковья крестьяне еще продолжали ездить на санях.

По последнему зимнему пути шли к Москве земские отряды. Не позднее 23 марта в предместья Москвы прибыл

Прокофий Ляпунов с рязанцами. Заруцкий с казаками и Трубецкой со служилыми людьми запоздали, но ненадолго. Их задержало то, что на недалеком расстоянии от Калуги стоял Ян Сапега. Наемное войско хорошо отдохнуло на зимних квартирах и завершило приготовления к летней кампании. Сапежинцы предлагали союз ополчению, но требовали непомерное вознаграждение. Заруцкий достаточно хорошо знал истинную цену новому союзнику. Сапега мог в любой момент нанести удар по калужскому лагерю с тыла.

Подготавливая наступление на Москву, города старались подбодрить друг друга и внушить противнику преувеличенные представления о своих силах. Ляпунов широко оповестил страну о том, что на помощь ему идет сорокатысячная рать. Поляки отчасти поверили его воззваниям. Они полагали, что Ляпунов привел под Москву восемьдесят тысяч воинов. По их подсчетам, Заруцкому удалось собрать пятьдесят тысяч человек, а Измайлову и Просовецкому — пятнадцать тысяч, в целом же ополчение насчитывало более ста тысяч воинов. Подобные цифры отличались абсолютной недостоверностью. Засевшим в Кремле наемникам казалось, что их осадили несметные полчища. Шведы располагали более точной информацией. Посланец Ляпунова доверительно сообщил им, что состав ополчения под Москвой не превышает шести тысяч человек.

Число воинских людей в ополчении было совсем невелико. Но едва они подошли к городу, в их лагерь стали стекаться со всех сторон москвичи, оставшиеся на пожарище и в уцелевших слободах. Население искало спасения в земском ополчении. Благодаря притоку жителей лагерь осаждавших казался необозримым. Но то была обманчивая видимость.

Гонсевскому удалось замирить Москву лишь на несколько дней. Его приставы отправились в разные концы столицы и стали приводить к присяге москвичей, сложивших оружие. Как только население узнало о приближении земских воевод, оно вновь поднялось на борьбу. Приставам едва удалось унести ноги.

В южных предместьях боярскому правительству не удалось восстановить свою власть даже на время. Отряды повстанцев

вместе с воеводой Федором Плещеевым прочно удерживали в своих руках Симонов монастырь. Измайлов и Просовецкий после неудачного боя ушли к Андроньеву монастырю, а затем соединились с Плещеевым у стен Симонова монастыря. Отряды Заруцкого разбили лагерь поблизости от Николо-Угрешского монастыря, там, где река Угреша впадала в Москву-реку. Монастырь служил прибежищем Лжедмитрию II в дни его последнего похода на Москву. Четырнадцать километров отделяли монастырь от крепостных стен.

27 марта Гонсевский вывел свои войска из Яузских ворот и попытался потеснить силы ополчения и повстанцев в окрестностях Симонова монастыря. Его наступление не имело успеха. Затяжные бои в юго-восточных предместьях столицы продолжались несколько дней. Обе стороны избегали риска, сопряженного с генеральным сражением. Скорее то была проба сил. Противники как бы примерялись друг к другу.

Последняя стычка принесла ощутимый успех русским. Их энергичный и дружный натиск привел к тому, что наемники понесли потери и бросились бежать с поля боя.

Смущенный неудачей, Гонсевский не только отказался от новых наступательных действий, но и не посмел оборонять внешние крепостные стены. В ночь на 1 апреля ратники ополчения, не встречая сопротивления противника, перешли реку Яузу и освободили почти всю территорию Белого города. Гонсевский удержал в своих руках лишь небольшую часть белгородской стены от Никитских до Чертольских ворот с прилегающими улицами.

Наступила весна и вместе с ней долгая и томительная пауза в военных действиях. Ополчение потеряло более двух месяцев, прежде чем смогло возобновить наступление. Уже в первых боях солдаты Гонсевского заметили, что земские люди не слишком доверяют друг другу.

По словам московского летописца, земская рать попусту потеряла много дней из-за великой розни вождей. Когда воеводы сошлись под Москвой, им в самом деле не сразу удалось преодолеть взаимное недоверие и уладить местнические счеты. И все же не распри были причиной непонятной бездеятельности.

Московский люд оказал ополчению огромную помощь. Но повстанцы не обладали военными навыками и были плохо вооружены. Собственные же силы ополчения были столь невелики, что рассчитывать на немедленный успех не приходилось. Чтобы организовать правильную осаду крепости, надо было иметь многократный перевес в силах. Ляпунов и его сподвижники не имели ни многочисленного войска, ни тяжелой артиллерии. При таких условиях штурм Кремля мог принести лишь неудачу. Мало того что Кремль и Китай-город располагали беспримерной по мощности системой укреплений. В руки наемников попала лучшая русская артиллерия. Никогда еще ни на одной стене не было установлено столько пушек, сколько их видели теперь на кремлевских стенах. Осаждавшим нечего было противопоставить их огневой мощи.

Ополчение сделало все, что могло. Ляпунов с отрядами рязанцев занял Яузские ворота. Заруцкий и Трубецкой помогли ему закрепиться в этом решающем пункте, а затем попятились к Воронцовскому полю и расположились вдоль стен Белого города до Покровских ворот. Прочие полки взошли на стены Белого города на всем пространстве от Покровских ворот до Трубной площади на Неглинной. Северная часть стены находилась на некотором удалении от пушек Китай-города, и ее оборону взяли на себя воеводы, только что потерпевшие неудачу на владимирской дороге, — Измайлов, Мосальский и Репнин. К ним на помощь прибыли Иван Волынский с ярославцами, Федор Волконский с костромичами, Федор Погожии с угличанами.

Отряды Ляпунова прикрывали самую важную коммуникацию — старую коломенскую дорогу, связывавшую Москву с Рязанским краем. Под контроль замосковных воевод перешли также дороги, шедшие из столицы к Ростову и Ярославлю.

Укрепления Ляпунова стали ключевой позицией земского лагеря. С первых дней тут не прекращалась яростная перестрелка. На голову рязанцев сыпались ядра. Враг пытался вернуть Яузские ворота и не дать ратникам укрепиться на близком расстоянии от Китай-города и Кремля.

Вожди земского ополчения рассчитывали воспользоваться восстанием в Москве и освободить ее одним ударом. Сожжение столицы разрушило все их планы. Земская рать принуждена была перейти к длительной осаде. С наступлением лета внешнеполитическое положение России стало быстро ухудшаться. Шведы все ближе подбирались к Новгороду. Речь Посполитая напрягла все силы, чтобы покончить со Смоленском.

Еще в январе боярское правительство направило в королевский лагерь Ивана Салтыкова, с тем чтобы добиться повиновения от послов Голицына и Филарета и осуществить решение о сдаче Смоленска. Подобно Гермогену, Василий Голицын с недоверием следил за восстанием в городах и не считал возможным порвать с правительством, членом которого он сам состоял. Подвергшись новому нажиму из Москвы, он выдвинул компромиссный план. Согласно этому плану смоляне должны были впустить в город небольшой отряд королевских солдат и присягнуть Владиславу сразу после того, как король снимет осаду. В начале февраля послы виделись с представителями Смоленска и договорились с ним о размещении в городе 200 польских солдат. Уступки Голицына и Филарета, однако, не приблизили долгожданного мира.

Польские сенаторы выдвинули свои условия соглашения о Смоленске. Суть их сводилась к следующему. Король снимет осаду, когда смоляне принесут повинную и исполнят его требования, а именно: впустят в крепость 350 солдат, выставят у ворот смешанную стражу из поляков и русских, передадут второй комплект ключей от города в руки начальника польского отряда. Смоленск останется в составе Русского государства временно, до заключения окончательного договора. Город должен возместить все убытки, понесенные королевской казной во время полуторалетней осады Смоленска.

Шеин созвал земских представителей и весь народ для обсуждения предложений Сигизмунда. Лишь немногие высказались за прекращение сопротивления. Но среди них был местный архиепископ. «Что меч не истребил, то поветрие истребляет, — заявил он, — лучше нам поддаться за присягою

их, хотя бы нас потом перебили». Даже архиепископ не верил тому, что после сдачи Сигизмунд пощадит смолян.

Все собравшиеся на площади перед воеводской избой хорошо понимали, что речь идет о сдаче крепости неприятелю. Собор подтвердил, что двести солдат будут допущены в город лишь после того, как Сигизмунд выведет все свои войска из пределов России. Сожжение Москвы подтвердило худшие опасения смолян. Продолжение мирных переговоров стало невозможным. Невзирая на уступки Голицына и Филарета в вопросе о Смоленске, король велел арестовать их. Позже королевская стража разграбила посольские пожитки и перебила челядь. Сами послы были увезены в Литву пленниками.

Гетман Жолкевский, убедившись в провале унии, пытался склонить сенаторов к нормальным дипломатическим переговорам с боярским правительством в Москве для заключения выгодного мира. Но Сигизмунд отказался следовать совету лучшего из своих воевод. Не одобряя ареста послов, Жолкевский покинул королевский лагерь под Смоленском и уехал в Польшу. Его отъезд развязал руки тем, кто требовал окончательного разгрома и расчленения России.

Тяжкие испытания выпали на долю защитников Смоленска. Силы их подходили к концу. За время неслыханно долгой осады гарнизон понес большие потери. На городских складах еще оставались некоторые запасы продовольствия. Но его распределяли теперь только среди ратников. Неимущий люд умирал с голода и от эпидемий. В распоряжении Шеина оставалось немного здоровых людей, способных носить оружие, им приходилось нести караулы по всей крепостной стене.

Население Смоленска знало о восстании городов и осаде вражеского гарнизона Кремля силами земского ополчения. Надежда на изгнание врагов из столицы поддерживала их волю к борьбе.

Между тем Сигизмунд, озабоченный ходом дел в Москве, решил бросить в бой все силы, чтобы добыть Смоленск. Его военачальники провели тщательную подготовку к последнему генеральному штурму. Осадные орудия подвергли город же-

сточайшей бомбардировке. Западная крепостная стена оказалась наиболее разрушенной.

На рассвете 3 июня 1611 года мощный взрыв потряс город. Подле северо-восточной Крылошевской башни взлетела на воздух часть стены. Шеин ждал приступа с запада и там установил главные батареи. Королевские войска предприняли атаку в районе западных проломов и у Богословской башни на северо-западе. Но в этой атаке участвовали лишь ограниченные силы. Главный удар противник нанес возле Крылошевской башни и дальше на юг против Авраамиева монастыря. По штурмовым лестницам солдаты перебрались через крепостную стену и ворвались в город. Силы гарнизона оказались недостаточными, чтобы отразить одновременное нападение с четырех сторон. Бóльшая часть защитников Смоленска погибла с оружием в руках на улицах крепости. Шеин оборонялся в одной из западных башен и там был взят в плен. Немногие уцелевшие жители затворились в Богородицком соборе в центре Смоленска. Находившиеся в соборе люди предпочли погибнуть под обломками здания, но врагу не сдаться. Они взорвали под собой пороховой погреб.

Король приказал подвергнуть Шеина пытке. Во время допроса и пытки воеводу спросили: кто ему советовал и помогал так долго держаться в Смоленске? Шеин отвечал: никто в особенности, потому что никто не хотел сдаваться. После пытки Шеин был увезен в Литву. Там его держали в тюрьме в железных оковах.

Оборона Смоленска длилась почти два года.

Город сковал силы Сигизмунда и стал неодолимой преградой на его пути к Москве.

Весть о гибели Смоленска облетела страну, сея тревогу и отчаяние в сердцах русских людей. Ждали, что Сигизмунд немедленно двинется в Москву. Но король не желал рисковать с трудом добытой победой и спешил отпраздновать триумф. Его казна была обременена огромными долгами, армия понесла большие потери и практически не могла возобновить наступление.

Под Москвой события развивались своим чередом. Русская столица раскинулась на огромном пространстве, и зем-

скому ополчению недостало сил на то, чтобы замкнуть кольцо блокады вокруг всего города. Однако в его руках были все подъезды к Москве. Последние нити, связывавшие боярское правительство с провинцией, были порваны, снабжение Кремля продовольствием дезорганизовано. В мае наемники уведомили Сигизмунда о том, что они продержатся в Москве не более трех недель, если им не будет оказана немедленная помощь и если они не получат фураж для лошадей.

Вражеский гарнизон удерживал Арбат и Новодевичий монастырь, откуда начиналась Большая Смоленская дорога. Однако сама эта дорога была небезопасна. Она пролегала среди уездов, охваченных восстанием. Крестьяне, вооруженные вилами, топорами, дубинами, собирались в отряды и вели борьбу на свой страх и риск. Враги называли их шишами. В мае шиши разгромили дворянский конвой и отобрали казну, которую боярское правительство выслало Яну Сапеге в качестве найма.

Сапега вел торг и с боярами, и с Ляпуновым. В конце концов он получил от Мстиславского три тысячи рублей и выступил в поход. На марше к Москве сапежинцы обменялись с польским гарнизоном Кремля примечательными письмами. Они потребовали, чтобы гарнизон берег казну, не разбирал бы всех денег и сокровищ и оставил бы им чем поживиться. Столичное рыцарство отвечало, что солдаты Сапеги не имеют права распоряжаться московской казной и могут брать из нее деньги лишь с разрешения короля. Наемников слепил блеск московского золота, и они готовы были вцепиться друг другу в горло из-за добычи.

Вожди ополчения старались любой ценой не допустить сапежинцев под Москву. Когда стало ясно, что предотвратить их выступление не удастся, Заруцкий решил дать им бой на переправах через Угру под Калугой. Ляпунов предпочел путь мирных переговоров.

Торг с наемниками продолжался целый месяц. Земские люди обещали выплатить долги самозванца, но у них не было звонкой монеты. Бояре и Гонсевский пересилили. Они обязались передать сапежинцам в залог царские регалии ценою в полмиллиона злотых.

Заключив соглашение с Гонсевским, Сапега тотчас объявил войну ополчению. 23 июня его отряды напали на ополченцев в районе Лужников. Неделю спустя Сапега переправился за Москву-реку и попытался овладеть Тверскими воротами. Битва была долгая. Ополченцы наголову разгромили немецкую пехоту Сапеги и захватили ее знамя. Два дня войска отдыхали, после чего стычки возобновились. В течение нескольких часов отряд Мосальского отражал натиск врага. Муромский воевода Мосальский стяжал славу храбреца. Вскоре он сложил голову на поле брани.

Прибытие сапежинцев под Москву ободрило боярское правительство. Воинские силы из замосковных городов были скованы осадой столицы. Бояре знали об этом и решили использовать войско Сапеги, чтобы восстановить свою власть в Замосковье. В помощь сапежинцам Гонсевский выделил несколько рот из состава кремлевского гарнизона. С той же целью Мстиславский отрядил воеводу Ромодановского с дворянами и прислугой. Воевода получил наказ усмирить восставшие города и прислал обозы с продовольствием для войск московского гарнизона. При поддержке Ромодановского Сапега занял Суздаль и Ростов и направился к Переяславлю-Залесскому, стремясь открыть себе путь на Ярославль.

Земские таборы постарались нейтрализовать усилия неприятеля. Атаман Просовецкий и воевода Бахтеяров спешно выступили на север. Просовецкий встретил Сапегу на подступах к Переяславлю и не пропустил врага на ярославскую дорогу. Две недели продолжались стычки у переяславских стен. Казаки изрядно потрепали сапежинцев, и Ян Сапега не решился штурмовать крепость.

Ляпунов и Заруцкий знали о том, что боярское войско и часть наемных рот покинули Москву. Они спешили использовать момент, чтобы нанести ослабленному вражескому гарнизону смертельный удар. Страна ждала от земских воевод решительных действий. 5 июля 1611 года земские ратные люди бросились на штурм неприступной крепости. За три часа до рассвета воины Ляпунова в предрассветной мгле подобрались к угловой башне Китай-города близ Яузских ворот, присла-

вили штурмовые лестницы, забрались на стену и со стены проникли в башню. Неприступные снаружи, крепостные сооружения оказались легкоуязвимыми изнутри. Гонсевский послал против Ляпунова отборные силы. Ополченцам пришлось отступить.

Кровопролитный бой завязался в западных кварталах Москвы. На Козьем болотце, неподалеку от Неглинной, немцы пытались удержать воздвигнутые ими укрепленные острожки. Русские ратники напали на них с такой яростью, с таким презрением к смерти, что те поспешно покинули острожки и в полном беспорядке отступили к кремлевским воротам.

Русские овладели Никольской башней. Триста немцев, засевших там, сложили оружие. Бой перебросился в район Трехсвятских ворот. Ополченцам удалось поджечь пороховой погреб под угловой башней. Прогремел взрыв, и башню окутало пламя. Мало кому из вражеских солдат удалось выбраться живыми из-под развалин.

Земская рать понесла большие потери при штурме. Но из провинции постоянно прибывали пополнения. В июле под Москву прибыла наконец казанская рать. Используя ее поддержку, Заруцкий после кровопролитного приступа занял Новодевичий монастырь, располагавший мощной крепостью. Отныне вражеский гарнизон оказался запертым во внутренних крепостях как в мышеловке.

Однако в начале августа в окрестности Москвы вернулись Сапега и Ромодановский. Зная, что казаки понесли тяжелейшие потери при штурме Китай-города, а потом Новодевичьего монастыря, они решили нанести внезапный удар по казачьему острожку за Яузой.

Казаки Заруцкого хорошо знали сапежинцев по службе в тушинском лагере и нисколько не боялись их. Сапега и Ромодановский потерпели неудачу при первой же атаке.

Покинув восточные предместья столицы, Сапега скрытно обошел город и занял исходные позиции на западных подступах к Москве. По договоренности с Гонсевским и боярами он решил атаковать земские отряды в районе Арбата.

Упорный бой кипел всю ночь и продолжался на другой день. В решающий момент роты Гонсевского нанесли русским удар с тыла. Оказавшись между двух огней, отряды ополчения отступили, оставив в руках противника Арбатские и Никитские ворота. Прорыв осадного кольца улучшил положение вражеского гарнизона в Москве.

В то время как земское ополчение, истекая кровью, вело бои под Москвой, ухудшилось военное положение на северо-западных рубежах в районе Новгорода Великого.

Новгород издавна был самым крупным после Москвы городом страны. На новгородском посаде жило многочисленное и богатое торгово-ремесленное население. Новгородское поместное ополчение насчитывало несколько тысяч дворян. Москва поневоле должна была считаться с тем, что происходило в самой обширной из русских земель.

Новгород с крайним неодобрением отнесся к соглашению, заключенному боярским правительством с Жолкевским. Боярам пришлось направить Ивана Салтыкова с ратными людьми, чтобы добиться от строптивых новгородцев послушания. Новгород поначалу отказался открыть ворота перед приспешником Сигизмунда III. Лишь после долгих уговоров Салтыков упросил жителей впустить его в город. Патриоты взяли с боярина клятву, что он не «подведет» в Новгород литовских людей. Но Салтыков и не думал следовать взятым на себя обязательствам. В глубокой тайне он подготовлял почву для сдачи крепости врагу. Изменник прекрасно понимал, с какой стороны встретят отпор иноземные завоеватели, которым он служил. И он действовал с чудовищной жестокостью. Когда Шуйский разгромил войско Болотникова, он прислал в Новгород несколько сот пленных повстанцев. Они пробыли там более двух лет. Явившись в Новгород, Салтыков отдал приказ о казни всех болотниковцев. Их оглушали палицами и топили в Волхове.

В конце концов жители Новгорода и Торопца принесли присягу Владиславу. Некоторое время спустя отряды Сигизмунда III прибыли в окрестности Торопца. Солдаты жгли деревни, захватывали жителей и уводили их в плен. Завоеватель-

ная война шла полным ходом. Торопчане дали знать новгородцам о своих злоключениях. Тем временем двухтысячный литовский отряд занял Старую Руссу и в марте 1611 года «изгоном» подступил к стенам Новгорода. Новгородцы отбили нападение. Боярину Салтыкову не удалось осуществить предательские планы, и он тайно бежал из города. По всей новгородской земле нарастало возмущение против тех, кто усердно служил захватчикам. Салтыков не смог добраться до Москвы. Его опознали и под конвоем вернули в Новгород. Патриоты требовали строгого расследования. Розыск не оставил сомнения в том, что посланец Семибоярщины сам пригласил «литву» к Новгороду. Салтыкова сначала заключили в тюрьму, а затем посадили на кол. Что удалось Михаилу Салтыкову в Москве, не сошло с рук его сыну в Новгороде.

Весть о разрыве новгородцев с Семибоярщиной произвела на страну сильное впечатление. Отныне Новгород открыто примкнул к освободительному движению. Его жители известили Ляпунова, что немедленно отправляют под Москву воевод с ратными людьми и артиллерией.

Но им не суждено было осуществить свои планы из-за шведского вмешательства.

Шведская помощь не спасла царя Василия. Мятеж королевских наемников под Клушином оказался гибельным для него. Невзирая на это, шведы упрямо требовали выполнения обязательств Шуйского об уступке им Корелы. Притязания их не ограничивались одной Корелой.

Нетерпеливый Карл IX торопил своих полководцев с завоеванием Новгорода. Но те должны были сообразовать свои действия с наличными силами и поначалу ставили более скромные цели в необъявленной войне с Россией. Из-под Клушина Делагарди увел остатки шведской армии к Новгороду. По пути солдаты грабили деревни, забирали в плен жителей. 15 августа 1610 года наемники захватили и разграбили древнюю Ладогу.

Собрав силы, Делагарди напал на Орешек, а затем осадил Корелу. Воевода Иван Михайлович Пушкин был прислан в Корелу царем Василием. Он имел предписание передать го-

род шведам, а население вывести во внутренние уезды. По пути он узнал о падении Шуйского и оборонял Корелу до последней крайности.

Воздвигнутая на гранитной скале посреди быстрых вод, Корела располагала неприступными естественными укреплениями. Ее крепостные валы опускались почти отвесно в воду. Над валом возвышались деревянные крепостные стены. Скрытый под водой частокол мешал вражеским судам приблизиться к острову.

Крепость Корелу обороняло около двух тысяч человек. Большую помощь гарнизону оказывали отряды русских и корельских крестьян, действовавшие по всему Корельскому уезду. В течение полугода шведская армия безуспешно осаждала крохотную крепость. Героические защитники Корелы отбили все нападения врага. Они несли потери, голодали, болели цингой. Но никто не помышлял о сдаче.

К февралю 1611 года из двух тысяч ратников в живых осталось около ста человек. Чтобы сохранить население города и остатки гарнизона от полного уничтожения, воевода Пушкин вступил в переговоры с Делагарди. Шведы отвергли предложенные им условия сдачи. Тогда защитники Корелы пригрозили, что взорвут крепость. Они добились почетных условий капитуляции. 2 марта воевода с уцелевшими людьми покинул крепость и ушел в Орешек. Население захватило с собой имущество. Пушкин увез в обозе воеводский архив.

Предоставив недолгий отдых своим войскам, Делагарди напал на Орешек. Последовал кровопролитный штурм. Русские отразили все вражеские атаки и одержали победу. Трупы шведских солдат на десяти возах увезли в Выборг. Погибших наемников, подданных других европейских стран, Делагарди велел оттащить к проруби и спустить под лед.

Жестокая завоевательная война против России, развязанная Швецией, не принесла легкого успеха захватчикам. Королю Карлу IX пришлось прибегнуть к дипломатическим средствам, чтобы облегчить задачу своим полководцам. Шведский король слал одно за другим «дружеские» послания московским и новгородским чинам. Письма короля были лживыми от на-

чала до конца. Секретной инструкцией Карл IX предписал Делагарди без промедления нанести удар по Новгороду и занять его.

«Дружеские» обращения шведского короля внушили большие надежды Ляпунову, не искушенному в тайнах дипломатической игры. Руководитель ополчения слал в Новгород гонца за гонцом. Он просил новгородцев как можно скорее договориться с Делагарди об отправке в Москву шведского вспомогательного войска.

Новгородцы отбили нападение крупного литовского отряда. Но война лишь началась. Можно было ждать удара сразу с нескольких направлений: из Ливонии, из Литвы и из-под Смоленска. Готовясь к длительной борьбе с Сигизмундом III, Новгород волей-неволей должен был позаботиться об обеспечении тыла. Мир и союз со Швецией казались лучшим выходом из положения.

В марте король Карл IX обратился к новгородцам с новым универсалом, обещая им союз и помощь против польско-литовских войск. Наступившая распутица благоприятствовала обману. Делагарди не смог выполнить приказ о нападении на Новгород. Его пятитысячная рать застряла в Ижорском погосте. В поисках продовольствия и фуража солдаты разграбили всю округу.

Подталкиваемые с двух сторон — из Москвы и Стокгольма, — новгородцы в конце апреля прислали в шведский лагерь послов *«с полной формулой соглашения»*. Послы добивались подтверждения союзного договора между Россией и Швецией и возобновления совместных военных действий против Речи Посполитой. Они просили Делагарди очистить их владения и помочь изгнать бывших тушинцев из Ивангорода и некоторых других крепостей. В качестве платы за союз и военную помощь новгородские власти — митрополит Исидор, воевода князь Одоевский, дворяне и всяких чинов люди — соглашались уступить Карлу IX «за почесть» несколько заневских погостов.

Ляпунов не получил своевременной и точной информации о действиях шведов и не оценил угрозы, таившейся в их вторжении. Придерживаясь линии на союз со Швецией, он

направил для переговоров со шведами Василия Бутурлина. Воевода Бутурлин хорошо знал Делагарди и поддерживал с ним дружбу еще в те времена, когда шведы помогли Скопину освободить Москву. Земский совет отводил Бутурлину роль нового Скопина. Воевода должен был вторично привести союзное войско Делагарди на выручку русской столицы.

Бутурлин категорически отвергал соглашение с Сигизмундом III. С поляками у него были особые счеты. Будучи ранен в битве под Клушином, воевода перенес немалые испытания в плену. По возвращении в Москву он принял участие в земском движении. За это Гонсевский арестовал его и вздернул на дыбу. С большим трудом Бутурлину удалось бежать и присоединиться к ополчению Ляпунова.

Земский совет повторил ошибку Василия Шуйского. Уповая на то, что шведы помогут освободить Москву, вожди ополчения проявили готовность пойти на территориальные жертвы. Они предполагали расплатиться со Швецией пограничными новгородскими землями. Тем самым они немедленно восстановили против себя новгородцев. Еще недавно Новгород собирал силы в помощь подмосковному ополчению. Теперь их отношения омрачились взаимным непониманием и недоверием. Новгородцы категорически отвергали предложения Ляпунова, которые грозили взломать их древние рубежи. Бутурлин так и не сумел договориться с ними об общей линии на предстоящих переговорах со шведами. Как только кончилась весенняя распутица, Делагарди предпринял наступление на Новгород. 2 июня 1611 года его армия вплотную подошла к стенам волховской крепости. Четыре дня спустя в шатер шведского главнокомандующего явились Василий Бутурлин и представители новгородской земли. Первым держал речь Бутурлин. От имени всей земли он просил давнего друга Делагарди, чтобы тот не мешкая шел в Москву против поляков, потому что Сигизмунд III вскоре без сомнения приступит к столице с крупными силами. Новгородские послы поддержали просьбу московского посла. Они заверили шведа, что готовы заплатить наемникам часть денег и передать им на время в залог одну из пограничных крепостей. Нетер-

пеливый Бутурлин не дал новгородцам закончить речь. Он резко перебил их и спросил Делагарди, какие земли нужны его королю.

Воспользовавшись промахом Бутурлина, шведы тут же предъявили Новгороду заведомо неприемлемые условия. Помимо Корелы Делагарди потребовал уступки Ладоги, Орешка, Ивангорода, Яма, Копорья и Гдова. «Лучше умереть на родной земле, — с достоинством отвечали новгородские послы, — чем поступиться всеми пограничными замками».

Бутурлин вел рискованную игру. Он установил с Делагарди доверительные отношения и присвоил себе право говорить с ним от имени всех новгородцев. Оставшись наедине с прежним приятелем, московский посол под большим секретом сообщил ему о затаенном желании новгородцев призвать на московский трон шведского принца. «Нет сомнения, — добавил он, — что и все московские чины согласятся с этим, если Карл IX сохранит им православную веру». Посулы насчет избрания шведского принца должны были сделать «союзника» более сговорчивым. Опытный дипломат, Делагарди не верил своим ушам. Теперь он не скупился на знаки дружбы по отношению к посланцу ополчения, потчевал его на пирах как желанного гостя.

Переговоры в шведском лагере обернулись тяжелым дипломатическим поражением. Король Карл IX получил то, чего давно домогался. Неофициальное предложение насчет передачи царского трона шведскому принцу развязало ему руки. Делагарди использовал секретную информацию Бутурлина как главный козырь в дальнейших переговорах с Ляпуновым. Не теряя времени, шведские гонцы выехали в Москву.

16 июня Ляпунов направил Бутурлину новые инструкции. Он приказал довести переговоры со шведами до конца и в случае крайней нужды разрешил предложить королю в виде залога Орешек и Ладогу. Насчет будущих династических переговоров Ляпунов мимоходом заметил: «Об условиях избрания шведского принца великим князем мы непосредственно договоримся с господином Яковом Делагарди здесь».

После отъезда гонцов вопрос о шведской кандидатуре на трон был передан на обсуждение Земского собора. К тому времени военное положение под Москвой ухудшилось. Войска Яна Сапеги завязали бои с отрядами ополчения в западных предместьях столицы. Члены собора опасались того, что неприятель перебросит к Москве силы, высвободившиеся после падения Смоленска.

Дьяки представили на рассмотрение Совета земли перевод писем Карла IX и Делагарди, а также отписки Бутурлина. Медоточивые заявления короля произвели на присутствующих впечатление. Однако многие патриоты решительно восстали против шведского проекта. Они резонно указывали на то, что слова шведского короля решительно расходятся с его делами, и высказывались против любых переговоров насчет шведского королевича. Ляпунов все еще надеялся на шведскую военную помощь и поэтому настоял на принятии осторожного решения. Соборные чины решили послать в Швецию послов для переговоров об избрании шведского королевича. Перед тем как разойтись, они скрепили подписями соборный приговор.

Делагарди тешил новгородцев разговорами о близком слиянии Швеции и России в неразрывный союз. Ляпунову он обещал военную помощь. А сам тем временем стягивал силы для захвата Новгорода. Ситуация ухудшалась с минуты на минуту. Шведы разбили свои станы подле самого города. Каждый день в их лагерь прибывали подкрепления. Враждебные намерения иноземных войск становились все более очевидными. Шведские фуражиры рыскали в окрестностях Новгорода, забирая все, что попадалось под руку. Спасаясь от грабежа и насилий, жители массой бежали под защиту крепостных стен. Народ требовал организации отпора интервентам.

Бутурлин поспешил сообщить Делагарди насчет решения Земского собора в Москве. Он вновь и вновь просил назвать время выступления в московский поход. Наконец пелена упала с его глаз. Пока Делагарди действовал с помощью силы, он достиг немногого. Мирные переговоры позволили ему внести раскол в ряды русских и ослабить их волю к сопротивле-

нию. Делагарди видел, что плод созрел, и сбросил маску миролюбия.

Когда Бутурлин убедился в том, что его жестоко провели, он ультимативно потребовал, чтобы Делагарди отвел свои войска от стен Новгорода. Шведы высокомерно отклонили его ультиматум. Осознав опасность, Бутурлин не побоялся нарушить инструкции Ляпунова и стал вооружаться. Его стрельцы сожгли деревянные постройки на посаде, мешавшие орудийному огню с крепостных стен. Увы, Бутурлин прозрел слишком поздно. Он так долго вел дело с Делагарди за спиной новгородцев, что те утратили к нему всякое доверие. Патриоты подозревали его в измене.

Многолетняя гражданская война давно расколола русское общество. В Новгороде находилось множество псковских дворян и лучших людей, изгнанных из своего города восставшим народом. Власть имущие опасались, как бы в обстановке войны в Новгороде не повторились псковские события. Низы волновались и настаивали на решительной борьбе с захватчиками. Верхи считали более надежным путь соглашения. Новгородские купцы ездили в шведский лагерь с товарами почти что до того дня, как заговорили пушки. Когда стрельцы сожгли предместья, это вызвало ропот — *«молву великую»* — в среде состоятельных горожан.

Шведские солдаты рыскали в пригородных слободах. Новгородцы решили проучить их. Они собрали добровольцев и произвели вылазку. Сил оказалось немного, да и руководство было не на высоте. Шведы одержали верх. Многие новгородские ратники замертво полегли на поле боя. Прочие отступили в крепость. Неудача усугубила разлад, царивший в городе.

Главный воевода боярин Одоевский созвал совет с участием дворян и церковных властей. Мнения на совете разделились. Одни требовали принятия энергичных военных мер и организации отпора врагу. Другие ссылались на приговор земского ополчения и предлагали добиваться соглашения со шведами. Одоевский и церковники склонялись в пользу умеренной партии. Совет разошелся, так и не приняв решения.

К середине июня 1611 года Делагарди завершил последние приготовления к штурму. Он знал, чем воспламенить сердца своих ландскнехтов. Солдатам была обещана богатая добыча в Новгороде. За день до штурма Делагарди предпринял ложный маневр. На глазах у горожан шведские эскадроны проследовали к берегу Волхова по направлению к юго-восточной оконечности крепости. Туда же его солдаты пригнали лодки со всего Волхова. На рассвете 16 июля шведы провели отвлекающую атаку с юго-востока. Привлеченные выстрелами и шумом новгородцы со всех сторон бежали к башням, подвергшимся нападению. Тем временем Делагарди нанес удар с противоположной стороны. В утренней мгле наемники подобрались к воротам и пытались выбить их с помощью тарана. Шотландцы и англичане орудовали с петардой подле соседних ворот. Шведы карабкались на вал на всем пространстве между воротами. Новгородцы отбили их натиск и выстрелами отогнали врагов от ворот. Но шведам помогли предатели. Один из них привел врага к воротам, никем не охраняемым. Он ужом на брюхе пролез по разбитой колесами дороге под ворота и успел отпереть их изнутри. Шведская конница через распахнутые ворота вступила в город. Русские отступили по валу к башням и еще длительное время вели оттуда огонь. Но шведские войска уже проникли далеко в глубь крепости. В ходе боя в восточной части города начался пожар. Население бросилось бежать и запрудило улицы. Воеводы не могли более руководить боем. Ратные люди смешались с мирным населением в бегущем потоке.

Наемники кололи и резали всех, кто попадался им по пути. Бой еще кипел вовсю, а они уже бросились грабить дома. Оказавшись разъединенными, части гарнизона в разных местах пытались остановить натиск. Народная память сохранила имена отважных командиров: стрелецкого головы Василия Гаютина, Василия Орлова, атамана Тимофея Шарова. Они предпочли смерть плену. Дьяк Афиноген Голенищев, посланец земского ополчения, не выпускал оружия из рук до последнего вздоха. Мирное население помогало воинам. Шведам долго не удавалось овладеть стоявшим на перекрестке двором, где

засел протопоп Амос с посадскими людьми. Шведы пытались принудить их к сдаче, обещали жизнь. Новгородцы отвечали выстрелами. Тогда солдаты сожгли двор вместе со всеми его защитниками.

На площади подле волховского моста находилась ставка земского воеводы Василия Бутурлина. Шведы встретили тут наибольшее сопротивление. Казаки и ратные люди бились с неприятелем, не щадя живота. Шведы пытались окружить отряд Бутурлина. Тогда Бутурлин прорвался на волховский мост и ушел на Торговую сторону. Следуя за ним по пятам, на мост вступили вражеские солдаты.

Шведы овладели внешними крепостными стенами города на Софийской стороне. Они добились успеха, но до победы им было еще далеко. Русские боевые знамена реяли над стенами кремля, неприступной цитадели в центре города. Замок обладал несравненно более мощной системой укреплений, нежели внешний город. Он был окружен глубоким рвом и подъемными мостами. Его высокие башни и стены были снабжены множеством пушек. Кремль господствовал над всем городом. Штурмовать его без осадной артиллерии было безумием. Однако новгородская цитадель оказалась абсолютно не подготовленной к осаде. Шведы были буквально ошеломлены, когда несколько позже они обшарили весь кремль и не нашли там даже малых запасов провианта и пороха.

Новгородцы допустили роковой просчет в оценке сил противника. Они помнили о клушинском поражении Делагарди, когда его армия была наголову разгромлена поляками. Они не забыли о том, что Делагарди полгода осаждал Корелу и потерпел двукратную неудачу под стенами Орешка. У шведского генерала не было ни достаточного количества пушек, ни достаточного числа солдат. Русское командование не сомневалось в том, что врагу не удастся прорвать городские укрепления. Неоправданная самоуверенность сменилась паникой и растерянностью, когда шведы в течение дня овладели внешним оборонительным поясом.

Князь Одоевский созвал военный совет в осажденном кремле. Донесения дьяков и воевод обнаружили неутешитель-

ную картину. После боя много ратников отступило в кремль. Еще больше тут собралось мирных жителей, спасавшихся от врагов. Кормить их было нечем. Кремлевские житницы пустовали. Молчали крепостные орудия из-за того, что не было пороха.

Под влиянием панических настроений военный совет вынес решение о прекращении борьбы и призвании на «Новгородское государство» шведского принца. После многократных совещаний с митрополитом Исидором, дворянами и лучшими людьми главный воевода князь Одоевский выслал к шведам своего представителя и объявил им о принятом новгородцами решении. Делагарди ввел в неприступную цитадель полк королевской лейб-гвардии.

За две недели до падения Новгорода туда прибыл гонец из-под Москвы. Он привез грамоту земского ополчения относительно продолжения переговоров со шведами и условий избрания на царство шведского принца. Новгородский митрополит Исидор и воеводы пытались использовать этот факт для оправдания своих действий. Они утверждали, будто подписали соглашение относительно избрания в цари шведского принца, следуя воле всей земли.

Приговор подмосковного Земского собора попал в руки к шведам, и они сделали его дословный перевод. «Все чины Московского государства, — значилось в этом переводе, — признали старшего сына короля Карла IX достойным избрания великим князем и государем Московской земли». Признание шведского принца достойным кандидатом в цари, конечно же, не было равнозначно его избранию.

Заключая соглашение с Делагарди, новгородские верхи взяли на себя инициативу и ответственность за провозглашение шведского претендента русским царем. Главный пункт новгородско-шведского договора гласил: «Митрополит Исидор и Священный собор, боярин князь Одоевский, воеводы, князья, бояре, купцы, крестьяне избрали шведского принца в цари и великие князья над Новгородским княжеством, а также над Владимирским и Московским, если последние пожелают присоединиться к Новгородскому княжеству». Образо-

ванное под эгидой безымянного шведского принца «Новгородское государство» фактически отделилось от России. Номинальным главой «государства» стал потомок удельных князей боярин князь Одоевский. Правители Новгородского княжества знали о близившейся решающей битве за освобождение Москвы. Но они и не подумали включить в договор со шведами пункт о посылке вспомогательного войска на помощь земским людям. Фактически Новгород порвал с земским освободительным движением.

Одоевский сдал кремль, не получив от шведов никаких гарантий территориальной целостности «Новгородского государства». Его правительство предало города, которые с оружием в руках продолжали борьбу с иноземными захватчиками.

Земский отряд Бутурлина отступил с Торговой стороны на Бронницу и попытался продолжать борьбу. В ответ на призыв воевод в их лагерь стали стекаться уездные дворяне и ратные люди. Однако когда Одоевский пообещал, что под властью шведского «царя» все помещики сохранят в неприкосновенности свои земли, те покинули Бутурлина один за другим и вместе с новгородцами принесли присягу безымянному шведскому претенденту. Покинутый дворянами, Бутурлин ушел к Москве.

Карлу IX не довелось насладиться плодами своего успеха. Он прожил три месяца после покорения Новгорода. Шведский трон перешел к его наследнику — семнадцатилетнему Густаву Адольфу. Сын продолжал двуличную политику отца в отношении России. Заявляя повсюду о своем миролюбии и заботе о благе русских, Густав Адольф вел дело к расчленению России и закреплению за Швецией Новгорода и Пскова.

Глава 3

ЗЕМСКАЯ ВЛАСТЬ

Московское восстание привело к большим переменам в положении руководителей Боярской думы. Баррикады провели глубокую разграничительную черту между боярским пра-

вительством и народом. Семибоярщина теперь напоминала голову, отделенную от туловища. Круг ее сторонников постоянно сужался. Что ни день, из Кремля в ополчение бежали дворяне, стрельцы, подьячие.

Тем временем набирала силу новая власть, возникшая в повстанческом лагере.

В апреле 1611 года Ляпунов, Заруцкий и прочие воеводы ополчения провели присягу в полках. Ратные люди произносили слова клятвы с особым чувством. Присяга наполняла борьбу высшим смыслом. Они принимали на себя торжественное обязательство:

— стоять заодно с городами против короля, королевича и тех, кто с ними столковался;

— очистить Московское государство от польских и литовских людей;

— не подчиняться указам бояр из Москвы, а служить государю, который будет избран всей землей.

Обстановка вынуждала земских людей сосредоточить усилия на решении военных вопросов. Без возрождения вооруженных сил невозможно было очистить страну от иноземных завоевателей и возродить государственность. Первым делом земские воеводы объявили об общей мобилизации дворянского ополчения и предписали всем дворянам прибыть в осадный лагерь под Москву к маю 1611 года. Всем, кто уклонялся от земской службы, грозила немедленная конфискация земельных владений.

Власть в ополчении осуществлял постоянно действующий Земский собор, получивший наименование Совета всей земли. Собор выделил из своего состава комиссию, по привычке называвшуюся боярской. С первых дней осады дела в ополчении решались *«по боярскому и всей земли приговору»*. В действительности прирожденных бояр в ополчении было немного, а из всех членов думы наибольшим влиянием пользовался думный дворянин Прокофий Ляпунов, личность яркая и незаурядная. Встав во главе освободительного движения, Ляпунов приобрел большую популярность. Города и частные лица чаще всего обращались за решением неотложных дел именно к нему.

Не позднее мая Земский собор приступил к реформе, призванной покончить с неразберихой в высшем руководстве. После долгих обсуждений Совет земли решил сосредоточить власть в руках своего рода «чрезвычайной тройки». Помимо Ляпунова в нее вошел Дмитрий Трубецкой.

Выбор третьего члена комиссии представлял наибольшие трудности. На этот пост могли претендовать вожди дворянских замосковных отрядов, получившие думные чины на московской службе. Но Ляпунов избрал в сотоварищи не их, а вождя казацких отрядов Заруцкого. Боярин из безродных казаков — такого еще не видывала Русь! Признав за Заруцким боярский чин, Совет земли тем самым признал казаков равноправными участниками ополчения.

Образование триумвирата скрепило союз между земскими дворянами и верхушкой казачьих таборов.

На протяжении апреля — мая Совет земли принял много различных постановлений. 30 июня 1611 года собор утвердил обширный приговор, включавший как старые решения, так и новые узаконения. Текст приговора скрепили служилые люди из 25 городов, включая Ярославль, Владимир, Нижний Новгород. Вместе с дворянами документ подписали атаманы и представители рядовых казаков из разных полков. За неграмотного Заруцкого расписался не его тушинский соратник Трубецкой, а сам Ляпунов.

Новый приговор стал своего рода земской конституцией и одновременно наказом для тройки и руководствам к действию.

Члены комиссии не получили от собора никаких привилегий. Им положен был боярский земельный оклад традиционного размера, как при *«прежних прирожденных государях»*. Излишние богатства, полученные от самозванца, подлежали общему разделу.

Члены комиссии не могли решать самые важные государственные дела, а также выносить смертные приговоры без согласия Совета земли. Их полномочия носили временный характер. Собор имел право в любой момент заменить любого члена боярской комиссии другим лицом, *«кто будет более к земскому делу пригодится»*.

Земская конституция 1611 года показала, что в России народилось новое, невиданное прежде правительство, не стесненное опекой Боярской думы и Священного собора и подотчетное лишь сословным представителям. Члены комиссии получили полномочия «промышлять» ратными и прочими делами, а главное — «строить землю». Для осуществления правительственных функций при них были образованы органы приказного управления — Поместный, Разрядный и прочие приказы. Укомплектовать их удалось сравнительно легко. В Кремле располагались старые благоустроенные здания приказов. Но, как доносили боярам дьяки, в их приказах «ныне стоят польские и литовские люди, а подьячие все в воровских полках». Новые приказы располагались сравнительно недалеко от старых, по другую сторону кремлевских стен. Земские приказные ютились кто в тесных жилых избах, кто в землянках. У них не хватало самого простого инвентаря — столов, лавок, бумаги, чернил. Но трудности не смущали представителей новой власти. Подле входа в неудобные, убогие помещения всегда толпился народ. Жизнь била тут ключом.

Гражданская война расколола верхи общества. Члены одних и тех же родов нередко оказывались в разных станах. На Земском соборе первостатейной знати было немного, и ее голос звучал слабо.

В русской истории соборы возникли как расширенные совещания при Боярской думе и Священном соборе. Дума и представители высшего духовенства имели решающий голос во всех соборных делах. Совет земли появился на гребне освободительного движения, а потому он не включал ни официальное боярское руководство, ни князей церкви. Впервые большинство на Земском соборе принадлежало не боярам и столичной знати, а провинциальным дворянам и их союзникам из народа.

Доставшуюся им власть мелкое дворянство использовало прежде всего для того, чтобы разрешить в свою пользу земельный вопрос. В годы реформ Ивана Грозного дворянские публицисты неоднократно выступали с проектами «землемерия» — более равномерного распределения земель внутри фе-

одального сословия. В 1611 году дворяне могли надеяться на осуществление своих давних желаний.

Раздел о землях занимал центральное место в земской конституции 30 июня 1611 года. Земский собор четко и бесповоротно решил отобрать огромные земельные богатства у членов боярского правительства и поддерживавшей его столичной знати. *«А которые до сих пор сидят на Москве с литвой,* — было записано в приговоре, — *а в полки не едут своим воровством, и тем поместий и вотчин не отдавать».* В случае выполнения земской программы не только материальное благополучие, но и политическое господство верхов боярской аристократии было бы подорвано раз и навсегда. Конфискованные родовые вотчины не должны были перейти в руки младших отпрысков боярских фамилий, участвовавших в земском движении. Земский собор разрешил им лишь получить оклад из поместных владений родичей бояр, которые *«воруют на Москве с литвой».*

Конфискованные у аристократии земли предполагалось передать разоренной служилой мелкоте, участникам освободительной борьбы. Земский собор постановил *«испоместити наперед дворян и детей боярских бедных, разоренных, беспоместных».* Никто не вправе был требовать своей доли, *«покаместа бедных и разоренных всех не поместят».* Первыми землю должны были получить служилые люди захваченных пограничных уездов, жертвы «литовского разорения».

Земская конституция поставила вне закона изменных бояр, что молчаливо предрешило судьбу местничества. Назначение казачьего боярина Заруцкого членом комиссии грозило стать первой ступенькой на пути к полному упразднению устаревшей местнической системы.

В основе земельных решений собора лежали челобитные грамоты земских дворян. Те же самые грамоты пестрели жалобами на своз и бегство крестьян. Следуя воле дворянства, Совет земли подтвердил незыблемость порядка, сложившегося после отмены Юрьева дня. Сыску и возврату помещикам подлежали крестьяне, свезенные из поместья в поместье, а также крестьяне и холопы, сбежавшие в города. Боярских холопов и

крепостных, служивших в рядах земского ополчения, собор молчаливо признавал свободными людьми. О возврате их прежним господам не было и речи.

Нелегкими были пути Прокофия Ляпунова, самого выдающегося из дворянских вождей ополчения. Но в его судьбе очень точно отразилась судьба мелкого российского дворянства, история его колебаний, взлетов и падений в период Смуты. Собственный опыт все больше убеждал Ляпунова, что борьба с Семибоярщиной и чужеземными завоевателями приведет к успеху лишь в том случае, если земское дворянство сможет опереться на поддержку более широких слоев населения, включая вольное казачество. В своих обращениях к казанскому посаду глава ополчения развивал грандиозные планы, касавшиеся казачьих окраин. Пусть казанцы, наказывал он, напишут от имени всей земли атаманам и казакам, живущим на Волге и на «запольских реках». Надо, чтобы все вольные казаки выступили на помощь к Москве, где их ждут жалованье, порох и свинец. *«А которые боярские люди крепостные и старинные,* — писал Ляпунов, — *и те б шли без всякого сомнения и боязни: всем им воля и жалованье будет, как и иным казакам. А бояре и воеводы и вся земля по общему приговору выдадут им грамоты».* Ляпунов понимал, что есть только одно средство поднять против боярского правительства вольные казачьи окраины. Он сулил долгожданную свободу всем казакам, будь то вчерашние холопы или крепостные крестьяне. Пламенные призывы находили отклик в душах людей, бежавших на Волгу и Дон от крепостного гнета.

Приговор 30 июня 1611 года призван был удовлетворить интересы преимущественно казачьих верхов и давно служивших казаков. Земская конституция гарантировала атаманам и «старым казакам» по выбору либо небольшой поместный оклад, либо хлебное и денежное жалованье. Недавних холопов, крепостных крестьян и прочий люд, пополнивший отряды ополчения ко времени осады Москвы, собор рассматривал как «молодых» казаков. На них привилегии служилого сословия не распространялись.

Когда города снаряжали ополчение в поход, считалось само собой разумеющимся, что шапку Мономаха следует от-

дать истинно православному русскому человеку. Общее настроение очень четко выразил игумен влиятельного Соловецкого монастыря. *«Земля наша,* — писал он в ответ на шведский запрос, — *единомышленно хочет выбрать царя из прирожденных своих бояр, а из иных земель иноверцев никого не хотят».*

С начала боев ополчения за Москву земским людям волей-неволей пришлось пересмотреть свои взгляды насчет престолонаследия. Все «великие» прирожденные бояре, среди которых только и можно было найти кандидата на трон, сидели в осаде с «литвой» и не помышляли о переходе на сторону земского освободительного движения. Надежды на соглашение с боярами испарились окончательно. В голову невольно закрадывалось сомнение. Неужто земские люди проливали свою кровь лишь для того, чтобы передать корону одному из пособников жестокого врага?

Царское избрание наталкивалось на множество препятствий. Едва члены собора принимались обсуждать конкретные кандидатуры, среди земских дворян вспыхивали яростные разногласия. Чтобы избежать раскола, Совет земли постановил начать переговоры со Швецией. Сподвижник Ляпунова Бутурлин четко объяснил шведам возникшую ситуацию. «Мы на опыте своем убедились, — сказал он, — что сама судьба Московии не благоволит к русскому по крови царю, который не в силах справиться с соперничеством бояр, так как никто из вельмож не согласится признать другого достойным высокого царского сана».

Постановление насчет возможного избрания шведского королевича основательно подорвало репутацию Ляпунова и навлекло на него негодование казаков и московского черного люда. Страна не успела избавиться от одного иноверца, как ей навязывали другого. В ополчении начался разброд. Люди, много лет служившие под знаменами самозванцев, теперь не прочь были противопоставить шведскому еретику православного «царевича», находившегося под рукой в Коломне. Заруцкий исподтишка поддерживал их. Его не покидала надежда на то, что трон в конце концов достанется калужскому царенку. Любовник Марины вполне мог рассчитывать на пост пра-

вителя при ее малолетнем сыне. Некогда удалой казак Ивашка Заруцкий женился на «девке», которая была ему ровней во всех отношениях... Получив боярский чин, атаман стал подумывать о том, чтобы приискать себе знатную супругу. При первом же удобном случае Заруцкий порвал с опостылевшей женой и затворил ее в монастырь. Своего сына он тут же пристроил ко двору Марины Мнишек в Коломне. Недоброжелатели атамана пустили слух, будто он хочет жениться на Мнишек и вместе с нею занять трон.

Бояре и патриарх внимательно следили за всем, что происходило в недрах ополчения. Едва опальный Гермоген проведал об агитации Заруцкого в пользу «воренка», он немедленно разразился обличением. В грамоте к нижегородцам патриарх заклинал паству не желать на царство «проклятого паньина Маринкина сына» и отвергнуть его, если казаки выберут его на царство «своим произволом».

Ляпунов первым осознал необходимость объединения всех патриотических сил. Но ему не удалось преодолеть недоверие казаков, и он не сумел сплотить дворянский лагерь. Земская знать, не скрывая, выражала недовольство по поводу власти, доставшейся неродовитому думному дворянину. Как писал позже столичный летописец: *«Ляпунов не по своей мере вознесся и гордость взял, много отцовским детям позору и бесчестья делал, не только боярским детям, но и самим боярам»*. Человек гордый и крутой, Ляпунов в самом деле не выказывал почтения к знати. Те, кто приходил к нему на прием, простаивали подле крыльца по многу часов, ожидая своей очереди.

Многие пункты конституции 30 июня решительно не удовлетворили родовитых дворян. Не желая мириться со своим поражением на Земском соборе, они составили заговор с целью свержения Ляпунова. Осведомленные современники говорили об этом с полной категоричностью. Князь Дмитрий Пожарский писал, что Ляпунов был убит *«по Иванову заводу Шереметева»*. По некоторым известиям, в сговоре с Шереметевым были тушинцы Григорий Шаховской, Иван Засекин и Иван Плещеев. Этих людей хорошо знали в казачьих таборах. К их голосу прислушивались. Заговорщики

использовали свое влияние, чтобы расправиться с Ляпуновым чужими руками.

С первых дней осады Москвы земское правительство сталкивалось с большими трудностями, пытаясь наладить снабжение армии продовольствием. Подмосковье было разорено дотла, и найти провиант оказалось делом хлопотным. Каждый воевода обеспечивал свой отряд как мог. Ляпунов посылал дворян на воеводство в города и местечки. Заруцкий ставил казаков для прокорма («на приставства») в черные и дворцовые волости. Совет земли поручил триумвирам организовать регулярный сбор кормов. Казачьи атаманы получили приказ свести своих людей с кормлений. Сбор провианта в волостях возлагался на «добрых дворян».

Богатые дворяне получали продовольствие из своих поместий. Бедные служилые люди потуже затягивали пояса, когда происходила заминка с подвозом хлеба. Казаки оказались в наихудшем положении после того, как власти запретили им самостоятельно заготовлять корм. В Подмосковье появились «разбои». Течение, увлекая мощный водяной поток, поднимает со дна ил. Нечто подобное наблюдалось и в земском движении. Неустойчивые элементы, примкнувшие к восстанию, перерождались на глазах. Они начинали с заготовок. А потом, войдя во вкус, часто грабили население. В деревнях зажиточных крестьян подвергали пыткам. «Разбои» наносили огромный ущерб земскому ополчению. Шедшие из провинции обозы не доходили до места назначения. Шайки разбойников захватывали их в пути.

Воеводы пытались жестокими мерами пресечь грабежи. Тушинский боярин Матвей Плещеев, расположившийся с отрядом в Николо-Угрешском монастыре, приказал утопить 28 казаков, пойманных с поличным. Кто-то успел дать знать атаманам, и те отбили осужденных на казнь. Казаки собрали круг и опротестовали действия Плещеева. По их инициативе Земский собор строго-настрого запретил воеводам казнить кого бы то ни было без приговора всей земли.

Ляпунов неоднократно призывал в Разрядную избу Заруцкого и Просовецкого и совещался с ними, как бы прекратить самочинные реквизиции. Атаманы много раз собирали войс-

ковой круг и наконец заручились приговором насчет прекращения грабежей и самовольных поездок в села. Земское руководство без труда навело бы порядок в полках, если бы ему удалось наладить правильное снабжение. Но эта задача так и не была решена. В отчаянии Ляпунов грозил местным властям, что отступится «от земского промысла», если не прекратится общая неразбериха. Но его слова мало на кого действовали. Вскоре земские воеводы официально известили провинцию о том, что служилые люди, стрельцы и казаки непрестанно бьют им челом о денежном жалованье и корме, *«а дать им нечего»*. К июлю положение дел приобрело столь дурной оборот, что глава Троице-Сергиева монастыря по просьбе воевод обратился к городам с отчаянным призывом. Помогите ополчению людьми и казной, писали монахи, чтобы ныне собранное под Москвой православное воинство *«скудности ради не разошлося»*.

Нехватка продовольствия и нужда усилили брожение в таборах. Ляпунов энергично преследовал самочинные реквизиции, но снабжение армии не улучшалось. Трудностями ополчения решили воспользоваться враги Ляпунова.

Однажды в земский лагерь было привезено письмо, составленное от имени Ляпунова. Письмо предписывало городским властям ради пресечения разбоя хватать повсюду казаков-воров и побивать их на месте либо присылать под Москву. Когда содержание грамоты предали гласности, в таборах поднялась буря. Казаки спешно собрали круг и потребовали думного дворянина к ответу. В шатер воеводы явился атаман Сергей Карамышев. Ляпунов, не чувствуя за собой вины, отклонил приглашение казачьего войска. Тогда круг направил в ставку двух детей боярских — Сильверста Толстого и Юрия Потемкина. Те поручились, что войско не причинит воеводе никакого вреда. Поверив им, Ляпунов отправился к казакам и принялся кричать на них. «Изменнику» предъявили грамоту, скрепленную его собственной рукой. Внимательно осмотрев подпись, воевода не слишком уверенно промолвил: «Походит на мою руку, только я не писывал». Его слова потонули в общем шуме. Казаки обнажили оружие и требова-

ли покончить с «изменником». Среди общего смятения атаман Карамышев бросился на Ляпунова и полоснул его саблей. Тот упал на землю, обливаясь кровью. Стоявшие подле дворяне подались прочь. Один Иван Ржевский проявил присутствие духа. Он был великим недругом правителю, но его возмутил самосуд. Ржевский закричал, что земского воеводу убивают без причины — «за посмех». Под горячую руку казаки зарубили и Ржевского, после чего бросились в ставку Ляпунова и разнесли в щепы Разрядную избу.

Три дня изрубленные трупы Ляпунова и Ржевского валялись в поле подле острожка. Тучи мух вились над ними. По ночам их терзали бездомные псы, стаями бродившие по пожарищу. На четвертый день тела бросили в телегу и отвезли в ближайшую церковь на Воронцовском поле. Оттуда убитых переправили в Троице-Сергиев монастырь и там предали земле без всяких почестей. Краткая надпись на их каменном надгробии гласила: *«Прокофей Ляпунов да Иван Ржевский, убиты 7119 году июля в 22 день»*.

Известие об убийстве Ляпунова произвело тягостное впечатление на страну. Многие высказывали мысль, что воеводу погубили «начальники» ополчения, составившие заговор с казаками и подделавшие злополучную ляпуновскую грамоту. Одни называли в качестве главы заговора Ивана Шереметева, другие — Заруцкого. Очевидцы гибели Ляпунова были введены в заблуждение.

Правда раскрылась лишь после того, как за перо взялись сотоварищи Гонсевского. Один из них откровенно поведал миру, как Гонсевский, не имея сил одолеть ополчение в открытом бою, решил погубить отважного мужа Ляпунова обманным путем, натравив на него казаков. В распоряжении Гонсевского было много дьяков и писцов, и для них не представляло труда изготовить нужную грамоту насчет истребления всех «воров-казаков». Подпись Ляпунова на документе была ловко подделана. Доставить грамоту в таборы взялся некий атаман Сидорка, побратима которого Гонсевский велел выпустить из плена.

Московский летописец ничего не знал об откровениях польского шляхтича. Но ему было известно, что на круг мни-

мые листы Ляпунова принес атаман Сидорка Заварзин. Совпадение имени удостоверяет подлинность польской версии.

Находившийся в Кремле Мархоцкий довольно точно описал поведение членов комиссии в момент мятежа. Иван Заруцкий и окружавшие его есаулы так испугались разбушевавшихся казаков, что скрылись. Вопреки подозрениям русских современников ни Заруцкий, ни Шереметев ничего не знали о происхождении злополучной грамоты. Инициатива интриги всецело принадлежала Гонсевскому. Он не только залил кровью московские улицы. Его удар исподтишка едва не развалил неокрепшее земское правительство.

Конституция земской рати предусматривала, что смена членов комиссии осуществляется лишь по решению Совета всей земли. Она грозила суровым наказанием тем, кто составит «скоп» и заговор и кого-нибудь *«убьет до смерти по недружбе»*. Убийцы Ляпунова нарушили постановление земли. Однако совет не осмелился расследовать обстоятельства дела и покарать виновных. Земское правительство обнаружило свое бессилие и все больше упускало власть из своих рук.

Глава 4

ЛЖЕДМИТРИЙ III

Вожди ополчения опасались, что из Смоленска король поведет свою армию на Москву. На самом же деле Сигизмунд после занятия Смоленска уехал в Польшу. Завершение восточной кампании он намеревался доверить польскому коронному гетману Жолкевскому. Но тот решительно отклонил предложение. Тогда король поручил дело Яну-Каролю Ходкевичу, гетману великого княжества Литовского. Назначение имело особый смысл. Литовские магнаты и шляхта настойчиво требовали себе преимуществ при разделе военной добычи — захваченных смоленских и северских земель. Они домогались, чтобы польская шляхта была лишена прав на смоленские поместья. Со временем Сигизмунд III, следуя их воле,

согласился на включение Смоленска в состав великого княжества Литовского.

Гетман Ян Ходкевич стяжал славу одного из лучших полководцев Речи Посполитой. Имея под начальством пять тысяч солдат, он наголову разгромил восьмитысячное шведское войско в Ливонии. Командовавший армией Карл IX едва избежал плена. Летом 1611 года во время свидания с Сигизмундом III Ходкевич внес последние уточнения в планы московской кампании. Помимо немногочисленной, но отборной ливонской армии король подчинил гетману более тысячи гусар из состава армии, осаждавшей Смоленск. Занятый подготовкой похода, Ходкевич потерял довольно много времени.

Огромное превосходство в артиллерии и первоклассные крепостные укрепления позволили Гонсевскому отразить приступ земской рати. С помощью войск Сапеги он прорвал осадное кольцо. Но в частях гарнизона вскоре вспыхнули волнения. Дисциплина в наемном войске рухнула. Немцы чинили грабежи средь бела дня. Невзирая на нужду в солдатах, Гонсевский принужден был расформировать отряд немецких рейтар, деморализованных мародерством. Покидая Москву, капитан Яков Маржарет и несколько сот его солдат увезли с собой целый обоз с награбленными вещами.

Развал и деморализация коснулись не только наемных войск, но и некоторых членов боярского правительства. 11 сентября 1611 года Михаил Салтыков, Михаил Нагой и Федор Андронов под охраной солдат проскользнули мимо земских острожков и выбрались из столицы на Смоленскую дорогу. За рубежом изменники рассчитывали укрыться от неминуемой расплаты. Мстиславский облегчил им отъезд, наделив их полномочиями «великих послов». Салтыков взялся ускорить приезд в Россию «царя» Владислава.

За Можайском бояре встретили войско Ходкевича, направлявшееся в Москву. Гетман уже мнил себя вершителем судеб Русского государства. Он задержал «послов» и потребовал, чтобы они от имени боярского правительства признали своим царем Сигизмунда III. Предвкушая близкую победу, Ходкевич мечтал о дипломатическом триумфе. Царскую корону он надеялся сложить к ногам короля в качестве военно-

го трофея. Гетман плохо знал страну, в которой ему пришлось воевать. Даже запуганная Гонсевским Семибоярщина отказалась выполнить его требования. Ходкевич вернул в Москву Михаила Нагого и Федора Андронова, а прочим послам разрешил продолжать путь. Вслед за боярами в Польшу отбыл бывший патриарх Игнатий. Интервенты рассчитывали низложить Гермогена и передать патриарший сан своему верному приспешнику. Но Игнатий навлек на себя общее презрение, и захватчики не решились осуществить свои замыслы. Салтыков увез с собой множество добра, похищенного из казны. Смоленская дорога была во власти Ходкевича, и боярин благополучно добрался до рубежа. Бывшему патриарху повезло меньше. Едва воинские обозы скрылись вдали, на большую дорогу вышли шиши. Они подстерегли грека и отняли у него все неправедно нажитые богатства. Игнатий лишился не только скарба, но и одежды. В Литву он прибыл едва живым от холода.

Вожди ополчения знали о приближении армии Ходкевича и пытались сломить сопротивление вражескою гарнизона до ее подхода. 15 сентября 1611 года они придвинули к стенам десяток мортир и забросали Китай-город каленными ядрами. Одно из ядер угодило в сарай, набитый сеном, — Гонсевский устроил склад с сеном для гусарских лошадей. Над складом взметнулся столб огня. Сильный ветер разнес клочья горящего сена по всему Китай-городу. Не теряя времени, земские ратники бросились на штурм и овладели воротами. Спасаясь от огня, наемники бежали в Кремль. Долгожданная победа была близка, но огонь мешал не только «литве». Пробираясь по горящим улицам, русские воины пытались тушить пожар и оказывали помощь гибнущему населению. Интервенты использовали паузу, чтобы вновь собраться с силами. Пушки с кремлевских стен открыли убийственный огонь по ополченцам. Когда пожар стих, роты сделали вылазку и вытеснили русских из Китай-города. Казачьи таборы не смогли вовремя прийти на помощь своим, потому что Ян Сапега напал на них с тыла.

Много ратных людей пало в битве за Китай-город. Но и неприятель понес ощутимые потери. Его моральный дух был

окончательно поколеблен. Казаки Заруцкого снова заняли Новодевичий монастырь и сомкнули вокруг Москвы кольцо блокады. Лишь прибытие Ходкевича спасло интервентов. Литовский гетман нисколько не сомневался в том, что разношерстное и терзаемое внутренними противоречиями ополчение не сможет противостоять его закаленной в боях и превосходно вооруженной армии. Храбрости Ходкевичу было не занимать. Он жаждал генерального сражения. Польско-литовское командование рассчитывало решить исход войны одним ударом. Гетмана вдохновляли воспоминания о недавних блистательных победах его солдат. Но он не учел того, что теперь ему противостоял вооруженный народ. Русские ратники знали, что от их стойкости зависит будущее страны. И они совершили подвиг, которого от них ждала вся земля.

В конце сентября 1611 года Ходкевич разбил лагерь к югу от Москвы. Его силы значительно увеличились после того, как Ян Сапега привел к нему свое войско. В боевом порядке армия Ходкевича прошла мимо Андроньева монастыря и бросилась на штурм казачьего острожка на Яузе. Невзирая на потери, солдаты вновь и вновь взбирались на земляной вал. Гремели выстрелы. Пороховой дым клубами поднимался к небу. Казаки сражались с таким остервенением, что ветераны Ходкевича дрогнули. Когда гетман уразумел, что рискует остаться без армии, он велел трубить отбой. Заруцкий оценил ситуацию и попытался вырвать инициативу из рук противника. Казаки отрезали от главных сил отряд гусарской конницы и загнали его в Яузу. Гусары пытались переплыть реку, но ее берега были топкими и заболоченными. Тяжеловооруженные всадники тонули в трясине вместе с лошадьми.

Ходкевич не достиг ни одной из поставленных целей. Он не смог разбить земское ополчение и отбросить его от стен Москвы. Планы Сигизмунда III потерпели крушение. Русское освободительное движение одержало крупнейшую военную и моральную победу. Ее последствия давали о себе знать длительное время. Ходкевич оказался бессилен избавить кремлевский гарнизон от осады. Наемники отказывались повиноваться своим командирам и угрожали, что немедленно покинут Москву. Грабежам и насилиям не было конца. Гетман

пытался пресечь мародерство в гарнизонных частях. Он примерно наказал нескольких наемников-немцев. Его приказ едва не вызвал бунт. От намерения навести порядок в войсках пришлось отказаться. Ходкевич пополнил московский гарнизон приведенными им самим солдатами и сапежинцами и довел его численность до двух с половиной тысяч. Части, охваченные волнениями, получили разрешение покинуть Москву и ушли на родину.

Осень давно вступила в свои права. Целыми днями лили холодные дожди. От земли поднимался туман. По ночам почву сковывали заморозки. Близилась зима. Ходкевич предполагал расположить армию в русской столице и предоставить солдатам долгожданный отдых. Но ему пришлось отказаться от осуществления своих планов. Пожар в Китай-городе уничтожил большую часть складов с продовольствием и фуражом. В огне погибли жилые помещения, служившие казармами для солдат. В холод и ненастье Ходкевич увел свою армию в Рогачево и разбил там зимний лагерь. Без славы ушел он от русской столицы. Интервенты начисто разграбили деревни к северу от Москвы и вскоре снарядили для Гонсевского большой обоз. Вместе с партизанами казаки подстерегли конвой и отбили несколько сот возов. В Кремль прорвалась лишь небольшая часть обоза. Блокада обрекла вражеский гарнизон на голод. В Китай-городе на торгу цена на рожь поднялась до трех рублей за четверть. Над Кремлем с громким карканьем вились тучи воронья. Солдаты стреляли ворон и продавали по 15 грошей за штуку. Голодающие подбирали любую падаль и питались ею.

Казалось, русским воинам надо было сделать последнее усилие, чтобы изгнать врага с Московской земли. Но ополчение израсходовало все свои силы и ресурсы. Ополченцы нанесли противнику ощутимое поражение, но они заплатили за свой успех высокую цену. Их потери были колоссальными.

Вопреки легендам гибель Ляпунова не привела к повальному бегству дворян из-под Москвы. Даже сын Прокофия счел безопасным для себя остаться в таборах после гибели отца. На протяжении лета в осадный лагерь прибывали и одиноч-

ные служилые люди, и крупные отряды дворян. Однако осенью дворяне начали разъезжаться по домам. Поместное ополчение разваливалось на глазах. Испокон веку дворяне сражались «конно, людно и оружно». На добром коне и в надежной броне, окруженный боевыми слугами, дворянин на поле брани чувствовал себя господином положения. Холопы прикрывали его своей грудью, кольчуга защищала от вражеских ударов, верный конь спасал от погони. Разорение лишило помещиков былой уверенности. Многие из них растеряли холопов. Не всем удавалось обновить оружие после длительных и жестоких боев. В худом тегиляе, на тощей кляче помещик чувствовал себя легкоуязвимым и беспомощным.

Конституция 30 июня 1611 года обещала благополучие всем оскудевшим дворянам, принявшим участие в освободительной борьбе. Никто не хотел ждать. Получив грамоту на поместье, служилые люди отправлялись в уезды, чтобы собрать оброки и запастись деньгами. В ноябре 1611 года Разрядный приказ составил список дворян, служивших под начальством боярина Дмитрия Трубецкого. За короткое время список был испещрен пометами об отъезде дворян. Одни уезжали *«для ран»* — на излечение, другие — *«для поместного раздела»*, третьи — испросив себе отпуск у воевод. Многие помещики покинули ополчение самовольно, без разрешения воевод. Таяло поместное ополчение, и вместе с тем рушился фундамент, на котором зиждилась власть земского дворянского правительства.

Изменилось само лицо Совета всей земли. Погиб Ляпунов, который был душой его. Один за другим покинули сцену его сподвижники из дворянского лагеря. Одни погибли в кровопролитных боях, как окольничий Василий Мосальский. Другие, как окольничий Артемий Измайлов и Андрей Репнин, уехали на воеводство в города. Едва ли отъезд их объяснялся страхом перед казаками. Артемий Измайлов оставил в полках своего сына Василия. Иван Шереметев получил назначение на воеводство в Кострому. Его место в полках тотчас занял его родной брат, стольник Василий.

Поредевшие дворянские отряды держали оборону в западных и северных кварталах столицы. Воевода Мирон Вельяминов со своими ратниками занимал позиции у Тверских ворот. Стольник Исак Погожий с угличанами закрепился на Трубе около Петровки. Бок о бок с ним располагался отряд стольника Измайлова.

Главные позиции земского ополчения находились в восточных кварталах близ Яузских ворот. Казаки разбили тут обширный лагерь. Готовясь к новым сражениям, они окружили лагерь высокими земляными валами. По численности казацкие полки теперь далеко превосходили дворянские отряды. Преобладание казацких элементов в ополчении неизбежно сказалось на составе руководства.

Как самый знатный из земских бояр, князь Дмитрий Трубецкой числился главой ополчения, как и при Ляпунове. Но всеми делами при нем распоряжался вездесущий Заруцкий. Он стал подлинным главой земского правительства. Московские наблюдатели, пережившие земскую осаду, утверждали, будто второй по влиянию фигурой в ополчении стал популярный среди казаков атаман Просовецкий. Был ли он выбран войском или занял место подле Заруцкого в силу своих боевых заслуг, неизвестно. Два атамана во главе земской рати — это было слишком много в глазах дворян. Земский совет все больше приобретал черты казацкого круга.

Просовецкий требовал решительных действий, которые бы позволили немедленно покончить с врагом. В начале декабря 1611 года атаман повел свои отряды на приступ. Взорвав одни из ворот Китай-города, казаки и ратные люди ворвались в крепость, но были остановлены выстрелами. Гонсевский заблаговременно узнал о русских планах и разместил за воротами батарею из тридцати пушек. Орудия стояли полукругом, ствол к стволу. Казаки шли на приступ, выказывая удаль и молодечество. Но губительный огонь косил их ряд за рядом. Атака захлебнулась в крови.

Неудача повергла в уныние Просовецкого и его сторонников. Распространились слухи о его ссоре с Заруцким. Согласно польской информации Просовецкий будто бы поки-

нул главный лагерь и с тысячей казаков заперся в Симоновом монастыре, стоявшем на дороге в Коломенское. Заруцкий с войсками бросился догонять его и принудил к переговорам. В присутствии всей Москвы Просовецкий заявил, что Заруцкий не достоин того, чтобы командовать столь многочисленным войском, в рядах которого много людей из старых и заслуженных княжеских родов. Раздор между атаманами вызвал волнение черни. Заруцкого будто бы убили, а Просовецкого выбрали на его место.

Поляки считали Заруцкого самым опасным для себя воеводой ополчения и потому охотно поверили слухам о его гибели. Но слухи эти не соответствовали действительности.

Зима вступила в свои права. Поля Подмосковья покрылись глубокими сугробами. Морозы стали подлинной бедой для ополченцев и населения Москвы. Но москвичи проявляли редкую привязанность к родным местам. Они терпели любые невзгоды и не покидали город. На месте прежних домов они выстроили себе будки из досок и землянки. Новые жилища теснились поближе к укрепленным таборам земского ополчения. Как повествовали очевидцы, москвичи — всякие черные люди, и торговые, и промышленные — жили под Москвой в полках и кормились и держали всякие съестные припасы.

К концу зимы харч в посадских земляных слободах подошел к концу. Не пресловутое казачье «воровство», а неслыханное разорение края явилось причиной того, что в освобожденных кварталах столицы начался голод. Вслед за дворянами потянулись на зимовье в дальние волости казаки. Боевые действия в Москве замерли до весны.

Тем временем в Пскове произошли события, грозившие развалить земское движение. Псковичи отказались присягнуть на верность царю Владиславу. Прошло некоторое время, и на Псковщине появился новый самозванец — Лжедмитрий III.

История псковского авантюриста незамысловата. Едва калужане предали земле останки шкловского бродяги, как в Москве нашелся другой авантюрист, взявшийся докончить прерванную комедию.

Кем был вновь объявившийся самозванец, неизвестно. Русские авторы допускали вопиющие противоречия, едва речь

заходила о Лжедмитрии III. Придворный летописец Романовых утверждал, будто тот был москвичом — Матюшкой, который пришел в Ивангород *«с Москвы из-за Яузы дьякон Матюшка и назвался царем Дмитрием»*. Современники подозревали, что новый «вор» происходил из духовного сословия, но его подлинного имени так никогда и не установили. Свой рассказ о «царе» Матюшке автор «Нового летописца» снабдил неожиданным заголовком: *«О Сидорке, Псковском воре»*. Итак, последнего самозванца звали то ли Матюшкой, то ли Сидоркой.

Где был этот человек в момент гибели Лжедмитрия II, никто не знает. Прошло немного времени, и дьякон сбежал из Москвы в Новгород. Опустошив свой тощий кошелек, Матюшка попытался заняться мелкой торговлей. Он раздобыл несколько ножей и еще кое-какую мелочь и задумал сбыть свой товар с выгодой для себя. Предприятие быстро лопнуло, и беглецу пришлось просить милостыню, чтобы не умереть с голоду. В один прекрасный день он наконец собрался с духом и объявил новгородцам свое «царское» имя. Толпа осыпала новоявленного царя бранью и насмешками. Многие узнали в нем бродячего торговца. Незадачливому самозванцу пришлось спешно убираться из Новгорода. Все же ему удалось увлечь за собой несколько десятков человек. С ними он бежал в Ивангород. Крепость эта находилась в руках бывших тушинцев, и самозванец рассчитывал на их любезный прием. Ивангородцы изнемогали в неравной борьбе. Несколько месяцев крепость осаждали шведы. Затем к городу подошел пан Лисовский с отрядом. Горожане не поверили его дружеским заявлениям и заперли перед ним ворота. Наконец их призывы о помощи были услышаны. В город прибыл собственной персоной воскресший «Дмитрий». Три дня ивангородцы палили из пушек в честь долгожданного спасителя. Простым людям «царек» казался своим человеком. Иноземцы находили его смелым по характеру и находчивым краснобаем. В самом деле, «вор» без устали повторял историю своего спасения всем желающим. Он был зарезан в Угличе, но избежал смерти. Его изрубили и сожгли в Москве, но и тогда он восстал из мертвых. Его обезглавили в Калуге, но вот он — жив и невредим стоит перед всеми.

Добившись признания в Ивангороде, самозванец тотчас завязал тайные переговоры с псковичами. Нигде социальная борьба не приводила к столь решительным результатам, как во Пскове. Подняв восстание против царя Василия Шуйского, «меньшие люди» изгнали из города воевод, дворян и лучших людей. После свержения Шуйского Семибоярщина так и не смогла добиться покорности от псковичей. Город отказался от присяги в пользу королевича Владислава. Весть о гибели Лжедмитрия II посеяла тревогу в псковских низах. Но сторонники калужского «царька» воспрянули духом, едва прослышали о появлении «государя» в Ивангороде. Псков не сразу освоился с невероятной новостью, и казаки, очертя голову бросившиеся в новую авантюру, принуждены были хитрить. Атаманы объявили о сборе в поход, и их сотни в боевом порядке покинули Псков. Едва за спиной у казаков захлопнулись крепостные ворота, отряд развернулся и помчался к Ивангороду. Прибыв в Ивангород, казаки уверили Матюшку в том, что Псков примет его с распростертыми объятиями. «Царек» поверил им и в начале июля разбил свои бивуаки в псковских предместьях. Его посланцы затребовали ключи от города. Псковичи долго советовались, как быть. В конце концов они решили, что проживут и без «царька». Матюшка окончательно испортил дело после того, как велел захватить городское стадо и на славу угостил свое воинство. Шесть недель самозванец маячил у стен крепости, а затем внезапно исчез. Его спугнули шведы. По новгородской дороге к Пскову приближались шведские отряды и ополчение новгородских дворян. К ним присоединилось немало псковских помещиков. Меньшие люди Пскова знали, что их не пощадят в случае поражения, и решительно отвергли все предложения о сдаче. «Новгородское государство» тщетно убеждало псковичей последовать его собственному примеру и отдаться под покровительство Швеции. Псковский народ решительно отверг путь предательства. Не для того псковичи восстали против Владислава, чтобы признать над собой власть шведского королевича.

При поддержке новгородских и псковских дворян шведы попытались силой овладеть непокорным городом. 8 сентября

1611 года они взорвали крепостные ворота и устремились на приступ со стороны реки Великой. Наемники помнили о «новгородском взятии» и предвкушали легкую победу. Они готовились разграбить древний город. Но псковичи давно изгнали из своего города всех, кто мог оказать помощь врагам. И потому шведские солдаты не добились тут успеха. Приступ был отбит. Пять недель неприятель осаждал крепость, а затем отступил к Новгороду.

Вскоре Псков подвергся нападению с запада. Король Сигизмунд III направил против Пскова армию гетмана Ходкевича, стоявшую в Ливонии. Ходкевич осадил Псково-Печорский монастырь. В течение полутора месяцев тяжелые осадные пушки вели огонь по монастырским укреплениям. В нескольких местах стена крепости покрылась трещинами и осела. Но стрельцы, монахи и окрестные крестьяне, затворившиеся в монастыре, не теряли мужества. Отразив семь вражеских приступов, они вынудили Ходкевича снять осаду и отступить в Ливонию.

В Пскове установилось народовластие. Город давно заявил о поддержке земского освободительного движения. Горожане готовы были послать силы, чтобы ускорить освобождение Москвы. Но им пришлось самим запросить помощи у земского ополчения, чтобы выстоять в неравной борьбе. *«Многие напасти на нас сходятся отовсюду,* — писал псковский «мир» вождям ополчения, — *а помощи ниоткуда нет!»* Совет земли откликнулся на это обращение. В Псков выступили воеводы Никита Вельяминов, а за ним Никита Хвостов с отрядом казаков.

Смерть Ляпунова развязала руки сторонникам самозванцев в подмосковном ополчении. Однако среди них не было единодушия. Шведы получили достоверную информацию о том, что Заруцкий старался убедить казаков избрать в цари Ивана Дмитриевича. Однако царевич был грудным младенцем, и все понимали, что править за него будет его мать Мнишек. Вдова двух самозванцев, однако, не пользовалась никакой популярностью в народе.

Весть о появлении Дмитрия в новгородских пределах вызвала минутное возбуждение среди казаков, которое вскоре

же улеглось. Весть была слишком невероятной. В таборах было много ветеранов, своими глазами видевших мертвую голову государя, отделенную от туловища.

Шло время, а поток известий о деяниях Дмитрия не только не иссяк, но стал разрастаться. Время брало свое, и легковерные люди все больше свыкались с мыслью о новом спасении поистине бессмертного сына Грозного. На удочку попали те из казаков и московских повстанцев, которым не довелось видеть мертвого «вора». Новообращенные большой толпой присоединились к отряду, направленному в Псков вождями ополчения.

Прибытие в Псков сторонников Лжедмитрия мгновенно изменило ситуацию в городе. Под влиянием их агитации псковские низы потребовали признания истинного государя. Их посланцы выехали в Ивангород и передали ему приглашение псковского «мира». Матюшка не стал ждать, чтобы его попросили дважды. Он тотчас собрался в путь. «Царек» и его свита выбирали глухие проселочные дороги. Им удалось миновать шведские заставы. 4 декабря 1611 года кавалькада показалась в окрестностях Пскова. Жители успели простить государю забитых коров из городского стада. Они устроили ему радушную встречу. Воеводы не имели сил противиться общему порыву. Матюшка тотчас вознаградил их за покорность. Воеводы князь Иван Хованский и Никита Вельяминов сподобились боярского чина и заняли почетное место подле самозванца. Обосновавшись в псковском детинце, Матюшка сразу же отправил в подмосковные таборы атамана Герасима Попова с воззванием к тушинским ветеранам.

Казаки созвали круг и внимательно выслушали речи государева посланца атамана Попова. Некоторые из участников круга открыто выражали сомнения в чудесном спасении Дмитрия. Наконец было решено отправить в Псков особую делегацию для опознания царя.

Лжедмитрий III устроил посланцам ополчения торжественную встречу. Допущенные к руке, старые казаки убедились, что перед ними самозванец, нисколько не похожий на их прежнего «царька». Но вооруженная стража Матюшки ок-

ружала трон толпой, и казакам поневоле пришлось прикусить язык. Никто из них не решился обличить «вора». Под нажимом псковичей послы направили ополчению грамоту с подтверждением истинности Дмитрия.

Грамота полномочных послов всей земли вызвала в ополчении бурю. Простой народ и казаки охотно верили тому, чему хотелось верить. Их добрый царь в который раз вновь спасся от злых бояр. Последующие события развивались под действием неудержимых стихийных сил. 2 марта 1612 года казачий круг, на котором присутствовало также много черных людей — москвичей, провозгласил государем псковского самозванца. Вожди ополчения Заруцкий, Трубецкой и другие, помня о судьбе Ляпунова, подчинились кругу. Они вместе с казаками принесли присягу на имя Лжедмитрия III и вернулись в свою ставку в сопровождении торжественной процессии под грохот артиллерийского салюта. Народ приневолил целовать крест дворян из полка Трубецкого, попавшихся им под руку.

В земских отрядах, стоявших поодаль от таборов, присяга не удалась. Воеводы Мирон Вельяминов, Исак Погожий и Измайлов, занимавшие позиции подле Тверских ворот и Трубы, бежали из ополчения прочь, опасаясь за свою жизнь.

Некогда Ляпунову удалось сплотить разнородные силы и повести их на освобождение Москвы. Присяга Лжедмитрию разрушила хрупкое единство. Раскол, которого так боялся Ляпунов, стал свершившимся фактом. Переворот в Москве был осуществлен черным людом Москвы и казаками. С помощью наемников боярское правительство с трудом предотвратило выступление этих сил в пользу калужского самозванца в конце 1610 года. С тех пор прошло полтора года. Столичные жители пережили неслыханную трагедию. Их город превратился в груду развалин. С помощью вновь воскресшего «Дмитрия» низы надеялись рассчитаться наконец с лихими боярами.

Вождь ополчения Заруцкий оказался бессильным перед лицом стихии. Он подчинился восставшему народу, но попытался дать свое толкование акту присяги. Тотчас после переворота воеводы *«холопы Митка* (Трубецкой) *и Ивашко Заруцкий»* били челом государыне Марине Юрьевне и государю

царевичу Ивану Дмитриевичу всея Руси. Заруцкий ориентировался не на Псков, а на Коломну, где находилась Марина Мнишек с сыном. Он исподволь готовил почву к тому, чтобы усадить на трон «воренка».

Переворот получил поддержку в южных и северских городах, прежде примыкавших к калужскому лагерю. Там находилось немало атаманов и казаков, сражавшихся в армии Болотникова. На востоке власть псковского самозванца поспешили признать небольшие города Арзамас и Алатырь. Зато города Казань, Нижний Новгород, Владимир, Ярославль, Кострома встретили избрание Лжедмитрия III как незаконный акт, противоречащий воле земли. Борьба между сторонниками и противниками Лжедмитрия III грозила взорвать освободительное движение изнутри.

Глава 5
ПОЧИН НИЖЕГОРОДЦЕВ

Посадские люди стали утрачивать доверие к земскому правительству, после того как самый популярный вождь ополчения Ляпунов был убит, а сменивший его Заруцкий предложил избрать на трон сына самозванца. Первыми зашевелились казанцы. В августе 1611 года они снеслись с нижегородцами и выработали соглашение. Приговор двух крупных городов послужил грозным предостережением для подмосковных властей. Посадские люди предупредили, что не потерпят смещения воевод, посланных ими для освобождения Москвы, и не признают назначений, произведенных Заруцким и казаками по своему произволу. Посады выразили сомнение по поводу способности ополчения довести до конца дело царского избрания и заявили, что отвергнут любого государя, посаженного на трон казаками без согласия на то земли. Недоверие к земскому руководству оказалось столь сильным, что посадские миры постановили не пускать к себе казачьи отряды из таборов.

Соглашение между двумя городами послужило прологом к организации второго ополчения. Казанцы, пошумев, отступили в тень. Нижегородцы же вскоре перешли от слов к делу. Им предстояло осуществить трудный почин.

Нижний Новгород не имел своего епископа и находился в непосредственном ведении патриаршего дома. По этой причине нижегородцы решили обратиться за духовным советом к своему покровителю Гермогену. Они снарядили в Кремль посланца Мосеева с «советной челобитной». Посол не раз глядел смерти в глаза, прежде чем проник в осажденный Кремль к опальному Гермогену. В скудости и печали доживал свои дни престарелый патриарх. Слуги Гонсевского совлекли с него святительские ризы и заточили в Чудов монастырь.

Гермоген внимательно выслушал Мосеева и заявил о поддержке нижегородского почина. Обращение низложенного владыки к Нижнему Новгороду стало его политическим завещанием. Гермоген просил нижегородцев связаться с казанским митрополитом, рязанским владыкой и иерархами других городов. Когда князья церкви сочинят «учительные грамоты» к земским боярам, тогда их надо собрать воедино. Гермоген заклинал бесстрашного человека Мосеева доставить грамоты под Москву и огласить их, даже если казаки будут угрожать ему смертью. Таким путем глава церкви пытался повлиять на избирательную кампанию и помешать Заруцкому и казакам посадить на трон одного из самозванцев. *«Проклятый сын паньи Маринки,* — писал в сердцах Гермоген, — *на царство не надобен: проклят от святого собору и от нас».*

Мосеев спрятал патриаршую грамоту и благополучно доставил ее по адресу. Но земское освободительное движение пошло не по тому направлению, которое пытался придать ему Гермоген. Не князья церкви, а посадские люди — нижегородцы стали его руководителями.

Нижний Новгород оставался в начале XVII века одним из крупных центров городской жизни в России. Путешественники, останавливавшиеся в городе, насчитывали в нем никак не меньше восьми тысяч человек.

Город располагался возле места впадения Оки в Волгу, на перекрестке больших торговых путей, связывавших центр

государства с Нижним Поволжьем, Пермским краем и Сибирью.

Бедствия Смутного времени причинили огромный ущерб городским центрам России. Нижнего Новгорода разорение коснулось в меньшей мере, чем других городов. В обстановке гражданской войны замерли торговля и промыслы, сократилось население Нижнего. Однако военные грабежи и погромы миновали город.

Нижний Новгород обладал превосходной системой обороны. Лишь несколько русских городов имели каменные крепости, по мощности равные Нижегородскому кремлю. Его толстые стены, крытые тесом, то поднимались уступами в гору, то опускались к воде. В уязвимых пунктах оборонительной линии возвышались башни, числом более десятка. Главная магистраль кремля — Большая мостовая улица — начиналась возле ворот четырехугольной Ивановской башни и, круто изгибаясь, уходила в гору на главную площадь. Посреди площади высился белокаменный Спасо-Преображенский собор. Его окружал хоровод деревянных церквушек. С запада к кремлю примыкали обширные посады. Их защищал острог с бревенчатыми башнями и рвом. Посады были заполнены множеством рубленых изб. На богатых дворах стояли терема с шатровым верхом.

В кремле против главного собора помещалась съезжая изба. Там местные власти творили суд и расправу. В разгар Смуты выборные посадские люди пользовались исключительным влиянием на дела. Обычно посадский мир собирал сходку по осени в первые дни нового года. (Счет лет в то время вели от сотворения мира и Новый год праздновали первого сентября.) Мир выбирал из своей среды старост и присяжных, или целовальников.

Осенью 1611 года нижегородцы избрали земским старостой Кузьму Минина. Кузьма происходил из богатой посадской семьи. Его отец держал соляной промысел в Балахне и владел несколькими деревнями. Сам Кузьма жил в Нижнем Новгороде, держал мясную лавку и вел прибыльную торговлю. Свое избрание в земские старосты Минин воспринял как

зов судьбы. Неудача земского движения, грозившая окончательным развалом и погибелью Московского царства, глубоко тревожила нижегородцев. Обсуждая изо дня в день положение под Москвой, они пришли к выводу, что только организация нового земского ополчения может решить исход битвы за «царствующий град».

Со времени Смуты политика была недоступной для посадских людей сферой деятельности. Сословные предрассудки имели силу железного закона. Чтобы вырваться из их плена, человеку нужно было обладать подлинным мужеством. Минин хорошо помнил, какой внутренней борьбы стоило ему решение ввязаться в большую политику. Монахи записали воспоминания Кузьмы с его собственных слов.

В конце лета, вспоминал Минин, он не раз уходил из избы в сад и проводил ночь в летней постройке — повалуше. Там его трижды посетил один и тот же сон. Виделось Кузьме, будто идет он со многими ратными людьми на очищение Московского государства. Мысль о подвиге во имя спасения отечества давно волновала Минина. Но он не решался никому открыться. Как человек трезвый, Кузьма привык сообразовывать замыслы с наличными средствами. Поэтому, пробуждаясь ото сна, он каждый раз оказывался во власти безотчетного страха. «За свое ли дело берешься?» — спрашивал себя Минин. Сомнения осаждали его со всех сторон, он отдавал себе отчет в том, что у него нет никакого воинского опыта *(«...не было воинское строение ему в обычай»).* А кроме того, Кузьма принадлежал не к власть имущим (старейшим), а к черным тяглым людям. Минин вспоминал, что при пробуждении его било как в лихорадке. Он всем существом своим ощущал непомерную тяжесть. *«Болезнуя чревом»,* Кузьма едва поднимался с постели.

В конце концов земский староста преодолел сомнения и обратился к горожанам с призывом пожертвовать всем ради спасения родины.

Один очевидец из дворян воспроизвел в своих записках следующее обращение старосты: *«Братья, разделим на три части имения свои, две отдадим воинству, себе же едину часть*

на потребу оставим!» Исходя из предложенного расчета, Кузьма будто бы пожертвовал в казну ополчения две трети своего имущества. По другим сведениям, староста объявил миру, что имеет триста рублей, и тут же выложил на стол сто рублей *«в сборные деньги»*.

Добровольные пожертвования положили начало сбору средств в фонд нового ополчения. Минин и его сподвижники умели хорошо считать и знали, что война требует больших денег. Поэтому они вскоре же провели в жизнь постановление о чрезвычайном военном налоге. Нижегородцы поистине не щадили своих «животов». (Этим словом в те времена называли и имущество.) Еще недавно они понесли большие расходы на снаряжение первого ополчения. Теперь посадский мир санкционировал сбор пятой деньги со всех доходов и имуществ *«на жалованье ратным людям»*. Сбор проводился как на посаде, так и по всему уезду.

Взявшись за организацию войска, посадские люди долго ломали голову над тем, кому доверить командование.

Выборные земские власти прекрасно понимали, что успех затеянного ими дела будет зависеть от выбора вождя, который пользовался бы популярностью в армии и по всей стране. Посадские люди искали *«честного мужа, кому заобычно ратное дело»*, *«кто б был в таком, деле искусен»* и, более того, *«который бы во измене не являлся»*.

Нижегородцы решили полагаться лишь на свой опыт и искать подходящего кандидата среди окрестных служилых людей, лично им известных. Кузьма Минин первым назвал имя Дмитрия Пожарского, и мир поддержал его.

Князь Дмитрий находился на излечении в селе Мугрееве, до которого из Нижнего было рукой подать. Прошло много месяцев после ранения воеводы, но лечение подвигалось медленно. Когда в усадьбу явились нижегородские послы, князь Дмитрий не дал им определенного ответа. Послы уехали ни с чем. Впоследствии князь Дмитрий, вспоминая былое, любил говорить, что его к великому делу *«вся земля сильно приневолила»*, а если бы был тогда кто-нибудь из «столпов» вроде боярина Василия Голицына, его бы все держались, а он, князь

Дмитрий, мимо боярина за такое дело не принялся бы. Слова насчет боярина служили простой отговоркой. Василий Голицын находился в плену, а прочие «столпы» сидели с поляками в Кремле. Нижний Новгород присылал послов «многажды», прежде чем стольник согласился принять приглашение. Князь Дмитрий не мог нарушить этикет и дать согласие при первом же свидании. Еще больше, чем этикет, его беспокоило собственное нездоровье. Кроме того, князь Дмитрий желал заранее определить свои будущие взаимоотношения с посадским миром. Кузьме Минину пришлось лично отправиться в Мугреево, чтобы рассеять опасения стольника. Оба были воодушевлены одними и теми же стремлениями и чувствами и потому вскоре нашли общий язык. Самая большая трудность, которую предстояло преодолеть Минину и Пожарскому, состояла в том, чтобы раздобыть деньги. В обычное время воеводы не имели нужды заниматься финансовыми вопросами. Их обеспечивала государева казна. Ныне финансы оказались в руках Семибоярщины и «литвы». Пожарский соглашался взять на себя военное руководство ополчением, но требовал, чтобы в качестве его помощника мир назначил своего рода казначея.

Для завершения переговоров Нижний Новгород прислал в Мугреево дворянина Ждана Болтина, печерского архимандрита Феодосия и выборных посадских людей. Пожарский заявил им, что согласен встать во главе ополчения, но потребовал назначения себя в помощники «посадского человека». Его требование поначалу привело старших послов в недоумение. В их голове плохо укладывалась мысль насчет того, что вместе со стольником руководить войском будет некий выборный посадский человек. Требование воеводы шло вразрез с вековечными обычаями. Архимандрит наотрез отказался обсуждать предложение Пожарского и заявил, что у них в городе попросту нет подходящего человека. Тогда воевода сам назвал имя земского старосты Минина.

Минин согласился возглавить рать, но потребовал для себя чрезвычайных полномочий. Посадский мир принял его условия. Между тем в Нижний по приглашению мира приехали

представители смоленских дворян. Посадский мир оказал им почетную встречу и снабдил кормами. Несколько смолян по совету Минина немедленно выехали для встречи с Пожарским в Мугреево. Дворяне били челом, чтобы воевода не мешкая шел на Нижний. Появление смоленских ратных людей внушило Пожарскому большие надежды. Кроме смолян, он призвал под свои знамена вяземских и дорогобужских помещиков, стоявших по деревням в дворцовой Ярополческой волости. Волость располагалась неподалеку от Мугреева, и многие вяземские помещики нагнали Пожарского в пути, когда он в возке подъезжал к Нижнему Новгороду.

Местное духовенство, дворяне и посадские люди вышли за город и встретили Пожарского и его отряд с иконами, с хлебом и солью. К земской рати присоединилось сто пятьдесят стрельцов из местного гарнизона. Сбор ратных сил отнял гораздо больше времени, нежели думали нижегородцы. Смоленские дворяне соглашались выступить в поход не раньше, чем будут устроены их земельные дела. Представители смолян достигли соглашения с Мининым в конце октября, но сами воинские люди стали собираться в Нижнем лишь к 6 января 1612 года.

Нижегородцы ждали смоленских ратных людей у ворот и проводили их до самой воеводской избы. С высокого крыльца Минин обратился к прибывшим с замечательным напутствием. «Се братия, — сказал он, — грядете к нам на утешение граду нашему и на очищение Московскому государству!»

Будучи человеком практичным, Минин понимал, что одними речами делу не помочь. Служилые люди много лет спустя передавали из уст в уста рассказы об удивительной щедрости нижегородского выборного человека. Щедрость имела свои причины и оправдание. Разоренные помещики были попросту небоеспособны. Надо было как следует вооружить их и посадить на хороших лошадей, прежде чем отправить на войну.

Пожарский провел смотр и разбил дворян на три статьи. Первостатейные помещики получили до 20—30 рублей за душу, дети боярские третьей статьи — по 15 рублей. Помимо этого оклада земская изба раздала им всем единовременное пособие на покупку коня, починку доспехов.

Весть о нижегородском пожаловании вскоре облетела все соседние уезды. Служилые люди потянулись на земскую службу. Следом за коломенскими и рязанскими помещиками в армию Пожарского стали прибывать дворяне, стрельцы и казаки из различных окраинных крепостей.

План Пожарского состоял в том, чтобы возможно скорее собрать отовсюду военные силы и не мешкая отправиться с ратью на помощь к Москве. Осуществление плана, однако, натолкнулось на неожиданные трудности. Возможности Нижнего Новгорода оказались быстро исчерпаны. Минину и Пожарскому пришлось обратиться за поддержкой к ближним и дальним городам и волостям, что неизбежно привело к раздору с земским правительством. Подмосковные бояре и приказные считали, что только они имеют право распоряжаться сбором ратных людей и казны по всему государству. Почин Минина и Пожарского грозил разрушить сложившийся порядок.

Обращения Минина и Пожарского к городам не содержали никаких выпадов против земского правительства в лице Трубецкого и Заруцкого, зато в них было много предостережений насчет «казачьего воровства».

В письме к вологодскому посаду нижегородские земские власти отметили два опасных симптома: появление под Псковом нового «вора» Лжедмитрия III и рассылку Мариной Мнишек «смутных грамот» от имени «царевича» Ивана Дмитриевича. Свое отношение к самозванцам нижегородцы выразили с полной определенностью. До смерти своей, писали земские люди, они не согласятся на избрание псковского «вора» или коломенского «воренка».

Выступление нижегородцев дало выход настроениям, давно зревшим в провинции. Прошло совсем немного времени, и в своем обращении к народу князь Дмитрий Пожарский во всеуслышание заявлял о том, что все города — понизовые, и поморские, и поволжские, и Рязань — шлют всякие доходы в Нижний для подготовки похода к Москве. Горожане вновь брали судьбы освободительного движения в свои руки.

Политическая ситуация определила собой военные планы нижегородских вождей. Вскоре после 6 января 1612 года

они известили города о том, что намерены идти на выручку к Суздалю, осажденому литовскими людьми. Именно Суздаль Пожарский предполагал сделать местом сбора ополчений из замосковных и рязанских городов. Приглашая жителей Вологды принять участие в суздальском походе, земские люди старались рассеять их сомнения и раскрывали перед ними свои сокровенные замыслы: *«Будет, де, господа, опасаетесь от казаков иных каких воровских заводов, и вам бы однолично того не опасаться: как будем все верховые и низовые города в сходу, и мы всею землею о том совет учиним и дурна никакова вором делати не дадим», «а которые люди под Москвой Маринкою и сыном ее новую кровь похотят всчать, и мы дурна им никакого учинить не дадим».*

Планы Минина и Пожарского приобрели полную ясность и определенность. Сосредоточив в Суздале городские ополчения, они намеревались с их помощью нейтрализовать сторонников самозваных «царей» в казачьих таборах. В Суздале предполагалось созвать новый Земский собор, на котором будет широко представлена вся земля. Представительному собору и надлежало решить задачу царского избрания. *«Как будем все понизовые и верховые городы в сходе вместе,* — писали нижегородцы, — *мы всею землею выберем на Московское государство государя, кого нам Бог даст».*

Минин и Пожарский детально разработали план похода на Суздаль и созыва там собора. Но им не удалось преодолеть сопротивление земского правительства и осуществить свои замыслы. Заруцкий опередил нижегородскую рать. Когда сапежинцы захватили Ростов, он немедленно выслал против них атаманов Андрея и Ивана Просовецких с казаками. Выступление Просовецких вынудило врага очистить Ростов и в конце зимы отступить в Москву. Заруцкий начал стягивать в районе Суздаля и Владимира послушные ему части. Земское правительство преподало нижегородцам наглядный урок. Следуя его приказу, Арзамас в январе 1612 года выслал подкрепления братьям Просовецким, обосновавшимся во Владимире и Суздале. Нижегородцы тщетно пытались заполучить ратные силы из Арзамаса, Курмыша и некоторых других городов.

Казанские власти, вместе с нижегородцами выступавшие за создание нового ополчения, пытались помочь Минину и Пожарскому. Они пригрозили курмышанам, что явятся со всей силой к их городу и ссадят местного воеводу, если тот не подчинится нижегородскому совету. Но их угрозы не возымели действия. Старое земское правительство располагало еще достаточно прочными позициями в провинции.

Агитация Заруцкого в пользу «воренка» и посылка делегации к Лжедмитрию III в Псков обострили борьбу внутри ополчения и ускорили размежевание сил. Земское правительство и нижегородский совет готовились вступить в открытое противоборство подобно враждующим братьям. Занятие Суздаля казачьими отрядами сорвало замыслы Минина и Пожарского насчет созыва в этом городе нового Земского собора. Тогда нижегородцы обратили взоры в сторону Ярославля.

Заруцкий понимал значение Ярославля как ключевого пункта всего замосковного края. Вытеснив поляков из Ростова, он расчистил себе прямой путь из Москвы на Ярославль. В тылу у Ярославля располагалась Кострома. Местный воевода сохранял верность подмосковным боярам, что облегчало задачу подчинения Ярославля. Заруцкий поручил дело Просовецким. Казачьи разъезды вскоре же прибыли в Ярославль. Местный воевода и посадские власти давно установили тесный контакт с нижегородским советом. Едва в город стали прибывать казаки, ярославский воевода Морозов немедленно забил тревогу и запросил подкрепления у Пожарского.

Минин и Пожарский видели, что промедление грозит погубить их почин. Надо было либо принять вызов Заруцкого, либо свернуть свои знамена. Нижегородский совет принял решение о немедленном выступлении. Волей-неволей ему пришлось отказаться от прежнего плана похода к Москве по кратчайшим путям через владимиро-суздальскую землю. Нижегородской рати предстояло проделать кружной путь по берегу Волги, чтобы перетянуть на свою сторону враждебную Кострому и оказать помощь союзникам в Ярославле. Борьбу за столицу надо было начинать с борьбы за провинцию.

Зима подходила к концу, и нижегородцам следовало спешить с походом, пока не наступила весенняя ростепель. Несмотря на энергичные усилия, Пожарскому не удалось собрать крупные силы. Из Смоленска и Вязьмы в Нижнем оказалось не более тысячи ратников.

Посадским ремесленникам пришлось немало потрудиться, чтобы снабдить оружием рать Пожарского. Хорошо вооруженные конники стали вместе со стрелецкой пехотой ядром нижегородского ополчения. Пожарский надеялся, что прибытие казанской рати сразу удвоит его силы. Но его посланцу Биркину не удалось собрать казанцев к намеченному сроку. Казань не оправдала надежд, которые возлагал на нее нижегородский совет. Скрепя сердце князь Дмитрий отдал приказ о выступлении, так и не дождавшись ближайших союзников. Командовать авангардом он поручил брату князю Дмитрию Петровичу Лопате-Пожарскому. Лопата успешно справился с поручением. Он шел к цели кратчайшими путями, минуя крупные города. Вынырнув под Ярославлем, Лопата занял город, воспользовавшись поддержкой местного населения. Захваченных казаков воевода бросил в тюрьму. Андрей Просовецкий, продвигавшийся к Ярославлю с юга, решил уклониться от столкновения с Лопатой и повернул вспять.

Главные силы нижегородского ополчения выступили на Балахну в Великий пост 23 февраля 1612 года.

Местные жители встретили Пожарского в воротах. Воевод и дворян поместили в осадных дворах в крепости, прочих ратных людей устроили на ночлег на посаде.

Поход Пожарского послужил сигналом к объединению сил, выступивших против Заруцкого. В Балахне к нему присоединился Матвей Плещеев. Воевода этот пользовался большой известностью в первом земском ополчении. При жизни Ляпунова он пытался унять казачье своеволие в полках. После убийства Ляпунова ему пришлось бежать из ополчения и укрыться в своих костромских вотчинах. Свидание с Плещеевым не улучшило настроения Пожарского. Будущее освободительного движения казалось изменчивым и неопределенным.

Покинув Балахну, войско в сумерках добралось до Юрьевца. Ратники едва устроились на ночлег, как поднялась тревога. По дороге к городу быстро приближался отряд всадников. Караульные схватились за ружья. Но стрелять им не пришлось. Пропущенный в крепость мурза объявил, что привел на земскую службу отряд татар.

После Юрьевца рать сделала привал в селе Решма. Под утро в Решму прибыл гонец от Артемия Измайлова из Владимира. Гонец привез дурную весть. Измайлов сообщил своему давнему соратнику Пожарскому о том, что 2 марта казаки, черные люди Москвы произвели переворот и избрали на царство псковского «вора» Лжедмитрия III. Новость ошеломила нижегородских ратных людей. Не зная подробностей происшедшего, вожди ополчения не могли понять, как решились подмосковные таборы бросить вызов стране и провести царское избрание без совета с городами и представителями всей земли.

После остановки в Решме войско сделало новый привал в Кинешме. Жители городка встретили нижегородцев приветливо и предоставили им «подмогу». Из Кинешмы Пожарский выступил к Костроме. На подходе к Костроме в ополчение явились посадские люди — костромичи и предупредили Пожарского, что их воевода Иван Шереметев решил не пускать нижегородцев в город.

Город располагался на левом берегу Волги при впадении в нее реки Костромы. В середине города находился небольшой кремль, окруженный рвом. Костромской посад был не слишком велик, не более пятисот дворов.

Земское правительство прислало в Кострому на воеводство Ивана Шереметева, и тот не собирался подчиняться Пожарскому. Местные дворяне заперлись в крепости с Шереметевым. Очутившись перед закрытыми воротами, ратники принуждены были расположиться на посаде. Пожарский избегал кровопролития и не спешил штурмовать цитадель. Воевода надеялся, что местный посад скажет свое веское слово. И он не ошибся. В Костроме начались волнения. Горожане осадили Шереметева на воеводском дворе и убили бы его, если бы не подоспел Пожарский. Он велел ратникам взять под стражу

воеводу и тем спас ему жизнь. Покидая Кострому, Пожарский оставил там воеводой князя Романа Гагарина.

Теперь Ярославль был совсем близко. Ярославль заслуженно считался одним из крупнейших торговых и ремесленных центров страны. Но в отличие от Нижнего Ярославль не был преимущественно посадским городом. Тут жило многочисленное дворянство. Земское правительство пыталось превратить Ярославль в свою опорную базу еще до того, как нижегородцы выступили со своим почином. В дни боев с Ходкевичем в Ярославль выехали боярин Андрей Куракин и дьяк Михаил Данилов. Им поручили спешно сформировать в Ярославле вспомогательное войско и привести его на помощь к столице. С аналогичным поручением во Владимир выехал стольник Василий Бутурлин. Не располагая ни казной, ни достаточными полномочиями, Куракин и Бутурлин не справились с поставленной задачей. Им недоставало тех качеств, которыми природа в избытке наделила выходца из низов Кузьму Минина. Материальные возможности Ярославля казались исчерпанными, и воеводы не сумели найти общий язык с посадским населением и использовать общий подъем. Весть о признании самозванца в таборах и прибытие в город воеводы Лопаты-Пожарского оказали на престарелого боярина Куракина сильное впечатление. Он решил порвать с земским правительством и примкнуть к Пожарскому.

Нижегородские полки вступили в Ярославль под звон колоколов. Никто из людей не предвидел того, что ярославское стояние Пожарского продлится долгих четыре месяца.

Глава 6

ВТОРОЕ ОПОЛЧЕНИЕ

Под знамена Пожарского стекались служилые люди. На содержание их требовались средства. Ранее собранные деньги быстро разошлись. Найти новые в разоренной стране оказалось делом трудным, почти невозможным. Финансовая си-

стема давно находилась в полном расстройстве. Население, привыкшее к военному грабежу, спрятало имущество и затаилось, видя, что каждая новая власть приносит с собой лишь новые поборы. Жители городов разбредались по деревням. Торговля пришла в упадок.

В Нижнем Кузьме Минину понадобилось много недель, прежде чем ему удалось взять верх над богатыми торговцами и те «с нужею» стали жертвовать крупные суммы. В родном городе старосту хорошо знали, и он мог рассчитывать на поддержку всего посадского мира. За пределами Нижнего Кузьме приходилось заново утверждать свой авторитет. В Балахне он столкнулся лицом к лицу с местными солепромышленниками, среди которых находились его родные братья. Красноречие народного трибуна не тронуло толстосумов. Они не спешили расстаться с нелегко нажитыми деньгами. Минин не имел времени на долгие уговоры. Нижегородская рать заутро выступала в поход. Единственный раз в Балахне Минин дал волю гневу. В длинной речи перед горожанами он объявил сущими преступниками тех торговых людей, которые пытались утаить свое имущество от обложения и пожертвований на ратных людей. За «пронырство» виновные достойны того, чтобы им «руки отсещи»! Минин говорил с такой убежденностью, что речь его проняла присутствующих. Они уразумели, что ради земского дела староста не пощадит и родных братьев.

В Ярославле все повторилось сначала. Минин призвал местных купцов вносить средства на очищение Москвы. Но те остались глухи к его призывам. Богатые гости Никитников и Лыткин заявили, что их приказчики уже внесли свою долю в казну ополчения в Нижнем Новгороде. Ярославские лучшие люди искоса поглядывали на нижегородского старосту. Они видели и слышали своего брата «торгового мужика» и не понимали, почему им надо слушаться его. Прения в земской избе затянулись. Тогда выборный человек показал всем, что с ним шутки плохи. Он послал за стрельцами и велел им окружить земскую избу. Никитникова и прочих торговцев забрали *«не в честь»* и отвели в воеводскую избу к Пожарскому. Перед воеводами и приказными Минин объявил вины купцов и потре-

бовал лишить их всего имущества. Пожарский поддержал выборного человека своим авторитетным словом. Видя «жестокость» Кузьмы и свою «неправду», лучшие люди пали на колени и покорились.

Переворот в таборах смешал все планы Минина и Пожарского. Надежды на скорое освобождение Москвы рухнули. Пожарский не мог выступить к столице, пока там распоряжались сторонники самозванца. Государевым «изменникам», не желавшим признавать доброго «Дмитрия», грозил самосуд.

Осада Москвы связала Заруцкого по рукам и ногам. Благодаря этому Пожарский получил возможность утвердиться в замосковных городах без больших трудов и усилий. Еще в Костроме к Пожарскому прибыли посланцы Суздаля, просившие прислать к ним воеводу и ратных людей, чтобы унять Просовецкого и его казаков. Нижегородцы немедленно отрядили в Суздаль князя Романа Петровича Пожарского. Просовецкий не желал начинать братоубийственную войну и, заслышав о приближении отряда нижегородских стрельцов, ушел под Москву.

Войска Минина и Пожарского утвердились в Ярославле. Но на дорогах к северу от Ярославля еще находились казачьи отряды, сохранявшие верность Заруцкому. Чтобы очистить путь на север и в Поморье, князь Дмитрий направил в Пошехонье Лопату-Пожарского с ратниками. Воевода разбил находившихся там казаков. Их атаман Василий Толстой бежал в Кашин, где находился воевода князь Дмитрий Черкасский с отрядом. Черкасский нес службу в подмосковных таборах. Но он вскоре же перешел на сторону ярославского ополчения.

В мае 1612 года жители Переяславля-Залесского попросили Пожарского защитить их от Заруцкого. Совет направил туда воеводу Ивана Наумова. Тот отогнал казаков и укрепился в городе. Дело обошлось без кровопролития.

Ярославль стал подлинной Меккой для земских городов, отказавших в поддержке «вору». Замосковные, волжские и поморские посады посылали в Ярославль свои военные силы либо запрашивали к себе воевод с подкреплениями. Ратники Пожарского направились в разные стороны — в Тверь, Вла-

димир, Ростов, Касимов. Они взяли под контроль дороги, связавшие Ярославль с севером. Поморье и северные города стали теперь базой снабжения нового земского ополчения.

Раскол земского освободительного движения привел к распаду территории земщины. Объединив вокруг себя многие города, ярославский совет поневоле должен был взять на себя управление ими. Нижегородский мещанин Минин стал душой нового правительства. Его титул звучал необычно и внушительно — *«выборный всею землею человек»*.

В течение короткого времени Минин заново организовал систему управления обширной территорией, отказавшейся признать власть Лжедмитрия III. В Ярославле стали действовать свой Поместный приказ, Казанский дворец, Новгородская четверть. В Ярославль стекались со всех сторон дворяне, стрельцы, пушкари. Воеводы производили смотр вновь прибывшим и определяли им жалованье. Выдавая деньги, они требовали, чтобы помещики выставляли поручителей и давали письменное обязательство службу служить и со службы не сбегать. Поместный приказ приступил к раздаче земель оскудевшим дворянам.

В обычных условиях требовалась уйма времени, чтобы провести описание земель. Минин в считанные дни разослал дозорщиков в Суздаль, Кинешму, Торжок. Таким образом, ярославский совет смог выяснить реальные возможности налогоплательщиков.

Новая власть взыскивала налоги повсюду, где было возможно. Особого внимания она удостоила богатые обители. В Ярославле был организован Монастырский приказ. Его главою стал судья Тимофей Витовтов, человек безупречной репутации. Витовтов получил чин думного дьяка на службе в первом ополчении под Москвой.

Монастыри обладали крупными богатствами, и Минин охотно обращался к ним за займами. Соловецкий монастырь согласился ссудить земскую власть деньгами. Но он выразил сомнение по поводу полномочий нечиновного человека Минина. Монахи потребовали, чтобы Пожарский сам расписался на заемном письме.

Купцы и солепромышленники Строгановы оказались сговорчивее старцев. По настоянию Кузьмы Минина их приказчики дали ополчению в долг четыре тысячи рублей. Староста договорился о займе также с тремя московскими и четырьмя ярославскими купцами. Так удалось раздобыть еще тысячу рублей. Кузьма обязался возместить деньги, когда нижегородские денежные доходы «в сборе будут». Но шла война, и расходы перекрывали новые поступления. Вождям ополчения приходилось думать не о погашении старых, а о заключении новых займов.

Из городов в Ярославль везли добровольно собранную казну. Вместе с пожертвованиями ополчение получило немало серебряных вещей. Кузьма мгновенно оценил ситуацию и устроил в городе Денежный двор. Мастера переплавляли вещи и били монету, которую казна тут же использовала на жалованье ратным людям.

Приступая к сбору средств в той или иной волости, совет тотчас приглашал волостных старост, целовальников и лучших людей «для земского совета». При решении более важных вопросов совет вызывал в Ярославль местных представителей и требовал, чтобы «сословия» снабжали их письменными инструкциями. В таких случаях города получали наказ *«по всемирному своему совету присылать изо всяких чинов людей человека по два* (и по три) *и совет свой отписать за своими подписями»*. Выборные с мест постоянно приезжали к Минину и Пожарскому. Воеводы либо задерживали их при себе, либо отпускали домой с поручениями. С Белоозера в мае прибыли в Ярославль протопоп, двое посадских людей, один крестьянин из черных государственных волостей. Минин отпустил посадских, но задержал при себе протопопа и крестьянина для совета.

Второе земское правительство включало многих руководителей первого земского правительства.

Прямо из Подмосковья явились сюда воеводы Мирон Вельяминов и Исак Погожий со многими детьми боярскими, подьячими и даже торговыми «добрыми людьми», не желавшими целовать крест «вору».

Пожарский делал все возможное, чтобы сплотить вокруг Ярославля все силы страны. Такой курс не мог не сказаться на составе ярославского Земского собора. В нем было больше знати и посадских представителей. Старшими членами совета числились бояре князь Андрей Петрович Куракин, Василий Морозов, князь Владимир Долгорукий и окольничий Семен Головин. Родственники Куракина и Головина входили в Семибоярщину, а сам Долгорукий сидел в Кремле с «литвой» до марта 1611 года. Членами совета в Ярославле стали князь Никита Одоевский, князь Петр Пронский, князь Иван Черкасский, Борис Салтыков, князь Иван Троекуров, князь Дмитрий Черкасский, братья Шереметевы и другие.

Наплыв дворян в Ярославль имел многообразные последствия. Знать не забыла о своем унижении в подмосковном совете и домогалась особого положения в новом соборе. Ее притязания привели к неурядицам в ополчении. Распри вспыхнули после того, как в Ярославль прибыла казанская рать.

Вместе с нижегородцами казанцы выступили с почином организации нового ополчения. Будучи в Нижнем, Пожарский назначил своим главным помощником дворянина Ивана Биркина и поручил ему сформировать и привести казанскую рать. Биркин выехал в Казань как полномочный представитель нижегородского совета. Его сопровождали местный протопоп Савва и несколько выборных смоленских дворян.

Земское правительство возлагало большие надежды на поддержку со стороны Казани. В сношениях со шведами Пожарский подчеркивал, что на его стороне выступают города Московского и Казанского государств. В качестве ветеранов движения казанцы рассчитывали занять в Ярославле подобающее место. Но вскоре они смогли убедиться в тщетности своих надежд.

В Нижнем Биркин был заметной фигурой среди сподвижников Пожарского. В Ярославле не только Биркин, но и сам Пожарский затерялся в толпе бояр и знатных дворян. Когда Биркин явился в совет и от имени казанцев потребовал себе прежнюю должность, бояре и всеводы прервали его на полуслове. Будь то обычная местническая тяжба, спор не вышел

бы из стен приказной избы. Но затронутыми оказались более глубокие интересы.

За Биркина заступились казанцы, а также хорошо знавшие его смоленские дворяне и нижегородские стрельцы. Против него объединились бояре и дворяне. Раздор едва не привел к кровопролитию. Казанская «партия» изготовилась к бою. Но благоразумие все же взяло верх.

В «Казанском государстве» социальные противоречия приобрели более резкие формы, чем в замосковных городах. После убийства боярина Бельского управление городом перешло в руки дьяка Шульгина. Местный воевода боярин Василий Морозов ушел в поход под Москву, да так и не решился вернуться назад в Казань. В качестве ярославского воеводы Морозов оказал казанцам худой прием. Когда-то вождь ополчения Ляпунов послал своего родственника Биркина своим личным представителем в Нижний Новгород, откуда тот переехал в Казань. Посланцу Ляпунова удалось достичь полного взаимопонимания с казанским посадом.

Биркин уведомил «Казанское государство» о ярославских событиях, и дьяк Шульгин от имени местных властей отозвал казанскую рать домой. Его приказ вызвал раздор в войске. Тридцать помещиков и мурзы с отрядом татар отказались повиноваться Биркину и поступили на службу в ярославское ополчение. Прочие ратники вернулись в родной город. Пожарскому пришлось проявить немало терпения, чтобы избежать новых расколов.

Минин и Пожарский не требовали от ярославского совета мандата на единоличную власть. Они помнили о судьбе Ляпунова и не помышляли о возрождении триумвирата. Под текстом соборной грамоты князь Дмитрий приложил руку десятым, признав тем самым местническое превосходство девяти других более знатных бояр и стольников. Кузьма Минин приложил руку пятнадцатым.

Сдержанность Пожарского успокоила знать, но поколебала его собственные позиции. В апреле Совет земли разработал план наступления против литовских людей. В наступлении должны были участвовать почти все наличные силы

ополчения. Знать и слышать не желала о службе под началом неродословного стольника. Чтобы избежать местнических распрей, совет поручил руководить операцией не Пожарскому, а другому воеводе — князю Дмитрию Черкасскому. Прошлое Черкасского было более чем сомнительным. Он долгое время подвизался в тушинском лагере, потом перешел к литовцам и лишь затем — в земское ополчение. Черкасский отличался знатностью и занимал высокое местническое положение. Предложив Черкасскому важный пост, совет окончательно перетянул его из подмосковного лагеря на ярославскую службу.

В разгар зимних морозов литовские отряды пытались захватить Себеж. Наступление поддержали атаманы Ширай и Наливайко. Потерпев неудачу под Себежем, казаки ушли к Старой Руссе, а оттуда к Антоньеву Краснохолмскому монастырю в Бежецке.

Появление казаков в Бежецке вызвало тревогу Пожарского. Земское командование приказало Черкасскому *«итти на гетмана Ходкевича и на черкас»*. Первоочередная задача состояла в том, чтобы разгромить Наливайко.

Черкасскому были подчинены воеводы князь Семен Прозоровский и Леонтий Вельяминов с казаками, Лопата-Пожарский со смолянами, Петр Мансуров с вологжанами, остатки казанской рати и романовские татары. В апреле земское войско выступило из Кашина в поход. Но в его рядах нашелся предатель. То был Юрий Потемкин, один из участников убийства Ляпунова. Сменив несколько лошадей в пути, изменник предупредил «черкас» об опасности. Наливайко поспешно отступил на запад.

Князь Дмитрий Черкасский не пытался преследовать неприятеля. Запорожцы не были разгромлены и позже соединились с Ходкевичем.

В тылу у земских войск оставались казачьи отряды, сохранившие верность Заруцкому. Они располагались в Угличе. Совет земли надеялся избежать кровопролития и привлечь казаков на службу в ярославское ополчение. Князь Черкасский получил предписание уговорить атаманов и привести их в Яро-

славль. Когда он подступил к Угличу, четверо атаманов сразу перешли на его сторону. Прочие нехотя выехали в поле и начали биться с дворянами, но потерпели поражение. Черкасский не догнал Наливайко и довел дело до битвы в Угличе.

В начале апреля 1612 года Совет обратился с грамотой к Строгановым в Сольвычегодск. Грамота звучала как подлинное объявление войны казацким таборам. Историю первого ополчения авторы грамоты рисовали сплошь черной краской. Старые «заводчики злу», тушинские атаманы и казаки с их начальником Иваном Заруцким, гласила грамота, убили Прокофия Ляпунова, стали чинить дворянам смертные позоры, предались грабежам и убийствам; после того дворяне разъехались из Москвы; тогда Трубецкой и Заруцкий с казаками целовали крест псковскому «вору», чтобы *«по своему первому злому совету бояр и дворян и всяких чинов людей и земских и уездных лучших людей побити и животы разграбити и владети бы им по своему воровскому казацкому обычаю»*. Составители прокламации сознательно пугали Строгановых казацким «воровством».

Переворот в пользу Лжедмитрия II напугал многих дворян, и некоторые из них не прочь были порвать с казаками и полностью исключить их из освободительного движения. Но Минин и Пожарский придерживались иной точки зрения. К июлю 1612 года на службе в ярославской рати числилось довольно много атаманов. Отъезд казаков из подмосковных таборов в Ярославль оказал немалое влияние на исход самозванческой авантюры.

Пожарский стремился установить сотрудничество со всеми, от кого можно было ждать серьезной помощи. Он охотно принял под свою команду ротмистра Хмелевского с поляками. В дальнейшем они оказали большие услуги освободительному движению.

Однако Пожарский забил тревогу, когда в Ярославль явился гонец от капитана Маржарета. Еще осенью 1611 года бравый француз уехал в Голландию, а затем в Англию. Там он увлек рассказами о сказочно прибыльной службе в России дюжину авантюристов — подданных британской и австрийской короны. Кондотьеры направили в Москву гонца с пись-

мом. Они готовы были служить любому, кто сможет им хорошенько заплатить. В своем послании наемники клялись, что будут верно служить, но не уточняли кому. Они адресовались к великим и вельможным князьям и к их величеству. Такое обращение могло удовлетворить и нового Лжедмитрия, и «воренка», и Семибоярщину. Маржарет, самовольно присвоивший чин полковника, полагал, что в Москве его примут с распростертыми объятиями. Но он ошибся. Князь Пожарский не забыл о его кровавых подвигах при подавлении народного восстания в Москве.

Вопрос о найме солдат за морем Пожарский передал на рассмотрение соборным чинам. Собор энергично отклонил предложение Маржарета. *«Наемные ратные немецкие люди,* — гласил приговор, — *нам не надобны: немцам найму дать нечего, да и верить им нельзя».* В письме к кондотьерам разрядный дьяк взялся объяснить им, что Российское государство не нуждается более в иноземной помощи, потому что все земские люди объединились и теперь у них есть свой вождь Дмитрий Пожарский. Поясняя значение Пожарского, дьяк указал, что его избрали *«за разум, и за дородство, и за храбрость».* Перечитав написанное, он заколебался, вычеркнул слова *«за дородство и за храбрость»* и написал *«за правду».* Исправление весьма точно выражало отношение к Пожарскому, сложившееся в земском движении.

Чем большей властью обладал дворянин, тем пространнее был его титул. Своим «чином» Пожарский мог поспорить с любым влиятельным лицом. Но его длинный титул — *«по избранию всей земли Московского государства всяких чинов людей у ратных и у земских дел стольник и воевода князь Пожарский»* — был порожден освободительным движением и олицетворял торжество представительного начала.

В дни ярославского стояния земские люди учредили новый герб. Начиная с Отрепьева, самозванцы неизменно выступали под знаменами с двуглавым орлом. Ополчение избрало другую эмблему — льва. Большая земская печать несла изображение *«двух львов стоячих»,* меньшая дворцовая печать — *«льва одинокого».*

Ярославскому совету пришлось взять на себя выполнение внешнеполитических функций, и тогда Пожарский заказал себе печатку с собственным гербом. Герб князя Дмитрия украшало изображение двух львов, которые поддерживали геральдический щит с изображением ворона, клюющего вражескую голову. Под щитом был помещен поверженный издыхающий дракон. По краю располагалась подпись: *«Стольник и воевода и князь Дмитрий Михайлович Пожарсково Стародубсково»*. Глава земского правительства вспомнил о родовом прозвище своих далеких предков — удельных князей Стародубских, чтобы оградить себя от упреков в худородстве со стороны аристократов.

Земский совет, функционировавший в Ярославле, непрестанно повторял в грамотах к городам, что «земля» должна без промедления избрать себе законного царя. *«Сами господа, все ведаете,* — писали руководители собора, — *как нам ныне без государя против общих врагов — польских, и литовских, и немецких людей, и русских воров стояти? И как нам без государя о великих о земских делах со окрестными государи ссылатися и как государству нашему впредь стояти крепко и неподвижно!»* Надо спешить, говорили земские люди, чтобы от свалившихся бед Московское государство без государя до конца не разорилось.

Ярославские власти приступили к практической подготовке дела царского избрания. Они предложили городам выработать специальные решения — «приговоры» и прислать их со своими представителями, *«чтобы нам* (собору) *с совету всего государства выбрати общим советом государя»*.

Стремление к объединению страны наложило печать на отношение ярославского совета к членам Семибоярщины. Ляпунов обличал их как предателей и предлагал отбирать у них земли. Ярославский совет возлагал вину за погибель государства на изменника Михаила Салтыкова и ни словом не упоминал о преступлениях главных бояр. *«Ляпунов,* — писали члены совета, — *литовских людей в Москве осадил и тесноту им великую учинил»*. Члены боярского правительства словно бы и не сидели в осаде с «литвой» и не сражались против земских людей. В отличие от Ляпунова земская знать считала, что

великих бояр нельзя отстранить от дела царского избрания. Особенно энергично эту точку зрения отстаивал Иван Шереметев. Минин и Пожарский принуждены были считаться с этим и удалили из соборных постановлений все, что могло компрометировать московскую думу.

Как только ярославский совет приступил к определению кандидатов на трон, сразу же возникли непреодолимые трудности. Василий Голицын томился в польском плену. Филарета Романова король Сигизмунд держал в Польше как заложника. Ближайшая родня Филарета — князья Иван Черкасский и Троекуров, Борис Салтыков, дворяне Погожие и Михалковы подвизались в Ярославле и не прочь были подать голос в пользу избрания Михаила Романова. Но собор не мог наречь царем человека, вместе с Семибоярщиной служившего Владиславу.

Избрание царя по замыслу Земского совета должно было закрепить единство национальных сил. Но поставленная цель оказалась недостижимой. Избирательная кампания в недрах собора лишь разожгла страсти.

Опираясь на поддержку соборных чинов и земли, Минин и Пожарский энергично формировали отряды нового ополчения, пополняли дворянскую конницу, набирали горожан на стрелецкую службу и крестьян — на посошную. К концу весны дороги стали проезжими, и земские ратные люди начали готовиться к долгожданному походу на Москву. Но тут возникли обстоятельства, приведшие к новой задержке. В самом конце весны в Ярославле началась «моровая язва». Ратные люди стояли на постое во всех посадских избах. Скученность способствовала быстрому распространению эпидемии. С 15 мая 1612 года мор приобрел угрожающие размеры. Умерших не успевали хоронить. Народ пришел в смятение. Чтобы успокоить город, Пожарский обратился к духовным чинам. Те предложили провести крестный ход. Поутру 24 мая Пожарский во главе процессии прошел от главного собора к предместьям и обошел городские стены. Мор мешал немедленному выступлению рати к Москве. Многие дворяне, спасаясь от беды, уезжали в свои поместья. В конце концов эпидемия пре-

кратилась сама собой. В память о спасении от бедствия ярославские посадские люди в один день выстроили крохотную деревянную церковь — «Спас обыденный».

Все помыслы Минина и Пожарского были обращены к тому, чтобы организовать новую земскую рать. Но они не могли повести ее к Москве, пока с тыла им грозили войной шведы.

Митрополит и бояре, сдавшие шведам Новгородский кремль, шли по стопам московской Семибоярщины. Новгородская трагедия повторила московскую. Послы Новгорода Великого выехали в Швецию, чтобы привезти оттуда шведского принца и посадить его на «Новгородское государство». Но их задержали в Стокгольме на полгода. Между тем в Швеции умер Карл IX, и трон перешел к Густаву II Адольфу. Делагарди клялся, что шведское правительство во исполнение договора немедленно пришлет в Новгород принца Карла Филиппа. Но Густав Адольф, подобно своему двоюродному брату Сигизмунду III, желал сам занять русский трон. В начале марта 1612 года он обескуражил новгородцев сообщением о том, что вскоре лично прибудет в Новгород и постарается найти средства к умиротворению Русского государства. Густав ни словом не упомянул об отпуске в Новгород принца Карла Филиппа. Власти Новгорода были встревожены перспективой превращения их «государства» в шведскую провинцию, оккупированную коронными войсками. Вмешательство Густава Адольфа испортило игру, которую вел Делагарди. Ему потребовалось немало времени, чтобы успокоить встревоженных новгородцев.

Военачальники Густава Адольфа действовали в Новгороде совершенно так же, как полковники Сигизмунда III в Москве. Они щедро жаловали боярам земли за измену собственному народу. Главный воевода князь Иван Одоевский получил от Делагарди огромный погост с 4500 четвертями пашни неподалеку от самого Новгорода. Проклинаемые народом, новгородские верхи вскоре оказались в полной зависимости от шведских военных властей. Бояре и митрополит слезно упрашивали Делагарди не отлучаться из Новгорода. В противном случае, говорили они, неизбежно возникнет раздор меж-

ду войском и народом, некому будет подавлять «смуты» и народ отпадет от Швеции.

Бояре помогли шведам утвердить свое господство на всей обширной территории Новгородской земли. Где не действовали уговоры, шведы пускали в ход оружие. В разных концах «Новгородского государства» гремели выстрелы и лилась кровь. Брошенные на произвол судьбы, пограничные замки не могли выстоять в одиночку. Завоеванием их руководил Горн. Под Клушином генерал был одним из виновников поражения шведской армии. В Новгороде он пожинал лавры «героя». Горн метался по Новгородской земле, сея повсюду смерть и разрушение. Король вскоре оценил его заслуги и произвел в фельдмаршалы.

Отчаянное сопротивление оказали захватчикам защитники древнего Орешка. Когда из 1300 воинов в живых осталось не более сотни, гарнизон крепости объявил о присоединении к «новгородскому договору».

Тихвин и Ладога сдались после того, как шведы обстреляли эти крепости из осадных орудий. Угроза шведского завоевания нависла над русским Поморьем. В начале 1612 года шведы ультимативно потребовали сдачи Сумского острога на Белом море.

В апреле 1612 года Пожарскому стало известно, что новгородские власти обратились на Белоозеро и в Кириллов монастырь с предложением быть «в соединенье» с «Новгородским государством» и признать государем шведского принца.

Угроза со стороны шведов носила реальный характер, и земскому правительству пришлось взяться за укрепление обороны северного края. Лучший из помощников князя Дмитрия, воевода Лопата-Пожарский, с отрядом отборных войск получил приказ занять позиции в Устюжне, с тем чтобы прийти на помощь белоозерцам в случае шведского нападения со стороны Тихвина. Ярославский совет прислал на Белоозеро земского дьяка с повелением строить там новую крепость и снабдить гарнизон свинцом и порохом.

Война со Швецией могла разразиться со дня на день. Швеция и Речь Посполитая на время отложили свои споры из-за

Ливонии. Покидая Ливонию, Ходкевич заключил перемирие со шведами. Недавние смертельные враги спешили использовать бедственное положение России, чтобы завершить раздел пограничных русских территорий.

Псковский «вор» давно вел со шведами безуспешную войну. Признав его царем, подмосковное правительство оказалось на пороге прямого военного конфликта со Швецией. Казаки решительно отвергли кандидатуру шведского королевича, нисколько не задумываясь над дипломатическими последствиями такого шага.

Пожарский и другие вожди ярославского ополчения понимали, какую опасность для земского освободительного движения таит в себе перспектива одновременной борьбы с Речью Посполитой и Швецией. Они не могли начать поход на Москву, пока существовала непосредственная угроза захвата шведами Русского Севера. Северные земли претерпели разорение в меньшей мере, чем Замосковье. В случае утраты Севера ярославское ополчение лишилось бы главной базы снабжения.

Чтобы нейтрализовать угрозу с тыла и избежать столкновения со Швецией, Пожарский прибегнул к сложной дипломатической игре. Он решил провести мирные переговоры с «Новгородским государством» и с помощью этих переговоров связать противника. Руководствуясь этим планом, ярославский совет снарядил в Новгород посла Степана Татищева, а с ним 15 членов Земского собора — представителей главнейших русских уездов.

Русское государство стояло на грани распада и гибели. Земским дипломатам приходилось пускаться во все тяжкие, чтобы добиться союза или хотя бы перемирия с соседями. Очевидная слабость их позиций отнимала надежду на успех. Единственным козырем в их игре оставался вопрос о замещении царского трона. Не слишком опытные дипломаты пускали в ход этот козырь неоднократно.

Судьба забросила в Ярославль австрийского подданного Грегори. Он ездил в Персию и теперь возвращался на родину. Совет земли решил использовать этот случай, чтобы завязать

дипломатические отношения с австрийскими Габсбургами. Пожарский пригласил к себе Грегори и долго беседовал с ним. Воевода знал о давних проектах избрания на царский трон одного из членов габсбургского дома. В Москве такие проекты обсуждали еще при царе Федоре. Когда Грегори упомянул о цесареве брате Максимилиане, искателе многих корон, Пожарский, слегка поколебавшись, заявил, что в Москве его «примут с великой радостью». Причины внезапной симпатии князя Дмитрия к отпрыску габсбургской династии нетрудно понять. Ярославское правительство домогалось союза с Веной и надеялось использовать посредничество австрийцев, чтобы склонить Речь Посполитую к мирным переговорам с Россией.

В дипломатическом поединке со шведами Пожарский прибегнул к тому же приему. Памятуя о фатальной неудаче Ляпунова, он избегал прямых переговоров со Швецией, зато вовсю использовал посредничество новгородцев. Будучи в Новгороде, посол Татищев постарался уверить руководителей «государства», будто избрание на трон крещеного шведского принца является для ярославского совета вопросом почти что решенным. Земские вожди писали, что, как только они узнают о содержании новгородского договора, о его соблюдении, о решении перекрестить принца, тогда они, обсудив дело с новгородскими представителями, пошлют к королю послов от всей земли бить челом о *«государе королевиче»* и примут необходимые постановления *«о государственных и о всяких земских делах»*.

Как бы мимоходом Татищев потребовал, чтобы новгородцы не предлагали более северным и поморским городам присоединиться к своему «государству» без ведома ярославского совета. Если бы Новгород и шведы согласились исполнить это требование, главная цель миссии Татищева была бы достигнута. Все разговоры относительно будущего избрания шведского королевича имели целью предотвратить военное столкновение со Швецией. Протестантский шведский принц внушал Пожарскому не больше симпатий, чем католический австрийский герцог. Но выбирать аргументы не приходилось.

Татищев удачно завершил трудные переговоры и 1 июня 1612 года вернулся в Ярославль. Он без обиняков заявил, что от Новгорода нечего ждать добра. Если бы совет предал гласности достоверную информацию о шведской интервенции, дальнейшие дипломатические переговоры с Новгородом стали бы невозможны. Земское руководство понимало это и обнародовало отчет о посольстве в Новгород, отвечавший дипломатическим целям, но не истине. *«Степан Татищев,* — объявил совет, — *в расспросе сказал, что в Великом Новгороде от шведов православной вере никакой порухи, а христианам никакого разорения нету: все живут безо всякой скорби; принц же Карло по прошению Новгородского государства будет в Новгороде вскоре, а дается на всей воле Новгородского государства людей».*

10 июня Пожарский известил города о начале переговоров с Новгородом и просил незамедлительно прислать в Ярославль *«для общего земского совета изо всяких чинов человека по два и по три» с* наказом об избрании царя *«всею землею, кого Бог даст».* Новгородские власти прислали в Ярославль полномочных представителей во главе с князем Федором Оболенским и дядей первого самозванца Смирным-Отрепьевым.

Князь Дмитрий Пожарский принял новгородских послов и лично возглавил все переговоры с ними. Во время приема послы клялись, будто шведское правительство положительно решило вопрос о принце. Но на вопрос, когда их государь все же явится в Новгород и примет крещение, они не могли дать никакого вразумительного ответа.

Пожарский терпеливо, не перебивая, выслушал сбивчивые слова Оболенского, а затем произнес речь. Он категорически отверг мысль о снаряжении Земским собором послов в Стокгольм и прямых переговорах со шведским королем. Москва, заявил он, уже посылала послов за польским королевичем, но все они томятся на чужбине в литовском плену. Когда шведский принц прибудет в Новгород и переменит веру, тогда ополчение готово начать переговоры «о соединенье» с «Новгородским государством», а иноверного принца земля Русская не примет.

Пожарский достаточно четко выразил свое отрицательное отношение к новгородско-шведскому договору. Земские люди не прочь были бы соединиться с Новгородом, но на своем опыте убедились, что ненадежно полагаться на иноземных властителей: Сигизмунд хотел дать на царский престол сына своего, манил с год и не дал; а теперь вы (новгородцы) знаете, что делают ляхи с Московским государством.

Пожарский заключил речь убийственным замечанием: *«Шведский Карлус король также на Новгородское государство хотел сына своего отпустити вскоре, да по ся места, уже скоро год королевич в Новгороде не бывал»*. Князь Дмитрий письменно предупредил новгородцев, что Земский собор согласен ждать лишь до исхода лета. Если шведский королевич не прибудет в Новгород к концу лета, тогда люди во всех русских городах придут в сомнение, потому что *«великому государству без государя долгое время стоять нельзя»*.

Пожарский старался внушить новгородцам, будто земское правительство является сторонником шведского претендента. В то же время он весьма прозрачно намекнул на то, что в случае новых проволочек земские представители изберут себе государя по собственному усмотрению.

Поскольку шведская королевская семья не помышляла ни об отпуске в Новгород принца Карла Филиппа, ни о его крещении в православие, переговоры между Ярославлем и Новгородом носили беспредметный характер. Речь шла о том, какая сторона извлечет больше выгод из дипломатической дуэли.

Затевая переговоры с Новгородом, Пожарский пытался разрешить несколько задач. Он хотел избежать военного столкновения со Швецией, положить конец попыткам «Новгородского государства» подчинить себе северные русские города и способствовать установлению перемирия на новгородском рубеже. Все эти цели были достигнуты.

26 июля 1612 года новгородские послы отправились восвояси. Их сопровождали земские представители Секирин и Шишкин. Пожарский поручил им заключить формальное перемирие с «Новгородским государством». Впредь до приезда Карла Филиппа Новгород должен был жить с землей Русской

в любви и совете, не «подводить» московских городов к «Новгородскому государству», не чинить задоров на границе.

Едва угроза шведского вторжения была устранена, Пожарский немедленно выступил с главными силами к Москве.

Глава 7
ОБЪЕДИНЕНИЕ ЗЕМСКИХ АРМИЙ

Войска Сигизмунда III удерживали Смоленскую дорогу. Но в зимнее время передвижение по ней затрудняли как снежные заносы, так и действия русских шишей.

В феврале 1612 года из Смоленска выступил на помощь к Ходкевичу полковник Струсь с солдатами. В пути отряд подвергся нападению партизан. Струсь потерял много людей и едва сам не попал в плен. Отступая, солдаты бросили весь обоз. В марте Струсь вновь пытался пробиться к Москве. На этот раз он продвинулся за Вязьму. Но его вновь постигла неудача.

Ходкевич поначалу разбил свой лагерь в селе Рогачеве в семидесяти верстах к северу от Москвы. Однако вскоре его фуражиры разграбили всю округу дотла, и гетману пришлось перенести ставку в менее разоренную местность. Ходкевич решил обосноваться поближе к смоленской дороге. Он перебрался в село Федоровское, находившееся на некотором удалении от Волоколамска.

Сколько бы продовольствия ни отбирали у населения фуражиры, им редко удавалось доставить его в Москву в целости и сохранности. В начале марта 1612 года из Федоровского вышел большой санный обоз с продовольствием. Его сопровождало до трехсот человек солдат и обозной прислуги. Едва отряд удалился от лагеря, как на него со всех сторон посыпались шиши. Наемники ударились в бегство. Находившиеся при обозе русские мужики тотчас бросились помогать шишам и перегородили дорогу санями. Гусары сворачивали с проселка, но тут же тонули в снежных сугробах вместе с лошадьми. Остатки отряда вернулись в Федоровское.

Некоторые солдаты пробились вперед, потеряв весь обоз. Добравшись до небольшой деревеньки Вишенцы, солдаты захватили старика крестьянина и, угрожая ему оружием, потребовали, чтобы он провел их безопасной дорогой в Можайск. На их пути располагался Волоколамский монастырь, где стояли русские рати. Встреча с ними неизбежно завершилась бы гибелью отряда. Спасла наемников лишь случайность. По следу их нагнал ротмистр, направлявшийся со своими людьми в Рузу. Собрав последние силы, солдаты бежали прочь от Волоколамска, бросая на дороге загнанных лошадей. Проводника они взяли с собой связанного. Когда опасность миновала, они выместили на мужике всю свою ярость. Под конец едва живому от побоев проводнику отрубили голову.

В конце весны 1612 года военные действия в окрестностях Москвы активизировались. Собрав до трех тысяч солдат и запорожцев, полковник Струсь разогнал шишей на Смоленской дороге и соединился с Ходкевичем. Зная о раздорах в ополчении и о том, что многие земские ратники ушли в Ярославль, гетман Ходкевич решил разгромить казаков в их таборе за Яузой и изгнать их из Подмосковья. Его отряды атаковали казаков со стороны села Нехорошева, тогда как гарнизон Гонсевского произвел вылазку из Кремля. Земские ратники с трудом отбили атаку польских солдат и запорожцев.

Трудная зима ослабила силы вражеского гарнизона в Москве. Терпя недостаток в продовольствии, ежедневно теряя людей, наемное войско роптало и отказывалось повиноваться своим командирам. В начале июня 1612 года самая боеспособная часть — полк Зборовского покинул Кремль, переправился за Москву-реку и в сопровождении огромного обоза ушел к Смоленску.

Наемники покинули Москву после того, как полностью опустошили казну. Когда бояре пригласили в Москву Жолкевского, в их распоряжении было сто двенадцать тысяч рублей. Менее чем за год почти все деньги ушли на жалованье иноземным солдатам. Налоговые поступления в казну прекратились, едва восстала провинция. Мстиславскому пришлось взяться за царскую сокровищницу.

Кремль стал свидетелем неслыханного торга. В Грановитую палату являлись «депутяты» от наемного воинства. Бояре предлагали им в счет жалованья золотую утварь, дорогие перстни, каменья, царские платья, меха. Те отказывались брать вещи, требовали скидки. Казначеи отдавали золото за полцены. Но «депутятов» не удовлетворяла *«нынешняя дешевая цена»*. Ссылаясь на дороговизну продуктов, они забирали коронные драгоценности за бесценок.

При виде несметных богатств московской казны у Гонсевского голова шла кругом. Соблазн был слишком велик, и староста ни в чем себе не отказывал. С Казенного двора ему было отправлено много золотых вещей, мехов и прочей «рухляди» на сумму в несколько тысяч рублей. В казенные книги попала лишь ничтожная часть того, что присвоил себе полковник. С помощью Андронова он забирал из казны добро без всякой огласки. Отец казначея Федьки Андронова торговал лаптями. Зато Федька стал обладателем золотых цепей, запон с алмазами, жемчужных ожерелий.

Членов Семибоярщины нельзя было упрекнуть в том, что они равнодушно взирали на расхищение царской сокровищницы. Каждый из них старался получить при дележе свою долю. Казенный приказ периодически производил распродажу отборной «царской рухляди» на Купеческом дворе. Бояре, столичные дворяне и приказные дельцы получали специально отобранные для них вещи в долг по льготным ценам. В дальнейшем они так и не погасили свои долги, исчислявшиеся многими тысячами рублей.

Летом 1612 года Гонсевский бежал из сожженного и разграбленного им города. Перед тем как покинуть Кремль, он потребовал, чтобы Мстиславский полностью рассчитался с «рыцарством» за два года службы. Его солдаты обшарили весь Казенный приказ. Согласно казенным росписям, они забрали из сокровищницы древние золотые иконки с искусными резными (на камне и на кости) изображениями святых, два малых царских стула — *«оправлены серебром по железу, резаны с чернью»*, литую серебряную печать Шуйского, шапку черкасскую, старые щиты и доспехи, коробы с мелким жемчу-

гом, шубы, ковры, сосуды без крышек, даже песцов, тронутых «гнилью».

Чтобы удержать наемников в Москве, Гонсевский несколько раз объявлял о повышении их жалованья. Гетман Ходкевич письменно обязался оплатить сапежинцам службу у самозванца с января 1610 года. Бояр ни о чем больше не спрашивали. Им просто предъявляли счета. Оклады достигли фантастических размеров. Помощники Гонсевского сделали помету в ведомости казенного расхода: *«Гайдукам счесть по триста рублев в месяц...»* Прежде казна выплачивала по триста рублей только немногим членам Боярской думы, притом не на месяц, а на год. Но солдаты распоряжались в Москве как в завоеванном городе. Жалованье, которое они начисляли себе, давно стало формой грабежа.

Когда из сокровищницы нечего было больше взять, наемники взялись за дворец, усыпальницу московских государей и монастыри. Они сняли искусно выточенные украшения с «царского места», с посохов, с конского наряда, с доспехов и даже с массивной чернильницы, найденной ими во дворце. Бесценные произведения искусных ювелиров превращались в золотой и серебряный лом. Чтобы удовлетворить немцев, казначеи сняли золото с покровов на царских гробах в Архангельском соборе, ободрали раку чудотворца в Благовещенском соборе, изъяли утварь из монастырей. При расчете с немцами Гонсевский сделал широкий жест и выдал им из «личных средств» более трехсот рублей денег. Внезапное великодушие его нетрудно объяснить. Своевольные немцы считали себя обделенными и грозили бунтом главарю шайки.

Наемники изъяли из сокровищницы царские регалии и разделили их между собой. На долю Гонсевского и солдат, покидавших Россию, достались две самые богатые короны. Одна принадлежала Борису Годунову, а другую начали делать для Отрепьева, но не успели закончить.

«Шапку» Годунова украшали два огромных камня, сверкавших искусно отшлифованными гранями. Казенная опись называла один камень лазоревым яхонтом, а другой — синим. То были редчайшие сапфиры, некогда вывезенные с Цейло-

на. Один камень оценивался в девять тысяч рублей, другой — в три тысячи. Подлинная их цена была много большей. Корону венчали два золотых обруча, яблоки и крест, сплошь усыпанные большими алмазами, рубинами, жемчугом и изумрудом. Корону Отрепьева украшал алмаз необыкновенной величины. Он искрился и отбрасывал во все стороны пучки разноцветных огней. В гнезде над алмазом красовался редчайший изумруд. Недоделанную корону Лжедмитрия оценивали в восемь тысяч рублей, корону Бориса — в двадцать тысяч.

К венцам Гонсевский присоединил золотой посох с бриллиантами и другие вещи. Обычно власти привлекали для оценки казенных вещей московских гостей, знавших толк в ювелирном деле. «Рыцарство» обошлось без них. Оно поручило оценку вещей некоему ювелиру Николаю. Тот назвал цифру в 250 тысяч рублей. Подлинная цена царских регалий была много больше. Адам Жолкевский, имевший случай осмотреть царскую сокровищницу, не скрыл своего восхищения при виде носорожьего рога. В средневековой Европе такой рог считался великой редкостью, и обладание им было привилегией владетельных особ. По словам племянника гетмана, он однажды держал в руках рог «инрога» ценою в двести тысяч угорских золотых. Но виденная им диковина была основательно стерта на конце. Цельный рог, найденный в московской казне, стоил гораздо больше. Он достался наемникам.

Боярское правительство не смело перечить Гонсевскому и поневоле согласилось передать вещи солдатам впредь до выплаты жалованья. Договор не предусматривал вывоза царских регалий за границу. Однако Гонсевский, покидая Москву, придрался к тому, что казна не полностью расплатилась с его солдатами, и объявил, что заберет регалии с собой на границу. Пусть бояре пришлют деньги вдогонку на рубеж, сказал он, и залог будет возвращен. В действительности полковник вовсе не намерен был выпускать из рук сокровища. После вывоза за границу солдаты поделили сокровища между собой. Короны и прочие вещи были разломаны на части. Самый крупный камень с царских венцов, а также золотой царский посох присвоил себе Гонсевский.

Москвичи успели предупредить шишей о выступлении из Москвы транспорта с сокровищами. Толпа вооруженных крестьян устроила засаду в лесной теснине. Когда на дороге показалась неприятельская пехота, шиши с громкими криками выбежали из перелеска и навалились на врага со всех сторон. Но на помощь пехоте уже спешила конница. Крестьяне не выдержали конной атаки. Чтобы устрашить партизан, Гонсевский велел посадить на кол пленных.

Вместе с Гонсевским Москву покинули почти все солдаты, некогда пришедшие туда после клушинской битвы. Их место заняли солдаты Струся, прежде участвовавшие в смоленской осаде, и сапежинцы. Главной заботой для гетмана Ходкевича по-прежнему оставалось снабжение гарнизона продовольствием. Дела в Москве шли все хуже, тем не менее Ходкевичу пришлось покинуть ослабленный гарнизон и вновь уйти к Волоколамску для сбора провианта.

Заруцкий зорко следил за тем, что происходило в стане врага, и использовал первый же подходящий момент, чтобы перейти от обороны к наступлению. Через две недели после ухода Ходкевича он попытался разгромить оставленный им гарнизон и отдал приказ об общем штурме. Несколько тысяч казаков и ратных людей пошли на приступ с трех сторон, пытаясь овладеть стенами Китай-города. В разгар боя оставленные в резерве силы нанесли удар с четвертой стороны. Теперь кровопролитное сражение шло вдоль всей линии крепостных укреплений. Казаки бились, не щадя живота. Прорвать неприступную линию китайгородских укреплений им, однако, не удалось. С тех пор как московские мастера старательно выложили из камня башни и стены внутренней крепости, никому еще не удалось силой проложить путь внутрь твердыни. От пушечных залпов штурмующие понесли огромные потери.

Подмосковные таборы были обескровлены. Они не могли своими силами освободить Кремль. Но у Заруцкого были свои счеты с Ярославлем, и он пытался добиться решающего успеха до подхода Минина и Пожарского.

После многих лет самозванщины имя «доброго Дмитрия» утратило прежнюю магическую силу. В глазах многих русских людей оно давно стало символом раздора, а не единения.

Инициаторы провозглашения Лжедмитрия III царем обманулись в своих надеждах. Крест самозванцу отказались целовать не только замосковные города, Рязань и Тверь, но и многие города, прежде входившие в состав калужского лагеря. По утверждению троицких монахов, присяга не удалась даже в Калуге, Туле и Серпухове.

В столице народ недолго ликовал по поводу обретения государя. Буйный пир сменился тяжким похмельем. Казаки и московские черные люди имели возможность убедиться в том, что провинция решительно отказалась поддержать их выбор. Надежды на то, что «царек» поможет вызволить царствующий град, оказались иллюзорными. В Пскове Лжедмитрий III не мог управиться даже с Лисовским. Зато реальные последствия воцарения псковского «вора» дали о себе знать незамедлительно.

Нижегородская рать, прибытия которой ждали в Москве с нетерпением, остановилась в Ярославле и отказалась выступить оттуда на помощь таборам. Вожди нового ополчения предприняли военную демонстрацию против казаков Просовецкого, чтобы доказать всем и каждому, что они не потерпят утверждения на троне самозванца.

Переворот в пользу Лжедмитрия III посеял рознь и смуту в самом подмосковном лагере. Боярин Трубецкой и окружавшие его дворяне, оправившись от испуга, пытались организовать тайный заговор против самозванца. В конце марта 1612 года Трубецкой прислал в Троице-Сергиев монастырь двух дворян братьев Пушкиных. Через своих посланцев он просил монахов помочь ему заключить соглашение с Пожарским, чтобы сообща «промышлять» над врагами, «которые нынече завели смуту». Находившийся в монастыре думный дворянин Василий Сукин охотно поддержал этот план вместе с тамошним архимандритом и старцами. Пожарский получил от них пространное послание. Старцы передали ему предложение встретиться с Трубецким *«во едином месте, где вам Бог благоволит»*, и «положить» благой совет о государе, *«кого нам даст Бог наш»*, пока многие города еще не успели присягнуть вору и ратные люди под Москвой *«рознею своею не потеряли. Большого каменного города и острогов и наряду»*.

Минин и Пожарский с большой выдержкой старались предотвратить вооруженное столкновение с казацкими таборами, поддерживавшими псковского «вора». Они отвергли предложение о тайном сговоре с Трубецким. Князь Трубецкой получил боярский чин в Тушине и заслужил репутацию самого преданного из слуг тушинского «вора». Минин и Пожарский попросту не доверяли ему. А кроме того, они знали, что Трубецкой был человеком слабым и подлинной властью и влиянием в таборах пользуется не он, а Заруцкий. Пожарский понимал, что немедленное выступление против казачьего «царька» сплотит сторонников самозванца и вновь разожжет пламя гражданской войны. Он решил выждать. Последующие события показали всю мудрость такого решения.

Атаман Заруцкий занимал несколько иную позицию, нежели Трубецкой. Переворот застал его врасплох, хотя своей агитацией в пользу коломенского «воренка» он сам невольно подготовил почву к успеху Лжедмитрия III. Присяга открыла новому самозванцу путь в Москву. Псковский «вор» готовился прибыть в столицу и предъявить права на Марину Мнишек в качестве ее супруга и отца ее ребенка. До сих пор атаман пользовался безраздельным влиянием на Марину Мнишек. Царица видела в нем свою последнюю опору. Она вступила в любовную связь с ним. Воскрешение законного супруга грозило ниспровергнуть все достижения атамана. Но он был не таким человеком, чтобы без борьбы уступить любовницу и власть безвестному бродяге и проходимцу. Впрочем, не одни только личные мотивы побуждали атамана отказать в поддержке новому «царьку». Заруцкий понимал, что попытка навязать стране псковского «вора» может окончательно погубить власть первого земского правительства. Если псковский «вор» и нужен был атаману, то лишь для того, чтобы усадить на трон царицу Марину и «царевича» Ивана.

В середине марта 1612 года ополчение постановило направить в Псков новое посольство. Сторонники Лжедмитрия III настояли на том, чтобы послов сопровождали триста казаков. Таким путем они желали обеспечить государю безопасный проезд из Пскова в царствующий град. Заруцкий знал, что вся

его сила заключена в поддержке казачьих станиц, и не стал перечить народу. Но атаман добился того, что главой посольства стал Иван Плещеев. Бывший любимец тушинского «вора» и его боярин, Плещеев служил в полку у Заруцкого и считался его человеком. Назначение Плещеева вызвало гнев Трубецкого и его сообщников по заговору. В письме Пожарскому троицкие старцы утверждали, будто Плещеев (имени его покровителя Заруцкого они не называли) организовал присягу в пользу псковского «вора», и ругали его как злодея и богоотступника.

Трубецкой не доверял Заруцкому и Плещееву и не посвятил их в свои планы. В свою очередь, казачий атаман и его сторонники организовали свой заговор за спиной Трубецкого. Никто не знает, о чем Плещеев совещался с Заруцким перед своим отъездом. Ясно лишь одно — Заруцкий обладал реальной властью в ополчении, и его подручный Плещеев никогда не решился бы восстать против утвержденного присягой псковского «государя» без прямых указаний с его стороны.

Миссия Плещеева была достаточно сложной. Отправляясь в путь, казаки поклялись на кресте перед всем честным народом, что еще раз «досмотрят» псковского царя «в правду» и обличат его, если он окажется не тем, за кого себя выдает. Если государь истинный, его надлежало торжественно препроводить в столицу.

11 апреля 1612 года земское посольство прибыло в Псков. Какими бы ни были инструкции, Плещеев повел дело с большой осторожностью. Не желая рисковать головой, он, будучи допущен к руке «царя», громогласно признал его истинным Дмитрием. В течение месяца бывший тушинский боярин усердно разыгрывал роль преданного слуги, а тем временем тайно готовил почву для переворота.

Не надо было быть провидцем, чтобы заметить, что самозванец не пользуется популярностью у населения Пскова. Найденные в городской казне деньги Матюшка вмиг пустил на ветер, после чего стал добывать деньги «немерным правежом». Зажиточные горожане, обложенные поборами, с возмущением наблюдали за тем, как «государь» с подчеркнутой

щедростью раздает жалованье ворам-казакам, вчерашним ярыжным и боярским холопам. Псковичи призвали «государя», чтобы он оборонил их от врагов. Ничто не укрепило бы так престиж самозванца, как военная удача, пусть даже самая небольшая. Как на ту беду, Матюшка не обладал никакими военными способностями. Все его попытки изгнать из Псковщины Лисовского неизменно заканчивались поражением.

Воздвигнув в Пскове призрачный трон, «царек» усвоил все повадки своих предшественников. Он спешил взять от жизни все, что можно. Матюшка бражничал и предавался разврату. Его слуги хватали на улицах приглянувшихся ему городских красавиц и приводили их ночью во дворец «на блуд».

Роль самодержца оказалась беглому дьякону не по плечу. На него смотрели тысячи глаз, от него ждали новых и новых подтверждений того, что он впрямь сын Грозного. В ответ же слышали затверженную речь, порядочно всем надоевшую. Шли месяцы, и многие стали понимать, что песенка самозванца спета.

Недовольных в Пскове было более чем достаточно, и Плещееву удалось составить обширный заговор против «вора». В нем участвовали несколько старших воевод, дворяне и псковские торговые люди, негодовавшие на поборы «царька».

В мае шведы осадили псковский пригород Порхов. Заговорщики использовали момент, чтобы удалить из Пскова казачьи отряды, преданные самозванцу. Матюшка чувствовал, что дело неладно, и искал случая бежать из Пскова. Но псковичи не выпустили его из крепости. 18 мая 1612 года самозванец был разбужен в своем доме посреди ночи. Кто-то ломился к нему в ворота. Матюшка успел вскочить на неоседланного коня и без шапки, в одном плаще бежал из крепости. Его сопровождали князь Хованский и немногие казаки. Беглец не знал того, что ночевавший во дворце Хованский был одним из главных заговорщиков. Не владея собой, не зная дороги и не соображая, куда повернуть, «вор» промчался мимо Порхова и оказался на пути к Гдову. Спутники покидали его один за другим. У одних кони не выдержали бешеной скачки, другие не желали рисковать головой.

Высланная из Пскова погоня вскоре напала на след «вора» и без труда захватила его. По улицам Пскова самозванца провели как пленника, привязанным железными путами к коню. Псковичи немедленно посадили Матюшку «в палату» под стражу. Произошло это 20 мая. Плещеев снарядил нарочного в Москву и известил ополчение об аресте самозванца.

Земское правительство не дало времени опомниться сторонникам Лжедмитрия III. В начале июня 1612 года Совет земли постановил считать присягу псковскому «вору» недействительной. Недолгому «царствованию» лжецаря Матюшки пришел конец.

Опасаясь волнений, вожди ополчения поначалу велели держать «вора» в Пскове. Лишь 1 июля его под усиленной охраной повезли в Москву. В пути конвой попал в засаду. Лисовский едва не отбил самозванца у ратных людей. В таборах казаки не дали казнить «вора», а посадили его на цепь для всеобщего обозрения.

Без отлагательств подмосковный Совет снарядил в Ярославль посла дворянина Чеглокова и четырех атаманов с повинной грамотой. 6 июня послы встретились с Мининым и Пожарским и передали им приговор земли. Трубецкой и Заруцкий вместе с соборными чинами — воеводами, дворянами, атаманами, казаками, прочими служилыми людьми и москвичами извещали ярославский Совет о низложении Лжедмитрия III, клятвенно обещали впредь не затевать иного воровства и отрекались от Маринки и ее сына. Они предлагали ярославскому правительству немедленно объединиться *«во всемирном совете»*, чтобы избрать царя всем вместе сообща.

Обращение подмосковных властей вызвало разногласия в Ярославле, *«междоусобные смутные словеса»*. Члены Совета разделились. Одни настаивали на соглашении с таборами, другие категорически возражали против союза с казаками и их атаманом. Противники Заруцкого приписывали ему самые коварные замыслы. *«Князя Дмитрия,* — говорили дворяне, — *манят под Москву казаки: хотят его убити, как Прокофия Ляпунова убили»*.

После «воцарения» Лжедмитрия III Совет земли сжег все мосты к примирению с вождем казаков, публично заклеймив

его как убийцу Ляпунова. Арест самозванца не изменил отношения ярославских воевод к Заруцкому. В июне они разослали грамоты в северские и украинные города с новым призывом отстать от «вора», Маринки и ее сына. Минин и Пожарский старались окончательно подорвать влияние Заруцкого в тех местностях, которые давно поддерживали его. Их грамоты обвиняли атамана в том, что тот присвоил денежную казну, привезенную из городов в Подмосковье. Разъезд дворян из полков объяснялся теперь тем, что Заруцкий не давал им казны и они пришли в великую скудость.

Старания ярославского Совета достигли цели. Летом из Перемышля в Подмосковье прибыл Иван Дубина-Бегичев с ратными людьми из украинных городов. Он не мог найти общий язык с Заруцким и решил искать на него управы в Ярославле. Явившись к Минину и Пожарскому, Бегичев стал жаловаться на то, что не может добиться жалованья от земской казны и его люди терпят нужду в продовольствии и притеснения. Видя крайнюю бедность прибывших ратников, Минин в тот же час одарил их деньгами и сукном на платье. Посланцы вернулись в Москву ободренными.

Заруцкий расценил их обращение в Ярославль как прямой мятеж. По его приказу казаки напали на месторасположение отряда. Ратные люди из отряда Бегичева, спасаясь от гнева Заруцкого, бежали в свои города.

Отказ Пожарского вести какие бы то ни было переговоры с Заруцким и ответные действия казачьего предводителя расстроили намечавшийся компромисс между двумя земскими правительствами. Какими бы извилистыми путями ни шел Заруцкий, его заслуги перед освободительным движением были неоспоримы. Он сумел сплотить казачьи таборы и вдохнуть в них веру в победу. Более года казаки держали в осаде некогда грозного ворога. Мертвой хваткой вцепились они в московскую землю, и никакие потери не могли сломить их.

Заруцкий послал ярославским вождям покаянную грамоту и сделал все, чтобы добиться примирения. Его старания не были оценены. Обличения со стороны ярославского Совета привели атамана в ярость. Он задумал отомстить тем, кто отверг протянутую руку.

Ходили слухи, будто Заруцкий заслал в Ярославль ведунов и те испортили князя Дмитрия, наслав на него злые чары. *«И до нынешнего дня,* — записал современник, — *та болезнь — черный недуг — на нем».* В дни ярославского стояния у князя Дмитрия в самом деле случился сильный припадок. Однако его болезнь вовсе не была следствием «порчи».

Когда Заруцкий замыслил физически уничтожить Дмитрия Пожарского, он прибегнул к услугам не колдунов, а тайных убийц.

Как обычно, ранним утром Дмитрий Пожарский заглянул в съезжую избу, чтобы решить накопившиеся дела. Переговорив с дьяками, он отправился на площадь перед разрядной избой, чтобы осмотреть стоявшие там пушки. Подле пушек работали кузнецы. Пришло время отправлять артиллерию под Москву, и надо было привести в порядок пушечные лафеты и колеса. Осмотрев пушки, воевода повернул к крыльцу Разрядной избы и стал протискиваться сквозь толпу к дверям. Казак Роман вел его, поддерживая под руку. Внезапно провожатый отпустил князя, громко застонал и неловко повалился на бок. Пожарский не сразу понял, что случилось, и попытался выбраться из толпы, не чая беды. Но народ не выпускал его, а, напротив того, старался окружить со всех сторон плотной стеной. Люди кричали ему: «Тебя хотели зарезать ножом!» Подле раненого обнаружили окровавленный нож и тут же установили его владельца, не успевшего далеко убежать. Между тем к месту происшествия спешили со всех сторон ратники и посадские люди. Злодея пытали всем миром, и он вскоре же назвал свое имя и выдал сообщников.

Заруцкий поручил убийство Пожарского двум казакам — Степану и Обрезку. По прибытии в Ярославль эти люди должны были вовлечь в заговор нескольких смоленских дворян и стрельцов, которые пользовались покровительством Заруцкого в дни службы Сигизмунду III в лагере под Смоленском и были ему многим обязаны. Заруцкий допустил просчет. Казак Стенька виделся с сыном боярским Иваном Доводчиковым, стрельцом Шалдой и четырьмя другими смолянами, но те не поддались на уговоры. Тогда Стенька попытался подкупить холопа Пожарского Жвалова, имевшего давние счеты с

господином. Холоп согласился проникнуть в спальню и зарезать спящего князя ночью. Но в последний момент он струсил и отказался участвовать в заговоре. Тогда казак Стенька решил собственноручно убить Пожарского в уличной давке. Он подстерег его возле земской избы, выхватил нож из-за голенища и попытался нанести жертве воровской удар снизу в живот. Из-за толчеи убийца промахнулся и вонзил нож в бедро казака, сопровождавшего князя Дмитрия.

Заговорщиков судили судьи, назначенные Советом всей земли. Казака Стеньку и его ближайших сотоварищей Пожарский взял с собою под Москву для обличения Заруцкого, всех прочих участников заговора разослал по тюрьмам. Князь Дмитрий не желал проливать их кровь.

Авантюра Заруцкого обернулась против него самого. Почва под его ногами заколебалась. Атаман давно уже не полагался на своего сотоварища Трубецкого, который вел за его спиной переговоры с Ярославлем. Теперь Трубецкой и дворяне готовы были пожертвовать Заруцким, чтобы получить помощь от второго ополчения.

Заруцкий метался как загнанный зверь и не мог найти выхода. Ходкевич знал о его затруднениях и думал толкнуть на предательство. В земский лагерь явился лазутчик и передал атаману письмо от гетмана. Заруцкий не дал ответа полякам. Но при этом он не только не арестовал лазутчика, но и позволил ему остаться в таборах как бы на земской службе. Он решил сохранить возможность тайных сношений с неприятелем, обнаружив обычную неразборчивость в средствах.

Между тем тайное стало явным. Лазутчик поделился своими секретами с несколькими поляками, находившимися на земской службе. Один из них, ротмистр Хмелевский, забил тревогу и не побоялся объявить обо всем Трубецкому и членам подмосковного Совета. Лазутчика арестовали и погубили на пытке, чтобы замять дело. Хмелевскому пришлось бежать в Ярославль к Пожарскому. Но толки о великой измене вождя больше не прекращались ни на день.

Казаки не забыли, какое побоище учинил их атаман, когда ему взбрело на ум увести казаков на королевскую службу под Смоленск. Они начали утрачивать доверие к Заруцкому

вследствие также и других причин. Прошло время, когда казаки многое прощали своему предводителю за его отчаянную храбрость и везение. По законам вольного казачества выборный атаман считался первым среди равных. Некогда все так и было. Но со временем от равенства не осталось и следа. Казаки провели суровую снежную зиму в наспех вырытых землянках. Они жили впроголодь и вовсе обносились. Их же вождь не только не знал нужды, но использовал трудную годину для беззастенчивого обогащения. За особые заслуги Заруцкий добился пожалования ему во владение обширной важской земли, некогда принадлежавшей правителю Борису Годунову. Глава таборов грубо нарушил приговор 30 июня 1611 года, утвержденный им самим. Помимо Ваги он завладел другими землями. Минин и Пожарский имели основание упрекать атамана в злоупотреблениях. По своему произволу Заруцкий делил доходы, поступавшие в земскую казну из городов, рассылал «своих советников» по городам, дворцовым и черным волостям для сбора денег и «ко́рма». Неравное распределение доходов усугубляло нужду рядового казачества и московских повстанцев. Вчерашние холопы, ярыжки и мужики, называвшие себя казаками, давно не считали Заруцкого своим человеком. Став великим господином, атаман усвоил истинно боярские манеры. Власть и богатство, свалившиеся на голову удалого казака, повлекли за собой полное перерождение.

Прошлое настойчиво напоминало о себе. В труднейший момент, когда Ходкевич впервые подступил к Москве, на призывы о помощи откликнулся Путивль. Верный сподвижник Болотникова, атаман Юрий Беззубцев, собрав подле себя «всяких людей», поспешил на помощь к подмосковному ополчению.

В конце июня власти Троице-Сергиева монастыря предприняли попытку ускорить выступление второго ополчения к Москве. В Ярославль выехал келарь Авраамий Палицын. Старец долго беседовал с Мининым и Пожарским. Он пустил в ход все свое красноречие, поучал цитатами из всех святых, под конец слезно молил поспешить под царствующий град. Но на военные планы ополчения оказали действие не его речи, а вести о новых передвижениях литовских войск в Подмосковье.

Минину и Пожарскому пришлось преодолеть большие трудности, чтобы организовать московский поход. Съехавшаяся в Ярославль знать охотно представительствовала в Совете земли и подписывала его воззвания. Но едва Пожарский стал «разряжать» полки, она заволновалась. Совет земли однажды уступил им, поручив Черкасскому разгромить Наливайко. Опыт оказался неудачным. Теперь решение было не повторять раз допущенную ошибку. Московский поход возглавили Пожарский и Минин. Едва эта весть распространилась по городу, знатные дворяне стали спешно покидать Ярославль. Кто выпрашивал себе воеводские назначения в дальние города, кто уезжал в свои усадьбы. С Пожарским выступили лишь его братья Пожарские, свояк Иван Хованский да второстепенные воеводы Туренин и Дмитриев.

В середине июля Пожарский направил к Москве четыре сотни конных дворян. Командовал ими Михаил Дмитриев, не претендовавший на высокое местническое положение. Человек пожилого возраста, Дмитриев перешел на сторону ополчения при Ляпунове, и его хорошо знали в подмосковных таборах. Воевода получил приказ занять позиции между Тверскими и Покровскими воротами, где некогда располагался лагерь ярославских и нижегородских воевод.

24 июля воевода Дмитриев достиг Москвы и выдержал трудный бой с поляками, сделавшими вылазку из крепости. Появление войск из Ярославля ускорило раскол, давно назревавший в подмосковных таборах.

В ночь на 28 июля Заруцкий приказал казакам сняться с лагеря и отступить по коломенской дороге. Но атаман не пользовался прежним непререкаемым авторитетом в армии. Поэтому его приказ остался невыполненным. Следуя патриотическому долгу, бóльшая часть казаков отказалась покинуть позиции под Москвой. С помощью верных атаманов Заруцкому удалось увлечь за собой лишь около двух тысяч человек.

Пять дней спустя к Москве подошел воевода князь Лопата-Пожарский с семью сотнями конных дворян и расположился между Тверскими и Никитскими воротами. Борьба за освобождение Москвы вступила в заключительную фазу.

Глава 8

СРАЖЕНИЕ ЗА МОСКВУ

Пожарский с главными силами выступил из Ярославля в Москву, не зная о бегстве Заруцкого в Коломну. Войско сопровождали громоздкий обоз и артиллерия.

Пока полки медленно продвигались к Москве, Пожарский передал командование двум своим помощникам — Кузьме Минину и князю Ивану Хованскому, а сам с небольшой свитой поскакал в Суздаль, чтобы помолиться о победе у родительских могил в Спасо-Евфимиеве монастыре. Побывав в Суздале, князь Дмитрий Пожарский выехал в Ростов, куда к тому времени прибыли Минин и Хованский с полками.

В Ростов в шатер главнокомандующего явился из-под Москвы атаман Кручина-Внуков с товарищами. Казацкий круг прислал их, чтобы уведомить князя Дмитрия о бегстве Заруцкого. Минин и Пожарский наградили Внукова жалованьем и отпустили в таборы с добрыми словами.

В Ростов съехалось много дворян из окрестных поместий. Воеводы разослали повсюду сборщиков с приказом «забивати» в полки уездных служилых людей. На пути к Переяславлю к Пожарскому прибыл гонец, привезший неприятные вести. Он сообщил, что литовские люди неожиданно напали на Белоозеро и 30 июля захватили город. Пожарский тотчас отрядил на выручку белоозерцам четырех казачьих атаманов с их станицами, сотню стрельцов и роту служилых иноземцев.

В середине августа 1612 года земская рать разбила свои станы у стен Троицы. Тут Пожарский задержался на четыре дня. Как человек бывалый, князь Дмитрий понимал, сколь важно добиться от таборов согласия на создание объединенного командования до похода к Москве. Армия не могла иметь сразу двух главнокомандующих. Рознь бояр грозила погубить дело. Однако попытка достигнуть соглашения с Трубецким не удалась.

Передовые воеводы дали знать Пожарскому, что в столице со дня на день ждут подхода войска Ходкевича. Посове-

щавшись с Кузьмой, князь Дмитрий выслал вперед князя Василия Туренина и велел ему занять позиции у Чертольских ворот, с тем чтобы полностью блокировать вражеский гарнизон во внутренних крепостях.

18 августа Пожарский снялся с лагеря в Троице. Провожало его все окрестное население.

Высланные вперед дозорные, миновав бивуаки Лопаты-Пожарского, провели рекогносцировку в районе Арбатских ворот. Воеводы предполагали преодолеть путь до столицы за два дня. К концу второго дня полки прибыли на Яузу. До города оставалось пять верст, но надвигался вечер, и Пожарский отдал приказ готовиться к ночлегу. Солдаты кто раскладывал костры, кто чистил оружие. Подле воеводского шатра наблюдалось необычное оживление. Из таборов Трубецкой что ни час слал к Пожарскому вестовых, призывая его в свой лагерь. Казаки провели под Москвой более года и успели укрепить Яузский острог высокими валами. Внутри их лагеря было много брошенных землянок, шалашей и изб. Ярославские ратные люди могли удобно расположиться в них. Сколь бы заманчивым ни казалось предложение Трубецкого, Минин и Пожарский решительно отклонили его. План сосредоточения всех сил в восточных предместьях за Яузой казался им неприемлемым. Ходкевич приближался к столице с запада, и князь Дмитрий решил расположить свои полки в западных кварталах города за Арбатом, чтобы затворить неприятелю пути в Кремль. Совет земли поддержал решение Пожарского, следуя политическим соображениям. В таборах продолжали действовать органы первого земского правительства. Тамошние бояре вершили дела в воеводской избе, дьяки заседали в приказах. На Яузе членам ярославского правительства пришлось бы довольствоваться второстепенной ролью. Идти со своим уставом в чужой монастырь было делом рискованным.

Когда рать Пожарского подошла к Москве, Трубецкой выехал навстречу в сопровождении своих дворян. Свидание воевод закончилось безрезультатно. Боярин Трубецкой, старший по чину и знатности, утратил самообладание, когда Пожар-

ский, по обыкновению, стал совещаться с Кузьмой. Гнев аристократа нашел отзвук в словах хотя и легендарных, но точно отражавших характер действующих лиц: *«Уже мужик нашу честь хощет взять на себя, а наша служба и радение ни во что будет»*. Воеводы разъехались в разные стороны, приостановившееся движение полков возобновилось. В Белом городе ратные люди, не теряя времени, взялись строить укрепление подле ворот на Арбате. До глубокой ночи они сооружали деревянный острожек и рыли кругом него ров. Множество москвичей с лопатами и прочим инструментом помогали воинам в их работе.

Русские ждали удара со стороны Дорогомиловской ямской слободы, где начиналась Большая Смоленская дорога. На самом опасном направлении Пожарский и расположил свой полк. Справа от него стояли отряды князя Лопаты и воеводы Дмитриева. Слева, в Чертолье, занял позиции отряд Василия Туренина. Его подкрепил Артемий Измайлов, прибывший в Москву с владимирским ополчением. Близилось решающее столкновение. От исхода его зависело будущее России. Среди населения столицы и в ратных людях зрела отчаянная решимость бороться до конца.

Гетман Ходкевич учел опыт предыдущих боев и постарался укрепить свою армию пехотой. Король Сигизмунд прислал ему в подкрепление полторы тысячи солдат. В наступлении приняли участие около восьми тысяч запорожских казаков. Их возглавляли атаманы Зборовский, Наливайко и Ширай. Ходкевич поддерживал постоянную связь с командирами осажденного гарнизона. В решающий момент они должны были нанести русским удар с тыла.

С Трубецким в таборах осталось не более трех-четырех тысяч ратников и казаков. Нет никаких точных данных насчет численности ярославской рати. Судя по тому, что передовые силы Пожарского не превышали тысячи человек, армия в целом насчитывала едва ли более десяти тысяч воинов. Боевое ядро рати составляла дворянская конница, пешие стрельцы и казаки. К ним присоединилось множество кое-как вооруженных людей. Осажденная в Кремле шляхта с насмешкой сове-

товала Пожарскому распустить к сохам своих ратников. В ополчении под Москвой в самом деле было много крестьян и горожан, никогда прежде не державших в руках оружия. По феодальным меркам им не было места в армии. Но война в России приобрела народный характер. Ополченцев воодушевляло сознание высокой патриотической миссии. Они сражались за родную землю.

Когда наступила ночь, Поклонная гора засветилась огнями множества костров. Воинство Ходкевича отдыхало после марша и готовилось к битве. С Поклонной гетман мог нанести удар по кратчайшему направлению на позиции Пожарского либо повернуть к Донскому монастырю и прорваться в Кремль через Замоскворечье.

Полк Трубецкого расположился в районе Крымского двора, выдвинув дозоры к Донскому монастырю. Пожарский направил свои разъезды к Новодевичьему монастырю. Опасаясь, что казаки не выдержат удара «литвы», он переправил на правый берег Москвы-реки в помощь им пять отборных дворянских сотен.

Поутру 22 августа конница Ходкевича переправилась через реку под Новодевичьим монастырем. Всадники шли ряд за рядом. В лучах восходящего солнца сверкали чешуйчатые доспехи рыцарей, ветер развевал перья на стальных шлемах.

Пожарский атаковал первым. Его конница несколько раз устремлялась на врага. Стычки на поле под Новодевичьим монастырем продолжались долго. Чтобы помочь коннице, гетман ввел в дело пехоту. Не выдержав натиска, дворянские сотни отступили к острожку. Сожженные городские кварталы мало подходили для действия конных масс, и Пожарский приказал дворянам сойти с коней и биться в пешем строю.

После полудня Ходкевич ввел в бой все свои силы, пытаясь прорвать русскую оборону в районе Тверских ворот и на Арбате. Стрельцы, засевшие во рву и на стенах Каменного города, вели убийственный огонь по наступавшим. Те понесли тяжелые потери и прекратили атаки.

Бой вступил в критическую фазу, когда Струсь предпринял вылазку и ударил в тыл ополчению у Алексеевской баш-

ни и Чертольских ворот. Пожарский давно ждал этого удара и для отражения его держал большое число стрельцов на внутреннем кольце обороны. Они не участвовали в бою с солдатами Ходкевича и, зная, как трудно приходится их товарищам, давно проявляли нетерпение. Деморализованные осадой и голодом, гарнизонные роты дрались вяло и бежали в крепость под ударами русских. Неудачной для поляков оказалась вылазка из Водяных ворот вдоль берега Москвы-реки. С утра артиллерия из Кремля принялась бомбардировать позиции Пожарского с тыла. Когда началась рукопашная схватка, польские пушкари прекратили обстрел, опасаясь поразить своих. Во время вылазки гарнизон понес неслыханные потери. *«В то время,* — писал полковник Будила, — *несчастные осажденные понесли такой урон, как никогда».* В бою воины Пожарского захватили несколько вражеских знамен.

Почти семь часов продолжалось сражение у самых стен Кремля. Тем временем Трубецкой стоял на отведенных ему позициях в полном бездействии. С бегством Заруцкого табоpы лишились способного военного руководителя.

Ходкевичу удалось прижать к берегу Москвы-реки часть войска Пожарского. Отрезанные от своих, ратники пытались спастись, переплыв реку. Те, кому удалось перебраться на другой берег, имели жалкий вид. Многие остались без оружия. Появление беглецов вызвало растерянность в ставке Трубецкого.

Командиры сотен, присланных в Замоскворечье Пожарским, настаивали на том, чтобы оказать немедленную помощь изнемогавшему в борьбе ополчению. Но Трубецкой отклонил их требования. Не отличаясь храбростью, боярин думал исключительно о том, как бы уберечь от поражения свое войско. Дворянские сотни, однако, отказались подчиниться приказу струсившего воеводы. Они в полном порядке снялись с места и ушли к переправе.

Среди казаков поднялся шум. Некоторые атаманы поддержали решение Трубецкого. Их не очень беспокоила возможность поражения ярославской рати. «Богати пришли из Ярославля, — кричали они, — и сами одни отстоятся от етамана!»

Несмотря на их поддержку, Трубецкому не удалось удержать в повиновении казацкую массу. Филат Межаков и трое других атаманов обратились к товарищам с призывом. «Из-за нелюбви к Пожарскому, — говорили они, — боярин причинит пагубу Московскому государству». Не обращая внимания на приказ Трубецкого, четыре казачьи сотни покинули Крымский двор и переправились за Москву-реку вслед за дворянскими сотнями. Появление свежих сил численностью около тысячи человек решило исход битвы. Подвергшись внезапному удару с фланга, Ходкевич прекратил атаку и поспешил вывести из боя свои силы.

Пожарский использовал передышку, чтобы подкрепить свои потрепанные отряды. Едва занялась заря, как земские люди принялись расчищать поле боя и хоронить убитых. Потери с обеих сторон были огромные.

Между тем Ходкевич отступил за Новодевичий монастырь и разбил там лагерь. В трудную минуту ему на помощь пришли московская Семибоярщина и ее приспешники. В ставку к гетману явился дворянин Григорий Орлов, который взялся провести польский отряд в Кремль. Под покровом ночи пятьдесят гайдуков вышли из лагеря и, стараясь не производить шума, двинулись цепочкой вдоль берега Москвы-реки к центру Москвы. Враги благополучно миновали обгоревшие стены Деревянного города и, обойдя места, где располагались казачьи караулы, прошли в глубь Замоскворечья к Егорьевской церкви неподалеку от «живого моста». Перед рассветом гайдуки, получив поддержку из крепости, с нескольких сторон атаковали стоявший на их пути казачий острожек. Застигнутые врасплох казаки не смогли отбиться от неприятеля.

Трубецкой не придал должного значения известию о появлении польской пехоты в его тылу и не пытался вернуть острожек. Его беспечность ободрила гетмана. 23 августа Ходкевич перенес свой лагерь к Донскому монастырю и стал готовиться к тому, чтобы нанести удар по Замоскворечью. После кровопролитной битвы солдаты нуждались в отдыхе, и Ходкевич потерял целый день, приводя свою расстроенную армию в порядок.

В Замоскворечье русские располагали более слабыми позициями, чем в западных кварталах столицы. Стены Деревянного города сгорели до основания. Сохранились невысокий вал и ров, которые и составляли главную линию обороны. За Серпуховскими воротами, посредине Большой Ордынки, стоял укрепленный казачий острожек. Воздвигнутый на пожарище, он занимал обширное пространство от Ордынки до церкви Святого Климента на Пятницкой. Укрепления были построены так, что полностью закрывали главную магистраль Замоскворечья, которая вела от Серпуховских ворот к Каменному городу. Второй острожек, прикрывавший позиции казаков со стороны Кремля, попал в руки поляков.

Трубецкой отказался помочь ополчению, ссылаясь на то, что его войска обороняют Замоскворечье. Теперь настал его черед. Армия Ходкевича грозила обрушиться всеми силами на его позиции. Пожарский не простил боярину трусливого поведения. Но думать приходилось не о прошлом, а о будущем. Князь Дмитрий не только пришел на помощь Трубецкому, но и фактически взял на себя руководство обороной Замоскворечья.

Казаки заняли линию обороны от Больших Лужников подле Коломенской слободы до Крымского двора. Пожарский остался «со своей стороны» Москвы-реки, у церкви Ильи Пророка на Остоженке. Воеводы Лопата-Пожарский и Туренин переправились в Замоскворечье. Пехота заняла позиции во рву подле обрушившихся стен Деревянного города.

Накануне решающего сражения Пожарский разделил свои силы. Поступить иначе он не мог. Если бы ярославская рать в полном составе переправилась в Замоскворечье, ничто не помешало бы Ходкевичу захватить Крымский брод и прорваться в Кремль через Остоженку. Оседлав брод, Пожарский имел возможность оказать помощь как своим передовым силам в Замоскворечье, так и своим отрядам в Чертолье, если бы они подверглись атаке из Кремля.

На рассвете 24 августа Пожарский выслал против гетмана конные сотни. Они завязали бой с польской конницей и запорожцами на поле между Донским монастырем и Земляным

городом. Трубецкой повел наступление со стороны Коломенской слободы. Но он действовал вяло и нерешительно. Это позволило Ходкевичу бросить против Пожарского большую часть своих войск. Чтобы сдержать натиск польской конницы, запорожцев и ливонской пехоты, Пожарский ввел в дело все свои полки. Русские дрались с остервенением. Даже отступая, они предпринимали отчаянные контратаки. Солнце близилось к зениту, когда русские, оказавшись прижатыми к берегу Москвы-реки, стали в беспорядке отступать через Крымский брод на левый берег реки. Гетману, однако, не удалось развить успех и довершить преследование бегущих. На переправе путь ему преградил Пожарский. Полк князя Дмитрия, по словам летописца, едва выстоял против неприятеля. Пожарский ободрял ратников собственным примером. Поляки видели его совсем близко, в первых рядах сражавшихся. В лагере Ходкевича даже распространили слух, что Пожарскому прострелили в бою руку.

Пока на правом фланге земское ополчение вело кровопролитный бой, отряды Трубецкого на левом фланге не выдержали вражеского удара и отошли к Большим Лужникам. Венгерская пехота Граевского и польская пехота Неверовского приступили к штурму центральной позиции русских подле Серпуховских ворот. Казаки и стрельцы установили на валу два орудия и вели огонь по наступавшей пехоте. После ряда безуспешных атак Граевский запросил подкреплений у Ходкевича. Гетман принужден был прекратить бой в районе Крымского брода и направил силы в центр, к Серпуховским воротам. Кавалеристы спешились и подкрепили пехоту. Не получив своевременно помощи от своих, стрельцы стали покидать вал. Гетман спешил использовать успех. Он приказал Граевскому развить наступление в глубь Замоскворечья и пробиться к Кремлю по Большой Ордынке.

Казаки из таборов много месяцев укрепляли Климентовский острожек на Ордынке и даже снабдили его артиллерией. Они мужественно отбивали атаки венгров и запорожцев и успели нанести им немалые потери. Криками подбадривая друг друга, ратники сражались подле южной стены острожка и не

заметили, как неприятель подобрался к стенам острожка с севера. Начали сказываться последствия рокового просчета, допущенного Трубецким. Гайдуки, накануне занявшие острожек близ Замоскворецкого моста, нанесли казакам внезапный удар с тыла. Защитники острожка бросились наутек. Поляки захватили несколько пушек и в знак победы водрузили свои знамена на звоннице церкви Святого Климента.

В Замоскворечье Ходкевич добился бóльших успехов, нежели в западных кварталах двумя днями ранее. Русские современники отдали дань уважения его храбрости. *«Скачет по полкам всюду,* — писал о Ходкевиче один из летописцев, — *аки лев рыкая на своих, приказывает крепче напрягать оружие свое»*. После упорного пятичасового боя гетман открыл себе путь в Кремль. Не теряя времени, он тут же ввел в Замоскворечье повозки с продовольствием для осажденного гарнизона. Огромный обоз, включавший более четырехсот повозок, заполнил Серпуховскую площадь и далее всю Ордынку до Климентовского острожка. Неожиданно стрельба в окрестностях острожка усилилась, и обоз остановился, образовав затор вдоль всей улицы.

Ходкевич вложил в наступление всю свою энергию. Ему непрерывно доносили, что русские разбиты и рассеяны на всех направлениях. И все же гетман ошибся, полагая, что сражение выиграно. Русские не были сломлены. Выбитые из острожка казаки залегли в бурьяне за печищами и в канавах. Они ждали благоприятного момента, чтобы возобновить бой. Когда поляки вывесили хоругвь на климентовской церкви, казаки сообразили, что терять время больше нельзя.

Климентовский острожек загораживал всю Ордынку. Обоз Ходкевича не мог объехать его стороной. Солдатам пришлось распахнуть острожные ворота, чтобы пропустить повозки и доставить продовольствие в Кремль. Казаки поспешили воспользоваться их оплошностью. Подобравшись поближе, они подняли сильную ружейную пальбу. Испуганные лошади опрокидывали телеги, сбивали с ног людей. Пользуясь общим замешательством, казаки ворвались внутрь укрепления. Они рубили врага, не давая ему опомниться. Наемники повернули

вспять и попытались пробиться к ставке гетмана. Но лишь немногим удалось добраться до своих. Кучка солдат заперлась в церкви, на которой продолжала развеваться их хоругвь. Под их выстрелами упал, обливаясь кровью, казак Мишка Константинов, бежавший впереди отряда со знаменем в руках. Но на помощь казакам уже спешили отовсюду жители Замоскворечья. Сопротивление врага было сломлено.

Заслышав сильную пальбу в восточных кварталах, Пожарский стал готовиться к новой атаке и попытался установить связь с Трубецким. С этой целью он послал в казачьи таборы отряд дворян. Вместе с дворянами к Трубецкому отправился Авраамий Палицын. Троицкого монаха хорошо знали в подмосковных таборах, и он давно пытался играть роль посредника между подмосковными и ярославскими властями.

Дворяне прибыли к Климентовскому острожку и увидели там *«литовских людей множество побитых и казаков, со оружием стоящих»*. Уговорившись насчет возобновления атаки, посланцы Пожарского отправились за Москву-реку против церкви Святого Никиты. Там у казаков были устроены «лавы» — наплавной мост на плотах. Палицыну и дворянам не пришлось идти за реку.

Слух о поражении поляков у Климентовского острожка мгновенно распространился по всему табору, и казаки, не ожидая призывов Палицына, толпой спешили к Ордынке на помощь к своим.

После полудня в боевых действиях наступила длительная пауза. Отрядив в помощь гарнизону пятьсот солдат из полка Неверовского и потеряв почти всю венгерскую пехоту, гетман стал ощущать нехватку в людях. Ужасающие потери подорвали боевой дух солдат. Еще один бой, и Ходкевич рисковал остаться без армии в центре вражеской страны. Потеряв Климентовский острожек, гетман не решился немедленно ввести в бой уцелевшие роты. Вместо того он дал солдатам роздых и приказал накормить их. Ходкевича не покидала надежда на помощь со стороны крепостного гарнизона. Но гарнизон был деморализован тяжелыми поражениями, понесенными накануне во время вылазки. С высоких крепостных башен солдаты гарни-

зона видели, как в садах за Москвой-рекой, против кремлевских стен, собирались русские ратники. В уцелевших церквах на Яузе и в Замоскворечье звонили во все колокола. Удары набата ободрили патриотов. В сердцах запертых в крепости солдат они отозвались похоронным звоном.

Близился вечер, когда Пожарский получил вести от своих посланцев и решил вновь атаковать гетмана в Замоскворечье. Кузьма вызвался возглавить авангард. Его слова вызвали поначалу общее удивление. Выборный староста был в годах, из-за этого летописец даже назвал его немощным. И все же он подходил для исполнения задуманного плана больше, нежели воеводы. После утренней неудачи ими владело чувство усталости и неуверенности. Зато Минин твердил, что победа близка. Его вера заражала других. На просьбу дать людей князь Дмитрий кратко отвечал: «Бери кого хочешь». После недолгого смотра Минин отобрал три дворянские сотни, менее других потрепанные в утреннем бою, и присоединил к ним ротмистра Хмелевского с поляками. С такими небольшими силами он перешел вброд Москву-реку и атаковал роты противника, стоявшие у Крымского двора. Атака явилась полной неожиданностью для наемников, и они обратились в бегство.

Заметив смятение среди врагов, русские *«из ям и из крапив поидоша тиском к таборам»*. Казаки теснили врага со стороны Лужников и от Климентовского острожка. Стрелецкая пехота, отступившая ранее в глубь Замоскворечья, вела огонь с другой стороны.

Келарь Авраамий Палицын своими глазами видел, с каким мужеством шли в бой казаки. На многих одежда напоминала лохмотья. Многие были без сапог. Но эти оборванцы громили врага повсюду. Наемная армия не выдержала столкновения со сражающимся народом.

Солдаты Ходкевича чувствовали страх перед противником, потерявшим едва ли не половину войска, отступившим на всех направлениях и тем не менее продолжавшим яростно атаковать. Отборные роты, некогда разгромившие шведского короля, окончательно утратили волю к победе. Ходкевич не надеялся более на успех. Он лишь предпринимал отчаянные

попытки к тому, чтобы спасти с трудом снаряженный обоз. Польская пехота с трудом сдерживала русских, пока возницы заворачивали лошадей и пытались под огнем убрать повозки за Серпуховские ворота, в поле. Приказ гетмана не был выполнен. Казаки атаковали растянувшийся по Ордынке обоз и «разорвали» его во многих местах. В их руки попали бóльшая часть повозок, шатры и прочее имущество, брошенное в неприятельском лагере.

Русские ратники настаивали на преследовании противника. Но воеводы велели им занять позиции во рву. *«Не бывает на один день две радости»,* — говорили они нетерпеливым. После отхода гетмана перестрелка не затихала еще целый час. Частые вспышки выстрелов озаряли округу. Издали казалось, что руины Замоскворечья вновь охвачены пожаром.

В сумерках Ходкевич отступил к Донскому монастырю. Его кавалерия провела ночь в седле, ожидая новых атак. Позже гетман перенес лагерь на Воробьевы горы, а оттуда ушел по Смоленской дороге на литовский рубеж. Отступление Ходкевича обрекло на гибель гарнизон, засевший в Кремле.

Глава 9
ОСВОБОЖДЕНИЕ

Земское ополчение добилось победы, сражаясь бок о бок с казацкими таборами. Но едва бои стихли, раздор между ополчениями возобновился. Благодаря стараниям Минина земские люди не испытывали недостатка в продовольствии и одежде. Кузьма понимал, как трудно будет удержать дворян в осадном лагере осенней порой, и не жалел для них денежной казны. Совсем иное положение сложилось в казачьих сотнях. Там царила подлинная нужда. Полтора года провели казаки в осадных землянках. Деньги им выдавали не слишком исправно, а потом и вовсе перестали платить. Пока стояли жаркие дни, ратники могли биться «наги и босы». Но подули осенние ветры, надвинулись холода, и казаки заволновались. Затрудне-

ния с хлебом поставили их в невыносимое положение. Понуждаемые голодом, казаки стали силой отбивать обозы, направлявшиеся в ополчение из разных мест.

В стане Трубецкого нашлись люди, сознательно разжигавшие недовольство казаков. К числу их принадлежал Иван Шереметев. Он уклонился от службы в полках Пожарского и прибыл под Москву не раньше чем узнал об окончании кровопролитных боев. Будучи членом ярославского Совета, Шереметев тем не менее обосновался под крылышком у Трубецкого. Вокруг Шереметева тотчас объединились многие старые тушинцы — слуга и боярин князь Григорий Шаховской, Иван Плещеев и другие. Минин и Пожарский с тревогой следили за этим зловещим альянсом. Всего год назад все эти бывшие тушинцы своими интригами подготовили почву для расправы над Прокофием Ляпуновым. Теперь они вновь затевали что-то недоброе.

Шереметев и его единомышленники не скупились на обещания, стараясь привлечь на свою сторону казацкую массу. Апеллируя к справедливости, они призывали обнищавших казаков посылать отряды в Ярославль, Вологду и другие города, чтобы организовать снабжение таборов деньгами, продовольствием и одеждой. Агитация тушинских бояр углубляла раскол в земской рати и грозила разжечь междоусобия. Опасность была столь велика, что Минин и Пожарский прибегли к решительным мерам против смутьянов. В начале сентября в окружных грамотах городам Совет земли открыто разоблачил их заговор. Совет заявил, что крамольники готовятся убить Пожарского и что под влиянием их агитации казаки вновь чинят грабежи по дорогам.

Двум земским правительствам трудно было ужиться в одном стане. 12 сентября 1612 года князь Василий Тюфякин привел из Одоева триста всадников. Он не мог решить, к кому пристать, и расположился поодаль от старого лагеря за стенами Деревянного города. Ветры раздора, погубившего первое ополчение, вновь повеяли над подмосковными полками. Дворяне, засевшие в Кремле, предсказывали развал освободительной армии. Но они радовались преждевременно.

Троице-Сергиев монастырь, потративший немало денег на поддержку первого земского правительства, использовал все свое влияние, чтобы покончить с волнением в таборах. Денежная казна монастыря истощилась, и монахам ничего не оставалось, как приняться за гардероб. Из тайников извлекли драгоценные ризы, аккуратно уложили их в повозки и отвезли в таборы. Там посланцы монастыря собрали казачий круг и предложили ратникам принять от них вещи в виде заклада. Как только монастырь соберет оброки со своих крестьян, заявили монахи, они тотчас выкупят заклад за тысячу рублей.

Казакам нужны были хлеб насущный и теплая одежда. Заклад не мог помочь им в жестокой нужде. Круг постановил немедленно вернуть вещи в монастырскую казну. Два атамана выехали в Троицу с письмом к архимандриту. Казаки писали, что никакие скорби и беды не заставят их отступить от стен столицы.

В дни боев под Москвой князь Дмитрий Трубецкой подтвердил давнюю репутацию бездарного и никчемного человека. Победу добыли Минин и Пожарский. Тем не менее родовитый Трубецкой и слышать не желал о признании авторитета незнатного стольника. Более того, боярин стал настаивать на том, чтобы Пожарский подчинялся всем его приказам. Троицкие монахи и тут предложили свои услуги, чтобы примирить соперничавших воевод.

Архимандрит Дионисий обратился к *«двум князем Дмитрием»* с обширным посланием. В нем он поминал всех святых и многословно убеждал воевод соединиться: *«О благочестивые князи Дмитрие Тимофеевич и Дмитрие Михайлович! Сотворите любови над всею Российскою землею, призовите в любовь к себе всех любовию своею»*.

Казачьи таборы понесли меньшие потери, чем ярославская рать. Поэтому они первыми возобновили боевые действия. В начале сентября казаки установили пушки в Замоскворечье и стали бомбардировать Кремль каленными ядрами. Им удалось поджечь двор боярина Мстиславского. Двор располагался за стеной, обращенной к царским садам в Замоскворечье. Три дня спустя русские с громкими криками броси-

лись на штурм Кремля, но ничего не могли поделать против его неприступных укреплений. Пока каждая из двух армий вела войну отдельно от другой, успех был невелик.

Повсюду крепло убеждение, что лишь полное объединение всех воинских сил может обеспечить победу. Переговоры между представителями Земского совета и таборов продолжались несколько дней, прежде чем стороны достигли согласия. Трубецкому пришлось пожертвовать своими амбициями. Он не настаивал более на том, чтобы Пожарский ездил к нему в ставку и там выслушивал его распоряжения. Приговор о создании единого командования предписывал воеводам основать ставку на новом месте — у Неглинной на Трубе. Там был выстроен новый Разрядный приказ, куда воеводы съезжались теперь для решения всех вопросов.

В последних числах сентября Трубецкой и Пожарский известили города о том, что ныне они объединили свои усилия, подчинившись приговору всех чинов людей. Речь шла о возрождении триумвирата в новом составе. *«Ныне,* — писали воеводы, — *меж себя мы, Дмитрий Трубецкой и Дмитрий Пожарский, укрепились, что нам да выборному человеку Кузьме Минину Московского государства доступать».*

Имя Трубецкого писали первым. Номинально он сохранил пост главнокомандующего. На деле его влияние не стало большим, чем было. Фактически триумвират возглавляли Минин и Пожарский, действовавшие в полном единодушии. Триумвиры формально не участвовали в выработке примирительного соглашения. Не они, а соборные чины поставили подписи на договоре. В большинстве это были люди из ярославского Совета.

Объединение рати принесло поражение бывшим тушинским боярам. Пожарский заклеймил как *«старых заводчиков зла»* князя Григория Шаховского, Ивана Плещеева и других. Никто из них не подписал примирительные грамоты. Исключение было сделано лишь для Ивана Шереметева. Он был слишком знатен, и земщина не стала добиваться его изгнания из ополчения. Вместе с Иваном Шереметевым примирительные грамоты подписали тушинцы окольничий Федор Плещеев и дворянин Данила Микулин.

В объединенном Совете земли заседали знатные дворяне Дмитрий Головин и князь Андрей Сицкий, стрелецкий голова Иван Козлов, дьяк Иван Ефанов и другие чины. Ярославские и нижегородские купцы, игравшие заметную роль в Земском совете в момент его образования, как видно, остались в своих городах для сбора казны. Что касается московских купцов, то часть из них находилась вместе с боярами в осаде, а другие обретались в провинции по торговым делам. Их участие в деятельности собора не прослеживается.

Создание единого командования привело к оживлению осадных работ. При содействии москвичей ратные люди оборудовали позиции для батарей в трех пунктах: у Пушечного двора, на Ивановском лужку в Кулишках и подле Девичьего монастыря на Дмитровке. Пушкари принялись методически бомбардировать башни и ворота Китай-города. В Замоскворечье батареи, установленные в царских садах, возобновили обстрел Кремля.

Еще в начале сентября Пожарский обратился к польскому гарнизону Кремля с предложением о сдаче. Он указывал на то, что положение осажденных безвыходно, рассчитывать на помощь после разгрома Ходкевича им не приходится и их ждет голодная смерть. *«Поберегите себя и присылайте к нам для переговоров без замедления,* — писал князь Дмитрий. — *Ваши головы и жизнь будут сохранены вам. Я возьму это на свою душу и упрошу всех ратных людей. Если некоторые из вас от голода не в состоянии будут идти, а ехать им не на чем, то, когда вы выйдете из крепости, мы вышлем подводы».*

Обращение русского командования было выдержано в корректных и даже почтительных тонах. Оно начиналось словами: *«Всему рыцарству князь Дмитрий Пожарский челом бьет!»* Наемники не оценили вежливости русских. Они ответили заносчиво и грубо. *«Впредь не обращайтесь к нам со своими московскими сумасбродствами,* — писали полковники, — *а лучше ты, Пожарский, отпусти к сохам своих людей, пусть холоп по-прежнему возделывает землю, поп знает церковь, Кузьма пусть занимается своей торговлей!»*

Шляхтичи пытались больнее уязвить и унизить вождей ополчения. Минину они ставили в укор его занятия торговлей. Пожарского попрекали его незнатным происхождением и чином стольника. Рядовых земских ратников они называли не иначе как трусливыми ослами и сурками, прячущимися в норы.

Командование гарнизона решительно отклонило предложение о сдаче, ссылаясь на свою неколебимую верность Сигизмунду и истинно рыцарские подвиги во имя бессмертной славы.

Напыщенное и хвастливое письмо рыцарства вызвало ироническое отношение в русском лагере.

В письмах к королю наемники приоткрыли краешек завесы, окутавшей судьбу остатков царской сокровищницы в Москве. «*Наши братья, покидая столицу,* — писали они, — *собирались было взять в уплату за их службу нужные при коронации регалии этого государства и другие драгоценности*». Но, добавляли авторы письма, мы взяли их у гетмана как залог. То была неловкая попытка выгородить «братьев», покинувших Москву. Гонсевский увез из русской столицы самые дорогостоящие короны. На долю «рыцарей», сменивших его, достались вещи «подешевле», вроде нескольких венцов Грозного.

«Рыцари», хвалившиеся верностью королю, довершили разграбление сокровищницы, которая должна была стать после коронации Владислава его собственностью. Они намекали Сигизмунду, что тот не сможет обойтись без царских регалий при коронации сына, и предлагали своему государю «приказать выкупить их у нас уплатой причитающихся нам денег».

Обедневшая шляхта, продававшая свое оружие тому, кто больше заплатит, расхитила сокровища, которые прежде она не видела даже издали. Не преданность королю, а алчность удерживала их от капитуляции. Сдача привела бы к мгновенной утрате всех неправедно добытых богатств.

Опустошив Казенный приказ, наемники решили поживиться имуществом русских союзников и приспешников. В итоге долгой осады в Китай-городе и Кремле осталось немного русских. Все, кто хотел, находили возможность перейти на сторону ополчения. Чтобы оказаться в другом лагере, достаточ-

но было перебраться за крепостную стену. В Кремле остались одни верноподданные короля Сигизмунда III.

Командование гарнизоном старалось удержать в Кремле членов семей бояр, дворян и гостей в качестве заложников. Но когда в крепости начался голод, полковник Струсь решил избавиться от лишних ртов. Федор Андронов и Иван Безобразов взялись исполнить его приказ. В сопровождении солдат они обошли боярские и купеческие дома в Кремле и повсюду произвели обыск. Покидая дом, солдаты уводили с собой престарелых мужчин, женщин и детей. Вскоре на площади собралась большая толпа. Как ни трудна была жизнь в осажденном городе, неизвестность внушала еще больший страх. С первых дней осады церковные и светские власти неустанно внушали осажденным, что казаки и боярские холопы лишь ждут момента, чтобы отобрать у богачей их богатства, а их жен и детей разобрать по рукам. Снедаемые страхом за своих ближних, Мстиславский и прочие члены боярского правительства направили особое послание Пожарскому и Минину. Бояре умоляли, чтобы земские ратные люди приняли без позора членов их семей.

Еще во времена Ляпунова казаки и московский черный люд требовали сурового наказания изменных бояр и членов их семей. И теперь казаки, узнав о предстоящем исходе боярынь из Кремля, предложили отобрать у них все имущество. Летописцы старательно чернили казаков и холопов и даже приписывали им намерение перебить боярские семьи.

Пожарский позаботился о том, чтобы принять боярские семьи с подобающей честью. Он лично выехал к крепостным воротам и провожал толпу женщин и детей в земский лагерь. Там беженцев разобрали к себе земские дворяне и посадские люди по родству и свойству. Женщины с плачем жаловались на бесчинства «литвы». Никаких богатств при них, естественно, не оказалось.

В связи с выселением из Кремля русских семей полковники объявили о повсеместной реквизиции продовольствия. Производя обыск в домах, наемники вместе с продуктами питания забирали у русских золото, серебро, жемчуг, парчу и

прочие ценности. С купцами и дворянами захватчики вовсе не церемонились. С боярами и высшими церковными иерархами обращались вежливее, но и они не избежали грабежа.

Патриарх Гермоген умер, будучи под стражей, 17 февраля 1612 года. Его преемником стал грек Арсений, служивший при царских гробах в Архангельском соборе в чине архиепископа. В России этот чужеземец искал почестей и богатств. Знавшие его греческие епископы отзывались о нем как о человеке бесчестном и корыстном. Арсений давно прислуживал Гонсевскому. Он побуждал к сдаче защитников Смоленска, сыпал проклятия на головы земских людей. Пришел день, когда грек с горечью записал в своем дневнике: *«Староста Струсь с воинами и с русскими с Федором Андроновым и Иваном Безобразовым изгнали из Москвы всех немощных — старцев, жен, мальчиков и девочек, отняли у русских всякий провиант, вещи — серебро, золото, одежды золототканые и шелковые, отняли все доходы и у блаженнейшего архиепископа архангельского и немало вещей и денег».*

К началу сентября голод в Кремле приобрел катастрофические масштабы. Первыми его жертвами стало русское население, лишившееся средств к пропитанию. Затем настала очередь гайдуков и немцев-наемников.

Цены на продукты поднялись неслыханно. Воловью шкуру продавали за полтора, а потом за три рубля. Хлебец стоил более трех рублей. Со временем хлеб исчез, и за лепешку с лебедой давали около рубля. Голодающие съели всех собак и кошек. Они облазили все лужайки, дворы в поисках лебеды и крапивы, сдирали кору с деревьев. С четвертого сентября начали умирать с голода солдаты, переброшенные в Кремль гетманом. Они прибыли без запасов и без денег и фактически были брошены полковниками на произвол судьбы. По словам очевидцев, новая пехота почти вся вымерла в первые недели голода. В начале октября выпал снег, и сохранившиеся кое-где трава и коренья оказались погребены под снежными сугробами. Даже мышь считалась теперь большим богатством, а за дохлую ворону платили около рубля.

Стремясь предотвратить окончательную гибель гарнизона, полковники прибегли к мерам, поразившим даже видавших

виды мародеров. Они распорядились вывести из тюрем всех пленных, забить их насмерть и отдать на съедение гайдукам.

Начав с пленных, солдаты, обезумевшие от голода, стали убивать друг друга. Полковник Будила пометил в своих записках, что в дни ужасного голода его *«пехота сама себя съела и ела других, ловя людей»*. Признание это тем более важно, что оно исходило от одного из командиров осажденного гарнизона.

Пополненный гайдуками польский гарнизон насчитывал около трех тысяч человек. Спустя два месяца в нем осталось не более полутора тысяч человек, но и те утратили боеспособность. Наемники дошли до последней степени деморализации и разложения.

Союзники захватчиков — московские бояре дрожали за свою жизнь. Мародеры не оставили в покое даже главу Семибоярщины. Двое солдат пробрались в дом Мстиславского и в поисках пищи перевернули там все вверх дном. Боярин принялся усовещивать их, но получил такой удар по голове, что едва не отдал Богу душу. Струсь велел повесить мародеров, которые зашли слишком далеко. Но их казнь уже не поправила дело.

Избивая боярина, грабители, сами того не подозревая, оказали ему неоценимую услугу. Пособник иноземных завоевателей использовал увечья, чтобы предстать перед соотечественниками в качестве жертвы. Прошло совсем немного времени, и боярин объявил Пожарскому, что в Кремле он находился неволею и *«литовские люди били его чеканами и голова у него во многих местах избита»*. Боярин лгал даже в мелочах. Его ранили не чеканами, а обломком кирпича. Памятный удар вразумил удельного князя и поставил последнюю точку в бесславной истории Семибоярщины.

Утратив доверие к членам Семибоярщины, полковник Струсь приказал взять под стражу князя Ивана Голицына. Видимо, он высказался за сдачу Кремля. Голод все настойчивее стучал в боярские хоромы. Надежды на помощь «царя» Владислава иссякли. Лишь Иван Безобразов да Федор Андронов, страшась возмездия, продолжали советовать полякам держаться даже ценою гибели гарнизона.

Струсь и его окружение не склонны были следовать боярским советам. Но как только имевшиеся в их руках запасы продовольствия подошли к концу, они запели другую песню. Поляки предложили воеводам начать переговоры и прислали в ополчение полковника Будилу в качестве заложника. 22 октября 1612 года Пожарский отпустил в Кремль своего заложника воеводу Василия Бутурлина. Переговоры никак не ладились. Русские требовали безоговорочной капитуляции. «Рыцарство» еще не окончательно рассталось с прежним гонором и требовало различных уступок.

Когда претензии наемников стали известны казакам и ратным людям, те были возмущены. По словам польского очевидца, Москва негодовала на то, что ротмистры и рыцари тянут время на переговорах, поджидая со дня на день подхода королевских войск. Кто знает, сколько времени продолжались бы эти бесплодные переговоры, если бы в дело не вмешался народ. Казаки первыми потеряли терпение. Они ударили в колокола и, подняв хоругви, пошли «силою великой» к стенам Китай-города. Действия казаков застали врасплох и «литву», и русских воевод. Когда воеводы съехались для переговоров с неприятелем, записал летописец, *«и в ту пору некий человек кликнул казаков, стоявших на Кулишках у храма всех Святых на Ивановском лужку»*. В своих записках полковник Будила подтвердил, что русские пошли на приступ с батарей Трубецкого.

Казаки много раз штурмовали Китай-город. Они пролили море крови на приступах. На этот раз удача сопутствовала им. Приставив лестницы, ратные люди во многих местах преодолели крепостную стену. Наемники дрогнули перед их яростью. Одни были убиты на месте. Те, кому достало сил, успели скрыться в Кремле.

Поражение окончательно подорвало моральный дух гарнизона. Полковники поторопились завершить переговоры о сдаче. На этот раз делегацию гарнизона возглавил полковник Струсь, а боярское правительство представлял Мстиславский. Они выходили из Кремля в «застенок» для встречи с Пожарским и Трубецким. Забыв о прежней гордости, Мстиславский повинился, бил челом всей земле.

В тупике у закопченной кремлевской стены Пожарский достиг соглашения с боярским правительством, которое определило будущее царского трона. Компромисс казался неизбежным. Земские руководители не могли без примирения со знатью достигнуть давней цели — избрать государя из великих бояр, природных русских людей. Мир с думой не был результатом свободного выбора. Из Речи Посполитой поступали сведения о больших военных приготовлениях. Королевич Владислав поднялся в поход, чтобы занять московский трон. Россия не могла окончательно избавиться от иноземного царя, пока Боярская дума поддерживала его как законного главу государства.

После трехдневных переговоров земские вожди и боярское правительство заключили договор и скрепили его присягой. Бояре получили гарантию того, что им будут сохранены их родовые наследственные земли. Сделав уступку знати, вожди ополчения добились огромного политического выигрыша. Боярская дума, имевшая значение высшего органа монархии, согласилась аннулировать присягу Владиславу и порвать всякие отношения с Сигизмундом III. Земские воеводы молчаливо поддержали ложь, будто «литва» держала бояр в неволе во все время осады Москвы.

По условиям договора бояре, дворяне, дьяки, купцы и прочие люди, сидевшие в Кремле с «литвой», обязались немедленно отдать все деньги и ценности, взятые из государевой казны или из земщины. Пожалования Владислава и Сигизмунда объявили недействительными.

Русские договорились с русскими. Что же касается соглашения с иноземным гарнизоном, оно состояло из одного-единственного пункта. *«Мы,* — писал Будила, — *принуждены были войти с русскими в договор, ничего не выговаривая себе, кроме того, чтобы нас оставили живыми».* То была безоговорочная капитуляция.

26 октября 1612 года наемники выслали из Кремля бояр и прочее русское население. Со скрипом распахнулись тяжелые железные ворота, и на каменном Троицком мосту появились бояре, среди них Мстиславский, Воротынский, Романовы.

На другой день утром земские воеводы приняли капитуляцию от вражеского гарнизона. Солдаты из полка Струся вышли в Китай-город в расположение отрядов Трубецкого и там были разоружены казаками. Будила и его солдаты, некогда приведенные в Россию Яном Сапегой, вышли из Кремля в Белый город и сдались Пожарскому. Командующий гарнизоном полковник Струсь, опасавшийся за свою жизнь, до последней минуты оставался на старом подворье Годунова под охраной слуг. Там он и сдался воеводам. Полковые знамена были повержены наземь посреди площади.

Страшная картина предстала перед глазами москвичей, проникших за кремлевские ворота. Повсюду царила мерзость запустения. Церкви были ограблены и загажены, большинство деревянных построек разобрано на дрова и сожжено.

В честь победы вожди ополчения устроили парад. Земская рать построилась на Арбате, а оттуда торжественным маршем проследовала в Китай-город. Отряды Трубецкого, собравшиеся за Покровскими воротами, вступили в крепость с другой стороны. Войска сошлись на площади подле Лобного места, откуда двинулись через Спасские ворота в Кремль.

Глава 10

ВОЦАРЕНИЕ МИХАИЛА РОМАНОВА

Летом 1612 года король Сигизмунд III завершил приготовления к новому походу в Россию. Он намеревался разгромить силы земского ополчения под Москвой и усадить на трон избранного Земским собором царя Владислава. В дни подготовки к походу окончательно решилась судьба царя Василия Шуйского и двух его братьев, ранее доставленных из России в Варшаву. В глубокой тайне Шуйских доставили в Гостынский замок. Содержали под крепкими караулами. Люди, видевшие в то время Василия, так описали его внешность: пленник был приземист и смугловат. Он носил бороду лопаткой, наполовину седую. Небольшие воспаленные глаза царя уныло гля-

дели из-под густо заросших бровей. Нос с горбинкой казался излишне длинным, а рот чересчур широким на круглом лице.

Василия держали в тесной каменной камере над воротами замка. К нему не допускали ни его родственников, ни русскую прислугу. Князь Дмитрий Шуйский жил в каменном нижнем помещении. Братья имели неодинаковый возраст и обладали неодинаковым здоровьем. Но умерли они почти одновременно. Царь встретил свой смертный час 12 сентября 1612 года. Никто из близких не присутствовал при этом. Дмитрий скончался пять дней спустя. Тюремщики разрешили его жене и слугам наблюдать за агонией князя.

Страже запрещено было произносить имена узников. В акте о смерти Василия чиновник записал: *«Покойник, как об этом носится слух, был великим царем московским»*. Стремясь рассеять подозрения насчет насильственной смерти, составители акта записали: *«Покойный жил около семидесяти лет»*. На самом деле Василию едва исполнилось шестьдесят. Его брат Дмитрий был на несколько лет моложе. Трупы умерших тайно предали земле, чтобы никто не догадался о местонахождении могил. Младшего из трех братьев, Ивана Шуйского, власти пощадили. «Мне, — говорил князь Иван позже, — вместо смерти наияснейший король жизнь дал». Помилованному Шуйскому уготована была судьба таинственного узника. Он должен был забыть свое подлинное имя и происхождение. Отныне он фигурировал под именем Ивана Левина. Расходы на его содержание урезали до 3 рублей в месяц. Оставшиеся у него дорогие вещи были отобраны в королевскую казну.

Как ни старался Сигизмунд III спрятать концы в воду, слух о тайном преступлении достиг России. Московские летописцы нимало не сомневались в том, что братья Шуйские погибли в Литве «нужной» (насильственной) смертью.

Завоевательная война была чужда польскому народу. Сейм все более сдержанно относился к продолжению войны и в особенности к дальнейшим чрезвычайным налогам. Расходы на содержание наемных войск опустошили королевскую казну и привели к образованию огромного долга. Поражение армии Ходкевича вызвало тревогу и растерянность среди тех, кто еще

недавно поддерживал завоевательные планы Сигизмунда. Многие сенаторы советовали королю обратить внимание на турецкую угрозу и поспешить с заключением мира на востоке. Сигизмунд не прислушался к трезвым голосам. Однако ему пришлось отказаться от попытки занять московский трон и включить Россию в состав коронных владений по праву завоевателя.

18 августа 1612 года Сигизмунд выступил в московский поход, объявив, что намерен усадить на царский трон сына Владислава. Как и накануне смоленской экспедиции, он побоялся созвать сейм, опасаясь его противодействия.

На границе короля ждала армия в четыре тысячи человек. В Вязьме к нему присоединились гетман Ходкевич со своим войском и более тысячи человек конницы из состава смоленского гарнизона. Сигизмунд предполагал двигаться к Москве кратчайшим путем. Но местность, прилегавшая к Старой Смоленской дороге, давно была разграблена и опустошена. Королевская армия не могла тут прокормиться. По предложению Ходкевича полки от Вязьмы повернули к Погорелому Городищу, вышли на ржевскую дорогу и стали продвигаться к Волоколамску.

В конце октября Сигизмунд еще ничего не знал о катастрофе, постигшей его гарнизон в Кремле. Однако и земское правительство не подозревало о появлении неприятельских сил на ближних подступах к столице. Весть об этом повергла русских в замешательство.

Положение Москвы было достаточно трудным. По обыкновению, дворяне «в осенину» стали покидать полки и разъезжаться по поместьям. Тотчас после освобождения Кремля Пожарский и Трубецкой обратились к городам с отчаянным призывом о присылке провианта. Служилые люди, писали они, заступили Москву, не щадя голов своих, а ныне они на земской службе и помирают голодом. Чтобы разрешить продовольственные трудности, воеводы не препятствовали разъезду дворян. За считанные недели из четырех тысяч дворян в Москве осталось не более половины. Роспуск части войск не разрешил трудности. Столица не имела никаких запасов продовольствия на случай осады.

Едва переступив границу, Сигизмунд обратился с воззванием к московскому населению. Он вновь утверждал, что его войска несут России умиротворение и благоденствие. На подходе к Москве король послал Мстиславскому извещение о том, что он отпустит Владислава на царство, как только бояре пришлют к нему послов для договора. Королевские воззвания вызвали гнев и возмущение в Москве. Сигизмунд давно растоптал московский договор. Он не выполнил обязательств Жолкевского насчет вывода войск и прекращения завоевательной войны. Его войска захватили Смоленск и северские города. Московские великие послы томились в королевских тюрьмах. Теперь Сигизмунд предлагал прислать новых послов.

19 ноября передовые отряды неприятеля прибыли в Рузу. В их рядах находился окольничий Мезецкий, бывший член боярского правительства. Ему отводилась роль посредника в переговорах с москвичами. Сигизмунд предусмотрительно захватил с собой низложенного патриарха грека Игнатия. Ему предстояло короновать Владислава в Успенском соборе в Кремле.

Однако москвичи не допустили возобновления переговоров с королем. Гонцы «царя» Владислава, явившиеся в столицу, были взяты под арест. В городе упорно толковали о том, что члены Семибоярщины втайне готовы вновь сдать столицу королю. В руки поляков попал дворянин Философов из рати Пожарского. На допросе он сказал: «На Москве у бояр, которые королю служили, и у лучших людей хотение есть, чтобы просити на королевство великого господаря королевича Владислава Жигимонтовича, а именно-де о том говорити не смеют, боясь казаков».

В новой завоевательной войне короля на каждом шагу преследовали неудачи. Его солдаты были отбиты от стен крохотной крепости Погорелое Городище. Местный воевода то ли всерьез, то ли в насмешку посоветовал королю идти прямо к Москве. «Пойди под Москву, — сказал он, — будет Москва за тобою, и мы готовы быть твои». Пока же воевода велел угостить незваных гостей огнем из всех орудий.

Бой в Ваганькове завершился отступлением королевских авангардов. Ходкевич не искал генерального сражения. Вме-

сто того чтобы как можно быстрее идти к русской столице, гетман пригласил Сигизмунда в свой старый лагерь в селе Федоровском, где он провел предыдущую зиму. Будучи в Федоровском, поляки получили доступ в Заволжье и другие районы страны, снабжавшие ополчение всем необходимым.

Позиция в Федоровском имела одно уязвимое место. На путях из Федоровского в Москву стояла крепость Волоколамск. Король отдал приказ взять городок любой ценой. Однако, невзирая на все усилия, наемники и тут не достигли ни малейшего успеха. Оборону Волоколамска возглавили казачьи атаманы Нелюб Марков и Иван Епанчин. Трижды королевские солдаты бросались на приступ и трижды откатывались, теряя убитых. Под конец казаки сделали смелую вылазку и отбили у неприятеля несколько пушек.

Со всех сторон захватчиков окружала стена ненависти. Окрестное русское население прятало хлеб и скрывалось в лесах. Все попытки наладить снабжение армии за счет реквизированного продовольствия потерпели провал.

Наступили сильные морозы со снегопадами, и фуражиры боялись высунуть нос из лагеря. Их страшил холод, еще больше — партизаны. Народная война грозила захватчикам со всех сторон.

Непрерывные неудачи подорвали боевой дух армии, и 27 ноября Сигизмунд отдал приказ об общем отступлении. Переход до Смоленска оказался на редкость тяжелым. Морозы несколько раз сменялись оттепелями, снегопады — проливными дождями. Многочисленные речки и болота стали труднопроходимыми для обозов. Наемная армия бесславно бежала из России, теряя по пути людей, оставляя на дороге повозки и снаряжение.

Весть об отступлении вражеских полчищ вызвала ликование в Москве. Двухлетняя война на улицах столицы, неслыханные беды и мытарства — все это уходило в прошлое как кошмарный сон.

Множество неотложных дел свалилось на плечи земского правительства. Надо было думать о снабжении продовольствием армии и столичного населения. В Москве оставалось око-

ло двух тысяч земских дворян, тысяча стрельцов, четыре с половиной тысячи казаков и несколько тысяч вооруженных москвичей из состава повстанческих отрядов. Зима грозила голодом неимущим повстанцам и казакам. Минин принимал отчаянные усилия, чтобы удержать их в столице. Если казаки от голода с земской службы разойдутся, писал Пожарский в города, земскому великому делу учинится великая поруха: некому будет оборонять Москву.

Совет земли начал с упорядочения казачьей службы. Он постановил составить списки «старых» казаков, с тем чтобы отделить казацкое войско от «беспорядочных отрядов». Казаки, попавшие в реестр, получили право на сбор кормов в назначенных им городах и уездах. Совет земли сохранил порядок, сложившийся в первом ополчении при Заруцком. Он поручил атаманам самолично руководить сбором кормов. Известный сподвижник Заруцкого Степан Ташлыков и его отряд в 1140 сабель получили на прокормление Балахну. Другие атаманы собирали продовольствие в Вологде и других северных уездах. Пожарский предложил вологодским дьякам выдать казачьим атаманам *«роспись сошному письму»,* чтобы те сами могли разверстать между крестьянами сборы.

Старым казакам Кузьма Минин тотчас же выдал жалованье — на человека по восемь рублей деньгами и вещами. В земской казне наличности было мало, и потому молодые казаки, не попавшие в реестр, остались без жалованья. Но они не считали себя обделенными. Минин и Пожарский выполнили обещание, данное восставшему народу еще Ляпуновым. Вчерашние холопы, служившие в рядах земского ополчения, получили волю. Совет земли признал их заслуги перед освободительным движением и разрешил строить себе дома и жить либо в Москве, либо в других городах. Помимо того, их на два года освободили от уплаты долгов и царских податей.

Взаимоотношения между новой земской властью и бывшей Семибоярщиной оставались достаточно сложными и неопределенными. Минин и Пожарский выполнили обещание. Никто из великородных бояр не был подвергнут преследованиям. Однако по требованию народа власти арестовали пре-

дателя Федьку Андронова, думного дворянина Ивана Безобразова и нескольких дьяков.

Кузьма Минин взял на учет все имущество, найденное в Кремле, и принялся за розыск исчезнувшей царской казны. Лишь теперь он стал догадываться, почему полковники оставались в Кремле в течение суток после сдачи бояр и почему они задержали при себе Андронова и нескольких других доверенных лиц. Избавившись от лишних свидетелей, Струсь и его приспешники отыскали укромное место и оборудовали тайник, куда и спрятали остатки царской сокровищницы и прочее награбленное добро. Пожарский и Минин велели пытать дьяков, чтобы выяснить местонахождение сокровищ. Трое изменников умерли во время дознания. Федор Андронов имел влиятельных покровителей, и ему удалось бежать из-под стражи. Власти подняли на ноги всю Москву, чтобы отыскать королевского приспешника. Андронову не удалось скрыться от возмездия. Вторично попав на пытку, он указал тайники в Кремле, оборудованные им по приказу его хозяев. Из тайников извлекли старые царские короны, которыми во время раздела казны завладели отряды Струся и Будилы. Почти все найденные деньги Минин тотчас раздал в счет жалованья земским дворянам и казакам.

Вожди земского ополчения не мыслили себе государства Русского без прирожденных бояр. Они стали делить власть с Боярской думой, из которой были изгнаны, к общему удовольствию, окольничие князья Звенигородские, князь Федор Мещерский, Тимофей Грязной, братья Ржевские, постельничий Безобразов и другие лица, пущенные туда «литвой». Боярина Ромодановского понизили из бояр в окольничие. Чинов лишились Иван Салтыков и Никита Вельяминов.

С освобождением Москвы от интервентов земские люди получили возможность приступить к избранию главы государства. В ноябре 1612 года дворянин Философов сообщил полякам, что казаки в Москве стоят за избрание на трон кого-нибудь из русских людей, *«примеривают Филаретова сына и воровского калужского»*, тогда как старшие бояре стоят за избрание чужеземца. Казаки вспомнили о «царевиче Иване

Дмитриевиче» в минуту крайней опасности. Сигизмунд III стоял у ворот Москвы, и сдавшиеся члены Семибоярщины могли в любой момент вновь переметнуться на его сторону. За спиной коломенского царевича стояло войско Заруцкого. Атаманы надеялись, что в критическую минуту давние соратники придут им на помощь. Но расчеты на возвращение Заруцкого не оправдались. В час испытаний атаман не побоялся развязать братоубийственную войну. Вместе с Мариной Мнишек и ее малолетним сыном он явился к стенам Рязани и попытался захватить город. Рязанский воевода Михаил Бутурлин выступил навстречу и обратил его в бегство.

Попытка Заруцкого добыть для «воренка» Рязань не удалась. Города давно выразили свое отрицательное отношение к кандидатуре «Ивана Дмитриевича». Агитация в его пользу стала стихать в Москве сама собой.

Без Боярской думы выборы царя не могли иметь законной силы. С думой избрание грозило затянуться на многие годы. На корону претендовали многие знатные фамилии, и никто не желал уступить дорогу другому.

Первый боярин думы удельный князь Мстиславский слишком скомпрометировал себя прислужничеством интервентам. На возвращение Василия Голицына из польского плена не было никакой надежды. Таким образом, эти давние претенденты на трон не участвовали в избирательной борьбе.

Участники освободительного движения из числа дворян не прочь были бы видеть на троне кого-нибудь из хорошо известных им земских воевод. Среди кандидатов фигурировали князь Дмитрий Трубецкой и князь Дмитрий Черкасский. Старшие бояре морщили носы, когда называли имена этих кандидатов.

Вожди земского ополчения настаивали на осуществлении приговора, принятого Советом земли в Ярославле. Избрание главы государства, считали они, должно быть делом всей земли. С начала ноября Минин, Пожарский и Трубецкой разослали десятки грамот по городам с извещением о созыве избирательного Земского собора в Москве. Местной администрации и населению предлагалось выбирать по десять человек *«лучших и разумных и постоятельных людей»* и снабдить их *«полным и*

крепким достаточным приказом», чтобы говорить им о царском избрании *«вольно и бесстрашно»*. Раздор с Семибоярщиной побуждал Совет земли искать поддержку в самых разных слоях населения. Не только дворяне и духовенство, но и посадские люди, крестьяне дворцовых и черносошных волостей должны были прислать своих представителей в столицу.

Земские власти понимали, что в условиях продолжавшейся интервенции важно провести выборы возможно скорее. Первое заседание собора они назначили на 6 декабря 1612 года. Но к тому времени в Москву прибыли лишь немногие выборные. Им мешали не только плохие дороги и дальность расстояния. Распоряжения Минина и Пожарского наталкивались на глухое сопротивление местных властей. В городах воеводы не могли взять в толк, зачем понадобилось приглашать для царского избрания «чернь» — тяглых людей.

На *«великом соборном совете»* в декабре 1612 года чины решили вызвать в столицу всех бояр и дворян московских, которые *«живут в городах»*. Одновременно они постановили значительно расширить представительство от сословий. Прежде в столицу требовали по десять человек, теперь по тридцать. Двинянам велели прислать двадцать человек от горожан и черносошных крестьян, пять человек от стрельцов и пять от духовенства. Провинция, как всегда, раскачивалась с трудом. Она явно испытывала терпение столичных властей. Минин и Пожарский в конце концов прибегли к плохо скрытым угрозам, чтобы заставить провинциалов принять участие в царских выборах. *«А если вы для земского обирания выборных людей к Москве к крещенью не вышлете,* — писали они, — *и тогда нам всем будет мниться, что вам государь на Московском государстве не надобен; а где что грехом сделается худо, и то Бог взыщет с вас»*.

Чтобы люди из дальних городов могли поспеть в столицу, открытие собора отложили на месяц. Когда наступили крещенские морозы, последняя отсрочка истекла, и Земский собор приступил к обсуждению кандидатов.

Прошло несколько дней, и избирательные страсти накалились до предела. Выборщики разбились на множество групп, и всяк ратовал за своего избранника. *«Много было волнения вся-*

ким людям, — писали очевидцы, — *каждый хотел по своей мысли делать, каждый про своего говорил».* Не полагаясь на красноречие, кандидаты побогаче стали трясти мошной. Многие из вельмож, желавших царствовать, отметил летописец, подкупали людей, *«дающе и обещающе многие дары».* Даже про Пожарского говорили, будто он истратил двадцать тысяч рублей, *«докупаясь государства».* То была пустая клевета, сочиненная его недругами много лет спустя. В дни собора никто не видел в князе Дмитрии искателя короны. Да и кошель его был пуст. Но многие вельможи вынули из тайников припрятанные деньги, полагая, что выигрыш перекроет любые расходы.

Вожди ополчения опасались, как бы внешние силы вновь не попытались вмешаться в избирательную борьбу. Мир на шведской границе был непрочным, и земским людям приходилось вновь прибегнуть к дипломатическим уловкам. В январе 1613 года земское правительство отпустило из Москвы в Новгород некоего шведского агента. В свое время он был заслан в столицу Делагарди, но там попал в руки к казакам и содержался в таборах как пленник. По прибытии в Новгород агент сообщил шведским властям, что московские бояре склонны призвать на трон принца Карла Филиппа. Можно подозревать, что земские воеводы, отпуская шведа, позаботились о том, чтобы снабдить его неверной информацией об избирательной борьбе в России. Опасность шведского вмешательства сохранялась, и князь Дмитрий Пожарский лишь продолжил игру, затеянную в Ярославле.

Одновременно со шведским агентом из Москвы в Новгород приехали два русских купца, сообщившие более точные сведения о русских делах. По их словам, казаки пожелали на царство Михаила Романова, но бояре отвергли его кандидатуру на соборе, только что созванном в Москве; да и сам Романов не согласился принять сделанное ему предложение; после всего этого бояре решили, что будут искать себе государя за рубежом.

Как видно, Мстиславский с товарищами не прочь был повторить трюк, к которому они прибегли после низложения Василия Шуйского. Тогда они навязали Земскому собору реше-

ние не выбирать на трон никого из российских подданных и тем самым подорвали усилия Романовых и Голицыных, домогавшихся короны. Природные бояре не желали смириться со своим поражением и пытались использовать избирательную борьбу, чтобы вернуть себе власть. Но едва они обнаружили свои намерения, как в Москве поднялась буря возмущения. Еще в ноябре 1612 года Минин, Пожарский и Трубецкой обратились ко всяких чинов людям в города с запросом, пускать ли в думу и на собор князя Федора Мстиславского с товарищами. Прошло немногим более месяца, и ситуация прояснилась. Опираясь на волю соборных представителей, Минин, Пожарский и Трубецкой приняли беспрецедентное решение. В разгар избирательной кампании они обязали Мстиславского с товарищами немедленно покинуть столицу. Все земство поддержало акцию против бывших членов Семибоярщины. *«О том вся земля волновалася на них,* — записал московский летописец, — *чтобы им в думе не быть с Трубецким да с Пожарским».*

Не желая окончательно рвать с думой, руководители собора повсюду объявили, что бояре разъехались на богомолье. Но очевидцы утверждали, что бояре принуждены были на некоторое время скрыться с глаз по той причине, что простой народ относился к ним враждебно из-за их сотрудничества с интервентами.

В отсутствие бояр Земский собор вынес постановление не принимать на трон ни польского, ни шведского королевичей, ни служилых татарских царевичей, ни других «иноземцев». То был первый шаг к принятию согласованного решения.

После освобождения Москвы князь Дмитрий Пожарский остался на Арбате. Он лишь перебрался из тесной избы в Воздвиженский монастырь. Зато Трубецкой торжественно переехал на подворье Бориса Годунова в Кремль. Он явно претендовал на пост правителя государства. Едва Мстиславский с товарищами покинул столицу, Трубецкой тотчас продемонстрировал земщине, кто является подлинной властью в столице. Совет земли и духовенства объявили о передаче ему в наследственное владение важской земли.

Смута невероятно запутала поземельные отношения. Члены Семибоярщины беззастенчиво использовали власть для личного обогащения. Если бы боярам удалось посадить на трон своего ставленника или вернуть страну к боярскому правлению, они получили бы возможность сохранить свои приобретения, частично или полностью.

На заре освободительного движения Земский собор постановил конфисковать земли у правителей-бояр и одновременно не допустить чрезмерного обогащения бояр и воевод, возглавивших освободительное движение. Земские бояре не имели права владеть землями сверх оклада, установленного для всех бояр законными царями Иваном IV и Федором. Тушинские приобретения, превышавшие оклад, подлежали отчуждению в пользу неимущих патриотов-дворян. Этот закон, записанный в конституции 30 июня 1611 года, не был выполнен. Бывшая тушинская знать сохранила свои земельные владения. Более всех преуспел в стяжаниях князь Дмитрий Трубецкой. Как глава тушинской Боярской думы, он получил от «вора» вместе с боярским чином обширнейшие земли. К моменту освобождения Москвы он числился владельцем 12 596 четвертей земли новых дач в Рязани, на Мещере и в других местах. Но ему и этого было недостаточно. Долгое время подлинным яблоком раздора в думе было важское «наследное» княжение. Богатая Вага избежала разорения. Она притягивала алчные взоры бояр как магнит. Изменник Михаил Салтыков выхлопотал лакомый кусок у короля Сигизмунда. Земское правительство объявило о передаче земли «боярину» Заруцкому. Салтыков укрылся за рубежом, Заруцкий порвал с освободительным движением. Вага осталась без владельца, и Трубецкой потребовал ее себе. Мстиславский с товарищами всполошились. Важская земля далеко превосходила их родовые земли. Дума попыталась ограничить аппетиты Трубецкого. Тогда глава земского правительства энергично поддержал предложение удалить думских руководителей из Москвы.

Дарственная грамота на Вагу была составлена как соборный приговор. Трубецкой получил землю от духовенства, служилых «царей», бояр, стольников, дворян и детей боярских,

гостей, торговых и *«всяких чинов людей Московского государства»*. Парадный экземпляр грамоты был украшен золотыми прописями. Но подписали документ лишь немногие дворяне и духовные чины. Сказался раскол, царивший в верхах освободительного движения. Земские бояре, получившие чины не в Тушине, а в Москве, умыли руки. В грамоте отсутствовали автографы бояр князя Андрея Петровича Куракина, Василия Морозова и Владимира Долгорукова, окольничих Семена Головина и Артемия Измайлова, земских дворян и воевод князя Федора Волконского, Ивана и Василия Шереметевых, Исака Погожего, князя Ивана Одоевского и многих других лиц.

Грамоту Трубецкого подтвердили своими подписями князь Дмитрий Пожарский, Василий Бутурлин, сподвижники Ляпунова: князь Иван Андреевич Голицын, князь Юрий Сулшев, Иван Биркин; бывшие тушинские бояре Михаил Бутурлин, князь Дмитрий Черкасский, князь Федор Борятинский. Из рядовых дворян только один удостоился чести подписать грамоту — захудалый Игнатий Михнев. Он был любимым спальником у Лжедмитрия II. Питая презрение к торговым мужикам, великородный Трубецкой не пожелал участия в рукоприкладстве ни Кузьмы Минина, ни гостей, ни казачьих атаманов.

Трубецкой располагал достаточной властью в столице, и духовенство не думало ему перечить. Дарственную грамоту скрепили престарелый митрополит Кирилл, троицкий архимандрит Дионисий, рязанский архиепископ Феодорит, хитрый Арсений и десяток чиновных монахов.

Духовенство и земские воеводы вручили грамоту Трубецкому подле московских святынь в Успенском соборе. Торжественная церемония в Кремле готовила почву к избранию главы ополчения на трон. Грамота недаром начиналась со слов о том, что прежде Вагой владел царь Борис. Карьера Бориса не давала покоя Трубецкому. Он также метил в цари. Трубецкой имел видимые преимущества перед худородным Годуновым. Он происходил из рода великих князей литовских. В его жилах текла королевская кровь.

Трубецкой стал крупнейшим в государстве землевладельцем. Он не жалел сил и средств, чтобы обеспечить себе под-

держку избирательного собора. Но он не обладал ни государственной мудростью, ни характером Бориса и проиграл игру.

Некогда Ляпунов обещал конфисковать все земли у изменников-бояр и наделить землей в первую очередь разоренных мелких дворян. Трубецкой отказался от выработанного им курса. Совет земли аннулировал все приобретения и пожалования, сделанные от имени царя Владислава, но не тронул основных владений членов Семибоярщины и их пособников. *«А брярам,* — сокрушенно говорили очевидцы, — *всем отдали их вотчины и поместья старые».* Оскудевшие земские дворяне и казаки не простили своему командиру ни попустительства в отношении предателей, ни страсти к обогащению. Они не желали видеть его на троне.

Земский собор заседал в Москве третью неделю. Близился конец января. Но земские чины, по словам очевидца — шведского агента, не пришли ни к какому соглашению. Круг кандидатов сузился, но ни одна партия не могла склонить на свою сторону большинство. Кандидатура Дмитрия Трубецкого вызвала на соборе резкие возражения. Многие люди открыто заявляли, что он попросту не способен править государством. В ходе обсуждения собор отклонил также и кандидатуру Михаила Романова. Шестнадцатилетний юнец не внушал никому особых симпатий. Очевидец государева избрания Федор Боборыкин писал, что земские чины и бояре не чувствуют уважения к Михаилу. Боярин Иван Никитич Романов всегда действовал заодно с Мстиславским и энергичнее других настаивал на приглашении наемников в Кремль. Шестнадцатилетний Михаил Романов находился при дяде в Кремле в течение всей осады. Он смертельно боялся народа и не помышлял о борьбе с захватчиками. Трубецкой, Пожарский и другие руководители собора решительно отвергали кандидатуру Романова. Но среди земских воевод были не только противники, но и приверженцы Михаила. В его пользу настойчиво агитировала романовская родня — воевода князь Иван Борисович Черкасский, Борис Салтыков, князь Иван Федорович Троекуров, дворяне Михалковы.

Голоса разделились. Ни один кандидат не мог получить большинства. Тогда кто-то из членов Земского собора пред-

ложил избрать царя тем же способом, что и патриарха: наметить трех кандидатов, бросить между ними жребий и посмотреть, кого Бог пожелает дать им в государи. Большинство отвергло такое предложение. Тут же раздались голоса, требовавшие не прерывать заседаний собора вплоть до вынесения общего решения, — *«завещания полагают, да не отступят от места сего, преж даже не изберетца царь Московскому государству»*. Избирательная борьба вступила в критическую фазу.

2 февраля 1613 года романовская партия добилась первого скромного успеха. Земское правительство направило в Польшу гонца, поручив ему добиться освобождения из плена Филарета, Василия Голицына и их товарищей. Филарет Романов принадлежал к числу крупнейших деятелей Смуты. Огромное честолюбие в нем сочеталось с волей и характером. Ради заветной цели — овладения русским престолом — Филарет готов был употребить любые средства. Попытки свергнуть Годуновых привели его в монастырь. Из рук Лжедмитрия I монах поневоле получил чин митрополита, из рук Лжедмитрия II — сан тушинского патриарха. Фактически возглавляя тушинское правительство, Романов пытался руками самозванца свергнуть царя Василия. Когда это не удалось, он вступил в сговор с Сигизмундом III. Интриги Филарета ускорили падение царя Василия. Когда трон опустел, он поспешно сменил знамена и стал добиваться избрания на трон сына Михаила, из-за чего и оказался вскоре в польском плену.

Филарет Романов не был причастен к организации земского освободительного движения. Но он имел мужество выступить против решения Семибоярщины о сдаче Смоленска и тем снискал себе популярность среди патриотов. Казаки хорошо знали Филарета по тушинскому лагерю, где тот подвизался в роли патриарха. Популярность Филарета благоприятствовала успеху агитации романовской партии на соборе.

Три избирательные кампании Романовых закончились поражением. Но каждая новая неудача понемногу приближала их к заветной цели. Москва привыкла к их имени. Многолетние усилия принесли плоды с запозданием, когда многим ка-

залось, что звезда Романовых с пленением Филарета навсегда закатилась.

Прошло несколько дней после отъезда гонца в Польшу, и партия Романовых добилась новых успехов. Памятуя об избирательной кампании Годунова, приверженцы Михаила решили повторить его опыт. Они начали с наведения порядка в собственных рядах. Трубецкой и прочие земские власти бдительно следили за всем, что творилось в Кремле. Романовская партия не желала привлекать их внимания и созвала совещание на подворье Троице-Сергиева монастыря, у Богоявления на Торгу в Китай-городе. Троицкий келарь Авраамий Палицын описал сборище как очевидец. На Троицкое подворье, отметил он, явились *«многие дворяне, и дети боярские, и гости многих разных городов, и атаманы, и казаки»*. Имена главных инициаторов февральского совещания в точности не известны. Но их, видимо, следует искать среди тех, кто сподобился наибольших милостей сразу после воцарения Михаила. Таковыми были князь Иван Черкасский, князь Афанасий Лобанов, Константин Михалков, Владимир Вешняков.

Романовское совещание носило куда менее авторитетный характер, нежели давний годуновский сбор. В нем не участвовали ни бояре, ни видные земские воеводы, ни церковники. Высшие духовные иерархи не желали портить отношения с земским правительством, располагавшим реальной властью. Троицкий архимандрит Дионисий поддерживал тесную дружбу с Трубецким в течение всей московской осады. Но монастырь не желал рисковать своим будущим ради этой дружбы. Троицкие власти старались поддержать добрые отношения со всеми кандидатами. В итоге архимандрит Дионисий остался в стороне от щекотливого дела. Зато его помощник келарь Авраамий принял на монастырском дворе всех сторонников Михаила.

Представители дворян, казаков и городов, собравшись у Богоявления, постановили добиваться избрания Михаила и разработали наказ, обосновывавший его права на трон. В отличие от «хартии», писанной в пользу Годунова, наказ в пользу Михаила не блистал ни мыслями, ни литературными красотами. Его составителям недостало писательских навыков, фан-

тазии и времени. Они ограничились ссылками на то, что Михаил происходил от царского благородного племени, *«понеже он хвалам достойного великого государя Ивана Васильевича законныя супруги царицы Анастасии Романовны родного племянника Федора Никитича — сын»*.

Участники совещания решили немедленно уведомить бояр и духовенство о своем решении и наметили лиц из своей среды, которым предстояло выступить на заседании избирательного собора.

Поутру 7 февраля 1613 года собор возобновил свою работу в Кремле. Все очевидцы единодушно свидетельствовали, что почин выдвижения Романова взяли на себя выборные от казаков. Феодальные землевладельцы опасались санкций правительства и из осторожности избегали высказываться первыми. Казакам же терять было нечего. Они занимали низшую ступень в иерархии соборных чинов. Но за их спиной стояла бóльшая часть столичного гарнизона, и их мнение власть имущие должны были выслушать волей-неволей. Москвичи четко понимали, что на соборе говорили *«паче всех казаки, что быти Михаилу царем»*. Реальный факт превратился со временем в легенду о безвестном атамане со славного Дона, подавшем собору «выпись» о Михаиле. Сохранилось предание о выступлении на соборе от дворян некоего служилого человека из Галича. Он будто бы зачитал выпись *«о сродстве цареве, како благочестивый царь Федор Иоаннович, отходя сего света, вручил скипетр и венец братану своему боярину Федору Никитичу»*. Давняя выдумка Романовых насчет последней воли царя Федора играла им на руку. Но в наказе соборных чинов эта выдумка, кажется, не фигурировала. Палицын и прочие участники совещания опасались повредить делу явной ложью, которую земские власти могли тотчас же разоблачить. Участник соборного заседания Авраамий Палицын сообщил вполне достоверные сведения о выступлении на соборе выборного земского гостя Смирного-Судовщикова, представителя Калуги и северских городов. Келарь не удержался от соблазна и приукрасил свое повествование ссылкой на чудо. По его словам, в «писании» Судовщикова об избрании Михаила *«не об-*

ретеся ни в едином слове разньствия» по сравнению с писаниями, поданными от имени дворян и казаков, *«сие же бысть по смотрению единого всесильнаго Бога»*. В дословном совпадении наказов, конечно же, не было ничего сверхъестественного. На совещании у Богоявления сторонники Михаила не только выработали общий наказ, но и постарались размножить его во многих экземплярах. Представители разных чиновных групп получили возможность говорить на соборе по одной и той же шпаргалке.

Шумный демарш сторонников Романова поначалу не произвел впечатления на земских руководителей. Многие из них высказали сомнение, вновь указав на молодость Михаила и его отсутствие в столице. Правитель Трубецкой и бояре предлагали отложить решение вопроса до того времени, когда претендент вернется в Москву. Но соборным чинам и народу надоели бесконечные проволочки, и приверженцы Романова пытались сыграть на их нетерпении. Келарь Палицын и прочие участники совещания предложили Земскому собору вынести обсуждение за стены дворца и узнать, что думает народ о кандидатуре Михаила. Трубецкой растерялся и не смог помешать романовской партии. Рознь в земском руководстве довершила его поражение. Боярин Василий Петрович Морозов открыто присоединился к приверженцам Михаила. Кажется, он руководствовался не столько симпатиями к Романовым, сколько враждой к давнему сопернику Трубецкому. Примеру Морозова немедленно последовали рязанский архиепископ Феодорит и архимандрит Новоспасского монастыря Иосиф. Романовы издавна были крупнейшими вкладчиками этого столичного монастыря.

В сопровождении келаря Авраамия и двух других духовных персон Морозов проследовал из дворца на Лобное место и обратился с речью к собравшемуся там воинству и всему народу. Свое выступление он закончил вопросом, достоин ли Михаил царства. Шум толпы воспринят был очевидцами как общее одобрение.

На земское правительство народный опрос не произвел большого впечатления. Под давлением Трубецкого и прочих

воевод собор постановил отложить решение о царском избрании на две недели, а тем временем вернуть в Москву главу думы Мстиславского с товарищами. Как сторонники, так и противники Романова одинаково льстили себя надеждой на то, что старшие бояре помогут им расстроить замыслы другой стороны. Руководители избирательного собора считали, что решение в пользу Михаила не является окончательным, и категорически отклонили предложение о немедленном вызове претендента в столицу. Неясность в отношении Романова была еще столь велика, что собор, отпуская выборных в их города, поручил им тайно проведать, поддержит ли провинция его возможное избрание.

В назначенный день, 21 февраля, избирательный собор возобновил работу. В столице собралось множество выборных представителей земли: дворян, духовных лиц, посадских людей и даже государственных крестьян. Большой Кремлевский дворец был переполнен. В дворцовых палатах с трудом разместились земские чины. Выборным поплоше — провинциальным священникам, горожанам, крестьянам — места во дворце не нашлось. По официальной версии, собравшиеся в общем порыве как бы едиными устами провозгласили царем Михаила Романова. Совершенно иначе трактовали дело осведомленные иностранцы. Шведские лазутчики доносили из Москвы, что казакам, ратовавшим за Романова, пришлось осадить Трубецкого и Пожарского на их дворах, чтобы добиться избрания угодного им кандидата. Новгородские власти также утверждали, будто казаки повлияли на выборы своим «воровством», без согласия бояр, дворян, лучших посадских людей. Польская информация как две капли воды походила на шведскую и новгородскую. Литовский канцлер Лев Сапега бросил в лицо пленному Филарету такую фразу: *«Посадили сына твоего на Московское государство одни казаки-донцы»*.

В смысле недостоверности зарубежные версии и московские официальные декларации стоили друг друга. Воссоздать подлинные обстоятельства выборов 1613 года помогают показания непосредственных участников собора — стольника Ивана Чепчугова и двух других дворян, попавших в 1614 году

в плен к шведам. Пленников допрашивали каждого в отдельности, и их рассказы совпадали между собой во всех деталях. Недавние выборщики начали рассказ с того момента, когда собор решил вызвать в Москву всех знатнейших бояр и думцев, прежде уехавших оттуда. Когда бояре вернулись, чины тотчас принялись обсуждать, как им лучше бы приступить к делу: *«...выбрать ли государя из своего народа или из иностранных государей»*. Расчеты Трубецкого оправдались. Мстиславский с товарищами, как и прежде, слышать не хотели о передаче короны незнатному в их глазах Мишке Романову. Речи насчет родства претендента с одной из многих жен Грозного вызвали у них одно раздражение. Возвращение руководства думы вернуло собор к давно пройденному этапу. Бояре вновь заговорили о приглашении иноземного принца. Терпению народа пришел конец. Едва весть о боярских речах разнеслась по Москве, казаки и чернь с большим шумом ворвались в Кремль и напустились на бояр с бранью. *«Вы не выбираете в государи из русских господ,* — кричали в народе, — *потому что хотите сами править и одни пользоваться доходами страны, и как случалось раньше, снова отдадите государство под власть чужеземца!»* Особенно настойчивыми были казаки. *«Мы выдержали осаду Москвы и освободили ее,* — заявляли они, — *а теперь должны терпеть нужду и совершенно погибать, мы хотим немедленно присягнуть царю, чтобы знать, кому мы служим и кто должен вознаграждать нас за службу»*.

Верхи собора объединились, чтобы как-то противостоять напору снизу. Трубецкой и Мстиславский говорили против Михаила в один голос. Боярина Ивана Романова задело предпочтение, оказанное его племяннику, и он усердно поддакивал Мстиславскому. Бояре поручили ему переговоры с народом. Иван Романов высказал толпе «некоторые затруднения», указал на молодость претендента и просил, ввиду его отсутствия, *«отложить решение вопроса до его прибытия, чтобы можно было еще лучше подумать над этим»*.

Речи Ивана Романова не произвели никакого впечатления на народ. Толпа не желала расходиться, шумела и требовала, чтобы бояре и соборные чины в тот же час присягнули Михаилу Романову.

Пережив трагедию Смутного времени, народ все чаще вспоминал о старых законных царях. Все темное и жестокое, что было при Грозном, оказалось забытым. Вспоминались блеск и могущество царской власти, выдающиеся военные победы, казанское взятие. Многие наивно верили, что величие государства не возродит никто, кроме родни — пускай самой дальней — угасшей династии. Сторонники Михаила Романова построили на этом заблуждении всю свою избирательную кампанию. Призрачная популярность угасшей династии вынесла наверх ничем не примечательного человека, спутав все расчеты и прогнозы земского руководства. Монархические иллюзии в который раз сыграли дурную шутку с русским человеком.

Выступление казаков и вооруженного народа подтолкнуло выборы, положив конец расколу собора и распрям, которым не видно было конца. Благодаря вмешательству низов сторонники Романова окончательно забрали инициативу в свои руки и добились того, что члены Земского собора проголосовали за избрание на трон Михаила. Приказные наспех составили крестоцеловальную запись. Члены думы и собора тут же утвердили ее и приняли обязательство верно служить Михаилу, его царице, которой не было и в помине, и возможным детям. Они поклялись, что никогда не передадут трон ни литовским, ни шведским королям либо королевичам, ни боярам «из русских родов», ни Маринке и ее сыну.

Государство Русское переживало неслыханно трудные времена. Чтобы сладить с наседавшими отовсюду врагами и умиротворить страну, нужен был опытный вождь. Шестнадцатилетний Михаил менее всего походил на такого вождя. Но его избрание стало свершившимся фактом. Миссия была важной, и собор выделил из своей среды приличную случаю депутацию. Мстиславский добился, чтобы ее возглавил Федор Шереметев, один из членов Семибоярщины, более других скомпрометировавший себя сотрудничеством с Гонсевским.

Сохранились известия о том, что поляки заблаговременно узнали об избрании Михаила Романова и решили захватить его в плен, но крестьянин Иван Сусанин спас царя це-

ной собственной жизни. О Сусанине повествуют исключительно поздние и легендарные источники. Единственное достоверное свидетельство — жалованная грамота царя Михаила 1619 года, выданная крестьянину Богдашке Сабинину, зятю Сусанина. В грамоте сказано, что польско-литовские люди схватили Сусанина под Костромой (там располагались вотчины Романова) и стали допрашивать его, где Михаил. *«Про то* (где Михаил. — *Р. С.) ведая»* и терпя не (по) мерные пытки, Сусанин *«про нас* (Михаила. — *Р. С.) не сказал»* и *«за то польско-литовскими людьми был замучен до смерти»*.

Предположение, будто король Сигизмунд III, узнав об избрании Михаила Романова на трон, сумел опередить представителей Земского собора и королевские отряды прибыли под Кострому для пленения Романова ранее Федора Шереметева, кажется фантастичным. Сигизмунд III с армией бежал из России, где продолжалась гражданская война. При русском бездорожье новости распространялись по стране и за ее пределами чрезвычайно медленно. Вплоть до 2 марта 1613 года даже в Москве никто точно не знал, где находится претендент на трон. Федор Шереметев получил наказ ехать за Михаилом не в Кострому, а в Ярославль или же *«туда, где он, государь, будет»*.

По всей вероятности, Иван Сусанин, староста принадлежавшего Романовым села Домнина, спас не царя, а боярина Михаила Романова от одной из шаек, бродивших тогда по всей России.

В марте 1613 года Федор Шереметев выехал в Ярославль, но в пути узнал, что Марфа Романова с сыном и двумя племянниками — Борисом и Михаилом Салтыковыми находится на богомолье в Ипатьевском монастыре под Костромой.

14 марта 1613 года представители Земского собора виделись с Михаилом в монастыре и нарекли его на государство. Сопровождавшие бояр архиепископ Феодорит, Авраамий Палицын и другие духовные лица передали Романову царский посох.

Прошло полтора месяца, прежде чем нареченный царь прибыл в столицу. Не только распутица задержала его в пути. Крайнюю тревогу в Костроме вызывали казанские вести. Ут-

рата Новгорода и Смоленска подняла значение Казани как крупнейшего города после Москвы. Весной 1613 года казанцы собрали рать и послали ее по приказу земских властей в столицу. Весть о царском избрании застигла казанских воевод в Арзамасе. Посланцы Земского собора хотели, чтобы ратники немедленно принесли присягу Михаилу, но предводитель казанцев дьяк Шульгин воспротивился присяге. Дьяк управлял Казанью с того времени, как народ по его указке убил Богдана Бельского, а Морозов ушел под Москву. Шульгин заявил: *«Без казанского совета креста целовати не хочу»*. С ближайшими «советчиками» дьяк решил спешно вернуться в Казань. Выступление Казанского государства грозило поколебать позиции Романова. Поэтому власти постарались перехватить Шульгина в пути. Они снарядили погоню и арестовали дьяка в Свияжске. Позже его уморили в сибирской ссылке.

Пока царский поезд медленно продвигался к Москве, в окружении Марфы Романовой сформировался новый правительственный круг. Ранее других в него вошли Борис и Михаил Михайловичи Салтыковы, родня матери Михаила Романова. По семейной близости они жили все вместе в Ипатьевском монастыре. Будучи озабочены вопросом о средствах к содержанию царской семьи и двора в разоренной Москве, родня Михаила образовала в царской ставке Приказ Большого дворца и поручила Борису Салтыкову управлять им. Михаил Салтыков стал кравчим. Близкий к Романовым Константин Михалков получил чин постельничего. Новые сановники проявили редкое нетерпение. По их наущению Михаил через три дня после наречения в Костроме потребовал, чтобы Трубецкой и бояре немедленно выслали ему «государеву печать». Бывшие члены Семибоярщины воспрянули духом. Боярин Федор Шереметев не отходил от «самодержца» ни на шаг. Сразу вслед за Шереметевым в царскую ставку поспешил его шурин князь Иван Черкасский, двоюродный брат Михаила. Шереметев, Черкасский и Салтыковы постарались возможно скорее подорвать влияние земского правителя Трубецкого. Не к нему, а к Мстиславскому адресовали они царские грамоты в Москву. Составляя очередную грамоту, писец Земского со-

бора по привычке писал было: *«...мы, холопи твои, Дмитрий Трубецкой да Дмитрий Пожарский»*, но тут же спохватился и вычеркнул имена земских вождей. После 10 апреля 1613 года все отписки из Москвы шли уже от имени *«холопей Федора Мстиславского с товарищами»*. Боярская дума окончательно вступила в свои права.

Старица Марфа натерпелась голода в осаде и, прежде чем вернуться в Кремль, много раз запрашивала бояр, есть ли к цареву приезду во дворце запасы и откуда надеются их получать. Из Москвы отвечали, что ныне в государевых житницах запасов много. Такой ответ не мог обнадежить семью Михаила. Приказные составили роспись запасам. Оказалось, что хлеба и продовольствия в кормовых приказах так мало, что их не хватит даже на государев приезд, а денег *«ни в котором приказе в сборе нет»*.

Как женщину практичную, Марфу беспокоил вопрос, найдет ли она приличное ее сану жилище в разоренном Кремле. На первых порах Марфа думала поселиться в деревянных хоромах вдовы Шуйского, а сыну прочила Золотую палату царицы Ирины Годуновой с сенями. Но бояре известили ее, что они приказали готовить для Михаила комнаты царя Ивана и Грановитую палату, а для Марфы — хоромы в женском Вознесенском монастыре, где жила прежде вдова Грозного Марфа Нагая. Те постройки, которые приглянулись матери Михаила, оказались разорены дотла. Палаты и хоромы в них все были без кровли. Лавок, дверей и окошек в них давно не было. Делать все пришлось бы заново, а деньги в казне отсутствовали, и плотников в столице было мало, и леса пригодного скоро было не добыть.

С того времени как Михаил начал осознавать мир, в его душу глубоко запал страх перед бунтующим народом. Два года осады внушили ему ненависть к «воровским» воеводам и казакам из земского ополчения. Знать, собравшаяся в царской ставке, старательно поддерживала его предубеждение.

Атаманы и казаки, прибывшие из Москвы в Кострому, чувствовали там себя неуютно. Когда Михаил на пути в Москву сделал остановку в Троице-Сергиевом монастыре, мно-

гие казаки уже разъехались из его ставки. В Троице государя встречала чуть не вся столичная знать, множество дворян и другие чины. Выступая перед ними, Михаил с гневом и слезами обличал казачьи грабежи. Романов говорил с чужого голоса. Его выступление инспирировали бывшие члены боярского правительства

Мстиславский с товарищами ждал первого подходящего случая, чтобы удалить из столицы возможно большее число казаков и заменить их послушными стрельцами. В марте 1613 года 2300 казаков перешли из Москвы в Калугу. Несколько казачьих сотен тогда же выступили в Псков.

Накануне прибытия царского поезда в столицу *«холопы Митька Трубецкой и Митька Пожарский»* запросили государя, в какой день и в каком месте прикажет он им и всем ратным людям ополчения встречать его и видеть его царские очи. Михаил прислал ответ не им, а всей Боярской думе. Соперничество между старшими боярами и земским правительством играло на руку новому «самодержцу». Оно мешало собору предпринять какие бы то ни было шаги к ограничению его власти.

14 апреля 1613 года собор постановил составить утвержденную грамоту об избрании Михаила. За образец дьяки взяли годуновскую грамоту. Нимало не заботясь об истине, они списывали ее целыми страницами, вкладывая в уста Михаила слова Бориса к собору, заставляя инокиню Марфу Романову повторять речи инокини Александры Годуновой. Сцену народного избрания Бориса на Новодевичьем поле они воспроизвели целиком, перенеся ее под стены Ипатьевского монастыря. Обосновывая права Романовых на трон, дьяки утверждали, будто царь Федор перед кончиной завещал корону братаничу Федору Романову. Старая ложь возведена была теперь в ранг официальной доктрины.

На изготовление грамоты ушло несколько недель. Подписание ее заняло значительно больше времени. В отличие от Годунова Михаил не позаботился о том, чтобы собрать подписи у всех членов собора поголовно. Выборные из городов выделяли из своей среды грамотея — дворянина либо посадского человека, реже стрельца, и тот подписывал разом за всех представи-

телей своего города и уезда. Советники царя не пригласили подписывать грамоту ни выборного человека от всего Московского государства Козьму Минина, ни столичных гостей и посадских старост, ни атаманов и казаков из состава ополчения.

На коронации Михаила земские бояре тщетно пытались добиться признания их старшинства. Правитель Трубецкой пробовал местничать с самим Иваном Романовым, но его быстро одернули. Царь оказал честь дяде Ивану Романову, велел ему держать перед собой шапку Мономаха. Трубецкому пришлось довольствоваться более скромной ролью. Он нес скипетр. Пожарский также участвовал в церемонии коронации. Ему поручили держать золотое яблоко. Князь Мстиславский вновь оказался героем дня. Как самый знатный из бояр, он осыпал молодого царя золотыми монетами.

При всей вялости ума Михаил Романов понимал, что ему не видать было бы короны, если бы войско Пожарского не очистило Москву от вражеских отрядов. Члены собора и народ требовали признания заслуг выборного земского воеводы. Идя навстречу общему настроению, царь в самый день коронации объявил о пожаловании стольнику Пожарскому боярства. Но прежде стольника тот же чин получил князь Иван Борисович Черкасский. Порядок пожалования был глубоко символичен. Князь Пожарский возглавлял мартовское восстание в Москве, князь Черкасский помогал интервентам подавлять его. Позже Черкасский сражался с передовыми отрядами ополчения, но был взят в плен.

Козьме Минину более чем кому бы то ни было другому обязана была Москва своим освобождением. Совет ополчения по решению «всех земли» наградил его за московское взятие большой вотчиной. Заслуги Минина перед казной не получили признания. Не он, а Траханиотов получил чин казначея и возглавил Казенный приказ.

Многим казалось, что недалекому Михаилу не удержать венца на своей голове и что его постигнет участь Федора Годунова либо Шуйского. Однако острый социальный кризис миновал, и лишь в дальних углах земли еще слышались последние отзвуки гражданской войны.

ЭПИЛОГ

Борьба за изгнание захватчиков с русских земель и освобождение Смоленска могла бы иметь успех, если бы русское командование направило на западные рубежи все свои силы. Но этого не произошло.

Минин и Пожарский старались не допустить одновременной войны с Речью Посполитой и Швецией, и их дипломатические усилия увенчались блистательным успехом. Отстранив их от руководства, правительство отказалось также и от выработанного ими курса.

Сигизмунд III не отказался от планов завоевания России. Его войска вновь и вновь пересекали русские рубежи. Они сожгли Козельск, Болхов, Перемышль и показались у стен Калуги. Чтобы не допустить врага к столице, русское командование направило на запад земских воевод Дмитрия Черкасского и Михаила Бутурлина со значительными силами. Они отогнали неприятеля от Калуги, освободили Вязьму, Дорогобуж, Белую, а затем осадили Смоленск. Под Смоленском командование сосредоточило 12-тысячное войско. Ровно половину из него составляли казаки.

В разгар боевых действий под Смоленском правительство направило против шведов под Новгород князя Дмитрия Трубецкого с более чем пятитысячной ратью.

Старшие бояре давно добивались высылки недавнего правительства из столицы. Вместе с ним ушла из Москвы последняя тысяча казаков, некогда осаждавших Кремль. Мелочные интриги взяли верх над военными расчетами. Боевые силы ополчения были разделены и посланы по разным направле-

ниям. Его испытанные вожди Минин и Пожарский не участвовали в военных действиях.

Распылив силы, русское командование не сумело освободить Смоленск. Армия Трубецкого отступила от стен Новгорода.

Утвердившись на престоле, Романовы жестоко расправились с попавшими к ним в руки самозваными царями и царевичами. Еще до освобождения Москвы земские люди захватили в Пскове Лжедмитрия III. Руководители ополчения поступили мудро. Вместо того чтобы казнить «вора», они посадили его на цепь в клетку для всеобщего обозрения. Всяк мог увидеть лжецаря и плюнуть на него. После воцарения Михаила Романова Лжедмитрий III исчез бесследно.

В дни Земского собора 1613 года казацкое войско атамана Заруцкого стояло лагерем к югу от Рязани. При Заруцком находились «царица» Мария Мнишек и ее сын «царевич» Иван Дмитриевич. Казаки надеялись, что их «царевич» займет московский трон под именем Ивана V Дмитриевича всея Русии. Избрание Романова покончило с их надеждами. Заруцкий бежал на Дон, но донские казаки отказали в поддержке младенцу-«царевичу». Тогда Марина Мнишек и Заруцкий обосновались в Астрахани и затеяли переговоры с Персией, рассчитывая найти там прибежище. Местный воевода князь Хворостинин и «лучшие люди» города много лет поддерживали Лжедмитрия II, но теперь и они заколебались. В Астрахани возник заговор. Воевода готовился напасть на Заруцкого и захватить его вместе с его наложницей Мариной. Атаман упредил заговорщиков и казнил Хворостинина, а с ним многих астраханцев. Но вскоре ему пришлось покинуть крепость и бежать за Волгу. Там сопровождавшие Заруцкого казаки взбунтовались и выдали властям атамана с «царицей».

Романовы не пощадили своих врагов. Казацкого боярина Заруцкого посадили на кол. Младенца-«воренка» Ивана Дмитриевича повесили. Коронованная «русская царица» Марина провела остаток дней в каменной башне Тульского кремля. Там она умерла от тоски и горя.

Земский собор положил конец состоянию гражданской войны. Но недруги продолжали опустошать обессилевшую

страну, крымские татары разграбили дотла южные уезды. Отряды пана Лисовского совершили рейд от Калуги до Ржева мимо Ярославля, Суздаля, Мурома, на Рязань и Тулу, а оттуда за рубеж. В те же самые дни шведский король Густав II Адольф собрал войска и вместе с русскими дворянами из «Новгородского государства», образованного под эгидой шведской короны, осадил Псков. Три месяца псковичи отбивали приступы шведской армии, после чего король вынужден был отступить.

Население Новгорода не желало мириться со шведским владычеством и уходило в московские пределы. Доходы шведской казны упали: с обнищавших новгородцев нечего было взять. Король Густав III Адольф готовился к войне с Габсбургами в сердце Европы. Он первым принял мирные предложения Москвы. В начале 1617 года представители России и Швеции подписали вечный мир в деревне Столбово, неподалеку от границы. Россия потеряла земли в устье Невы и Наровы, служившие для нее естественным выходом в Балтийское море. Утрачены были Ижорская земля и Карелия. Но прочие захваченные земли — Новгород Великий, Старая Русса и Ладога — вернулись в состав Русского государства.

Мир со шведами был заключен вовремя. Из Смоленска в Россию вторглась армия королевича Владислава, отправившегося на восток, чтобы добыть себе шапку Мономаха. В ходе первой кампании поляки заняли Вязьму и осадили Калугу. В ходе второй кампании, в 1618 году, они окружили русские полки в Можайске, а затем обрушились на Москву. Попытка штурма русской столицы не удалась, и королевич отступил к Троице-Сергиеву монастырю. Война разоряла народы России и Речи Посполитой. В Польше все громче звучали голоса в пользу немедленного заключения мира. Польский сейм отказался предоставить Владиславу деньги на продолжение боевых действий.

1 декабря 1618 года договор о четырнадцатилетнем перемирии положил конец длительной и кровопролитной войне между Россией и Речью Посполитой. Сигизмунд III получил земли, некогда обещанные ему самозванцем. Территория Рус-

ского государства подверглась расчленению. К Речи Посполитой отошли Смоленская земля и Северская Украина. Королю достались не только захваченные его солдатами земли, но и крепости, отразившие все их атаки. Россия лишилась Смоленска, служившего ключом ко всей ее системе обороны с запада, и примерно тридцати других городов.

Страна покрылась бесчисленными руинами и пожарищами на пространстве от Ледовитого океана до южных степей. Обезлюдели ее города и деревни, превратившиеся в пустырь. Но худшее было позади. Первая в истории России гражданская война закончилась.

Прошло полвека, прежде чем Русь оправилась от катастрофы, пережитой ею в Смутное время.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение 5

Часть I
ХОЛОП НА ТРОНЕ

Глава 1. Конец законной династии 8
Глава 2. Розыск о самозванце 17
Глава 3. Жизнь Юрия Отрепьева 26
Глава 4. Похождения в Литве 34
Глава 5. Рождение интриги 39
Глава 6. Правление Годунова 47
Глава 7. Вероотступник 64
Глава 8. Вторжение 80
Глава 9. Мятеж в степных городах 100
Глава 10. В путивльском лагере 107
Глава 11. Конец царствования Бориса 117
Глава 12. Мятеж под Кромами 122
Глава 13. Переворот в столице 139
Глава 14. Бояре и самозванец 148
Глава 15. Правление Лжедмитрия 168
Глава 16. Боярский заговор 190
Глава 17. Гибель самозванца 200

Часть II
ПРИЗРАК САМБОРСКОГО ЗАМКА

Глава 1. Воцарение Шуйского 222
Глава 2. Возрождение самозванческой интриги 237

Глава 3. Мятеж против Шуйского 250
Глава 4. «Царевич» Петр 271

Часть III
ТУШИНСКИЙ ВОР

Глава 1. Бродячий учитель из Могилева 294
Глава 2. Воровской лагерь 316
Глава 3. Иноземное вторжение 326
Глава 4. Боярское правление 347
Глава 5. Смерть тушинского «царька» 373

Часть IV
1612 ГОД

Глава 1. «Московское разорение» 384
Глава 2. Подмосковный табор 399
Глава 3. Земская власть 420
Глава 4. Лжедмитрий III 431
Глава 5. Почин нижегородцев 444
Глава 6. Второе ополчение 456
Глава 7. Объединение земских армий 474
Глава 8. Сражение за Москву 490
Глава 9. Освобождение 501
Глава 10. Воцарение Михаила Романова 512

Эпилог 538

Исключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству АСТ.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Научно-популярное издание

Скрынников Руслан Григорьевич

СМУТНОЕ ВРЕМЯ
Крушение царства

Художественный редактор О.Н. Адаскина
Компьютерная верстка: Л.О. Огнева
Технический редактор О.В. Панкрашина

Подписано в печать 30.08.07.
Формат 84x108 $^{1}/_{32}$. Усл. печ. л. 28,56.
С.: Ист. библ. (новая). Тираж 2500 экз. Заказ № 3193.
С.: ПКДВ(84). Тираж 2500 экз. Заказ № 3195.

Общероссийский классификатор продукции ОК-005-93, том 2;
953004 — литература научная и производственная

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.60.953.Д.007027.06.07 от 20.06.07 г.

ООО «Издательство АСТ»
170002, Россия, г. Тверь, пр. Чайковского, 27/32
Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

ООО Издательство «АСТ МОСКВА»
129085, г. Москва, Звездный б-р, д. 21, стр. 1

ООО «ХРАНИТЕЛЬ»
129085, г. Москва, пр. Ольминского, д. 3а, стр. 3

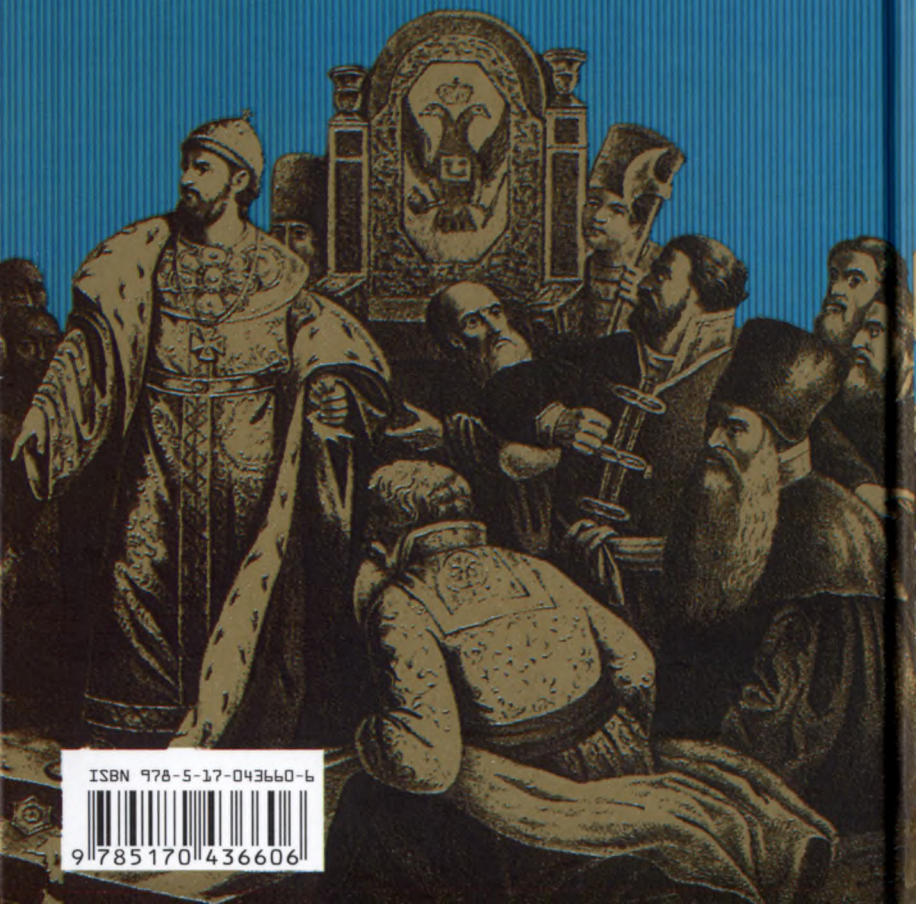
Отпечатано в ОАО «ИПП «Курск»
305007, г. Курск, ул. Энгельса, 109
E-mail: kursk-2005@yandex.ru www.petit.ru

Смутное время.

Гражданская война, постигшая Россию в начале XVII века.

Что стало ее главной причиной? Страшная эпоха правления Иоанна Грозного? «Великий голод», в котором доведенный до отчаяния народ обвинил узурпатора Бориса Годунова? Изощренная польско-литовская интрига, в результате которой на престоле оказался самозванец Лжедмитрий? Или что-то еще?

Вот лишь немногие из вопросов, на которые отвечает увлекательное историческое повествование Р. Г. Скрынникова, посвященное причинам и событиям Смутного времени.



ISBN 978-5-17-043660-6

9 785170 436606